

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 176.

1 ЯНВАРЯ 1864.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 26).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцатью шестью листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Грюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 26.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—1864—Революція и Реорганизация—П. А. Мартыновъ и Земскій даръ. Смѣсь: Гг. Бивлюфламъ—Отвѣтъ кн. П. А. Вяземскому—Перечень доносовъ—Мясовды самодержавія—Оподлѣніе православія—Хропка подлости—Сѣраковская—Загадка—Поворотная линия—Шпионы—Общій фондъ

1864.

“Пять лѣтъ мы безъ устали свѣдали живыхъ. Теперь благо мертвые ушли, и никто отъ мертвыхъ не остался, будемъ звонить къ самой обѣднѣ, звать къ сознательному дѣлу!”

КОЛОКОЛЪ 15 декабря 1863.

..... И это середь мрачной ночи, изъ которой Россія не выходила, середь общаго оподлѣнія, пзмѣны вчерашнихъ друзей, распутства мысли, безстыдства слова, при видѣ цѣлаго общества лобызавшаго руки палачамъ, цѣлой литературы духовно-свѣтскихъ доносовъ...

Да, середь этой ночи мы начинаемъ нашъ новый звонъ, внутренній голосъ говорить намъ, что *ночь переломилась*, и что теперь каждый размахъ маятника—шагъ къ выходу изъ нея.

Слишкомъ рано радовались казенные враги наши—нашему отчаянію. Ихъ слизистое сердце не могло понять ни жгучей скорби, которую мы вынесли, ни того, что мы выйдемъ изъ нея. Мы и не думали скрывать ни нашей боли, ни нашего стыда, ни нашихъ слезъ. Многое умерло возлѣ насъ; но мы возвращаемся съ кладбища упорѣе и неисправимѣе чѣмъ когда нибудь; мы не только не утратили прежнюю вѣру, а удесатерили ее всѣми лишениями, очищеніями, всѣми вынесенными горемъ, всей чудовищной силой того гнѣнія, которое грозитъ сгубить всходы—а кончить удобреніемъ почвы.

Тотъ кто не чувствуетъ этого, кому не ясно, что наше *общее дѣло* продолжается подъ землей, продолжается въ воздухѣ, продолжается середь оргіи крови и раболовнѣ, для того слова наши, какъ для полицейскаго содержателя публичнаго листа въ Москвѣ, будутъ “бредомъ помѣшанныхъ”.

Но есть другіе люди, ихъ голосъ доходитъ до насъ, они поймутъ наши упованья. Наши слова ободрятъ ихъ, такъ какъ ихъ слова ободряли насъ.

— Да много ли ихъ?

Годъ VII.

— *Путь не много*, по крайней мѣрѣ сколько мы знаемъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ слабые, шаткіе, мелкіе, робкіе ушли, одни отъ испуга, другіе по глупости; оставшіеся тѣмъ меньше замѣтны, что они должны молчать подъ тройнымъ надзоромъ—явнымъ, тайнымъ и литературной полиціи.

Много вѣры, много преданности, много *истины* надобно, а число головъ придетъ. Это не рекрутство и не подушный сборъ. Въ пещерахъ слабые числомъ христіане росли въ силу, въ подземныхъ ходахъ спланивались они въ тѣ несокрушимыя общины *святыхъ безумцевъ*, съ которыми не могло совладать ни дикое варварство одного міра, ни маститая цивилизация другаго. И это не смотря на то, что они шли на прямое испроверженіе всякаго государственнаго строя, и искали не исполненія судебъ, приготовленныхъ цѣлымъ развитіемъ, а замѣну ихъ судьбами новыми, небывалыми и вообще неосуществимыми.

Русская задача вовсе не такъ колоссальна, она гораздо проще, соизмѣримъ, это задача не другаго міра, а *мира сего*, и потому въ ней вѣра не противурѣчитъ логикѣ, совсѣмъ напротивъ. Никто не хочетъ у насъ ломать ничего народнаго, основнаго, никто ничего создавать по отвлеченному идеалу, все это старая консервативная болтовня. Хотятъ устранить препятствія, снять ненужныя преграды, хотятъ развязать руки, развязать мысль, отрицаютъ *собственно отрицательное*, мѣшающее, искажающее, гнетущее, полумертвое. Хотятъ дать волю народному складу и мысли, искусившейся опытомъ другихъ. Все это вовсе не утопія; элементы, основанія у насъ даны: Народный русскій бытъ и наука Запада, въ ихъ сочетаніи наша сила, наша будущность, наше преимущество. Безъ предрасположеннаго народнаго быта—общественная наука терлется въ социальномъ бредѣ, безъ всеобобщающей науки—народный русскій бытъ возводится въ бредъ славянофильства*.

* А славянофильство можетъ идти объ рѣзку съ немецкимъ императорствомъ, именно потому, что для него не дорога воля, что для него есть сокровища дороже ея, на пр. въ ужасъ приводящее своимъ силен Московское государство.

Народный бытъ и наука—Земля и Воля. Что может быть проще и яснѣе? Но до этой простоты и ясности мы доходимъ вѣковыми страданіями нашего народа и вѣковыми усилиями западной исторіи. Передъ нами свѣтло и дорога пряма. Европейскіе народы искали въ темнотѣ своего пути, сбивались съ него, обливали его кровью и постоянно встрѣчали врага, останавливавшего всякое стремленіе и лишавшего плодородія всякій посѣвъ. Передъ нами тоже *сильный врагъ*, но *умнаго* врага нѣтъ; противъ насъ борется не великое преданіе, не относительная правда, не вѣкамъ освещенныя предразсудки, а наисады безъ корней, стѣны подъ гравитъ, имперія “фасады”, имперія съ иголкой, иностранная и до того бессмысленная, что ей нуженъ Катковъ, чтобы объяснить ей самой что ей надобно отстаивать и что беречь. Противъ насъ *овдовѣвшее* дворянство, крѣпостники, не умѣвшіе ни отстоять рабовладѣніе, ни поступиться имъ. Ненавидимое народомъ, неуважаемое правительствомъ, оно чувствуетъ свое безспіе, заискиваетъ милости, подличая передъ палачами и оплакивая плачемъ Рогнеды въ “Московскихъ Вѣдомостяхъ” утрату “материка” рабства и грабежа... Намъ ли упивать съ такими врагами?

Не такъ поставлены задачи будущаго у другихъ народовъ. На дняхъ два ветерана, два уважаемыхъ всей Англіей бойца, слегка, издали, коснулись одного вопроса въ Рочделѣ, едва намекнули гдѣ зло—какъ насторожившій уши Церберъ капитала и монополіи, поднялъ сторожевой лай, и все испугалось, оцѣпенѣло, отрѣклось... Правда Кобденъ ударилъ и больно ударилъ Цербера, но не въ основномъ вопросѣ.

Что же за ужасъ сказалъ старикъ Кобденъ, этотъ испытанный вождь торговой свободы, этотъ атлетъ вынесшій на своихъ плечахъ тридцать лѣтъ тому назадъ *corn law*?

И что за страшную Медузу показалъ ему, Брайту, Англіи “Теймсъ”?

Кобденъ и Брайтъ догадались наконецъ, что *воля безъ земли* нелѣпость, в то что для англійскаго пролетарія-работника нѣтъ ни воли, ни конституціи, такъ какъ ему нѣтъ голоса, ни представительства. Они замѣтили, и главное дерзнули намекнуть на мѣтнугѣ, составленіемъ не изъ аристократовъ мѣщанства, что у англійскаго работника не только нѣтъ воли, но нѣтъ и выхода, потому что законы дѣлаемые собственниками скорѣе стремятся сосредоточивать большія поземельныя собственности въ однихъ рукахъ, чѣмъ ихъ раздроблять и способствовать къ пріобрѣтенію ихъ работниками.

— Такъ вы указываете на антагонизмъ собственниковъ и работниковъ, сказалъ “Теймсъ” блѣдный отъ злобы, да вы не хотите ли *аграрныхъ* законовъ?

Оттого честные, но сбитые умы жалуются о томъ, что у правительства нѣтъ людей. Какъ же они не понимаютъ, что у него не могутъ быть люди, не должны быть, что уничтоженіе взяточничества и пр. прежде уничтоженія правительственнаго своеволя—величайшее бѣдствіе, которое можетъ постигнуть Россію.

И все отрицало съ ужасомъ отъ Кобдена и Брайта — и Кобденъ не дожидаясь вѣгущаго крика, сталъ защищаться въ томъ, что онъ невиненъ въ *agrarian outrage*...

У насъ ничего подобнаго. У насъ консервативная партія такая же нелѣпость безъ корней, какъ табель о рангахъ, какъ дворянская грамота. Сегодня сила—завтра слѣда нѣтъ. Нашъ настоящій консерватизмъ начинается тамъ, гдѣ оканчивается правительство.

Насъ не застрашаетъ Медузиной головой, какія бы змѣи у нея ни были вмѣсто кудрей. То, что *можетъ* у насъ погибнуть, того намъ не жаль... Пусть рухнетъ эта имперія, выработавшая свой типъ въ Аракчеевѣ, пусть побѣдетъ по міру дворянство, отбивавшее два вѣка кусокъ хлѣба у народа, пусть пропадетъ наконецъ это мишурное образованіе, ложное, безнравственное, умѣвшее прежде ужиться съ крѣпостнымъ правомъ, а теперь съ палачами и доносчиками... Народъ русскій не погибнетъ ни съ петербургской династіей, ни съ англійскимъ клубомъ въ Москвѣ... не нужно ему хранить школы, изъ которыхъ учителя-рабы посылаютъ адреса Бергу и Муравьеву.

На этомъ глубокомъ сознаніи нашей свободы и соответствіи нашихъ стремленій съ бытомъ народнымъ, неизбежно основана наша вѣра, наша надежда. И вотъ почему, среди скорби и негодованія, мы далеки отъ отчаянія и протягиваемъ вамъ, друзья, нашу руку на общій трудъ и зовемъ нашимъ званіемъ къ *дѣлу и борьбѣ*!

И—гь.

26/14 Декабря 1863.

РЕВОЛЮЦІЯ И РЕОРГАНИЗАЦІЯ.

(Статья третья изъ расчистки вѣкоторыхъ вопросовъ).

Различіе названій имѣетъ большую важность. Оно вводитъ въ кругъ различныхъ понятій и опредѣляетъ различныя снособы дѣйствій. Слово : *революція* — по русски обычно переводится словомъ : *переворотъ*. Реорганизацию слѣдуетъ перевести словомъ : *пересозданіе*.

Переворотъ означаетъ всякую рѣзкую переищу правительственныхъ лицъ, или формы правительства — откуда-бы ни взялась эта переища, какая-бы ни была ея цѣль, даже если бы эта переища была вовсе *безцѣльна*. (Такъ на примѣръ всѣ петербургскія дворцовыя революціи, съ убійствомъ Павла I включительно, для Россіи были безцѣльны).

Пересозданіе (реорганизациа) значитъ новая постановка отношеній между тѣми данными, тѣми элементами, которые существуютъ въ самой народной жизни.

Отъ этого переворотъ можетъ быть произведенъ изъ за отвлеченной мысли, или даже изъ за каприза одного сильнаго челоѣка; а *пересозданіе* есть обнопление живой жизни и выражаетъ ростъ самаго народа. Переворотъ можетъ быть произведенъ и сверху; пересозданіе вырастаетъ снизу—и по этому охватываетъ весь экономическій, соціальный строй народа.

Возьмемъ въ примѣръ двѣ революціи, два переворота : французскую революцію 1789 года и, въ Россіи, революцію Петра перваго.

Французская революція имѣла много данныхъ для того, чтобъ стать не революціей, а реорганизаціей; у ней была возможность замѣнить феодальный міръ народнымъ землевладѣніемъ и областнымъ самоуправленіемъ. Но вся общинная свобода была пожертвована понятію государственнаго единства и будто-бы общихъ правъ человѣка; и переворотъ сосредоточился на томъ, что королевско-церковное единовѣдствіе замѣнилось революціонно-философскимъ единовѣдствіемъ комитета общественнаго спасенія и перешло просто въ императорское единовѣдствіе. Съ уничтоженіемъ областной самобытности, сложилось измельчаніе частной поземельной собственности, неспособное создать никакого сильнаго, свободнаго земства, но самой разрозненности личныхъ интересовъ, ищущихъ опоры не въ общественномъ складѣ, а въ полицейскомъ (административномъ) покровительствѣ.

Петровская революція шла проще къ уничтоженію областной самобытности и народнаго землевладѣнія, безъ всякаго философскаго построенія общихъ правъ человѣка, а выставила впередъ государственное единство, основанное на самовластномъ единовѣдствіи императора. Петръ I не имѣлъ ясной мысли въ своемъ переворотѣ. Ему хотѣлось какой-то силы, ему хотѣлось перенести въ Россію то что онъ видѣлъ у ильцевъ—и для этого надо было уничтожить самобытность народа, взять его въ заправленіе посредствомъ канцелярій и, организовавшаго войска. Онъ это и сдѣлалъ. Но народной реорганизаціи онъ не произвелъ. Онъ произвелъ, или лучше докончилъ царями начатую революцію : превращеніе самобытныхъ областей—въ губерніи, в свободнаго землевладѣющаго народа—въ крѣпостныхъ людей, заправляемыхъ чиновничествомъ. Но императорская революція не въ силахъ была разрушить внутренней строй народа, способный къ пересозданію.

Французская революція и петровская революція равно искусственно построены на отвлеченномъ понятіи государственнаго единства. Западный міръ перешелъ въ императорскую централизацію; а русский міръ привелъ императорство къ необходимости начать реорганизацію, т. е. пересозданіе всѣхъ отношеній существующихъ элементовъ.

Императорство начало это пересозданіе—измѣненіемъ крѣпостнаго права. Начало положено, но императорство оказывается неспособнымъ къ дѣйствительному пересозданію русскаго міра. Въ императорствѣ слишкомъ сильна петровская любовь къ военно-канцелярскому распорядку, страсть къ удержанію государственнаго единства въ пользу единовѣдства. Вести далѣе дѣло, невольна начатое имъ, оно неспособно.

Мы говоримъ невольна начатое имъ, потому что нельзя же въ самомъ дѣлѣ относить измѣненіе крѣпостнаго права только къ благодушію Александра II. Начало измѣненія крѣпостнаго

права (съ искаженнымъ и уменьшеннымъ сохраненіемъ, но все-же съ сохраненіемъ народнаго землевладѣнія и выборнаго управленія)—основано исключительно на томъ, что единовѣдствіе, съ его чиновничествомъ гибло и гибнетъ само въ себѣ, въ собственной лжи и несостоятельности, и вынуждено было начать революцію противъ самого себя; но привести въ дѣло реорганизацію, пересозданіе отношеній существующихъ элементовъ—оно безсильно.

Далѣе разрѣшеніе задачи пересозданія принадлежитъ самому обществу, т. е. самому народу. Выразить и законоположить свое понятіе объ этомъ пересозданіи, народъ можетъ только посредствомъ Земскаго Собора. Безъ этого русская народная жизнь не можетъ сказаться; она можетъ составить предметъ личной догадки или вѣры—но не ясное требованіе опредѣленнаго строя.

Стало, дѣло остается все одна и таже : вызвать и созвать Земскій Соборъ (хотя бы—безсильное для реорганизаціи—правительство и дало какую-нибудь канцелярскую конституцію, дворянско-сословную, австрийско-чиновничью, казенно-либеральную).

Какимъ-же путемъ народъ дойдетъ до Земскаго Собора? Крестьянство дойдетъ своими стачками, старообрядческимъ, базарными, всяческими; образованное меньшинство соединеніемъ въ правильное общество. Большинство дворянства, поддержанное правительствомъ, конечно, будетъ всѣми силами противиться созванію Земскаго Собора, но противустоятъ этимъ двумъ элементамъ—образованному меньшинству, соединенному въ одинъ интересъ съ крестьянствомъ—у него не станетъ силы. Въ немъ нѣтъ живой жизни, и живой мысли. Съ отчужденіемъ крѣпостнаго права, улетучится его мнимое землевладѣніе; оно не будетъ въ состояніи удержать его за собою, потому что у него нѣтъ ни способности къ труду, ни капиталовъ. Оно будетъ цѣпляться за правительство и сохранять петровскую организацію чиновничества, ради сохраненія своей сословности. Польское шляхетство умѣетъ доблестно умирать за свою національную независимость; большинство нашего дворянства сочувствовало и будетъ сочувствовать стрѣльбѣ по безоружнымъ крестьянамъ и поддерживать казенщину. Правительство, въ борьбѣ съ Польшею, старается (можетъ быть на столько черезъ край, что производитъ впечатлѣніе противоположное своей цѣли) возбудить крестьянство противъ шляхетства, и мирволить старообрядчеству. Не такъ оно станетъ поступать въ вопросѣ русской реорганизаціи. Оно захочетъ остановиться на томъ измѣненіи крѣпостнаго права, какое было сочинено въ Петербургѣ, а далѣе, для удержанія своей казенщины, оно станетъ—хотя бы посредствомъ картечи, (что оно уже и дѣлало)—поддерживать дворянство противъ крестьянства и обманывать старообрядчество.

Очевидно, вопросъ внутренней русской реорганизаціи пойдетъ на борьбу между меньшинствомъ образованнаго класса, соединяющимся съ крестьянствомъ—съ одной стороны,

и правительствомъ, соединеннымъ съ большинствомъ дворянства—съ другой. Тутъ мы приходимъ къ предположенію бунта (возстанія) или—мирнаго исхода. Это совершенно зависитъ отъ обстоятельствъ и не составляетъ сущности дѣла.

Обычно, понятіе революціи смѣшиваютъ съ понятіемъ возстанія. Перевороты рѣдко обходились безъ крови. Даже пегровскій переворотъ стоилъ казнями не меньше жизней, чѣмъ кровопролитная война. Но чтобъ переворотъ непременно совершился путемъ кровавымъ—это вовсе не необходимое условіе.

Реорганизация точно также мало исключаетъ возможность возстанія, какъ и революція, и еще меньше ставитъ его необходимымъ условіемъ своего осуществленія. Дѣло не въ возстаніи, а въ реорганизациі. Тутъ все зависитъ отъ дальнѣйшаго хода обстоятельствъ. Упорство казенщины—можетъ привести къ возстанію; быстрое ослабленіе ея, уступчивость и согласіе на созваніе Земскаго Собора—могутъ дать реорганизациі мирный исходъ.

До сихъ поръ, правительство, поставивъ крестьянскій вопросъ и не распутавъ его, вездѣ уступало слишкомъ поздно—равно въ Польшѣ и въ Россіи. Въ Россіи это сильно почувствуется послѣ окончанія польской борьбы, какой-бы ни былъ ея исходъ. Даже дарованная конституція никого не удовлетворитъ и никого не успокоитъ. Дворянство, получая право голоса въ дѣлѣ управленія, вмѣстѣ съ тѣмъ должно будетъ сильно ограничить свои преимущества относительно земства, чего большинство дворянства, конечно, не желаетъ; а между тѣмъ земство все-же не вступитъ во всѣ свои права, во всѣ тѣ условія общественной жизни, которыя въ немъ существуютъ и требуютъ пересозданія имущественныхъ, судебныхъ и правительственныхъ отношеній. Склонитъ-ли обезсиленное дворянство, склонитъ-ли обезсиленное правительство голову передъ Земскимъ Соборомъ, подчиняясь необходимости, или земство вынуждено будетъ достигать своей цѣли съ боя—какъ это знать! Мы не пророчествуемъ.

Очевидно только то, что въ Россіи просто революція невозможна; что русская революція можетъ быть только реорганизацией. Будетъ-ли возстаніе—оно каждый шагъ свой отмѣтитъ пересозданіемъ имущественныхъ, судебныхъ и правительственныхъ отношеній. Мирно-ли будетъ созванъ Земскій Соборъ,—исходъ будетъ тотъ-же. Просто революція, какая-нибудь дворцовая революція, могутъ только отдалить русскую реорганизацию и запутать ясно складывающіеся вопросы.

Мы даже не удивимся, если правительство станетъ вызывать отдѣльные бунты, чтобы побѣдой надъ ними усиливать казенщину. Средство не новое; оно въ концѣ концовъ бесполезно, но все-же мѣшаетъ стройному ходу дѣла.

Сближеніе образованнаго меньшинства съ земствомъ пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ лучше это меньшинство пойметъ свою задачу. Уже теперь оно начинаетъ понимать, что дѣло не въ томъ, чтобъ поучать крестьянъ уму-

разуму, а въ томъ, чтобъ собрать свои собственные силы, вездѣ гдѣ можно, съ дѣломъ такъ воснмать самихъ себя до пониманія интересовъ земства, что сближеніе станетъ дѣломъ естественнымъ по нераздѣльности интересовъ. Личному краснорѣчію крестьянинъ не охотно вѣритъ; но живому участію крѣпко между собой соединеннаго образованнаго меньшинства, крестьянство—повѣритъ и приметъ его въ общую связь своего земства. Надо, чтобъ эти двѣ силы соединились, не потому что одна сторона хочетъ учить другую, а потому что онѣ составляютъ однородное цѣлое, живущее одною жизнью и что ихъ близость не школьная, а кровная. Можетъ не одинъ годъ придется работать для этого сближенія, котораго дальнѣйшій путь зависитъ отъ обстоятельствъ, а исходъ приведетъ къ реорганизациі поземельныхъ, судебныхъ и правительственныхъ отношеній—не по казенному регламенту, а по народному рѣшенію на Земскомъ Соборѣ.

Н. Огаревъ.

П. А. МАРТЯНОВЪ И ЗЕМСКІЙ ЦАРЬ.

Мартяновъ приговоренъ на ссылку въ каторжную работу на пять лѣтъ, и потомъ на пожизненное поселеніе въ Сибирь. Этотъ варварскій приговоръ утвержденный государемъ, сенатъ и совѣтъ мотивировали такъ: *Признавъ его — по собственному сознанию — подтверждаемому и обстоятельствами дѣла, виновнымъ въ сочиненіи и распространеніи, чрезъ напечатаніе въ Колоколѣ, письма къ государю императору, заключающаго въ себѣ дерзостное порицаніе установленнаго въ Россіи порядка управленія и пр.*

Ссылка Мартянова въ каторжную работу, новое доказательство безтактичности, узкости и просто тупости петербургскаго правительства. Если кто нибудь заслужилъ отъ двѣнадцати судей, толкующихъ теперь о патриотизмѣ и демократической имперіи, много суда, то это безъ сомнѣнія Мартяновъ.

Мы знали П. А. Мартянова. Исторія его коротка, чисто русская исторія. Мартяновъ родился крѣпостнымъ человѣкомъ графа Гурьева. Съ молодыхъ лѣтъ онъ показалъ необыкновенную способность къ торговымъ дѣламъ, и велъ большой хлѣбной промыселъ. Графъ Гурьевъ, огорчавъ его отъ дѣла, разорилъ, т. е. взялъ съ него большую сумму денегъ, почти наканунѣ освобожденія. Мартяновъ, получивъ отпускную, попытался поправить свои дѣла, ему не удалось, и онъ, года два тому назадъ уѣхалъ въ чужіе края.

Человѣкъ испытанный всѣми горями и бѣдствіями русской жизни, одаренный необыкновеннымъ умомъ, энергическій, глубоко страстный, Мартяновъ сосредоточился весь на вопросѣ о судьбахъ русскаго народа; тутъ была его ноззія, его религія, любовь и ненависть. Строгий по жизни, безъ уступокъ себѣ и другимъ, безъ слабыхъ непоследовательностей—въ немъ элементъ негодующаго Свартака какъ то сочетался съ угрюмымъ типомъ нашего сектатора. Много читая, Мартяновъ несколько не утратилъ ни своей собствен-

ной оригинальности, и чисто русскаго народнаго склада ума. Въ одну бесѣду съ нимъ можно было глубже заглянуть въ духъ русскаго народа, чѣмъ изучая ворохи анатомико-патріотическихъ препаратовъ, приготовляемыхъ нашими славянофилами.

Въ мнѣніяхъ Мартянова была та окончательность, которую мы встрѣчаемъ въ глубоко религіозныхъ людяхъ, которой мы не разъ дивились въ Пётръ Васильевичъ Кирѣевскомъ. Тутъ нѣтъ больше колебаній, сомнѣній.

Мартяновъ несправедливо крѣпостное право и крѣпостниковъ — ненавидѣлъ, какъ Михаилъ Семеновичъ Щенкинъ, какъ Шевченко; но у него это была страсть и между тѣмъ она шла рядомъ съ восторженной благодарностью къ царю, спявшему цѣпи съ народа. Для него петербургскій императоръ, сынъ Николая, лейбъ-гвардіи офицеръ, терялся въ какой-то мнѣстически-великой фигурѣ *земскаго царя*. Словомъ освобожденія — царь искупилъ въ глазахъ Мартянова всѣ прошлые и будущіе грѣхи свои. И мы убѣждены, что Мартяновъ, идущій въ цѣпяхъ въ Сибирь, давно простилъ *несчастнаго*, утвердившаго приговоръ десятка Гурьевыхъ, обрадовавшихся случаю въ немъ отомстить за освобожденіе.

Вина Мартянова состояла въ его письмѣ (мы его перенечатаемъ въ слѣдующемъ листѣ, пусть забывшіе его провѣрятъ, читая наши слова) къ своему Земскому царю. Онъ писалъ къ нему съ любовью, съ довѣріемъ, онъ хотѣлъ, чтобы оно явилось въ *Колоколѣ* съ его подписью. Онъ не думалъ скрываться, потому что не вѣрилъ, что царь можетъ его наказать за отрывное слово, за любовь. Онъ предполагалъ у нихъ обоихъ *одинъ* интересъ; онъ ему говорилъ о скорбяхъ дома, какъ сынъ отцу... Бѣдный Мартяновъ!

Мартяновъ скоро усталъ на чужбинѣ, и натура цѣльная и фанатическая, пошелъ домой. Въ его возвращеніи было столько простоты, мужества, довѣрія, скажемъ не обинуясь, столько трогательнаго величія, что дѣйствительно надобно не имѣть слѣда человѣческаго сердца, чтобы его послать на каторгу. Всѣ останавливали Мартянова, онъ не послушался. Онъ не вѣрилъ, что откровенное слово, обращенное къ представителю народной правды и народной боли, можетъ быть наказано хуже воровства...

Пять тяжелыхъ лѣтъ научать его не смѣшивать *идеальнаго земскаго царя* съ тѣмъ, который живетъ въ I Адмиралтейской части.

Мы не дѣлили мнѣній Мартянова, но глубоко уважали и строгую, безбоязненную послѣдовательность, и восторженную вѣру и то *что то*, что его дѣлало *такимъ русскимъ*, близкимъ по крови, не смотря на разныя мысли. Ему мы прощали даже гордый, исключительный націонализмъ, съ которымъ онъ оставалъ въ прошедшемъ году Англію. А Земскій царь не простилъ ему его любовь, его вѣру... Рабы безсловесные нужны этимъ земскимъ монголамъ, солдаты молчащіе во фрунтъ нужны этимъ вѣмецкимъ кейзерамъ.

...Но если мы отъ всей души отпускаемъ Мартянову его фантазію преображеннаго царя, то спѣшимъ заявить, что и наша амнистія имѣетъ свои границы и что подѣ сказанное нами вовсе не подходятъ *новые проповѣдники русско-царской демократіи*, особенно ужъ потому, что они за свои фантазіи идутъ не въ каторжную работу, а вверхъ по службѣ.

Въ самый разгаръ польскаго вопроса, у насъ укоренилось въ обществѣ и журналистикѣ мнѣніе, совершенно ложное, сбивающее всѣ понятія, парализующее всякую дѣятельность, бездушное въ отношеніи къ Польшѣ в лицемѣрное въ отношеніи къ Россіи. Взглядъ этотъ, одна изъ выродившихся отраслей славянофильства, состоитъ въ томъ, чтобы принимать *цѣли за достигнутое, зародыши — за совершенныхъ людей, идеалы — за существующее, и задачи — за ихъ рѣшенія*.

Помните-ли кто — иибудь старую барыню, описанную Диккенсомъ, у которой былъ тикъ, немного смахивающій на поиѣшательство. Она ждала, что ея племянница родитъ *дочь*, которую она будетъ воспитывать, а племянница родила *сына*. Старая барыня сначала приняла это за личность, обидѣлась, разбранила мать, доктора, служанку; но потомъ сама поправила дѣло, *предполагая*, что несуществующая дѣвочка существуетъ и надѣлая ее всѣми достоинствами своей фантазіи.

То, что можетъ быть очень мило въ пятинадцатилѣтней институткѣ, мечтающей о счастьи пастушковыхъ, живущихъ цвѣточками, и бабочекъ, порхающихъ по нимъ, и очень достолюбезно — какъ говаривали во время оно — въ старой теткѣ Коперфилда, вовсе не мило и недостолюбезно въ публицистахъ, дѣлающихъ изъ этихъ фантазмагорій полицейскіе кистени противъ Польши.

Схвативши тамъ-сямъ какія-то неясныя понятія о социальномъ призваніи Россіи, объ отсутствіи въ ней крѣпкаго аристократическаго начала, наши мнѣніишніе мечтатели проповѣдуютъ, что Россія представляетъ какую-то демократическую имперію, какое-то царство *равенства* и массу, что она борется съ Польшей во имя крестьянской свободы противъ помещиковъ и пр.

Не ошибайтесь — они говорятъ не о той Россіи, которая составляетъ цѣль нашихъ стремленій, къ которой все двигается и идетъ, но до которой ничего еще не дошло; а объ Россіи настоящей, чиновничьей, казарменной, петербургской, арапчеевской, николаевской, муравьевской.

Да гдѣ-же жили всѣ эти институтки съ бородами, или давно ли же они родились, что не видали, ни крѣпостнаго состоянія, ни помещичьяго житія, ни положенія солдатъ, ни вельможничества, ни начальническаго *ты*, ни засѣченныхъ дворовыхъ, ни изнасилованныхъ женщинъ? Какъ это у нихъ память такъ коротка? состраданье, негодованье такъ коротко?

Человѣкъ ѣдетъ гдѣ-ибудь въ ковенской, минской губерніи, сердце у него сжимается, слезы готовы брызнуть при видѣ бѣдныхъ, покосившихся лачугъ — возлѣ пыльных панскихъ палатъ... И мы чувствовали это, только не ѣздили за

этимъ ни въ Ковно, ни въ Гродно, а возлѣ Москвы и Петербурга. Или они такъ прямо изъ смольнаго монастыря, да и по казенной надобности въ Ковно?

Это отирательнѣйшая демагогія, подѣ которой скрывается не только ложь, но и вызовъ на возстаніе, одобренный высшимъ начальствомъ и демократическимъ шефомъ жан darmскаго братства.

Мы вѣрнемъ и вѣрнемъ всю жизнь въ великую будущность русскаго народа, видимъ въ немъ стихіи широкаго соціального развитія (мы не говоримъ демократическаго, потому что для насъ это слово неясно), мы чувствуемъ не меньше сѣверно-ицелскихъ Бабефовъ и “дневныхъ” Граховъ, какъ вся эта скорлуна, короста, паршивость—дворянскаго чиновничества, нѣмецкаго бюрократизма, доктринаризма, экзерциргауизма и пр. остается на поверхности, не идетъ въ глубь, но чувствуемъ съ другой стороны, что за гнетъ, что за гниль, что за боль она производитъ на всемъ тѣлѣ, и что за помѣху дѣлаетъ всякому внутреннему развитію. Не преступленіе ли увѣрять тяжело больного, что онъ здоровъ? Говорить человѣку, котораго дуютъ палками, что это только поверхностно, и что въ сущности онъ вольнѣе своего сосѣда—последняя степень презрѣнія къ нему и къ истинѣ.

Между Россіей, едва отирающею правовую нить своей, Россіей “Положеній” и Россіей *золотой воли, воли вольной*, есть еще Россія гербовой бумаги, русскихъ нѣмцевъ, военныхъ и штатскихъ генераловъ, сенаторовъ приговаривающихъ за честную рѣчь къ каторгѣ и государя утверждающаго ихъ приговоры.* И она еще постоитъ за себя!

И—ръ.

С М Ъ С Ъ.

— Нашимъ библиографамъ, библиофиламъ, любителямъ сборниковъ и историческихъ документовъ и пр.—Мы обращаемъ вниманіе гг. библиофиловъ на легкое теперь собраніе всѣхъ документовъ, служащихъ къ иллюстраціи эпохи подлости, черезъ которую проходитъ русское общество. Пусть будущее поколѣніе узнаетъ имена людей, посылавшихъ адреса палачамъ; людей, подписывавшихся на сооруженіе иконы, храма во имя несчастнаго Архистратига Михаила... Пусть дѣти узнаютъ статьи отцовъ... пусть новая христоматія соберетъ въ одинъ букетъ все, что наша *отхожая* журналистика публиковала за 1863 годъ, или еще лучше, съ знаменитаго пожара въ Петербургѣ, по которому не найдено ни одного зажигателя—и столько *шпіоновъ-литераторовъ*.

Года черезъ два, три это будетъ трудно сдѣлать; а нужно ли говорить о серьезной важности закрѣпить для будущаго эти *послужные списки* работнѣи и подлости.

* Вотъ еще приговоръ: “4 декабря, въ 8½ часовъ утра, было публичное объявленіе на Мытнинской площади въ Рождественской части, бывшему отставному канцелярскому служителю изъ дворянъ Митрофану Муравскому (25 лѣтъ) высоч. утвержденнаго мѣня, государ. совѣта, которымъ определено: Муравскаго, виновнаго въ произнесеніи дерзкихъ оскорбительныхъ словъ противъ ященной особы государя императора и въ приготовленіи, къ возбужденію бунта, лишая всѣхъ правъ состоянія сослать въ каторжную работу а заводахъ на восемь лѣтъ и потомъ поселить въ Сибирь навсегда”.

Очень просимъ прислать намъ подробности дѣла г. Муравскаго.

ОТВѢТЪ КНЯЗЮ П. А. ВЯЗЕМСКОМУ

на его “Замѣтки”, помѣщенные въ сентябр. книжкѣ “Русскаго Вѣстника”.

Послѣ знаменитыхъ стиховъ:

Николай,
Слушай лай,
Моря вой,
Будто пса, подѣ скалой...

мы думали, что князь Петръ Андреевичъ почувствуетъ, что ему пора перестать писать; но ихъ сѣятельство не только не почувствовало этого, но еще ударило въ жандармстающую литературу. Вѣроятно ихъ сѣятельство думало, что статью “Братское слово” писалъ одинъ изъ издателей *Колокола* и оно случилось, припоминая Дантона и Марата, вовсе неидущихъ къ дѣлу. Пусть ихъ сѣятельство разуверится: статью “Братское слово” писали не мы. Надо радоваться, что между многими пишущими и мыслящими юношами, находятся люди, которые гнушаются разыгрывать роль, или стать подѣ знамя, русскаго Коцебу. Мы заключимъ нашъ отвѣтъ стихами, приближаясь, на сколько возможно, къ слогу ихъ сѣятельства:

О! Не великій князь (когда-то либераль)
Отъ ссыльныхъ сверстниковъ далеко ты удралъ
Въ жандармскую любовь—къ престолу, не къ народу,
Продажностью нисакъ втѣсняемую изъ моды,—
Твой неуклюжій стихъ, теперь, когда поналъ
Въ нотановской, то бишь—катковской сей журналъ
Совсѣмъ не бабочка сидящая на розѣ—
А муха старая, почившая въ навозѣ.

Н. Огаревъ.

— *Перечень доносовъ.*—Вновь поступили по вѣдомству Каткова доносы на Финляндію, Трубникова и Гельфердинга, но главный доносъ сдѣланъ *Совр. Л.* на *Голосъ* (подѣ именемъ этого журнала тайная полиція разумѣетъ Головинна). Онъ обвиняется въ “возмущеніи молодежи и подрываніи устраивающагося порядка въ университетахъ”... И такъ Головиннъ Краевскій, скоро и васъ поведутъ по Владиміркѣ... Какъ хорошо сдѣлалъ Константинъ Николаевичъ, что по добру да по здорову уѣхалъ отъ Каткова за границу.

* одному изъ многихъ.

Напрасно мыслишь ты, прекрасный либераль,
Что отъ толпы впередъ далеко ты удралъ,
Что ты опередилъ свой вѣкъ столѣтнемъ цѣлымъ
Что разумомъ своимъ всевѣдущимъ и смѣлымъ,
Порядка новаго предтеча и пророкъ,
Народамъ и царямъ преподаешь урокъ.
Не вѣренъ твой расчетъ, и ложь въ твоей посылкѣ!
Ты не впередъ ушелъ: съ глазами на затылкѣ,
Ты за-семьдесятъ лѣтъ нерескочилъ назадъ.
Стара и рѣчь твоя, и старъ твой весь нарядъ,
И съ ювизной своей ты только что заплапа
Въ кровавомъ рубищѣ Дантона и Марата.

— **МЯСОБДЫ САМОДЕРЖАВІЯ.** — Гіэны наши не устають въ Польшѣ, одно убійство за другимъ, и какой одно, газетчики начинаютъ считать жертвы гуртомъ, *par fournéе*, и нѣтъ звука въ пустомъ сердцѣ петербургскаго благодущника, который бы разбудилъ его сонную совѣсть и заставилъ бы прокричать “отбой” кровавымъ мордашамъ своимъ... Нѣтъ, въ этомъ сердцѣ ничего нѣтъ, ни во всемъ хорѣ окружающемъ его..... Да и какая можетъ быть струна пощады у нихъ? Развѣ это не родныя дѣти крѣпостниковъ, развѣ ихъ отцы, матери, они сами шадли беременныхъ женщинъ на барщинѣ, дворовыхъ на конюшнѣ, развѣ они не закалывали солдатъ въ гробъ и не засѣкали своихъ русскихъ крестьянъ, православныхъ, покорныхъ?

... И старика Падлевскаго, застрахованнаго кровью сына, выкупленнаго ею—и его они убили... передъ нимъ, за нимъ идутъ, идутъ... воины, попы, юноши, старики на кровавой помостъ, на которомъ русскіе звѣри доканчиваютъ ихъ...

За чѣмъ они русскіе?

Бѣдная, опозоренная, обманутая Россія, темная Россія, она не знаетъ что дѣлаетъ, какъ не знали львы терзающіе святыхъ мучениковъ передъ благородной римской публикой, что за кости трещали въ ихъ челюстяхъ. Знаютъ это — царь и его совѣтники, генералы и столбовые дворяне, знаютъ это гнѣзда нѣмецкой учености, университеты и редакціи полицейскихъ журналовъ.

А впрочемъ пожалуй и они не знаютъ.

Какой бы взглядъ ни былъ на польское дѣло, казни эти безсмысленны; что они Сибирь такъ ужъ населили, что мѣста нѣтъ? Польскою кровью клеветы подслуживаются, ея уровнемъ мѣряется преданность...

Темный, слѣпой левъ, помни это, и въ твоихъ жилахъ есть кровь... и ею можно мѣрять нѣжность къ престолу и тѣмъ яснѣе, что это родная кровь!

— **Оподление православія.** — Послѣ униженія иконы Архистратига Михаила, поднесенной Муравьеву-вѣшателю, послѣ оподленія храма болія — построениемъ церкви — въ память казней, вотъ образецъ краснорѣчія одного изъ православныхъ іерарховъ.

Въ имянныи Муравьева архіепископъ полоцкій и витебскій сказалъ рѣчь, начинающуюся такъ:

“Братія! Кого изъ добрыхъ россиянъ и вообще благомыслящихъ людей не утѣшили и не порадовали преславныя доблести командующаго войсками виленскаго военнаго округа, генерала отъ инфантеріи Михаила Николаевича Муравьева 2-го, которыми онъ, съ своею проникательностью, поражалъ и попраля мятежниковъ въ Литвѣ и Бѣлоруссіи, и привелъ тѣмъ заблуждающихся на путь вѣрнопопдавнической чести и долга? и пр.”

“По истинѣ, всѣ мы должны, восхищаясь этимъ, лобызать доблести и направление сего чуднаго мужа, Михаила Николаевича, и отъ всей полноты души и сердца каждый день, каждый часъ, каждую минуту, особенно же въ святой день ангела его, молить Бога, чтобы мышцею своею выправлялъ его, славою и честью вѣщая избраннаго царемъ, столь доблестнаго поборника и пр.”

— **Хроника подлости.** — Московскіе университетскіе профессора праздновали избраніе профессора Баршева въ ректоры. Реляція объѣда съ обычными фразами и пошлыми рѣчами оканчивается въ *Москов. Вѣдомостяхъ* такъ:

“Университетскій праздникъ не могъ не отозваться на современныя событія, за которыми съ живѣйшимъ участіемъ слѣдитъ весь русскій народъ, и не вспомнить о тѣхъ государственныхъ людяхъ, которые являютъ себя истинными поборниками отечественнаго дѣла или на самомъ театрѣ событій, или въ сношеніяхъ Россіи съ Европой,—въ сношеніяхъ, которыя въ послѣднее время такъ занимали общественное мнѣніе у насъ, такъ волновали и потрясали народное чувство. Ректоромъ, С. П. Баршевнымъ, былипревозглашены тосты за здоровье намѣстника Царства Польскаго, генералъ-адъютанта графа Ф. Ф. Берга, которому такъ необходимо теперь народное сочувствіе и поддержка общественнаго мнѣнія въ его столь трудномъ дѣлѣ; генералъ-губернатора литовскихъ и бѣлорусскихъ губерній, генералъ-адъютанта М. П. Муравьева, оказавшаго незабвенныя заслуги отечеству, и министра иностранныхъ дѣлъ, вице-канцлера князя А. М. Горчакова, “какъ достойнаго представителя русской чести и русскихъ интересовъ въ совѣтахъ Европы”. Немедленно въ Петербургъ, въ Вильно и въ Варшаву отправлены были телеграммы, и пр.”

За что же князь Горчаковъ то обижаемъ товариществомъ свирѣпыхъ исполнителей дикаго самовластія? Почему онъ является этимъ *третьимъ* и притомъ послѣ Муравьева. Что онъ не протестуетъ... Пойти въ исторію прістѣжникомъ къ такой коренной какъ Михаилъ Николаевичъ, не заслуживая этого, право пренепріятная вещь.

ЖЕНА СЪРАКОВСКАГО.

“Что касается до жены Сѣраковскаго, ея матери и двухъ сестеръ, то почитатели Муравьева могутъ съ удовольствіемъ думать, что съ ними теперь поступлено хуже, чѣмъ могло быть при старомъ Суворовѣ. Мы слышали даже и въ самой Европѣ о возстаніяхъ, усмиряемыхъ съ жестокостью; но кромѣ Литвы и муравьевскаго управленія—мы нигдѣ не слышали объ обращеніи преслѣдованія на жену повстанца и ея родственниковъ. А это фактъ: мать и двѣ сестры госпожи Сѣраковской сосланы въ какой-то городъ Пермской губерніи на границахъ Сибири, — (вдобавокъ надо замѣтить, что мать г-жи Сѣраковской въ параличѣ); самой г-жѣ Сѣраковской приказано отправиться туда-же, какъ скоро она оправится послѣ родовъ. Самое ужасное въ этомъ дѣлѣ, — что еѣ четыре мѣсяца послѣ казни мужа держали въ Вильно подъ арестомъ, точно выжидали чтобъ отправить ее именно въ ту минуту, когда ей придется лечь въ постель. Дѣйствительно, она начала мучиться родами на дорогѣ между Петербургомъ и Москвой и была вынесена изъ вагона на станцію близъ Новгорода, гдѣ и по сіе время находится”. — (“Times” 30 Декабря).

— **ЗАГАДКА ДЛЯ НОВАГО ГОДА.** Кто былъ старичекъ... не очень давно пріѣзжавшій изъ... кажется изъ Швабінъ въ Цюрихъ, очень скромный, такъ что и имени своего не сказалъ, очень любопытный, особенно на счетъ польскихъ дѣлъ и русскихъ путешественниковъ. Одни говорятъ, что это собственный корреспондентъ собственной его величества канцеляріи—другіе, что это столоначальникъ изъ “Московскихъ Вѣдомостей”—третьи, говорятъ не то... А мы знаемъ, кто старичекъ!

ПОВОРОТНАЯ ЛПНІЯ.

7/19 Декабря въ петербургскомъ англійскомъ клубѣ былъ семейный (!) праздникъ въ честь князя А. М. Горчакова. Изъ подробной реляціи, помѣщенной въ "Сѣвер. Пчелѣ", не видно, чтобъ дѣти этой англійской, но и съ тѣмъ вмѣстѣ петербургской семьи, пили тосты Муравьева и Берга...

Помѣтимъ и это!

Корреспондентъ "Теймса" (30 Декабря) сообщаетъ, что князь Суворовъ, Головинъ, Валувъ, Рейтернъ и Татаринъ, не подписывались на икону польскому палачу. Онъ между прочимъ говоритъ о 'Mr. Tucheft, the Muscovite Juvenel'. Это ошибка или онѣчатка, московскій Ювеналъ, этотъ Тютчевъ. Его милое Gelegenheit Gedicht, ходившее по рукамъ, заслуживаетъ небольшого мѣста въ "Колоколѣ".

Говорятъ, что кн. Суворовъ, отказался отъ поклоненія Муравьеву и назвалъ его людоедомъ. "Московскій Ювеналъ" взялъ свою цѣвницу и такъ защитилъ человека литовской бойни:

Гуманный внукъ воинственнаго дѣда,
Простите намъ, нашъ симпатичный князь
Что русскаго чести мы людоеда,
Мы русскіе, Европы не сироты!
Какъ извинить предъ вами эту смѣлость,
Какъ оправдать сочувствіе къ тому,

Кто отстоялъ и спасъ Россіи цѣлость,
Всемъ жертвуя призванью своему (!)
Кто всю отвѣтственность и трудъ и бремя
Взялъ на себя въ отчаянной борьбѣ
И бѣдное замученное племя
Воздвигнулъ къ жизни, вынесъ на себѣ.
Кто избранной для всѣхъ крамолъ мишенью, (?)
Сталъ и стоитъ сносно невредимъ
На зло врагамъ, ихъ лжи и озлобленью
На зло, увы! и пошлостямъ роднымъ.
Такъ будь и намъ позорною уликой
Письмо къ нему отъ насъ, его друзей;
Но намъ сдается, князь, вашъ дѣдъ великой
Его скрѣпилъ-бы подписью своей.

Куда дѣвался иѣкогда изящный стихъ Тютчева? Куда дѣвался талантъ?... вотъ что значитъ перейти изъ Декабристовъ—въ... *Московскіе Ювеналы*.

Ш П І О Н Ы.

Съ искренней благодарностью извѣщаемъ корреспондента нашего о томъ, что письмо его, въ которомъ онъ насъ предупреждаетъ—о *пріѣздѣ въ Лондонъ двухъ шпионовъ*—пришло. И какъ нельзя больше кстати. Оба гуса здѣсь, и пользуются сверхъ жалованья, прекраснымъ здоровьемъ.

— Въ *Общій фондъ* получено изъ Германіи 5 гульденовъ, изъ Италіи 20 фр. и 40 франковъ.

У ГГ. Н. ТРЮБНЕРА И С. ТХОРЖЕВСКАГО

Можно получить переизданные собранія КОЛОКОЛА съ 1857 до 1864.

ПОЛЯРНУЮ ЗВѢЗДУ ЗА ВСѢ ГОДЫ, съ 1855 до 1863.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки И. Д. ЯКУШКИНА, Выпускъ II и III Кн. ТРУБЕЦКАГО. ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ ВЪ ЛОНДОНѢ, СБОРНИКЪ ЕЯ ПЕРВЫХЪ ЛИСТОВЪ.

СОЧИНЕНІЯ М. Л. МИХАЙЛОВА, изданныя въ пользу автора въ Берлинѣ 1862 у Георга Стильке.

КОНЦЫ И НАЧАЛА (Рядъ статей изъ Колокола) съ предисловіемъ Искандера.

NORRKLÆRING, ERIC BJORNSTRÖM 1863. (Цѣна 2 шил.).

КОЛОКОЛЬ

въ

1864

будетъ издаваться на тѣхъ-же основаніяхъ, какъ и въ прошлые годы.

Какъ ни скудно толковать одно и тоже, но постоянно повторяющіяся обвиненія въ безкорыстныхъ русскихъ журналахъ, что Колоколъ продается слишкомъ дорого, заставляютъ насъ еще разъ сказать, что цѣна, которую платятъ въ Германіи, Франціи и пр., до насъ не касается.

Печать въ Лондонѣ дорога. Англійскіе журналы живутъ объявленіями и рассчитываютъ на огромный сбытъ. Пока мы печатаемъ въ Лондонѣ, цѣну уменьшить нельзя. Мы дѣлаемъ огромную уступку книгопродавцамъ, на какомъ основаніи они берутъ дороже объявленной цѣны, мы не знаемъ. Всякій кто хочетъ выписать экземпляръ отъ Гг. Трюбнера или Тхоржевскаго, получитъ Колоколъ и Общее Вѣче по объявленной цѣнѣ съ прибавленіемъ въсѣхъ, по англійской таксѣ, одинъ пенсъ съ листа и съ границы.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 177.

15 ЯНВАРЯ 1864.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tel orzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Письмо къ Гарибальди.—М. Муравьевъ.—Еще объ университетской реформѣ.—Царскіе подарки къ новому году. Смѣсь: 3/70 копѣйкамъ съ души.—Сентиментальный взглядъ назадъ.—И это слава?—Дружба и братство.—Потрѣтъ Муравьева.—Солетни.—Фурин.—Гг. Библиофилы.—Ощипъ фондъ.

ПИСЬМО КЪ ГАРИБАЛЬДИ.

Любезный, глубокоуважаемый другъ, maestro — все что хотите, только позвольте мнѣ не прибавлять къ в.шему имени слово генералъ, оно до такой степени мелко для васъ, что не переходитъ черезъ мое перо, и я скорѣе отказался бы отъ удовольствія писать къ вамъ, чѣмъ назвать васъ генераломъ.

Я собирался посѣтить васъ, мнѣ хотѣлось еще разъ пожать вашу руку съ глубокимъ уваженіемъ и полнымъ сочувствіемъ. Я слышалъ, что вы не забыли меня. Но обстоятельства устроились иначе, я покидаю Италію раньше чѣмъ думалъ и хочу воспользоваться поѣздкой къ вамъ общаго друга нашего, чтобъ посѣтить васъ нисъменно.

При этомъ я имѣю особую цѣль. Мрачная и свирѣлая борьба съ Польшей еще разъ обнаружила всю безчеловѣчность и жестокость петербургскаго правительства. Какъ только Зимній Дворецъ не пускаетъ себя на рѣзню и всякіе ужасы, кровавое зарево падаетъ на насъ. Эту незаслуженную круговую поруку мы готовы сносить, съ горестію, но не протестуя. По несчастію ею не ограничивается дѣло. Свирѣпости правительства, крикъ развратнаго и подлаго журнализма, рукоплесканія толпы растленной или обманутой, заставляютъ думать, что вообще *русское движеніе* было или преднамѣреннымъ обманомъ или мечтой больного воображенія. Этого мы вынести не можемъ. Мы себя чувствуемъ слишкомъ живыми для того, чтобы позволить себя молча похоронить. И я нишу къ вамъ для того, чтобъ свидѣтельствовать, что мы вовсе не умерли, что движеніе русское вовсе не подавлено, и вообще по сущности своей *неподавляемо*.

У меня страстное желаніе сказать это именно *вамъ, мужу народовъ*. Вы понимаете, вы любите массы, такъ какъ онѣ есть, безъ римской тоги, безъ наряднаго цивизма, и очень естественно, что именно потому народъ васъ призналъ своимъ патрономъ, своимъ заступникомъ*, что онъ изъ вашей *красной рубахи* сдѣлалъ свое святое облаченіе, свою *camisia santa*, и что женщина—этотъ *другой народъ*, съ своимъ ясновидѣніемъ

* До какой степени это справедливо, я былъ свидѣтелемъ въ Испаніи. Лодочники носятъ тамъ часто въ мѣдномъ медальончикѣ Богородицы другой съ изображеніемъ какого нибудь святаго или Гарибальди. Одна дама, сказала шутя, лодочнику—что это грѣшно. Лодочникъ отвѣчалъ, что онъ не дурастъ этого, что можетъ впрочемъ оно и такъ, “но что онъ навѣрное знаетъ,

сердца, сняла почти вездѣ корсажъ и замѣнила его рубашкой вождя слабыхъ, ищущихъ воли. Послѣ преображенія римской висѣлицы въ святилище, я не знаю полнѣйшаго торжества. И именно потому мужъ *красной, святой рубахи* не имѣетъ права не знать что дѣлается въ темныхъ глубинахъ народнаго моря, понимающаго съ одной стороны долины восточной Азіи и съ другой—прикасающагося Пруссіи и Австріи.

Что народъ русскій вышелъ изъ своего видимого оцѣненія, что крымская война пробудила его и что съ тѣхъ поръ обнаружилось въ немъ какое то движеніе, беспокойство въ поляхъ и городахъ, въ дворцахъ и хижинахъ, что съ тѣхъ поръ что то передѣлываютъ, къ чему то стремятся—это извѣстно всѣмъ. Но чего хочетъ Россія, куда идетъ она? Хочетъ ли она возстановить свою свободу, свою независимость, возвратиться, какъ Польша, къ славному прошедшему? — Нѣтъ. Народъ русскій никогда не былъ свободенъ и никогда не терялъ независимости, ему нечего возстановлять, ему нечего вызывать изъ угрюмой исторіи своей; что прошедшее завѣщаю ему, то возшло въ его плоть и кровь, это не воспоминанія, не учрежденія, а *стихи*, рѣзко характеризованная народность, своеобразное понятіе о *правѣ на землю*, вотъ и все—особенно если мы прибавимъ отвагу (амонадѣянности и дерзость въры въ себя среди несчастій. Остальное—заборъ, подмостки искусственной, иностранной имперіи, пережившей свое время.

Соціальная религія народа русскаго состоитъ въ признаніи неотъемлемыхъ правъ каждаго члена общины владѣть извѣстными частями земли. Стоитъ вспомнить, что пространства, составляющія собственно Россію, засѣлялись послѣдовательно колонизаціей и скорѣе поглощали, принимали въ себя слабыхъ населенія аборигеновъ, чѣмъ побуждали ихъ—стоитъ вспомнить, что поселенцы эти, осѣвши однажды на своихъ мѣстахъ, что во время бури образовъ Гарибальди охотѣе помогаетъ”. —Въ Украинѣ, въ Польшѣ, въ Сербіи, народъ ждалъ Гарибальди. Въ “Материалахъ къ исторіи освобожденія крестьянъ въ Россіи”, авторъ рассказываетъ о своемъ разговорѣ съ извозчикомъ въ Петербургѣ, который сомнѣвался въ дѣйствительности освобожденія, и говорилъ: “развѣ ужъ когда придетъ господинъ Галибардовъ”. — Популярность Гарибальди такъ велика въ Италиі, что неаполитанская чернь по всякому поводу кричитъ Viva Garibaldi. Моніеръ замѣчаетъ, что возвратись Франческуло, народъ и сго встрѣтитъ крикомъ Viva Garibaldi.

никогда не были завоеваны (татарское иго не касалось ни внутренней жизни, ни народного быта)—чтобы объяснить какимъ образомъ развилось понятіе о правѣ народа на землю. Оно пережило всѣ судьбы государства, и едва первое дыханіе жизни обпаружилось въ немъ, какъ вопросъ объ освобожденіи съ землей, естественно сталъ на чередъ. Отнять землю у русскаго крестьянина также невозможно, какъ отнять море у лацарони, потому что лацарони также неизбѣмо вѣрить, по выраженію одного нашего соотечественника, въ свое *право на море*.

Между тѣмъ поземельная собственность въ Россіи стремится раздробиться въ частное и личное владѣніе, или сосредоточиться въ рукахъ правительства. По счастью до настоящаго времени большая часть земель оставалась въ неосвоенномъ владѣніи общины, но тѣмъ не менѣе надобно всѣми силами стараться остановить это колебаніе, избѣгая съ одной стороны пропасть пролетаріата, которая рано или поздно поглотитъ весь образованный міръ собственниковъ и съ другой правительственный коммунизмъ, въ которомъ погибла бы личность человека или сдѣлалась бы приговоренной къ каторжной работѣ. Для того, чтобы найти діагональ, мы имѣемъ два указанія, самый бытъ и устройство нашей сельской общины и результаты экономической, социальной науки, такъ какъ онѣ выработались на Западѣ, не пайдя себѣ тамъ приложенія. Сельская община представляетъ у насъ ячейку, которая содержитъ въ зародышѣ государственное устройство, основанное на само-законности, на мировомъ сходѣ, съ избирательной администраціей и выборнымъ судомъ. Ячейка эта не остается обособленною, она составляетъ клѣтчатку или ткань съ сопредѣльными общинами, соединеніе ихъ — *волость* — также управляетъ своими дѣлами и на томъ же выборномъ началѣ. Волостью оканчивается народное устройство, ею оно касается императорской полиціи и всего казеннаго управленія. Далѣе волости нѣтъ свободы — по есть привилегіи; нѣтъ самозаконности, а царитъ величайшій правительственный произволъ. До освобожденія крестьянъ крестьянская община билась о помѣщичье право, волость бьется до сихъ поръ объ нелѣпую власть правительства.

Одна изъ заставъ, останавливавшихъ развитіе — пала. Освобожденіе крестьянъ, при всей недостаточности своей, признало личную свободу крепостнаго, *не отрицая* его права на землю.

Пора раскачать столбы другой.

Освобожденіе крестьянъ было послѣдней картой правительства, давши ее, оно въ самомъ дѣлѣ касается свободныхъ учреждений. Реформы, о которыхъ оно столько говоритъ, не дѣлаются, потому что онѣ для него невозможны, потому что онѣ касаются его собственныхъ привилегій, которыя для него гораздо дороже привилегій дворянства. Правительство хочетъ сохранить ихъ и дѣлать реформы. Противурѣчіе очевидно—оно его не могло побѣдить, и стоило, билось въ логическомъ кругу.

Ждать, чтобы оно износилось до послѣдней нитки, было невозможно. Оно раззоряло народъ и готовило полнѣйшую реакцію, оно возвращалось къ николаевскимъ временамъ и снова начинало преслѣдованіе каждой независимой мысли, прикрываясь своимъ умѣреннымъ либерализмомъ. Надобно было поставить предѣлы этому своеволью и затормозить колеса старой машины; но для этого надо было прежде всего

уяснить чего мы хотимъ, что можемъ и чего хотимъ въ самомъ дѣлѣ народъ. Для достиженія этого надобно было подвинуть правительство на созваніе Собора безсословнаго, всенароднаго, безъ различія вѣроисповѣданій, съ предоставленіемъ *каждому избирать каждому*.

Еслибъ правительство согласилось—тѣмъ лучше, много спаслось бы крови и несчастій. Если же нѣтъ, надобно было его заставить созвать соборъ, или созвать его по мнѣнью правительства. Такъ думали многіе.

Что же было бы потомъ? Это бы мы увидѣли тогда. Первый шагъ былъ бы сдѣланъ.

Говоря о созваніи Собора, я упомянулъ о безразличіи вѣроисповѣданій, это слѣдуетъ пояснить. Въ Россіи считается милліонъ до двадцати старообрядцевъ, поставленныхъ виѣ закона. Теперь ихъ менѣе преслѣдуютъ, на нихъ смотрятъ сквозь пальцы—этого мало, надобно чтобы они пользовались общимъ правомъ. Старообрядцы составляютъ самую энергическую здоровую часть огромнаго земледѣльческаго населенія Россіи. Закаленные вѣковыми гоненіемъ, воспитанные съ ребячества въ борьбѣ съ существующимъ порядкомъ вещей, они никогда, ничего не уступали, а приобрѣли вмѣстѣ съ строгими правами, желѣзную волю. Изъ этой среды естественно выйдутъ дѣйствительные представители народныхъ стремленій. Они никогда не признавали имперіи, которую они презираютъ какъ нѣмецкую и которой гишуются какъ нечистой. Сбитые съ толку агентами правительства, нѣкоторые изъ нихъ посылали недавно свои вѣроподданническіе адреса, они сдѣлали ложный поступокъ въ надеждѣ льготъ и обманулись; правительство ничего не сдѣлало для нихъ.

Старообрядцы принесли бы на общій совѣтъ народную идею, народный гений, преданіе, бытъ и обычай — идея современная, наука была бы представлена другой средой—той неопредѣленной, смѣшанной средой, которую во времена Людовика Филиппа называли *способностями* (*sapacités*), въ нее входятъ все — мелкое дворянство, офицеры, студенты окончившіе курсъ, дѣти духовнаго происхожденія, сословіе нигдѣ не существующее кромѣ Россіи, сословіе очень учепое, очень эманципированное и испавидящее дворянство и власть, возлѣ него дѣти разночинцевъ, небольшихъ статскихъ чиновниковъ, бѣдные, презираемые сверху, страшные для народа, они многое неспавидятъ, многому завидуютъ, имъ многое приходится искунить и печего терять.

Дворянство, какъ замкнутый классъ, потеряло всякое значеніе, ему остается одно—низшимъ слоемъ своимъ распустится въ народъ, предоставляя вершины печальной судьбѣ замиранія въ величавой праздности и въ придворной службѣ (*domesticité*). Послѣ освобожденія крестьянъ русское дворянство потеряло свою почву, свою силу, причину своего существованія, и оно это понимаетъ. Дворянство цѣлыхъ губерній (на пр. Тверское) просило государя какъ милости право сложить съ себя нелѣпыя привилегіи, которыя не принося никакой выгоды, мѣшаютъ простымъ отношеніямъ съ другими сословіями. Государь отказалъ. — Почему? — Вѣроятно онъ самъ не знаетъ причины. Имѣть дворянство—застарѣлая привычка двorca.

Желая остановить возникшее движеніе, во чтобы ни стало, правительство выдумало исторію политическихъ пожаровъ и додразнило студентовъ до манифестацій, давшихъ ему тѣнь права сбросить съ себя поддѣльный либерализмъ и прямо

перейти въ реакцію. Съ этого времени оно пачипаетъ гуртовой подкупъ журналистовъ и писателей, и постоянно распускаетъ слухъ о реформахъ находящихся въ работѣ, и которыя награждать Россію—почти французской свободой и дадутъ ей почти австрійскія учрежденія. Одни слабые люди, люди ищущіе приличнаго предлога, чтобы стать со стороны власти, сохраняя видъ либерализма, дались въ обманъ. Тайпо печатные и распространяемые листы обличали въ чемъ дѣло и какъ зарницы пророчили бурю, свидѣтельствуя объ электрическомъ напряженіи среды.

Еще разъ, позвольте сказать, въ чемъ состояло наше положеніе.

Народъ крестьянъ, мы шли на развитіе сельской общины такъ какъ она существуетъ, съ ея аграрнымъ владѣніемъ, съ ея круговой порукой и самосудомъ—мы хотѣли и хотимъ расширенія выборнаго начала на весь административный и судебный порядокъ, за предѣлами волости и провинціи, мы хотимъ облегчить ликвидацию дворянства чуждаго и вреднаго, мы хотимъ уничтоженіе правительства противународнаго и противучеловѣческаго.

Меньшинство людей независимыхъ, безъ обязательныхъ преданій, безъ паслѣдій достойныхъ уваженія, безъ всѣхъ достопочтенностей (*venerabilia*) связывающихъ старую цивилизацию—мы смѣло беремъ, безъ сожалѣнія и пощады все что западная революція намъ даетъ и принимаемъ какъ драгоцѣнное наслѣдіе—соціальную идею ея и ея мечту о правдивой свободѣ.

Мы вмѣстѣ съ крестьяниномъ говоримъ: “вѣтъ воли безъ земли” и прибавляемъ только: “что земля не крѣпка безъ воли”.

Наше знамя очень прозаическое. Души чувствительныя, умы превыспренніе находятъ его матеріальнымъ. Мы это знаемъ, да знаемъ и то, по печальному примѣру Запада, чего стоитъ свобода, которая какъ воздушный шаръ имѣетъ надъ собой прелестную лазурь, безъ всякой матеріальной точки опоры... Годъ тому назадъ я говорилъ нашимъ друзьямъ русскимъ офицерамъ въ Польшѣ: “Первые возставшіе славяне Табориты имѣли на знамени своемъ *Чашу съ виномъ*. Мы возьмемъ другую часть эвхаристіи *Диско съ хлѣбомъ*!” Это бѣдно..... но вѣдь и красная рубаша, *la camisia santa*, не римская латиклива и не порфира подбитая горностаями. Дѣло въ томъ, что народъ поэтъ, но вовсе не идеалистъ.

Середь этого процесса выработыванія и разложенія, середь броженія поднимавшагося съ самаго дна жизни народпой, подъ вліяніемъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ съ одной стороны, и начала организаціи, сосредоточенія силъ меньшинства, съ другой—середь величайшаго правительственнаго смятенія и колебанія Зимняго дворца между либерализмомъ и самовластіемъ, между реформами и консерватизмомъ—застало насъ польское возстаніе.

Для насъ оно было скорѣе несчастіемъ и только правительствомъ подкупленный журнализмъ обвиняетъ насъ въ томъ, что мы подстрѣкали поляковъ, увѣряя ихъ, что Россія готова возстать. Мы очень хорошо знали, что ничего не было готово, что были только зародыши, что офицерскія общества только что пачали слагаться*. Кровь нашу дали бы мы за то, чтобы остановить на годъ или на два польское возстаніе.

* Русское правительство расстрѣлявши Аригольда, Славинскаго и

Но что мы могли сдѣлать? Разумѣется не рекрутскій наборъ произвелъ возстаніе, наборъ былъ той каплей, послѣ которой вода течетъ черезъ край, шляпа Гесслера, оскорбленіе вызвавшее сицилійскую Вечерню. Дѣйствительно, не было человѣческой возможности вынести эту травлю на людей. Во всякомъ случаѣ опредѣлить время возстанія, его необходимость, принадлежало полякамъ. Намъ предстояло припятъ ихъ рѣшеніе и стать со стороны справедливости и свободы.

Такъ мы и поступили. И когда благородное меньшинство русскихъ офицеровъ обратилось къ намъ за совѣтомъ что имъ дѣлать въ случаѣ польскаго возстанія, мы не обинуясь сказали имъ, что лучше оставить ряды, перейти въ противный станъ, быть убитымъ чѣмъ сражаться противъ Польши, которая для насъ имѣетъ больше чѣмъ историческое право, больше чѣмъ право героизма—право на наше искупленіе. Съ своей стороны мы не предъявляли ничего, кромѣ желанія, чтобы польская революція припятъ за основу наше аграрное начало, чтобы война, пачинающаяся за независимость одного народа, признала волю областей. Съ этимъ знаменемъ Польша имѣла бы дѣло съ царемъ, а не съ народомъ русскимъ.

Въ началѣ возстанія общественное мнѣніе въ Россіи вовсе не было враждебно Польшѣ, народъ съ своей стороны былъ безучастенъ. Правительство старалось всѣми средствами возбудить народную ненависть, пускало въ ходъ клеветы и преувеличенія, посылало вереницы агентовъ министерства внутрен. дѣлъ для вызова вѣрнопопдаппическихъ адресовъ, пугало народъ европейской войной и пр. Въ этомъ почетномъ дѣлѣ правительство нашло себѣ отличнаго и не слишкомъ дорогаго помощника—явилась цѣлая литература, цѣлая журналистика, писанная продажными негодяями и заслоненная ценсурой отъ отвѣтовъ и возраженій. Они то и принялись за обработываніе мнѣнія образованныхъ сословій, въ то время какъ агенты правительства дѣйствовали на народъ.

Мы знали, а правительство знало это лучше насъ, что трудно возбудить въ русскомъ народѣ дѣятельное ожесточеніе противъ Польши, и очень хорошо избрало свою почву. На вымыслахъ въ родѣ Вареломеевой почти трудно было далеко уйти. Это годилось для солдатъ и то при дозволеніи грабежа. Для народа этого было мало. Правительство стало выдавать польское возстаніе за враждебное крестьянамъ и греческой церкви, за возстаніе исключительно шляхетское и католическое—такимъ образомъ оно становилось защитникомъ массъ и греческаго православія, придавая себѣ видъ болѣе революціонный и демократическій чѣмъ революція. Императоръ Александръ II, бывши въ Нижнемъ, молился колѣнопреклоненный у могилы Минина, доблестнаго гражданина, поднявшаго въ 1612 г. государство противъ поляковъ, просилъ Бога поддержать его противъ врага, т. е. противъ “нѣсколькихъ сотенъ повстанцевъ безъ оружія и уже давно побѣжденных”, какъ постоянно печатали объ нихъ въ русскихъ журналахъ.

пр., сославши въ каторжную работу полковника Красовскаго, Обручева двадцать другихъ, продолжаетъ отрицать самое существованіе комитетовъ и н достоверность адресовъ напечатанныхъ въ “Колоколѣ”, и это въ то время, когда членъ офицерскаго комитета, привозившій къ намъ въ Лондонъ адресъ, Потемкинъ, погибъ подъ Несчадной Скалой, сражаясь въ польскихъ рядахъ. Неужели правительство отрѣчется и отъ труна юнаго героя и отъ множества другихъ, которыхъ оно знаетъ?—(Прим. въ письмѣ).

По возвращеніи въ Лондонъ, я прочиталъ въ “русскихъ газетахъ” о 40 русскихъ офицерахъ перешедшихъ къ возстанію.

Жаль, что народное правительство въ Польшѣ не знало этихъ продѣлокъ. Тогда слѣдовало бы ему стать во весь ростъ и громко объяснить то, что оно сказала въ письмѣ къ намъ*, громко повторить, что оно не дожидалось русскаго правительства, чтобъ признать землю крестьянской и прибавить, что не смотря на его желаніе воссоединенія областей, желаніе основанное на томъ, что поляки никогда не принимали факта раздѣла, оно предоставляетъ судьбу ихъ — свободной волѣ народа (народа въ самомъ дѣлѣ, а не представленнаго русскими агентами, само собою разумѣется).

Великая интрига улетучилась бы и весь этотъ разожженный ужасомъ дикій, кровожадный патріотизмъ выдохся бы, не успѣвши отравить умъ и сердце простыхъ и честныхъ людей.

Вызывая чувство ненависти и свирѣпаго озлобленія, убивая противниковъ съ монгольскимъ безчеловѣчiemъ, отбирая имущество у помѣщиковъ западнаго края, правительство не имѣло другой цѣли, какъ усмиреніе возстанія и сохраненіе власти въ областяхъ. Но если петербургское правительство *предполагаетъ*, то иная сила *располагаетъ*.

Когда развивается сильный организмъ, все ему служить, даже болѣзни. Возбужденіе противъ Польши пройдетъ, но движеніе имъ вызванное останется. Для того чтобъ имѣть адреса, правительство допустило политическія сходки; въ городахъ и деревняхъ люди собирались, чтобъ обсуживать объ опасностяхъ отечества, о мирѣ и войнѣ. Въ Литвѣ правительство проповѣдывало противъ дворянъ и отдавало крестьянамъ конфискованную землю; нервнымъ послѣдствіемъ этого былъ отказъ кievскихъ крестьянъ работать на русскихъ помѣщиковъ. Правительство разбудило силы, которыя оно не такъ легко усыпить и сообщило движеніе массамъ, которое трудно остановить. То чего не могло сдѣлать ни потаенное книгопечатаніе, ни пропаганда изъ за моря, дѣлаетъ противъ своей воли само правительство. Похожее на японца, который въ припадкѣ бѣшенства распарываетъ свой животъ, чтобъ отомстить врагу — петербургское правительство дѣлается революціонно-террористическимъ, изъ ненависти къ Польшѣ. Гдѣ оно остановится? Кто знаетъ, но во всякомъ случаѣ оно накладываетъ на себя руки!

Людямъ независимымъ, группамъ выдѣляющимся изъ массъ и соединяющимся около одной идеи, около общаго стремленія, группамъ начинающимъ тяготѣть къ одному средоточію дѣятельности — слѣдуетъ воспользоваться движеніемъ, вызваннымъ рукою дерзкой и нечистой.

На сію минуту наша дѣятельность заторможена. Патріотическое безуміе, полицейская пропаганда, военное положеніе, нецѣпность, глупость, страхъ передъ этой доброй, мирной, благоразумной Европой, все намъ мѣшаетъ...

... О, еслибъ вы знали, съ какимъ страстнымъ нетерпѣніемъ мы ждемъ окончанія этой проклятой борьбы. Независимость Польши — наше освобожденіе! Наши головы клонятся подъ тяжестью преступленій, совершаемыхъ руками нашими, и будьте увѣрены, что мы не меньше желаемъ освободиться отъ Польши, чѣмъ Польша желаетъ освободиться отъ Россіи.

Въ тотъ день, когда Польша будетъ независима, мы бросимъ покровъ на страшныя улики, пока до великаго дня суда и осужденія, и пойдемъ твердымъ шагомъ впередъ — отрѣкаясь отъ гнуснаго прошедшаго, попирая ногами вчерашніе

* "Колоколъ", л. 146, (1862).

кумиры — твердымъ шагомъ пойдемъ осуществлять наше будущее, разрушая по дорогѣ эту имперію, составляющую бѣдствіе шестой части земнаго шара, раздирая этотъ камзолъ каторжнаго, надѣтый на плечи исполнну, пока онъ спалъ.

Пропулся ли онъ въ самомъ дѣлѣ? Если вы имѣете сдѣлать этотъ вопросъ, любезный и уважаемый другъ, или всякій другой, я охотно буду отвѣчать въ другомъ письмѣ.

Теперь примите еще и еще увѣреніе въ моемъ сочувствіи, уваженіи, удивленіи къ вамъ.

И—ръ.

21 Ноября 1863, Флоренція.

М. МУРАВСКІЙ.

Въ прошломъ листѣ *Колокола* помѣстивъ приговоръ М. Муравскаго, сосланиаго на пять лѣтъ каторжной работы и потомъ на пожизненное поселеніе, мы просили сообщить намъ подробности о его дѣлѣ. Передаемъ нашимъ читателямъ то, что получили.

Муравскій — харьковскій студентъ, притянутый къ дѣлу *заговора*, выдуманнаго Лужинимъ (о которомъ въ свое время *Колоколъ* говорилъ). Долгое слѣдствіе, тюрьма, ссылка въ Уфу, растроили и раззорили всю семью М. Муравскаго. Старикъ отецъ его бросилъ службу и почти пѣшкомъ добралъ съ такою же старой женой, да еще съ малыми дѣтьми къ ссылке сыну. Два года перебивались они кое-какъ, часто безъ ѣды, зачастую безъ дровъ, счастливые тѣмъ, что вмѣстѣ съ сыномъ; и вдругъ повальный терроръ обрушился на сего же М. Муравскаго, какъ на одного изъ харьковцевъ. Его опять повезли въ петропавловскую крѣпость, продержали цѣлые мѣсяцы безъ допроса, и наконецъ дали бумагу съ вопросными пунктами, не заключающими въ себѣ никакого обвиненія. Опять держали мѣсяцы и снова дали подобные же вопросы; Муравскій видя такую подлую игру съ цѣлой невинной семьей, видя гнусную наглость инквизиторовъ, державшихъ человека полгода — не зная въ чемъ его обвинить — написалъ въ отвѣтъ на допросные пункты только одну строчку: "на подобные, не заключающіе въ себѣ обвиненія вопросы и лишеныя всякаго отношенія ко мнѣ, отвѣчать не буду". Этого достаточно было, чтобъ обвинить его; черезъ нѣсколько недѣль ему представили уже обвинительные пункты въ непокорствѣ, въ осужденіи властей, въ вольнодумствѣ и т. п. Тогда онъ не выдержалъ долге, и видя, что онъ избранный инквизиторами жертва, что онъ "виноватъ ужъ тѣмъ, что хочется имъ кушать", потребовалъ бумаги, долго писалъ и послалъ въ комиссію свое обвиненіе правительства въ томъ, что своими дѣйствіями оно ведетъ Россію къ гибели, что оно своимъ грабительствомъ и злодѣйствами вызываетъ неизбежно революцію, что стоящій во главѣ правительства царь обманулъ народъ и т. д. Это то и припало за возбужденіе къ бунту, за произнесеніе дерзкихъ словъ противъ "священной особы е. в."

ЕЩЕ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ РЕФОРМѢ.

(Изъ письма изъ Германіи).

... Пока готовятся *улучшить* семинарію въ монастырскія тюрьмы, университеты уже обращены въ неприступныя для огромной массы крѣпости.

Два года петербургскій университетъ былъ закрытъ подл благовидимымъ предлогомъ “пересмотра устава”—пересматривали, собирали дряхлыхъ мужей изъ другихъ университетовъ, засѣдали, посылали людей за границу, посылали къ докамъ нѣмцамъ: “соблаговолите-де одобрить нашу работу”, нѣмцы имѣли безмозглость отписываться, опять собрали ученые комитеты, опять засѣдали, печатали мнѣнія и отчеты и “усовершенствовали свою часть отличѣйше”! И при этомъ сколько тысячъ рублей разброшено и разграблено... О! еслибъ эти деньги пошли на помощь бѣдной учащейся молодежи!

Что-же вышло? Сбавили 10 р. с. съ платы за слушаніе лекцій, вмѣсто 50 р.—40, но при этомъ прижимають во сто разъ хуже и заставляютъ платить немнущихъ или убираться вонъ. А студентская осенняя исторія была вызвана имѣнно требованіемъ платы со всѣхъ немогшихъ платить ее, и таковыхъ было *доля трети*. 40 вмѣсто 50!! гонители образованія очень хорошо знаютъ, что не изъ-за десяти рублей шли юноши въ казематы. Хорошъ облегчительный, преобразованный доступъ къ наукѣ! — “*Куреніе табаку — преступленіе*”, влекущее арестъ. Нѣтъ-ли тутъ деликатнаго намѣка на связь съ поджигателями? За выставленіе какого-бы то ни было объявленія—*увольненіе на годъ*. А куда денется бѣдняга выгнанный на годъ? И каково ждать его родителямъ цѣлый лишній годъ? Изъ за того только, что можетъ у бѣдняги пропасть калоша и онъ выставилъ о ней объявленіе, не дожидаясь инспектора, котораго и дома не было. *Запрещаются вспомогательныя кассы, библіотеки, спектакли, концерты*, т. е. то, чѣмъ поддерживалась жизнь цѣлыхъ сотенъ студентовъ, что только и давало имъ возможность существовать въ университетѣ. Нужно уничтожить эту возможность, а если кто и проскользнетъ по мимо, нужно устранить отъ такого всякую попытку на дѣйствительное образованіе. Профессора будутъ расписывать заказы, распроцензурованныя лекціи, книги купить не на что, и студентскія библіотеки запрещены. Инспекторъ и его помощники облечены въ карательную власть, они налагають *выговоры и аресты*, “студентъ не дозволившій себя арестовать помощнику инспектора, *исключается*”. Въ приданіи такой важности инспектору и субинспекторамъ слишкомъ грубо проглядываетъ желаніе составителей *подводить*, какъ можно болѣе студентовъ *подъ исключеніе*.

За инспекторомъ грядетъ высшая безапелляціонная власть инстанція—университетскій судъ. Судъ этотъ достаточно рекомендуетъ себя уже тѣмъ, что прежде всего спѣшитъ обязать студента “явиться по первой повѣсткѣ подл опасеніемъ ареста въ первый разъ и *исключенію* во-второй”. Здѣсь не принято во вниманіе даже бѣдизнь, а о бѣдности этимъ крѣзамъ на народныя деньги и дѣла мало заботиться: они какъ будто не понимаютъ, что иной долженъ идти на *внезапное* приглашеніе суда и терять урокъ, безъ котораго придется голодать нѣсколько дней. Что имъ до этого? Чѣмъ больше засудятъ и исключать, тѣмъ сытѣе будутъ они, тѣмъ больше

не забудутъ ихъ служенія народному образованію. Безапелляціонный судъ отданный профессорамъ справедливо является въ глазахъ студентовъ *шемякинскимъ судомъ*. Доносы московскихъ профессоровъ не забыты еще; развѣ доносчики способны на безпристрастный судъ?.. Развѣ враждебныя отношенія въ послѣднее время въ бывшемъ петербургскомъ университетѣ—могли улучшиться отъ припятія на себя профессорамъ инквизиторской обязанности исключать студентовъ, лишать ихъ *даже права образованія* (исключеніемъ съ непринятіемъ въ другой университетъ)? Развѣ судъ враждебныхъ наукъ и ея агентамъ чиновниковъ можетъ быть безпристрастнымъ, а не *шемякинскимъ*? Профессора судьи не могли идти далѣе въ своей негодности, когда рѣшились оградить себя слѣдующимъ шпіонскимъ постановленіемъ: “Если не открыты виновные въ выраженіи одобренія или неодобренія профессору во время лекцій, а также и въ случаѣ сборищъ и сходокъ студентовъ, то цѣлый курсъ закрывается и экзамены не производятся, *а также не производится выдача свидѣтельствъ слушателямъ*, пока университетское начальство не узнаетъ виновныхъ”. Опять кража времени у юношей и ихъ родителей (не производство экзаменовъ), и наконецъ гнусѣйшее, разбойничье покушеніе не только на образованіе, но и на самую жизнь юношей: не производить выдачи свидѣтельствъ, а между тѣмъ, по полицейскому приказу, домохозяинъ ни одного дня не смѣетъ держать студента *безъ свидѣтельства*, и выгоняетъ его на улицу, не смотря ни на холодъ, ни даже на болѣзнь. Это не фантазія къ сожалѣнію, а горькая дѣйствительность: такіе примѣры были предъ закрытіемъ *бывшаго* университета, когда вздумали не выдавать свидѣтельствъ безъ уплаты за лекціи, согнанные съ квартиръ бѣдняги явились въ университетъ и своимъ рассказомъ взволновали окончательно все студентство, потребовавшее на объясненіе ректора. И такую мѣрою хотятъ вызвать въ студентствѣ шпіонство! Не напрасно-ли? Можетъ юноши захотятъ скорѣе сами умереть на улицѣ, чѣмъ убивать въ себѣ челоѣческую личность доносничествомъ на товарищей. И напрасно господа профессора заботятся объ “одобреніяхъ и не одобреніяхъ” на лекціяхъ. Не найти имъ виновныхъ въ таковыхъ преступленіяхъ. Не станутъ ободрять людей рѣшающихъ составить сонмъ полицейскихъ оффиціантовъ и *шемякинскихъ* судей, и нечего заявлять неодобренія. Если у господъ профессоровъ нѣтъ достаточно совѣсти, то никакихъ свистковъ недостаточно, чтобы пробить въ нихъ понятіе, какъ низки люди, провозглашающіе себя жрецами пауки и служащіе іезуитски-рабскимъ орудіемъ гонителей. Удвоеніе жалованья,* “жена дѣти”, не могутъ ихъ оправдать, а только напротивъ: бывшіе профессора прямо отказались отъ нутятинской “прибавки”, не много-же нужно было времени ихъ оставшимся товарищамъ, чтобъ открыто продаться. Нечего и говорить о вольнослушателяхъ; въ отношеніи къ нимъ университеты еще болѣе неприступная крѣпость.

* Единственное гуманное преобразованіе въ уставѣ: своя рубашка ближе къ тѣлу.

ЦАРСКІЕ ПОДАРКИ КЪ НОВОМУ ГОДУ.

Только что мы прочли въ русскихъ газетахъ безобразный приговоръ, утвержденный государемъ, надъ лекаремъ Каликстомъ Павловскимъ (20 лѣтъ!) “виновнымъ въ покушеніи на распространеніе возмутительнаго возванія” и за это приговоренномъ на пять лѣтъ каторжной работы и на пожизненное поселеніе въ Сибири—какъ является рядъ новыхъ жертвъ, начиная съ студента петербургскаго университета Капитона Сунгурова, судимаго “за недонесеніе кому слѣдуетъ о полученіи имъ возмутительныхъ возваній, храненіи оныхъ у себя и передачу другимъ”, за что онъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости на годъ, съ высылкой потомъ изъ Петербурга.

За тѣмъ гоненіе юношей продолжается такъ :

Д. Блудовъ сообщилъ госудр. совѣту объ утвержденіи государемъ слѣдующаго сенатскаго заключенія :

“Пр. сенатъ, рассмотрѣвъ дѣло о бывшемъ студентѣ спб. университета *Фрязиновскомъ*, кончившемъ курсъ наукъ въ вологодской духовной семинаріи, *Румянцовъ* и прочихъ прикосновенныхъ къ этому дѣлу лицъ, (сужденныхъ за имѣніе у себя запрещенныхъ сочиненій) опрадалъ : на основаніи 138, 279 и 62 ст. кн. I, т. XV, бывшего студента Александра *Фрязиновскаго* (20 лѣтъ) и воспитанника семинаріи Ивана *Благовѣщенскаго* (19 лѣтъ), выдержать подъ арестомъ каждаго по три недѣли и потомъ *Фрязиновскаго* выслать въ отдаленный городъ, по назначенію министра вн. дѣлъ, подъ строгій надзоръ полиціи, не воспрещая ему тамъ поступленія на службу въ уѣздныхъ и городскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а *Благовѣщенскаго* отдать подъ надзоръ полиціи на полтора года, взыскавъ съ нихъ обоехъ издержки, на слѣдствіе употребленныя; 2) кончившаго курсъ семинаріи Александра *Румянцова*, 22 лѣтъ, выдержать подъ арестомъ полтора мѣсяца и отдать подъ надзоръ полиціи на два года; 3) учениковъ семинаріи Петра *Соколова*, 19-ти, и Акиндия *Копосова*, 18 лѣтъ, выдержать подъ арестомъ каждаго 7 дней и отдать подъ надзоръ полиціи на годъ; 4) крестьянину Стенану *Малышину* и новомарю *Копосову* сдѣлать внушеніе за недонесеніе о переданныхъ первому изъ нихъ подсудимымъ *Благовѣщенскимъ* возмутительныхъ сочиненіяхъ, и 5) прочія части рѣшенія вологодской уголовной палаты, состоящія въ томъ, чтобы : а) привлеченныхъ къ сему дѣлу воспитанниковъ семинаріи : Якова *Соколова*, Василия *Копосова*, Филарета *Сламина*, Ивана *Вознесенскаго* и Петра *Мысова*, отъ всякой отвѣтственности освободить, равно какъ ученика гимназіи *Невѣйскаго*; б) возмутительныя сочиненія уничтожить; в) претензіи депутата съ духовной стороны на невыдачу ему копій съ дѣла, по неимѣнію на то предписанія, а равно претензію священника *Попова* на сдѣланіе у него обыска, такъ какъ обыскъ сдѣланъ былъ по причинамъ, заслуживающимъ уваженія, оставить безъ послѣдствій; г) выведенное уѣзднымъ судомъ унущеніе слѣдователя въ томъ, что онъ не донесъ о заключеніи подсудимыхъ подъ стражу уѣздному суду, такъ какъ слѣдователю не было извѣстно, куда дѣло поступитъ на рассмотрѣніе, оставить также безъ послѣдствій; д) признать, что возмутительныя сочиненія, найденныя у семинаристовъ, проникли изъ другихъ слоевъ общества, какъ правильныя, утвердить”.

(Сен. Вѣд.).

СМѢСЬ.

3/70 копѣйки съ души.

Die Liebe muss seyn platonisch.

Н. Нынкъ.

Мы всегда ненавидѣли корыстную любовь и всегда любили ту романтическую, которая не стоитъ ни копѣйки и не даетъ ни гроша. Покойникъ Андросовъ, во время оно, занимаясь статистикой и осматривая самые бѣдные притоны разврата въ Москвѣ, рассказывалъ однажды о невѣроятной нищетѣ и грязи, въ которой живутъ въ-нихъ несчастныя сандрильоны. “Скажите, спросилъ его Н. Ф. Павловъ, (тогда еще партикулярный писатель, игравшій въ карты, а не въ убѣжденія и никакъ не предвидѣвшій, что онъ потонетъ—въ лучахъ Каткова, какъ Гесперъ тонетъ въ солнечныхъ лучахъ). И такъ “скажите, спросилъ Н. Ф. Павловъ, любившій какъ М. П. Погодинъ, знать всякому дѣлу цѣну по курсу ходячей монеты, “по чему же онъ берутъ съ своихъ посѣтителей?”

— “Такъ мало, такъ мало, отвѣчалъ Андросовъ, что онъ ихъ пускаютъ почти изъ любви”.

Меня отвѣтъ этотъ поразилъ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. И вотъ черезъ четверть столѣтія я его вспомнилъ читая слѣдующее въ “Кельнской газетѣ” : “Петербургскіе журналы пишутъ, что къ концу 1863 года на войну (и умиротвореніе) добровольно пожертвовано 36,868 руб. (т. е. въ родѣ трехъ семидесятихъ копѣйки съ души)”. Должно быть народъ страстно любить войну... онъ такъ мало, такъ мало, почти ничего не даетъ—кромѣ адрессовъ...

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НАЗАДЪ.

Встрѣчая нашъ ошибочный, но отечественный новый годъ съ 12 на 13 Января, развернули мы, за неимѣніемъ новаго Мѣсяцеслова, старый, т. е. прошлогодній и на сердцѣ стало легко и хорошо.

Прошелъ одинъ годъ, только одинъ, а какъ тогда все было свѣтло, особенно въ календарѣ Свб. академіи... Самый ‘обзоръ событій’ за 1862 годъ оканчивается 1 Маємъ, а теперь все глядитъ Сентябремъ...

Все измѣнилось подъ нашимъ Зодіакомъ...

На первомъ листѣ “Мѣсяцеслова” на 1863 годъ портретъ опальнаго великаго князя... Кто могъ думать тогда, что императорскій яковинецъ Муравьевъ, сочтеть его за повстанца и на этомъ основаніи спрячется отъ него при проѣздѣ черезъ Вильно (онъ только связаныхъ и скованныхъ повстанцевъ можетъ видѣть)... Попробовали бы въ Мѣсяцесловѣ на 1864 годъ помѣстить портретъ Константина Николаевича, чтобы было—святыхъ вонъ неси—Катковъ-вѣрный тотчасъ доведъ бы на академию, на Головинна, на “Сн. Вѣдомости”, на молодое поколѣніе, на естественныя науки и проч.

Мы сказали, что обзоръ событій въ Мѣсяцесловѣ 1863 года оканчивается на 1 Маѣ. Какая глубокая деликатность. Оно оканчивается тамъ, гдѣ петербургское правительство, убѣжденное въ пользу классическаго образованія, начало свое подражаніе древнимъ—пожаромъ во Перову, съ ложнымъ обвиненіемъ своихъ назареевъ, съ обвиненіемъ невинныхъ... Еслибъ не это античное событіе, кто же бы велѣлъ академіи наукъ, скорѣе склонной по званію къ предвзрѣнію развѣдыванія, остановиться въ Декабрѣ—на Маѣ.

За то на малѣйшей тѣни — все радуется, даже некрологъ начинается, съ печальной, конечно, вѣсти о смерти *Буткова*, не настоящего *Буткова*, а другого, но все какъ будто легче, когда знаешь, что однимъ Бутковымъ меньше.

Найдеть ли сомнѣніе въ силѣ и твердости церкви, подкапываемой такимъ термитомъ какъ Аскочинскій?... Мѣсяцесловъ рассказываетъ, что рѣшено строить церкви :

“въ *Хевсуріи*—въ селеніяхъ : Ардоти, Лабискари и Хакматі.

“въ *Тушетіи*—въ селеніяхъ : Илургѣ, Нацихвари, Шенако и Тіонетахъ.

“въ *Сванетіи*—въ селеніяхъ : Паріи и Бечо.

“въ *Самурзакани*—въ Окумскомъ и Бедійскомъ приходѣхъ.

“Независимо отъ этого общество приняло на себя достройку начатыхъ церквей въ приходѣхъ : Владикавказскомъ, Алибег-лискомъ, Гудскомъ, Зругскомъ, Ахилъскомъ, Амтисхевскомъ, Самрарданскомъ, Багако-Юртовскомъ и Супійскомъ. Постройка первыхъ двухъ церквей уже окончена”. Для горскихъ церквей и иконостасы уже готовы.

... Мы до сихъ поръ знали только горское вино, а вотъ Мѣсяцесловъ на 1863 обучилъ, что существуютъ *des eglises montagnardes*—это пакиеть 1793 годомъ.

Но гдѣ дѣйствительно русскій можетъ гордиться, такъ это въ хронологической перечни Мѣсяцеслова на 1863 годъ. Она начинается и оканчивается величайшими событіями. На 1-ой стр. : *Отъ начала русскаго государства — тысяча съ годомъ*. Два пуля между двухъ единицъ, что то таинственное!

На послѣдней страницѣ въ доказательство, что не даромъ жилъ мы 994 года “отъ назначенія генералъ-адъютанта кн. Барятинскаго намѣстникомъ Кавказскимъ (1856, Авг. 26) семь лѣтъ”. Пифагорово число... Семь шапекъ — Семь мудрецовъ...

Кто хочетъ пусть себѣ покупаетъ новый календарь, мы останемся при старомъ. Мы не хотимъ знать, что отъ назначенія Барятинскаго—8 лѣтъ.

Отъ умиротворенія Литвы—Муравьевымъ—1 годъ.

Отъ назначенія Каткова исправляющимъ должность Сильвестра и Адашева—1 годъ.

— *И это слава!*—Какое страшное ремесло война, и въ особенности война *умиротворенія!* Беремъ, безъ комментариевъ, нѣсколько словъ и образовъ изъ разсказа штабсъ-капитана *Озерскаго* о взятіи ксепдза Мацкевича. (Сбв. Пч. Дек. 15) “Я получилъ приказаніе черезъ часъ выступить... возвратившись на капуѣ вечеромъ изъ экспедиціи, я сильно пригорюнился, нѣсколько не подозрѣвая *зпреди ожидавшаго меня счастья*”.

Посмотримъ это счастье. Отрядъ солдатъ и ихъ начальники искали по слѣдамъ укрывавшагося Мацкевича, долго плутали они по гористымъ мѣстамъ, наконецъ—“грепадеръ Никоновъ остановился и протянулъ палецъ... Гляжу, ничего не вижу, но полъ оборота на право, шагахъ въ пяти отъ насъ, подъ зеленымъ навѣсомъ запорошенной сѣнгомъ ели, лежало что то сѣрое. Въ одинъ мигъ исполмискій скачекъ—и я очутился верхомъ на какомъ то человѣкѣ... колѣямъ въ грудь, руками за шею... “Ваше благородіе, держите за револьверъ, онъ подѣ-

вами”, кричали подбѣгавшіе солдаты, и вслѣдъ за тѣмъ кто вѣдѣлся изъ нихъ за волоса, кто за ноги... растянули лежащую бороду и наконецъ обезоружили”.

Это былъ самъ ксепдзъ Мацкевичъ, и этотъ то случай названъ “счастьемъ ожидавшимъ” штабсъ-капитана Озерскаго.

— *Дружба и Братство*.—Какой то другъ г. Каткова *фонъ Роткирхъ*, служить помощникомъ директора канцеляріи по дѣламъ военнаго положенія, т. е. такъ или иначе назови — по полиціи. Фонъ Роткирха хотѣли убить, и другъ его г. Катковъ самъ признается, что : “Польскій подземный жондъ, какъ видно, не ошибается въ выборѣ жертвъ для своихъ наемныхъ убійцъ. На этотъ разъ онъ выбралъ человѣка, который принадлежитъ къ числу лучшихъ и честиѣйшихъ русскихъ дѣателей въ Варшавѣ. Дѣла въ Варшавѣ давно пошли бы иначе, еслибы законная администрація въ Царствѣ Польскомъ (*намекъ на дурной составъ администраціи при вел. князѣ*) вся состояла изъ такихъ людей какъ г. фонъ Роткирхъ, съ его добросовѣстностію и патріотизмомъ. Мы имѣемъ достаточныя основанія сказать это о г. фонъ Роткирхѣ, и говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. *Мы утѣшаемъ* себя тѣмъ, что раны, полученныя имъ, не будутъ имѣть серіозныхъ послѣдствій для его здоровья, и что вскорѣ онъ снова вступитъ въ свою должность въ Варшавѣ, откуда заговорщикамъ такъ хотѣлось выпроводить его. Застрашивать такихъ людей, какъ г. фонъ Роткирхъ, тайнымъ убійцамъ не удастся; людей извѣстнаго закала подобныя покушенія возбуждаютъ лишь къ большей энергіи и рѣшимости. Подобныя покушенія не переведутъ честныхъ дѣателей у насъ, а напротивъ усилятъ и размножатъ ихъ. Своими угрозами и нападеніями убійцы только явственнѣе отличать тѣхъ, кто имъ истинно опасенъ въ числѣ агентовъ законной власти... Мы послали телеграмму въ Варшаву и съ нетерпѣніемъ ждемъ пзвѣстій о состояніи здоровья г. фонъ Роткирха”.*

Въ этомъ лепетѣ дружбы при вѣсти о несчастіи постигшемъ сотоварища, въ этихъ повтореніяхъ о закарѣ и размноженіи “честныхъ дѣателей”, видѣтъ какъ будто страхъ со стороны издателя *Московскихъ Вѣдомостей*; но вѣдь г. Катковъ въ боготъ хранимой Москвѣ, а не въ Польшѣ, и къ тому же “Польскій жондъ не ошибается въ выборѣ жертвъ”, и если перенесетъ (чего боже сохрани) свою дѣятельность въ Россію, то неужели выберетъ г. Каткова? Еще три мѣсяца благочиной редакціи его — сгубятъ этого господина безъ всякихъ хирургическихъ средствъ.

— ; Просимъ дать намъ ключъ, перевести на русскій языкъ или вообще на языкъ здраваго смысла слѣдующую фразу *Св. Пислы* : “Начальниками уѣздовъ, по представленіямъ ближайшихъ военныхъ властей, будутъ назначены люди дѣятельные, способные, понимающіе, что при настоящихъ обстоятельствахъ, дѣйствія, въ родѣ *цирлихъ—манирлихъ*, вредны для края во всѣхъ отношеніяхъ !”

* Въ слѣдующ. Но. Моск. Вѣд. г. Катковъ успокоилъ волнующуюся Москву слѣдующимъ извѣстіемъ : “На москвитину нами въ Варшаву телеграмму мы получили отвѣтъ, что г. фонъ Роткирхъ находится нѣсколько дней въ горячемъ состояніи”.

ПОРТРЕТЪ МУРАВЬЕВА.

“Illustrated Times” отъ 2 Января помѣстилъ портретъ *Муравьева-Вѣшателя*. Передъ этимъ портретомъ мы остановились въ безмолвномъ удивленіи... это предѣлъ, это граница. Такого художественнаго соотвѣтствія—между звѣремъ и его паружиостью, мы не видали ни въ статуяхъ Бонапартти, ни въ бронзахъ Бейвенуто Челлини, ни въ клѣткахъ зоологическаго сада... Надо отдать природѣ справедливость, она величайшій артистъ!

Этотъ портретъ долженъ идти въ потомство, онъ принадлежитъ исторіи.

Палачъ, вмѣсто клейма, отмѣтитъ своими чертами падшую часть русскаго общества, ту, которая рукоплещетъ казнямъ, какъ побѣдамъ и выбрала этого урода своимъ великимъ мужемъ. Всѣ брилліанты императорской короны и все масло помазанія не спасутъ вѣнчанный лобъ челоуѣка, отыскавшаго гдѣ то заброшеннаго людоѣда, чтобы его послать на “умиротвореніе” несчастнаго края.

Портретъ этотъ пусть сохранится для того, чтобы *дѣти* научились презирать *тѣхъ отцовъ*, которые въ пьяномъ рабѣнствѣ телеграфировали любовь и сочувствіе—этому безшейному бульдогу, палитому водой, этой жабѣ съ отвислыми щеками, съ полужапыившими глазами, этому калмыку съ выраженіемъ плотоядной, пресыщенной злобы, достигнувшей какой то растительной безчувственности...

— *Сплетни, копотъ, нагаръ и пр.*—Мы получили послѣдоваго года нѣсколько писемъ изъ Россіи и отъ русскіхъ изъ за границы. Общее впечатлѣніе скверное, хотя признаки перелома не только продолжаются, но явнымъ образомъ усиливаются. Предусмотрительные трусы пачипають покидать станъ *красныхъ* (т. е. палачей, слово “красныхъ” такъ употреблено въ одномъ изъ писемъ). Подробности насъ просятъ не печатать, чтобы не испугать цѣломудренности раскаявшихся грѣшниковъ...

Впрочемъ всякаго рода раскаянія въ модѣ, видно подходить послѣднія времена. Не только *красные* раскаяваются, но раскаяваются и синіе и нѣгіе и совсѣмъ безцвѣтные, раскаяваются во всемъ—въ помыслахъ и свидѣніяхъ, въ давнопрошедшемъ и еще непаставшемъ, во всѣхъ многообразныхъ грѣхахъ, даже въ такихъ, которыхъ за ними никогда не было или которые вовсе невозможны.

Корреспондентъ нашъ говоритъ объ одной сѣдовласой Магдалинѣ (мужскаго рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, бѣлыхъ волосъ и зубовъ, мучась, что государь еще не знаетъ о постигнувшемъ ее раскаяніи, въ силу котораго “она прервала всѣ связи съ друзьями юности”.

Съ своей стороны *красные* не унываютъ. Отказъ Суворова раздражилъ ихъ до высшей степени. Имъ нужно—крови, каторги, пытки, чтобы отлегло отъ сердца. Константинъ Николаевича они сильнѣе и громче брали чѣмъ когда либо; приказъ *Моск. Вѣдом.* допекать его памеками остается неизмѣннымъ. Бергомъ пачипають быть довольными наши антропофаги. Но объ Апенниковѣ говорятъ, какъ объ “умѣренномъ” и “хладнокровномъ”. “Онъ относится къ Муравьеву такъ, какъ Аксаковъ къ Каткову”. Эту пропорцію поставилъ на дняхъ одинъ русскій генералъ съ будущностью.

Терроръ немолчимъ, безъ этого онъ не былъ бы терроромъ и на полдорогѣ останавливаться нельзя; не спасутъ тутъ

лирическіе возгласы о величіи и пространствѣ Россіи, на манеръ Гоголя, не спасетъ постоянное ругательство поляковъ; тутъ надобно допосы, надобно себя обесчестить; не риторическія схватки любви къ народу нужны, народъ надобно презирать во имя сильнаго государства и требовать казней во славу и крѣпость петербургскаго управленія...

— *Фурія.* — “Siecle” отъ 10 Января, говоря о милостивомъ адресѣ петербургскихъ дамъ Муравьеву, спрашиваетъ съ удивленіемъ: “Что эти матери, жены, сестры, развѣ не имѣютъ ни сыновей, ни мужа, ни брата?” и пр. О! наивный Siecle! не знаетъ онъ что такое за звѣрь *русская помѣщица* отъ Салтычихи, посаженной на цѣвь Екаторпой II, до... вотъ до кого на пр.: одинъ англичанинъ, *принадлежащій къ очень извѣстнымъ людямъ и къ очень уважаемымъ*, рассказывалъ здѣсь въ Лондонѣ, что онъ недавно былъ на какомъ то большомъ обѣдѣ въ Москвѣ и сидѣлъ возлѣ старой дѣвы (онъ называлъ ее, изъ плохихъ княжескихъ родовъ) которая говорила *ему англичанину*, негодуя на польское возстаніе. “Я желала бы отъ всей души, чтобы перевѣшали всѣхъ до одного поляковъ!”.

Само собою разумѣется, что есть много исключеній, но общій типъ презестнаго пола *демократическаго* дворянства нашего, русской барыни-помѣщицы—это типъ волчицы, набѣдающей десять, двадцать существовацій горничныхъ и слугъ, безъ малѣйшаго сожалѣнія, безъ усталости и отдыха.

Нельзя же было въ два года этимъ фуріямъ перемѣниться. Новаго въ замѣчаніи старой дѣвы—только цинизмъ. Пржеде иностранцевъ падувало гуманностью, теперь хвастаются передъ ними энергическими чувствами и *пенковыми* патріотизмомъ.

Вотъ будетъ работа нѣмъ дѣвамъ и Бабаи-Ягамъ нашего бомонда—встрѣчать въ Москвѣ и Петербургѣ, съ гирляндами и букетами, Муравьева, который ѣдетъ, говорятъ, предсѣдательствовать повой комиссіи *покаженія и уничтоженія* Польши...

Мы надѣемся, что намъ пропишутъ именной списокъ—милыхъ патріотовъ, кстаго ужъ и патріотовъ.

— *ПАШИМЪ БИБЛІОГРАФЪ, БИБЛІОФИЛАМЪ, любителямъ сборниковъ и историческихъ документовъ и пр.*—Мы обращаемъ вниманіе гг. библіофиловъ на легкое теперь собраніе всѣхъ документовъ, служащихъ къ иллюстраціи *эпохи подлости*, черезъ которую проходитъ русское общество. Пусть будущее поколѣніе узнаетъ имена людей, по ылавшихъ адреса палачамъ; людей, подписывавшихся на сооруженіе иконы, храма во имя несчастнаго Архистратига Михаила... Пусть *дѣти* узнаютъ статьи *отцовъ*... пусть новая хрестоматія соберетъ въ одинъ букетъ все, что наша *отхожая* журналистика публиковала за 1863 годъ, или еще лучше, съ знаменитаго пожара въ Петербургѣ, по которому не найдено ни одного зажигателя—и столько *шпіоновъ-литераторовъ*.

Года черезъ два-три это будетъ трудно сдѣлать; а нужно ли говорить о серьезной важности закрѣпить для будущаго эти *послужные списки* рабѣнства и подлости.

— Въ *Общій фондъ* получено изъ Италіи 20 франковъ и 2 фунт. стер. съ особымъ назначеніемъ.

— За *неимѣніемъ мѣста* письмо Мартынова къ государю, отложено до *слѣдующаго мѣста*.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 178.

1 ФЕВРАЛЯ 1864.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Отвѣтъ Гарибальди—Письмо П. Мартынова къ Александру II (Напечатанное 8 Мая 1862, "Колоколъ", л. 132).

Смѣсь: РУССКАЯ КОНСТИТУЦІЯ И АНГЛІЙСКІЙ ЖУРНАЛЪ—ТѢНЬ БАНКА—ПОПРАВКА.

ОТВѢТЪ ГАРИБАЛЬДИ.

КАПРЕРА 23 Декабря 1863.*

Любезный другъ,

Я получилъ ваше дорогое письмо, для меня оно документъ. Да, Герценъ, вѣрю вамъ и знаю, что народъ русскій несчастенъ и имѣетъ высокія стремленія, какъ всѣ народы, и что онъ неповиновенъ ни въ Вилейскихъ истязаніяхъ, ни въ Варшавскихъ висѣлицахъ; я знаю что и на вашей родинѣ бродитъ духъ воли и будущаго, я помню многихъ офицеровъ, которые предпочли Сибирь и смерть—преступному палачеству въ Польшѣ, святыя имена Попова и Арнольда, глубоко отпечатались въ памяти моей; ихъ имена будутъ повторять исторія вмѣстѣ съ именами ихъ товарищей по мученичеству.

Но мнѣ кажется, что Польша, въ которой блещутъ жепщицы и вѣшаютъ юношей, должна была бы возбудить состраданіе народа русскаго, по крайней мѣрѣ въ той благо-родной части его, къ которой вы принадлежите, и въ ней возбудить протестъ болѣе торжественный чѣмъ слова.

Предразсудками національности и религіи всегда пользова-лись власти для своихъ видовъ, ими они отравляли дружескую связь народовъ. Но пока кровь льется, сильные должны бы имѣть — если ничего другаго — по крайней мѣрѣ сожалѣніе къ слабому.

Проповѣдуйте это русскимъ, а я скажу польскому дворян-ству—отдайте землю крестьянамъ, и всей Польшѣ, перестаньте придавать вашей геройской борьбѣ характеръ религіозный, несовременный, отчуждающій отъ васъ симпатіи и вызыва-ющій кровавыя противудѣйствія.

Прощайте, мой любезный другъ, благодарю за память и пр.

Вашъ—Джюзеппе Гарибальди.

Прочитавъ эти строки, у меня навернулись на глазахъ слезы—горькія слезы стыда и боли. Какъ ни издѣвались надо мной наши мраморные gamins, наши доктринерскіе застрѣльщики, принимавшіе безсердечіе за умъ—я не могу отучиться отъ глубокой грусти...

* Письмо Гарибальди опоздало, потому что общій другъ нашъ, взявшій письмо къ нему, былъ позже въ Капрерѣ, и переслалъ отвѣтъ черезъ Флоренцію.
Годъ VII.

Гарибальди совершенно правъ: кого не поразить это безучастіе къ казнямъ народу, это нѣмое бездушье возлѣ стона, вопля, крови. Но онъ далеко отсталъ, его воображеніе не шло дальше равнодушія—а у насъ *нужность* къ казнямъ, мы ласкаемъ палачей, "лобызаемъ ихъ доблести", по выра-женію одного изъ православныхъ іерарховъ, мы пируемъ, ликуемъ въ ихъ честь, пьемъ за ихъ здоровье, подносимъ имъ иконы... У насъ все добровольно, сои аморге запачкалось въ крови: иѣмецкій университетъ въ Москвѣ и пѣмецкая биржа въ Петербургѣ, уѣздные крѣпостники и столичные газетчики... государь андреевской лентой и серебряными рублями показавъ, что казни—не печальная необходимость, при которой верховный судья покрываетъ свою голову одеждой сѣтованія, а награждаемая доблесть.... Церковь, уклонявшаяся передъ самимъ Петромъ отъ прямого участія въ казняхъ, поставила православный алтарь свой скамейкой для вѣшающаго палача.

Эта позорная полоса нашей исторіи тѣмъ больше отвра-тительна, что она вовсе не нужна. Вызванная трусостью, подхваченная съ одной стороны раболовіемъ, съ другой свирѣпымъ патриотизмомъ—она не имѣетъ оправданія. Она пройдетъ и пройдетъ скоро, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, но слѣды ея останутся; и какъ исчезнувшій рубецъ кнута выступаетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такъ и она будетъ высту-пать подъ перомъ каждаго грядущаго историка. Этотъ маіоратъ пойдетъ на долго. Прошлое злодѣйство искупается, обязываетъ къ смиренію, заглаживается—но не проходитъ до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ память человѣческая.

Въ тупой и наглой кровожадности общества оправданіе всѣхъ ужасовъ петербургскаго періода: отъ собственноручныхъ упражненій державнаго палача до военныхъ поселеній, отъ превращенія каждой сѣзки въ домъ пытокъ до превращенія каждаго помѣщичьяго дома—въ сѣзжу.

Самодержавная имперія, основанная на явныхъ штыкахъ и канцелярской тайнѣ, не русское изобрѣтеніе. Но отчего же переложенная на русскіе иравы, она утратила все человѣ-ческое? Отчего ни въ Пруссіи, ни въ Австріи, она не развила ни въ Павла, ни въ Аракчеева, ни въ Николая...?

Не вся отвѣтственность падетъ тутъ на правительство. Правительство не выдумываетъ пороховъ, а жжетъ его. Оно и въ настоящихъ казняхъ только прибавило къ слову—*долго*, но

слово сказано не имъ. Первое слово сказано тѣмъ, которые въ отвѣтъ на плоскую выдумку о зажигателяхъ, требовали какихъ то непримѣрныхъ казней...

Мѣсяцы ходило правительство кошкой, съ разгорѣвшимися глазами, около вислицы и примѣривалось, прислушивалось — то попробуетъ растрѣять русскаго юношу, то кого нибудь отошлетъ на каторгу, то повѣситъ поляка, и спрячется опять за свои ширмы "Реформъ", выжидая что будетъ. Но когда оно увидѣло, что общество взнузло во вкусъ крови, что не только публичные мужчины, которымъ оно приплачиваетъ, но и ворчащее дворянство, которое само сильно поплатилось — стоитъ за казни и *энергію*, тогда оно разомъ откинуло западную часть маски и засучивъ рукава, схватило Муравьева и пошло мѣсить кровь, вѣшать, давить, пытать, слономъ пошло тѣшиться сколько безпощадному сердцу монгольскаго нѣмца угодно. Смѣло было передъ лицомъ всего міра казнить ежедневно враговъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ; это противно собственной военной религіи петербургскаго императорства. Смѣло было пестить раненыхъ на казнь, вѣшать людей безъ памяти на *вздержку* (какъ убили благороднѣйшаго Страковского). Польша и Литва не Старая Руса, не казанская губернія, это не бѣдные крестьяне, которыхъ тѣла слоняютъ исключать изъ подушнаго оклада и дѣлю кончено — тутъ офицеры, помѣшники, тутъ близко границы. Тѣмъ не меньше правительство рискнуло — и что же? При видѣ этихъ ужасовъ, обѣды еще жириѣ, стерляди еще больше, пыльная ватага реветъ ура, шлетъ адреса, шлетъ телеграммы, пуссарды Зимняго дворца, государынины робеснѣроискія трикотезы, хавжи изъ царской дѣвичьей сооружаютъ иконы... Работанъ Муравьевъ, мы пародны!... И пасть хотять увѣрить и бѣлымъ и аксаковскимъ дномъ, что это любовь къ отечеству! Лучше не имѣть никакого отечества.

Не вчера же однако родился этотъ характеръ, близнецомъ съ польскимъ возстаніемъ — его дворянское родословіе идетъ гораздо дальше. Переберите тѣны выработавшіяся у насъ въ верхнихъ *паражахъ* и въ паражахъ чернильныхъ, въ казармахъ и около домашнего очага, вспомните вашу собственную молодость, тишину родительскаго крова, вашихъ родныхъ, особенно постарше... и вы увидите, что удивляться тому что дѣлается нельзя.

Петръ I страстно любить флотъ, цивилизацію и не знаю что, но еще страстнѣе любить доносы, сплетни, слѣдствія, пытки — и вдругъ все около него дѣлается доносчиками, Преображенскій приказъ заваленъ дѣлами — хруснуть барскія и не барскія кости на дыбѣ... Откуда явилась бы эта готовность на царскую потѣху ставить людей, не шадя ни родныхъ, ни друзей, еслибы не было къ ней предрасположенія?

Лишь только верхи папи образовались, обзавелись иностранной академіей, силлабическими виршами и профессоромъ элоквенціи, какъ является замѣчательнѣйшее *trio*. Рядомъ съ нѣмецкимъ берейторомъ вся Россія, стегаясь по всѣмъ правиламъ верховой школы, является помѣшничья оппозиція Волынскаго, печистаго на руку, надменнаго въ счастья и подобострастнаго въ бѣдѣ, бьющаго по щекамъ Тредьяковскаго, этого полнаго представителя императорскаго казеннаго образованія.

Въ жалкой и подлой фигурѣ пресмыкающагося профессора, требующаго плату за побои и дѣлающаго доносъ на Волынскаго, когда онъ былъ въ цѣняхъ, въ фигурѣ этого шута и

поэты, воспѣвающей императрицѣ Анну Іоанновну и ея берейтора, такъ и видишь патріарха современной журналистики и ун-ректора посылающаго, чертъ знаетъ почему, телеграммы Бергу и Муравьеву съ своего обѣда. А Волынский ю какъ живо и ясно представляетъ плантаторскій либерализмъ, отъ двухъ-трехъ тысячъ душъ, либерализмъ экзотическій, размашистый, неопредѣленный и всегда готовый, какъ Осипъ, клясться, что онъ не ваялся на барской постели, что ему вовсе не нужно на ней ваяться.

Изъ этихъ элементовъ, въ разныхъ сочетаніяхъ и разныхъ костюмахъ, изъ этой круговой поруки правительства и общества, питающихъ другъ друга своимъ ядовитымъ молокомъ, и составляетъ тотъ характеръ безпощадности — со стороны правительства и потворства со стороны общества, сдѣлавшій возможнымъ все на свѣтѣ — заливаніе члороссіанъ холодной водой на морозѣ при Биронѣ, загвканье соглыми людьми при Аракчеевѣ, вздергиваніе раненыхъ на вислицу при Александрѣ II...

Жестокости дѣлались вездѣ, жестокость вообще слишкомъ общечеловѣческая черта, чтобы принадлежать какой нибудь странѣ, но мы обращаемъ вниманіе на особый характеръ жестокостей, совершаемыхъ въ Россіи. Пугачевъ вѣроятно былъ бы казненъ вездѣ въ Европѣ, но нигдѣ не навелся бы Павиль который бы ему, скованному, далъ пощечину. Вездѣ есть болтающія бабы, доносчики и полицейскія преслѣдованія, но нигдѣ не было, чтобы изъ столицы въ столицу ѣздили Шишковскія сѣчъ барыни, статсъ-дамы по высочайшему повелѣнію... такъ какъ нигдѣ не было за послѣднія два столѣтія слѣдствія подобнаго тому, которое дѣлалось въ Цовѣгородѣ послѣ убійства гризвой любовницы Аракчеева.

— Откуда же взялся этотъ характеръ?

Какимъ образомъ мы дошли до того, что какой нибудь юноша, воспитанный на женскихъ рукахъ и на французскомъ языкѣ, дѣлаясь офицеромъ, хладнокровно сѣкъ солдатъ и билъ ихъ собственными руками; дѣлаясь чиновникомъ — красть, допрашивалъ подъ розгами и подавалъ шинель и капоши начальнику, или требовалъ, чтобы другіе чиновники подавали ему?

Все это выросло на томъ *материкѣ*, на которомъ укрѣплагась, какъ говоритъ литераторъ крѣпостниковъ, російская имперія.

Развѣ каждый господскій домъ не представлялъ полную школу рабства, разврата и тиранства, отсутствіе всякаго уваженія къ сѣдымъ волосамъ, всякаго сожалѣнія къ дѣтскому возрасту, къ дѣвичьему стыду; гарантированный привилегіями, поддерживаемый полиціей, судомъ, войскомъ, церковью, произволъ безгранично идущій до встрѣчи съ платью, передъ которой сѣкуній, гордый помѣшникъ дѣлался вдвое больше холономъ чѣмъ его несчастный рабъ. Чему же дивиться, что окончившіе курсъ воспитанія въ этихъ заведеніяхъ, несутъ на всю жизнь слѣды его?

— Гдѣ Иванъ? — спрашиваетъ барыня за обѣдомъ, видя, что сынъ подаетъ Семенъ.

— Мамаша, отвѣчаетъ какой нибудь мальчикъ десяти лѣтъ — пана его послать въ часть.

— Я его мошенника велѣлъ поучить, онъ давеча мнѣ грубо отвѣчалъ... *c'est un caractère acariâtre*.

И мальчишка думаетъ, что это и резонъ, что Ивана слѣдуетъ высѣчь за то, что онъ неучтиво отвѣчалъ "панасъ". Онъ съ

малыхъ жить инстинктомъ понимаетъ, что это материкъ. Отъ этого ни ему, ни его сестрицѣ въ голову не приходило, что кучеръ меритъ часы пять, что фореиторъ совсѣмъ зачехля—на то материкъ.

Теперь замѣйте, что эти школы планаторства начали закрывать почти вслѣдствіе воскресныхъ школами, года два тому назадъ, а нѣдѣ *Муромцеву* обладаютъ не трехлѣтніи дѣти. ...Что же удивительнаго, что такое прочное основаніе безчеловѣчья, подавляемое умомъ, образованіемъ, при первомъ случаѣ вытупаетъ во всемъ своемъ безобразіи. Можетъ удивительнѣе то, что помѣшечье общество "забывающее съ Витебскимъ архіереемъ доблести Мравьева", поддерживается просто писаканами, которыхъ скромное начало терлется между заднимъ крыльцомъ и людской.

Революція '48 года показала намъ, что самые откровенные и послѣдовательные демократы тѣ, которые по роду и воспитанію принадлежали къ аристократіи, какъ Де-Флотъ, какъ графъ Ворцель. Точно также не было у насъ свирѣпѣйшихъ защитниковъ дворянскихъ правъ, какъ ихъ управляющіе, которые обыкновенно не отличаются столбовыми происхожденіемъ.

Къ тому же у насъ между дворянствомъ и народомъ развился не одинъ дворовый человѣкъ передней, но и дворовый человѣкъ государства—подлічій. Видная амфибія, мѣшанина безъ бороды, помѣщикъ безъ крестьянъ, "благородный" чернорабочій безъ роду и племени, безъ опоры, безъ военной посадки, сведенный вмѣсто оброка на взятки, вмѣсто "исправительной конюшни" на канцелярію и регистратуру, трусъ, жбедникъ и несчастный человѣкъ... подозреваемый во всемъ, кромѣ несчастности... Научите его думать, прикажите не на гербовой бумагѣ, и онъ сдѣлается гигантомъ протеста, или исполиномъ подлости, Бѣлинскимъ, или—вы его называли...

Страшный опытъ доказалъ намъ, опозоривши насъ передъ честными людьми всего міра, сколько грязи осталось отъ нашего материка на насъ, сколько дикаго, въ самомъ дѣлѣ, осталось подъ виѣшней цивилизаціей... Пора намъ въ башню. Прошлый годъ показалъ, что не смотря на освобожденіе дворян отъ крѣпостнаго состоянія, въ нихъ осталась не только гнилая кровь крѣпостниковъ, но сохранились съ усовершенствованіемъ всѣ пороки дворян, не выкупленные ни однимъ хорошимъ качествомъ крестьянина.

Пора пачать намъ свое правительственное очищеніе, пора ужаснуться тому, что надѣлано въ 1863 году!

И—гъ.

ПИСЬМО П. МАРТЬЯНОВА КЪ АЛЕКСАНДРУ II.

(Напечатанное въ 192 л. "Календаря", 6 Мая 1863).

Государь,

Мы ждемъ отъ Васъ великихъ мѣръ въ годовщинну тысячелѣтія Россіи, мы ждемъ рѣшительнаго признанія правъ земства въ отношеніяхъ его къ государству, мы ждемъ осужденія недостойнаго предразсудка о незрѣлости крестьянъ для участія въ дѣлахъ общественныхъ, ждемъ возвращенія имъ права выборовъ безъ всякаго ограниченія, ждемъ созванія Великой Земской Думы, для обсужденія и рѣшенія дѣлъ народныхъ, ждемъ поворота виѣшней политики Вашего правительства съ позорной колѣи славянскаго союза 1815 г.

Исторіи невозможна, Государь, исторіи безпристрастна: Цари въ Россіи—не записыватели и самодѣйствительны; они не по праву оружія, народъ-же имъ снотодержавію не подносилъ, стало—сами взяли. У Васъ замидная возможность искупитъ грѣхъ предшественниковъ Вашихъ, отдать народу долгъ за нихъ и не быть самому должникомъ его. Мы конституціи дворянской не хотимъ, конституціи лично-землеадѣльческой тоже, мы хотимъ импиріи народной, рука объ руку союзной съ земствомъ, выражающей земство. Мы хотимъ, чтобы земство было постоянно при царѣ въ лицѣ лучшихъ членовъ его по выбору всей земли. Не думайте, Государь, что народъ русскій не готовъ еще къ приптію правъ своихъ и обязанностей, не думайте, что не пойметъ онъ ихъ и не сдѣлаетъ хорошихъ выборовъ. По праву крови, текущей въ жилахъ нашихъ, по праву знанія, прибрѣтеннаго жизнью въ народѣ, я свидѣтельствую и говорю за народъ: онъ выберетъ представителей своихъ лучше всѣхъ другихъ сословій.

Но слово безъ доказательствъ ничего не значить, на слово вѣрить никому не обязаны. Вотъ они доказательства:

Пусть, Государь, укажутъ Вамъ другую страну, въ которой было бы больше мѣстныхъ, областныхъ, святыхъ заступниковъ и ходатаевъ за народъ предъ Богомъ—это нашъ парламентъ, наши выборыые за цензбніемъ выхода въ дѣйствительности. Пусть укажутъ гдѣ было бы столько популярныхъ людей въ каждой мѣстности отдыло, въ деревнѣ свой человекъ, въ селѣ свой, въ уѣздномъ городѣ человекъ народный извѣстенъ всему уѣзду, въ губернскомъ всей губерніи. Есть люди, которыхъ знаетъ народъ отъ края и до края всего Царства Русскаго, которые заживо дѣлаются мѣрами, кумирами, идолами для народа. Не будь никоновской реформы церковной и Петра великаго гражданской, и теперь народъ признавалъ бы память ихъ. А люди живые, люди народа выражаютъ народъ, они его представители въ жизни общественной, они же будутъ его представителями, его выборными и въ совѣтахъ всей земли, въ Великой Земской Думѣ. Могутъ ли быть ими по своимъ званіямъ, своему пониманію обязанностей представителей, вопросъ излишній. Народъ знаетъ кого знаетъ и они знаютъ за что народъ ихъ знаетъ. Это главное. Остальное же знаніе виѣшнихъ условій, знакомство съ общими политическими отношеніями, значеніемъ и интересами народа дома и за границей прибрѣтутся очень скоро опытомъ и сознаніемъ своего новаго положенія, своего великаго призванія и отвѣтственности. Да объ этомъ и говорить нечего. Отрицать такую разумность людей, ставшихъ народными и уже тѣмъ какъ будто предвзбранныхъ, значило бы ложно и бездоказательно оскорблять въ лицѣ ихъ весь народъ нашъ и въ сущности указывать только на ту оторванность, которая цѣлой бездной незнапія и взаимнаго непониманія отдѣляетъ отъ народа самаго такого отрицателя, еслибы онъ въ самомъ дѣлѣ нашелся. Неужели въ настоящее время умомъ своимъ русскій народъ не равняется предметамъ, представителямъ которыхъ собиравлись, при Іоаннѣ грозномъ, на одной изъ Земскихъ Думъ разсуждать о томъ, продолжать-ли войну съ врагами или нѣтъ; и обсудить выгоды и невыгоды ея, возможность и необходимость, рѣшить продолжать. Пропуская всѣ другія Думы, я спрошу бы такого отрицателя, неужели народъ русскій вырождается, изжылчалъ и не можетъ болѣе достойно представить себя въ совѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ сознанъ необходимость борьбы народной, выдвинулъ Кузьму Минина,

пригласилъ князя Пожарскаго и, управившись съ врагами внѣшними, порѣшилъ дѣла домашнія всѣмъ міромъ. Нѣтъ, народъ нашъ слишкомъ добръ до христіанскаго отрицанія личнаго блага въ пользу общую и терпѣливъ, и только. А когда приходитъ время постоять за дѣло общее, народъ является красой-богатыремъ русскимъ во всеоружіи разума и силы.

Теперь процессъ выборовъ. Каждая община (я говорю о главныхъ выборахъ въ Земскую Думу) выбираетъ извѣстное число старшинъ-избирателей, тѣхъ, которымъ народъ вѣритъ, кого дома знаетъ, кого любитъ. Эти старшины собираются для предварительныхъ совѣщаній въ волости, и потомъ съѣзжаясь въ мѣстный областной городъ, избираютъ кандидатовъ въ тройномъ количествѣ противъ представителей; возвращаются домой, сообщаютъ народу имена кандидатовъ, народъ ноголовио избираетъ любого изъ нихъ. Но чтобы всякій поводъ, всякая возможность недоразумѣнія, недобросовѣстности, происковъ были устранены, пужно, чтобы между тѣми первыми выборами кандидатовъ, которые были произведены старшинами-избирателями и окончательнымъ избраніемъ самимъ народомъ депутатовъ изъ числа объявленныхъ ему кандидатовъ, послѣ объявленія ему именъ послѣднихъ, было дано время и устроена была возможность областной сродки въ областномъ городѣ для всего народа, кто захочетъ быть тамъ. На этой сродкѣ народъ можетъ заявить рѣшительное неудовольствіе на выборъ кандидатовъ и заставить старшинъ избрать еще разъ кандидатовъ — другихъ, если изъ прежнихъ народу ни одинъ не правится. На дѣлѣ такихъ явленій переизбиранія будетъ мало, но самое право протеста со стороны народа послужить побудительной причиной для старшинъ непременно руководиться въ выборѣ кандидатовъ заранѣе извѣстной имъ волей народа. Процессъ простъ, а между тѣмъ тутъ нѣтъ никакой возможности чего-нибудь подобнаго подкупамъ и тѣмъ незаконнымъ вліяніямъ, которыя мы видимъ въ парламентскихъ системахъ другихъ странъ; онъ соответствуетъ духу народа — какъ продуктъ его жизни, его понятій. Представители избираются безъ различія ихъ занятій, состоянія, общественнаго положенія (кромѣ, разумѣется, осужденныхъ и судимыхъ) и національности. Для вступленія въ званіе представителя пужно одно условіе — кого народъ захочетъ. Вознагражденіе назначается изъ общихъ доходовъ, срокъ служенія земскому дѣлу отъ 3 до 5 лѣтъ. Засѣданія Земской Думы постоянныя, за исключеніемъ трехъ-четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ необходимыхъ представителямъ для непосредственнаго сношенія съ народомъ и ознакомленія съ его текущими насущными потребностями, съ его мѣстными, областными, бытовыми интересами, съ его мнѣніями; для передачи ему собственныхъ сужденій, видовъ и убѣжденій, вынесенныхъ изъ общаго собранія представителей, и вообще для отданія отчета народу на областныхъ сродкахъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Я ничего не говорю о правахъ и обязанностяхъ Земской Думы вообще, здѣсь рѣчь идетъ только о процессѣ выборовъ и о нѣкоторыхъ общихъ чертахъ, отношеній выборныхъ къ избирателямъ. Относительное число представителей соображается съ общими правилами, принятыми исключительно по этому предмету въ другихъ парламентскихъ странахъ.

Изложивъ соображенія по вопросу о новыхъ выборахъ, второстепенные — обхожу; духъ ихъ одинъ и они похожи на первые, только съ уменьшеніемъ обширности, проще.

“Лучше всѣхъ другихъ сословій”, я сказалъ выше. Да и сословій-то другихъ, розни въ самомъ себѣ пародъ не хочетъ больше. Отреченіе русскаго дворянства отъ сословныхъ правъ и привилегій своихъ, выраженное тверскими членами его въ постановленіи дворянскаго собранія и — поднесенномъ Вашему Величеству адрессѣ — мы признаемъ совершившимся фактомъ; съ самаго начала крестьянскаго освобожденія, предпринятаго лично Вами, всѣ симпатіи наши и любовь стремились къ Вамъ; въ такой же мѣрѣ мы враждебно относились къ дворянству, видя въ немъ противниковъ освобожденія и сторонниковъ началъ неравноправія, сословиости и привилегій. По съ той поры, какъ бывшее дворянство наше само уничтожило свою сословиость, мы отъ всей души и всего сердца нашего готовы подать ему руку въ лицѣ тѣхъ членовъ его, гражданская доблесть которыхъ высоко возведетъ въ исторіи духъ бывшаго дворянства русскаго, добровольно, искренно и самоотверженно отказавшагося все-таки отъ правъ, долго по распоряженію государственной власти принадлежавшихъ ему, и привлечь къ нимъ всѣ благородныя сердца въ Россіи, точно также какъ привлекли ихъ Вы началомъ крестьянскаго освобожденія. Мы каемся, мы винимся, мы признаемся всенародно — мы не ожидали, что дворянство наше рѣшится на такой гражданскій подвигъ; надѣяться не смѣли, тѣмъ искреннѣе, тѣмъ болѣе отъ всѣхъ чувствъ нашихъ спѣшимъ поздравить его и засвидѣтельствовать, что подвигъ бывшаго дворянства нашего мы признаемъ безсмертнымъ.

Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями, во всякой странѣ представляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ пародамъ. По законамъ социальнымъ и политико-экономическимъ интересы двухъ сосѣднихъ и несосѣднихъ, сколько-нибудь цивилизованныхъ *пародовъ* столкнуться между собою не могутъ, а напротивъ интересы и потребности одного обуславливаются, дополняются, сохраняются и удовлетворяются интересами и потребностями другаго. Не то бываетъ съ *юеу-дарствами*. Интересы государствъ, вслѣдствіе не нормальнаго ихъ отношенія къ пародамъ, сталкиваются между собою, борются, возникаютъ государственныя войны, несправедливо, но тѣмъ не менѣе по страшной необходимости лежащія на народъ и гнетущія его всей своей тяжестью. Наконецъ, одно государство слабѣетъ, уступаетъ, и если почему-нибудь невозможно мировая сдѣлка, подпадаетъ господству другаго, взявшаго верхъ государства, причемъ послѣднее исключаетъ для побѣжденнаго исключительное государственное надѣ страню, т. е. право высшаго сословія эксплуатировать и вообще угнетать сословія низшія, присвоивая, преемственно, по праву силы и побѣды, значительную долю этого права себѣ. Точно такое столкновеніе произошло между государствами русскимъ и польскимъ. Государство русское одолѣло, польское подпало подъ владычество русскаго.

Русское государство не имѣетъ довѣрія къ польскому и должно постоянно употреблять насиліе противъ всегдашней вѣроятности возстанія. Польское государство, естественно, сохраняетъ чувство непримиримой вражды къ русскому и только покоряясь силѣ, тернить его преобладаніе. А народу, непричастному враждѣ государствъ, грозитъ постоянная опасность принимать въ чужомъ ниру похмѣлье, свою кровью и годами, принимая главное участіе въ борьбѣ, уснѣхъ и

неудача которой равно для него вредна, въ борьбѣ незаконной, противуестественной, противуродственной, противуродовой. А пока нѣтъ борьбы, для постоянной къ ней готовности государства народъ несетъ тяготу излишней поставкой рекрутъ на усиленіе армій, увеличеніемъ податей на содержаніе ихъ, —трудится, выбивается, забивается. Народъ поработеннаго государства польскаго несетъ всѣ тягости въ такой же степени съ усиленной только горечью, что сыны его идутъ подъ знамена чуждыя, что своими кровными деньгами, съ изъятиемъ потомъ зарабатываемыми по копѣйкамъ, онъ удовлетворяетъ не только пановъ польскихъ, но и чиновниковъ москвитей и казну государства московскаго. И такъ отношенія запутаны, натянуты, неестественны.

Гдѣ же выходъ? Мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ польскихъ братьяхъ соплеменникахъ, мы слишкомъ хорошо чувствуемъ, что въ великихъ бытовыхъ вопросахъ, рѣшающихъ быть или не быть единому, нераздѣльному, свободному славянскому народу—сердце ихъ бьется въ одинъ тактъ съ сердцемъ нашимъ и всѣхъ Славянъ, чтобы сомнѣваться, что польскіе благородные паны, шляхта и вся аристократія ни на минуту не задумаются надъ великимъ актомъ самоуничтоженія, надъ отреченіемъ отъ сословныхъ правъ и привилегій, надъ признаніемъ равенства правъ всего народа, и хлопотъ собственниками земли. Тѣмъ болѣе чести, тѣмъ больше славы за подвигъ ихъ, чѣмъ старѣй, чѣмъ блестящей исторія и воспоминанія дворянства польскаго, воспоминанія, которыя не изгладятся, но укрѣплятся и глубже втиснутся въ память народной черезъ сословную жертву ихъ ходу судебъ чести, справедливости, ихъ собственному пониманію правъ пародныхъ и логически слѣдующему изъ того воззрѣнію на права *человѣка*. Мы думаемъ, мы надѣемся, что благородное дворянство польское само произнесетъ рѣшеніе и соизволитъ съ пародомъ своимъ, со всѣмъ хлопотствомъ безразлично; мы увѣрены, что оно убѣдится, что изъ вражды государственной нѣтъ выхода, кромѣ взаимнаго самоуничтоженія государствъ русскаго и польскаго и признанія на мѣсто ихъ единого безсословнаго народнаго царства славянскаго съ равенствомъ, федерацией и самоуправленіемъ областей.

Неужели же освободитель крестьянства явится защитникомъ сословной розни, вопреки воли даже того сословія, котораго отжившія, недостойныя взрослога челоѣчества привилегіи онъ сталъ бы сохранять. Мы этому не вѣримъ, не хотимъ вѣрить; это противно чувству, оскорбляетъ разумъ, мы думаемъ, мы увѣрены, убѣждены, что Александръ II видитъ перстъ божій, призывающій его; что не противудѣйствовать, а содѣйствовать станетъ онъ миру слиянію, насильственно или случайно, и во всякомъ случаѣ противуестественно разорваннаго на сословія народа въ одно цѣлое, общее, нераздѣльное.

Вѣка пройдутъ, и на землѣ другаго случая не будетъ сдѣлать столько добра ближнимъ, даже борьбой и подвигами цѣлой жизни, сколько можете сдѣлать Вы, Государь, однимъ почеркомъ пера. Да мало можете, Вы должны это сдѣлать, Вы обязаны передъ лицомъ Бога и челоѣчества, если не хотите отвѣчать передъ нимъ и передъ потомствомъ.

Да снидетъ же на Васъ благодать Бога вышняго, да благославитъ Онъ Васъ на все доброе и поможетъ въ силахъ па благо народное! Мы Васъ любимъ, Государь, очень любимъ, подумайте же каково намъ было бы выражать любовь эту съ кровью изъ сердца во имя разума и правды.

Обстановка Ваша народу не нравится, Государь! Илья Муромецъ встаетъ на ноги, и время Харлафовъ и Фальстафовъ прошло безвозвратно, взятки сладострастныхъ рыцарей позорятъ вѣкъ вашъ, раздача мѣстъ служебныхъ въ имперіи любовницами ихъ—оскорбляетъ общество. Откупъ съ таксой и безъ таксы, съ торгами и переторжками, и безъ торговъ и безъ переторжекъ, съ платой впередъ и съ ежегодными взносами платежей отъ 50 до 100, 500, 1000—2, 3, 4, 5 тысячъ и т. д. и т. д., откупъ должностей съ главными конторами его въ Петербургѣ и съ агентствами въ городахъ, все это приводитъ народъ въ ужасъ и изумленіе и заставляетъ его видѣть въ чиновникахъ правительства грабителей и служителей тьмы, проклятыхъ и въ сей жизни и въ будущей и на самомъ правительствѣ (царь отдѣленъ, понятіе объ немъ отвлеченно) печать антихриста и сатаны. Всѣ эти люди, окружающіе Васъ, неужели выведутъ они наконецъ народъ изъ терпѣнія, сдѣлаютъ его неблагодарнымъ и подериутъ личность вашу грустными флеромъ для исторіи? Неужели система государственнаго управленія, допускающая возможность такихъ несообразностей и личностей, будетъ самими Вами долѣе и долѣе терпима и сохраняема.

Искра производитъ пожаръ, а при порохѣ взрывы. Въ чьемъ умѣ родилась мысль разогнать студентовъ изъ университетовъ, возмутительнымъ требованіемъ денегъ за науку и съ тѣхъ, у кого нѣтъ ихъ ни копѣйки, чьи отцы съ горемъ и нуждой честно жили въ обществѣ, не грабили денегъ для обеспеченія семьи своей, и вдовы ихъ, перебиваясь со дня на день, обливая слезами всякую корку хлѣба, которой они сыты, съ утра до вечера жили одной надеждой увидѣть наконецъ сына кончившаго курсъ въ университетѣ и имѣющаго какую нибудь возможность улучшить сколько нибудь горькій бытъ ихъ подъ старость, и вдругъ Ваши старцы, владѣющіе майоратами, утопившіе душу и сердце въ чернильницѣ, гонять дѣтей съ приговоромъ смерти отъ горя для матери, отъ нищеты и загубленной, разорванной жизни для сына, за то что отцы ихъ, ихъ мужья не грабили народа русскаго, не запасались благопріобрѣтеннымъ, не имѣли капиталовъ въ банкахъ, ни пепси, ни протекціи. Боже мой, Боже мой! Чернѣ пятна не можетъ быть на всемъ царствованіи Вашемъ. Наказаны ли скареды ума и духа, опозорившіе Васъ, вооружившіе противъ Васъ все образованное общество, или Вы ждете, Государь, когда народъ потребуетъ ихъ у Васъ, какъ у царя Алексѣя тѣхъ беззаконниковъ, которыхъ съ проклятіемъ и неистовствомъ на части изорвалъ на площадяхъ Московскихъ? Съ науки берутъ деньги; въ университетѣ, какъ въ нитейномъ откупѣ считаютъ выручку. Да гдѣ Вы Государь! куда Вы зашли? оглянитесь, ради Бога и святыхъ силъ его!

Правительство, говорятъ, хочетъ принять проектъ выкупа земли въ собственность государственными крестьянами. Въ Америкѣ система продажи государственныхъ земель, можетъ быть, очень хороша, но мы знаемъ, что правительство Соединенныхъ Штатовъ открывало и занимало, открывало и занимаетъ, покупало и покупаетъ земли не населенныя или оставляемыя туземцами; правительство поступаетъ справедливо, продавая такія земли переселенцамъ. А у насъ, въ Россіи, народъ владѣетъ землей изъ стари, съ незапамятныхъ временъ, онъ занялъ и населилъ ее за долго до того, какъ создалъ себѣ правительство. Земля составляетъ и въ сущности и по понятіямъ народа, его неотъемлемую, неотчуждаемую,

неизбывшую въ отношеніи къ общинамъ владычествующую селеніямъ и деревнямъ насильственную на насъ, никакой продажной ибности, насильственную собственность. Такъ какъ же правительство то будетъ продавать народу его же народную, не продажную землю? Въ этомъ смысла нѣтъ; а если есть, то очень плохой, это будетъ похоже на того господина въ "венецянскомъ купцѣ", который добивался вырѣзать кусокъ мяса изъ тѣла живаго человека, только заѣсть не за долги будетъ вырѣзано мясо а просто съ цѣлью взять деньги за операцію вырѣзки и приращенія вырѣзаннаго куска къ большому мѣсту. Народъ представить себѣ дѣло простое: въ его глазахъ это будетъ все равно, что вытащить у человека рукавицы изъ за пазухи и отдать ихъ за деньги тому же, кому принадлежатъ. Если слухи о продажи земли государственнымъ крестьянамъ справедливы, то, еслибъ я не боялся быть невѣжливымъ, не зная притомъ, къ кому лично относятся мои слова, я сказалъ бы, что можно подумать, что составители проекта чужеземцы, или русскіе, забывшіе исторію въ бюро, и о народѣ и жизни его, объ отношеніяхъ его къ землѣ, забывшіе по рассказамъ наставника француза. Да это сигналъ для всеобщаго возстанія.

Вотъ отъ того же, отъ ложнаго воззрѣнія правительства на отношенія его къ землѣ и народу неидетъ—и если не изменится воззрѣніе это, то не пойдетъ и крестьянско помѣщичье дѣло. Призовите "Землю" и сравните ее въ совѣтъ съ государствомъ, иначе, слейте ихъ въ одно общее, сдѣлайтесь сами земскимъ государемъ, тогда, въ одинъ годъ вопросъ крестьянской разрѣшится, денегъ будетъ много и всѣ финансовыя операціи обеспечены прочно.

За что страдаютъ старообрядцы, за что отрываютъ ихъ отъ работъ въ дорогое для крестьянина лѣтнее время и гоняютъ въ губернскіе города гуртомъ, сотнями человекъ, итъ за сотней черствы, разные взяточники въ образѣ полицейскихъ и поповъ къ взяточникамъ консисторскаго и губернскаго грабленій? Къ чему народъ озлобляется безтолковыми, обезмысленными—осмысленными съ одной точки зрѣнія всякаго обмана—раззорительными мѣрами, прижимками и изтѣвленіями? Да такихъ беззаконій, насилій и губительствъ монголы не совершали надъ русскимъ народомъ, въ Турціи въ дѣлахъ вѣры ничего подобнаго не видимъ. Вы, говорятъ, не хотите гнать старообрядцевъ, да имъ то развѣ легче отъ того? развѣ Вы въ силахъ привести въ исполненіе волю свою, пока Вы не царь земли русской, а императоръ и самодержецъ? развѣ любой бюститель порядка, опираясь на законы императорскаго самодержавія, любой становой и исправникъ, станившій съ попомъ и не станившій, не могутъ усмотрѣть, что вотъ эти беззубыя старухи собираются на свѣи мирныя богомолья съ цѣлью составленія тайныхъ обществъ, заговоровъ, съ возмутительными намѣреніями противъ правительства, съ цѣлью распространенія вреднаго ученія о неповиновеніи властямъ. Ну, вотъ власти-то, какъ шайка разбойниковъ, и нападаютъ на несчастныхъ и грабятъ что попало подъ руку, и книги и иконы въ дорожныхъ обладахъ и безъ дорожныхъ, и молниеносники, и лесовики, и свѣчи, и ладанъ и масло, все въ квартиру становаго да благочинному въ сундукъ. Мелочи: да ими жизнь народа отравляется. Пѣтъ, не мелочи, а крупныя и пагубныя злодѣйства мелкой власти. Подъ чьими-же, подъ какими высокими принципомъ та власть совершаетъ ихъ? на комъ лежитъ позоръ ея насилій?

гдѣ власть другая, крупная, которая даетъ существованіе мелкой, пагубной власти?*

Власти, власти, не людямъ. Люди, представители ея, эти жалкіе ставовые, исправники сами жертвы системы, несчастные мученики и невольники преступленій, втиснутые силой нужды и необходимостью дарить въ походящихъ линіяхъ чинопачалія, въ душную, растѣвающую атмосферу взяточничества, а тутъ жена, дѣти, семья, исключительность воспитанія, недопускающая другой дѣятельности кромѣ службы. Мы людей не винимъ, система виновата, а не люди.

Потомъ допросы, допросы на мѣстѣ, допросы въ уѣздномъ городѣ, допросы въ губернскомъ—насмѣшки, оскорбленія, изнужденія, грабительство, побой... Боже мой! Боже мой! Да гдѣ мы? что мы? сошь это бредимъ или живемъ?!—Государь! Правительство хлопочетъ о привлеченіи американскихъ чеховъ на берега Амура, а не хочетъ или не можетъ прекратить гоненій заставляющихъ народъ на старинѣ бѣжать въ Турцію, бѣжать въ Австрію, бѣжать въ Пруссію, въ Польшу, пока была свобода—въ Швейцарію и Англію съ одной стороны, въ Перию съ другой. Неужели старообрядцы изверги какіе нибудь, или просто гадюки, они отверженные Богомъ и человечествомъ? Неужели они хуже магометанъ, евреевъ, буддистовъ, шамановъ и другихъ, что не позволяютъ имъ жить по крайней мѣрѣ также неприкосновенно въ дѣлѣ вѣры, какъ послѣднимъ? Отъ чего въ другихъ странахъ Европы и въ Америкѣ религіозныя секты свободны, а у насъ нѣтъ? Вѣдь не отъ того же только, что тамъ нѣтъ Филаретовъ, защитниковъ розогъ, плетей и кнута для народа, проповѣдниковъ и истолкователей христіанства въ пользу ссенокъ, каторжной работы, клейменія, рванья носовъ, и пр. и пр., и тѣснаго наказанія всякаго свойства для христіанскаго воинства. Да и кто даетъ возможность существованія у насъ такимъ Филаретамъ, кто обращается за совѣтами къ нимъ, кто первый слушатель и послѣдователь проповѣди ихъ въ скорбь и горе всего народа русскаго?... вѣдь есть-же кто-нибудь.

Въ судахъ нѣтъ правды, въ народѣ депортъ, кредитъ уничтоженъ, уваженія къ церкви не существуетъ, свободы въ дѣлѣ вѣры нѣтъ, народъ въ недоумѣніи. Всѣ предтечи революціи на лицо!

Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣшетъ въ воздухъ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ, у Васъ въ рукахъ снаряда громовода. Связанъ-ли онъ проводниками съ почвой, мы не видимъ, не видимъ!!

Противуестественная, варварская, губительная система рекрутскихъ наборовъ, такимъ проводникомъ быть не можетъ. Вспомните Государь, что рекрутчина—жертвоприношеніе народа государству, насильственно требуемое и потребляемое въ странной пропорціи. Кто попалъ въ солдаты—погибъ человекъ, выходу какъ отъ кроваваго божества для обреченной на всеожженіе жертвы—нѣтъ, да и сожженіе-то совершается мучительнымъ, пожизненно-медленнымъ, томимъ.

* Я на себѣ испыталъ сладость самодержавнаго безправія и воззрѣнія государства на человека: и былъ преступникъ дѣств. т. е. графъ Александръ Гурьевъ; графъ находя, что жизни достаточно созрѣлъ и подвижный р. скрипачъ объ улучшеніи быта крестьянъ, ограбилъ и до тѣхъ разорилъ меня изумительными насильственными мѣрами. Да объ этомъ писалъ,—и не хотѣлъ говорить, въ слову пришлось. Я поговорилъ объ этомъ, когда въ Россіи будетъ гласный судъ, —а до той поры правосудіе у насъ представляется развѣ статуей на углу какого нибудь памятника, да и то во мелочи—съ безмѣнностью.

Грабитель знаетъ въ государственномъ совѣтѣ и "въ судахъ да царствуютъ правда!!!"

теплым огнемъ. Очотпо-ли народъ приносить эту жертву и насколько она полезна для него самого, отъѣмомъ служить вопль и плачь, съ которыми народъ провожаетъ дѣтей своихъ и братьевъ въ рекрутскія присутствія. А развѣ нѣтъ другой системы?

Кто-жъ поддерживать, что обусловливаетъ развѣдающую и разлагающую жизненные соки народа рутину? Бюрократія, окружающая Васъ, чиновначіе, канцелярское управленіе Россіей, закличающееся въ накопленіи и очискѣ безчисленнаго множества NN. текущихъ бумагъ, сношеній, отношеній, выправокъ, справокъ, предписаній и донесеній и проявляющееся въ страшныхъ безжизненныхъ отношеніяхъ государства къ народу и въ полномъ взаимномъ непониманіи одного другого. Вотъ она, чѣмъ заглушаетъ, вотъ она чѣмъ морится, измучивается и замучивается жизнь парадная, вотъ она хроническая проказа, поражающая организмъ общества во всѣхъ сослассахъ его... плохой проводникъ!

Тѣлесное наказаніе, розги, (женщинъ сбьютъ!) къ стыду Вашего царствованія, неотвѣтственныя еще въ Россіи и которыми всякая чиновная сволочь орудуешь сколько душъ угодно; проводникъ не лучший.

Вотъ крестьянскія цѣпи на рукахъ и ногахъ ослаблены до возможности сбросить ихъ; но крестьянину сказано, что цѣпи эти не съѣдятъ, что они непремѣнное условіе его жизни пока не... умретъ. И эти цѣпи-не цѣпи приказано носить по прежнему; проводникъ не надежный, испорченъ.

— Губернаторы?...

Государство смотритъ на народъ, какъ на массу, изъ которой въ правѣ выдѣлывать шарикъ и фигурки по усмотрѣнію, такое положеніе дѣлъ должно прекратиться.

Какъ!!!

Государь! я говорю голосомъ народа... моя обязанность—свобода, мое право, кровь и страданія... Мыѣ подѣрка народъ и его люди,—мы ждемъ отъ Васъ собранія Великой Земской Думы, для постоянныхъ совѣщаній, во кругъ Васъ. Тысячелѣтіе...

Съ глубокимъ уваженіемъ и пр.—П. Мартыновъ.

СМѢСЬ.

РУССКАЯ КОНСТИТУЦІЯ ВЪ АНГЛІЙСКОМЪ ЖУРНАЛѢ.

Никогда не надобно ни въ чемъ закаиваться. Il ne faut jurer de rien, мы это знали безъ Альфреда Мюссе, а съ нимъ узнали вѣрно. И все же человѣкъ такъ слабъ, что все-таки закаивается, и такъ не рѣшится—что измѣняетъ слову.

Сколько разъ мы брали твердое и окончательное рѣшеніе не поднимать вздору, который пишутъ дѣйствительные журналы и французскіе о Россіи, не поправлять ихъ промахи, не заводить съ ними полемики. Чѣмъ имъ до насъ за дѣло, и что намъ до ихъ мнѣній?

Два года тому назадъ по поводу гнусныхъ нападокъ на Бакунина, мы напечатали нашъ ультиматумъ, въ которомъ говорили: "Мы протестовали—они продолжаютъ пестить свою галиматію... Наконецъ это надобно, впродѣли за друзей, ни за себя мы вступаться не будемъ. Истина этихъ людей равнодушна. Россію они ненавидятъ и притомъ *вообще не правительство*, а вообще все русское и всѣхъ русскихъ. Разобрать что мы проповѣдуемъ, чего хотимъ—имъ недосугъ, скучно и при общемъ *невыжестовѣ образованія* не легко...

"Мы *чужіе* въ этомъ мірѣ, мы собственно живемъ не здѣсь, а дома. Было время, когда мы думали, что наше призваніе

состояло между прочимъ и въ томъ, чтобы *свидѣтельствовать* перетъ Западомъ о возникающемъ русскомъ мірѣ. Это время прошло. Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ событіемъ мы становимся дальше и дальше отъ среды, въ которой жить осуждены нашей дѣятельностью. Мы этого не скрываемъ. Мы остаемся вѣдь Россіи только потому, что тамъ свободное слово невозможно, а мы вѣруемъ въ необходимость его высказывать... Мы не чувствуемъ благодарности за то, что живемъ здѣсь, и не просимъ ни признанія, ни гостепріимства, ни участія, мы беремъ по праву ту защиту закона, которую свободная страна, безвозмездно, даетъ всѣмъ не преступникамъ"...

И такъ мы года два тому назадъ, во второй или третій, послѣдній разъ зааялись отиѣвать иностранной прессѣ и рѣшительно видимъ, что это свыше силъ человѣческихъ. Пока идетъ рѣчь объ насъ, объ людяхъ насъ близкихъ, можно молчать—но когда говорятъ о всемъ народѣ русскомъ, о всей будущности Россіи, и какой-нибудь органъ, нѣтъ ликующійся уваженіемъ Европы (такъ какъ некогда князь Сергій Михайловичъ Голицынъ пользовался уваженіемъ Москвы и никто не зналъ почему), начинаетъ судить и рѣшать о судьбѣ нашей, умѣрая тупость сужденій—ненавистью и смягчая недостатки свѣденій—избыткомъ страха, молчать невозможно.

Глубже всѣхъ европейцевъ выскѣ чувствуемъ мы, какъ много ненависти заслужила Россія и какъ естественны, справедливы, необходимы при откровенномъ зрѣніи барскихъ проговъ у подножія иконостаса, слова строгаго негодованія, порицанія, проклятія. Но мы въ правѣ требовать, чтобы Россію ненавидѣли за то, что въ ней несправедливо, и насъ возмущаетъ, когда наши мирные враги готовы примириться и съ русскими политическими тирьями, и съ судьбами Польши и съ мѣрами Муравьева; но не могутъ переломить досады и ненависти во всякому человѣческому, свободному развитію Россіи, даже еслибъ оно было только въ предположеніи правительства, т. е. мертвое до рожденія.

Аугсбургская газета когда то откровенно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, призналась, что Россія свободная, съ своими социальными стремленіями, опаснѣе Россіи парской, императорской.

Недавно взрѣзнулось одному французскому журналу при видѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфическихъ линій, и въ пламенномъ порывѣ міросвободенія и братства народовъ, онъ съ ужасомъ и мрачнымъ видомъ Даниэля, предсказывать о страшномъ времени, когда дороги кончатся, телеграфы проведутся—и Россія развернетъ всѣ свои силы.

Мы крѣпимся еще. Но вотъ на дняхъ раздастся тяжелый, густой, сытый голосъ, и мы признаемся, терпѣніе наше лопнуло.

Вотъ въ честь дѣло.

Услышалъ *Тейлсъ*, и, съ той легковѣрностью, съ которой вообще капиталисты, банкиры и биржевики вѣрятъ всякому вздору, подтвердилъ что Александръ II дастъ конституцію, и даже *обязалъ* ее дать. При этомъ каждый ждетъ, что самый конституціонный органъ самой конституціонной въ мірѣ страны, съ радостью протянетъ свою жирную лапу—странѣ, вступающей въ англійскую колею. Не тутъ то было, *Тейлсъ* обезпокоился, взволновался... Онъ начинаетъ на манеръ извѣстнаго героя фонтъ-Виллиской комедіи "жалѣть матушку, что она устанетъ бить батюшку", печаловаться о затрудненіяхъ, которыя долженъ встрѣтить государь. Россія, говоритъ онъ, такая страна, что и самъ Сісъ отшарахнулся бы отъ задачи

выдумать для нея конституцію. И это говорить не французъ XVIII вѣка, не Вольей, не ученикъ Руссо, а серьезный англійскій журналъ въ 1864 г. отъ Р. Х. — *Выдумать* эту конституцію особенно трудно, потому что если ее дать одному барству, то вѣдь будетъ хуже и царю и народу — конечно, стоитъ-ли давать такую конституцію!.. тутъ мы согласны съ *Теймсомъ*. — Есть классъ хорошій, которому стоитъ дать конституцію, онъ ее во зло не употребитъ, классъ умѣренный и осторожный, но на бѣду, этого класса въ Россіи *нѣтъ*. А конституцію дать надобно, такъ слабость у Александра II.

Отстранявши *барство*, котораго у насъ очень много и *буржуазіи*, которой у насъ очень мало, *Теймсъ* примѣчаетъ, что есть еще одинъ житель въ нашемъ любезномъ отечествѣ, именно *народъ русскій — мужички*. И тутъ вдругъ на него нападаетъ напичское негодование и благородный страхъ. Дай имъ представительство, они съ дуру представятъ въ Собраніи свои интересы, они увлекутъ “государя въ исполненіе своихъ коммунистическихъ видовъ”. Конечно, соединеніе государя съ народомъ разрѣшаетъ бездну затрудненій, сословныхъ, политическихъ, “но, говорятъ, (хитрая инсинуація) государь не согласенъ на это. И пусть онъ хорошенько обдумаетъ прежде чѣмъ рѣшится промѣнять свое теперичное положеніе во главѣ *блестящей* (вѣроятно шитьемъ на мундирахъ — знаетъ кого чѣмъ взять — что значитъ гостиннодворское воспитаніе перваго гостиннаго двора въ мірѣ!) аристократіи и должность земнаго провидѣнія надъ обширной страной — на диктатуру огромной демократической вотчины (predial), едва выпедшей изъ рабства и стоящей *ниже* политическихъ интересовъ (below the region of politics), народа невѣжественнаго, фанатическаго, *непостояннаго, неразумнаго*”. А потому правительство хорошо сдѣлаетъ, если отыграется отъ конституціи обласными учрежденіями — “высто того чтобъ отдать власть въ руки слѣпаго произвола, невѣжества, глупости и скотства (ignorance stupidity and brutality)”. Дѣло сводится на слѣдующую дилемму: дать конституціонныя права, исключивъ этихъ скотовъ — смѣшно; дать и имъ эти права — печально, потому что они представятъ интересы крестьянства. “Крѣпостное рабство — заключаетъ *Теймсъ* — можно было упразднить измѣненіемъ закона, Польшу можно покорить саблею и интыкомъ, но за тѣмъ Россіи предстоитъ борьба съ своимъ внутреннимъ варварствомъ; оно равно не можетъ ни подчиниться, ни быть вѣнцомъ въ разумъ (dragooned into intelligence). А потому *прежде чѣмъ* давать конституцію, государь долженъ *воспитать* новое поколѣніе къ пониманью своихъ правъ и къ исполненію своихъ обязанностей”.

Что же это, Катковъ что-ли издастъ и эти Вѣдомости?

Или не готовить-ли его *Теймсъ* изъ ненависти къ Россіи въ іеровоспитатели “цѣлаго поколѣнія всея Россіи”?

Считать народъ, сохранившій подъ двойнымъ рабствомъ крѣпостнаго состоянія и государственной бюрократіи свое общинное самоуправленіе, народъ удержавшій свои экономическія начала противъ напора иностраннаго законодательства, не утратившій ни выборности общинныхъ должностей, ни своего смысла расправы и суда, который онъ доказалъ на другой день послѣ своего освобожденія — устройствомъ воюстныхъ судовъ (столь ненавистныхъ москворѣцкому *Теймсу* и прочимъ крѣпостникамъ), считать его неспособнымъ къ *справедливому пониманью* своихъ интересовъ, и ставить его

не только на равнѣ, но ниже лацдарони западной цивилизаціи, *варваровъ* буржуазныхъ государствъ, могутъ только люди никогда не думавшіе ни о Россіи, ни о своей будущности.

И это не все — рядомъ съ этимъ высокомернымъ презрѣніемъ къ народу русскому, съ этимъ надменнымъ желаніемъ отбѣснить его въ сферы зоологій, похвальное слово юнаго и неопытнаго М. Р. Гранъ Дофа русскимъ политическимъ тюрьмамъ въ *Вильнѣ* и *Варшавѣ*. Что русское пачальство, обманывающее ежегодно при ихъ путешествіяхъ, одного государя, четырехъ великихъ князей, неопредѣленное число министровъ, ихъ товарищей, ревизоровъ, контролеровъ, инспекторовъ, директоровъ, бросило пыль въ глаза путешественнику, насъ не удивляетъ; еще меньше удивляемся мы отроческой павности, безхитростному простосердечію англійскаго туриста. Ихъ милая простота, дѣтское незнаніе и удивленіе, едва-ли уступаютъ дѣвичьему простодушію тирольскихъ молочницъ. По мы вправѣ удивляться, что *Теймсъ*, помѣщающій мѣсяцовъ десять къ ряду рассказы объ ужасахъ, совершаемыхъ въ русскихъ судахъ и тюрьмахъ, поднявшій страшную исторію о женѣ и матери Сѣраковскаго, помѣстилъ безъ малѣйшей оговорки это школьное упражненіе пера, въ которомъ Муравьевъ представляется строгимъ, но добрымъ отцомъ подсудимыхъ, которыхъ имѣть слабость вѣшать ежедневно, а полковникъ Лебедевъ сестрой милосердія, съ усами и шпорами.*

Случайно-ли попали эти статьи въ близкое сосѣдство, или нѣтъ, намъ все равно. Онѣ бросаютъ легкій свѣтъ на внутреннюю мысль Теймскаго возрѣнія на Россію.

Что ему за дѣло какъ содержать и какъ вѣшаютъ поляковъ да и русскихъ?... польскій вопросъ имъ давно надобѣлъ. Неумыслный судъ Муравьева и понечительность Лебедева о тюрьмахъ никогда не перейдутъ въ Англію. Это такъ, но чего-же онъ печалится о томъ, что наша беснущая, рабская “аристократія” нопопетъ какъ ручей въ морѣ — въ народномъ представительствѣ? Почему ему хочется, чтобъ императоръ Александръ былъ окруженъ блестящей “аристократіей”? чего онъ боится русской конституціи, и отдаляетъ ее по крайней мѣрѣ на пятнадцать лѣтъ?

— Да все эти проклятыя “коммунистическія стремленія”... *Право на землю* — agrarian outrage, а какъ оно — то признается... это ужъ будетъ не *аппарналъ* обида, а аграрный примѣръ, хуже всего что проповѣдаютъ Кобденъ, Брайтъ и вся манчестерская партія съ ними.

И — рѣ.

— **ТѢНЬ БАНКА.** — Превосходная статья г. Воловскаго въ *Revue des deux mondes*, нанесла тяжелый ударъ идущему въ банкротство петербургскому правительству, до того тяжелый, что сама блѣдная “Тѣнь Банка” явилась въ видѣ Штиглица.

Но вѣдь это только тѣнь, и Макбетъ Воловскій слишкомъ правъ, чтобъ ея испугаться. Финансовое положеніе Россіи, не смотря на весь сумракъ официальныхъ неопредѣленностей, достаточно уясняется изъ споровъ: “Москов. Вѣдомостей” съ “Сѣверной Пчелой” и Воловскаго съ Штиглицемъ. Мы намѣрены въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* посвятить статью разбору этой поучительной и обличительной полемики.

— *Поправка.* Мы забыли напечатать въ 175 л. *Колокола*, говоря о присланныхъ въ *Общій фондъ* изъ Германіи 1,000 фран. или 40 фунт., что они присланы 1 Декабря черезъ г. Тхоржевскаго отъ * *.

* Письмо Гранъ Дофа, какъ и слѣдовало ожидать, не только воспроизведено въ *Nord's* и “*Моск. Вѣд.*”, но и наказано похвалою ихъ редактора.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛНСТЪ 179.

15 ФЕВРАЛЯ 1864.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 27).

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать седьмымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Грюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzowski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 27.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Казнь Ф. Амброжинскаго—Кончина А. Н. Муравьева—Финансовые споры—Польское правительство и Крестьянская земля—Раззорены освобожденіемъ! Смѣсь: Государь въ немилости—Татьянинъ день—Славянофильство на таможенѣ—Пруссія, Россія и палки, палки—Убийство сумашедшаго—Августовскіе адреса—Между Тимзой и Певой—Гр. А. Блудова и М. Хотинскій—С. Стахевичъ и А. Цветковъ—Ссылка одного вмѣсто другаго—Хозяинъ не позволялъ—Повооруженіе въ журналистикѣ—Нашимъ библиографамъ—Отъ издателей—Русскій Пивалдъ—La Cloche—Общій фондъ.

ОНИ СОВСѢМЪ СОШЛИ СЪ УМА.

Въ русскихъ газетахъ (*Спб. Вѣдомости, Сѣв. Пчела*) описывается казнь, бывшая 5 Января въ городѣ Островѣ. Казненъ былъ *Феликсъ Амброжинскій*, обвиненный въ томъ, что онъ былъ жандармомъ польской службы, повѣсилъ *кого то* (не названо кого) и “доставлялъ мятежникамъ сѣстные припасы”. Все это не удивляетъ больше. Но слушайте дальше: “Вмѣстѣ съ войсками были приведены соучастники Амброжинскаго, такіе же жандармы, (*преступленія ихъ еще не открыты*), которые должны были выполнить должности палачей. По прочтеніи приговора, преступникъ сталъ на колѣни, поцѣловалъ подпесенный всендзомъ крестъ и проговорилъ: панове, доруйте мнѣ (простите), и всталъ; приготовленные люди—соучастники преступника—подвели его къ эшафоту, сняли чепарку, шапку, (во все это время Амброжинскій, ни слова не говоря, былъ багравато-блѣденъ, и только трясся) надѣли на него смертную рубашку и колпакъ, взвели на эшафотъ и исполнили *вѣроятно знакомое имъ дѣло веревкой*”.

Мы обращаемся ко всѣмъ честнымъ людямъ... Мы обращаемся—ну да, мы обращаемся на примѣръ къ вамъ, г. Аксаковъ, издатель *Дня*. (Аскоченскій уже донесъ, что *Колоколъ* дѣлаетъ различіе между *Днемъ* и *Московскими Вѣдомостями*!) да, мы обращаемся къ вамъ, вы носите имя чистое, имя честное, имя которое мы привыкли уважать въ вашемъ отцѣ, любить въ вашемъ братѣ, посмотрите съ кѣмъ вы стоите и *какую* энергію вы хвалите. Люди, *которыхъ преступленія еще не открыты*, принуждены убитъ своего товарища! и корреспондентъ журнала, хладнокровно, *сunt grano salis*, прибавляетъ, “что они исполнили *вѣроятно знакомое имъ дѣло веревкой*”.

Слова нѣмѣютъ, языкъ не имѣетъ порицанья, браши достаточной этому злодѣйству. Смотрите, г. Аксаковъ, какъ бы поддерживая изъ за важныхъ политическихъ соображеній вашихъ, это распутство крови, жестокостей, наконецъ такихъ аргистическихъ утонченій, вы вмѣсто помощи Босніамамъ, Хорватамъ и Далматамъ, не накопили бы себѣ страшныя угрызенія совѣсти. Вы жалѣли насъ въ *Днѣ*, мы жалѣемъ васъ въ *Колоколѣ*.

Годъ VII.

КОНЧИНА А. Н. МУРАВЬЕВА.

18 Декабря скончался въ Москвѣ на осьмомъ десяткѣ Александръ Николаевичъ Муравьевъ; онъ былъ однимъ изъ основателей *Союза Благоденствія* (въ 1815), и до конца своей длинной жизни сохранилъ безукоризненную чистоту и благородство. Рекомендуемъ читателямъ прочесть въ 17 N. *Листка* небольшую статью объ немъ.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ.

Статья Воловскаго о русскихъ финансахъ и жалкое возраженіе на нее Штиглица, разоблачили передъ западнымъ міромъ, несостоятельность петербургскаго императорства; между тѣмъ какъ почти въ то же время, дома, оказывалъ эту услугу русской публикѣ споръ *Сѣвер. Пчелы* съ *Московскими Вѣдомостями*. Постараемся уяснить этотъ фактъ на сколько возможно при тѣхъ немногихъ данныхъ, которые есть у насъ подъ руками.

Статья Воловскаго написана хладнокровно, умѣренно и чрезвычайно опредѣленно. Она начинается съ сравненія состоянія финансовъ въ 1854 и 1863 году. Цифры всѣ официальныя; 1854 годъ взятъ изъ статьи Тенгоборскаго, помѣщенной 15 Ноября 1854 года въ *Revue des deux mondes*.

“Въ 1854 году”, говоритъ Воловскій, “масса кредитныхъ билетовъ достигала 345,927,000 рублей, а металлическій запасъ равнялся 42% этого числа, т. е. 146,563,000 рублей (16 [28] Сентября 1854). Уже и это было, сравнительно съ предшествующими годами, значительное увеличеніе кредитнаго обращенія и уменьшеніе металлическаго запаса; но размѣръ билетовъ на монету продолжался. Теперь же отчетъ государственнаго банка, 30 Ноября 1863 года, показывать сумму кредитныхъ билетовъ въ 634 милліона рублей, а металлическій запасъ только въ 56 милліоновъ, съ прибавленіемъ 12 милліоновъ публичными фондами. Размѣръ билетовъ, остановленный въ 1855 году и начатый въ 1862, теперь снова остановленъ: такимъ образомъ банкноты нисходятъ на степень ассигнацій.

“Долгъ по 1 Января 1853 года былъ въ 400 милліоновъ рублей; въ началѣ 1863 онъ достигалъ до 650 милліоновъ. Серійные билеты въ 1854 году не превышали 60 милліоновъ рублей; 1 Января 1863 года они дошли до огромной суммы 120 милліоновъ рублей и потребовался новый выпускъ пяти серій въ 3 милліона каждая (15 милл. руб.), чтобы покрыть дефицитъ бюджета 1863 года. Вотъ уже больше полу милліарда текущаго долга. За тѣмъ на казну падаютъ пятипроцентные билеты на 268,772,600 рублей и четырехпроцентные на 47,145,600 рублей, да 98,782,430 руб. банкнотныхъ вкладовъ, да 38,194,555 р. разныхъ другихъ вкладовъ, да 36,880,742 должныхъ московской сохранной казнѣ, да 27,155,660 р. по текущимъ счетамъ и пр., такъ что наконецъ мы доходимъ, причисливъ кредитные билеты до суммы 1 милліарда рублей, или 4 милліардовъ франковъ!”

“Русскій бюджетъ до послѣдняго времени представлялъ невѣдомую страну, куда не впускались непосвященные. Обнародованіе, хотя не полное и невѣрное, состоянія доходовъ и расходовъ на 1862 годъ, сдѣланное тогдашнимъ министромъ финансовъ Княжевичемъ, было великой реформой, на которую даже смотрѣли какъ на дерзновенный поступокъ. Бюджетъ болѣе точный былъ заготовленъ на 1863 годъ г. Рейтернъ, нынѣшнимъ министромъ. Но между обоими документами странная точка сопаденія: оба бюджета дополняются почти равнымъ дефицитомъ. Въ 1862 году дефицитъ показанъ въ 14,757,899 рублей; въ 1863 году пять выпусковъ серій по три милліона каждый пополняютъ подобный же дефицитъ, только круглой цифрой въ 15 милліоновъ рублей (60 милл. франковъ).

“Въ Май 1863 года, г. Рейтернъ, министръ финансовъ представилъ царю отчетъ о бюджетѣ имперіи на 1863 годъ. Стоитъ только взглянуть, чтобы убѣдиться какъ ошибочны были всѣ прежніе отчеты. Не только совершенно произвольное распредѣленіе устраняло всякій серьезной контроль, но многіе доходы, входящіе въ разрядъ государственныхъ доходовъ, не поступали въ казначейство и разстрачивались совершенно безъ вѣдома министра. Особый комитетъ былъ, назначенъ для постановленія болѣе опредѣленныхъ правилъ и по императорскому указу 22 Мая 1862 года, стали вводить сколько нибудь порядка въ этомъ хаосѣ. Каждая администрація была принуждена не только измѣнить всю экономію своихъ расчетовъ, но и составить бюджетъ доходовъ и расходовъ, котораго прежде не существовало. Такимъ образомъ вошли въ государственный бюджетъ всѣ отдѣльные государственные доходы, т. е. всѣ доходы, которые значились по казначейству, и всѣ доходы которые взымались отдѣльными управленіями и тратились безъ всякаго бюджетнаго распредѣленія. Въ то же время поступили въ государственный бюджетъ расходы, которые относились и къ этимъ отдѣльнымъ вѣдомствамъ. Это достаточно объясняетъ внезапное повышеніе доходовъ и расходовъ: въ первый разъ государственный бюджетъ представилъ полную картину доходовъ и расходовъ имперіи; въ него вошло 42,700,000 руб. (болѣе 170 милліоновъ франковъ) доходовъ, прежде не показанныхъ, и выѣстъ вошло 37,800,000 рублей (около

150 милліоновъ франковъ) соотвѣстныхъ расходовъ. Стало при этой финансовой централизаціи было около 20 милліоновъ франковъ въ пользу казначейства.

“Но не только въ цифрахъ, но и въ самомъ распредѣленіи было сдѣлано много перемѣнъ. Такимъ образомъ стало довольно трудно сравненіе разныхъ частей бюджетовъ 1862 и 1863 годовъ. По бюджету 1863 года доходы простираются до 318,800,000 руб. (1,275,200,000 фр.); вычитая 42,700,000 рублей, не существовавшихъ въ прежнихъ отчетахъ, остается доходъ въ 276,100,000 рублей (1,100,000,000 фр.), который на 8,600,000 руб. (34,400,000 франковъ) ниже 284,700,000 рублей, показанныхъ въ бюджетѣ 1862 года, съ 5,400,000 рублей, значащихся по необычнымъ доходамъ, а теперь вошедшіе въ доходы обыкновенные. Это уменьшеніе дохода произошло не смотря ни на новый налогъ патентовъ на торговлю и промыслы, ни на прибавку 25% на крестьянскіе подушные сборы, ни на повышеніе оброковъ съ государственныхъ владѣній, хотя уже одна эта послѣдняя статья даетъ приращеніе доходовъ на 2,700,000 рублей (10,800,000 франковъ).

“Вслѣдствіе всего этого была признана необходимость экономизированія. Бюджетъ расходовъ на 1863 годъ былъ назначенъ въ 330,535,000 руб. (1,340,140,000 франковъ). Вычитая 37,800,000 рублей, въ первый разъ поступившихъ на счетъ казначейства, остается 292,100,000 рублей сравнительно съ суммой 310,619,000 рублей по бюджету 1862 года. Мнимое уменьшеніе около 18 милліоновъ рублей сносится на 2,800,000 рублей (11,200,000 франковъ), если мы вычтемъ изъ цифры 1862 года (по оффиціальному отчету) около четырехъ милліоновъ рублей, сводящихся ни на что, — 7,317,000 на заготовленіе водокъ, и 3,317,000 на мѣдь и орудія, предназначенныя для военнаго и морскаго министерствъ и которыя нейдутъ въ сравненіе съ бюджетомъ 1863 года.

“Какъ-бы то ни было, министръ финансовъ признаетъ доходы сравнительно съ 1862 годомъ на 8,680,000 рублей меньше. Этотъ дефицитъ покрывается приблизительно на 4,900,000 рублей прибавленныхъ доходовъ, въ первый разъ помѣщенныхъ въ бюджетъ, равно какъ и соотвѣстные расходы, и экономизированіемъ на 2,800,000 рублей; но это новый дефицитъ, который прибавляется къ недостатку доходовъ, который уже въ 1862 году доходилъ до 14,780,000 рублей; стало, онъ въ 1863 году никакъ не меньше 15,700,000 рублей (62,800,000 франковъ).

“Безъ сомнѣнія, оффиціальный документъ, изъ котораго мы заимствуемъ эти цифры, не хотѣлъ несколько прибавить мрачности къ картинѣ безъ того мрачной. Его признаніе наводитъ на разные размышленія. При нормальномъ положеніи, русскіе бюджеты вынуждаются возрастающимъ дефицитомъ, не смотря на все усердіе и образованіе людей, стоящихъ во главѣ финансоваго дѣла. Очевидно, что положеніе такъ натянуто, что самые талантливые люди не могутъ съ нимъ сладить. Хотятъ-ли теперь ухудшить это положеніе? Хотятъ-ли его улучшить или только поддержать какъ есть? Увеличить источники доходовъ, уменьшить источники расходовъ — вотъ путь, опредѣляемый здравымъ смысломъ. Посмотримъ что тутъ можно сдѣлать и прежде всего рассмотримъ источники доходовъ.

* Изъ послѣдствій показана изъ обнародованныхъ оффиціальныхъ документовъ, что цифра долговъ въ 1857 году достигала до 1,572,569,907 руб. Уменьшилась-ли она съ тѣхъ поръ — для насъ сомнительное. Скорѣе увеличилась.

“Бюджетъ въ 1,300,000,000 страшно тяжелъ для страны, которой средства относительно очень ограничены. Русская промышленность, не смотря на всѣ похвальные усилія, еще не вышла изъ младенчества; торговля, мало развитая, вертится около массы грубыхъ произведеній, земледѣіе страдаетъ отъ разстройства, произведеннаго отминовеніемъ крѣпостнаго права; оно платитъ теперь за прежніе годы бѣдствій и страданій — неизбежное наказаніе за забвеніе всѣхъ правъ правосудія и человѣчества. Дворянство раззорено и не имѣетъ капиталовъ для вачатія *новой* земледѣльческаго хозяйства. Уже не тѣ времена, про которыя Сизмонди гоноритъ, что хозяйство стоило только палочные удары, раздаваемые крестьянамъ; надо платить за земледѣльческую работу, а рукъ нѣтъ; прибѣгнуть къ земледѣльческимъ машинамъ тоже нельзя, потому что дорого стоитъ и требуетъ познаній, которыхъ нѣтъ. Земледѣльцы, сколько нибудь зажиточные и предпріимчивые — это несуществующее сословіе; земледѣльческое среднее сословіе еще меньше существуетъ чѣмъ среднее сословіе городовъ. Словомъ, Россія бѣдна. Гдѣ же ей вынести тяжесть бюджета, расходующаго больше 1 миллиарда 300 милліоновъ? Бюджетъ этотъ падаетъ не на барыши постоянно движущейся промышленности, какъ на Западѣ; онъ налагаетъ на самую сущность труда, онъ пожираетъ зародыши и предпріятій и разработокъ, безъ которыхъ народы становятся обезоруженными. Почва, дурно воздѣланная, даетъ плохіе жатвы; пути сообщенія развиваются туго, потому что иностранные капиталы, на минуту увлеченные блестящими обѣщаніями, отшарахнулись, не вида ни большихъ барышей, ни достаточнаго обезпеченія; фабрики идутъ медленно и мѣла унадеетъ...

“Россія бѣдна: мы думаемъ однако, что не было довольно, отдавъ справедливости правительственнымъ усиліямъ обогащать еѣ. Вообще правительство обвиняли въ злѣ, котораго причины надо отыскивать гораздо глубже. Конечно, правительство впадало въ огромные ошибки: подкупность, эта постыдная язва, разѣдающая всѣ отрасли государственной службы, далеко не исцѣлена, и только огромныя реформы могутъ дать правильный ходъ огромной машинѣ; но — чтобы взять примѣръ изъ современной механики, мы скажемъ, что самыя героическія мѣры, самыя правильныя шестерни не могутъ дать движенія тамъ, гдѣ нѣтъ пара, гдѣ нѣтъ души всего механизма. А между тѣмъ, именно и не достаетъ двигающей силы, индивидуальной инициативы, разумной дѣятельности — въ социальной организаціи, которая еще не вышла изъ пеленокъ коммунизма, гдѣ еще не можетъ пробиться на свѣтъ духъ свободы и обезпеченія частной собственности.

“Россія бѣдна, повторяемъ мы, и русскіе, которые не ослѣплены ложной народной гордостью, которые ясно и опредѣленно понимаютъ положеніе своей страны, первые сознаются въ этомъ. Одинъ изъ лучшихъ органовъ русской прессы — “Русскій Вѣстникъ” — доказалъ это (Сентябрь 1862 года). “У насъ тоскуютъ о бѣдственномъ недостаткѣ денегъ”, говоритъ онъ, “обвиняютъ въ этомъ правительство, чтобы не признаться, что главная причина бѣдность самой Россіи. Въ странѣ производительной всегда имѣется довольно денегъ, безъ нужды прибѣгать къ выпускамъ ассигнацій, считая ихъ за элементъ богатства” — и чтобы выразить свою мысль смѣлымъ сравненіемъ, авторъ прибавляетъ: “Только

совсѣмъ въ новѣйшія времена воображали, что достаточно сшить пару сапогъ, чтобы можно было ходить безногую”.*

За сѣмъ, Воловскій, доходя до результата, что нельзя увеличить налогъ въ Россіи и слѣдственно нельзя увеличить бюджетъ доходовъ, обращается къ бюджету расходовъ, который уменьшить также затруднительно. Продолжаемъ выписку изъ его статьи:

“Платежи по государственному долгу поглощаютъ около 57,457,217 рублей (230 милліоновъ франковъ). Въмѣсто того, чтобы стараться уменьшить этотъ расходъ, русское правительство усиливается, хотя и тщетно, увеличить его новыми займами. Военное и морское министерства поглощаютъ около 134 милліоновъ рублей (536 милліоновъ франковъ). Здѣсь замѣтно опасное стремленіе къ увеличенію расходовъ. Все вздорожало въ Россіи вълѣдствіе упадка бумажныхъ денегъ, а такъ какъ содержаніе солдата отчасти улучшено, то это составляетъ двойную причину увеличенія расхода.

“Стараясь выказать огромность своихъ военныхъ силъ, русское правительствомъ любитъ являться передъ свѣтомъ какъ преобладающая власть. Знаменитый “милліонъ солдатъ”, о которомъ столько говорено статистиками, дѣйствительно существуетъ только на бумагѣ. Польская война показала какъ настоящее число войскъ, готовыхъ къ дѣлу, далеко отъ этой фантастической цифры. Да и какъ же могло быть иначе? Съ 1856 г. рекрутства не было; нынѣшнее рекрутство, исключая западныхъ провинцій, не скоро поставитъ солдатъ, годныхъ для войны; имъ, въ Россіи больше чѣмъ гдѣ иудь, надо время для обученія. Какія, дѣйствительно, въ

* Мы тутъ должны сдѣлать поспѣшное примѣчаніе, потому что не согласны ни съ Воловскимъ, ни съ “Русскимъ Вѣстникомъ”. Россія не бѣдна; ея земледѣльческія произведенія огромны. Но въ томъ то и дѣло, что въ Россіи нѣтъ тѣхъ огромныхъ частныхъ, въ помощь руки собранныхъ капиталовъ, которые мы видимъ въ Европѣ. Богатство русскаго народа — это доходъ отъ земли, которую онъ владѣетъ и которая отплачиваетъ податями болѣе четверти всего государственнаго дохода, (сверхъ того государственный доходъ отплачивается землями, присвоенными собою правительствомъ). У насъ нѣтъ tiers état, среднего сословія, о которомъ говоритъ Воловскій. Это чрезвычайна асно остановится азъ 16 №. “Московскихъ Вѣдомостей”, (назавіе пераэдѣланнаго съ “Русскимъ Вѣстникомъ”). У насъ два класса — чиновничество и народъ, (народъ значитъ сѣмское и городское крестьянство), Воловскій (да и крокъ Воловскаго опитъ) доказываетъ, что у чиновничества нѣтъ капитала для земледѣлія. У народа онъ есть; онъ въ его трудѣ, въ томъ, что онъ своимъ земледѣліемъ можетъ прокормиться безъ всякаго участія работы по найму для другихъ. Стало, у насъ заработная плата была и будетъ всегда выше средствъ частныхъ земледѣльцовъ. Логически имъ можно придти только къ заключенію, что Русь мірская можетъ выработаться въ мірское богатство, а что другихъ элементовъ для богатства у насъ нѣтъ. Воловскій называетъ это коммунизмомъ, названіе весьма неопредѣленное; у насъ это называется просто очень опредѣленно мірскимъ земледѣліемъ, (которое можетъ быть породѣнное, раздѣльное, даже перейти въ общій трудъ, но ничего не имѣетъ общаго съ европейскимъ теоретическимъ коммунизмомъ). У этого мірскаго земледѣлія въ рукахъ вся будущность земледѣлія и слѣдственно, всего русскаго богатства. Но нельзя этой общественной производительности смѣшивать съ государственнымъ кредитомъ, который ей только имѣаетъ государственнымъ не правильными налогами. Русскому народу собственно никакого дѣла нѣтъ, если государственнымъ кредитъ упадетъ. Прочтѣ “Мос. Вѣдомостей” о замѣнѣ процентными бумагами — безпроцентными, (что такъ рѣшительно отвергалъ Канкринъ, какъ мы впоследствии увидимъ изъ статьи Воловскаго) тутъ нисколько не поможетъ. Банкротится правительство, которое не можетъ собрать, а не народъ, который производитъ болѣе чѣмъ потребляетъ. А почему тутъ банкротится правительство, это очень просто: нѣтъ ни одного народа, который бы отдалъ все до послѣдней нитки въ преданности къ закону бы то ни было правительству. Это не имѣаетъ правительству дѣлать долги самимъ себѣ, но за то народъ въ спорѣ времени и образумится и скажетъ — ваши долги не наши. Правительственный кредитъ въ Россіи даже долго держаться не можетъ. Но этому и помѣхи на помѣхъ займъ не удалось; и маревый статъ Нитасина Воловскому болѣе не преданъ правительственному праву, тѣмъ сѣмъ предосудная статья Воловскаго.

настоящее время воинскія силы? Авторъ превосходной книги сравнительной статистики,* вышедшей въ недавнее время, Кольбъ, полагаетъ дѣйствительную военную силу въ 385,000 человѣкъ, а именно: пѣхотной гвардіи и гренадеровъ 40,000 человѣкъ; армейской пѣхоты 130,000, человѣкъ; регулярной кавалеріи 55,000; артиллеріи и инженеровъ 30,000; кавказской арміи 130,000; всего 385,000 человѣкъ, къ которымъ присовокупляется около 150,000 казаковъ и поселенной кавалеріи. Эта цифра ближе къ дѣйствительности. Въ крымскую войну главная армія считала 418,166 человѣкъ пѣхоты, 99,260 человѣкъ кавалеріи и 31,548 человѣкъ артиллеріи и инженеровъ, т. е. около 550,000 человѣкъ, кромѣ кавказскаго войска (которое считали отъ 116,000 до 165,000 человѣкъ) и кромѣ 126,000 нерегулярнаго войска и военныхъ поселенцевъ. Со всѣмъ этимъ официальнымъ числомъ, Россія никогда не могла выставить болѣе 200,000 человѣкъ на поле битвы. Очеты долею вымышленные, считали въ кавказской арміи 250,000 человѣкъ. Итогъ войска, для котораго военное начальство должно было заготовлять продовольствіе, считался въ 1855 году въ 845,900 человѣкъ, а въ 1856 году въ 796,795 человѣкъ. А такъ какъ не было рекрутства, а было большое число отставокъ и армія въ продолженіе семи лѣтъ не могла не уменьшиться, то эта цифра совершенно нарицательная.

“Во всѣхъ странахъ арміи на бумагѣ гораздо многочисленнѣе чѣмъ въ дѣйствительности. Эта разница особенно велика въ Россіи, гдѣ она служитъ прикрытіемъ разныхъ неточностей управленія и прискорбныхъ обмановъ. Только генеральный штабъ существуетъ во всемъ комплектѣ. *Русскій Инвалидъ*, въ 1862 году, насчитывалъ 387 генераловъ и 30,051 офицера, изъ которыхъ 334 генерала и 19,025 офицеровъ будто-бы были всегда въ дѣйствительной арміи, состоящей изъ 698,354 человѣкъ; но эти кадры далеко были не полны. Изъ всего обнаруживается, что русское войско, хотя одно изъ самыхъ сильнѣйшихъ въ Европѣ, все-же не доходитъ до того чрезмѣрнаго числа, которое принималось за правду довѣрчивымъ легкомыслиемъ: польская война 1831 года и настоящая борьба несчастной Польши—достаточно доказали какъ трудно Россіи выставить 200,000 войска для западной войны, когда въ тоже время нужны люди для содержанія порядка на огромныхъ пространствахъ внутри имперіи и для кавказской войны. Если бы потребовалось увеличить войско, то надо-бы прибѣгнуть къ финансовымъ средствамъ, которыхъ не даетъ ни налогъ, ни заемъ. Чрезвычайное средство бумажныхъ денегъ также не поможетъ, потому что Россія уже теперь страдаетъ отъ ихъ чрезмѣрности, которая угрожаетъ страшнымъ кризисомъ. Такимъ образомъ мы приходимъ уже не къ вопросу производительности и расходовъ Россіи, а къ третьему вопросу, не менѣе важному—къ вопросу о затрудненіяхъ ея кредита”.

“На этой первой главѣ статьи Волонскаго, мы перервемъ ее для помѣщенія въ слѣдующемъ листѣ *Колокола* необнародованныхъ правительственныхъ документовъ за 1857 годъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи. Они дадутъ немного разныхъ цифры съ статьей Волонскаго, но еще менѣе утѣшительныя. На этотъ разъ мы заключимъ вкратцѣ нашимъ убѣжденіемъ: для того, чтобы спасти экономическую жизнь, Россіи нуженъ—во-первыхъ миръ, а во-вторыхъ

освобожденіе народа отъ чрезмѣрнаго правительственнаго управленія, которое, даже и въ своихъ реформахъ, недавно обпародованныхъ подъ названіемъ “земскихъ учрежденій”, никого не освобождаетъ, ничего не освобождаетъ, не даетъ никакой общественной инициативы, а только создаетъ новый видъ чиновничества, который падетъ на страну приращеніемъ налога, въ то время, когда страна не въ силахъ нести и того громаднаго и неправильнаго налога, который уже существуетъ.

(Продолженіе впродъ).

Н. Огаревъ.

ПОЛЬСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

И

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЗЕМЛЯ.

Страшный вопросъ о *крестьянской землѣ*, своей соціальной стороною пугаетъ обѣ стороны, и каждая торопится поскорѣе своему противнику, къ прочимъ обвиненіямъ, навязать соціальныя тенденціи. Съ этой цѣлью *Русскій Инвалидъ* въ 16 N. отклоняетъ отъ петербургскаго правительства подозрѣніе въ социализмъ и тотчасъ передаетъ его Центральному Комитету. Между прочимъ онъ ссылается на декретъ его отъ 22 Января 1863, и намъ кажется, что *Инвалидъ* ничѣмъ не могъ сдѣлать болѣе услуги героическому Комитету, стоявшему въ главѣ польскаго движенія, въ самомъ началѣ его.

“§ 1. Всякая земля обрабатываемая подъ какимъ-бы то ни было названіемъ оброка, найма и пр. небольшими фермерами, равно и всѣ принадлежности къ ней, становятся *свободною для свободной собственности фермера, безъ всякаго обязательнаго оброка, исключая податей и службы отечеству.*

“Ар. 2. Прежніе владѣльцы получаютъ вознагражденіе изъ народныхъ фондовъ посредствомъ капитала гарантированнаго націей.

“Ар. 5. Настоящій декретъ относится не только до частной собственности, но ко всѣмъ землямъ казеннымъ, отданнымъ въ аренду, принадлежащимъ церквамъ и пр.*”

Ясно или нѣтъ?

Досадно, что польское правительство постоянно не ссылалось передъ Европой и народомъ русскимъ на этотъ великій декретъ; досадно, что оно допустило крикъ казенной литературы въ Россіи. Теперь, когда игра сыграна, таже казенная литература снимаетъ съ государева бюста соціальную маску и передаетъ ее польскому правительству, о которомъ постоянно, говорило, что оно вовсе не представляетъ крестьянскихъ интересовъ.

Эту то игру и надобно было во время разстроить!

РАЗЗОРЕНЫ ОСВОБОЖДЕНІЕМЪ!

И прекрасны вы не кстати,

И умны вы не въ попадъ...

А. Нушвинъ.

Ошибка въ фальшъ не ставится, но фальшъ непремѣнно ведетъ къ ошибкѣ. Ложь въ основѣ какого-нибудь дѣла можетъ создавать фасады, отводить глаза, можетъ разрушать, уродовать, убивать, но не можетъ создавать, она лишена

* Affaires de Pologne. Exposé de la situation, suivi de documents, à Paris, Decembre, 1863. Изд. кн. Чарторижскаго.

* Handbuch der vergleichenden Statistik, 3 издание 1862.

плодотворной мощи—ея дары, какъ деньги данныя печистой силой, о которыхъ говорятъ сказки, сыплются золотомъ, а кошелекъ наполняется сухими листьями. Вотъ какъ разсказываетъ одинъ великорусскій журналъ (*День*) о положеніи крестьянъ въ Заславскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи :

“Никто изъ насъ не могъ предвидѣть, чтобъ такая благая мѣра правительства, какъ освобожденіе крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ помѣщикамъ полякамъ, могла разрѣшиться такими невыгодными для крестьянъ результатами въ матеріальномъ отношеніи. По логическимъ выводамъ выходило, что матеріальный бытъ крестьянъ нисилько отъ того не пострадаетъ; въ пользу того говорили взаимныя нужды. Но на дѣлѣ вышло иначе: на сторонѣ крестьянина оказался огромный перевѣсъ нуждъ сравнительно съ помѣщичьими и сила этого тяготѣнія давить крестьянина до ощутительной боли. Крестьяне цѣлыми толпами бросаются во всѣ стороны, спрашивая работъ, и цѣлыми толпами возвращаются домой не находя нигдѣ заработковъ. И цѣны на воденный трудъ какъ значительно упали! Вмѣсто 30 к. с. или 25, которые давали прежде помѣщики, по заключеніямъ, на основаніи 228 ст. Мѣстнаго Положенія, договорамъ между крестьянами, въ настоящее время даютъ 10 к. с. А тутъ беспокоятъ крестьянина мужикъ, одна другой настоятельнѣе, которые не даютъ ему покоя ни днемъ, ни ночью. Вотъ требуютъ подушное, а тамъ оброкъ; нужно на волостное правленіе, на жалованье писарю и сельскимъ старшинамъ; вотъ заговорили и домашнія нужды: семья безъ одежды, безъ обуви. Задумался не на шутку крестьянинъ; дума крѣпкая залегла въ его душу, онъ пересталъ увлекаться мыслью, что настала для него золотой вѣкъ, а напротивъ пришелъ къ тому заключенію, что приблизилась тяжелая пора.....

“Да, незавидно положеніе нашихъ крестьянъ въ настоящее время, весьма незавидно. Правительство встрѣтило сильную оппозицію своимъ добрымъ намѣреніямъ въ сословіи нашихъ помѣщиковъ. Но есть еще одна причина, которая ставитъ нашихъ крестьянъ въ тяжелое положеніе, такая причина, которую опасно затрогивать, но о которой я скажу потому единственно, что на нее, какъ на бремя, указываетъ общій, единодушный голосъ всѣхъ крестьянъ: это слишкомъ высокія оброчныя цѣны на земли, такія цѣны, какихъ у насъ не было ни въ старыя, ни въ новыя времена. Известно, что оброчныя цѣны опредѣлялись въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, въ которомъ засѣдали преимущественно помѣщики-поляки. Это присутствіе, при опредѣленіи оброчныхъ цѣнъ на земли, брало въ соображеніе, сколько каждая десятина приноситъ чистаго дохода. Конечно, это совершенно законопно и справедливо. Но назначая отъ десятины земли полевого надѣла оброчной повинности 3 р. 10 к. с., помѣщики этой мѣрой исчерпали весь доходъ, какой только можетъ быть полученъ при благоприятныхъ обстоятельствахъ, т. е. при хорошемъ урожаѣ и хорошихъ цѣнахъ на продукты,—забрали весь доходъ, не оставивъ ни малѣйшей доли въ пользу крестьянина, ни малѣйшихъ средствъ для обезпеченія его быта и исполненія его обязанностей предъ правительствомъ. Не забудьте при томъ, что крестьянинъ платитъ въ своемъ дѣйствительномъ пользованіи двѣ только доли, ежегодно, на данной ему землѣ, двѣ сѣны — озимую и яровую; а третья доля остается подъ паромъ и составляетъ, на известное время, мертвый, непронзводительный капиталъ. Отсюда возникнетъ для крестьянина вопросъ: можно-ли брать съ него за паровую землю оброкъ въ одинаковой нормѣ, какъ и за ту, которая находится въ дѣйствительномъ его пользованіи, когда паровая земля не даетъ ему ни на копѣйку пользы? Не знаю какъ, гдѣ, но у насъ до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ не было такого обычая. Наконецъ, вѣдѣмъ сѣнокосная земля обложена оброкомъ въ равной мѣрѣ съ пахатною, когда въ нашей мѣстности всегда было правило, закрѣпленное всегдѣшнимъ обычаемъ, взимать съ сѣнокосной оброкъ въ полонинномъ размѣрѣ сравнительно съ пахатной, на томъ разумномъ основаніи, что сѣнокосная земля у насъ такого дурнаго качества, что съ одной десятины собирается не больше воза сѣна, а въ годы засухи не получается ни кола? ”

“Въ нашей мѣстности, до введенія уставныхъ грамотъ, существовали слѣдующія оброчныя цѣны отъ земли: отъ десятины пахатной: 1 р. 75 к. с., а отъ сѣнокосной въ половину меньше. Земля находящаяся подъ паромъ не облагалась оброкомъ. Такъ платили и крестьяне и польское населеніе земледѣльцевъ, водворенныхъ на помѣщичьихъ земляхъ. Эта льгота осталась за польскимъ населеніемъ по настоящее время, а крестьянамъ, въ силу уставныхъ грамотъ, возвышенъ оброкъ въ двойной пропорціи!

“Что-же касается помѣщиковъ, то объ нихъ можно сказать, что оброчныя статьи съ крестьянъ въ такой нормѣ, какая признава справедливою въ уставныхъ грамотахъ, представляютъ имъ такія огромныя выгоды, какихъ они никогда не намекали на своихъ вѣнцѣхъ, при трудѣ и хозяйственныхъ хлопотахъ. Вотъ вамъ фактъ: помѣщикъ М. пѣсколько лѣтъ тому назадъ купилъ село, за которое заплатилъ 38 тысячъ р. с. Въ настоящее время, когда крестьяне перешли на оброкъ, въ уставной грамотѣ опредѣленный, съ правомъ выкупа поземельныхъ надѣловъ, то по шестипроцентной капитализаціи взимаемаго съ крестьянъ оброка, этотъ помѣщикъ выручитъ всѣ 38 т. р. с. отъ продажи однихъ крестьянскихъ земель. Прочая-же земля, находящаяся въ собственномъ его пользованіи, и всѣ угодья: лѣса, мельницы, заводы приходятся ему даромъ. П. этотъ фактъ не единственный, не исключительный; такихъ найдется много”...

Слѣдуютъ еще пѣсколько вопиющихъ примѣровъ, за тѣмъ авторъ заключаетъ :

“Удивительно-ли, что нашъ крестьянинъ начинаетъ рѣшительно упадать духомъ и самъ не знаетъ что съ собой дѣлать, бросить-ли землю и идти по міру съ сумой, или еще потерпѣть до поры—до времени? Удивительно-ли, что онъ жалуется, что съ введеніемъ въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, на него возложено такое бремя, какое еще не лежало на его плечахъ?”...

СМБСБ.

— *Государь въ немилости, первое avertissement Милютину (статскому).*—Когда покойный церемоніймейстеръ Полоній, послѣ спектакля былъ посланъ ея величествомъ на половину его высочества, онъ доложилъ кронпринцу, что королева велѣла Е. В. сказать: “что поведеніе Е. В. удивляетъ ее”. “Каковъ сыпь, замѣтилъ ему Гамлетъ, когда сама родная мать дивится ему?”

Нѣчто подобное произошло между Александромъ II и второй Михайлой. Повѣя “Положенія” до такой степени мизерны, нескрепны, скудны, сшиты на живую нитку изъ французскихъ лохмотьевъ, сбивчивы, жалки, тощи, пусты, что удивили самого г. Каткова. Скрывая свою мысль подъ тяжелой доктринерской галиматіей, онъ все-таки высказалъ, что уставъ нигде не годится, и заключилъ по руководству берлинскихъ каморныхъ профессоровъ, когда они недовольны королемъ—сильнымъ, беззвучнымъ “ура!”. Послѣ чего онъ безжалостно сослалъ “Положенія” изъ главнаго листа въ “Современную Литературу” рядомъ съ доносомъ на коммунизма “Современника”.

Мы не знаемъ на сколько милютинскаго въ этомъ сумбурѣ, но если много, не мѣшаетъ ему подумать о чемоданчикѣ. Чего не сдѣлаетъ государь, чтобъ примириться съ своимъ Адашевымъ.*

— *Татьянинъ день.*—Университетское торжество (12 Янв.) въ Московскомъ университетѣ, ознаменовано на пышнѣйшій годъ тѣмъ, что какой-то Савва благославилъ, а протоіерей сказалъ приличную проповѣдь (еще бы онъ тутъ имъ прочелъ Поль де Кока!), послѣ чего г. Любимовъ показывалъ мнемоническіе опыты; все онъ помнитъ, даже подробности объ умершемъ профессорѣ Зерновѣ, и между прочимъ юмористически выставляетъ достоинства математика, что онъ одинъ изъ первыхъ сшилъ себѣ форменный сертукъ и что чинопочитаіе у него доходило до чего-то болѣзненнаго.

А Аксаковъ, вѣрный мысли, что Иванъ великій средоточіе Россіи, такъ витѣйствуетъ во 2 л. *Дил*: “Московскій универ-

* Впрочемъ гнѣвъ г. Каткова не оригиналенъ. Вся журналистика какъ-то сконфужена земскими положеніями. Совершенношесъ пѣсцо, самое полное...печенье яблоки летятъ ото всюду, разумѣется приправленные всякаго рода сахаромъ... даже съ всякихъ уѣздныхъ обѣдовъ и сѣкъ, на которыхъ все-еще безстыдно пьютъ за Берга и Муравьева.

ситеть, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ молодое поколѣніе со всѣхъ концовъ Россіи. Все стремится къ нему, все надѣется найти только въ немъ одну истинную науку и служителей ея. Отдаленная Сибирь, имѣя подъ бокомъ у себя университетъ — *пренебрегаетъ имъ и шлетъ питомцевъ своихъ въ Москву*”.

— *Славянофильство на таможнѣ.* — Какой-то Войтъ, управляющій Вержболовской таможней, издалъ слѣдующіе законы:

1) *Запрещается на кордонахъ, гдѣ живетъ русскій солдатъ, говорить по польски, а также въ таможенныхъ мѣстахъ, (?!!!) канцеляріяхъ, пакаузахъ, на дебаркадерахъ во время отправленія служебныхъ обязанностей.*

2) *Не дозволять нижнимъ чинамъ вступать въ бракъ съ тѣми поляками, которые не говорятъ свободно по русски.*

Оба закона изданные начальникомъ вержболовскаго таможеннаго округа, напечатаны въ “Рус. Нивалидѣ” и въ 223 N. “Голоса”, но “Москов. Вѣдомости” помѣстили у себя только первый изъ двухъ законовъ, не упоминая о второмъ.

Желающимъ знать скромный источникъ откуда вышла патріотическая фамилія Войтовъ, совѣтуемъ прочесть статью объ его братѣ въ 17 No. *Листка*, откуда мы и взяли этотъ образецъ правительственной наглости.

Скоро придется Дню и о Войтѣ писать то, что онъ сказалъ въ 2 No. о Муравьевѣ:

“*Козни враговъ открыты, замыслы ихъ дерзкіе обнаружены, коренная русская народность, благодаря пеусыпной дѣятельности генерала Муравьева, законно и честно мало по малу начинаетъ торжествовать надъ пришлымъ и наноснымъ полонизмомъ и латинствомъ*”.

Что называетъ День “законнымъ и честнымъ”, мы не знаемъ. Но признаемся, хороша должна быть эта коренная народность, которую поддерживать надобно такими висѣлицами и комфортами.

— *Пруссія, Россія, ist mir alles gleich и палки, палки...* Мы получили на дняхъ слѣдующее письмо отъ неизвѣстнаго корреспондента, съ просьбою помѣстить его въ *Колоколь*. Оставляя факты на отвѣтственность корреспондента, мы не можемъ не сказать, что анекдоты такъ вѣрны характеру der bieder, guten, preussischen Untertanen и рыцарскому характеру плацъ-маіоровъ и плацъ-миноровъ христолюбиваго русскаго войска, что это почти ошибка со стороны дѣйствительности, если они не были:

“Г-жа Бернацкая опасаясь печальныхъ послѣдствій со стороны русской полиціи, по той причинѣ, что ея мужъ пріялъ участіе въ революціи, бросила свое имѣніе и съ тремя малолѣтними дѣтьми переселилась въ княж. Познанское въ г. Пешовъ. Она была беременна и вскорѣ родила. Спустя двѣ недѣли послѣ родовъ, русская полиція узнавъ объ ея пребываніи и предполагая что мужъ съ нею, изъ Калиша потребовала выдачи Бернацкаго. Пруссійскій бургомистръ Гаутцингеръ получилъ приказъ ландрата Грегоровіуса сдѣлать повальный обыскъ въ домѣ г-жи Бернацкой. Хотя жители и увѣдомили Гаутцингера, что Бернацкаго нѣтъ въ городѣ, а жена его очень слаба, но пѣмецъ отвѣчалъ “Das ist mir alles gleich”, и ночью окруживъ домъ ея опричьниками, Гаутцингеръ вошелъ въ спальню и произвелъ обыскъ. Молодая женщина лишилась чувствъ, а на слѣдующій день обнаружи-

лась нервная горячка. Докторъ Бендеръ отчаивается спасти эту бѣдную.

“Въ Замосцѣ среди политическихъ узниковъ находятся три венгерца изъ хорошихъ фамилій: Baarath Janos, Balas Lajos и Riekei Sandor; они, какъ и прочіе, обречены каторжной работѣ. Въ Октябрѣ ’63 г. дежурный офицеръ Митрофанъ Аненковъ, приказалъ имъ вывозить муссоръ и всякія нечистоты, они отказались и просили его дать имъ другое занятіе; Аненковъ обругалъ ихъ, приказалъ имъ снять фуражки, обѣщая въ противномъ отодрать розгами. Венгерцы отказались тѣмъ, что по новому уставу шапокъ не снимаютъ. Аненковъ велѣлъ ихъ свести къ плацъ-маіору, полковнику Ивану Чиримову, который узнавъ дѣло, велѣлъ ихъ запереть въ мрачный и сырой подвалъ; при содѣйствіи тюремнаго надзирателя капитана Иванова, ихъ заковали въ кандалы и бросили въ казематъ. Вечеромъ плацъ-маіоръ велѣлъ солдатамъ приготовить розги. Венгерцы угадывая въ чемъ дѣло, сдѣлали барикаду у дверей, обрекая себя скорѣе голодной смерти, чѣмъ униженію. Въ 9 ч. утра явился плацъ-маіоръ съ 40 солдатъ, для экзекуціи. Найдя запертую изнутри дверь, онъ грозилъ перебить ихъ, но видя что ничего не беретъ, далъ имъ честное слово, что наказывать не станетъ. Венгерцы отперли, тогда солдаты бросились на несчастныхъ. Baarath получилъ 300 ударовъ, Balas Lajos 200, Sandor 150.

“Всѣмъ политическимъ узникамъ брѣютъ головы”.

— *Убийство сумашедшаго.* — Въ то время какъ въ Англіи хлопчутъ, чтобы сумашествіемъ спастись отъ казни, у насъ смертною казнью начинаютъ лечить сумашедшихъ: “По военно-судному дѣлу, произведенному надъ арестантомъ кievской арестантской No. 30-го роты, Корнѣемъ Титовымъ, 36-ти лѣтъ, онъ оказался виновнымъ въ томъ, что, безъ всякой побудительной причины, бросился въ казармѣ на унтеръ-офицера Жиленкова, порвалъ на немъ рубашку, а на другой день съ ротнаго командира поручика Уланова сорвалъ плечевой погоны. За преступленія эти, на основаніи 604 ст. I книги военно-уголовнаго устава и высочайшаго повелѣнія, объявленнаго въ приказѣ по военному вѣдомству 2 Октября сего года, за No. 339, помощникъ командующаго войсками кievскаго военного округа, генералъ-лейтенантъ Семякинъ, конфирмацію 26 числа Декабря, опредѣлилъ: Титова, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, казнить смертію — разстрѣляніемъ. Конфирмація эта приведена въ исполненіе 30-го Декабря, въ восемь часовъ утра, на эспланадѣ кievо-печерской цитадели, предъ строемъ войскъ кievскаго гарнизона.”

Какъ мы были правы говоря, что стоило имъ лизнуть крови, границъ не будетъ; такой-то сжегъ домъ у вотчина — стрѣляй его; такой-то въ подозрѣніи, что опъ разбойникъ — стрѣляй его. Сумашедшаго и подавно чего жалѣть; на кievо-печерскую эспланаду его, другой разъ не сойдетъ съ ума.

— *Августовскія адреса.* — “Кельнская газета” отъ 4-го Февраля, пишетъ, что государь на вѣрноподданныхъ адресахъ присланныхъ ему Муравьевымъ отъ августовскихъ жителей, написалъ, “согласенъ, но о соединеніи съ имперіей и рѣчи быть не можетъ.” Тутъ все не понятно и курьёзно. Во-первыхъ съ чѣмъ государь согласенъ? Несчастные жители подъ пресомъ пищатъ, “любимъ тебя сердечно, присоедини къ Россіи”. Но государь переходитъ со стороны Каткова, на сторону Польши и не хочетъ присоединять ихъ. Въ чемъ

же онъ *collasent*, (*einverstanden*) въ томъ, что его стоитъ любить сердечно?.. Этого даже своей жень никто не говоритъ, не только чужой провинціи.

— *Новости заграничныя возвращающіяся изъ отечественныхъ журналовъ и князь П. И. Шаликовъ, возвратившійся изъ мертвыхъ, между Темзой и Невой.* — Съ принцемъ “уэльскимъ” случилось въ 4 Но. *Съвер. Пчелы* престранное обстоятельство, ему родился сынъ. Неправда-ли, какъ жаль, что ему прежде умеръ отецъ, а то чай какъ бы старикъ обрадовался. Рядомъ съ этимъ необыкновеннымъ рожденіемъ кому-нибудь, *Съвер. Пчелъ* воскресъ князь П. И. Шаликовъ, забытый новымъ поколѣніемъ, но потѣшавшій нашу юность. Отчего онъ не воскресъ *Московскимъ Вѣдомостямъ* *hoch-verschwägert*, про то знаетъ Д. Юмъ (а впрочемъ старикъ былъ смѣшенъ, но доносовъ не писалъ). Мы съ восторгомъ читали статью покойника съ Темзы на Неву. Все сохранилось, языкъ 1800 года, блудливая сентиментальность, болгаринскій юморъ, точно читаешь “Вѣстникъ Европы”, “Мои бездѣлки” и пр. Статьи эти сдѣлали бы честь не только самому покойнику, но Пимену Арапову и Дмитрію Пименову, автору “Разсужденія о красотѣ и прелести женщинъ”, Москва 1818.

“Я совѣтъ было не хотѣлъ (говорить *redivivus*) останавливаться въ Парижѣ. Безконечную столицу Франціи, чтобы сказать о ней нѣсколько словъ, надобно осматривать не дни, а недѣли и мѣсяцы. Не сказать же о ней ничего я могъ совѣтъ не останавливаясь въ ней. Но будучи останавливаясь въ ней на день судьбою и разногласіемъ парижскихъ часовъ, рѣшаюсь пуститься на сборъ впечатлѣній сегодня утромъ”.

Въ 5 часовъ вечера дождливаго дня, покойный князь умѣлъ изящно изучить такой предметъ, котораго нашему брату не изучить не только въ нѣсколько дней, но и въ нѣсколько почей :

“Два замѣчанія невольно просятся впередъ другихъ : Парижъ красивѣе Лондона въ лавкахъ; Лондонъ красивѣе Парижа въ лицахъ. Парижу далеко тягаться съ Лондономъ по красотѣ жителей. Англійская аристократія пользуется всемірною славой, какъ разсадникъ великолѣпныхъ экземпляровъ челоѣчества, но аристократія всѣхъ большихъ городовъ глядитъ довольно недурно. Оставимъ ее въ сторонѣ (демократъ!) и обратимся къ остальнымъ 95 процентамъ населенія. Тутъ разница между двумя городами рѣзко выступаетъ впередъ. Эта разница еще не такъ значительна между представителями мужскаго пола — (члены парламента, черы?) — хотя и тутъ ее нельзя не замѣтить сразу. Но что касается женскаго, то контрастъ разнѣленъ. Кто говоритъ, есть (есть князь, есть!) и милостивыя французки, но французская красота—по крайней мѣрѣ такъ показалось мнѣ—представляетъ собою результатъ очень немногихъ вышнихъ условій. Сытная пища, беззаботная жизнь, свѣтлой бѣлизны чепчикъ и хорошій кусокъ мыла весьма достаточны, чтобы, въ общей сложности, произвести недурную гризетку. Вънутреннихъ условій никакихъ не требуется. Полныхъ, румяныхъ щекъ, жемчужныхъ чепчиковъ, бѣлоснѣжныхъ шей сегодня я видѣлъ немало, но еслибы мнѣ предложенъ былъ подрядъ найти въ Парижѣ значительный запасъ красивыхъ глазъ и пріятельныхъ чертъ лица, то я даже не подумалъ бы о фонарѣ Дюгана: искать съ фонаремъ или безъ фонаря чего, какъ навѣрно знаешь, нѣтъ—не логично и бесполезно.... Нѣтъ сомнѣнія, что страстные французки столь-же хорошия жены, какъ лондонки; но лондонки очаровательнѣе, безъ сравненія, какъ не вѣсты. Чтобы свести все сказанное выше о красотѣ парижскаго невещественнаго и о непригожести вещественнаго въ сравненіи съ лондонскимъ, можно сказать, что въ Парижѣ надобно держаться за кармапъ, въ Лондонѣ за сердце. Въ Парижѣ скоро можно

потерять одно и не очень скоро найти другое; въ Лондонѣ—какой счастливецъ городъ!—потерю того и другаго есть средство вознаградить въ самомъ непродолжительномъ времени.

“Надобно замѣтить, что сверхъ того я видѣлъ парижанокъ при лучшемъ обстоятельствѣ, чѣмъ лондонокъ. Не смотря на то, что изобрѣтеніе шляпки приписывается Парижу, можно на вѣрно сказать, что въ Лондонѣ носится вдесятеробольше шляпокъ, чѣмъ въ немъ. Кромѣ нѣсколькихъ ирландокъ и двухъ-трехъ служанокъ, вы ни одной женщины не увидите на англійской улицѣ безъ шляпки въ теченіе часа. Въ Парижѣ большинство женскаго населенія является предъ вами безъ шляпки (и я видѣлъ это въ началѣ зимы) съ открытою головою, въ бѣлоснѣжномъ чепчикѣ или въ платкѣ повязанномъ по русскому обычаю, а кто-же не согласится, что легкій, шелестящій чепчикъ или отборная прическа вставляютъ лице въ несравненно болѣе милостивую рамку, чѣмъ тяжелая и неуклюжая лондонская шляпка?”

— *Графиня Антонина Блудова и Матей Хотинскій.*— Мы получили письмо изъ Петербурга, но болѣе историческое т. е. ретроспективное, чѣмъ сообщающее новости. Въ немъ отдають справедливость изобрѣтенію иконоборскаго поруганія образа Архангела Михаила — старой графинѣ Антонинѣ Дмитріевнѣ Блудовой.

Графиня Блудова, имѣющая очень назидательное и очень аскотенское вліяніе на государыню, воспользовалась своимъ положеніемъ, чтобы наказать архистратига за его роль при изгнаніи Адама и Евы, уподобленіемъ его Муравьеву. Говорятъ, что эта анти-архангельская мысль пришла ей въ голову вмѣстѣ съ ея сестрой г-жей Шевичъ. Это можетъ быть потому, что сынъ г-жи Шевичъ возлюбилъ Михаилу Николаевичу Каткову—охъ то бишь Муравьеву—икону, при чемъ могъ осмотрѣть имѣніе своихъ родителей, лежащее въ Витебской или Минской губ. и ускорить взносъ Муравьевской подати.

Далѣе въ письмѣ вспоминается Матей Хотинскій, (тотъ самый наблюдатель, который въ Лондонѣ открывалъ планету, въ то время какъ мы открыли въ томъ же городѣ шпиона). Корреспондентъ нашъ пишетъ, что не смотря на быстрое обличеніе его, Хотинскій успѣлъ сообщить свои астрономическія наблюденія на счетъ прохожденія Мартыановымъ черезъ линію нашей границы, и что Мартыановъ былъ схваченъ въ слѣдствіе его раппорта.

Другое служебное наблюденіе оказалось совершенно ложнымъ. Онъ напуталъ какого то вздору на офицеровъ клипера “Алмазъ” или “Жемчугъ”, и все это безъ всякаго основанія. “Мнѣ (пишетъ корреспондентъ) рассказывалъ старый морякъ заслуживающій полного довѣрія, что Хотинскій дѣйствовалъ не только какъ страдательный астрономъ-наблюдатель, но какъ дѣятельный астрономъ-провокакторъ. Онъ ѣздилъ въ Гревендъ на русскіе военные пароходы, подъ предлогомъ своихъ ученыхъ занятій, таскалъ съ собой въ кармапѣ *Колоколъ*, спрашивалъ офицеровъ и гардемаринъ знакомы ли они съ вами, выдавалъ себя за вашего короткаго знакомаго и почитателя, предлагалъ познакомиться ихъ съ вами и съ кн. П. В. Долгорукимъ, предлагалъ билеты на какой-то митингъ въ пользу поляковъ”. И все это за триста серебромъ въ мѣсяцъ, дѣлалъ старикъ за шестьдесятъ лѣтъ?

— СЕРГѢЙ СТАХЕВИЧЪ и АНДРЕЙ ЦВѢТКОВЪ. — Государь утвердилъ слѣдующій приговоръ сената : “1) студента медико-хирургической академіи *Сергія Стахевича*, 20 лѣтъ, за злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ, поселивъ за тѣмъ въ Сибири навсегда, и 2) студента спб. университета *Андрея Цвѣткова*, 19-ти лѣтъ, по предмету участія съ Стахевичемъ въ злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за *принятіе такового, слѣдовательно имѣя у себя безъ права имѣть, и недонесеніе* о томъ, кому слѣдуетъ, выдержать подъ арестомъ три недѣли и потомъ, какъ личность подозрительную, выслать изъ С. Петербурга, съ отдачею подъ надзоръ полиціи на полтора года, предоставивъ назначеніе мѣстопробыванія его г. министру внутреннихъ дѣлъ”. — (Сен. Вѣд.).

— Ссылка одною вмѣсто другою. — Le Temps 8 Февр. напечаталъ письмо *С. Сѣнкевича* къ русскому послу въ Парижѣ. Опъ извѣщаетъ его, что русское правительство приговорило къ 20-лѣтней каторжной работѣ *Михальчевскаго* изъ Галиціи, котораго по ошибкѣ припили за Сѣнкевича. Какія милія ошибки и любезныя разсѣянности !

— Хозяинъ не позволялъ! — Въ одномъ изъ разсказовъ *Даля*, нѣмецъ-учитель сочинилъ для своего питомца русскую басню слѣдующаго содержанія :

Маленькій собачъ съ большой злоств
Грызъ кость,
Большой собачъ подходилъ
И маленькой собачъ спросилъ,
За чѣмъ маленькой собачъ съ большой злоств
Грызъ кость?
Маленькой собачъ отвѣчалъ,
Мнѣ хозяинъ давалъ.

Правоученіе.

Ничего нельзя брать безъ позволенія.

Люди привыкнущіе смѣяться надъ всѣмъ священнымъ и назидательнымъ, обрадовались оригинальному слогу нѣмецкаго педагога, чтобъ поохотатъ и надъ моралью. А мораль шла себѣ да шла — и бросала “безъ злоств свой маленькой нравственный кость” и черезъ два поколѣнія принесла плоды.

Въ томъ листѣ “Современной Лѣтописи”, въ которомъ сосланы на заточеніе Земскія Положенія, одинъ путешествующій паблюдатель нравовъ, описывая свое пребываніе въ Седльцахъ, рассказываетъ какъ онъ пришелъ “въ книжную лавку Г. (слѣдуютъ примѣты, чтобъ ошибиться было невозможно) и спрашиваетъ историческихъ книгъ. Г. намекаетъ на Делевеля. Г. Виноградовъ (путешественникъ) отвѣчаетъ — “Слуга покорный, я запрещеннаго не могу читать”.

“Хозяинъ не позволялъ !”

Одно непонятно, отчего г. Виноградовъ боится темноты? Можетъ болѣзнь. Вотъ онъ что говорить : “Рѣзкій вѣтеръ

рвется въ щели оконъ. Ночь. Люди спать. Темнота страшная. Однако, тутъ опасно. Нужна смѣлость, чтобъ здѣсь жить. Сейчасъ гимназія и три глухія улицы. Да у подъѣзда на высокомъ столбѣ, какъ съ похмѣлья покачивается смрадный, чуть чуть свѣтящійся огонекъ, одиноко догорающій. А кругомъ такая темнота”. — (19 Декабря).

— Нововведеніе въ журналистикъ. — “Сѣверная Пчела” печатаетъ кажется двадцатое пиенмо объ англійскомъ языкѣ. Въ ежедневной газетѣ, это полезное нововведеніе намъ очень нравится. Мы думаемъ даже со временемъ подъ заглавіемъ *Колокола* издавать Флюгеля Англо-нѣмецкій лексиконъ, Т. I, съ лейпцигскаго изданія 1654 стр., а подъ именемъ *Общая Вѣща* фармакопею Курта Шпренгеля, съ реэстромъ лекарствъ и цѣбъ, въ Даніи, Норвегіи и Португаліи.

— НАШИМЪ БИБЛЮГРАФЪ, БИБЛЮФИЛАМЪ, любителямъ сборниковъ и историческихъ документовъ и пр. Еще разъ обращаемъ мы вниманіе гг. библюфиловъ на легкое теперь собраніе всѣхъ документовъ, служащихъ къ иллюстраціи эпохи подлости, черезъ которую проходитъ русское общество. Пусть будущее поколѣніе узнаетъ имена людей, посылавшихъ адреса палачамъ; людей, подписывавшихся на сооруженіе иконы, храма во имя несчастнаго Архистратига Михаила... Пусть дѣти узнаютъ статьи *отцовъ*... пусть новая хрестоматія соберетъ въ одинъ букетъ все, что наша *отхожая* журналистика публиковала за 1863 годъ, или еще лучше, съ знаменитаго пожара въ Петербургѣ, по которому не найдено ни одного зажигателя — и столько *шціоновъ-литераторовъ*.

Года черезъ два-три это будетъ трудно сдѣлать; а нужно ли говорить о серьезной важности закрѣпить для будущаго эти *послужные списки* работѣ и подлости.

— Отъ издателей. — Мы получили двѣ замѣчательныя статьи изъ Россіи : *Отъ дѣтей къ отцамъ* и того же автора *Братское слово къ учителямъ семинарій*. Последнее мы съ большою радостью помѣщаемъ въ сегодняшнемъ *Общемъ Вѣщѣ* и обращаемъ вниманіе читателей *Колокола* на эту статью.

— Издатели *Колокола* покорнѣйше просятъ извѣстить ихъ — Николай Николаевичъ Муравьевъ (Карскій) подписывался на икону вѣшателю или нѣтъ?

— *Русскій Инвалидъ* отъ 1 [13] Января добрелъ до Лондона 2 Февраля. Конечно хорошо, что онъ пришелъ въ день Срѣтенія Господня и конечно съ Инвалида нельзя требовать скорости берсальерскаго шага, по тогда надобно и деньги брать обозныя, а не почтовые.

— LA CLOCHE, французское изданіе КОЛОКОЛА, издающееся въ Брюсселѣ, продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ какъ и въ прошлыхъ годахъ. Въ Лондонѣ адресоваться къ Гг. Трюбнеру и Ко. и С. Тхоржевскому. Въ Брюсселѣ — Librairie CLAESSENS, 88, Rue de la Madeleine.

— Въ Общій фондъ отъ К — 2 фун. Книги и журналы отосланы и деньги получены.

Отпечатако въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

— СЕРГѢЙ СТАХЕВИЧЪ и АНДРЕЙ ЦВѢТКОВЪ. — Государь утвердилъ слѣдующій приговоръ сената : “1) студента медико-хирургической академіи *Сергія Стахевича*, 20 лѣтъ, за злоумышленное распространеніе возмутительнаго воззванія, лишить всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на шесть лѣтъ, поселивъ за тѣмъ въ Сибири навсегда, и 2) студента спб. университета *Андрея Цвѣткова*, 19-ти лѣтъ, по предмету участія съ Стахевичемъ въ злоумышленномъ распространеніи возмутительнаго воззванія, оставить въ сильномъ подозрѣніи, а за *принятіе такового, слѣдовательно имѣя у себя безъ права имѣть, и недонесеніе* о томъ, кому слѣдуетъ, выдержать подъ арестомъ три педѣли и потомъ, какъ личность подозрительную, выслать изъ С. Петербурга, съ отдачею подъ надзоръ полиціи на полтора года, предоставивъ назначеніе мѣстопробыванія его г. министру внутреннихъ дѣлъ”. — (Се

рвется въ щели оконъ. Ночь. Люди спать. Темнота страшная. Однако, тутъ опасно. Нужна смѣлость, чтобъ здѣсь жить. Сейчасъ гимназія и три глухія улицы. Да у подъѣзда на высокомъ столбѣ, какъ съ похмѣлья покачивается смрадный, чуть чуть свѣтящійся огонекъ, одиноко догорающій. А кругомъ такая темнота”. — (19 Декабря).

— *Нововведеніе въ журналистикѣ.* — “Сѣверная Пчела” печатаетъ кажется двадцатое писмо объ англійскомъ языкѣ. Въ ежедневной газетѣ, это полезное нововведеніе намъ очень нравится. Мы думаемъ даже со временемъ подъ заглавіемъ *Колокола* издавать Флюгеля Англо-нѣмецкій лексиконъ, Т. I, съ лейпцигскаго изданія 1654 стр., а подъ именемъ *Общая Вѣща* фармакопею Курта Шпренгеля, съ реэстромъ лекарствъ и цѣнъ, въ Даніи, Норвегіи и Португаліи.

— НАШИМЪ БИБЛЮГРАФЪ, БИБЛЮФИЛАМЪ,

— *Ссылка одного вмѣсто другаго.* напечаталъ письмо г. *Сынкевича* къ русс. Опъ извѣщаетъ его, что русское правіе къ 20-лѣтней каторжной работѣ *Михаил* котораго по *ошибкѣ* приняли за Сѣи ошибки и любезныя разсѣянности!

— *Хозяинъ не позволялъ!* — Въ о. Дала, нѣмецъ-учитель сочинилъ для свѣдѣнія слѣдующаго содержанія :

Маленькій собачъ съ большой злость
Грызъ кость,
Большой собачъ подходилъ
И маленькой собачъ спросилъ,
За чѣмъ маленькой собачъ съ боль
Грызъ кость?
Маленькой собачъ отвѣчалъ,
Ихъ хозяинъ давалъ.

Правоученіе.

Ничего нельзя брать безъ позволенія.

Люди привыкнувшіе смѣяться надъ назидательнымъ, обрадовались оригинальному педагога, чтобъ поохотатъ и надъ моралью. А мораль шла себѣ да шла — и бросала “безъ злость свой маленькой нравственный кость” и черезъ два поколѣнія принесла плоды.

Въ томъ лѣтѣ “Современной Лѣтописи”, въ которомъ сосланы на заточеніе Земскія Положенія, одинъ путешествующій наблюдатель нравовъ, описывая свое пребываніе въ Седльцахъ, рассказываетъ какъ онъ пришелъ “въ книжную лавку Г. (слѣдуютъ примѣты, чтобъ ошибиться было невозможно) и спрашиваетъ историческихъ книгъ. Г. намекаетъ на Лелевеля. Г. Виноградовъ (путешественникъ) отвѣчаетъ — “Слуга покорный, я запрещеннаго не могу читать”.

“Хозяинъ не позволялъ!”

Одно непонятно, отчего г. Виноградовъ боится темноты? Можетъ болѣзнь. Вотъ онъ что говоритъ : “Рѣзкій вѣтеръ

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ

Къ N№. 180 и 181 Колокола.

На первой страницѣ, съ лѣвой стороны, 2 строка снизу, напечатано : 5,190,279,628 фран., слѣдуетъ : 6,190,279,628

На той-же страницѣ, съ правой стороны, 3 строка снизу, напечатано : на это инаго, слѣдуетъ : на это никакого.

На страницѣ 1489, съ лѣвой стороны, 2 строка снизу, напечатано : и развратникамъ слова наши, слѣдуетъ : и нашимъ развратникамъ слова.

На страницѣ 1492, съ лѣвой стороны, на послѣдней строкѣ текста, напечатано : не правительственнымъ, слѣдуетъ : правительственнымъ.

— *Русскій Инвалидъ* отъ 1 [13] Января добрелъ до Лондона 2 Февраля. Конечно хорошо, что онъ пришелъ въ день Срѣтенія Господня и конечно съ Инвалида нельзя требовать скорости берсальерскаго шага, по тогда надобно и деньги брать обозныя, а не почтовые.

— LA CLOCHE, французское изданіе КОЛОКОЛА, издающееся въ Брюсселѣ, продолжается съ тѣмъ же успѣхомъ какъ и въ прошлыхъ годахъ. Въ Лондонѣ адресоваться къ Гг. Трюбнеру и Ко. и С. Тхоржевскому. Въ Брюсселѣ — Librairie CLAESSENS, 88, Rue de la Madeleine.

— Въ *Общій фондъ* отъ К — 2 фун. Книги и журналы отосланы и деньги получены.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 180 & 181.

1 МАРТА 1864.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 1 шил. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price One shilling.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Финансовыя споры (Продолженіе)—Казнь І. Янковскаго—Письма къ будущему другу—На Волю! Смѣсь: Поощреніе охотникамъ
въ рекруты—Le Nord и le Tzar за Землю и Волю—Умиротвореніе Литвы, успокоеніе Польши—Европеецъ—Рожновскія политическія мопатія и
Г-жа. Скаржинская—Наши патріоты—Приглашеніе къ статьѣ о Финансахъ—Австрія на козняхъ—Объясненіи.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ.

(Продолженіе).

Они испугались. Посыпались отвѣты за отвѣтомъ на статью Воловскаго. Она задѣла за самую чувствительную струну, за самую тонкую струну, подходящую подъ пословицу—гдѣ тонко тамъ и рвется. Вся казенная литература встрепенулась—отъ *Московскихъ Вѣдомостей* до *Норда*. Упадокъ-ли это науки, или упадокъ людей?... Пусть рѣшаетъ частное общественное мнѣніе.

Штиглицъ долженъ былъ отвѣчать по своему положенію; его отвѣтъ бросаетъ немного свѣта на несчастное состояніе правительственныхъ финансовъ и больше подтверждаетъ чѣмъ опровергаетъ статью Воловскаго.* Статья О. Тернера и статья Бунге, о которыхъ мы скажемъ нѣсколько словъ, также не служатъ возраженіемъ. О другихъ и говорить печально.† По чѣмъ всего больше бросаетъ истиннаго свѣта на положеніе правительственныхъ финансовъ—это отчетъ министра финансовъ за 1857 годъ, который мы здѣсь помѣщаемъ. Имъ мы преимущественно и займемся.

Изъ письма Штиглица мы только возьмемъ одно (только это и заслуживаетъ вниманія), что петербургское правительство добываетъ золота изъ рудниковъ ежегодно до сто милліоновъ франковъ. Сто милліоновъ франковъ—это 25 милліоновъ рублей серебромъ. А изъ отчета министра финансовъ, за 1857 годъ, государственнаго долга полагается всего: 1,572,569,907 рублей серебромъ, т. е. 5,190,279,628 франк. Съ тѣхъ поръ прибыло—въ 1862 году кредитныхъ билетовъ

* Здѣсь я не могу удержаться, чтобы не помѣстить анекдота, рассказаннаго мнѣ человекомъ высокопоставленнымъ и въ правдивости котораго я никогда не сомнѣвался. Штиглицъ въ своемъ письмѣ къ издателю *Le Nord* (No. 24) говоритъ о Вронченкѣ какъ о великомъ финансистѣ (*homme éminent dans cette branche*). Во время оно рѣчь шла о пониженіи пошлины на кофій. Вронченко возставалъ противъ этого и своимъ малороссійскимъ парфіемъ говорилъ: “Да помянухте! Послѣ этого всякая кухарка станетъ пить кофій! Ну! за чѣмъ же кухарки пить кофій?” Вотъ эти *hommes éminents*, эти великіе распорядители, которымъ самодержавіе поручаетъ судьбы Россіи!

† Даже о статьѣ великаго патріота де Мольера.

Годъ VII.

такъ что ихъ сумма равнялась 710,176,293 рублямъ серебромъ. А потомъ будто-бы убыло, т. е. они были обратно выкуплены на сто милліоновъ рублей серебромъ. Стало весь долгъ равнялся-бы 1,472,569,907 руб. сер. Но къ этому присовокупился ротшильдовской заѣмъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 390 милліоновъ рублей серебромъ. Стало весь долгъ равняется 1,862,569,907 руб. серебромъ, т. е. 7,450,279,628 франкамъ. Изъ этой суммы—иностранный долгъ 761,913,288 руб. сер. Стало процентовъ на этотъ долгъ платить приходится, если мы возьмемъ за среднюю сложность 4½%,—34,286,117 руб. сер. Иностраннаго долга едва-ли четверть разобрали въ Россіи; остальное за границей. Стало три четверти процентовъ, платимыхъ за границу, равняются 25,714,662 руб. сер. около. Эту сумму правительство вынуждено платить золотомъ. Золота изъ рудниковъ по сказанію Штиглица, оно получаетъ около 25 милліоновъ р. сер. Стало, ежегодная прибыль изъ рудниковъ—недостаточна покрыть проценты иностраннаго долга. А тутъ еще говорятъ о трагѣ путешествующихъ за границей!

Мы не думаемъ, чтобы съ нашей стороны была ошибка, если мы скажемъ, что 1857 года государственный долгъ не уменьшился, а увеличился. О. Тернеръ (*Русскій Иваландъ* No. 21) ставитъ въ вину Воловскому, что онъ причислилъ къ государственному долгу 268 милліоновъ долгосрочнаго долга, поступившаго въ новый государственный банкъ изъ прежнихъ кредитныхъ учрежденій. Онъ ставитъ это въ вину Воловскому, потому что этотъ долгъ обезпеченъ 37 лѣтнимъ поземельнымъ кредитомъ и не входитъ ни въ какіе заемные расчеты государственнаго банка. Поземельный кредитъ, при прежнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ могъ существовать; но съ освобожденіемъ крестьянъ онъ становится совершенно тусклымъ. Кто станетъ платить проценты? Помѣщики или крестьяне? А въ случаѣ не платежа—найдутся-ли теперь охотники покупать землевладѣнія? На это инаго отвѣта никто не можетъ дать. Стало, Воловскій былъ совершенно правъ, присчитывая этотъ долгъ къ государственному долгу. Но

положить, чтобъ сдѣлать удовольствіе О. Тернеру, что нельзя включать его въ государственный долгъ; все-же остается государственнаго, т. е. правительственнаго долга 1,594,569,907 руб. сер., т. е. 6,378,279,628 франковъ.

Мы не сомнѣваемся, что цифры, списанныя Воловскимъ съ бюджета г. Рейтерна вѣрны; но за достовѣрность отчета министра финансовъ за 1857 годъ мы ручаемся.*

Далѣе, если золота, добываемаго изъ рудниковъ, по словамъ Штиглица, недостаточно, чтобъ покрыть проценты по правительственнымъ иностраннымъ долгамъ, то какже можетъ выдержать безъ кризиса торговый балансъ, гдѣ платежей за границу требуется больше, чѣмъ платежей изъ за границы? Разумѣется тутъ предстоитъ банкротство—только не народа—а государственнаго банка, т. е. правительства.

Но мы тутъ должны замѣтить одно, что не худо-бы было обратить вниманіе не только на количественную сторону русской торговли, но и на качественную. Россія производитъ гораздо больше сыраго матеріала, чѣмъ выдѣланнаго товара, который напротивъ того ввозится въ бѣльшемъ количествѣ изъ за границы. Сырой матеріалъ—зерновой хлѣбъ, желѣзо и т. д. Слѣдственно, что-же наиболѣе требовало кредита? Очевидно произведеніе земли. Бумажныя деньги могли имѣть сбытъ (и слѣдственно держаться въ цѣнѣ) вслѣдствіе поземельнаго кредита. Отъ этого мы и видимъ замѣчательный фактъ, что не смотря на ихъ приращеніе, бумажныя деньги держались въ цѣнѣ, пока существовалъ поземельный кредитъ при прежнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Эти учрежденія замѣняли для Россіи, преимущественно землепородной, роль оборотнаго банка. Казна выпускала ассигнаціи. Землевладельцы-помѣщики требовали ссуды—и въ ссуду принимали эти ассигнаціи. Стало, люди, сберегшіе трудовые, или даже лихонимственныя капиталы, несли ихъ въ сохранныя казны (savings banks). Дѣло доходило до того, что когда сумма вкладовъ была меньше суммы потребностей ссуды, то бумажныя деньги дорожали и ходили съ лажемъ. Это было приписано мѣняламъ и мошенничеству (которое, безъ сомнѣнія, бываетъ при всѣхъ кризисахъ, и до сихъ поръ составляетъ одну изъ пружинъ европейскихъ биржевыхъ продѣлокъ). Но приписать явленіе вздорожанія бумажныхъ денегъ одному мошенничеству мудрено. Тайна хранилась глубже. Потребность ссуды доходила до того, что частный кредитъ вертѣлся около займа билетовъ сохранной казны, и они ходили какъ деньги. Но ихъ надо было мѣнять на мѣдную монету, т. е. на мелкія бумажныя деньги, и мѣна эта шла въ убытокъ билетамъ сохранной казны опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, т. е. за рубль билета давали бумажными деньгами меньше рубля; ассигнаціонный рубль былъ дороже кредитнаго рубля. Это—правительство покончило насильственнымъ курсомъ серебрянаго рубля. Всѣ товары вздорожали; вклады въ сохранныя казны усилились, уравнились съ потребностью ссуды и бумажный

рубль снова сталъ денежной единицей. Для внутренняго обихода больше нечего было требовать. Размѣнъ на монету для заграничныхъ платежей былъ достаточенъ. Все шло какъ должно. Тутъ пришла крымская война. Ассигнацій выпустилось вдвое больше. Какъ-же поправить дѣло? Или вынуть изъ обращенія ассигнаціи, или расширить кредитъ такъ, чтобъ онъ имѣлъ сбытъ. Освобожденіе крестьянъ представляло самый удобный способъ расширить кредитъ; можно было предоставить и имъ кредитъ за круговую порукой. Бумажныя деньги продержались-бы въ своей цѣнѣ. Но было сдѣлано на оборотъ. Не то чтобъ расширить кредитъ на крестьянство, а весь поземельный кредитъ былъ уничтоженъ съ уничтоженіемъ сохранныхъ казнъ и былъ переведенъ на кредитъ торговой. Торговаго кредита Россія требовала въ непомѣрномъ количествѣ меньше чѣмъ кредита поземельнаго. Вдобавокъ торговый кредитъ велъ свои расчеты не внутри государства, а съ за границею; стало тутъ бумажныя деньги не удовлетворяли, а требовался металлъ. При существованіи внутренняго поземельнаго кредита, никто не думалъ о качествѣ мѣновыхъ знаковъ; какъ скоро поземельный кредитъ рушился и замѣнился торговымъ, потребность размѣна быстро возросла. Бумажныя деньги стали не пужны и упали въ цѣнѣ, такъ что вышло, что ихъ съ одной стороны слишкомъ много, а съ другой слишкомъ мало, потому что ими платить за товаръ надо втрое, а на это ихъ не хватаетъ. Прежде поземельный кредитъ составлялъ ихъ сбытъ, а теперь ихъ сбытъ хочется только на золото, котораго нѣтъ, потому что даже вся пропорція, добываемая изъ рудниковъ, уходитъ на платежи процентовъ по правительственнымъ заграничнымъ займамъ.

Прежнія кредитныя учрежденія играли роль оборотныхъ банковъ, т. е. ссылали въ ссуду правительственныя ассигнаціи, какъ-бы свои банковыя биметы. Нынѣшній государственный банкъ не представляетъ этого оборота. Онъ очутился гораздо больше правительственнымъ, бюрократическимъ учрежденіемъ, чѣмъ всѣ прежнія кредитныя учрежденія, которыя правительство портило своими займами и своимъ вмѣшательствомъ, но только до извѣстныхъ предѣловъ. Нынѣшній государственный банкъ—рабъ правительства; его бумажныя выпуски составляютъ не оборотъ, а какую-то правительственную тайну. Чего-же мудренаго, что онъ чѣмъ не обезпеченный кредитъ лопнулъ? А почему онъ ничѣмъ не обезпеченъ, это очень просто: правительство, которое могло-бы держаться своими доходами—могло-бы и держать свой банкъ въ порядкѣ; но правительство, которое живетъ дефицитами, не можетъ держать правительственнаго банка. Это ясно какъ дважды два четыре.

Начинаютъ поговаривать объ акціонерномъ банкѣ, опять не основанномъ на поземельномъ кредитѣ. Мы съ сомнѣніемъ смотримъ на будущность такого банка. Во-первыхъ—при самодержавіи, онъ не будетъ независимымъ, а во-вторыхъ—онъ не удовлетворитъ главной потребности Россіи, т. е. поземельному

* Просимъ читателей обратить вниманіе на Прибавленіе на послѣдней 1492 страницѣ.

кредиту и будетъ вертѣться около того кредита, который требуетъ высылки золота за границу, и слѣдственно не устоитъ.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о возраженіи *Московскихъ Вѣдомостей* на статью Воловскаго о численности русскихъ войскъ. Воловскій, по Кольбу, сводитъ число войскъ на 385,000 человекъ. *Московскія Вѣдомости*, вычисляя сколько людей приходится на полкъ, ставятъ это число въ 600 тысячъ. По даннымъ, сообщеннымъ мнѣ покойнымъ Сѣраковскимъ, число войскъ приходится какъ-то между этими цифрами. Но не въ томъ дѣло; мы не имѣемъ достаточно данныхъ, чтобы вывести дѣйствительную цифру. Мы видимъ только одно, что многочисленное русское войско не можетъ побѣдить польскаго возстанія, гдѣ дѣйствительныхъ солдатъ не начтешь 20 тысячъ. Стало, или русское войско не многочисленно, или оно не умѣетъ употреблять въ дѣло свои силы; а это все равно: сто тысячъ человекъ, которые не умѣютъ или не хотятъ вести войну—равны нулю. Отъ этого мы и видимъ, что петербургское правительство подействуетъ и вѣшаетъ, казнить и грабить, а побѣдить не въ состояніи. Оно только мерзко и больше ничего. Тутъ всякій вопросъ о численности войска кончается.

Теперь мы просимъ читателей обратить вниманіе на отчетъ министра финансовъ за 1857 годъ, который страшно интересенъ и наводитъ на серьезные заключенія.

(Продолженіе впереди).

Н. Огарковъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ВСЕПОДАДАННѢЙШАГО ОТЧЕТА

МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ЕГО ВЪ УПРАВЛЕНІЕ МѢНИС.

*Государственные доходы и расходы съ 1845 по 1857.**

I. О ДОХОДАХЪ.

Государственныхъ доходовъ по росписямъ исчислено:

на 1845 г.	190,923,500 р.	(763,694,000) ф.
— 1846	192,368,000	
— 1847	191,595,000	
— 1848	196,566,857	
— 1849	202,612,000	
— 1850	202,120,000	
— 1851	217,820,000	
— 1852	220,716,000	
— 1853	224,308,000	
— 1854	220,060,000	
— 1855	206,860,000	
— 1856	210,700,000	
— 1857	226,678,000	(906,712,000)

Къ 1857 г. противъ 1845 г. увеличались на 35,754,500 р. (143,018,000 франковъ).

Главные статьи доходовъ:

1. *Государственные подати*, которыя съ 1845 по 1851 г. были исчисляемы съ небольшимъ въ 47,000,000 рублей, въ семь послѣднемъ году сократились на 3,000,000 по случаю отмены винокурной пошлины, замѣненной акцизнымъ

* При составленіи этихъ счетовъ приняты началомъ 1845 годъ, потому что въ этотъ годъ, собственно по государственной росписи, не было дефицита,

сборомъ въ 16 привилегированныхъ губерніяхъ; но въ 1852 году сумма податей достигла почти прежняго размѣра вслѣдствіе прибыли дунѣ по 9 народной переписи, а съ 1853 года отъ внесенія въ ревизію прописныхъ душъ, возвысились, за исключеніемъ лишь 1856 года, въ который исключены были изъ оклада поступившіе въ ополченіе ратники. На 1857 годъ со внесеніемъ вновь въ окладъ возвратившихся ратниковъ, подати исчислены въ 48,143,820 руб. противъ 1845 года болѣе 1,216,054 рубля.

2. *Питейные доходы*. На 1845 и 1856 годы назначалось около 64,700,000 рублей и хотя на 1847 годъ по произведеннымъ на новое четырехлѣтіе торгамъ, они уменьшились слишкомъ на 1,500,000 рублей, но на 1848, 1849 и 1850 г. вновь возвышены и составляли отъ 65,700,000 до 67,200,000 рублей отъ причисленія прибылей, оказавшихся при заготовленіи вина отъ отдачи съ торговъ на двухлѣтіе откуповъ въ 16 привилегированныхъ губерніяхъ. Съ 1851 по 1855 г. питейные доходы составляли болѣе 82,000,000 рублей; на 1855 и 1856 годы, по случаю военныхъ обстоятельствъ, они нѣсколько уменьшились (до 80,700,000 рублей), а на 1857 г. сообразно вновь наданнымъ на торгахъ суммамъ, показаны въ 87,553,102 рубля противъ 1845 года болѣе 22,859,226 рублей.

3. *Соляной доход* назначалось съ 1845 по 1851 годъ отъ 9,500,000 до 10,000,000 рублей, а съ 1851 по 1855 г. отъ 8,500,000 до 9,000,000 рублей, съ 1855-же года оный, согласно съ высочайшей волею, назначается въ 9,000,000 р. Соляной доходъ въ опредѣленномъ по прежнимъ росписямъ высокомъ размѣрѣ (до 10,000,000 рублей) дѣйствительно поступалъ только до 1847 года; въ семь-же послѣднемъ году приступлено, по указанію особаго комитета, къ постепенному пониженію цѣнъ на соль, въ томъ предположеніи, что доходъ отъ оной не только не уменьшится, но еще увеличится отъ усиленнаго употребленія соли. Ожиданія сіи однако не оправдались, потребность соли нисколько не увеличилась, а соляной доходъ, по дѣйствительному поступленію, уменьшился до 6,734,000 рублей. Обстоятельство сіе, совокупно съ вреднымъ вліяніемъ, которое имѣло пониженіе цѣнъ на развитіе вольнаго солянаго промысла, и вслѣдствіе коего правительство вынуждалось производить экстренное пополненіе казенныхъ запасовъ, съ весьма значительными издержками, равно состоявшаяся еще въ 1850 году собственноручная въ бозѣ почившаго императора Николая Павловича резолюція, которою количество солянаго дохода опредѣлено было въ 9,000,000 рублей, побудили министра финансовъ войти въ 1853 году, съ представленіемъ въ комитетъ министровъ о постепенномъ восстановленіи прежнихъ продажныхъ цѣнъ соли, опредѣленныхъ въ 1842 году, каковое представленіе 6 Октября того-же года и удостоено высочайшаго учрежденія. Послѣдствія сей мѣры оказались весьма благопріятны не смотря на то, что предпринятое съ 1854 года, повышеніе цѣнъ соли не достигло еще пормы 1842 года, дѣйствительное поступленіе солянаго дохода въ 1854 и 1855 году простиралось уже до 9,421,000 и 9,618,000 рублей, хотя такое повышеніе надлежитъ отчасти предписать малому привозу иностранной соли вслѣдствіе военныхъ обстоятельствъ; однако можно надѣяться, что съ окончательнымъ восстановленіемъ прежнихъ цѣнъ, соляной доходъ не будетъ ниже 9,000,000 рублей и даже возвысится. Съ другой стороны значительно сокращены

расходы на сей предметъ, вмѣсто назначавшихся прежде постоянно до 3,000,000 рублей опредѣлено на 1857 годъ 1,636,147 рублей.

4. *Доходы по юрной части*, назначено было на 1845 г. 5,974,358 рублей, въ томъ числѣ пошлинъ съ частной золотопромышленности 2,887,000 рублей. Сумма горныхъ доходовъ въ 1846, 1847 и 1848 годахъ возвышалась постепенно и составляла въ послѣднемъ году 6,922,009 рублей, на 1849-же годъ, по случаю возвышенія пошлинъ съ золота, прибавлено было 2,000,000 рублей и доходы по горной части назначены были въ 9,038,126 рублей въ числѣ конхъ заключалось податей съ частнаго золота 5,461,682 рубля. По дѣйствительное поступленіе сей подати далеко не соответствовало ожиданію и съ каждымъ годомъ оказывался въ ней значительный недоборъ отъ уменьшенія количества добываемаго въ Сибирѣ частными лицами золота. Убѣдясь опытомъ въ неблагопріятномъ вліяніи высокой пошлины на частную золотопромышленность, министръ финансовъ входитъ въ 1854 году съ представленіемъ въ Сибирскій Комитетъ, высочайше утвержденнымъ 4 Августа того-же года журналомъ, коего пошлина съ золота понижена, съ раздѣленіемъ при томъ присковъ не на 10, а на 4 разряда. Мѣра сія оказала уже пользу, количество добываемаго частными лицами золота съ каждымъ годомъ стало увеличиваться. Съ 1855 года сумма податей съ золота назначается, сообразно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ въ 3,500,000 рублей; вообще-же горныхъ доходовъ назначено по росписямъ 1855 года 7,723,452 рубля; 1856 года 7,834,036 рублей и 1857 года 7,886,809 рублей. Въ числѣ сихъ доходовъ, не зависимо отъ подати съ золотопромышленниковъ, заключаются также: добыча на казенныхъ заводахъ металловъ, прибыли отъ передѣла изъ оныхъ на здѣшнемъ монетномъ дворѣ и выдѣлки въ Екатеринбургѣ новой мѣдной монеты 16-ти рублевого въ пудѣ вѣса. По статьямъ симъ доходы усиливались, почему не взирая на уменьшеніе оныхъ по частной золотопромышленности, горные доходы вообще, сравнительно съ 1845 г. возвысились на 1,912,000 рублей.

5. *Таможенные доходы*, подвергались измѣненіямъ. Съ 1845 по 1850 годъ назначалось оныхъ по 29,000,000 р. ежегодно, а на 1850 годъ опредѣлено было 29,500,000 руб. каковыя суммы дѣйствительно поступили и даже съ избыткомъ; на 1851-же годъ, по случаю пониженія пошлины на многие привозные товары по новому тарифу, назначеніе отъ росписи уменьшено до 28,700,000 рублей, но какъ привозъ товаровъ усилился, то таможенныхъ доходовъ назначено было на 1852 годъ 28,900,000 рублей, а на 1853 годъ 29,800,000 рублей. Дѣйствительное поступленіе въ 1851 и 1852 годахъ также превышало назначеніе по росписямъ, но въ 1853 г. таможенные сборы нѣсколько упали: по европейской торговлѣ, отъ уменьшенія привоза изъ за границы сахара-сырца, вслѣдствіе развитія у насъ свеклосахарнаго производства, а по азіатской отъ прекращенія на нѣкоторое время, мѣновой торговли на Кяхтѣ по случаю возникшихъ въ Китаѣ безпорядковъ. Посему назначеніе таможенныхъ доходовъ на 1854 годъ ограничено 24,008,000 рублей (дѣйствительно поступило въ 1853 году 26,421,000 рублей, а на 1854 годъ, по случаю войны только 19,764,000 рублей); потомъ вслѣдствіе прекращенія морской торговли во время войны, оно уменьшилось на 1855 годъ до 10,200,000 рублей (дѣйстви-

тельно поступило 17,950,000 рублей), а на 1856 годъ до 15,000,000 рублей. Въ семь послѣднемъ году, съ возстановленіемъ міра, поступленіе таможенныхъ доходовъ стало повышаться, почему въ 1857 году исчислено оныхъ 26,100,000 рублей; но какъ по полученнымъ доселѣ свѣденіямъ, дѣйствительное поступленіе таможенныхъ доходовъ въ 1856 году превышаетъ уже 28,000,000 рублей, по всей вѣроятности можно будетъ назначить цифру оныхъ на 1858 годъ въ семь послѣднемъ размѣрѣ, т. е. въ 28,000,000 рублей, особенно при ожидаемыхъ благопріятныхъ послѣдствіяхъ отъ изданія новаго тарифа.

6. *Почтовые доходы*, назначались на 1845 годъ въ 3,500,000 рублей, возвышались постепенно, и на 1857 годъ исчислены главнымъ почтовымъ начальствомъ въ 6,380,000 рублей, противъ 1845 года болѣе 2,880,000 рублей.

7. *Дохода отъ казенныхъ лѣсовъ*, назначалось съ 1845 г. 700,000 рублей, 1846 и 1847 годахъ по 750,000 рублей, 1848, 1849 и 1850 годахъ по 900,000 рублей, а съ 1851 г. оный назначается въ одинаковомъ количествѣ по 1,000,000 рублей. Въ 1853 году въ божіе почившему императору Николаю Павловичу благоугодно было высочайше повелѣть спросить министерство государственныхъ имуществъ, почему доходъ сей не увеличивается? Генералъ-адъютантъ графъ Киселевъ оговаривался, что окладъ лѣснаго дохода не можетъ быть увеличенъ, какъ отъ соперничества частныхъ владѣльцевъ въ сбытѣ лѣсныхъ матеріаловъ, такъ и отъ значительнаго отпуска лѣса безденежно на мѣстные и казенныя надобности; при томъ-же доходъ сей не поступаетъ въ полномъ противъ назначенія количествѣ и суммы, недостающія до 1,000,000, рублей доплачиваются ежегодно изъ эконолическихъ капиталовъ министерства государственныхъ имуществъ. Вслѣдствіе сего отзыва означенный доходъ остается безъ измѣненія, составляя противъ 1845 года болѣе 300,000 руб.

8. *Доходы экономическіе*, на 1845 годъ исчислены были въ 3,318,078 рублей, увеличавсь въ нѣкоторыхъ годахъ отъ возвышенія контрактныхъ цѣнъ, на отдаваемые въ оброкъ арендныя имѣнія, земли и другія казенныя имущества, они назначены въ 1857 году въ 4,041,795 рублей, противъ 1845 болѣе 723,717 рублей.

Всѣхъ прочихъ доходовъ, *случайныхъ и мелочныхъ*, также *пошлинъ и разныхъ сборовъ*, со включеніемъ суммъ оборотныхъ, записываемыхъ по росписямъ въ приходъ и расходъ, вмѣсто назначенныхъ на 1845 годъ 27,378,422 рублей, внесено въ роспись 1857 года 36,572,474 рубля, болѣе 9,194,000 рублей. Увеличеніе оказывается: въ пошлинахъ гильдейскихъ на 350,000 рублей, паспортныхъ на 250,000 крѣпостныхъ и другихъ актовыхъ на 548,000 рублей, табачныхъ на 1,215,000 рублей, акцизныхъ съ свеклосахарнаго производства на 373,000 рублей, подорожныхъ на 130,000 рублей, въ шессейномъ сборѣ на 600,000 рублей, въ гербовомъ на 839,000 рублей, съ шинковъ 902,000 руб. прибылей отъ банковъ на 1,125,000 рублей и въ случайныхъ доходахъ на 195,000 рублей, итого 6,527,000 рублей. Остальная за тѣмъ изъ вышепоказанныхъ 9,194,000 рублей, сумма 2,667,000 рублей составляетъ собственно увеличеніе разныхъ оборотныхъ доходовъ и преимущественно металловъ для военныхъ вѣдомствъ.

II. О РАСХОДАХЪ.

Съ 1845 г. по 1857 г. включительно государственныхъ расходовъ назначено :

Годъ.	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого	Франки.
1845	190,923,500	14,478,036	205,401,536	821,606,144
1846	195,068,000	18,638,668	213,706,668	
1847	195,375,000	41,284,912	236,609,912	
1848	204,761,000	37,243,420	242,004,420	
1849	216,842,000	43,328,309	260,170,309	
1850	217,232,500	68,437,350	285,689,850	
1851	231,573,000	25,785,713	257,358,713	
1852	228,908,000	14,432,094	243,340,094	
1853	233,688,000	43,066,991	276,754,991	
1854	242,380,000	89,894,219	332,264,219	
1855	263,300,000	183,944,078	447,244,078	
1856	271,516,000	246,499,279	518,015,279	
1857	258,216,000	16,881,333	275,097,333	1,100,389,332

Слѣдующіе расходы 1857 года превышаютъ расходы 1845 года на 69,695,797 рублей (278,783,188 франковъ). Къ сей суммѣ надлежитъ присовокупить еще расходы, отнесенные въ 1857 году на собственные способы военного министерства, а именно : по интендантству кавказскаго корпуса до 12,000,000 рублей, а на другіе предметы 3,769,691 рубль, итого 15,879,691 рубль, такъ что дѣйствительное превышеніе противъ 1845 года составляетъ 85,575,758 р. (342,303,032 франка).

Расходы по главнымъ статьямъ и вѣдомствамъ представляются въ слѣдующемъ видѣ :

1. По системѣ государственнаго кредита :

По государственнымъ росписямъ опредѣлено :

на 1845 г.	29 319,294 р.	(117,277,176) ф.
— 1846	30,067,071	
— 1847	30,545,068	
— 1848	30,992,035	
— 1849	32,666,419	
— 1850	34,982,262	
— 1851	37,909,133	
— 1852	39,952,859	
— 1853	41,755,961	
— 1854	44,209,063	
— 1855	49 218,426	
— 1856	51,184,691	
— 1857	51,213,960	(204,855,840)

На 1857 годъ противъ 1845 года на 21,894,663 рублей (87,578,664 франка). На покрытіе въ 1857 году долговыхъ платежей требовалось 55,432,902 рубля (221,731,608 фран.) по высочайше утвержденнымъ 7 и 21 минувшаго Декабря журналами комитета финансовъ разрѣшено погасить займовъ на 50,000,000 рублей, посредствомъ перечисленія на государственное казначейство кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ изъ запасныхъ капиталовъ банковыхъ установлений, и сверхъ того уменьшить погашеніе по займамъ въ 6% и двумъ первымъ 5%, чѣмъ ежегодные долговые платежи сократились на 4,218,942 рубля (16,875,768 франковъ).

2. По министерству императорскаго двора назначено :

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого	Франки
1845	7,684,671	2,192,500	9,877,171	39,508,684
1846	7,849,579	3,135,700	10,985,279	
1847	7,771,975	1,700,000	9,471,975	
1848	7,892,512	2,200,000	10,092,512	
1849	7,653,077	1,038,025	3,691,102	
1850	7,876,878	2,318,647	10,195,525	
1851	8,048,057	1,514,375	9,562,432	
1852	8,130,777	1,800,260	9,931,037	
1853	8,323,097	2,206,269	10,529,366	
1854	8,362,945	507,933	8,870,878	
1855	8,083,710	2,227,062	10,310,772	
1856	8,628,512	916,801	9,545,313	
1857	8,826,569	2,234,568	11,061,137	44,244,548

Сумма расходовъ сего министерства, вошедшихъ въ государственные росписи, исчисленная на 1857 годъ (8,826,569 рублей) превышаетъ сумму 1845 года (7,684,671 рубль) на 1,141,898 рублей. Расходы, произведенные особо отъ росписей и покрывавшіеся займами кредитныхъ установлений, простираются до 23,992,140 рублей (95,968,560 франковъ). Изъ сей суммы назначено : на сооруженіе Пискаревскаго собора (съ 1845 по 1857 годъ включительно) 9,027,312 руб.), на сооруженіе храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ (также съ 1845 года) 4,198,667 рублей, на работы по императорскому эрмитажу и музею (съ 1845 по 1852 годъ включительно) 3 570,525 рублей, на работы по московскому Кремлевскому дворцу и Кремлевскимъ зданіямъ (въ 1846, 1847 и 1848 годахъ) 2,500,000 рублей, на покрытіе переведеннаго на государственное казначейство долга кабинета въ 1846 году) 285,700 рублей, на надобности министерства (въ 1853 году) 1,438,855 рублей, на покрытіе дефицитовъ по императорскимъ театрамъ (въ 1853 и 1855 годахъ) 900,199 рублей, на перестройку театровъ (въ 1855 году) 985,380 рублей, на перестройку оранжерей въ ботаническомъ саду (въ 1853 и 1857 г.) 92,502 рубля и на постройки по дворцовымъ зданіямъ (въ 1857 году) 1,000,000 рублей.

3. Военному Министерству ассигновано :

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	62,674,172	5,015,263	67,689,440 (270,757,760 ф.)
1846	68,113,313	2,384,878	70,498,191
1847	69,282,250	2,641,050	71,923,300
1848	72,248,770	21,149,445	93,398,215
Въ томъ числѣ на воен. изд.			17,701,325
безъ воен. изд.			75,696,890
1849	77,493,720	28,305,062	105,798,782
на воен. изд.			26,370,000
безъ воен. изд.			79,428,782
1850	75,832,893	22,753,823	98,586,716
сод. войскъ въ воен. полож.			17,753,823
безъ воен. изд.			80,832,893
1851	76,768,472	12 258,169	80,026,641
сод. войскъ въ воен. полож.			10,227,000
безъ воен. изд.			78,799,641
1852	75,004,717	2,241,810	77,246,527
1853	76,951,400	15,650,000	92,001,400
на воен. изд.			12,650,000
безъ воен. изд.			79,351,400
1854	81,313,822	74,352,242	155,666,064
на воен. изд.			73,000,000
безъ воен. изд.			82,666,064
1855	89,002,648	158,199,716	247,202,364
все на во. изд.			
безъ воен. изд.			89,002,648
1856	92,316,309	216,425,037	308,741,346
все на во. изд.			
безъ воен. изд.			92,316,309
1857	80,194,911	1,097,683	81,292,594 (325,170,376 ф.)

Въ 1857 году къ суммѣ 81,292,594 рублей, слѣдуетъ еще присовокупить расходы, отнесенные на собственные способы

военнаго министерства, а именно по интендантству кавказскаго корпуса до 12,000,000 рублей, и на другіе предметы 3,879,961 рубль, итого 15,879,961 рубль, съ коими сумма расходовъ по военному министерству простирается до 97,172,555 рублей. Изъ сего видно, въ какой соразмѣрности увеличались расходы на содержаніе военной части, собственно по мирному положенію. Расходы сіи составлявшіе въ 1845 г. 67,689,440 рублей, въ 1850 году простирались уже до 80,832,893 рублей, и хотя въ 1851, 1852 и 1853 годахъ нѣсколько уменьшились противъ сей цифры, но потомъ вновь возрасли: въ 1851 году до 82,666,064 рублей, въ 1855 году до 89,002,648 рублей, въ 1856 году до 92,316,309 рублей, и въ 1857 году до 97,172,555 рублей, противъ 1845 года болѣе 29,483,115 рублей (117,932,460 франковъ).

4. По Морскому Министерству определено:

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	10,850,953	1,920,473	12,771,426 (51,085,704 фр.)
1846	10,709,573	1,343,110	12,052,683
1847	11,321,982	1,871,400	13,193,382
1848	11,390,592	5,131,745	16,522,337
1849	11,864,822	2,487,182	14,352,004
1850	12,386,942	4,520,717	16,907,659
1851	14,582,008	2,233,000	16,815,008
1852	14,243,010	3,650,407	17,893,477
1853	15,338,745	4,330,631	19,669,376
1854	14,391,878	3,204,720	17,596,598
	на воен. изд.	1,249,821	безъ воен. изд. 16,346,777
1855	19,825,343	11,022,255	30,847,598
		все на воен. изд.	безъ воен. изд. 19,825,343
1856	18,686,666	9,102,788	27,789,454
		все на воен. изд.	безъ воен. изд. 18,689,666
1857	19,950,185	..	19,950,185 (79,824,740 фр.)

Въ число суммъ, показанныхъ на 1855, 1856 и 1857 г. воины издержки по департаменту корабельныхъ дѣловъ (въ 1855—643,710 рублей, въ 1856—693,483 рубля и въ 1857—950,668 рублей), присоединеннаго, въ видѣ опыта, къ министерству государственныхъ имуществъ. Счисленіе вышеозначенныхъ цифръ указываетъ, что и по морскому министерству расходы значительно увеличились. Съ 1845 по 1848 годъ они были не многимъ выше 12,000,000 и 13,000,000 рублей, къ 1852 году достигли почти 18,000,000 рублей, а на 1857 годъ простираются уже до 20,000,000 руб., не смотря на сокращеніе расходовъ по черноморскому управленію, на которое отпускалось прежде до 7,000,000 рублей, а на 1857 годъ исчислено 4,239,000 рублей.

5. По министерству внутреннихъ дѣлъ назначено:

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	7,369,463	...	7,369,493 (29,585,972) ф.
1846	7,563,311	1,940,000	9,503,311
1847	7,602,303	250,000	7,852,303
1848	7,711,883	...	7,711,883
1849	8,138,915	...	8,138,915
1850	8,368,647	57,143	8,425,790
1851	8,616,569	87,143	8,703,712
1852	8,745,448	...	8,745,448
1853	8,494,997	...	8,494,997
1854	8,282,535	300,000	8,582,535
1855	8,561,266	57,145	8,618,411
1856	8,210,804	...	8,210,804
1857	8,277,438	...	8,277,438 (33,109,752) ф.

Въ 1846, 1850, 1851, 1854 и 1855 годахъ ассигнованы были нѣкоторыя суммы особо отъ росписей, посредствомъ займовъ изъ кредитныхъ установленій на слѣдующіе предметы: на покрытіе недостатка бывшаго земскаго вспомогательнаго сбора 2,190,000 рублей, на постройку зданій для кавказскихъ минеральныхъ водъ 171,431 рубль, на медикаменты для армій и флота 300,000 рублей и на постройку тюремныхъ замковъ и мостовъ въ олонеккой губерніи 30,000 рублей. Затѣмъ, считая собственно суммы назначаемыя по росписямъ, оказывается, что на 1845 годъ определено было на расходы по министерству внутреннихъ дѣлъ 7,397,496 рублей, съ 1849 по 1856 годъ назначалось отъ 8,000,000 до 8,745,000 рублей, въ послѣдніе-же два года расходы сего министерства нѣсколько сократились и составляютъ на 1857 годъ 8,277,438 рублей, болѣе противъ 1845 года 880,945 рублей (3,523,780 франковъ).

6. По министерству финансовъ.

На расходы сего министерства было назначено:

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	22,999,621	...	22,999,621 (91,998,484) ф.
1846	22,885,089	...	22,885,089
1847	21,135,008	2,571,430	23,706,438
1848	25,463,120	1,000,000	26,463,120
1849	30,135,164	...	30,135,164
1850	28,018,072	...	28,018,072
1851	32,681,252	...	32,681,252
1852	28,410,431	...	28,410,431
1853	26,174,496	...	26,174,496
1854	28,236,779	...	28,236,779
1855	29,796,599	...	29,796,599
1856	29,287,780	...	29,287,780
1857	28,121,360	...	28,121,360 (112,485,440) ф.

Показанныя въ 1847 и 1848 годахъ особо отъ росписей суммы не слѣдуетъ приписывать въ расчетъ при разсмотрѣніи расходовъ министерства, такъ какъ суммы сіи заняты въ кредитныхъ установленіяхъ: въ 1847 году на погашеніе части билетовъ государственнаго казначейства, а въ 1848 г. на извѣстные его императорскому величеству расходы. Самое меньшее назначеніе суммъ на расходы министерства финансовъ сдѣлано въ 1845 году (22,999,621 рубль), а высшее въ 1851 году (32,681,252 рубля), на 1857-же годъ расходы сокращены до размѣра 1854 года, составляя 28,121,360 рублей. Для правильнаго сужденія о расходахъ министерства финансовъ надлежитъ принять въ соображеніе, что главнѣйшую по оному издержку составляетъ заготовленіе вина. Назначеніе на сей предметъ большей или меньшей суммы зависитъ отъ потребности въ винѣ, которая по естественному роду возрастаетъ, равно отъ цѣны, существующихъ на хлѣбъ. Такимъ образомъ определено на сей предметъ:

на 1845 г.	7,480,720 р.	(29,922,880) ф.
— 1846	8,563,405	
— 1847	6,512,391	
— 1848	9,809,900	
— 1849	14,602,092	
— 1850	12,268,516	
— 1851	12,268,516	
— 1852	8,906,369	
— 1853	7,873,456	

— 1854	10,021,696	
— 1855	11,639,983	
— 1856	11,274,965	
— 1857	11,774,649	(47,098,596)

Слѣдовательно въ 1857 году противъ 1845 года болѣе 4,293,929 рублей. Независимо отъ того въ смѣты министерства финансовъ съ 1851 года вошелъ новый расходъ на содержаніе таможенъ въ Царствѣ Польскомъ, въ количествѣ 2,564,000 рублей въ годъ. Если къ назначеннымъ по росписямъ 1845 года (22,999,621 рубль) присоединить показанныя двѣ суммы : добавку на заготовленіе вина (4,293,929 рублей) и на содержаніе таможенъ въ Царствѣ Польскомъ (2,564,000 рублей) (вообще еще 6,854,929 руб.), то расходы сего министерства, полагая ихъ въ размѣръ 1845 года составили-бы 29,857,550 рублей, но по росписи 1857 г. назначено опыхъ 28,121,360 рублей (противъ 1845 года менѣе 1,736,190 рублей). Между тѣмъ штаты казенныхъ палатъ и уѣздныхъ казначействъ улучшены и добавленныя на сей предметъ суммы (ежегодно до 630,000 рублей) покрыты сокращеніемъ другихъ по министерству расходовъ. Сверхъ сокращеній, сдѣланныхъ министерствомъ финансовъ по разнымъ статьямъ расходовъ, назначено было изъ капиталовъ, въ вѣдѣніи сего министерства состоящихъ, на покрытіе по государственнымъ росписямъ дефицитовъ :

на 1846 г.	2,700,000 р.	(10,800,000) ф.
— 1847	2,700,000	
— 1848	4,294,143	
— 1849	2,000,000	
— 1850	427,000	
— 1852	414,830	
— 1853	4,000,000	
— 1854	3,000,000	
— 1855	2,700,000	
— 1856	2,860,000	
— 1857	7,000,000	(28,000,000)

Вообще 32,095,973 р.

7. По главному управленію Путей Сообщенія и Пуб. Зданіи

Определено :

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	4,036,527	5,349,795	9,386,322 (37,545,288 ф.)
1846	4,026,454	9,834,980	13,861,434
	въ томъ числѣ на Н. Ж. Д.	3,620,000	безъ Н. Ж. Д. 10,241,434
1847	4,097,024	32,201,032	36,298,056
		на Н. Ж. Д. 26,000,000	безъ Н. Ж. Д. 10,298,056
1848	5,094,074	7,762,230	12,856,304
1849	5,087,494	11,498,040	16,585,534
		на Н. Ж. Д. 8,043,040	безъ Н. Ж. Д. 8,542,494
1850	5,509,616	38,807,020	44,316,636
		на Н. Ж. Д. 34,300,000	безъ Н. Ж. Д. 10,016,636
1851	5,854,780	9,693,026	15,547,806
		на Варш. Ж. Д. 5,000,000	безъ В. Ж. Д. 10,547,806
1852	5,981,153	6,739,557	12,720,710
1853	6,263,717	20,880,091	27,143,808
На платеж. по займамъ для Н. Ж. Д. за 1852 и 1853 г. и на Варш. Ж. Д.	8,346,710		безъ Жел. Д. 11,797,098
1854	6,273,410	11,519,324	17,792,734
На платеж. по займамъ для Н. Ж. Д.	6,263,324		безъ Жел. Д. 8,029,410
дито на Варш. Ж. Д.	3,500,000		
1855	6,482,477	12,437,900	18,920,377
На платеж. по займамъ для Н. Ж. Д.	6,769,950		безъ Жел. Д. 10,150,427
дито на Варш. Ж. Д.	2,000,000		

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1856	6,705,590	19,054,153	25,759,743
На платеж. по займамъ для Н. Ж. Д.	6,932,127		безъ Жел. Д. 9,796,616
дито на вѣд. по Ж. Д.	5,311,000		
дито на Варш. Ж. Д.	3,780,000		
		16,023,127	
1857	6,680,061	13,549,082	20,229,143 (80,916,572 ф.)
На платеж. по займамъ для Н. Ж. Д.	6,560,000		безъ Жел. Д. 13,419,143
дито на Варш. Ж. Д.	250,000		
		6,810,000	

Расходы по сему управленію, по росписямъ, въ 1845 и 1847 годахъ мало превышавшіе 4,000,000 рублей, въ 1848 и 1849 годахъ превышали уже 5,000,000 рублей, но это возвышеніе послѣдовало собственно отъ внесенія съ 1848 года въ смѣты полнымъ количествомъ суммъ на ремонтное содержаніе шоссе, часть коихъ отпускалась прежде займами изъ кредитныхъ установленій. Съ 1850 года смѣты главнаго управленія непрерывно возвышались, составляя на сей годъ болѣе 5,500,000 рублей, а на 1852 годъ почти 6,000,000 р. онѣ съ 1853 года стали уже превышать и сію сумму, а на 1857 годъ простирались до 6,680,061 рубль. Суммы ассигнованныя особо отъ росписей, назначались въ различныхъ размѣрахъ и въ теченіи 13 лѣтъ составили, не включая расходъ по желѣзнымъ дорогамъ (николаевской и варшавской) до 65,650,079 рублей

8. На расходы всѣхъ прочихъ вѣдомствъ назначено :

на 1845 г.	17,677,307 р.	(70,709,228) ф.
— 1846	17,990,761	
— 1847	18,181,424	
— 1848	18,260,070	
— 1849	18,025,499	
— 1850	18,863,106	
— 1851	18,695,913	
— 1852	18,693,553	
— 1853	18,505,135	
— 1854	18,726,939	
— 1855	19,143,182	
— 1856	19,029,677	
— 1857	19,090,773	(76,363,092)

Вѣдомства сія суть : святѣйшій синодъ, министерства : народнаго просвѣщенія, иностранныхъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ, юстиціи, главное управленіе почтъ и государственный контроль.

Въ частности послѣдовало превышеніе расходовъ :

а) По вѣденію святѣйшаго синода, коего расходы въ 1845 году были 3,154,823 рубля, а въ 1857 году 4,300,432 руб., болѣе 1,145,609 рублей. Увеличеніе сіе произошло отъ прибавки ежегодно къ смѣтамъ синода суммъ въ счетъ предпозначенныхъ по высочайшему повелѣнію, въ 1843 г., на улучшенія содержанія православнаго духовенства 2,000,000 рублей.

б) По главному управленію почтъ, на 1845 годъ въ 2,012,655 рублей, а на 1857 годъ въ 3,465,571 рубль, болѣе 1,452,916 рублей, главнѣйшее на платежи прогоновъ за возку почтъ и эстафетъ (въ 1845 году 628,571 рубль, а въ 1857 году 1,402,610 рублей, болѣе 774,039 рублей). Остальное превышеніе 678,877 рублей составилось : 1) на вновь открытыя почтовые конторы и отдѣленія и на нѣкоторыя другія надобности 454,607 рублей, 2) на вознагражденіе

казны Царства Польскаго (высочайше утвержденного мнѣніем государственнаго совѣта въ Декабрѣ 1854 года) за отошедшіе въ казну имперіи почтовые доходы 118,560 рублей и 3) отъ перечисленія въ смѣту сего управленія назначавшихся прежде по смѣтамъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій на постройки и починки почтовыхъ зданій 105,710 рублей.

в) По министерству народнаго просвѣщенія, на 1845 г. 2,754,839 рублей, а на 1857 годъ 2,867,522 рубля, болѣе 112,683 рублей на содержаніе вновь открытыхъ учебныхъ заведеній.

и г) По министерству иностранныхъ дѣлъ, на 1845 г. 2,013,332 рубля, а на 1857 годъ 2,118,291 рубль, болѣе 103,959 рублей, на содержаніе различныхъ лицъ по дипломатической части.

Напротивъ того расходы (сравнительно 1857 съ 1845 г.) уменьшились.

а) По министерству государственныхъ имуществъ, (съ 3,868,779 рублей до 2,558,043 рублей) менѣе на 1,310,736 рублей, частью за отнесеніемъ нѣкоторыхъ издержекъ на собственные капиталы сего министерства, а частью вслѣдствіе сокращенія арендныхъ выдачъ. Таковыхъ выдачъ было назначено на 1845 годъ 1,825,012 рублей, а на 1857 годъ определено 1,228,985 рублей, менѣе 596,027 рублей.

б) По министерству юстиціи, (съ 3,655,034 рублей до 3,588,243 рублей) менѣе на 66,791 рубль за обращеніемъ также нѣкоторыхъ расходовъ на собственные средства министерства.

в) По государственному контролю, (съ 217,842 рублей до 192,666 рублей) менѣе на 25,176 рублей, отъ закрытія нѣкоторыхъ временныхъ учреждений.

Общая сумма расходовъ по означеннымъ 7 вѣдомствамъ увеличилась на 1,413,466 рублей.

9. На особые расходы определено :

Годъ	По Росписямъ	Особо отъ Росписей	Итого
1845	21,737,266	21,737,266 (86,942,064 р.)
1846	19,283,347	
1847	18,474,774	
1848	18,203,799	
1849	18,426,881	
1850	17,415,759	
1851	20,240,604	
1852	21,166,293	
1853	21,463,042	
1854	21,669,324	
1855	21,965,477	
1856	24,890,846	1,000,500	25,891,346 (103,565,384 р.)
1857	23,418,685	

Главнѣйшія статьи сихъ расходовъ, вносимыя постоянно въ росписи, суть слѣдующія :

а) Пенсии, на 1845 годъ 7,278,695 рублей, а на 1857 г. 9,461,686 рублей, болѣе 2,182,991 рубль.

б) Чрезвычайные расходы, на 1845 годъ 4,075,000 руб., а съ 1846 года назначается по 4,000,000 рублей.

и в) Сумма на недоборъ въ податяхъ и питейныхъ доходахъ. Въ 1845 году записано было въ роспись за не доборъ въ податяхъ 5,175,000 руб. и по питейной части (вслѣдствіе значительнаго недобора въ 1844 году) 5,094,222 рубля, вообще 10,269,222 рубля. Съ 1846 по 1856 годъ на

недоборъ въ податяхъ назначалась одна и таже сумма 5,175,000 руб., на недоборъ-же въ питейныхъ доходахъ въ 1846 году 2,500,000 рублей, въ 1847 году 1,500,000 руб., въ 1848 году 200,000 рублей, въ 1849 1,000,000 рублей, въ 1850 году вовсе исключена, а съ 1851 по 1856 годъ по 2,000,000 рублей. На 1856 годъ (на случай продолженія войны) на недоборъ въ податяхъ 7,000,000 рублей и по питейной части 3,000,000 рублей, а на 1857 годъ податнаго недобора 5,175,000 рублей и питейнаго 3,000,0000 рублей. Такимъ образомъ общая сумма въ 1857 году 8,175,000 руб. менѣе 1845 года 2,094 222 рубля.

Сверхъ вышеозначенныхъ постоянныхъ статей, за-ключаются нынѣ въ росписи еще и слѣдующія издержки, назначенныя уже послѣ 1845 года.

а) Съ 1850 года на улучшеніе штатовъ Восточной и Западной Сибири 159,674 рубля.

б) Съ 1852 года на займообразное пособіе земскимъ сб ражъ 1,300,000 рублей, такъ какъ наличность земскаго сбора никогда не бываетъ достаточна на удовлетвореніе текущихъ расходовъ онаго.

в) Съ 1857 года на сооруженіе памятника въ бозѣ почившаго императора Николая I, 200,000 рублей, на приобрѣтеніе акцій русскаго общества пароходства и торговли занято изъ кредитныхъ установленій въ 1856 году особо отъ росписи 1,000,500 рублей, въ роспись-же 1857 года внесены остальные на приобрѣтеніе акцій общества 1,000,500 рублей, на на производство оному помилной платы 750,000 рублей, а на ремонтъ судовъ общества 64,000 рублей, итого 1,814,500 рублей. На будущее время при производствѣ помилной платы въ полномъ размѣрѣ, расходъ на оное будетъ составлять около 1,500,000 рублей.

и д) Съ 1857 года на болѣе содержаніе вновь назначенной въ Пекинъ духовной миссіи и на удовлетвореніе возвращаемыхъ оттуда лицъ 188,000 рублей.

Вообще-же сумма общихъ расходовъ увеличилась на 3,681,419 рублей..

10. Оборотныхъ расходовъ внесено въ росписи :

на 1845 г.	6,547,196 р.	(26,181,784) ф.
— 1846	6,379,502	
— 1847	6,963,192	
— 1848	7,502,143	
— 1849	7,350,009	
— 1850	7,978,325	
— 1851	8,176,212	
— 1852	8,579,753	
— 1853	10,417,320	
— 1854	10,913,305	
— 1855	11,220,872	
— 1856	12,575,125	
— 1857	10,436,058	(41,744,232)

Расходы сін подвергаются непрерывнымъ измѣненіямъ, ибо требуются не въ одинаковомъ въ каждомъ году количествѣ. Особенно измѣняется изчисленіе за металлы и снаряды для военныхъ вѣдомствъ, а съ 1853 года вошла въ сін расходы новая статья на платежи за обывательскіе подводы контрмарками. Расходы сін не требуютъ особенныхъ поясненій, такъ какъ они производятся на счетъ особенныхъ источниковъ и записываются въ приходъ тѣмъ-же количествомъ.

III. ОБЩЕЕ СРАВНЕНИЕ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ СЪ 1845, СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ДЕФИЦИТОВЪ.

Годъ	ДОХОДЫ	РАСХОДЫ			ДЕФИЦИТЪ	Франк.
		По Росписанъ	Особо отъ Росписей	Итого		
1845	190,923,500	190,923,500	14,478,036	205,401,536	14,478,036	57,912,144.
1846	192,368,000	195,068,000	18,638,668	213,706,668	21,338,668	
			(Въ томъ числѣ Николаев Желѣз. Дор. 3,620,000)		(безъ Жел. Дор. 17,718,668)	
1847	191,595,000	195,375,000	41,234,912	236,609,912	45,014,912	
			(Ник. Ж. Дор. 26,000,000)		(безъ Жел. Дор. 19,014,912)	
1848	196,566,857	204,761,000	37,243,420	242,004,420	45,437,563	
			(На воен. над. 17,701,325)		(безъ воен. над. 27,736,238)	
1849	202,612,000	216,842,000	43,328,309	260,170,309	57,558,309	
			(На воен. над. 26,370,000)		(безъ в. п. и Ж. Д. 23,145,269)	
			(Ник. Ж. Дор. 8,043,040)			
1850	202,120,000	217,232,500	68,457,350	285,689,850	85,569,850	
			(На воен. над. 17,753,823)		(безъ в. п. и Ж. Д. 31,576,027)	
			(Ник. Ж. Дор. 34,300,000)			
1851	217,820,000	231,573,000	25,785,713	257,358,713	39,538,713	
			(На воен. над. 10,227,000)		(безъ в. п. и Ж. Д. 24,311,713)	
			(Варш. Ж. Д. 5,000,000)			
1852	220,716,000	228,908,000	14,432,094	243,340,094	22,624,094	
1853	224,808,000	233,688,000	43,066,991	276,754,991	52,446,991	
			(На воен. над. 12,650,000)		(безъ в. п. и Ж. Д. 32,796,991)	
			(Варш. Ж. Д. 7,000,000)			
1854	220,060,000	242,380,000	89,884,219	332,264,219	112,204,219	
			(На воен. над. 74,249,821)		(безъ в. п. и Ж. Д. 34,454,398)	
			(Варш. Ж. Д. 3,500,000)			
1855	206,860,000	263,300,000	183,944,078	447,244,078	240,384,078	
			(На воен. над. 169,221,971)		(безъ в. п. и Ж. Д. 69,162,107)	
			(Варш. Ж. Д. 2,000,000)			
1856	210,700,000	271,516,000	246,499,279	518,015,279	307,315,279	
			(На воен. над. 225,527,825)		(безъ в. п. и Ж. Д. 72,696,454)	
			(Перед. Ж. Д. 5,311,000)			
			(Варш. Ж. Д. 3,780,000)			
1857	226,678,000	258,216,000	16,881,333	275,097,333	48,419,333	
			32,761,294	290,977,294	64,299,294	257,197,176.
			(Варш. Ж. Дор. 250,000)		(безъ жел. Дор. 64,049,294)	

Въ сей таблицѣ издержки военныя и на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ хотя введены въ общую сумму расходовъ и дефицитовъ, но показаны и отдѣльно, такъ какъ расходы сн были временныя; платежи-же по займамъ для Николаевской Желѣзной Дороги не отдѣлены, ибо по всей вѣроятности составятъ и на будущее время постоянный расходъ.

Дефицитъ почти безпрерывно возрасталъ и въ 1857 году превышаетъ уже 64 мил. Причину столь огромнаго дефицита слѣдуетъ искать не въ недостаточномъ увеличеніи доходовъ, которые съ 1845 года возвысились почти на 36 мил. р., а въ несоразмѣрности расходовъ, превышающихъ нынѣ цифру 1845 года на 85,500,000 р. Употребленіе въ теченіи 13 лѣтъ весьма значительныхъ суммъ на разныя сооруженія и военныя издержки, равно постоянное и по мирному положенію увеличеніе расходовъ министерствъ Военнаго и Морскаго, которые въ 1857 году превышаютъ расходы 1845 г. почти на 37 мил. р., тогда какъ по всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ расходы увеличились съ небольшимъ на 11 мил. р., требовали значительныхъ займовъ, такъ что одни долговые платежи, со включеніемъ займовъ для Николаевской Желѣз. Дороги, составляютъ до 58 мил. р. и противъ 1845 г. увеличились на 28,500,000 р., не смотря на сокращеніе ихъ къ 1857 г. слишкомъ на 4 мил. руб.

Состояніе государственныхъ долговъ.

	1825.	1835.	1845.	1855.	1 Января 1857.
Срочныхъ голландскихъ 5%	2,684,700р.	46,483,500р.	39,729,050р.	30,465,360	{ 371,913,228р.
Безсрочныхъ заграничныхъ 6,5,4½,4%	150,588,525	180,047,198	227,986,842	300,811,634	
Долговъ сохранимъ казнамъ на 37 лѣтнихъ правилахъ.	10,555,428	36,980,736	46,709,583	145,338,045	150,074,672
Долга заемному Банку 5% безъ опредѣленнаго срока.	167,523	45,622,177	119,414,759	*	275,921,804
Билеты казначейства 4½%.	—	11,428,571	20,571,428	72,000,000	87,000,000
Ассигнаціями или кредитными билетами†.	170,221,700	170,221,700	189,415,570	356,337,021	687,660,203
Итого	334,217,876р.	490,783,882р.	643,827,232р.	...	1,572,569,907р.
	1,336,871,504р.	1,963,135,528р.	2,575,308,928р.	...	6,290,279,628р.

* Къ 1 Января 1854 г. долгъ этотъ простирается до 254,846,343 р., на сколько-же увеличился въ теченіи 1854 г., не извѣстно.

† Въ виду образовавшагося на кредитный билетъ во время послѣдней войны стета, нельзя не причислить ихъ къ государственнымъ долгамъ.

ЮСИФЪ ЯНКОВСКІЙ.

Одинъ изъ самыхъ героическихъ предводителей повстанцевъ, человѣкъ необыкновенныхъ военныхъ дарованій, рыцарь по благородству, І. Я н к о в с к і й попался въ руки нашимъ *рыцарямъ*. Разумѣется его тотчасъ приговорили къ висѣлицѣ. “Недѣлю назадъ — говорятъ “Моск. Вѣд.” 30 Янв.—схваченъ въ Варшавскомъ уѣздѣ извѣстный предводитель шакъ Янковскій. Вчера утромъ устроена была уже висѣлица на гласисѣ цитадели, но потомъ смертная казнь отмѣнена. Янковскаго жаль: *все населеніе Радзымина* прислало депутацію съ просьбою о дарованіи ему жизни; онъ былъ предводителемъ шайки, а не жапдармовъ-вѣшателей, на совѣсти его нѣтъ ни одного убійства, ни одного грабежа; *нашихъ плынныхъ онъ ослобождалъ* и награждалъ деньгами; словомъ, былъ изъ самыхъ приличныхъ атамановъ”.

Русскіе офицеры присоединились къ туземцамъ, умоляя испросить перемѣну наказанія мужественному противнику. И что-же?.. Казнь назначенная 22 Января была остановлена. Государь навѣрное на этотъ разъ не затянетъ веревку на шею доблестнаго врага... Теперь слушайте “Кельвскую Газету”:

“14 Февраля былъ *повѣшенъ* Юсифъ Янковскій. Опъ былъ приговоренъ къ висѣлицѣ двѣ недѣли тому назадъ, но намѣстникъ отложилъ исполненіе приговора. Зная глубокое уваженіе къ нему поляковъ и даже русскихъ, начальство опасалось, что казнь такого человѣка *можетъ повредить балу, который оно давало* и отклонить многихъ отъ намѣренія присутствовать на немъ”.

Потанцовавши, злодѣи эти воротились къ висѣлицѣ. По уже послѣ бала просто повѣсать было мало. Чтобъ унижить Янковскаго, они повѣсили на той-же висѣлицѣ Фридриха Шиндлера, хотѣвшаго убить кого то изъ русскихъ, и въ то же время велѣли *растрѣлять* донскаго казака, Петра Рябкина, перешедшаго къ повстанцамъ и оклеветаннаго судомъ.

“Спокойно и величаво шелъ Янковскій на помостъ, прекрасный собой, цвѣтущій мужчина, онъ кланялся съ улыбкой народу. Его жена была при казни, безъ чувствъ унесла ее”...

— “Что то подѣлываютъ мои тигры-обезьяны?” — писалъ Вольтеръ, спрашивая о парижанахъ. У насъ такихъ обезьянъ нѣтъ, у насъ какіе-то тигры-ослы, тигры-бровы и тигры-клопы. Въ нихъ соединяется все тупое, плотоядное, вонючее, грязное, съ отсутствіемъ всякаго слѣда, намека на какое нибудь человѣческое чувство.

Удивительное сочетаніе страшныхъ преступленій съ ничтожнѣйшими мелочами и мерзостями. Рядомъ съ злодѣйствами потрясающими душу, какъ въ Шекспирѣ, маленькія гадости, капральскія придирки. Русское правительство душило людей и царапаетъ ихъ перочиннымъ ножомъ. Рядомъ съ *александровскими* висѣлицами, оно подымаетъ николаевское гоненіе на пейсики*, на долгополые еврейскіе кафтаны, на чинов-

ничьи усы, вѣшаетъ и брѣшетъ, растрѣливаетъ и подрѣзываетъ фалды! Палачъ—портной, императоръ—педель, генералъ-губернаторъ—смотритель школы...

Что это у нихъ за вещество въ мозгу? Явно, что это не обыкновенный cerebrinъ—имъ нельзя дойти до соображенія столькихъ безумій и до сочетанія столькихъ нелѣпостей. Или это наследственная, застарѣлая гольштинская, казарменная лъза, сдѣлавшаяся *конституціонной* болѣзней этой самодержавной династіи?...

Стриженіемъ бородъ и пейсиковъ не ограничиваются тѣлесныя наказанія. Въ Варшавѣ, по словамъ “Моск. Вѣд.”, (N. 24), сѣкутъ людей при полиціи *безъ всякаго суда*, однихъ за то, что остановлены были вечеромъ безъ фонаря, и грубо отвѣчали какому нибудь квартальному; другихъ, *чтобъ вынудить показанія*. Мы не сомнѣвались въ томъ, что у насъ всегда пытали и теперь пытаются, но для насъ важно признаніе тайно-полицейскаго органа. Это не обмолвка. Это просто значить, что у нихъ прошелъ всякой стыдъ и что они не даютъ себѣ больше труда лгать... и хорошо дѣлаютъ, потому что и лгутъ то скверно.

“Кельвская Газета” (изъ которой нами взята исторія о пейсикахъ и усобритіи) на дняхъ поймала нашихъ шалуновъ, до того явнымъ образомъ, что великодушный и междупародный Le Nord явился на выручку. Иностранныя газеты говорили, что русское правительство безъ всякаго толка высылаетъ въ Сибирь изъ Польши не только мужчинъ, но и женщинъ. Русскіе органы съ негодованіемъ отвергли такую клевету... а “Кельвская Газета” выписала изъ Виленскаго полицейскаго лѣстка вызовъ на подрядъ тулуповъ и зимней одежды для ссыльныхъ женщинъ и дѣтей моложе 12-ти лѣтъ. На счетъ дѣтей Nord успокоилъ, во-первыхъ тѣмъ, что кто-же повѣритъ, что въ Россіи ссылаютъ дѣтей*; и во-вторыхъ тѣмъ, что если ихъ ссылаютъ, то это въ *видъ утѣшенія* для ссыльныхъ (стало женщинъ-то ссылаютъ, что и доказать надлежало), и что утѣшительное правительство “повинуясь внушеніямъ человѣколюбія”, снабжаетъ ихъ даже одеждой. И этой-то чистѣйшей филантропіи никто не умѣлъ оцѣнить?

И—гъ.

незабвеннаго Земскаго Устаза, находятъ глупой мѣру стричь пейсы и сертуки евреевъ. Онъ правъ. Но гдѣ-же удержать грубое и невѣжественное правительство, когда развращенные журналисты мѣсяцы пѣли ему, что женщина посащая трауръ—преступница, что такія демонстраціи не должны быть терпимы. Теперь пусть они попробуютъ унять звѣрино-полицейскія игры тупой артели опричаниковъ, увѣренныхъ, что общественное мнѣніе за нихъ. Отъ этого одинъ брѣшетъ чиновниковъ, другой стрижетъ евреевъ, а третій нагайкой загоняетъ на балъ тѣхъ женщинъ, съ которыхъ сдирали трауръ.

* Вѣроятно тотъ, кто какъ пишущій эти строки, видѣлъ въ Пермской губер. толпу дѣтей, отобранныхъ у евреевъ, да еще и тѣ, которые читали брошюру Лелавеля “La guette aux enfants”.

* “Московскія Вѣдомости” продолжая будировать петербургскія вѣдомства съ

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

НВ. Авторъ этихъ писемъ былъ въ большомъ затрудненіи, и только недавно вышелъ изъ него. Ему хотѣлось писать о всякой всячинѣ, т. е. исключительно о русской всякой всячинѣ, для этого форма письма самая широкая, она свободна какъ женская блуза, нигдѣ не шнуруется и нигдѣ не жметъ. По несчастью у него не оказалось въ наличности ни одного отсутствующаго друга, по крайней мѣрѣ такого, который желалъ бы что-нибудь знать, ни такого, которому бы хотѣлось что-нибудь писать. Единственный человѣкъ, который могъ бы выручить автора житье съ нимъ черезъ корридоръ, что дѣйствительно не мѣшаетъ имъ иногда переписываться, но все-же не въ такой степени, чтобы изъ ихъ переписки сдѣлать литературную корреспонденцію.

Занятый этимъ предметомъ, авторъ вспомнилъ *предвареніе челоуька*, открытое императорскимъ почтамтомъ въ Россіи (кому въ самомъ дѣлѣ и умѣть открывать все запечатанное для другихъ какъ не ему?). Если можно путешествовать по подорожной съ *будущимъ*, отчего-же съ нимъ нельзя переписываться. Авторъ самъ былъ *будущимъ* въ одномъ *давно прошедшемъ* путешествіи, а *настоящимъ* былъ Васильевъ рядовой жандармскаго дивизіона.

Взявъ все это въ расчетъ, авторъ рѣшился писать къ *будущему другу*, желая отъ всей души, чтобы онъ сохранилъ свое доброе здоровье до первой встрѣчи съ нимъ, впередъ радуясь пріятному будущему знакомству.

II—РЪ.

письмо I.

Будущій другъ,

Извините, что я къ вамъ пишу, не зная порядкомъ сколько вы заняты и много-ли у васъ времени празднаго или лучше скучнаго, которое вы хотѣли бы разсѣять невеселой бесѣдой челоуька начинающаго старѣть и продолжающаго ворчать...

Я долго крѣпился... но силъ не стало. Русскія новости и русскіе журналы дѣйствуютъ на меня какъ дурманъ или какъ пневматическая машина, я чувствую безпокойство чижа въ безвоздушномъ пространствѣ, я задыхаюсь, мнѣ кажется, что я, вы, мы оскорблены, унижены тѣмъ, что съ нами, при насъ, смѣютъ такъ говорить — злоба кипитъ, является желаніе мести, самозащиты...

Долго думалъ я что бы сдѣлать, чтобы отвести душу, сначала придумалъ составить небольшую хрестоматію à la Noel et Charpal изъ образцовыхъ усердій, преданностей, фяскальствъ и проч. Журналы забываются, хрестоматій — остаются. Обложилъ я себя какъ Лазарь всѣмъ гноемъ, привезеннымъ за Декабрь мѣсяцъ изъ за Белта и Зунда, съ береговъ счастливой Певы и благоразумной Москвы рѣки.

Сначала все шло хорошо, я пріискалъ заглавіе, и началъ какъ вѣтошникъ удить въ отечественныхъ канавкахъ нашей журналистики... На всякій случай я вамъ сообщу, мой любезный, будущій другъ, мой futur, написанный мною проспектъ-специменъ :

ПЕРЛОСЛОВІЕ.

Подъ этимъ многознаменательнымъ названіемъ вознамѣрились мы низать крупницы падающія съ богатаго стола нынѣ пирующихъ саповниковъ и іерарховъ русской мысли. Мы равно будемъ низать на наши четки, на наши ожерелья — духовно-полицейскіе апофтегматы Асоченскаго и военно-судныя сентенцій Каткова, бусы максимъ Громеки и капли офиціознаго воска, очищенныя отъ меда, сѣверныхъ пчельниковъ и иныхъ вертоградарей російскихъ, ежедневниковъ и мѣсячниковъ, наиболѣе апробованныхъ, поощренныхъ и взисканныхъ милостями высшаго начальства. Безъ излишней самопадѣянности думаемъ мы, что такое ожерелье равно пригодится старцу, женщинѣ, квартальному и ребенку для образованія ума, сердца и руки — да и руки. Ибо рѣдкое перлословіе не напоминаетъ прописей — здоровая мысль въ здоровомъ почеркѣ, гораздо важнѣе, чѣмъ думаютъ нигилисты.

По такъ какъ самыя пламенные “пожеланія”*, все-же имѣютъ преграды, не смотря на эпиграфъ “Man kann was man will” избранный Н. А. Полевымъ (столь преждевременно опочившимъ отъ полезныхъ трудовъ своихъ, не предвидя какъ много послѣ него разведется въ отечествѣ нашемъ — Телеграфовъ и Булгариныхъ), то мы и признаемся откровенно, что по дальности мѣстожителства, не имѣемъ возможности сѣднть за всѣми сокровищами, поистинно обильной словесности нашей, особенно съ незабвенныхъ временъ, въ которыя отечество наше было постигнуто прогрессами. А потому — мы съ благодарностью примемъ каждую крошку и крупницу, смѣтенную съ лукуловскаго стола отечественныхъ Музъ, возлежащихъ пышнымъ вѣнкомъ голубыхъ васильковъ около чадолюбивой Малады-Головнина.

Не стѣсняясь излишне строгой классификаціей, мы однако будемъ придерживаться системы, съ успѣхомъ употребленной въ народныхъ пѣсенникахъ, издававшихся въ началѣ нашего столѣтія.

* Желанія — c'est commun, vulgar, монархи, архіереи и сильныя міра сего говорятъ въ важныхъ случаяхъ “пожеланія”. Эта та нѣзвѣстная разница Сергія и Сергія, сорочки и рубахи, которую мы не разъ объясняли. Послѣ позавчера года государь-редакторъ “Моск. Вѣд.” обратился къ крѣпостникамъ разныхъ областей своихъ, “къ князьямъ, боярамъ, воеводамъ, пришедшимъ (письменно) за Донъ отыскивать свободу крѣпостнаго праса и благодарить е. в. за поддержку Муравьева — съ слѣдующими царственными словами : “Мы заключаемъ истекающій годъ изъясненіемъ благодарности пѣшимъ читателямъ, которые выраженіемъ своего сочувствія подкрѣпляли насъ въ нашей дѣятельности и теперь напутствуютъ насъ на дальнѣйшій трудъ. Эти сотни писемъ, которыя приходятъ къ намъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ людей всѣхъ классовъ и званій, мы сохранимъ какъ дорогое свидѣтельство, что дѣятельность наша была не безплодна, и что она дѣйствительно была органомъ русскаго общественнаго мнѣнія. Никогда еще сколько мы знаемъ, между газетою и обществомъ не установилась такая несомнѣнная связь, какая въ настоящемъ году соединила “Московскія Вѣдомости” съ ихъ читателями. Мы были бы не въ состояніи отвѣчать на каждое изъ этихъ заявленій; но мы не можемъ не упомянуть о нѣкоторыхъ полученныхъ нами коллективныхъ письмахъ. Мы благодаримъ дворянъ Пензенскаго уѣзда, и чувствуемъ всю силу нравственнаго обязательства, которое возлагаютъ на насъ ихъ добрыя пожеланія; мы благодаримъ также дворянъ разныхъ уѣздовъ Рязанской губерніи”, и проч. и проч. и проч.

Въ рескриптѣ, данномъ на двахъ генералу Граббе, другой государь говоритъ : “Павелъ Христофоровичъ! Выраженныя вами отъ лица войска донскаго пожеланія по случаю паступленія позавчера года, я пріемлю, какъ — ну, т. е. какъ Катковъ приписываетъ усердіе своихъ Пензяковъ, Рязанниковъ и проч.”.

Всѣ афоризмы, апофегматы, изрѣченія, сентенцій и максимы мы будемъ дѣлать на :

- I. Любовныя а) *Любовь къ доносамъ,*
б) *Любовь къ "энергій",*
с) и проч.
- II. Военныя *Съ включеніемъ корпуса жандармовъ.*
- III. Мирныя *Съ включеніемъ управы благочинія и Московскихъ Вѣдомостей.*
- IV. Театральныя и т. д.

Но передъ первой рубрикой мы помѣстимъ какъ и слѣдуетъ безъ цифры (числа и мѣры нѣтъ!) отдѣлъ

- Богословскій а) *Богословіе смиренное,*
б) *Богословіе уголовное или съко-
богословіе.*

НВ. Барковъ православія Аскаченскій и Катковъ безпоповщинцовъ Ермиловъ, облегчатъ намъ весьма этотъ важный по нравственному значенію отдѣлъ. Эти великіе сподвижники и ратан блѣднѣющей власти духовной—не холодные "Камни Вѣры", а такъ сказать каменная болѣзнь православной церкви и неправославнаго кладбища.

Иногда мы позволимъ себѣ, и то только въ нужныхъ мѣстахъ, приличныя поясненія, но никогда не позволимъ неприличныя.

На примѣръ, когда маститый М. П. Погодинъ говорить, а Моск. Вѣд. повторяютъ о томъ, "что прежде нежелали думать объ освѣщеніи московскихъ улицъ газомъ или фотогеномъ, нужно подумать о томъ, чтобы городъ имѣлъ полицію"—не слѣдуетъ комментировать, стоитъ только пожалѣть бѣдное и обширное отечество наше, все имѣющее, и свободу, и законы, словомъ все, и неимѣющее полиціи.

Или когда самъ Катковъ въ статьѣ, направленной противъ Суворова (Моск. Вѣд. 31 Декаб.) и слабые души въ правительствѣ не кутающихся съ наслажденіемъ въ польской крови, велегрѣчиво говорить: "Эти люди въ польскомъ помѣщикѣ готовы видѣть жертву, но русскаго помѣщика, который былъ главнымъ орудіемъ государственной жизни Россіи, они готовы бы были затравить всѣми собаками"... Что-же тутъ прибавлять, развѣ ободреніе помѣщикамъ, что отъ всѣхъ людей и отъ всѣхъ собакъ ихъ спасетъ, ихъ уюнокотъ и отогрѣетъ редація Московскихъ Вѣдомостей.

Но когда максима Громеки упрекая (не безъ оговорокъ въ взаимномъ уваженіи) Каткова въ томъ, что онъ "воздвигъ гоненія даже на малороссійскія азбуки", ставитъ ему въ вину, что онъ "приглашаетъ прекратить гоненія на всю раскольничью литературу, на твердо организованныя секты, на изувѣровъ, непризнающихъ ни бога, ни власей, ни брака, ни собственности", восклицаетъ: "Развѣ расколъ не интрига!"—нельзя не сказать нѣсколько словъ.

Отдавая полную справедливость искусному движенію краспорѣчія и исполнѣ соглашаясь, что если брака нѣтъ, то конечно это интрига, читатель все-же въ правѣ спросить, какія же именно секты не признаютъ бога? Конечно тутъ считано на одно ораторское движеніе и на рикошетъ, конечно *similia similibus* можно приложить къ доносамъ, но тогда надобно быть увѣрену, что контръ-доносъ можетъ быть вреденъ одному Каткову. Въ сущности что за бѣда, что Муравьевъ кого-нибудь не повѣситъ, Катковъ кого

нибудь помируетъ, комунибудь смирволить... Петербурпы думаютъ, что все дѣлается изъ корысти—нѣтъ, многое дѣлается и просто изъ выгоды, изъ обмѣна братскихъ послугъ...

...Au clair de la lune
Mon ami Katkoff,
Prete moi ta p'ume,
Je signe Ermiloff!

... На этой пѣсни я запнулся и далѣе ни мой *specimen-prospectus*, ни мое визаніе перловъ не пошло. Мнѣ попалась такая жемчужина, что я остановился...

Беру свѣжій листъ "Московскихъ Вѣдомостей" и читаю:

"Мятежные помѣщики (августовской губ.) не забыли и слабыхъ сторонъ человѣческаго сердца (для привлеченія крестьянъ къ возстанію) они во многихъ мѣстахъ простили чиншъ крестьянамъ и подарили имъ землю, подъ условіемъ ратовать совместно съ ними за отчизну; но и это не пошло имъ въпрокъ; крестьяне чинша не заплатили, а возмутителей выдали".

Есть гнусности, надъ которыми смѣшное не имѣетъ призу, онѣ слишкомъ гадки, гадки до какой то нѣмой нечести. Какъ долженъ былъ пасть отъ рабства народъ, который одной рукой беретъ даръ, а другой сѣдлаетъ клячу, чтобы скакать съ доводомъ на того, котораго сей часъ благодарилъ за его даръ. Это ужасно. И замѣйте, что коронный журналистъ передаетъ это, не только безъ малѣйшаго порицанія, но чуть ли не съ улыбкой.

Бросаю "Вѣдомости" и беру "Русскій Вѣстникъ". Развертываю статью о "Гайдамачинѣ" и читаю (дѣло идетъ о взятіи Желѣзняка). "Генералу Кречетникову велѣно было отправиться подъ Умать, гдѣ находился Желѣзнякъ... Казаки не знали зачѣмъ явились войска. Кречетниковъ, избывая кровопролитія, рѣшился захватить гайдамаковъ хитростію. Устроивъ свой обозъ, онъ послалъ просить къ себѣ Желѣзняка и старшинъ; велѣлъ сказать имъ, что у него есть до нихъ важное дѣло. Казацкіе старшины отказались ѣхать къ Кречетникову. Тогда, взявъ съ собой нѣсколькихъ офицеровъ, онъ самъ отправился въ казацкій лагерь. И генералъ, и офицеры старались быть какъ можно любезнѣе съ казаками и предлагали имъ вмѣстѣ идти противъ конфедератовъ. Послѣ этого перваго пощещенія, Кречетниковъ ежедневно бывалъ въ казацкомъ лагерѣ, и скоро успѣлъ уничтожить въ казацкихъ старшинахъ всякую тѣнь подозрѣнія.

"Такъ прошло нѣсколько дней. Остальныя войска уже приближались и Кречетниковъ рѣшился приступить къ развязкѣ. Однажды онъ объявилъ старшинамъ, что уже пришло время идти противъ конфедератовъ, и пожелалъ передъ походомъ обозрѣть войско въ боевомъ порядкѣ и осмотрѣть оружіе и прочія походныя принадлежности. Ничего не подозрѣвая, старшины велѣли казакамъ собраться вмѣстѣ, пригнать лошадей и сложить въ одно мѣсто для обзора сѣдла, оружіе и прочую аммуницію.

"Послѣ смотра Кречетниковъ позвалъ казаковъ на пиръ. У него было заранѣе приготовлено большое количество вина, меду и другихъ напитковъ. Русскіе солдаты получили приказаніе остерегаться много пить, а болѣе подчивать казаковъ. Старшины были приглашены въ ставку генерала, гдѣ Кречетниковъ не жалѣлъ для нихъ вина. Казаки загуляли, выпились рѣкой. Это былъ послѣдній казацкій пиръ: *спереди ихъ ожидала тяжелая участь.*

“Ночью, когда въ казацкомъ лагерьѣ все спало мертвецкимъ сномъ, Кречетниковъ отдалъ приказъ полку донскихъ казаковъ, еще во время пира незамѣтно приблизившагося къ лагерю и ожидавшаго условленнаго сигнала двинуться въ лагерь, захватить сложенное въ одномъ мѣстѣ оружіе, забирать лошадей, вязать казаковъ, но не стрѣлять, чтобы не падѣлять шуму. Войска въ точности выполнили приказъ. Оружіе было взято и сонныхъ, безоружныхъ казаковъ начали вязать. Желѣзнякъ и Гонта были захвачены вмѣстѣ съ другими старщинами и атаманами. На слѣдующее утро пѣльняники спросили Кречетникова, что значитъ этотъ пѣльня и его поступокъ съ ними. Кречетниковъ отвѣчалъ, что по приказанію русскаго правительства, онъ долженъ былъ взять ихъ какъ разбойниковъ. Занорожцы были отправлены въ Кіевъ; поселянъ и казаковъ задѣйрировскихъ Кречетниковъ отдалъ польскому рейментарію Іосифу Стемпковскому и субальтерну его Якову Комаровскому. Желѣзнякъ пошелъ въ Кіевъ, Гонта остался въ рукахъ поляковъ.

“По произведенію въ Кіевѣ слѣдствію 154 казака были разосланы во внутренніе гарнизоны; 6 человекъ пошли въ Сибирь; нѣкоторые были наказаны кнутомъ.

“Надъ гайдамаками задѣйрировской Украйны, отданными въ руки польскаго правительства, былъ учрежденъ генераль-ный военный судъ. Исполнителемъ приговоровъ этого суда былъ рейментаръ украинской партіи, Стемпковскій. Какъ отъ суда, такъ и отъ жестокой личности рейментаря Стемпковскаго нельзя было ожидать гайдамакамъ ни пощады, ни милосердія. Стемпковскій хотѣлъ было казнить Гонту тотчасъ-же по взятіи его, но имѣя въ отрядѣ только 400 человекъ, онъ боялся остаться лишній день и повелъ Гонтѣ съ товарищами къ Могилеву на Днѣстрѣ. Тамъ, недалеко отъ Могилева, въ селѣ Сербовѣ, остановились напачи съ своими жертвами. Гонтѣ былъ прочитанъ приговоръ, по которому казнь распредѣлялась на четырнадцать дней. Онъ выслушалъ приговоръ хладнокровно и стойчески приготовился къ смерти. Началась лютая казнь. Гонта героически вынесъ ее, не просилъ ни пощады, ни помилованія. Отрубленную голову его воткнули на колы, а тѣло было разрублено на 14 частей и развѣшено въ различныхъ мѣстахъ на 14 висѣльцахъ”.

И народъ долго помнилъ казнь Гонты и пѣль—

Підкинувшись підъ Умань, Гонтѣ пловали.
Вони-жъ його на самъ передъ барзо привтали,
Черезъ сімъ дней въ його кожу на полѣ здирали.
И голову обзупили, силъю насолали,
Потімъ ему якъ чесному назадъ положили.

И такъ вотъ нравственный результатъ великаго *материка* рабства... вотъ каково было *главное* орудіе государственной жизни въ Россіи, и вотъ что сдѣлано этимъ орудіемъ изъ народа. Вѣдь это страшно! Масса — потерявшая чувство *правды* отъ двойнаго гнета. Холодская аристокрація, генералы и офицеры, играющіе роль царскихъ канцеляристовъ — дружески бесѣдуютъ, пьютъ цѣлые дни, чтобы безъ малѣйшей опасности перехватать людей вѣрившихъ и не безъ основанія, въ помощь Россіи, и выдать ихъ — ихъ злѣйшему врагу...

Какое-же искупленіе будетъ достаточно и народу, и правительству, и его дворцѣ и развратникамъ слова паши?...
Прощайте — невозможно продолжать.

Ц—ръ.

10 Февраля 1864.

НА ВОЛЫНЬ!

Наконецъ-то для Москвы, какъ для Помпеи настаетъ послѣдній *День*. Издатель *ею* ѣдетъ на Волинь — спасать народность русскую (о силѣ, прочности и унругости которой въ южно-русскомъ краѣ было столько наговорено тяжелыхъ фразъ)

“Не хорошо обстоитъ у насъ дѣло въ юго-западномъ краѣ”, пишетъ въ своемъ *aux armes citoyens*, 1 Февраля, г. Аксаковъ. Русское крестьянство, казалось справилось съ польскимъ возстаніемъ, не тутъ-то было, оказывается, что и они не довольны, отъ такой шаткости у г. Аксакова сдѣлался по собственному признанію приливъ къ головѣ, и не дожидаясь отлива, вотъ какъ онъ пошелъ на всѣхъ наусачъ. “Это (недоразумѣніе русскихъ крестьянъ) уже вдвое, вчетверо оскорбительнѣе — отъ этого оскорбленія кровь кипитъ въ голову. Какъ-же это стало возможнымъ? Какъ-же это случилось? Кто въ этомъ виноватъ? Что обнадежило поляковъ, что подняло ихъ унадшій было духъ, что наконецъ, такой злой геній сдумалъ наиблагонравнѣйшія для насъ обстоятельства сдѣлать худыми, и худыя для поляковъ обрѣсти въ благопріятныя? Какимъ образомъ можно было, православное, вѣрное Руси и русскому царю, русское крестьянское населеніе — смутить и нравственно обезсилить?...”

“Что-же намъ дѣлать? Не ложиться-ли на насъ всѣхъ, честныхъ, способныхъ, образованныхъ, тяжкимъ упрекомъ это мужицкое раздумье, эта горечь народнаго чувства? *На Волинь!* — вотъ что надо. Надо всѣмъ, которые свободны, могутъ располагать собою, въ комъ живо русское чувство и силенъ стыдъ русскаго общественнаго грѣха, поспѣшить на Волинь, въ Подолію, въ Кіевскую область, заплѣ мѣста мировыхъ посредниковъ и тому подобныя, и возстановить союзъ братскій, и воскресить вѣру въ русское имя, загладить тяжкія вины предъ тамошнимъ русскимъ народомъ — людей, именующихся русскими, да еще изъ “Москвы”. Надо *разбудить* дремлющее русское, туземное, хотя и очень малочисленное общество, надо заявить наше полное признаніе всѣхъ правъ мѣстной жизни, ея обычаевъ и особенностей, надо оградить народъ отъ поляковъ и отъ недостойныхъ русскихъ дѣятелей, и отъ коварной интриги и отъ неразумнаго усердія слѣпыхъ исполнителей воли начальства (ими болѣею частію непонимаемой), и отъ іезуитизма и отъ сервиллизма, — чтобы нахлуло свѣтомъ и воздухомъ, братской любовью и правдой, и тогда оживленному русскому народному чувству не страшны будутъ галиційскія шайки, ни козни польскихъ или опозачившихся русскихъ туземныхъ пановъ!”

Послѣ этого, мы, никогда не сомнѣвавшіеся что въ издатель *Дня* “живо русское чувство и силенъ стыдъ”, понимаемъ, что ему нечего дѣлать, какъ бѣжать за подорожной и спасать безостановочно Волинь, будить туземное русское общество. Дай Богъ ему не встрѣтить ни бѣшеныхъ волковъ, ни катковскихъ корреспондентовъ; имъ — что еще можетъ быть хуже — ни висѣльцевъ, на которыхъ висятъ польскіе патріоты, задушенные офиціальными русскими убійцами. Это зрѣлище можетъ ему напомнить страшную фразу его статьи, въ которой онъ жалуется “на мертвенность общественнаго участія къ краю, на *фальшивый гуманизмъ*, превращающійся на практикѣ — въ галантерейное, въ родѣ восхваляемаго ласемъ Осипомъ въ *Ревизорѣ*, обращеніе съ высшимъ польскимъ сословіемъ”!

СМБСБ.

— *Поощрение охотникамъ въ рекруты, и подати взимаемыя съ солдатъ.*—Госуд. сов. согласно съ представленіемъ министра финансовъ, положилъ между прочимъ — если паежникъ принадлежалъ къ какому либо податному обществу, исключая городскихъ обывателей, освобожденныхъ указомъ сенату 1 Января 1863 отъ под. подати, то отчисляется 50 р. с. въ пользу общества, къ которому принадлежалъ паежникъ, для уплаты за него податей до новой ревизіи. Миѣніе это утверждено 6 Янв. 1864. Отличился государь для Богоявленія Господня! Казнѣ этотъ указъ не дастъ ста тысячи руб. сер., а въ частности раззорить крестьянъ тысячи двѣ человекъ; 50 цѣлковыхъ прибавки къ договорной цѣнѣ охотника — это ужасно! И государственный совѣтъ, сидѣлъ, кряхтѣлъ, думалъ и выдумалъ.

— *Le Nord и le Tzar за Землю и Волю.*—Мы никогда не сомнѣвались, что знамя, поднятое нами и справедливо и народно; но мы не ожидали въ такомъ скоромъ времени такихъ почетныхъ союзниковъ какъ Le Nord “международный журналъ” и слѣдственно независимый отъ русскаго правительства и какъ само русское правительство, независимое и уже копейно не закупленное Nord’омъ. Но такова сила правды, volentem ducit, nolentem trahit. Дѣло было вотъ какъ: Е. Мезонъ видя, что “международный журналъ” передалъ отрывки изъ его статьи о Польшѣ неудовлетворительно, просилъ международную редакцію помѣстить его письмо къ ней, что она и сдѣлала 14 Февраля. Въ этомъ письмѣ Е. Мезонъ сказалъ между прочимъ, что по его мнѣнію боязнь поляковъ признаться передъ Европой въ социальныхъ тенденціяхъ возстанія, много помѣшала революціи. “Я, говоритъ онъ, принимаю программу Герцена ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ. Безъ нея нѣтъ спасенія”... и проч.

“Международный журналъ” помѣстилъ черезъ день отвѣтъ русскаго патріота De Moller. Патріотическое сердце De Moller всего болѣе обидилось тѣмъ, что г. Мезонъ не догадался, что русское правительство само проводитъ девизъ *Земля и Воля*, только въ предѣлахъ права и порядка. “Напрасно—воскликаетъ De Moller, г. Мезонъ приписываетъ этотъ девизъ Герцену. Идея, начало, которое оно выражаетъ—создано въ теоріи народомъ, а на практикѣ приложено правительствомъ, въ предѣлахъ права и порядка. (Тѣсненьки должны быть предѣлы и плоховаты порядки — земли не даю—развѣ свободы... не правда ли бездна?) Г. Герценъ только уронилъ этотъ девизъ въ общественномъ мнѣніи, не обращая вниманія на существенныя границы всякой реформы и придавая словамъ *Земля и Воля* смыслъ, который скорѣе идетъ словамъ *грабежъ и безвластіе* (spoliation et anarchie)”. Послѣднее къ дѣлу не идетъ и есть болѣе личное мнѣніе патріота Де Моллеръ. Мы другихъ средствъ до сихъ поръ какъ созваніе земскаго, безсословнаго Собора не предлагали. Съ первымъ же мы совершенно согласны, не мы выдумали, а народъ русскій подсказалъ намъ что надобно ставить на хоругви, наша заслуга только въ томъ, что при шумѣ барабановъ, положеній, учрежденій, освобожденій, мертворожденій —мы уловили ихъ, но все это не имѣетъ важности—для насъ важно признаніе международного журнала, независимаго отъ русскаго правительства, но дружески къ нему расположеннаго

—что русское правительство ставовится подъ хоругвь *Земли и Воли*, правда въ неопредѣленныхъ предѣлахъ права и порядка, по Kaiser ist jung*—еще выработается.

— *Умиротвореніе Литвы, успокоеніе Польши...* “Мятежъ подавленъ, шайки больше не существуютъ... порядокъ устанавливается, Литва умиротворена и счастлива, послѣдніе слѣды безпорядковъ исчезли”... Такъ нѣсколько мѣсяцевъ начинаются новости о Польшѣ въ русскихъ газетахъ. За тѣмъ слѣдуетъ рассказъ казней и битвъ. Къ чему эта туная, афишечная реклама?

Она намъ напоминаетъ одного стараго пріятеля и должника. Когда люди осторожнаго прогресса и осмотрительнаго либерализма стали насъ оставлять, оставилъ и онъ насъ; но болѣе постоянный въ своихъ симпатіяхъ, онъ оставилъ одного изъ насъ, именно меня, только въ половицу, т. е. пересталъ быть пріятелемъ и остался должникомъ. Этотъ вѣрный должникъ, въ прежніе годы, писалъ ко мнѣ довольно часто письма, составлявшія удивительныя варіаціи, на очень простой мотивъ —“Дѣла мои идутъ прекрасно и поэтому я скоро заплачу тебѣ долгъ”. Нѣсколько изъ нихъ я сохранилъ и думаю со временемъ издать, въ погашеніе 1/10,000 должной мнѣ суммы, и въ руководство нуждающимся въ такихъ посланіяхъ.

“1 Мал. — Дѣла мои идутъ очень хорошо, Агофоклея Карповна ѣдетъ на воды, и я ее черезъ педѣлю увижу, какъ кончю съ ней дѣло, такъ и вышлю деньги, которыя взялъ у тебя на перехватъ, жди пожалуйста до 23 Мая... пѣтъ, чтобъ и этотъ разъ не ошибиться—до 27-го.

“28 Мал.— На счетъ денегъ ты не беспокойся. Дѣла приняла окончательно прекрасный оборотъ, но Агофоклея Карповна съ собой ничего не взяла. Почта ходитъ очень долго. Она писала вчера, дѣлать нечего, отвѣтъ будетъ между 15 Июнемъ и 20, стало 22 деньги у тебя”.

22 Июня—вмѣсто денегъ у меня въ передней мальчикъ съ пуговками, въ какомъ-то конноегерскомъ мундирѣ, факторъ изъ Submarine telegraphical South-Western Graceschurch Street Company — 4sh. 6d.— Кто умеръ? Кто родился? Срываю печать. “Ждать—20 не отвѣтъ—Москва—писать—десять дней. Дѣла Хорошо”.

Самое пикантное этой переписки состояло въ томъ, что соотичь, бравшій деньги на перехватъ, писалъ эти вещи съ святой добросовѣстностью, онъ вѣрилъ, такъ какъ вѣрятъ въ чудеса или медицину, что дѣла его поправляются, вѣрилъ въ Агофоклею Карповну, досадывалъ и при каждомъ возобновенномъ лучѣ надежды, брался за перо и извѣщалъ меня “о счастливой перемѣнѣ въ дѣлахъ”. Я просилъ его только одного, какъ уступку, не телеграфировать никогда, потому что въ сущности мнѣ было все равно четырьмя днями позже узнать, что дѣла моего пріятеля поправляются и что денегъ онъ мнѣ все-же не пришлетъ.

Но правительственныя рекламы не имѣютъ за себя и этой наивности, они вовсе не вѣрятъ въ свою Агофоклею Карповну, и знаютъ очень хорошо, публикуя въ недѣлю три раза, что “послѣднія шайки повстанцевъ побиты на голову”, что онѣ не послѣднія и не побиты. Бездарное и ослабленное правительство не можетъ справиться съ изумительной энергіей возстанія и не догадывается, что печатая мѣсяцы балаганныя афиши,

* “Императоръ еще молодъ”. Известный анекдотъ о русскомъ генералѣ въ Дюссельдорфѣ.

въ родѣ лондонской Алгамбры или Креморна* о “пораженіи мятежа и умиротвореніи края”, оно лишаетъ себя рядомъ съ финансовымъ, окончательно погубленнымъ кредитомъ, всякій кредитъ нравственный.

— *Европеецъ*. Подъ этимъ названіемъ вышелъ въ Дрезденѣ 1 №. новой еженедѣльной русской газеты. Редакторомъ ея *А. Блюммеръ*. — “Ярый патріотизмъ, дошедшій до полнѣйшаго безобразія” — какъ говоритъ корреспондентъ новаго журнала, набилъ до того оскомину, что русскій органъ хочетъ называться *Европейцомъ*. Характеръ журнала еще не очень опредѣленъ. Эпиграфъ его “Добро черезъ правду!” больше добрый, чѣмъ рѣзкій. По одному листу судить о томъ, что *Европеецъ* считаетъ за добро и что за правду, мы не беремся.

Насъ *Европеецъ* вотъ какъ отиѣваетъ въ Петербургской корреспонденціи. “Вообще Герцень потерялъ все свое вліяніе. Статьи его почти подъ рядъ..... (что значать эти точки въ двухъ-трехъ мѣстахъ *Европейца*, мы не знаемъ, можетъ добро черезъ правду скорѣе проходить, чѣмъ правда черезъ саксонскую бдительность?) онѣ идутъ слишкомъ въ разрѣзъ съ общественнымъ настроеніемъ, чтобы производить что-либо кромѣ раздраженія. Ярые патріоты предають его проклятію, умѣренные..... (опять точки!), а прогрессисты вздыхаютъ и сожалеютъ, что онъ дѣйствуетъ такъ безтактно, не умѣетъ заговорить такимъ тономъ, который нашелъ бы путь къ совѣсти большинства” и проч.

Въ томъ-же журналѣ говорится: “Слово *измѣнникъ* у насъ въ модѣ для всякаго человѣка, кто не бредитъ висѣлицами для поляковъ и Катковымъ (*ужъ это не новое-ли какое орудіе пытокъ?*) Такъ на пр. в. к. Константинъ всѣ величаютъ измѣнникомъ, а г. Катковъ иносказательно величаетъ его такъ и печатно... Но что всего грустнѣе, такъ это, что *большинство* находитъ все это прекраснымъ. Противъ поляковъ раздраженіе страшное во всѣхъ классахъ общества. Нельзя сказать слово въ ихъ защиту” и проч.

Мы очень хорошо знаемъ, что такое *тактъ* и до какой степени онъ важенъ. Но мы вовсе не хотѣли остаться *dans les bonnes graces* этого стада рабовъ — “при которыхъ нельзя сказать слово въ защиту Польши”, а можно вѣшать раненыхъ, военнопленныхъ, и “которые бредятъ висѣлицами и Катковымъ”. Есть обстоятельства, въ которыхъ *тактъ* — равняется измѣнѣ, въ которыхъ уступки и компромиссы — безнравственны. Мы простояли тридцать лѣтъ подъ однимъ знаменемъ, формулы его мѣнялись, основы никогда, и лучше замолчимъ — чѣмъ кривя душой, доискиваться заднимъ обходомъ до совѣсти степныхъ и городскихъ Калибановъ, жующихъ пироги въ честь Муравьева.

У кого совѣсть есть, тотъ могъ понять сквозь наши слова негодованія — нашу боль и нашу любовь..... 1863 годъ проѣхалъ тяжелой колесницей по груди — духъ бодръ, вѣра цѣла..... но цѣла и злоба и ненависть. Хорошо тому, кто сохранилъ столько мудрости и независимости, что можетъ, видя срамъ и зануствіе родины, отрести прахъ съ ногъ своихъ и быть “Европейцомъ”. Мы не хотимъ быть Европейцами, для насъ поздно, мы не можемъ не быть русскими и только русскими.

* “Двадцать третье Последнее представленіе великаго Леотара — Royal Alhambra — 10 часовъ вечера — толпа непроходимая! — Просимъ замѣтить: Последнее изъ второй Серіи — трехъ никакъ не болѣе самыхъ послѣднихъ представленій”.

— *Рожновскія политическія понятія*. — Во “Всеобщемъ Дневникѣ” читаемъ слѣдующее: “Въ отвѣтъ на баснословные слухи, распушенные польскою агитаціонною прессою и подхваченные нѣкоторыми нѣменными газетами, считаемъ нужнымъ сообщить нашимъ читателямъ, что вступленіе вновь назначеннаго варшавскаго гражданскаго губернатора, генерала Рожнова въ должность, происходило 3-го Февраля въ зданіи здѣшняго губернскаго правленія, въ присутствіи членовъ и всѣхъ чиновниковъ правленія. При этомъ генералъ Рожновъ, обращаясь къ присутствующимъ, сказалъ слѣдующую рѣчь: “Начиная новый родъ службы, въ которой я долженъ руководить вашими занятіями, господа, я считаю моею обязанностію познакомить васъ съ моими политическими понятіями. А потому предупреждаю васъ, что всѣ тѣ, которые съ полною вѣрою въ отношеніи къ престолу и монарху и со всевозможною точностію будутъ исполнять свои служебныя обязанности, найдутъ во мнѣ всегда добраго и цѣнящаго заслуги начальника. Тѣ же, кои не помня святость вѣрноподаданной присяги, захотятъ поступать противнымъ путемъ, не останутся моими сотрудниками.” Рѣчь эта, кажется, требуетъ никакихъ коментарій.”

Краснорѣчивъ генералъ Рожновъ! И какія оригинальныя политическія понятія у генерала Рожнова!

Къ маленькимъ гадостямъ непріятельскаго правительства въ Польшѣ, принадлежатъ вуали, которыми оно прикрываетъ свои дрянные поступки. Оно учредило на примѣръ *грабежъ*, подъ названіемъ штрафовъ за политическія преступленія. *Свѣ. Пч.* въ 38 №. и такъ новѣствуетъ о своихъ подвигахъ: “Въ послѣднее время варшавскія начальства ввели въ употребленіе *чувствительные* денежныя штрафы со всѣхъ лицъ, у которыхъ открыты вещи, заставляющія предполагать, что они находятся въ связи съ пародовою организаціею. Такъ съ одной домовладѣлицы, у которой найдены были различныя враждебныя правительству документы и стихотворенія, предполагалось взыскать 2,000 рублей. Графъ Бергъ *нашелъ въ послѣдствіи* возможнымъ уменьшить этотъ штрафъ въ половину.”

Въ имѣніи г-жи В. Скаржинской, въ пултускомъ уѣздѣ былъ учрежденъ лазаретъ, въ которомъ равно подавалась помощь раненымъ русскимъ и полякамъ. Это не понравилось. Послали сдѣлать обыскъ, нашли въ домѣ г-жи Скаржинской какую-то запрещенную газету и велѣли заграбить у нея въ пользу казны 2,000 рублей. У нея денегъ не было, тогда учтивый кавалеръ Бергъ пошелъ на сдѣлку, предложивъ несчастной женщинѣ позоръ своего бала. Почему-же въ *Свѣ. Пч.* не сказана причина уменьшенія штрафа?

— *Наши патриціи*. — “Куда ты лѣзешь, говоритъ лакей въ обтерханой шинели крестьянину, вѣдь мужикъ сиволаный какъ есть, а туда-же лѣзешь въ переднюю”. “Армяковъ сюда не пускаютъ, кричитъ будочникъ, поднимая грязный кулакъ, тутъ ходятъ одни *благородные*”. А благородные, вотъ что говорятъ: Платоновъ (новѣствуетъ *Le Nord*) царскосельскій дворянскій предводитель, предложилъ въ члены агрономическаго общества, крестьянина, извѣстнаго своими знаніями по части сельскаго хозяйства. Общество пришло въ негодованіе отъ такой дерзости, оно оскорбилось мыслью, что мужикъ осмѣлится сѣсть за одинъ столъ съ ними, да еще пожалуй будетъ играть, какъ они въ лото!

Прибавленіе къ статьѣ о "Финансовыхъ Спорѣхъ".

Статья Бунге (*Le Nord* No. 56) вызываетъ на такомъ-же ковъ, какъ О. Тернеръ, только больше ростомъ. У г. Бунге выходитъ, что Воловскій перечеислилъ на казначейство—обезпеченнаго долга, падающаго на банкъ, 400 милліоновъ рублей (а не 268, какъ говоритъ О. Тернеръ). Можетъ г. Бунге, въ цифрѣ и правѣ О. Тернера, но въ томъ-же самомъ смыслѣ и не правъ. Обезпеченіе, при прежнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ было; а теперь его нѣтъ и потому по вольѣ надо смотрѣть на этотъ долгъ, какъ на долгъ правительства, которое разыгрываетъ свою трагедію за кулисами банка. Чтобы убѣдиться въ несущественности обезпеченія суммъ, переведенныхъ на государственный банкъ изъ прежнихъ кредитныхъ учреждений, достаточно взглянуть на параграфъ XVI, въ рѣчи министра финансовъ (25-го Октября 1863).^{*} изъ котораго очевидно, что покупателей въ случаяхъ не платежа будетъ не много, пока крестьянскій вопросъ окончательно не разрѣшится. А какъ онъ разрѣшится? Кто это знаетъ? Возьметъ г. Бунге на себя сказать, что крестьянскій вопросъ и впредь, и безъ польской войны, пойдетъ такъ благополучно, что всѣ бросятся раскупать помѣщичьи земли, просроченные по прошлымъ займамъ (чего до сихъ поръ не было)? Возьметъ онъ на себя сказать, что и крестьяне довольны будутъ, при уменьшенномъ надѣлѣ, выкупаться или переходить въ государственные поселеніе ради уплаты помѣщичьяго долга?

Можетъ быть Воловскій гораздо правѣе, причисля сомнительно обезпеченный долгъ, прямо къ долгамъ государственнымъ, т. е. не правительственнымъ. (У насъ, да и во многихъ

^{*} "XVI. Изложенныя въ уставѣ кредитныхъ установленій правила, относительно возмѣщенія долговъ по займамъ, подъ залогъ населенныхъ имѣній и продажи просроченныхъ залоговъ, измѣнены и дополнены сообразно съ состоявшимися въ послѣднее время законоположеніями о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной завѣсности, и съ положеніемъ о выкупѣ ими, при содѣйствіи правительства, усадебной ихъ осѣлости и полевыхъ угодій.

"Составленыя вновь правила о порядкѣ возмѣщенія долговъ кредитнымъ установленіямъ по просроченнымъ населеннымъ имѣніямъ, по разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ. Высочайше утверждены 15 Апрѣля 1863 года. Главныя основанія сихъ правилъ заключаются въ слѣдующемъ: во-первыхъ—въ просроченныхъ населенныхъ имѣніяхъ, подлежащихъ продажѣ за неплатежъ долга кредитному установленію, описъ земли, отведенной въ постоянное пользованіе крестьянъ, замѣняется уставной грамотой имѣнія, и за тѣмъ подвергается описи одна оставшаяся въ имѣніи за надѣломъ крестьянъ земля и вообще лишь принадлежащее владѣльцу имѣнія имущество, по формѣ, составленной по соглашенію министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; во-вторыхъ—продажа имѣнія утверждается, если предложенная за оное сумма вполне покрываетъ банковый долгъ съ процентами и по выданнымъ копіямъ съ свидѣтельствъ, и если при томъ таковая сумма по имѣніямъ, не принадлежащимъ къ разряду мелкопомѣстныхъ, не ниже выкупной ссуды, причитающейся за крестьянскій надѣлъ, показанный въ уставной грамотѣ, а по имѣніямъ мелкопомѣстнымъ не ниже суммы, причитающейся въ вознагражденіе отъ казны за обращеніе имѣнія въ казенное вѣдомство, и въ-третьихъ—при безуспѣшности или не удовлетворительности вторичныхъ торговъ по имѣнію, не принадлежащему къ разряду мелкопомѣстныхъ, назначается за крестьянскій надѣлъ выкупная ссуда, изъ которой удерживается банковый долгъ, а по имѣнію мелкопомѣстному водворяемые въ ономъ крестьяне обращаются въ государственные поселеніе, и банковый долгъ пополняется изъ слѣдующей помѣщику суммы."

иныхъ мѣстахъ, понятіе государства совершенно различно отъ понятія правительства). Еще больше приходится согласиться съ Воловскимъ, видя, что въ рѣчи министра, казна является такъ добра, что не только исполняетъ свою обязанность, принимаетъ рубль за рубль свои обязательства (XII, пунктъ 5), но она и въ ссуду даетъ крестьянамъ для уплаты выкуна помѣщику свои 5% банковые билеты и 5½% непрерывной доходъ, тоже рубль за рубль, по паритетной цѣнѣ, хотя-бы курсъ ихъ былъ и ниже (XVII, пунктъ 3). И немного даѣе министръ говоритъ, что въ счетъ выкупной операціи выдано *наличными деньгами* 186 566 рублей, а всякій знаетъ, что читать надо кредитными билетами, постоянно падающими.

Даѣе г. Бунге говоритъ, что разниа въ доходѣ двухъ послѣднихъ годовъ произошла отъ отмены откуповъ и пониженія цѣнъ на спиртные напитки до 50%. Можетъ быть. Но тутъ одно сомнительно; прежній доходъ былъ слишкомъ въ 100 милліоновъ; въ прошломъ году 23 милліонами меньше: да полно упали-ли спиртные напитки на 50%?

Остальное въ статьѣ г. Бунге больше принадлежитъ къ упражненію въ стилѣ, на которомъ мы останавливаться не ставемъ.

II. Огаревъ.

— *Австрія на колѣняхъ.*—Въ Галиціи объявлено осадное положеніе, меньше отъ Австріи нельзя было ожидать; лучше поздно удивлять благодарностью, чѣмъ рано дивить (по словамъ Шварценберга) неблагодарностью.

"День" еще недавно напомнилъ намъ въ некрологѣ *Гильбердинга* слѣдующую трогательную сцену изъ историческаго романа. "Гильбердингъ въ качествѣ управляющаго дипломатической канцеляріей намѣстника Царства Польскаго въ Варшавѣ сопровождалъ Паскевича въ Венгерской компаніи 1849 года, и между прочимъ былъ *личнымъ* (если не единственнымъ) свидѣтелемъ знаменитой сцены, когда посланный отъ австрійскаго императора графъ Кабога сталъ предъ нашимъ фельдмаршаломъ на колѣни и сказалъ: *mon souverain me charge d'implorer à genoux votre secours* (мой государь поручилъ мнѣ на колѣняхъ молить васъ о помощи, т. е. о томъ, чтобы Паскевичъ скорѣе двинулъ войска въ Венгрію)"...

— ОБЪЯСНЕНІЕ. Издатели *Колок.* получили отъ 14 Фев. письмо изъ Г., снова спрашивающее получены-ли *Сорокъ фун.* посланные въ Декабрѣ п. г. къ лондонскимъ банкирамъ F. Huth & Co. и назначенные въ Общій Фондъ. Деньги эти *тогда же были нами получены черезъ г. С. Тхоржевскаго* и показаны въ полученіи въ 175 л. *Колокола.* Мы имѣемъ причины, которыя всякій пойметъ, не назначать подробно *откуда* присланы деньги; на этотъ разъ мы забыли поставить ** при суммѣ 40 фун. Г. Тхоржевскій получилъ объ этомъ запросъ, *безъ подписи и адреса*, и передалъ его намъ. 1 Февр. въ 178 л. *Кол.* мы напечатали: "Мы забыли напечатать въ 175 л. *Кол.*, говоря о присланныхъ въ Общій Фондъ изъ Германіи 1,000 фран. или 40 фунт., что они присланы 1 Декабря черезъ г. Тхоржевскаго отъ * *". Чего же больше желаетъ господинъ пославшій 40 фунт.? Росниски мы даемъ всегда, но для этого слѣдуетъ знать *имя и адресъ.*

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 182.

20 МАРТА 1864.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 28).

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ. Получается въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать восьмымъ листомъ—ОБЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row, и у Tchorzewski, 1, Macclesfield Street, (Gerrard Street), Soho, London. Price nine-pence, with Supplement: VETCHÉ No. 28.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Финансовые споры (Продолженіе, Необходимая Поправка)—Письма къ будущему другу (Письмо второе). Смѣсь: Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ—Злодѣйства поляковъ и примѣрное самоотверженіе русскаго протоіерея—Логика падеши—Брань на смерть идущимъ—Патриоты Бутовичъ и Юзефовичъ—Объявленіе кн. П. В. Долгорукова—Общій фондъ.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Продолженіе).

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА.*

Въ нашей статьѣ, помѣщенной въ прошломъ листѣ *Колокола*, вкралась важная ошибка, которую слѣдуетъ исправить.† Хотя поправка и даетъ значительную разницу въ цифрахъ, тѣмъ не менѣе результатъ также безотраденъ для петербургскаго правительства. Поправка эта состоитъ въ подробномъ перечнѣ правительственныхъ долговъ и годовыхъ платежей по нимъ. Вотъ опи†:

А. Долговъ Внѣшнихъ:

I. Срочныхъ.			По нимъ процент.	
5%	35,577,000 гульден.—	18,855,810 р. с.	942,790 р.	50 к.
4½%	10,590,000 фунт. ст.—	66,293,400	2,983,203	
4%	...	38,700,000	1,548,000	
5%	...	13,264,500	663,225	

II. Безсрочныхъ.

5%	...	164,646,280	8,232,314	
5% (7 займа)	15,000,000 фунт. ст.—	93,900,000	4,695,000	
3%	6,933,200	43,401,832	1,302,054 р.	96 к.

Итого внѣшнихъ 439,061,822 20,366,587 р. 46 к.
или 1,756,247,288 ф. 81,466,348 франк.

* Errata другихъ ошибокъ была приложена къ прошлому листу *Колокола*. Впрочемъ, вся статья о «Финансовыхъ спорахъ», исправленная, будетъ издана отдѣльно.

† У насъ было вмѣсто «15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, т. е. около 93,900,000, р. с.» (считая фунтъ стерл. въ 6р. 26к.) напечатано: «около 390 милліоновъ р. с.» (*Колоколъ* л. 180 и 181, стр. 1477).

‡ Мы беремъ цифры изъ доклада министра въ Мѣ 1863 г. (Москов. Вѣд. 9 Мая 1863), изъ рѣчи министра въ засѣданіи совѣта государ. кредитныхъ установленій 25 Октября 1863 (Моск. Вѣд. 2 и 3 Ноября 1863) и изъ русскаго перевода статистики Кольба, въ которомъ глава о Россіи была тщательно разработана переводчикомъ.

Годъ VII.

Полагая, что три четверти внѣшняго долга (а вѣроятно и болѣе) записаны за границей,—годовая уплата непременно золотомъ 15,274,938 или около 16 мил. руб. сереб., кромѣ погашеній, котораго мы не считали. (Процентныя бумаги внутренняго долга едва-ли могутъ имѣть ходъ на заграничныхъ биржахъ и идти въ уплату вмѣсто золота, а еслибы и имѣли, то точно также потребуютъ золота на уплату процентовъ). За тѣмъ по признанію Штиглица въ полученіи изъ Сибирскихъ рудниковъ 25,000,000 въ годъ, остается въ пользу казны 9 милліоновъ (скорѣе меньше чѣмъ больше). Для удовлетворенія торговыхъ платежей за границу, эта сумма, конечно, недостаточна; банкъ вынужденъ уменьшить размѣнный фондъ (что и дѣлается) или казна вынуждена приступить къ новому заграничному займу (что тоже дѣлается, но уже не удастся). Съ Сентября 1862 по Ноябрь 1863, стало въ 14 мѣсяцевъ, банкъ размѣнялъ кредитныхъ билетовъ на монету и слитки 35,831,627 руб., или въ 12 мѣсяцевъ на 30,712,812 руб.; выдалъ же кредитныхъ билетовъ въ обмѣнъ на монету и слитки 18,404,316 руб., а въ 12 мѣсяцевъ 15,775,128 руб.; слѣдственно банкъ выдалъ въ годъ звонкой монеты и слитковъ больше чѣмъ получилъ въ обмѣнъ на кредитные билеты 12,308,496, и больше чѣмъ получено изъ сибирскихъ рудниковъ на 3,308,496 руб. Съ погашеніемъ гораздо больше. Изъ рѣчи министра 25 Октября 1863 года, видно, что размѣнный фондъ вообще понизился на 5,370,522 руб., но изъ этой суммы металлическій фондъ понизился только на 480,522 руб., а остальное пониженіе изъ государственныхъ фондовъ. Можегъ быть! Во всякомъ случаѣ добыча изъ сибирскихъ рудниковъ не покрываетъ правительственныхъ платежей и необходимаго размѣна для вывоза за границу, не говоря уже о частномъ размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на золото для той же цѣли; и слѣдственно за границу постоянно сплываетъ значительная часть золота, обращавшагося внутри государства.

Но возвратимся къ правительственнымъ долгамъ.

И такъ долговъ :		По нимъ процент.	
А. Внѣшнихъ		439,061,822р.	20,366,587р.
В. Внутреннихъ :			
I. Срочныхъ.			
4½% (серіи)	184,791,700*	5 961,600†	
4% долгъ каз. по кредит. устав.	151,036,828	6,041 473	
4% металлическихъ билетовъ	40,000,000	1,600.000	
5% банковымъ	271,835,350	13,591,767	
II. Безсрочныхъ.			
4% непрерывнодоходныхъ	150,843,430	6,033,737	
6%	49,820,108	2,989,206	
III. Безпроцентныхъ.			
Ассигнацій (кредит. билетовъ)	691,194,562	
И того внутреннихъ	1,539,521,978	36,217,783	
Всего внутрен. и внѣшнихъ	1,978,583,800	56,584,370	
На франки	7,914,335,200	226,337,480	

Вотъ приблизительно вѣрная, и скорѣе недостаточная, чѣмъ преувеличенная картина правительственнаго долга и процентовъ по оному, кромѣ погашенія. Какимъ-же образомъ бюджетъ, (докладъ министра) въ Маѣ 1863 года полагаетъ на уплату процентовъ съ погашеніемъ 57,487,217 рублей? Въ такомъ случаѣ погашеніе равнялось бы 1,102,647 рублямъ? Даже, если мы исключимъ, по примѣру экономистовъ — сотрудниковъ официальныхъ и офиціозныхъ журналовъ — пятипроцентный долгъ банковыхъ билетовъ 271,835,350 рублей, и изъ процентныхъ платежей сдѣланныхъ по нимъ 13,591,767, то и тогда на долгъ въ 1,706,748,450 р., при необходимости выкупа или консолидаціи безпроцентнаго долга, едва-ли погашеніе ограничится когда-нибудь программой бюджета. Но не смотря на всю талантливость Тернера, де-Моллера, Бунге и другихъ, нельзя исключить банковыхъ билетовъ изъ правительственнаго долга. Даже самый бюджетъ поставитъ 4% непрерывной доходъ (150,843,430 рублей) въ число правительственныхъ долговъ; а этотъ долгъ играетъ совершенно ту же роль какъ и 5% банковые билеты, т. е. замѣняетъ вклады прежнихъ кредитныхъ установлений. Бюджетъ даже указываетъ на то, что поступленіе отъ заемщиковъ у прежнихъ кредитныхъ установлений (т. е. по залогу служащихъ обезпеченіемъ) не пополняютъ платежей процентовъ; такимъ образомъ въ бюджетѣ является предполагаемыхъ поступлений отъ заемщиковъ на уплату 4% непрерывно доходныхъ билетовъ 4,500,000 рублей, а процентовъ по онымъ 6,090,412 рублей. Нельзя согласиться съ петербургскими экономистами уже и потому, что нѣтъ достаточныхъ причинъ, чтобы

положеніе заемщиковъ могло улучшиться. Кромѣ XVI параграфа въ рѣши министра финансовъ 25 Октября 1863 года, самое положеніе государственнаго совѣта, утвержденное указомъ 15 Апрѣля 1863 года, “о порядкѣ возмѣщенія долговъ кредитнымъ установленіямъ по просроченнымъ населеннымъ имѣніямъ”, — такъ исполнено опасеній неуплаты и недостаточности цѣны, которая покупщики станутъ давать при продажѣ этихъ имѣній съ торгивъ, что должно большей частью кончатся тѣмъ, что казна : или дастъ ссуду крестьянамъ для выкупа земель и эту ссуду обращаетъ въ платежъ помѣщичьяго долга, а съ крестьянъ взыскиваетъ сама; или, если крестьяне откажутся отъ земли, то зачитаетъ землю въ государственное имущество. Проще сказать, въ случаѣ неудачныхъ торговъ, т. е. предложенія покупщиками цѣны не покрывающихъ ссуды по залогоу, казна, т. е. правительство, принимаетъ долгъ на себя. Но кто-же поручится, что крестьяне, у которыхъ при освобожденіи отъ крѣпостнаго состоянія, большей частью, надѣлы уменьшены, а повинности повышены — кто же поручится, чтобы крестьяне бездомочно вносили весьма тяжелый налогъ по выкупу? И кто-же не усмотритъ, что принятіе правительствомъ въ государственное имущество земель, отъ которыхъ сами крестьяне отъказались, никогда не покроетъ долга, лежащаго на этихъ земляхъ? Гдѣ-же тутъ обезпеченіе? Между тѣмъ удачные торги, по смыслу указа 15 Апрѣля 1863 года, тѣ, гдѣ покупатель покупаетъ помѣщичью землю и *уставную грамоту* : какой-же осторожный капиталистъ захочетъ купить уставную грамоту, т. е. войти съ крестьянами въ чрезвычайно сложныя отношенія, которыхъ исходъ далеко не извѣстенъ? Гдѣ-же во всемъ этомъ обезпеченіе? И какъ же не очевидно, что бывшія отношенія поземельнаго кредита исчезли, и долгъ кредитныхъ установлений вкладчикамъ отнынѣ сдѣлался правительственнымъ долгомъ? Отрицать это могутъ развѣ такіе писатели, которые говорятъ, что Воловскій напрасно думаетъ, что помѣщики, за пенніемъ рабочихъ и капиталовъ, должны были уменьшить запашки; что они точно уменьшили количество запашки, по что за то *качество земледѣльческихъ произведеній несравненно выше!**

Впрочемъ Воловскій отвѣчалъ своимъ оппонентамъ въ *Revue des deux mondes* 1 Марта. Воловскій отвѣчалъ Тернеру, котораго онъ уважаетъ больше другихъ оппонентовъ : “Что касается до того, что мы будто-бы запутали дѣло, причисливъ къ государственному долгу 268 милліоновъ 5% банковыхъ билетовъ,† которые только залогомъ обезпеченный долгъ, покрытый съ избыткомъ 356 милліонами, должными банку землевладѣльцами, — мы просимъ извиненія у г. Тернера, но скажемъ, что мы ничего не пропустили и не перепутали. *Обязательство* падаетъ на государство — станутъ ли или не станутъ платить землевладѣльцы; по этому мы и спрашивали : “какимъ образомъ казна, при настоящихъ обстоятельствахъ, взыщетъ 357 милліоновъ‡ должныхъ частными лицами отъ 15 до 37 лѣтняго срока?” Это взысканіе весьма сомнительно : большей частью *суммы должныя банку будутъ платимы изъ суммъ идущихъ на вознагражденіе помѣщиковъ при освобожденіи*

* Переводчикъ Кольба считаетъ въ 1860 г. выпуски LXVI—LX; до исхода 1860 года было 2 выпуска на 10,791,700 р., а прежнихъ выпусковъ оставалось на 93 милліона, слѣдст. всего въ 1860 году 103,791,700 р. Въ рѣши министра 25 Октября 1863 г., мы находимъ, что выпуски 1854 и 1855 годовъ замѣнены въ 1862 г. новыми 10-ю разрядами отъ LXXIII до LXXXII (30 милліон.). Между разрядомъ кончившимся на LX и разрядомъ кончившимся на LXXXII было слѣдственно 22 разряда, изъ которыхъ 10 пошли въ замѣну старыхъ, и слѣдст. новыхъ прибавилось 12 разрядовъ, т. е. 36 милліон. р. За тѣмъ въ Маѣ 1863 г. разрѣшено выпустить 10 новыхъ разрядовъ (по указу 19 Февраля и 30 Мая) отъ LXXXIII до XCII, слѣдст. еще 30 милліоновъ и потомъ 15 милліон. отъ XCIII до XCV, а всего 184,791,700.

† Эта цифра находится въ докладѣ министра въ Маѣ 1863 г. Мы помѣщаемъ ее, полагая, что проценты по прежнимъ серіямъ уплачены, эта цифра включаетъ и погашеніе на 1863 г.

* Le Nord, No. 49. Статья Рафаловича.

† Изъ рѣши министра 25 Октября 1863 года видно, что эта сумма не 268 милліоновъ, а 271,835,350 рублей.

‡ “Очевидно, мы не уменьшили цифры. Г. Тернеръ забылъ присовокупить къ 5% обязательствамъ 4-хъ процентныхъ, которыя идутъ изъ того-же источника и также отвѣчаютъ за долгъ землевладѣльцевъ.” — П р. В о л о в с к а г о.

*крестьян.** По у помещиковъ окажутся не лишки, а окажется крайняя потребность новыхъ ссудъ для преобразования прежнихъ способовъ земледѣлія, основанныхъ на крѣпостномъ правѣ,—а между тѣмъ всѣ источники кредита изсякли.

На слѣдующія слова Бунге : “Прийти къ заключенію, что пѣль средствъ выйти изъ затрудненій, съ которыми борется наше финансовое управленіе—не значить ли это громко сознаться въ безплодности своего знанія?”—Воловскій отвѣчаетъ : “Мы приписываемъ этотъ упрекъ. Тутъ наше знаніе въ самомъ дѣлѣ безплодно, и мы съ должнымъ удивленіемъ взглянемъ на искусство г. Бунге, если онъ успѣетъ достигнуть цѣли. Онъ тогда будетъ именно тѣмъ гениальнымъ человѣкомъ, котораго ожидаетъ генералъ Чевкинъ†, и Александру II надо будетъ какъ можно скорѣе вручить ему управленіе министерствомъ финансовъ”.

“Нѣ мои оппоненты”, продолжаетъ Воловскій, “послѣ всѣхъ явившихся, г. Бунге оказывается самымъ неумѣреннымъ на языкѣ и самымъ нерѣшительнымъ въ критикѣ. Признаться сказать—можно было ожидать чего нибудь лучше отъ человѣка, котораго экономическія статьи не разъ были замѣчены. Мы особенно попросимъ его впредь, цитируя насъ, цитировать то, что мы сказали, а не дѣлать изъ нашихъ словъ фантастическаго извѣщенія : это будетъ и точнѣе и убѣдительнѣе. Мы никогда не смѣшивали активъ и пассивъ банка съ активомъ и пассивомъ государства; но мы принуждены сказать, что за исключеніемъ очень незначительной части, активъ банка почти весь состоитъ изъ суммъ, должныхъ ему казначействомъ.”

Не распространяясь далѣе объ отвѣтѣ Воловскаго сотрудникамъ *Le Nord*’а или разныхъ русскихъ казенныхъ газетъ,—возвратимся къ правительственнымъ долгамъ. Сверхъ платежа *прямыхъ* процентовъ, правительство должно платить *косвенные* проценты по упадку курса бумажныхъ денегъ. Оно должно платить дороже за всѣ пущные для него предметы, такъ что въ сущности оно заплатитъ огромные проценты на свои безпроцентныя бумаги, и не только не будетъ въ состояніи выкупить кредитные билеты для изытія ихъ изъ обращенія, а будетъ прибавлять выпускъ ихъ—явно или секретно. Почему-же безконтрольному правительству и не прибѣгнуть къ этому послѣднему средству? Иногда даже можно для виду выкупить известное количество кредитныхъ билетовъ и тогда-же выпустить ихъ вдвое больше. Все это дѣло не новое и не необычайное. А курсъ ихъ еще понизится и дѣло пойдетъ по нисходящей прогрессіи, или съ возрастающей скоростью падающая тѣла.

Мы поправили нашу ошибку не въ ущербъ правительству; а результатъ все-же выходитъ, что долги его растутъ, доходы т. е. налоги растутъ, и расходы растутъ и дефициты растутъ. Сравнимъ-же отчетъ Княжевича въ 1857 году (напечатанный нами въ прошломъ листѣ *Колокола*) съ бюджетомъ и рѣчь Ю Рейтерна въ 1863 году.

* Мы не знаемъ читалъ-ли Воловскій указъ 15 Апрѣля 1863 года, но онъ эту, подчеркнутую нами истину, также совершенно понялъ, какъ в государственнѣйшій совѣтъ, составившій положеніе, утвержденное 15 Апрѣля 1863 года.

Примѣчаніе редакція.

† Воловскій приводитъ въ этой-же статьѣ слова Чевкина въ отвѣтъ на предложеніе ему управленія министерствомъ финансовъ : “Чтобъ припять портфель финансовъ”, сказалъ Чевкинъ, “при настоящемъ положеніи вещей, надо быть гениальнымъ человѣкомъ или сумасшедшимъ; а такъ, какъ я ни то ни другое—то я и отказываюсь.”—(*Revue des deux mondes* 1 Марта, стр. 245).

Долги.

	Въ 1857 г. было.	Въ 1863 оказалось.	Больше.
Иностр. долга	371,913,228р.	439,061,822р.	67,148,594р.
Сохр. казн.	150,074,672	151,036,828	962,156
5% заемн. бан.	275,921,804*
4½% сери	87,000,000	184,791,700	97,791,700
4% непрер. дох.	...	150,843,430	236,577,084†
4% металл.	...	40,000,000	
6%	...	49,820,108	
5% банков.	...	271,835,350	
Ассигнаціи или кредит. билет.	687,660,203	691,194,562	3,534,359
	1,572,569,907	1,978,583,800	406,013,893
Доходы	226,678 000р.	318,830,644р.	92,152,644р.
Расходы	290,977,294	334,538,413	43,561,119
Дефицитъ	64,299,294	15,000,000‡	Меньше 49,299,294.

Такимъ образомъ дефицитъ по счетнымъ книгамъ понизился на огромную сумму; но реальный дефицитъ для Россіи и для самого правительства повысился на еще болѣе огромную сумму. Средства дѣйствительныхъ, вытекающихъ изъ увеличенія производительныхъ силъ, въ Россіи съ 1857 года, конечно не прибавилось; напротивъ отсутствіе кредита ихъ убавило. Слѣдственно увеличеніе дохода болѣею частью равно увеличенію налога, и для народонаселенія составляетъ чистый дефицитъ. Въ тоже время увеличеніе расходовъ для правительства, увеличеніе болѣею частью не производительное, также не составляетъ барыша. Печего говорить объ убыткѣ, понесенномъ правительствомъ при откупѣ откуповъ на 23 милліона; этотъ убытокъ казны могъ еще отозваться прибылью для государства. Но главныя увеличенія расходовъ были совершенно не производительныя. Они состояли изъ увеличенія долговъ и платежей по онымъ, такъ что если принять въ средней сложности около 4½%, то на приращеніе долга въ 406,013,893 рубля приходится приращеніе платежей процентовъ (кроме погашенія) слишкомъ на 18 милліоновъ рублей. Далѣе, самое большое увеличеніе расходовъ—это расходы по арміи. Въ 1857 году они были : по военному министерству 97,172,555 рублей. Въ 1863 году они были въ 115,577,167 рублей; слѣдственно на 18,404,612 рублей болѣе. И того очевидно непроизводительныхъ расходовъ на 36,675,237 рублей болѣе. Кажется мы имѣемъ полное право причислить долги къ непроизводительному увеличенію расходовъ, потому что запятая суммы сплыли не принеся никому пользы и не предотвративъ денежнаго кризиса; а что онѣ сплыли—это доказывается тѣмъ, что правительство хлопочетъ о повомъ займѣ за границей и, указомъ 16 Января 1864 года, разрѣшило, въ замѣръ серіи отъ XXVII до XLVIII, выпускъ серій отъ XCVI до CVII, т. е. на 36 милліоновъ рублей. Постановитъ отношеніе,

* Эта цифра поглощена, вѣроятно, новыми процентными бумагами.

† Мы принимаемъ итогъ за исключеніемъ прожняго долга заемному банку 275,921,804 рублей, потому что онъ вошелъ куда-нибудь въ обязательства. Еще доказательство, что 4% и 5% билеты относятся къ правительственному, а не къ банковому долгу. Не могли-же 275,921,804 руб. уместиться въ билеты (серіи) государственнаго казначейства, которыхъ всего на 184,791,700 рублей. Надо замѣтить, что русское изданіе *Кольба* считаетъ долгъ заемному банку, въ 1859 году, 325 милліоновъ.(?)

‡ 707,769 р. бюджетъ считаетъ отъ прошлаго года оставшихся суммъ.

которое бы дало реальный дефицит государства, а не дефицит только по счетным книгам правительства — довольно трудно. Приращение налогов в тяжкия времена, без усиления производительности края, разбрасывание доходов на непроизводительные предметы, сумма ежегодных дефицитов по самым счетным книгам, и за тѣмъ новыя приращения налогов и долгов — дадутъ для Россіи дефицитъ, истощающій ея производительныя силы и потому самому ведущій правительство къ банкротству*. По мы изъ этого все же не можемъ заключить, какъ г. Воловскій, что Россія сама по себѣ бѣдна, и необходимо приходимъ къ заключенію, которое гораздо проще, что *это правительство раззоряетъ Россію*. Намъ даже кажется, что министръ финансовъ смягчаетъ бюджетъ расходовъ, чтобъ не слишкомъ огорчить своего государя. Только вѣдь это дѣлу не поможетъ.

Въ слѣдующемъ *Колоколъ* мы возвратимся къ продолженію статьи Воловскаго изъ *Revue des deux mondes* 15 Февраля.

И. ОГАРЕВЪ.

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

письмо второе.

Отлегло не много на сердцѣ... я опять къ вамъ... пу надѣвайте-на охотничьи сапоги, съ высокими голенищами, и поидемъ мѣсить грязь и продираемся разными чаныгами родныхъ болотъ и сѣчей.

Куда идти?—Да вотъ по дорогѣ, страшная, двухмѣсячная жаренка “Отечественныхъ Записокъ”, рыхлая, глинистая... дѣтъ двѣнадцать тому назадъ и она, какъ нѣкогда болота поитійскія, была плодородна... по вы знаете что подь солнцемъ —(а можетъ и надъ нимъ) ничто не непрочно.

Съ “Отечественными Записками” были между прочимъ года два тому назадъ нереломчикъ; обожглись онѣ самымъ непріятнымъ образомъ на пожарѣ Анраксинскаго двора, явившись на пепелищѣ онаго, безъ всякой нужды, какими то саперами предкатковитамъ и требуя небывалыя казни *зажигательствъ*, тоже небывалымъ. Ошибка была очевидна; начальство, скунавшее тогда по дешевымъ цѣнамъ на конной въ Москвѣ — игроковъ, шулеровъ, піколярей, риторей, не приняло “Отеч. Записки” за свои, а честная сторона публики отшарахнулась отъ нихъ (это было до патріотической моровой язвы). Сердится Андрей Александровичъ, сердится Громека, “все это крайнія мнѣнія, рѣзкія сужденія, не надобно крайнихъ мнѣній, не надобно рѣзкихъ сужденій—надобно ничего не рѣжущий, обоюдотупой мечъ, чтобъ всякій разъ, когда вы ничего не рѣжете, каждый, не чувствуя боли, могъ бы думать, что вы рѣжете его противника”.

За тѣмъ вершины “Отечественныхъ Записокъ”, для перемѣны докораціи, подернулись туманомъ благоразумія и потеряли очертанія односторонности; величественная масса облаковъ, которые можно принять за верблюда и за рыбу,

* Замѣчательно, что увеличеніе доходовъ, расходовъ, долговъ и дефицитовъ совершалось не въ военное, а въ мирное время; такимъ образомъ въ 1860 году доходовъ было 266,250,000 руб., т. е. противъ 1857 года на 39,588,000 руб. больше; расходовъ 303,150,000 руб. т. е. противъ 1857 года на 12,172,706 р. больше; дефициту 35,900,000 руб., т. е. дефицитъ по счетамъ понижается, а реально растетъ, потому съ каждымъ годомъ увеличеніе дохода выжимаетъ сокъ изъ нагодонаселенія, котораго производительность не увеличивается, а грозитъ пониженіемъ.

какъ въ Гамлетѣ, и которые въ сущности *ни рыба ни мясо*, покрыли ихъ. Своей двуснастной натурой, онѣ напоминаютъ намъ во-первыхъ опять-таки болото, которое не земля, да и не вода, во-вторыхъ одного русскаго помѣщика, проживавшаго въ Парижѣ дѣтъ 15 тому назадъ. Онъ довелъ свое бѣгство отъ крайностей и свою многосторонность до того, что лишился всякой способности заказать себѣ штаны или сертукъ. “Мнѣ бы хотѣлось”, толковалъ онъ портному, “просто сертукъ, чтобъ можно было гулять утромъ, разумѣется все же чтобъ запросто вечеромъ можно было въ немъ куда-нибудь идти—вы ужъ пожалуйста не оченъ узко пускайте, иногда въ дуриую погоду придется его выѣсто пальто надѣть, только сдѣлайте одолженіе не слишкомъ широко, такъ чтобъ и пальто можно было сверхъ него надѣть”.

По несчастію сбивчивость понятій обяыываетъ не менше дворянства, не только къ безвредной и прѣсной галиматѣй, но и къ дѣйствительностатскоговѣдническому взгляду на дѣла людскія, важно скрывающему неважное содержаніе свое, къ жаждѣ чиновитой *респектабельности*, къ привычѣ говорить нѣсколько въ пось о заблужденіяхъ молодежи и къ легкому усилію соединять съ несомнѣннымъ либерализмомъ полицію и справедливость къ благодѣтельнымъ видамъ правительства.

Все это очень старо и потому вынести можно; но когда какой-нибудь литературный охотникъ Записокъ ставитъ почтеннаго автора “Записокъ Охотника” на ряду съ моею внучатной бабушкой Фаеной Егоровной, этого допустить нельзя. Но я забылъ, что вы обяыаны знать кто сочинитель “Записокъ Охотника”, но вовсе не обяыаны знать кто была Фаена Егоровна. Ихъ было двѣ, т. е. не двѣ Фаены Егоровны, а у нея была сестра не Фаена Егоровна; у каждой сестры былъ мужъ въ незанятныя времена и тогда-же умеръ. Не-Фаена Егоровна поселилась въ Троицкосергіевской Лаврѣ и занялась исключительно богомольемъ. Фаена Егоровна поѣхала въ Орловскую деревню, и занялась не только духовнымъ хозяйствомъ, но и сельскимъ. Она иногда, года черезъ два-три наѣзжала въ Москву; все это принадлежитъ къ тѣмъ временамъ, когда гражданинъ Буно преподавалъ мнѣ субжонктивы и французскую революцію, а гражданинъ московскаго университета Думы Рыльскаго и армететику.

Приѣзжаетъ такимъ образомъ однажды Фаена Егоровна сперва въ Москву, потомъ въ нашъ домъ. Вышла она за чѣмъ-то въ дѣвичью, и видитъ, что пожилая горничная учитъ грамотѣ какую-то дѣвочку.—“Мать пресвятая богородица”—взговорила, остановившись въ дверяхъ Фаена Егоровна. “Эю что? съ какой это стати и къ чему дѣвочкѣ знать грамотѣ—въ полномъ-ли умѣ баринъ-то вашъ? Гдѣ ты-то сама безстыдница набралась въ книжку читать, вѣдь я тебя помню когда ты босикомъ бѣгала и мать твою курпосую дуру помню” и разсерженная старуха съ нѣкоторой горестью и участіемъ къ дѣвочкѣ, говорила моему отцу: “Не хорошо, мой другъ, не хорошо (слово *несвойственно*, не употребляюсь въ тѣ патріархальныя времена)—къ чему, подумай, она выучится читать—раба?... служить надобно, покоить господь... а тутъ то-ли на умѣ... пѣсни гадкія прочтеть... Чего добраго, выучится читать—выучится писать, и напишетъ любовную цидулку”.

По странному стеченію географическихъ случайностей, въ то время какъ Орловская помѣщица проповѣдывала этотъ путятинскій взглядъ на пародное образованіе, въ той-же

Орловской губернии беззаботно бѣгало въ своемъ саду въ красненькой рубашечкѣ, подпоясавной торжковскимъ пояскомъ двухъ-трехлѣнее дитя, о которомъ вотъ что пишутъ въ четвертомѣтной книжкѣ "Отеч. Записокъ":

"Г. Тургеневъ, желая выразить, до какой уродливости можетъ доходить эманципация дѣвшли. вывелъ въ своемъ романѣ "Отцы и дѣти" нѣкую Кукшину, занятую въ Гейдельбергѣ эмбриологіей. Онъ думалъ, что этимъ поразить на голову несвойственныя женщинамъ занятія. Но однакожь, онъ рѣшительно не достигъ цѣли, сколько можемъ судить по существующимъ и процвѣтающимъ у насъ Кукшинымъ. Спрашивается отчего, казалось бы, ударъ, направленный такъ вѣрно, не удался? Предполагаемая ложь осталась живущей въ обществѣ, и намъ случилось читать одинъ рукописный рассказъ, гдѣ именно, на перекоръ г. Тургеневу, молодая дѣвушка, бесѣдуя въ самомъ интимномъ tête à tête, рассказываетъ своему *милому* цѣлый курсъ эмбриологіи. Повѣсть именно написана для доказательства, что ни чувство дѣвической скромности, ни та стыдливость, которая выработана двѣнадцатымъ вѣкомъ христіанскою цивилизаціей, нисколько не шокируется подобнымъ разговоромъ, подобнымъ занятіемъ.

"Все это доказываетъ только, что г. Тургеневъ слишкомъ вскользь коснулся того вліянія, которое требовало болѣе всесторонней разработки, которое проявляется не въ однихъ безобразныхъ Кукшинахъ".

Не смѣю сомнѣваться въ словахъ ученаго критика, но признаюсь откровенно, онъ не убѣдилъ меня. Я читалъ все, что писалъ Тургеневъ, не только хорошее, но и дурное. Тургеневъ очень умный человѣкъ, у него бездна образованія, такта и вкуса. Какъ-же я повѣрю, что онъ "думалъ Кукшиной поразить на голову *несвойственныя* занятія женщинамъ", поппая подъ нимъ *физиологію*? Не вѣрю, да и только. Лице Кукшиной вообще неудачно и пошло... Тургеневъ слабъ и даже плохъ тамъ, гдѣ онъ насилуя свой талантъ, пишетъ на заданную политическую и полемическую тему; онъ впадаетъ въ шаржу и Кукшина также не типъ, а каррикатура, какъ князь Луновикъ К. Акелова. Особеннаго вреда въ этихъ пояспивчествахъ нѣтъ; начинаемая для потѣхи извѣстнаго райка, наматываемая яркими красками, иногда изоблаченной кистью, зазнававшегося мастера, иногда намфлетистомъ для того чтобъ приударить противниковъ, они не имѣютъ серьезнаго значенія, и тѣмъ паче такого громаднаго значенія какъ г. критикъ приписалъ Тургеневу. Вѣдь не у Тургенева смягчился мозгъ въ Парижѣ, чтобъ можно было думать, что онъ поддерживаетъ мнѣніе Флены Егоровны объ исключеніи женщинъ изъ науки и о томъ, что плохой фарсой онъ "на голову побилъ" вопросъ, стоящій теперь на первомъ планѣ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ.

Что женщина, занимающаяся эмбриологіей, можетъ быть очень смѣшна и очень противна, это правда; но и то правда, что въ комедіяхъ Островскаго, вы найдете женщинъ еще смѣшнѣе и еще противнѣе, никогда не занимавшихся теоретической эмбриологіей. Стало быть, если за это кого-нибудь надобно казнить, то не теоретическую и не практическую эмбриологію, а женщину вообще.

Запретить ихъ какъ нибудь на французскій манеръ конечно можно и дѣло пойдетъ какъ по маслу:

§ 1. Женскій полъ отмѣняется.

§ 2. Родъ человѣческій раздѣляется по образу кавалеріи на два мужскихъ пола:

- а) Тяжелый мужскій полъ.
- б) Легкій мужскій полъ (прежде бывшій женскій).

Тогда у женщины не отнимется возможность изъ *матери-самки* перебраться хоть черезъ Кукшину, но все-таки къ человѣческому значенію. Тогда не будутъ имъ запрещать учиться вообще или дозволять учить только до такой-то главы, какъ въ старые годы гувернанты особенно назначали барышнямъ тѣ страницы, которыхъ читать не надобно.

Говорить о несвойственности эмбриологіи для того и другого пола—безумно. Можно заниматься эмбриологіей съ чистотой пречистой дѣвы и читать библію какъ Фоблаза. Грязень не предметъ, грязень человѣкъ и разумѣется всего грязнѣе монахи, боящіеся чего то развратнаго во всемъ тѣлесномъ.

Не знаю, приводилось-ли слышать издателямъ "Отеч. Записокъ" о томъ, что лѣтъ двѣсти тому назадъ жилъ одинъ еврей (евреи бываютъ очень богатые люди*) по прозванію Барухъ Спиноза, отъ того-ли, что ему, какъ еврею, не доставало стыдливости, выработанной "двѣнадцатымъ вѣкомъ христіанской цивилизаціей", или отъ того, что онъ не родился въ Орловской губерніи, но только онъ тогда еще проповѣдывалъ, что природа вообще не нравственна и не безнравственна, и что слѣдственно ее знаніе само по себѣ не можетъ быть ни цѣлостно, ни нахабно; а цѣломудріе и нахабство вносятся лицомъ, въ томъ родѣ какъ въ простонародномъ повѣріи человѣкъ въ желѣхъ, пристально смотря на рыбу, передаетъ ей желчь. Туже не христіанскую мысль имѣлъ и христіанинъ Шекспиръ, говоривши, что человѣкъ придаетъ предмету его высоко эстетическое значеніе или грязно гадко.

Но кто прежде Шекспира и Спинозы это выразилъ не на словахъ, а на дѣлѣ—это искусство; первый "ударъ по головѣ" монашеской стыдливости нанесли кисти и рѣзцы всѣхъ великихъ художниковъ. Лишь только искусство стало на свои ноги и оперилось послѣ церковнаго мрака, духоты, подавляющаго молчанья, оно начало срывать съ себя ряссы и покровы; снова голое человѣческое тѣло стало обнажаться во всей пластической анотеозѣ своей, и что-же вышло изъ подъ не стыдливаго рѣзца не цѣломудренной кисти? Образа, *однаго образа!*

Обернулись люди, съ историческимъ угрызеніемъ совѣсти, въ отверженноебылое, порылись между развалинами беснутой Греціи, распутоваго Рима. (Извѣстно, что древніе безстыдники лишенные двѣнадцатымъ вѣкомъ воспитанія въ тѣлобоязнь и тѣлоумертвѣніе, ваяли свои статуи такъ таки нагишемъ, какъ мать родила и откапывали нѣсколько грѣховныхъ истукановъ ихъ). Что-же вышло? И это *все образа*, и человѣкъ невольно очищается и моится передъ ними.

Надобно было все вліяніе "двѣнадцатымъ вѣкомъ воспитанія" въ развратѣ празднаго, несыто - холостого, ксерикальнаго воображенія, чтобъ понамъ пришло въ голову въ Римскихъ галереяхъ паградить статуи виноградными листьями — и натянуть черезъ это нечистый намекъ. Дѣвственники вы мои, цѣломудренники Пваны Орлеанскіе, какъ вы мелко плаваете!

И неужели критиканъ "Отеч. Записокъ" думаетъ, что достаточно было бы Тургеневу уговорить Кукшину (что вѣроятно при ея леченіи шампанскимъ и не представило бы

* Захѣталъ для directeur en chef "Отечественныхъ Записокъ".

большинх затрудненій) стать возлѣ Венеры въ флорентійскихъ Уффицихъ на пьедесталѣ и снять съ себя рубашку, что онъ и поразитъ на годовую *несвойственное* неглиже статуи и что искусство снова лишится великаго, единаго идеала своего — красоты человѣческаго тѣла?

И знаете-ли, что всего страннѣе, передъ полиціей виноватыми остались бы не Венера и не Кукшина, а Тургеневъ, *vir ridiculus*, который привелъ пьяную дуру въ порядочное общество. Вотъ и ищи справедливости въ мірѣ.

Сказанное объ искусствѣ относится и къ наукѣ. Простое отношеніе къ природѣ, къ ея наивной наготѣ, къ ея святой, чистой наготѣ, никогда не загрязнить ничьего воображенія.

Не *эмбриологія* *несвойственна*; а болѣзненная, пятапутая цивилизація, вгоняющая равно все страстное и свѣтлое, всякое естественное чувство и здоровое отношеніе внутрь — *несвойственна* больше человѣку. Она такъ исказила воображеніе, что все естественное приводитъ его въ краску при *свидѣтеляхъ*; она его, сверхъ того, привела къ тому ряду тайныхъ и постыжныхъ грѣховъ, въ которыхъ страсть пераждѣльно съ преступленіемъ, ложью и двуличіемъ.

Не естественныя науки образовали игуменью Дидро, эту несчастную мученицу неслѣпаго обѣта.

И я готовъ сослаться даже на какого-нибудь путешественника къ святымъ мѣстамъ, что *голой* мальчикъ Фландрена на нр., и ему не навѣялъ ничего чувственнаго.

Все это кажется ясно и можно бы кончить. Но тутъ по дорогѣ яляется вотъ такая дилемма. Если женщины *несвойственно* заниматься эмбриологіей, то тѣмъ болѣе *несвойственно* заниматься и акушерствомъ. Или всѣ повивальныя бабки и акушерки должны быть поставлены *au ban de la société*, какъ палачи, сыщики, шпіоны, люди стубленные въ общественномъ мнѣніи въ пользу общественной нужды. А между тѣмъ я, пеналодящій ничево *несвойственнаго* для женщины заниматься эмбриологіей, совершенно раздѣляю отвращеніе русской женщины отъ акушера. Надобно и тутъ было опроверженіе всѣхъ понятій, что — бы въ странѣ, въ которой слово “*shoking*” гораздо выше поставлено, чѣмъ слово “*безиравственно*”, чтобы тамъ приучить женщину родить и родить въ первый разъ, на рукахъ у какого-нибудь атлета 30 лѣтъ, съ пробормомъ сзади и спереди. На Западѣ, благодаря католико-пуританскому воспитанію — это сдѣлалось необходимою; повивальныхъ бабокъ, акушерокъ, сколько-нибудь смыслящихъ дѣло ибѣтъ, ибѣтъ почти нигдѣ, тутъ стало и выбора ибѣтъ. Америка первая возстала противъ этого. Въ Россіи, при университетахъ, при воспитательныхъ домахъ, образовались и образуются повивальныя бабки — что-же, не закрыть-ли во имя Кукшиной всѣ эти школы по *несвойственности* эмбриологіи съ цѣломудріемъ и двухтысячелѣтней стыдливостію?...

Въ заключеніе, расскажу вамъ одинъ случай, бывшій на моихъ глазахъ. Одинъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, занимался у одного изъ моихъ друзей сравнительной анатоміей. Естественно въ молодомъ человѣкѣ явилась подъ вліяніемъ обычныхъ намековъ и укываній рьяность узнать все относящееся до тайны зачатія, беременности и пр...

—“Погодите, сказалъ мнѣ натуралистъ, я вылечу молодого человѣка.—Такъ ты, другъ мой, очень интересуешься рожде-

ніемъ дѣтей, беременностью? Что-же, дѣло похвальное, брось пока остальные занятія, мы займемся исключительно эмбриологіей, и начнемъ съ самыхъ простыхъ животныхъ”.

Натуралистъ этотъ извѣстный Карлъ Фогтъ, молодой человѣкъ мой сынъ. Какъ онъ его выдержалъ мѣсяца два-три на разныхъ препаратахъ, да потребовалъ сверхъ препарациі знаніе до меточей всѣхъ органовъ, частей, съ звѣздчатыхъ начиная, какъ рукой снялъ шаловливой интересъ.

Конечно жаль, что Карлъ Фогтъ не догадался сказать мальчику, что это *несвойственно* съ его двухтысячелѣтнимъ воспитаніемъ въ христіанскую стыдливость... Я ему напишу завтра объ этомъ для руководства. А теперь прощайте.

25 Февраля 1864.

П—ръ.

СМѢСЬ.

— ОСВОБОЖДЕНІЕ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ ПОЛЬШѢ. —

Безъ сомнѣнія важнѣйшій фактъ въ кровавой борьбѣ, которую плохо и безчеловѣчно ведетъ Россія съ Польшей. Главный пунктъ разрѣшенъ съ русской и съ соціальной точки зрѣнія. *Земля идетъ съ волей*, въ этомъ-то и былъ весь вопросъ. По знаете-ли на какихъ основаніяхъ онъ рѣшенъ. “Законодательныя мѣры, говоритъ манифестъ, уиѣнчались (по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи) быстрымъ успѣхомъ, благодаря *длительной* (!) помощи, оказанной Намъ русскимъ помѣстнымъ дворянствомъ. Но въ Царствѣ Польскомъ указы (номинаваны) не встрѣтили къ глубокому прискорбію Нашему того содѣйствія...”. Далѣе говорится о смутахъ и о здоровомъ смыслѣ поселянъ. И такъ вотъ *критеріумъ* для разрѣшенія одного изъ величайшихъ соціально-экономическихъ вопросовъ. Въ Маниловкѣ помѣщики оказались покорными, готовыми на жертву (хотя это и неправда)—въ награду имъ ибѣтъ у крестьянъ дѣйствительнаго права на землю. Въ Заманиловкѣ помѣщики буяны—право крестьянъ на землю признано. Въ сущности новый указъ свидѣлствуетъ, что со всей своей военной силой, со всей помощью Пруссіи и Австріи, со всѣми ужасами Муравьева и другихъ людоедовъ, правительство русское не можетъ сладить съ возстаніемъ въ Польшѣ.

ЗЛОДѢЙСТВА ПОЛЯКОВЪ

“ПРИМѢРНОЕ САМООТВЕРЖЕНІЕ РУССКАГО ПРОТОІЕРЕЯ”.

Инвалидъ помѣстилъ донесеніе протоіерея Крашановскаго въ доказательство іерейскаго мужества и польскаго свирѣпства. Донесеніе длинно, Крашановскій краснорѣчивъ; мы расскажемъ сущность дѣла его-же словами, по выпускаю подробности, не имѣющія особаго интереса.

“Военный начальникъ калишкаго отдѣла, 9 Сентября 1863 года, предложилъ мнѣ, пмшетъ Крашановскій, отправиться въ г. Сѣрадзъ, чтобы преподать духовную помощь больнымъ и раненымъ воинскимъ чинамъ, находящимся въ госпиталѣ. Дѣло было экстренное; я не смѣлъ отказаться, и на другой-же день въ отходящей изъ Калиша почтовой каретѣ, отправился въ г. Сѣрадзъ. Проѣхавъ отъ Калиша верстъ 20, въ селѣ Щитникахъ, толпа вооруженныхъ непріятельскихъ всадниковъ, окружила почтовую нашу карету, и приказала поворотить вправо съ шоссе на проселочную

дорогу. Въ 7 часовъ вечера, карета наша, круто поворачивъ на лѣво, вдругъ остановилась предъ небольшимъ домомъ, сильно освѣщеннымъ и полнымъ народомъ. Выходя изъ экипажа, я замѣтилъ, что мы находимся въ мѣстечкѣ Ивановицахъ, передъ домомъ знакомой мнѣ помѣщицы Вѣжицкѣ. *Изнемогая отъ сильнаго волненія духа, я, трепетными ногами, перешагнувъ пороги этого дома, и, пораженный необыкновеннымъ видомъ людей, его наполнявшихъ, упалъ на первый попавшійся мнѣ стулъ.* Стаканъ холодной воды и нѣсколько знакомыхъ голосовъ привели меня въ сознаніе. Я попросилъ, чтобы кто нибудь представилъ меня ихъ предводителю. Одинъ изъ бывшихъ учениковъ моихъ въ калишской гимназіи, вызвался служить мнѣ въ этомъ. Онъ подвелъ меня къ мужицкѣмъ среднимъ лѣтъ, лучше прочихъ одѣтому, и назвалъ его полковникомъ Слупскимъ. Я спросилъ его что онъ намѣренъ дѣлать со мною. На что онъ мнѣ отвѣтилъ, что хотя русскіе, повѣсивъ нѣсколькихъ ксендзовъ латинскихъ, дали ему полное право такъ-же поступить со мною, *безъ всякаго суда и расправы; но онъ желаетъ прежде развѣдать*—кто и каковъ я, а затѣмъ рѣшеніе о жизни или смерти моей будетъ произнесено общимъ приговоромъ. Отойдя отъ Слупскаго, я слухомъ взоромъ окинулъ толпу судей своихъ; кромѣ двухъ-трехъ личностей, мнѣ знакомыхъ, суровыя лица остальныхъ не предвѣщали мнѣ спасенія. Между тѣмъ послѣ 9 часовъ подали чай и ужинъ вмѣстѣ; хозяйка дома ѣжливо пригласила меня къ столу и указала на мѣсто возлѣ Слупскаго. Слупскій замѣтивъ, что въ разговорахъ ясно свидѣлствуется отеческое мое обращеніе съ бывшими моими учениками, и что такимъ образомъ я незамѣтно располагаю судей своихъ въ свою пользу, прервалъ бесѣду нашу громкимъ вопросомъ: что найдено въ почтовой каретѣ? Въ то время одинъ изъ повстанцевъ, сидѣвшій въ концѣ стола, съ перевязаннымъ чрезъ плечо бѣлымъ платкомъ, (это значило, что онъ сегодня исправляетъ должность дежурнаго офицера), отвѣчалъ, что всѣ пассажирскія вещи пересмотрѣны; затѣмъ, сказавъ опъ, взглянувъ на меня *угрюмо*, остается узнать, что за вещи хранятся въ сундукѣ, принадлежащемъ попу, среди насъ бесѣдующему, за какимъ видомъ, и съ какою цѣлю онъ ѣдетъ въ Сѣразь, и пѣтъ-ли при немъ писемъ, или какого оружія. Какъ только, по приказанію того же *дежурнаго варвара*, внесли въ комнату сундукъ мой съ церковными вещами, я, съ пламенною молитвою въ сердцѣ, всталъ въ-за стола, отперъ свой сундукъ, поскорѣ надѣлъ на себя эпитрахиль, и поднявъ вверхъ святыя дары въ ковчежцѣ, громко произнесъ слѣдующія слова по польски: "вотъ мой паспортъ, мое оружіе, мои щитъ! это Богъ мой и вашъ вѣстѣ! Онъ насъ разсудитъ, кто правъ и кто виноватъ." Въ эту минуту женское сердце хозяйки дома проговорило первое. Она предложила мнѣ отправиться со святыми дарами въ ея молельню. Поставивъ тамъ святыню свою на приличномъ мѣстѣ, я упалъ на колѣни, залился слезами и началъ молиться Богу, намѣреваясь такъ провести всю ночь. Нѣсколько минутъ спустя, вошло ко мнѣ *дежурное чудовище*, въ которомъ я уже видѣлъ моего палача, и потребовало меня въ залу. Между тѣмъ милосердый Богъ, терпящій грѣхамъ моихъ, претворилъ уже злобу враговъ моихъ въ безсиліе. Предъ умолкнувшею бандою, Слупскій объявилъ мнѣ слѣдующій приговоръ: "Такъ какъ ученики ваши свидѣлствуютъ о хорошемъ вашемъ обращеніи съ

ними,—окрестные-же помѣщики удостоверяютъ, что вы, будучи членомъ благотворительнаго общества въ Калишѣ, много трудились въ пользу бѣдныхъ, и никто не заявилъ какого-либо вѣдѣтельства вашего въ дѣла политическія,—то даруется вамъ жизнь, съ тѣмъ, чтобы вы ни словомъ, ни письмомъ не смѣли давать знать въ Калишѣ подполковнику Тарасенкову, и передъ русскими не смѣли насъ называть варварами". Съ тѣхъ поръ Слупскій видимо старался доказать мнѣ свою вѣжливость и вниманіе. Пробѣжавъ со мною до 1 ч. почти о разныхъ историческихъ событіяхъ зѣвшаго края,—онъ, наконецъ, предложилъ мнѣ принять приготовленную для него постель для отдыха, а самъ отправился осматривать свои караулы и пикеты. Въ два часа подали обѣдь. Въ 4 часа начались сборы къ отъѣзду; явилась передъ домомъ нашимъ почтовая карета. Мы выѣхали изъ Ивановицъ около 6 часовъ вечера; значить, ровно цѣлые сутки я находился подъ дуломъ пистолета. Мнѣ двадцать четыре часа довелось страдать страданіями преступника, при полномъ убѣжденіи въ своей невиновности. Долго еще при дверцахъ нашей кареты слышалось бряцаніе оружія сопровождавшихъ насъ *бандитовъ*; но съ усиленіемъ вечерней темноты, они стали отъ насъ отставать, и, наконецъ, незамѣтно исчезли".

Каково пострадалъ прото-іерей Крашановскій отъ бандитовъ?

— *Логика паденія.*—Нравственное паденіе имѣетъ свою неумолимую логику, свою геометрическую пропорцію быстроты и свой законъ квадратовъ разстояній. Нравственное паденіе—одинъ изъ видовъ помѣшательства, который гораздо чаще переходитъ въ совершенное безуміе, чѣмъ возвращается всякъ въ нормальное состояніе. Мы съ цѣловымъ ужасомъ глядимъ на быстроту, съ которой несутся наши литературныя Аббадонны въ бездонную пропасть душевной черноты и безстыдства.

Стоитъ сдѣлать первый шагъ, стоитъ немного спуститься по нѣжному склону, остальное пойдетъ какъ по маслу—что ни шагъ, путь все глаже и кони неустойчивѣе.

Въ этомъ отношеніи издатель *Московскихъ Вѣдомостей* представляетъ разительный примѣръ. Онъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ началѣ нынѣшняго царствования. Всякое либеральное воззрѣніе было тогда ново, и обзоръ *Westminster review* въ его *Вѣстникѣ*, считался русскими. Высокомѣрная, надутая натура Кагкова, дѣйствительнаго литературнаго рабченка, потерялась. Онъ явился какимъ-то *дядей* русскаго развитія, строитвнымъ умѣрителемъ излишествъ, мѣрою всего хорошаго и разумнаго, разумнаго и возможнаго. Русское общество онъ открыто презиралъ, открыто оскорблялъ и постоянно противопоставлялъ ему Англію, ея учрежденія. Гувернерскій тонъ, переходящій въ дерзко-начальническій, вызвали наконецъ досаду и смѣхъ. Такого рода самолюбіе (самолюбіе прежнихъ статскихъ совѣтниковъ) можетъ многое вынести, но насмѣшки никогда. Смѣхъ раздражаетъ ихъ болѣзнь, отмѣтка, какая-бы ни была имъ кажется позволительною и нравственною.

Петербургскій пожаръ, давъ издателю *Московскихъ Вѣдомостей* случай отшутиться. Онъ обвинялъ въ нравственной круговой поруцѣ съ зажигателями, молодыхъ людей смѣявшихся надъ нимъ. Ихъ и безъ того таскали въ крѣпость, у нихъ не было ни права защиты, ни права протеста, доносъ на нихъ могъ ихъ свести на каторгу; а *Московскія Вѣдомости* продолжали свое. Имъ что за дѣло... за чѣмъ смѣялись!

Дальнѣйшая исторія болѣзни, идетъ какъ по писанному. Огъ проповѣди Англіи по Гнейсту, до проповѣди Польши по Муравьеву—*Вѣдомостямъ* пришлось пройти всѣми грязями и всѣми искусами полицейской карьеры; имъ пришлось выносить упрекъ людей, которымъ трудно отказать въ уваженіи и товарищеское трепанье по плечу другихъ, которымъ невозможно отказать въ презрѣніи... Еще небольшое усиліе и человекъ выходитъ побѣдителемъ и торжественно говорить свивущей толпѣ: Да, я доношу, и мнѣ дѣла лѣтъ, что изъ этого будетъ, я служу доносомъ моему правительству, перо мое—мечъ мой.

Послѣ этого кризиса, человекъ начинаетъ откровенно ненавидѣть все человѣческое, все свободное, все стремящееся къ независимости. Его оскорбляетъ волостной судъ, въ которомъ мужикъ судить; его досадуетъ прежній товарищъ, его братъ бѣднякъ, желающій стать въ уровень съ богатымъ; его приводитъ въ ярость прусская оппозиція и датскіе демократы; его приводитъ въ бѣшенство стремленіе женщины выйги изъ подъ опеки и стремленіе малороссіянъ имѣть переводъ св. писанія на свой языкъ. Инквизиціонная ревность становится страстью, маніей.

Въ финляндской палатѣ разсуждаютъ объ отмѣненіи смертной казни. Какіе-то пасторы желаютъ ее удержать противъ огромнаго большинства. Корреспондентъ *Москов. Вѣдом.*, забывая въ какой застѣнокъ онъ пишетъ, замѣнилъ несообразность ихъ христіанскаго званія съ этой слабостью къ казнямъ. Редакція этого не могла пропустить и прибавила, что напрасно корреспондентъ *такъ легко* говоритъ объ этомъ трудномъ вопросѣ, что его не разрѣшишь съ точки зрѣнія *человѣчества*. Итъ, у нея не вырвешь осужденнаго съ головой, она не уступитъ даромъ судороги человекъ, котораго вѣшаютъ— что за дѣло, что Россія можетъ Финляндіи отвести какой нибудь уголь въ Минусинскѣ или Туруханскѣ, какой нибудь рудникъ близъ полюса—казни ей милѣе.

Но вотъ совсѣмъ другой случай. Евреямъ накопецъ-то начали по досчеткѣ разгораживать заборы, за которыми ихъ держало дикое правительство. Имъ открываютъ, хотя какъ въ *Steepleschas's* съ страшными препятствіями, возможность жить въ Россіи; между прочимъ позволяютъ имъ учиться въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, получая по экзамену тѣже права, какъ всѣ другіе. Издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, который и былъ-бы радъ, что евреевъ будетъ меньше въ западныхъ губерніяхъ, въ видахъ поощренія русской народности—но вдругъ его поражаетъ страшная мысль, что съ ними, съ столбовымъ русскимъ бояриномъ рядомъ сядетъ какой нибудь жидъ. “Что, взываетъ онъ, если эти приманки (классный чинъ) въ самомъ дѣлѣ окажутся успѣшными, если евреи, за невозможностію выбраться изъ края, откуда выходятъ имъ запертъ, хлынутъ въ наши университеты, и не имѣя капиталовъ, чтобы вступать въ торговлю, захватятъ большую часть такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, профессорскихъ кафедръ и служебныхъ мѣстъ?”

Что-же будетъ далѣе?

Далѣе Каткова выручитъ ограниченность человѣческой натуры—далѣе остается одно чистое помѣшательство, такое, въ которомъ добро и зло, черное и бѣлое совершенно спутаны и человекъ уже разсматривается не съ антропологической точки зрѣнія, а зѣвремъ такой-то клѣтки, и такого-то N.

Около двухъ лѣтъ издатель *Моск. Вѣд.* проповѣдуетъ о нашемъ “поврежденіи и сумасшествіи”. Не надобно конать другому яму—такъ какъ теперь идутъ дѣла, мы убѣждены, что не насъ, а издателя *Москов. Вѣд.* скоро придется павѣщать въ больницѣ, бритаго и подъ капелью.

Въ этомъ всего болѣе насъ убѣдили послѣдніе NNo. его журнала... *Моск. Вѣд.* начинаютъ бредить, имъ мерещутся заговоры противъ ихъ издателя; онѣ находятъ *зачинщиковъ*, *непріязненные демонстраціи*. Кому этого мало, мы серьезно просимъ прочесть передовую статью *Моск. Вѣд.* 35 No.—она вовсе не имѣетъ человѣческаго смысла.

— *Брань на смерть идущимъ.*—Какъ туго и плохо прививается у насъ все человѣческое и образованное. Съ одной стороны подлыя, унижительныя, ползущія у ногъ выраженія, только употребляемыя въ передней стѣнныхъ помѣщикахъ, въ родѣ “начальникъ губерніи соизволилъ препроводить”, “со-благоволитъ отвѣчать”; и рядомъ руганье врага, противника побѣжденнаго... Когда же эти тигры и ослы поймутъ, что гнусно убивать плѣнныхъ и еще гнуснѣе приговаривать ихъ съ ругательными эпитетами. *Рус. Инв.* на примѣръ говорить о разстрѣляніи въ Сувалкахъ *Яна Красинскаго* за двукратный побѣгъ въ *разбойничьи* шайки... Когда-же они устыдятся не только своихъ дѣлъ, но своихъ словъ?

— *Патріоты Бутовичъ и Юзефовичъ.* — “Дневникъ Познанскій” отъ 3 Марта выписалъ изъ “Газеты Народовой” отъ 7 Февраля корреспонденцію изъ Кіева, въ которой сказано: “19 Января, въ Кіевѣ былъ разстрѣлянъ *Ромуальдъ Ольшанскій* за участіе въ возстаніи. Р. Ольшанскій, кандидатъ кіевскаго университета, впоследствии учитель верховой ѣзды при томъ же университетѣ. Ночью съ 8 на 9 Мая онъ успѣлъ вывести изъ Кіева 30 лошадей, все свое состояніе, т. е. весь способъ зарабатыванія пропитанія для многочисленнаго своего семейства—отца, ослѣпшаго старика, матери, жены, шести человекъ дѣтей—и вмѣстѣ съ молодежью перебраться въ Радомысльскіе лѣса. Вскорѣ однакожъ онъ былъ схваченъ вмѣстѣ съ другими и посаженъ въ кіевскую крѣпость. Судъ приговорилъ его къ каторгѣ; но кіевскій дворянскій предводитель Бутовичъ и д. с. с. Юзефовичъ официально представили Аненкову, что приговоръ слишкомъ мягокъ. Бумаги его по слѣдствію три раза были возвращаемы обратно въ комиссію, и наконецъ его приговорили казнить. Послѣдній приговоръ былъ ему объявленъ еще въ Поябрѣ мѣсяцѣ. И не смотря на всѣ старанія семьи, смертный приговоръ надъ Р. Ольшанскимъ былъ исполненъ въ кіевской крѣпости.

— П. В. Долгоруковъ проситъ объявить, что 19 N. *Листка* вмѣсто Марта, выйдетъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, по той причинѣ, что П. В. Долгоруковъ занятъ приготовленіемъ къ изданію своей новой книги: “*La France sous le régime bonapartist*”.

— Въ *Общій фондъ* 5 фунт. 5 шил.

— *Слѣдующій 183 листъ Колокола выйдеть 15 Апрель.*

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 183.

15 АПРѢЛЯ 1864.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пеп. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Terrar's Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—Финансовыя споры (Продолженіе). Слѣсъ: Запросъ "Дню"—Письмо изъ Москвы—Документы!—Кн. В. Черкасскій—
Кощунство "Московскихъ Вѣдомостей" и ихъ тактъ, здоровы-ли онѣ?—Новое средство умиротворенія—Uncrowned king—Семейная ссора—Общій фондъ.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Продолженіе).

"Всякая государственная администрація", говорятъ Воловскій, "можетъ быть разсматриваема какъ огромный банкъ, котораго выпуски и полученія уравниваются въ концѣ года. Безъ всякаго одобренія подобнаго способа, понятно, что пользуясь движеніемъ казны и легкостью какую представляетъ извѣщаніе палата, правительство создаетъ кредитныя деньги, которыя удержатся въ обращеніи, не отягощая его, если только не забудутъ ограничить ихъ количества предѣлами, указанными самымъ размѣромъ предполагаемыхъ полученій. Самое простое благоразуміе велитъ держаться въ границахъ отъ четверти до трети всего количества бюджета приходоу, и это значило бы для Россіи возможность обращенія кредитныхъ денегъ въ количествѣ около 100 милліон. рублей (400 милліон. фр.). Эта цифра, уже значительная, оказывается почти *усмеренною*, при чемъ нѣтъ той возможности промѣна билетовъ на звонкую монету, которая могла бы подкрѣпить шатающееся основаніе чрезмѣрнаго фискальнаго обращенія"...

Далѣе, Воловскій излагаетъ исторію ассигнацій въ Россіи съ самаго начала ихъ введенія при Екатеринѣ II. Такъ какъ факты, имъ приводимые, уже не разъ являлись въ русской печати, то мы пропускаемъ ихъ и продолжаемъ выписки изъ статьи Воловскаго, начиная съ 1822 года, когда количество ассигнацій свелось на 595,716,000 рублей:

"Въ это время въ управленіе финансами вступилъ графъ Канкринъ; онъ рѣшительно отказался перевести долгъ безпроцентный на долгъ влекущій ежегодныя обремененія для казны. Онъ предпочелъ поддерживать, на сколько возможно, курсъ бумажныхъ денегъ, въ ожиданіи минуты, когда онъ могъ бы замѣнить ихъ звонкой монетой, безъ риска дойти постоянными пожертвованіями только къ необходимости новыхъ кредитныхъ выпусковъ и къ новымъ потрясающимъ измѣненіямъ въ цѣнахъ. Онъ остался вѣренъ своему рѣшенію,

Годъ VII.

и твердость, которая удержала до 1839 г. 595,776,000 ассигнационныхъ рублей безъ всякаго приращенія, дѣлаетъ тѣмъ болѣе чести министру, что положеніе финансовъ было снова подвергнуто колебанію, по случаю турецкой и персидской кампаній и польской войны.

"Въ этотъ періодъ обпаружилось странное явленіе, которое трудно объяснить. Въ то время, какъ государственныя кассы принимали бумажный рубль по номинальному курсу, считая серебряный рубль въ 3 рубля 60 копѣекъ ассигнаціями, а золотой полумперіаль въ 18 р. 25 коп., торговля и публика держались другаго курса, а именно: бумажный рубль ходилъ въ 1 р. 27 коп., серебряный рубль въ 4 рубля 30 и 40 коп., полумперіаль за 23 рубля. Въ этихъ различіяхъ, которыя чрезвычайно сильно вредили размѣну ихъ, и на которыя страшно громко роптали, объявляя ихъ плодомъ ажіотажа, въ этихъ различіяхъ не видѣли ничего иного какъ спекуляцію мѣняль. Правительство рѣшило положить конецъ такому грустному состоянію вещей рѣшительною мѣрою: манифестъ 1 Іюля 1839 г. объявилъ, что съ сихъ поръ серебряный рубль будетъ неизмѣннымъ образомъ единственнымъ законной монетой имперіи, и что ассигнаціи, низведенныя къ ихъ первоначальному значенію денегъ вспомогательныхъ, будутъ принимаемы опредѣленнымъ образомъ, считая серебряный рубль въ 3 р. 50 коп. ассигнаціями. Всѣ обязательства между частными лицами и по отношенію къ казнѣ отнынѣ должны были заключаться и уплачиваться по счету на рубли серебромъ. Было строжайше воспрещено придавать ассигнаціямъ въ какомъ бы то ни было случаѣ цѣну различную отъ предписанной новымъ манифестомъ, и приказано, чтобъ всѣ курсы считались на серебро. За этою мѣрою скоро послѣдовала отмѣна ассигнацій: новые государственные кредитные билеты замѣнили ихъ; они должны были окончательно установить порядокъ металлической счетности. Это тѣ билеты, которые и теперь еще обращаются въ Россіи, но увы! далекіе отъ опредѣленности, въ которой хотѣлъ удержать ихъ графъ Канкринъ. Уничтоженіе ассигнацій было повелѣно манифе-

стомъ отъ 1 Іюня 1843 г. “дабы упростить средства обращенія и осуществить общимъ образомъ единичу металлической цѣнности”. Въмѣсто 595,776,000 рублей ассигнацій должны были обращаться только 170,221,714 руб. серебромъ, считая серебряный рубль въ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями.

“Государственные кредитные билеты гарантировались всѣмъ государственнымъ достояніемъ; но для удержанія правильного курса нужно было удовлетворить другому условію, гораздо болѣе существенному — обезпеченію постоянного размѣла билетовъ на звонкую монету. По императорскому приказу, въ Декабрѣ 1844 г., перенесли въ Петропавловскую крѣпость, подъ контролемъ 24 членовъ биржевой делегаціи, металлическій фондъ въ 70,464,245 руб. 99 коп., долею серебромъ, долею золотомъ, въ слиткахъ и въ монетѣ. Это депо было подвергнуто провѣркѣ петербургскаго торговаго міра, представленнаго депутаціей. Оно было увеличено 14 Іюля 1845 г. прибавленіемъ 12,180,000 руб. золотомъ и серебромъ. Такимъ образомъ думали, что представлена достаточная гарантія для правильного размѣла 170 милліоновъ рублей въ билетахъ, такъ какъ размѣнный фондъ возвышался почти до половины обращающихся бумагъ.

“Въ эту то эпоху (1844—45) и является краткій періодъ финансоваго блеска Россіи. Чтобы своему могуществу придать какъ можно больше виду, императоръ Николай помѣстилъ тогда сто милліоновъ въ заграничныхъ общественныхъ фондахъ. Помнится то впечатлѣніе, которое произвела въ 1847 г. покупка на сумму 50 милліоновъ французскихъ 5% рентъ по 115 фран. 75 сантим., что помогло французскому банку выйти изъ затрудненій по продовольствію зерновымъ хлѣбомъ.* Событія 1848 года и Венгерская кампанія не замедлили измѣнить положеніе: новые выпуски бумагъ снова открыли грустный путь, который Канкрипу казался избѣгнутымъ навсегда. И съ государственными билетами сдѣлалъ тоже, что съ Екатерининскими и Александровскими ассигнаціями, только съ той разницей, что разращеніе кредитныхъ бумагъ пошло еще быстрее.

“Съ 1849 года сумма билетовъ превзошла 300 милліоновъ рублей. Восточная война вызвала цѣлую глыбу бумажныхъ денегъ. Въ началѣ, еще была нѣкоторая умѣренность въ употребленіи этого опаснаго пособія, и правительство заботилось о сохраненіи металлическаго запаса, соответствующаго количеству кредитныхъ цѣнностей пущенныхъ въ обращеніе. Въ Мартѣ 1854 года гарантирующій фондъ, положенный въ крѣпости доходилъ до 159,918,000 р. сер., еще въ Сентябрѣ того же года онъ составлялъ 146,563,000 руб., представляя собою болѣе 42 на 100 всего количества билетовъ, которые доходили тогда до 345,927,000 руб. Эта цифра не замедлила увеличиться между тѣмъ какъ металлическій запасъ уменьшался. Эта цифра, въ концѣ 1854 г., возвысилась до 356 милліоновъ руб., въ 1855—до 509 милліоновъ, въ 1856—до

* Мы послѣ, въ отчетахъ министровъ финансовъ, какъ-то видѣть не встречаемъ этихъ фондовъ. Было-ли это государственное приобрѣтеніе, или лично императорское? У насъ нѣтъ документовъ для рѣшенія этого вопроса.—Пр. Ред.

689 милліоновъ, въ 1857 до немнѣвѣрной суммы 735 милліон. рублей, около 3 милліардовъ франковъ, и размѣнъ на звонкую монету былъ отмѣненъ. Причины, которыя произвели паденіе ассигнацій, снова обнаружались, и теперь угрожаютъ тѣ же самыя бѣдствія вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ ошибокъ.

“Количество бумагъ, болѣе чѣмъ удвоенное въ промежутокъ четырехъ лѣтъ — явленіе самое безпокойное. Напрасно прибѣгать къ истолкованіямъ болѣе или менѣе замысловатымъ и представлять намъ Россію какъ особый міръ, гдѣ ничто не совершается такъ какъ повсюду: страна, въ которой 3 милліарда франковъ бумажныхъ денегъ, неоплачиваемыхъ, въ то время какъ взятые вмѣстѣ билеты всѣхъ банковъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи не переходятъ за 1 милліардъ и могутъ быть промѣнены на звонкую монету, въ то время когда кредитное обращеніе французскаго банка, покрытое такою же гарантіей, всегда оставалось ниже 900 милліоновъ франковъ, такая страна подвержена серьезной опасности. Тотъ, кто не допускаетъ себя ослѣплять софизмами, знаетъ чего должно держаться при столь аномальномъ положеніи. Какъ, при богатствѣ, которое не равняется трети богатства Франціи и Англіи, и при самомъ ограниченномъ движеніи размѣла, какъ представить себѣ всю эту массу, почти въ 3 милліарда билетовъ, едва поддерживаемую металлическимъ запасомъ, который не равняется и десятой доли кредитнаго обращенія? Мы знаемъ, что отсутствіе довѣрія мѣшаетъ въ Россіи большимъ предпріятіямъ на кредитъ; достаточно знать печальное состояніе портфеля государственнаго банка, чтобы не сомнѣваться въ этомъ; но самыя операціи на чистыя деньги требуютъ иной прочности, чѣмъ та какую могутъ представлять бумаги, которыхъ цѣнность легко измѣняется и падаетъ, угрожая все большимъ и большимъ упадкомъ. Ничто, дѣйствительно, не можетъ воспрепятствовать естественному ходу вещей: по мѣрѣ умощенія билетовъ, бумага гонитъ звонкую монету, вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ возрастаетъ и размѣнъ падаетъ, между тѣмъ какъ помпальная цѣна товаровъ возвышается. При такомъ чрезмѣрномъ выпускѣ билетовъ золото и серебро не могли не повыситься немедленно на 10 процентовъ.

“Должно сказать, что даже передъ Крымскою войною, размѣнъ билетовъ на звонкую монету не былъ неограниченъ. Тринадцатый параграфъ постановленія 1 Іюня 1853 гласитъ: “Дабы обезпечить размѣнъ бумажныхъ денегъ для мелкихъ суммъ, губерскія казначейства будутъ уплачивать по предъявленіи билетовъ звонкою монетою до 100 рублей”. Только одна петербургская касса безъ всякаго ограниченія оплачивала билеты предъявленные однимъ и тѣмъ же лицомъ, а московскій банкъ платилъ по билетамъ до 3,000 рублей. Тѣмъ не менѣе курсъ бумагъ держался до той мноты, пока не понизили его цѣну чрезмѣрные выпуски.

“Тогда произошло любопытное явленіе: вклады, внесенные въ прежнія государственныя кредитныя учрежденія, увеличились, не вслѣдствіе большаго довѣрія частныхъ лицъ, но по причинѣ самаго избытка бумагъ и отсутствія нпаго

употребленія ихъ. Духъ предприимчивости, промышленное движеніе, операціи, требующія долгаго времени для достиженія прибыли, все что на Западѣ открываетъ вѣрный сбытъ для составленія капиталовъ, все это отсутствуетъ въ Россіи, или существуетъ только въ очень узкихъ размѣрахъ. Въѣсто того, чтобъ своимъ приливомъ питать живыя силы цивилизаціи, капиталы въ Россіи всегда склонялись къ тому, чтобы помѣщаться въ инвалиды, (*prendre leurs invalides*) какъ говорилъ Жакъ Лафитъ о фондахъ, помѣщаемыхъ въ ренты. При уничтоженной возможности дѣйствительнаго размѣна на монету, понятпо нужно было пріискать другой истокъ для избыточной массы бумажныхъ денегъ. *Кредитные билеты* безпроцентные, стекаясь въ изобиліи въ банковыя кассы, дали возможность воспользоваться предоставленною имъ легкостью обмѣна на ломбардные билеты (билеты сохранной казны), которые могли передаваться изъ рукъ въ руки и приносили доходъ; это были дѣйствительныя банковыя процентныя билеты, всегда размѣнные на государственныя кредитныя билеты, ибо можно было когда угодно требовать возврата вкладовъ съ процентами. Правительство брало въ свое распоряженіе фонды, которыми располагали банки, и увеличивало ихъ посредствомъ новыхъ выпусковъ бумагъ, приходя такимъ образомъ къ скрытному займу, т. е. къ самой опасной формѣ займа. Дѣйствительно, вся эта масса вкладовъ составляла суммы, уплачиваемыя по востребованію, между тѣмъ какъ та доля ихъ, которая не шла на потребности казны, отдавалась въ ссуду на долгіе сроки землевладѣльцамъ. Землевладѣльцы только въ казенныхъ банкахъ и находили тѣ капиталы, въ которыхъ они нуждались, ибо законы относительно частнаго кредита и трудности добиться правосудія, пресѣкали пути къ займамъ между частными лицами, такъ что Тенгоборскій высказалъ печальное признаніе, что въ Россіи должникъ платитъ только когда хочетъ, сколько хочетъ и какъ хочетъ.

“Излишне распространяться здѣсь объ исторіи прежнихъ кредитныхъ учрежденій (ломбардахъ, т. е. сохраняемыхъ казпахъ воспитательныхъ домовъ). Это были банки, дававшіе ссуды подъ залогъ собственности, и пр.; теперь они вошли въ составъ петербургскаго государственнаго банка.* *Постановленіе* этого банка, который въ настоящее время сосредоточиваетъ въ себѣ все движеніе кредита въ Россіи, приведенъ въ дѣйствіе съ 31 Мая 1860 года. Онъ былъ основанъ съ капиталомъ въ 15 милліоновъ рублей; вклады прежнихъ кредитныхъ учрежденій были перенесены въ него, и онъ отвѣчаетъ за ихъ обязательства. Главная цѣль его назначенія *упрочить систему кредитной монеты*, по средства, представленныя въ его распоряженіе, нисколько не соотвѣтствуютъ такой огромной задачѣ. Эта обширная машина ликвидаціи и централизаціи кредитныхъ облигацій и текущаго долга имперіи грѣшитъ въ

своемъ основаніи. Къ 1 Мая 1861 года, билансъ государственнаго банка, замѣчательный скудостью торговаго портфеля, который едва превышалъ 50 милліоновъ франк., (13,648,344 рублей), представлялъ металлическій запасъ только въ 86 милліоновъ рублей (344 милліона франковъ) при обращеніи кредитныхъ билетовъ на 714,627,069 рублей (2 милліарда 856,000 франковъ). Такимъ образомъ курсъ продолжалъ не благопріятно дѣйствовать на всѣ обороты. Духъ предприимчивости, который казался пробужденнымъ на первое время, незамедлилъ погаснуть отъ неудачъ; все держится одно на другомъ, все связано въ общественномъ организмѣ: чтобъ дать дѣятельный толчекъ труду, нужно возстановить довѣріе, и первое условіе къ возрожденію довѣрія—устраненіе аномальнаго отношенія порядка мѣновыхъ знаковъ и обезпеченіе ихъ размѣна, т. е. монеты. Просвѣщенный помощникъ директора государственнаго банка, г. Евгенийъ Ламапскій составилъ въ началѣ 1862 года, записку *о причинахъ разстройства кредитной системы въ Россіи и о средствахъ къ возстановленію ея*. Г. Ламапскій рѣшительно касался перстомъ къ рапѣ: финансовыя затрудненія имперіи прежде всего заключаются въ шаткости денежнаго оружія. Кредитныя билеты по насильственному курсу подвержены колебанію относительно золота и серебра, которые становятся товаромъ, въ самомъ точномъ смыслѣ слова. Рублевый кредитный билетъ уже не представляетъ 4,21 золотниковъ серебра (20 граммовъ 729, проба 878 тысячныхъ, что равно 4 франкамъ). Неблагопріятный курсъ понизилъ его до 3 франк. 30 сант.; онъ поднялся до 3 франковъ 60 сантимовъ, но не могъ удержаться въ этой цѣнѣ. Чтобъ выйти изъ своего тяжелаго положенія, Россія, прежде всего, должна перестать увеличивать количество бумажныхъ денегъ, полагая что въ этомъ увеличеніи правительство найдетъ финансовый изворотъ; оно должно возвратиться на истинный путь, уничтожая насильственный курсъ посредствомъ дѣйствительнаго размѣна билетовъ на звонкую монету, что одно уже будетъ достаточно для ограниченія лишняго наплыва кредитныхъ денегъ и заставить правительство сообразоваться съ дѣйствительными средствами страны.

“Таковы были соображенія, на которыя опирался г. Ламапскій, когда просилъ, чтобъ правительство торжественно объявило, что оно навсегда отказывается пускать билеты въ обращеніе для удовлетворенія только казенныхъ нуждъ. Правда, такое обѣщаніе бесполезно давалось уже и императоромъ Александромъ I и Николаемъ: вѣришь ли оно теперь чѣмъ тогда? Мѣра болѣе серьезная и единственно дѣйствительная заключалась бы въ обезпеченіи размѣнѣ билетовъ на звонкую монету. Г. Ламапскій предлагалъ гарантировать его металлическимъ депо въ крѣпости, которое онъ считалъ въ 100 милліоновъ рублей (цифра выше дѣйствительности) и которое онъ хотѣлъ пополнить правомъ даннымъ банку, продавать по мѣрѣ надобности, государственныя имуществы, лѣса, заводы, фабрики и желѣзныя дороги. При такихъ средствахъ и при организаціи банка, преобра-

* Не бесполезно напомнить, что указомъ 10 Апрѣля 1859 года запрещено кредитнымъ учрежденіямъ выдавать землевладѣльцамъ новыя ссуды, или возобновлять старыя, и что такимъ образомъ землевладѣльцы были лишены необходимаго для нихъ кредита.—Пр. Воловскаго.

зованнаго въ акціонерное общество и снабженнаго на 28 лѣтъ привиллегіей выпуска билетовъ, уплачиваемыхъ по предъявленію, г. Ламапскій предлагалъ немедленное возобновленіе размѣна государственныхъ билетовъ по постепенному курсу: точкою отправленія полагался не законный курсъ полуимперіала (5 р. 15 к.), а курсъ по какому онъ ходилъ въ данную минуту. Въ продолженіи всего 1862 года, банкъ долженъ былъ мѣнять его на билеты по 5 р. 70 к.; въ первые шесть мѣсяцевъ 1863 года по 5 р. 50 к.; во второе полугодіе 1863 г. по 5 р. 35 к., въ 1864 году по 5 р. 25 к. и наконецъ съ 1 Января 1865 года полуимперіаль выдавался-бы по узаконенному курсу—5 р. 15 копѣекъ.

“Основная идея системы г. Ламапскаго—уплата звонкой монетой, по постепенно нисходящему курсу, не замедлила быть примѣненной; только правительство не привело въ исполненіе остальныхъ условій, требуемыхъ въ запискѣ г. Ламапскаго. Заѣмъ въ 15 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ былъ заключенъ во 5 на 100, и императорскимъ рѣшеніемъ отъ 4 Апрѣля 1862 года, вся сумма займа опредѣлена на усиленіе металлическаго запаса банка, который состоялъ изъ 79 милліоновъ золотомъ и серебромъ и 12 милліоновъ государственныхъ фондами. Билеты получаемые въ обмѣнъ на суммы, пріобрѣтенныя займомъ, рѣшено было немедленно уничтожать и государственный банкъ не долженъ былъ выпускать новыхъ билетовъ иначе какъ въ обмѣнъ старыхъ билетовъ. Министръ финансовъ приказалъ 25 Апрѣля 1862 года, чтобъ уплата звонкою монетою производилась на основаніяхъ опредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ: она должна была пачаться 1 Мая 1862 года, считая полуимперіаль въ 5 р. 79 к., а серебряный рубль въ 110½ коп. Съ 1 Августа того же года цѣны были сведены—полуимперіаль на 5 р. 60 к., а рубль на 108½ коп. Дальнѣйшія пониженія должны были послѣдовательно привести размѣнъ къ равенству. Это была настоящая отсрочка платежа, съ чувствительной потерей для кредиторовъ государства. Манифестъ 1839 года устанавливалъ серебряный рубль денежною неизмѣнною единицею; мѣра 1862 года перенесла это значеніе на бумажный рубль. Манифестъ 1839 года опредѣлялъ въ 5 р. 15 коп. цѣну полуимперіала, новое постановленіе измѣняетъ это основное положеніе. Манифестъ 1839 года положительно запрещаетъ придавать бумажнымъ деньгамъ курсъ различной отъ официальной стоимости, “установленный постояннымъ и несомнѣннымъ образомъ”. Правительство очевидно нарушило въ 1862 году это узаконеніе, нарушая притомъ и свое обязательство 1843 года полного размѣна билегаовъ на звонкую монету. Оно еще разъ провозгласило печальную аксіому: “для нужды законъ не писанъ”. Еслибы, по крайней мѣрѣ такое пасііе вело въ концѣ краткаго переходнаго періода къ возстановленію легальнаго порядка, можно было-бы питать хотя малѣйшую надежду. Въ силу рѣшеній принятыхъ позже, банкъ постановилъ производить размѣнъ на золото и серебро по нисходящему курсу, такимъ образомъ чтобъ придти къ уравнительному размѣну съ 1 Января 1864 года. Онъ достигалъ такой мѣрой двойной

цѣли: онъ повышалъ промѣнъ и уменьшалъ число требованій уплаты. Казалось, что Россія окончательно готова была вернуться къ истинѣ въ денежномъ обращеніи, это произвело на курсъ весьма благоприятное впечатлѣніе

“Въ Маѣ 1862 года курсъ на Парижъ стоялъ 355 франковъ 50 сант. за 100 рублей, онъ поднялся въ Іюнѣ на 358 франк. 80 сант., въ Іюлѣ на 362 франка, въ Августѣ на 364 франка, въ Сентябрѣ на 368 франковъ и т. д., слѣдуя прогрессивнымъ ходомъ, приближавшимъ его къ *al pari*. Для возбужденія большаго довѣрія, обѣщаніе уравнительнаго размѣна билетовъ должно было привести въ исполненіе нѣсколькими мѣсяцами раньше срока; но это обольщеніе продолжалось не долго и за нимъ послѣдовало тяжелое паденіе, причина многочисленныхъ бѣдъ. Эта послѣдняя глава исторіи русскихъ бумажныхъ денегъ, конечно, одна изъ самыхъ любопытныхъ и поучительныхъ. Въ то время, какъ казалось, что государственный банкъ вступаетъ въ гавань, его постигло крушеніе. Въ силу императорскаго приказа, сообщеннаго миѣистромъ финансовъ отъ 7/19 Іюля 1863 года, государственный банкъ внезапно прекратилъ всякій размѣнъ билетовъ впредь до новаго распоряженія: пасивственный курсъ снова появился, сопровождаемый своимъ обычнымъ спутникомъ—упадкомъ курса. Какимъ образомъ могла совершиться такая перемѣна послѣ того, какъ уравнительный размѣнъ начинался раньше назначеннаго срока 1 Января 1864 года? “*Journal de St. Petersbourg*” взялся объяснить это.

“Съ 1 Мая 1862 года, со дня, когда начался размѣнъ по сбавленной цѣнѣ, до 1 Января 1863 года количество звонкой монеты выданной банкомъ превзошло, въ теченіи восьми мѣсяцевъ, количество полученія на 10,037,000 рублей, т. е. среднимъ числомъ на 1,250,000 рублей въ мѣсяцъ; размѣнный курсъ поднялся на 4½ процента. Избытокъ выдачи монеты, преимущественно золота, увеличился съ тѣхъ поръ. Онъ возвысился на 2,287,000 рублей въ Январѣ, на 4,921,000 въ Февралѣ, на 7,723,000 въ Мартѣ, на 10,213,000 въ Апрѣлѣ, на 10,367,000 въ Маѣ, на 2,233,000 въ Іюнѣ, на 6,751,000 въ Іюлѣ, и на 4,408,000 въ первые дни Августа. Съ 6 Августа, банкъ, вмѣсто золота, мѣнялъ серебро на билеты. Требования размѣна уменьшились, но умножились требованія на размѣнъ векселей, что измѣняло курсъ. Банкъ рѣшилъ поддержать его, выдавая векселя почти на равнѣ денежной цѣнности. Думалъ-ли банкъ утишить бурю, показывая видъ совершенной увѣренности, или какіе нибудь могущественные интересы двигали его къ такому рѣшенію, какъ бы то ни было, но онъ сталъ выдавать въ обмѣнъ кредитныхъ билетовъ, векселя на разные мѣся въ счетъ суммъ еще имѣвшихся въ полученіи изъ заграничнаго займа, вмѣсто того, чтобъ просто выдавать въ размѣнъ кредитныхъ билетовъ золото въ Петербургѣ. Онъ уступалъ эти векселя по цѣнѣ, которая держалась *al pari* въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ. Въ извѣстномъ обнародованномъ письмѣ, баронъ Штиглицъ, директоръ государственнаго банка, объявляетъ 28 Ноября 1863 года, что банкъ воспользовался данною ему властью,

выдавать рубль за рубль звонкую монету за бумажныя деньги съ 1 Сентября 1863 года, вмѣсто того, чтобъ пачать такую выдачу только съ 1 Января 1863 года, какъ было прежде объявлено. Такимъ образомъ банкъ предоставилъ возможность въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, покупать векселя *à pari* на заграницу, или получать чистую монету: наиболѣе свѣдующіе и наиболѣе ловкіе развѣ не воспользовались этимъ? Въ этомъ то особенно и упрекаютъ банкъ: его обвиняютъ въ нанесеніи тяжелаго ущерба казнѣ и въ произведеніи общаго печальнаго положенія; ничто не заставляло его ускорять исполненіе обѣщанія, все бремя котораго онъ могъ взвѣсить съ самаго начала. Г. Штиглицъ сваливаетъ бѣду на финансовую невзгоду и тревогу, происшедшую отъ политическихъ смуть; но развѣ эти затрудненія начались только въ Ноябрь 1863 года?

“Свѣдующіе люди не ошиблись: они осудили искусственныя средства, употребленныя для поддержанія курсовъ. 29 Октября 1863 года курсъ на Парижъ былъ 396 франк.; съ 1 Ноября онъ упалъ на 367, и уже не поднимался, а упалъ до 350 фр. приблизительно. Сами русскіе разсудили, что было бы основательнѣе, еслибъ (а такъ отказать отъ употребленія искусственныхъ средствъ: въ дѣлѣ финансовъ совершенно какъ въ медицинѣ (читаемъ мы въ одной корреспонденціи изъ Петербурга отъ 16/23 Ноября 1863 года) паллиативныя средства никогда не ведутъ къ чему либо дѣльному. Большія суммы потрачены для поддержанія курсовъ и совершенно въ убытокъ.

“Не входя въ эти внутренніе споры, на которые намъ достаточно указать мимоходомъ, мы должны прибавить, что немного ранѣе, немного позже, тотъ же самый результатъ неизбежно угрожалъ Россіи. Попытка возвратиться къ нормальному денежному отношенію не могло удасться при затрудненіяхъ казначейства, почти безпомощныхъ. Металлическій запасъ понизился больше, чѣмъ на сколько было изъято билетовъ изъ обращенія. Въ Октябрѣ 1862 года, онъ былъ больше чѣмъ въ 93 милліона рублей, при бумажномъ обращеніи въ 691,831,672 рубля; около мѣсяца тому назадъ онъ упалъ на 68 милліоновъ, какъ свидѣлствуетъ отчетъ государственнаго банка 30 Ноября 1861 года. Изъ этихъ 68 милліоновъ только 56 милліоновъ собственно металлическій запасъ, а 12 милліоновъ состоятъ изъ государственныхъ фондовъ, при кредитномъ обращеніи въ 634,773,929 рублей, болѣе 2½ милліардовъ франковъ; пропорція металла къ бумагѣ была низведена такимъ образомъ на одну одиннадцатую!

“Весь этотъ балансъ внимательно разсматриваемый, далеко не раскрываетъ Россіи блестящей перспективы. Еслибъ князь Горчаковъ спустился съ облаковъ, въ которыхъ онъ по видимому витаетъ, къ этимъ скромнымъ подробностямъ государственнаго хозяйства, можетъ быть онъ бы выразился съ болѣею скромностью.

“Банкъ считаетъ въ своемъ составѣ 568 милліоновъ, должныхъ казначействомъ за кредитные билеты, кромѣ 152 милліоновъ, должныхъ имъ другимъ учрежденіямъ; т. е. 720

милліоновъ рублей, около 3 милліардовъ текущаго долга казны, составляютъ главныя средства банка, потому что когда онъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, получитъ 357 милліоновъ должныхъ ему частными лицами на сроки отъ 15 до 37 лѣтъ? Портфель банка упоминаетъ только о 5 милліонахъ рублей въ векселяхъ, и изъ нихъ протестованныхъ на 208,294 рубля. Какое печальное отраженіе состоянія торговли въ имперіи.

“Банкъ въ своемъ пассивѣ, сверхъ 634 милліоновъ рублей въ кредитныхъ билетахъ — дѣйствительный безпроцентный государственный долгъ, считаетъ болѣе 268 милліоновъ пятипроцентныхъ билетовъ и 47 милліоновъ 4-хъ процентныхъ. Вклады въ банкъ доходятъ почти до ста милліоновъ; 27 милліоновъ онъ долженъ по текущимъ счетамъ частнымъ людямъ, 45 милліоновъ по текущимъ счетамъ кооторѣ, а по разнымъ счетамъ 43 милліона; мы беремъ только главныя цифры изъ этого громаднаго пассива, доходящаго до 1 милліарда 200 милліоновъ рублей, около 5 милліардовъ франковъ, за вычетомъ основнаго капитала банка и металлическаго запаса, — пассива, обозначеннаго только долгомъ казначейства и ссудами по залогамъ, которыхъ полученіе отдалено и невѣрно.

“Глядя на этотъ результатъ и на печальную картину бюджета съ дефицитомъ, не удивительно покажется общее нежеланіе, за которое споткнулись послѣднія попытки Россіи на новый заграничный заемъ; но нельзя не удивляться увѣренности, съ которою ея государственные люди говорятъ о ея величій и могуществѣ и по видимому стараются подвергнуть ее случайностямъ огромной борьбы. Какъ можетъ она нести тяжелыя пожертвованія, требуемыя войной, когда доходы казны не могутъ болѣе увеличиваться, когда источники вѣншаго кредита изсякаютъ, и когда она рискуетъ склониться подъ тяжестью огромнаго текущаго долга и чрезмѣрнаго излишка бумажныхъ денегъ? Ели есть страна, которая теперь не въ состояніи выставить болѣешия силы — это, конечно, Россія. Болѣе всякой другой страны ей пужно окрѣпить въ мирѣ, чтобы легче пройти трудный періодъ первыхъ годовъ по освобожденіи крестьянъ. Все заставляетъ ее преобразоваться, отказаться отъ черезъ чуръ властолюбивыхъ видовъ и несправедливыхъ пріязней, если она не хочетъ пасть въ политическое банкротство, которое приводитъ къ страшному раззору, безъ всякой вѣроятности возстановленія”.

Такъ кончается статья Воловскаго. Ея общій выводъ вѣрепъ; мрачная картина финансоваго положенія русскаго правительства не преувеличена. Казенная литература возражала тѣмъ, что финансовое положеніе и другихъ державъ (кромѣ Англіи) точно также шатко. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно заглянуть въ ту же книгу Кольба, на которую ссылается Воловскій, и пайдешь, что долгъ французскаго правительства составляетъ около 11 милліардовъ франковъ (2,750,000,000 руб. сереб.), что бюджетъ его, на примѣръ, въ 1858 году, предполагалъ

дохода 1,716,900,000 фран., а дѣйствительно потребовалось 1,908,000,000, слѣдственно бюджетъ представляетъ дефицитъ въ 191,100,000 франковъ. Мы не можемъ не признать, что Франція, при меншемъ богатствѣ почвы, больше производитъ товаровъ чѣмъ Россія, и слѣдственно богаче. Но можетъ ли она или не можетъ, при всей своей производительности, вынести, безъ финансовыхъ потрясеній, такіе огромные долги и бюджеты—мы въ разборъ этого вопроса входить не станемъ. Для насъ очевидно одно, что финансовыя затрудненія Франціи нисколько не помогутъ русскому правительству выйти изъ своихъ финансовыхъ затрудненій, и не поправятъ денежнаго кризиса въ Россіи.

Къ тому же, у насъ, въ то время когда производительность страны не увеличивается, а уменьшается,—увеличеніе правительственныхъ доходовъ, равнясь увеличенію налоговъ,—дошло до своего крайняго предѣла. Высотать изъ Россіи больше—правительство уже не сможетъ. Оно шло путемъ *постепеннаго* раззоренія, выходъ изъ котораго требуетъ *во первыхъ* мира. А потомъ, едва-ли правительство способно выбиться изъ обычной рутинны управленія и слѣдственно выйти изъ затруднительнаго положенія. Кромѣ увеличенія налоговъ по высочайшему повелѣнію, Россія платитъ при сборѣ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, неуставный, но тѣмъ меньше не существующій налогъ, взимаемый лихоимствомъ чиновничества, такъ что Россія платитъ налогу почти вдвое противъ бюджета. Въ финансовомъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, Россію можетъ спасти только Земскій Соборъ и замѣнъ чиновничества выборнымъ управленіемъ. Раззоряющее и раззоряющееся правительство будетъ вынуждено, гораздо скорѣй чѣмъ оно думаетъ, уступить этимъ двумъ краеугольнымъ потребностямъ Россіи, на время прикрытымъ туманомъ реакціи и мнимаго патріотизма; но эти потребности, лежащія въ духѣ народномъ, проснутся не только отъ какого нибудь внѣшняго толчка, а просто отъ того, что русскій людъ устанетъ жить въ безплодномъ туманѣ и, очнувшись, придетъ къ общественному сознанию.

Мы согласны съ общими выводами Воловскаго, но мы не можемъ согласиться со всѣми воззрѣніями во второмъ отдѣлѣ его статьи: также какъ не можемъ согласиться и съ различными мнѣніями русскихъ журналовъ. По мимо войны, мы видимъ главную причину кризиса въ Россіи именно въ той реформѣ, которая должна была предотвратить его. Вопреки мнѣнію Воловскаго, мы думаемъ, что Россія представляетъ особый міръ (*“un monde à part”*), гдѣ особые условія экономической жизни требуютъ особыхъ экономическихъ мѣръ для поддержанія равновѣсія; по этому то Канкринъ и былъ правъ, что не прибѣгнувъ къ обычному исходу денежныхъ затрудненій, къ консолидаціи безпроцентнаго долга—и опытъ оправдалъ его пониманіе. Постараемся объяснить наше мнѣніе.

Россія, страна земледѣльская и потому преимущественно выработываетъ суровье. Кредитъ, необходимый для производства, требовался въ этомъ смыслѣ, т. е. требовался преимущественно землевладѣльцами.

Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали и прежнія кредитныя учрежденія, и такъ какъ поземельный кредитъ необходимо долгосрочный, то они и вклады принимали, выдавая на нихъ сложные проценты, что совершенно уравнивало отношеніе вкладовъ и ссуды. Вклады принимались и ссуды выдавались бумажными деньгами; такимъ образомъ бумажныя деньги были обезпечены поземельнымъ владѣніемъ и ходили постоянно рубль въ рубль. Для внутренняго обращенія звонкая монета, кромѣ мелкой, не требовалась. Уничтоженіемъ поземельнаго кредита правительство лишило бумажныя деньги ихъ дѣйствительнаго обезпеченія. Прежнія кредитныя учрежденія представляли банкъ, который выдавалъ казенныя бумажныя деньги какъ бы свои банковые билеты, вполне обезпеченные вѣрностью залоговъ и безотговорочнымъ обѣщаніемъ безпроцентныхъ билетовъ на процентныя обязательства банка (билеты сохранной казны) и безотговорочнымъ размѣномъ своихъ процентныхъ обязательствъ на безпроцентныя билеты, т. е. бумажныя деньги. При этомъ надо замѣнить, что залоговъ шла по очень низкой оцѣнкѣ и кредитъ былъ распространенъ меньше чѣмъ на половину поземельнаго достоянія Россіи. Но и при этомъ маломъ распространеніи поземельнаго кредита, бумажныя деньги не падали въ цѣнѣ. Бывали случаи, когда курсъ ихъ повышался и бумажныя деньги ходили съ лажемъ, явленіе, котораго нельзя не приписать недостатку мѣновыхъ знаковъ и потребности въ ссудахъ, превышавшей суммы вкладовъ въ сохранныя казны. Когда указъ 1839 года узаконилъ насильственную монетную единицу рубля серебромъ въ 3 р. 50 к. ассигнаціями, товары вздорожали и равновѣсіе между денежнымъ курсомъ и товарами возстановилось послѣ долгихъ колебаній; даже довольно трудно рѣшить—была ли въ послѣдствіи сбавка товарныхъ цѣнъ по прибавленію мѣновыхъ знаковъ въ обращеніи, или просто повысившееся отношеніе товарныхъ цѣнъ къ узаконенному рублю серебромъ вошло въ общественную привычку и повышение перестало быть замѣтнымъ. Мы не беремся разрѣшить этого сомнѣнія, потому что не имѣемъ довольно положительныхъ данныхъ. Намъ на этотъ разъ достаточно заявить фактъ, что Россія, для внутреннихъ денежныхъ отношеній, при пособіи долгосрочнаго кредита и вкладовъ по сложному проценту, довольствовалась бумажными мѣновыми знаками и, потому что довольствовалась ими для внутренняго обращенія, имѣла всегда достаточно золота для удовлетворенія заграничнаго торговаго баланса, тѣмъ болѣе, что правительственные заграничные долги были вдвое меньше и не требовали такого вывоза золота за границу, какъ теперь.

Вклады въ сохранныя казны усилились послѣ крымской войны, такъ что превышали потребность въ ссудахъ. Слѣдственно сохраннымъ казнамъ приходилось выдавать процентныя обязательства на безпроцентныя деньги, которыхъ имъ сбывать было нѣкуда. Нѣкоторые изъ русскихъ экономистовъ полагаютъ, что вклады усилились отъ чрезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ. Но выпускъ бумажныхъ денегъ

былъ обусловленъ необходимостью чрезмѣрныхъ покупокъ и платежей, т. е. чрезмѣрныхъ тратъ правительства во время войны. Послѣ войны эти траты, эти правительственные закупки прекратились. Деньги, т. е. бумажныя деньги остались въ рукахъ поставщиковъ, а торговля возбужденная военными потребностями прекратилась. Сверхъ того и обычный сбытъ произведеній за границу былъ паршенъ войною. Деньги не имѣли сбыту. Больше ничего не оставалось, какъ нести ихъ въ сокращенныя казны. Частные люди, заработавшіе капиталы, не находили для нихъ иного сбыта. Еслибъ сокращенныя казны имѣли для бумажныхъ денегъ помѣщеніе, то и увеличенное количество мѣновыхъ знаковъ не привело бы ихъ къ упадку, потому что при обычномъ довольствованіи въ Россіи бумажными деньгами для внутренняго обращенія, безъ требованія звонкой монеты,—самое увеличенное количество бумажныхъ денегъ еще не было такъ чрезмѣрно, чтобы уронить ихъ. Да они и не падали до финансовой реформы. Но чтобы пайти помѣщеніе усиленнымъ вкладамъ, сокращенныя казны должны были расширить поземельный кредитъ, дать на него право освобожденнымъ и государственнымъ крестьянамъ, что при обычной общинной круговой поруки было возможно; обезпеченіе круговой поруки, при которомъ община взыскивала-бы сама съ отдѣльныхъ неплатильщиковъ, по годовые взносы справляла бы, — это обезпеченіе также впрочемъ какъ и всякій залогъ; оно въ дѣйствительности тотъ же залогъ, по взыскиваемой общинной внутри себя, такъ что кредитное учрежденіе удовлетворяется, не имѣя нужды само взыскивать съ каждаго отдѣльнаго неплатильщика. На подобной круговой поруки основаны въ Германіи всѣ закладныя банки обществъ заемщиковъ, съ той разницей что тамъ дѣло идетъ о дворянскихъ землевладѣніяхъ, а тутъ дѣло касалось бы крестьянскаго землевладѣнія. Обезпеченіе общинной круговой поруки тѣмъ болѣе заслуживало бы довѣрія, что крестьянскіе займы дѣлались бы только въ виду поддержанія или улучшенія хозяйствъ, а не ради праздноя траты, и занималъ бы только тотъ, за кого круговая мѣрская порука рѣшилась бы отвѣчать. Такіе производительные займы, конечно, были бы выплачиваемы, за мѣрской круговой порукой, безъ недоумокъ, которыя встрѣчаются въ уплатѣ податей: одно—производительный заемъ, а другое только насиліе.

(Окончаніе впереди).

П. Огаревъ.

С М Ъ С Ь.

— ЗАПРОСЪ “ДНЮ”. — Въ 9 №. *Дня* напечатано слѣдующее: “Лучшимъ дополненіемъ къ этимъ грамотамъ (о золотой волѣ) могутъ служить *тѣ документы на владѣніе подданными*, которые раздавались въ награду за участіе въ ружавкѣ и которые часто находили на плѣнныхъ повстанцахъ”.

Напечатать такую вещь, не прилагая доказательствъ, очень смѣло, но вѣроятно издатель имѣетъ ихъ ввиду и мы требуемъ, чтобы онъ ихъ представилъ. Въ то время, когда конвой сосланныхъ поляковъ за конвоемъ идетъ въ Сибирь и одинъ

герой за другимъ падаетъ, сраженный русской пулей или задушенный русской веревкой, печатать такія вещи безъ документовъ—одно изъ страшнѣйшихъ преступленій. Мы требуемъ документовъ по тому праву, которое можетъ отвергать какой нибудь Катковъ—но которое не можетъ отвергнуть собственная совѣсть издателя *Дня*.

— *Письмо изъ Москвы.*—Наконецъ то пришла вѣсть изъ Москвы, хорошаго ничего нѣтъ, но спасибо что не совсемъ забыли. Въ письмѣ описываютъ безгласно оставшуюся дуэль *Леонтьева* съ гласнымъ и усердные подвиги *Всеволода Костомарова*. Его стараніями былъ взятъ купецъ *Басовъ*, за то, что у него пашинъ Лондонскій изданія и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость.

Партіи польскихъ арестантовъ проходящихъ черезъ Москву очень многочисленны. Ихъ содержать отвратительно. Имъ отведены *лѣтнія* помѣщенія военнаго госпиталя и развалившаяся фабрика у Калужскихъ воротъ (нѣкогда принадлежавшая Титову)—холодная и угарная. Чему дивиться, что “Теймсъ” говоритъ, что изъ партіи поляковъ въ 160 человекъ, пришло въ Пермь 40!

Далѣе мы изъ письма узнали имя одного почтеннаго іеромонаха православной церкви. Читатели наши вѣроятно помнятъ, что въ 27 л. *Общого Вѣща* мы перепечатали изъ *Моск. Вѣд.* отъ 18 Января отвратительный случай, бывшій въ духовномъ училищѣ, въ какомъ именно, разумѣется скрыто. Негодяй смотритель страшнымъ образомъ истязалъ ученика за то, что онъ не записалъ его бѣлья однаго прачкѣ. Мальчикъ 13 лѣтъ, изуродованный наказаніемъ, впалъ въ помѣшательство. Мы имѣемъ возможность теперь прибавить имена главнаго актера и его укрывателей. Вотъ что намъ пишутъ: “Этотъ случай былъ въ Москвѣ, въ училищѣ при московскомъ Донскомъ монастырѣ, имя смотрителя *Савва*, онъ іеромонахъ, былъ уже за подобный поступокъ подѣ слѣдствіемъ, по оправданъ. Теперь по просьбѣ отца изуродованнаго мальчика поданой митрополиту (отецъ сельскій священникъ москов. епархіи)—производится слѣдствіе архимандритомъ *Іаковымъ* и теперь онъ вѣроятно будетъ опять оправданъ. Онъ не только что не удаленъ отъ должности смотрителя, но надѣется даже оправдаться и *получить награду*. Все будетъ покрыто митрополитовой мантией. Избитый ученикъ въ московской городской больницѣ, медики говорятъ, что въ разсудокъ онъ не придетъ, и что жизнь его продолжится не менѣе года; рапы до сихъ поръ заживить не могутъ. Училище это находится въ самомъ жалкомъ видѣ и только крайность сельскаго духовенства заставляетъ помѣщать туда своихъ дѣтей. Митрополитъ очень недоволенъ, что и эту замѣтку помѣстили въ “Моск. Вѣд.”, и говорятъ, писалъ объ этомъ Головинну.

— *Документы! Документы!* — Академія наукъ въ С.Петербургѣ составляетъ собраніе всѣхъ фактовъ и бумагъ относящихся до возстанія въ Польшѣ. “Голось” приглашаетъ всѣхъ посылать Академіи все находящееся подъ руками. Совѣтуемъ съ своей стороны воспользоваться этимъ всѣмъ польскимъ и не-польскимъ друзьямъ нашимъ. Съ своей-же стороны мы посылаемъ въ Академію *Колоколы* за 1864 годъ.

— *Кн. В. Черкасскій* назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ. Надобно имѣть много мужества серьезному и порядочному человѣку, чтобъ припять портфель забрызгаппый кровью. А мы считаемъ кн. Черкаскаго—серьезнымъ и порядочнымъ человѣкомъ, не смотря на его шалость о дѣтскихъ розгахъ. Рѣчь имъ произнесенная плоха. Казенно-официальный топъ ея, общія фразы даютъ ей какой то битой и будничной характеръ. Можетъ иначе говорить теперь нельзя. Такъ для чего говорить?

— *Кошунство Московскихъ Вѣдомостей и ихъ тактъ.* Въ 61 No. “Моск. Вѣдом.” помѣщена корреспонденція изъ Варшавы, начинающаяся такъ: “Въ городѣ ничего особеннаго. У поляковъ теперь Страстная педѣля. Патріотки заняты яйцами и поросятами къ Великодню; не до патріотизма стало быть. Ученики разъѣзжаются по домамъ, ксендзы заняты украшеніемъ и декорированіемъ Гроба Господня въ костелахъ; слѣдовательно, имъ также не до патріотизма. Хождение публики изъ костела въ костелъ будетъ продолжаться съ полудня четверга до вечера субботы. Я сообщу вамъ описаніе этихъ “гробовъ”. Обыкновенно украшаютъ ихъ здѣсь въ высшей степени театрално, декорациями писанными театральнымъ декораторомъ, обставляютъ картинами, статуями, деревьями, вѣтвями, вѣшаютъ кѣйки съ поющими пѣнцами, иллюминуютъ разными огнями, устраиваютъ фонтаны и т. п. Ни одна опера не бываетъ обставлена великолѣпнѣе “гробовъ” у капуциновъ. И это называется *плащаница*—или, по-польски, *гробы*”.

Чего же ждать полякамъ отъ полуграмотныхъ писцовъ и вовсе неграмотныхъ полицейскихъ, когда корреспонденты непріятельскихъ журналовъ такъ отзываются о ихъ святинѣ?

— *Здоровы-ли Московскія Вѣдомости?* Что за блѣдность на ихъ листахъ, что за путаница въ строкахъ, червоты ихъ заплеснили, сажа не черна.

Цензура ли ихъ обижаетъ?—Нѣтъ, вѣдь онѣ то и составляютъ цензуру—цензуры.

Полиція-ли ихъ страшитъ?—Нѣтъ, вѣдь онѣ-то и составляютъ полицію—полиціи.

Третье-ли отдѣленіе пугаетъ?—Нѣтъ, вѣдь онѣ-то и составляютъ самое третье отдѣленіе третьяго отдѣленія.

Листъ говорившій правду братьямъ царскимъ, министрамъ государственнымъ, листъ покрывавшій Муравлева... не вынесъ какого то вѣтра и поблѣкъ. Давно-ли охотысь по полякамъ, опъ держался такимъ гордымъ правдомъ, а теперь поникъ къ землѣ, словно отъ водобоязни.

Неужели у издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, только то и хватило силъ, что безъ малаго на два года—я огонь набранный ими на петербургскомъ пожарѣ простылъ такъ скоро, растратился такъ быстро?... или плеснули что нибудь такое изъ Петербурга на ихъ патріотическое пламя? Ужъ не повздорилъ ли Катковъ съ Александромъ Николаевичемъ, не отказалъ ли ему въ статьѣ... или Александръ Николаевичъ не отказалъ ли Каткову въ министерскомъ мѣстѣ?

Если такъ, дурно сдѣлалъ. Графъ Панинъ и князь Павелъ Павловичъ Гагаринъ не вѣчны... а въ наше время, не легко найти такой тормазъ.

— *Кельнская Газета* говоритъ, что въ Вильнѣ запрещено купцамъ съ покупателями говорить по-польски, хотя бы они и не умѣли иначе. Новое средство умиротворенія!

UNCROWNED KING!*

Дреmlющій британскій левъ встрѣпанулса и держитъ свое grand levée. Съ оваціей Веллингтону въ Англіи не было ничего подобнаго приему Гарибальди. Правда приемъ Кошута въ 1852 г. былъ великолѣпный. Но тогда англійскія массы гораздо меньше брали къ сердцу вопросы континентальныя, и Венгрія была для нихъ какой то неизвѣстной страной. Съ тѣхъ поръ англійскій работникъ сдѣлалъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, нѣсколько большихъ шаговъ впередъ—и принимаетъ Гарибальди сознательнѣе, чѣмъ принималъ знаменитаго Мадьяра.

Не смотря на то, что мы постоянно отстраняемся отъ всякаго обсуживанія совершающихся событій въ чуждомъ намъ мірѣ, мы передадимъ нашимъ читателямъ общее впечатлѣніе, оставленное въ насъ приемомъ Гарибальди, и ждемъ только, чтобъ сколько нибудь улеглись чувства и установилась мысль.

Отъ этой встрѣчи “пекоронованнаго царя” вѣроятно покачнулася не одна корона. II—ръ.

— *Семейная ссора.* Въ 56 No. “Инвалида”, мы прочли слѣдующую пикирровку между членами доброй семьи русскихъ корреспондентовъ въ Варшавѣ. Размолвка рассказана въ частной корреспонденціи “Инвалида”, по которой именно Части не сказано:

“Въ корреспонденціи изъ Варшавы, помѣщенной въ N. 49 *Русскаго Инвалида*, между прочимъ, сказано, что послѣ объявленія корреспондентомъ *Спб. Вѣдомостей* показаній чиновника Очеловскаго, поляки, предаппые правительству, отказываются допустить намъ о членахъ народной организаціи. Подобныя промахи встрѣчаются не первый разъ въ письмахъ г. П. М., а потому, мы рѣшаемся обратить особенное вниманіе на это обстоятельство, очень часто вредящее намъ, какъ отомъ свидѣлствуютъ члены слѣдственныхъ комиссій. По нашему мнѣнію, при объявленіи фамилій, а тѣмъ больше показаній политическихъ преступниковъ пужно быть очень осторожнымъ,—малѣйшая ошибка съ нашей стороны дастъ полную возможность причастнымъ къ дѣлу лицамъ извернуться. — Въ сегодняшнемъ номерѣ *Спб. Вѣдомостей* (No. 50), г. П. М. описывая поимку нѣсколькихъ сборщиковъ, говоритъ: “для розысканія скрывавшагося (названную фамилію не помню хорошо, кажется Ерличъ) припеты полиціей энергическія мѣры”. Такая предупредительность корреспондента огромный промахъ. Сколько мы помнимъ, до настоящей минуты только “начальникъ мяста”, въ своихъ распоряженіяхъ “по пародовой полиціи”, былъ такъ обязательно предупредителенъ. Мы по истинѣ не понимаемъ, какимъ образомъ можно объявлять во всеобщее свѣдѣніе фамиліи разыскиваемыхъ полиціей лицъ; воля ваша, это замѣчательная наивность! Не значить-ли дать имъ полную возможность скрыться. Мы собственно потому заговорили о подобныхъ предметахъ, что они, въ послѣднее время, начали все чаще и чаще встрѣчаться въ газетахъ, особенно-же въ *С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ*”.

— Письмо за No. 10 получено, по дѣлу Д—хъ, о которомъ въ немъ упоминается не получено.

— Въ *Общій фондъ* отъ I * *—1 фунтъ.

* Выраженіе употребленное Соутантонскимъ меромъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 184.

1 Мая 1864.

У Триюбера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Гарибальди у насъ—Финансовые споры (Окончаніе)—Письма къ будущему другу (Письмо третье).

СМѢСЬ: Православіе на рельсахъ—Казни русскихъ—Общій фондъ.

17 АПРѢЛЯ 1864.

За юную Россію, которая страдаетъ и борется
—за новую Россію, которая разь одолѣвъ Россію
царскую, будетъ очевидно въ своемъ развитіи имѣть
огромное значеніе въ судьбахъ міра!

Изъ тоста Гарибальди.

Тостъ вашъ дойдетъ до нашихъ друзей, дойдетъ до
казематъ и рудниковъ.....

Изъ отвѣта на него.

Мы обѣщали статью о путешествіи Гарибальди въ
Англію; теперь, когда оно такъ *неожиданно* окончилось, мы
убѣдились въ историческомъ значеніи его. Но та статья
впереди. Теперь мы хотимъ только передать нашимъ
друзьямъ нѣкоторыя подробности о посѣщеніи Гарибальди
у насъ. Да, и эти подробности будутъ собственно состоятъ
изъ короткихъ рѣчей Мацини и Гарибальди. Англійскіе
журналы до того перегружены описаніемъ приемовъ, встрѣчъ,
блюдъ, гирляндъ, и пр., что мы также мало хотимъ вступать
съ ними въ состязаніе, какъ мало могли соревновать съ
валтазаровскими и аристократическими пирами въ честь
революціоннаго вождя.

Нашъ праздникъ былъ скромнѣе, на немъ не было и
двадцати приглашенныхъ гостей.* Въ "Daily News", въ
"Morning Star", въ "Листкѣ" князя Долгорукаго было
сказано какъ толпился народъ передъ рѣшеткой сада, кричалъ
ура, (когда Гарибальди входилъ, его чуть не сшибли съ ногъ,
дамы цѣловали руки, края шипели) и пр. — все такъ какъ
было во всѣхъ домахъ, въ которые пріѣзжалъ *невѣнчанный*
король.

За завтракомъ Мацини всталъ и, поднявъ свои бокалъ,
сказалъ слѣдующее:

* Въ ихъ числѣ, не считая Гарибальди и Мацини, были нѣсколько близкихъ
имъ людей, Саффи бывший триумвиръ въ Римѣ, Мордони продиктаторъ
Сициліи, Гверцони и пр. Въ числѣ дамъ была M-me Stansfeld.

Годъ VII.

— "Въ провозглашенномъ мною тостѣ я соединю все то,
что мы любимъ, все то, за что мы боремся—

"За свободу народовъ,

"За союзъ народовъ,

"За того человѣка, который въ наше время представляетъ
живое воплощеніе этихъ великихъ идей, за Джозеппе
Гарибальди!

"За несчастную, святую, героическую *Польшу*, которой
сыны въ молчаніи дерутся болѣе года и умираютъ за свободу.

"За юную *Россію*, которая подъ знаменемъ *Земли и Воли*
въ скоромъ времени подастъ Польшѣ братскую руку, при-
знаетъ ее равенство, независимость и изгладитъ воспоминаніе
о Россіи царской.

"За *тѣхъ русскихъ*, которые вслѣдъ за другимъ нашимъ
Герценомъ наиболѣе трудились для развитія этой Россіи.

"За религію долга, которая даетъ намъ силы на борьбу
и смерть, за эти идеи!"

Тогда всталъ Гарибальди и, съ *рюмкой марсалы* въ рукахъ,
сказалъ:

— "Я хочу сегодня исполнить долгъ, который уже давно
слѣдовало бы исполнить. Между нами здѣсь человѣкъ,
оказавшій величайшія услуги и моему родному краю и
свободѣ вообще. Когда еще я былъ юношей, и имѣлъ одинъ
неопредѣленные стремленія, я искалъ человѣка, который бы
могъ быть путеводителемъ, совѣтникомъ моей юности, искалъ
его какъ жаждущій ищетъ воды... Я нашелъ его. Онъ одинъ
бодрствовалъ, когда все спало кругомъ. Онъ сдѣлалъ меня
другомъ и остался имъ навсегда, въ немъ никогда не потухалъ
священный огонь любви къ отечеству и къ свободѣ. Этотъ
человѣкъ Джозеппе Мацини — я люблю за него, за
моего друга, за моего наставника!"

Въ толсѣ, въ выраженіи лица, съ которымъ были сказаны
эти слова, было столько захватывающаго и потрясающаго,
что онѣ были приняты не шумомъ, а слезами.

Послѣ минунаго молчанія Гарибальди всталъ со словами:

“Мадципи сказать нѣсколько словъ о несчастной Польшѣ, съ которыми я совершенно сочувствую. За Польшу, отчизну мучениковъ, за Польшу идущую на смерть за независимость и подающую великій примѣръ народамъ.

“Теперь выпьемъ за юную Россію, которая страдает и борется какъ мы и побѣдитъ какъ мы, за новый народъ, который освободившись и одолѣвъ Россію царскую, очевидно призванъ играть великую роль въ судьбахъ Европы.

“За *Англію* накопелъ, за страну независимости и свободы, страну, которая своимъ гостепріимствомъ и сочувствіемъ къ гонимымъ, заслуживаетъ полную благодарность нашу. За *Англію*, которая даетъ намъ возможность собраться дружески вмѣстѣ какъ теперь”...

... Послѣ отѣзда Гарибальди я написалъ ему слѣдующее письмо :

“Я былъ такъ взволнованъ вчера, что не сказалъ вамъ того что хотѣлъ и ограничился одной благодарностью во имя *наступающей* Россіи, притѣсненной не менѣе Польши, во имя Россіи умирающей въ казематахъ и рудникахъ и *живущей* въ сознаніи народа, просыпающагося съ своимъ идеаломъ неразрывности *Земли и Воли*, да въ меньшинствѣ гонимомъ за то, что оно высказало это народное стремленіе.

“Съ радостью услышатъ наши дальніе друзья сочувствующіе слова ваши; онѣ имъ пужны, на ихъ страданія рѣдко бросаютъ вѣпки; отблескъ преступленій, совершающихся въ Польшѣ, падаетъ на насъ всѣхъ.

“Въ сущности я и не жалѣю, что ничего не прибавилъ къ словамъ благодарности. Что могъ я прибавить? Тостъ за Италію? Да развѣ все собраніе наше не было тостомъ за Италію? То что я чувствовалъ, дурно умѣщалось въ тостъ. Я смотрѣлъ на васъ обоихъ, слушалъ васъ съ юнымъ чувствомъ піетета, которое мнѣ уже не подъ лѣта, и видя какъ вы, два великихъ путевода народа, привѣтствовали зорю восходящей Россіи, я благославлялъ васъ подъ скромной крышей нашей.

“Вамъ я обязанъ лучшимъ днемъ моей зимы, днемъ ясности безусловной и за то еще разъ обнимаю васъ съ пламенной благодарностью, съ глубокой любовью и безграничнымъ уваженіемъ”.

Александръ Герценъ.

18. Апрѣля 1864.

Elmfield House, Teddington.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Окончаніе).

Ошибка брать финансовый вопросъ какъ-то отдѣльно отъ общей жизни страны и ея условій, ставить его какой-то абстрактной формулой, не выведенной изъ дѣйствительности, а представляющей само по себѣ абсолютную истину—ошибка больше бюрократическая, чѣмъ научная, оказалась въ финансовой реформѣ. Правительство, вовлеченное въ эту ошибку,

увидало въ избыткѣ вкладовъ въ сохранныя казны вину кредитныхъ учреждений и пріема вкладовъ по сложному проценту—вмѣсто того, чтобы приписать эту вину дѣйствительной причинѣ; а дѣйствительная причина была та, что, при остановкѣ торговли, накопленные капиталы не имѣли сбыта и бросились на помѣщеніе въ сохранныя казны.

Наши экономисты видѣли даже что-то безправственное въ сложномъ процентѣ (забывая, что онъ совершенно соответствуетъ долгосрочному кредиту съ годовыми взносами [*annuités*]). Говорили, что человекъ лёжа на боку видитъ свое достояніе приращеннымъ. Это странное понятіе имѣло ходъ въ высшемъ правительствѣ. При этомъ забывалось, что капиталъ самъ по себѣ—производительная сила и имѣетъ право на приращеніе, и что ежегодно откладываемыя проценты отъ капитала, помѣщеннаго на простой процентъ, и вновь пускаемые въ ростъ, составляютъ точно тотъ же сложный процентъ. Такимъ образомъ французская трехъ процентная рента, купленная по 66 франковъ (что впрочемъ значитъ по 4,54 процента) въ 22 года удвоитъ капиталъ, такъ что 1452 франка, помѣщенные въ 3-хъ процентныя ренты (т. е. 22 разъ 66) дадутъ по простому барышу по 3 на 66—66 фран. въ годъ, или 2,904 франка въ 22 года; а по сложному проценту 1,452 франка дадутъ въ 22 года по 4½ на сто 2,968 фр. Въ обоихъ случаяхъ капиталъ удваивается съ излишкомъ. Вкладчикъ сохранный казны, если жилъ на проценты съ капитала, то капиталъ не росъ сложнымъ процентомъ; а тѣ изъ нихъ, которымъ проценты были не нужны для жизни и они оставляли ихъ приращаться по сложному проценту, тѣ точно также откладывали бы, простой процентъ съ капитала, помѣщеннаго въ ренту и на этотъ процентъ покупали новую ренту и дѣйствовали бы приблизительно, такъ какъ будто капиталъ помѣщенъ по сложному проценту. Труда въ этомъ, въ самомъ дѣлѣ, не то чтобы ужъ очень больше, чѣмъ просто оставлять капиталъ въ банкѣ по сложному проценту. Только у покупателей ренты на европейскихъ биржахъ обычная цѣль не та, чтобы оставлять капиталъ приращаться само собою, *предоставляя производительную сторону для заемщику* (который въ сущности одинъ и выражаетъ пользу и силу капитала); цѣль покупателя ренты перепродажа съ выгодой, т. е. биржевая игра, вѣроятность быстрой наживы, при чемъ крупные капиталисты выигрываютъ, а мелкіе лопаются. Что биржевая игра результатъ европейской цивилизаціи—въ этомъ мы не сомнѣваемся, это фактъ; но чтобы цивилизація, дошедшая до этого результата, выразила какую нибудь непреложную истину—въ этомъ, вѣроятно, самые закоренѣлые враги позволять намъ сомнѣваться безспорно.

Какъ бы то ни было, мысль о вредѣ долгосрочной ссуды и сложнаго процента всосалась въ правительство, и финансовая реформа силилась создать у насъ биржевую игру, иначе сказать—вмѣсто кредита обеспеченнаго поземельнымъ владѣніемъ—дать преобладаніе чисто правительственному кредиту, обеспечанному налогомъ. Въ странѣ, преимущественно

земледѣльской, торгующей суровѣе и требующей поземельнаго кредита, это не могло удасться—и не удалось.

Намъ бы не хотѣлось вдаваться въ теоретическія разсужденія, но тутъ нельзя обойтись безъ нихъ, нельзя не свести дѣло на его основныя понятія.

Что такое кредитъ? Всякій кредитъ есть учетъ. Цѣль всякой правильной торговли — равноцѣпность мѣняемыхъ произведеній. Получивъ вашъ товаръ теперь и отдавая вамъ безъ учета мой товаръ (или деньги) черезъ годъ, я бы взялъ себѣ болѣе на всю стоимость годоваго владѣнія вашимъ товаромъ и мѣна была бы не равноцѣпна; для равноцѣпности мѣны вы дѣлаете у меня учетъ, или берете процентъ, что въ сущности одно и то же и формула учета и процентовъ совершенно совпадаютъ. Ясно, что частный кредитъ есть учетъ.

На какой же учетъ расчитывалъ долгосрочный кредитъ сохранныхъ казны? Товара на лицо не было; онъ дѣлалъ учетъ того, что могло давать доходъ, обезпечивающій уплату займа. Онъ дѣлалъ учетъ настоящей (въ данную минуту) цѣпности производительныхъ силъ—и на этомъ основаніи выдавалъ ссуду.

Правительственный кредитъ, т. е. правительственный долгъ—основанъ на учетѣ доли правительственныхъ доходовъ, т. е. налоговъ.

Очевидно, что сохранныя казны, обезпеченныя положительными производительными силами, были болѣе обезпечены чѣмъ рынокъ, полагающійся на правительственную умѣренность въ окладѣ налогомъ. У насъ же, при безконтрольности правительственныхъ дѣйствій, нельзя вѣрить, чтобы окладъ налогомъ не превзошелъ средства плательщиковъ и не склонилъ бы правительство къ банкротству.

Такимъ образомъ финансовая реформа вмѣсто того, чтобы дать возможность наибольшему числу производительныхъ силъ пользоваться ссудой капиталовъ, свела общественный кредитъ на одно обезпеченіе правительственнаго ручательства. Препятствія кредитныя учрежденія были посредниками между капиталами, т. е. накопленными излишками, отложенными или сбереженными барышами крупной и мелкой производительности*—и производительными силами страны, нуждавшимися въ капиталахъ для дальнѣйшей производительности. Новый государственный банкъ сталъ посредникомъ между правительственными займами и рынкомъ, который (у насъ вособенности) неохотно даетъ кредитъ правительству. Въ прежнихъ кредитныхъ учрежденіяхъ капиталы были обезпечены залогами, т. е. цѣпными производительными силами страны; а правительственные займы обезпечены только тою долею производительныхъ силъ, которая платитъ налогъ. Тамъ кредитъ равнялся учету стоимости той дѣйствительной почвы, которая черезъ извѣстное время вырабатываетъ свои произведенія, даетъ доходъ, и по этому кредитъ долженъ былъ быть долгосрочнымъ, расчитывая на уплату изъ ежегодныхъ доходовъ. Здѣсь кредитъ тоже долгосрочный, но неимѣющій уравненія между

вкладами и взносами, и расчитывающій только на ту долю доходовъ съ производительныхъ силъ, которая идетъ въ уплату налога. При правильномъ, т. е. отвѣтственномъ управленіи, эта доля не можетъ превышать извѣстнаго размѣра, при которомъ населеніе, отдавая часть своихъ доходовъ въ налогъ, не лишается средствъ для порядочнаго существованія и дальнѣйшей производительности. При безконтрольномъ управленіи, налогъ можетъ равняться раззоренію—и обезпеченіе кредита изъ учета будущихъ налоговъ не представляетъ достовѣрности; оно тѣмъ меньше представляетъ достовѣрности, чѣмъ больше сумма правительственныхъ долговъ, между тѣмъ какъ на оборотъ—долгъ сохранный казны вкладчикамъ представлялъ тѣмъ болѣе обезпеченія, чѣмъ болѣе было ссудъ, т. е. чѣмъ болѣе было развитіе кредита. Отношеніе вкладовъ и ссудъ было гораздо проще, чѣмъ отношеніе правительственныхъ займовъ къ кредиторамъ и не давало никакого доступа къ биржевой игрѣ, къ которой русской людъ вдобавокъ, по счастливой привычкѣ, относится неблагожелательно. Но вѣдь усложненіе отношеній еще не прогрессъ; можетъ быть прогрессъ то и состоитъ въ приведеніи общественныхъ отношеній къ самой простой опредѣленности.

И что же вышло изъ реформы? Обязательства сохранный казны, которыя никогда не падали, замѣнились правительственными процентными обязательствами, которыя упали на 15%; а безпроцентныя бумаги (бумажныя деньги, или мѣновыя знаки), которыя были обезпечены приѣмомъ во вклады сохранный казны и выдачей въ ссуды, — послѣ реформы, тоже упали (хотя можетъ и неповсемѣстно) на 15%. И еще вотъ какое знаменательное явленіе, что потребность въ мѣновыхъ знакахъ, при изобиліи ихъ, заставляетъ платить премію за размѣнъ правительственныхъ процентныхъ обязательствъ на бумажныя деньги*, такъ что процентныя бумаги ходятъ ниже безпроцентныхъ. Любопытно, на примѣръ, какъ *Кельнская Газета* описываетъ курсъ нашихъ знаменитыхъ металлическихъ облигацій: „(С.-Петербургъ 26 Марта) Государственный банкъ третьяго дня получилъ „санзволениѣ“, котораго не требовалъ (?), на новый (нѣтъ) выпускъ 4-хъ процентныхъ металлическихъ облигацій; такимъ образомъ сумма этихъ бумагъ достигаетъ до 60 милліоновъ рублей†. Этотъ выпускъ долженъ покрыть ажіотажъ, о которомъ часто говорится. Но путь, которымъ проходитъ этотъ выпускъ довольно интересенъ. По крайней мѣрѣ такимъ путемъ шли прежнія металлическія облигаціи. Онѣ носылались въ Берлинъ и, хотя проценты ихъ должны уплачиваться звонкой монетою съ погашеніемъ въ 41 годъ, однако въ Берлинѣ онѣ принимались по курсу ассигнацій, т. е. по 93 вмѣсто ста; изъ этого вычиталось $\frac{1}{2}$ процента провизіонныхъ и $\frac{1}{8}$ съ тысячи комиссіонныхъ; такимъ образомъ цѣна съ 300 рублей падала на 277 $\frac{1}{10}$ талеровъ. По продажѣ на берлинской биржѣ выручка отправляется на домъ Ротшильда въ Парижъ—

* „День“, статья московскаго купца.

† Слѣдственно уже не 40, какъ писалъ Штиглицъ, а 60 милліоновъ. Долгъ 20 милліоновъ прибавился.

* Сохранныя казны принимали вклады въ 50 р. с.

вексельными переводами и уже талеръ считается по 373 сан., а прилагая опять ревизионныя и коммиссионныя, оказывается что облигація (въ 300 рублей равныхъ 1,200 франкамъ) спустилась на 1,024 франка, т. е. на 256 рублей, слѣдственно потеряла около 15 процентовъ.”*

Но какже объяснить *безденежье* въ Россіи, которое касается не только звонкой монеты, но и самыхъ кредитныхъ билетовъ, для полученія которыхъ въ обмѣнъ на правительственныя процентныя бумаги платится *за размынъ*? Гдѣ-же вся эта масса кредитныхъ билетовъ, которыхъ слишкомъ много и которыхъ нѣтъ тамъ гдѣ они нужны? А вѣдь именно въ томъ то и дѣло, что ихъ нѣтъ тамъ гдѣ они нужны. Золота нѣтъ тамъ гдѣ оно нужно, потому что его просто нѣтъ; а кредитныхъ билетовъ, кажется, количество не малое. Золото по правительственнымъ долгамъ столько сплавляется за границу, что для частныхъ заграничныхъ расчетовъ его не хватаетъ. Естественнo, что при промѣнѣ ассигнацій на золото, ассигнаціи упали въ цѣнѣ; а при промѣнѣ ихъ на правительственныя ренты, на которыхъ потребность очень ограничена, они не упали въ цѣнѣ, а ренты упали въ цѣнѣ и при промѣнѣ на кредитные билеты и тѣмъ больше при промѣнѣ на золото. Чему-же при этихъ обстоятельствахъ поможетъ консолидація, которая половину мѣдовыхъ знаковъ сведетъ на правительственныя ренты?

Какъ-нибудь былъ правъ, что не хотѣлъ смѣнить безпроцентнаго долга на процентный. Онъ зналъ, что при пособіи поземельнаго кредита опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ, Россія для внутренняго обихода удовлетворится бумажными деньгами, которыхъ количество при этомъ условіи не окажется излишнимъ, а торговый балансъ не представлялъ такой нужды въ золотѣ, какъ теперь. Разсматривать Россію, отъ Тихаго океана до Балтики и Чернаго моря, какъ нѣчто единое въ финансовомъ отношеніи—невообразимо. Въ то время какъ столичные торговцы, имѣющіе расчеты за границей нуждаются въ звонкой монетѣ, — какой нибудь торговецъ въ Перми удовлетворяется кредитными билетами. Въ то время какъ въ Петербургѣ жизненные припасы и квартиры дорожаютъ,—гдѣ нибудь въ Перми тщетно ищется куда-бы сбыть произведенія почвы, или кому бы отдать квартиру въ наймы—не за золото, а за кредитные билеты, и продается и отдается товаръ за кредитные билеты дешево. Мѣстныя потребности одного конца Россіи съ другимъ также совпадаютъ, какъ мѣстныя потребности Константинополя и Парижа. Но такъ какъ провинціальная Россія почти не имѣетъ непосредственныхъ торговыхъ отношеній съ заграницею, то для нея золото или кредитные билеты довольно равнодушны, лишь бы были для внутренней производительности и расплаты—всѣми принимаемая деньги. Вообще же денегъ теперь нѣтъ никакихъ у помѣщиковъ, лишенныхъ ссуды; мало у фабрикантовъ, у которыхъ помѣщики были главными потребителями, а теперь не покупаютъ за неимѣніемъ денегъ; а у купцовъ имѣющихъ

заграничныя дѣла нѣтъ золота для расплаты и меньше сбыта заграничныхъ произведеній во внутрь. Товаръ остается на рукахъ. Торговля въ застоѣ.

Гдѣ-же вся масса кредитныхъ билетовъ, которыхъ курсъ упалъ тамъ гдѣ требуется почти не существующаго золота, и которыхъ курсъ не можетъ упасть тамъ, гдѣ они требуются и ихъ все же достать пельзя? *Сиверная Ицела* въ своей полемикѣ съ *Московскими Вѣдомостями*, говоритъ что кредитные билеты перемѣстились въ руки крестьянъ, которыхъ заработная плата повысилась съ освобожденіемъ отъ крѣпостнаго труда. Можетъ быть, но надо какія нибудь положительныя доказательства, что это фактъ, а не предположеніе. Если это правда, то это очень утѣшительно и привело бы къ заключенію, что только *мирская Русь* способна возстановить внутренній кредитъ и цѣнность денегъ.

Но можетъ быть и то, что кредитные билеты лежатъ въ сундукахъ провинціальныхъ людей, которые предпринимать какое нибудь заводское или фабричное производство не хотятъ; въ частный кредитъ пускать не хотятъ, потому что рискованно; въ правительственныя ренты, бредущія съ разными колебаніями и упадкомъ, тоже не хотятъ, потому что также рискованно; а дорогого золота имъ не нужно. Акціонерныя компаніи, послѣ призрачнаго прохожденія, тоже не закупаютъ ихъ — и они держатъ кредитные билеты, выжидая для нихъ удобнаго сбыта, потому что лучше не получить процентовъ, чѣмъ покупать въ убытокъ. А между тѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ заграничная торговля требуетъ золота, упадокъ кредитныхъ билетовъ растетъ. Такъ что изъ всего мы видимъ только, что золота нѣтъ, а есть-ли излишекъ кредитныхъ денегъ для внутренняго потребленія—это еще вопросъ, который вовсе не легко рѣшить.

Вѣря въ излишекъ кредитныхъ билетовъ, предлагаютъ консолидацію “Московскія Вѣдомости” и графъ Шуваловъ. Графъ Шуваловъ даже коснулся теоріи Чешковскаго и приближается къ мысли о процентныхъ деньгахъ. Но взялъ только формальную и самую несущественную сторону теоріи Чешковскаго, т. е. чтобъ проценты считались по копѣйкѣ въ день или 3,65% въ годъ. Но Чешковский (въ разборъ теоріи котораго мы вступать не станемъ) основывалъ свои процентныя деньги на обезпеченіи достояніями, а не на правительственнымъ ручательствѣ изъ будущихъ налоговъ. Консолидація 300 милліоновъ (какъ бы постепенно она вышла) заставитъ накопецъ правительство платить процентовъ 10 950,000 руб., т. е. создать новаго налога 10,950,000 р., что выйдетъ около 36 коп. съ ревизской души, въ то время какъ палогн и такъ уже черезъ чуръ обременительны. Положимъ, (хотя это больше чѣмъ сомнительно) что консолидація состоялась бы, что потребность въ мѣдовыхъ знакахъ повысить цѣну кредитныхъ билетовъ; но вѣдь тогда слабая потребность на покупку правительственныхъ рентъ еще уменьшится и правительственныя процентныя бумаги еще упадутъ, т. е. правительственный кредитъ еще поизжится, вкладчики не понесутъ и кредитныхъ билетовъ за ренты,

* Надо замѣтить, что прежде въ рукахъ Ротшильда существовалъ 7-й заемъ, а теперь его уже нѣтъ.

грозящія упадкомъ; и общественный кредит все-же не возстановится, и золота тоже не прибавится, потому что за границу, на звонкую монету, новыхъ процентныхъ бумагъ все-же покупать не станутъ

Изобиліе или не-изобиліе въ Россіи мѣновыхъ знаковъ для внутренняго обращенія можно только увидать *post facto* при возобновленіи и расширеніи системы вкладовъ и ссудъ. Наши эконоmistы жаждутъ акціонернаго банка (т. е. независимаго отъ правительства); но наши прежнія кредитныя учрежденія представляли огромный акціонерный банкъ, куда стекались всѣ вклады; кредитные билеты служили имъ банковыми билетами, а характеръ правительственнаго долга, характеръ ассигнацій приняли тогда, какъ скоро перестали быть представителями вкладовъ и имѣть себѣ сбытъ посредствомъ ссудъ. Если наши прежнія кредитныя учрежденія хромали, то это отъ насильственнаго правительственнаго вмѣшательства — вмѣшательства такого рода, гдѣ правительство уже само дѣлало насильственные займы, не обезпеченные ничѣмъ, кромѣ будущихъ налоговъ и идѣ результатъ имѣется тотъ, что долгъ прежнему заемному банку въ 275 милліоновъ (по Княжевичу) или въ 325 милл. (по русскому изданію Кольба) также затерялся какъ и сто милл. французскихъ фондовъ, купленные Николаемъ, т. е. нельзя доискаться куда попала или пропала сумма въ 375 или 425 милліоновъ руб. сереб. Дѣло реформы было оторвать отъ правительственнаго вмѣшательства прежнія кредитныя учрежденія, а не разрушать ихъ и вмѣстѣ съ ними весь кредит внутренней, провинціальной, настоящей Россіи, кредит преимущественно поземельный, и не создавать въ замѣнъ его банка преимущественно торговаго, но такъ основаннаго на правительственномъ долгѣ, что онъ держаться не можетъ.

Переѣхали-ли масса кредитныхъ билетовъ въ крестьянскія руки или застряла у людей, которые не въ состояніи пустить ихъ въ оборотъ, все же единственное средство выйти изъ денежнаго затрудненія — это возобновить съ одной стороны систему вкладовъ, расширяя ее до степени сберегательныхъ кассъ (если можно было принимать вклады въ 50 рублей, то можно принимать вкладъ и въ 1 рубль); тогда понесутъ свои вклады и крестьяне и всѣ нерѣшающіеся на промышленныя предпріятія и боящіеся покупки падающихъ рентъ; а съ другой стороны возобновить систему ссудъ расширяя ее на все населеніе безъ различія сословій, лишь бы было матеріальное обезпеченіе или мирская круговая порука. Тогда оживится производительность, оживится торговля и торговый балансъ придетъ въ равновѣсіе. Останется рѣшить отношеніе правительственнаго процентнаго долга къ системѣ налоговъ.

Конечно — воскресить разрушенныя сохранныя казны воспитательныхъ домовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія — уже нельзя. Надо было много бюрократической храбрости, чтобы разрушить ихъ; но воскресить ихъ бюрократической силы не хватитъ. Да и потребности общественныя требуютъ большей независимости общественнаго кредита отъ прави-

тельственнаго. Мелкіе вклады и мелкія ссуды потребуютъ болѣе мѣстныхъ соображеній — и мѣстныя населенія придутъ къ необходимости учрежденія областныхъ банковъ съ ихъ союзной центральной конторою, и примутъ вклады тѣми же кредитными билетами, которые для ссудъ могутъ замѣнить своими, а правительственные бумажки уничтожить; такимъ образомъ образуется кредитное обращеніе дѣйствительно *банковскихъ* билетовъ, а ихъ отношеніе къ золоту будетъ зависѣть отъ развитія производительности и вывоза за границу русскаго товара*.

Но опять и это движеніе потребуетъ — не бюрократическаго рѣшенія, а Земскаго Собора.

И. Огаревъ.

P. S. Русское правительство сдѣлало новый 5% заѣмъ, черезъ посредство Гопъ и Беринга, въ 6 милліоновъ фунт. стерлинговъ. Мы станемъ говорить о немъ въ другой разъ. Одно для насъ достовѣрно — это результатъ: будетъ выкуплено милліоновъ на двадцать пять р. сер. кредитныхъ билетовъ, а золото все опять уйдетъ за границу. Россія при этомъ ничего не выиграетъ, кромѣ новаго налога.

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный другъ,

Моя любовь къ вамъ, съ которымъ я никогда не встрѣчался можетъ служить завлеченіемъ, какъ я люблю людей, съ которыми встрѣчался хоть одинъ разъ, и вы несколько не удивитесь, когда я вамъ скажу, что я съ радостью увидалъ записки Ф. Вигеля въ *Русскомъ Вѣстникѣ*

* Приходится, хотя бы въ подстрочномъ примѣчаніи, разсчитать одинъ очень важный вопросъ. Защитники свободной торговли стали смотрѣть свысока на торговый балансъ и считать его за предразсудокъ. Защитники запретительнаго тарифа, пользуясь фактомъ, что человѣчество еще не достигло до степени единнаго стада и что каждая страна смотритъ на свое хозяйство какъ на отдѣльное хозяйство, доказываютъ что выгоды и невыгоды торговаго баланса совсѣмъ не предразсудокъ, а фактъ, который имѣетъ огромныя послѣдствія въ экономической жизни. Но выходитъ на дѣлѣ, что обѣ стороны не правы, потому что торговый балансъ дѣйствительно фактъ, но фактъ вовсе не нуждающійся въ запретительномъ тарифѣ. Запретительный тарифъ является только для поддержки челоуѣческаго безумія, а вовсе не дѣйствительнаго народнаго хозяйства. Возьмемъ для примѣра русскаго помѣщика, который еще недавно хвастался, что у него столарь свой, портной свой, сапожникъ свой, каретникъ свой и т. д. Все это ему обходилось вдвое дороже, чѣмъ просто купить мебель у настоящаго столара, карету у настоящаго каретника и т. д. Еслибъ онъ капиталъ, тратимый на производство, которыхъ произведенія дешевле достать со стороны, употребилъ на увеличеніе количества тѣхъ произведеній, которыхъ та сторона не можетъ дешево выработать — онъ держалъ бы свой торговый балансъ въ равновѣсіи или въ выгодѣ. А при озабоченіи о производствѣ всего на свѣтѣ дома, — помѣщикъ разорялся. Запретительный тарифъ поддерживаетъ именно эту безумную сторону народнаго хозяйства, не допуская людей дешево приобретать со стороны то, что со стороны приобретается дешево, вмѣсто того, чтобы направить капиталы на производство того, что можно дома производить дешево и сбывать на сторону много и съ выгодой. Но это нисколько не доказываетъ, чтобы торговый балансъ былъ призракъ; это только доказываетъ, что предпримчивость бросается на производство, которое для той страны экономически-искусственно, и приобретаетъ производствомъ, которое для той страны экономически-естественно. Если Россія можетъ сбывать за границу суровья на столько-же или больше, чѣмъ получаетъ фабричныхъ произведеній изъ за границы, то безъ всякаго запретительнаго тарифа, выгоды ея торговаго баланса окажутся не призрачными, а золотыми, чего русское фабричное производство, при тарифѣ, достигнуть не можетъ.

вексельными переводами и уже талеръ считается по 373 сап., а прилагая опять ревизионныя и коммиссионныя, оказывается что облигація (въ 300 рублей равныхъ 1,200 франкамъ) спустилась на 1,024 франка, т. е. на 256 рублей, слѣдственно потеряла около 15 процентовъ.”*

Но какже объяснить *безденежье* въ Россіи, которое касается не только звонкой монеты, но и самыхъ кредитныхъ билетовъ, для полученія которыхъ въ обмѣнъ на правительственныя процентныя бумаги платится *за размытъ*? Гдѣ-же вся эта масса кредитныхъ билетовъ, которыхъ слишкомъ много и которыхъ нѣтъ тамъ гдѣ они нужны? А вѣдь именно въ томъ то и дѣло, что ихъ нѣтъ тамъ гдѣ они нужны. Золота нѣтъ тамъ гдѣ оно нужно, потому что его просто нѣтъ; а кредитныхъ билетовъ, кажется, количество не малое. Золото по правительственнымъ долгамъ столько сплавляется за границу, что для частныхъ заграничныхъ расчетовъ его не достаетъ. Естественнo, что при промѣнѣ ассигнацій на золото, ассигнаціи упали въ цѣнѣ; а при промѣнѣ ихъ на правительственныя ренты, на которыхъ потребность очень ограничена, они не упали въ цѣнѣ, а ренты упали въ цѣнѣ и при промѣнѣ на кредитные билеты и тѣмъ больше при промѣнѣ на золото. Чему-же при этихъ обстоятельствахъ поможетъ консолидація, которая половиною мѣновыхъ знаковъ сведетъ на правительственныя ренты?

Какринъ былъ правъ, что не хотѣлъ смѣнить безпроцентнаго долга на процентный. Онъ зналъ, что при пособіи поземельнаго кредита опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ, Россія для внутренняго обихода удовлетворится бумажными деньгами, которыхъ количество при этомъ условіи не окажется излишнимъ, а торговый балансъ не представлялъ такой нужды въ золотѣ, какъ теперь. Разсматривать Россію, отъ Тихаго океана до Балтики и Черпаго моря, какъ нѣчто единое въ финансовомъ отношеніи—невообразимо. Въ то время какъ столичные торговцы, имѣющие расчеты за границей нуждаются въ звонкой монетѣ, — какой нибудь торговецъ въ Перми удовлетворяется кредитными билетами. Въ то время какъ въ Петербургѣ жизненные припасы и квартиры дорожаютъ,—гдѣ нибудь въ Перми тщетно ищется куда-бы сбыть произведенія почвы, или кому бы отдать квартиру въ паймы—не за золото, а за кредитные билеты, и продается и отдается товаръ за кредитные билеты дешево. Мѣстныя потребности одного конца Россіи съ другимъ также совпадаютъ, какъ мѣстныя потребности Константинополя и Парижа. Но такъ какъ провинціальная Россія почти не имѣетъ непосредственныхъ торговыхъ отношеній съ заграницею, то для нея золото или кредитные билеты довольно равнодушны, лишь бы были для внутренней производительности и расплаты—всеми принимаемыя деньги. Вообще же денегъ теперь нѣтъ никакихъ у помѣщиковъ, лишенныхъ ссуды; мало у фабрикантовъ, у которыхъ помѣщики были главными потребителями, а теперь не покупаютъ за неимѣніемъ денегъ; а у купцовъ имѣющихъ

заграничныя дѣла нѣтъ золота для расплаты и меньше сбыта заграничныхъ произведеній во внутрь. Товаръ остается на рукахъ. Торговля въ застоѣ.

Гдѣ-же вся масса кредитныхъ билетовъ, которыхъ курсъ упалъ тамъ гдѣ требуется почти не существующаго золота, и которыхъ курсъ не можетъ упасть тамъ, гдѣ они требуются и ихъ все же достать пельза? *Сѣверная Ичела* въ своей полемикѣ съ *Московскими Вѣдомостями*, говоритъ что кредитные билеты перемѣстились въ руки крестьянъ, которыхъ заработная плата повысилась съ освобожденіемъ отъ крѣпостнаго труда. Можетъ быть, но надо какія нибудь положительныя доказательства, что это фактъ, а не предположеніе. Если это правда, то это очень утѣшительно и привело бы къ заключенію, что только *мирская Русь* способна возстановить внутренній кредитъ и цѣнность денегъ.

Но можетъ быть и то, что кредитные билеты лежатъ въ сундукахъ провинціальныхъ людей, которые предпринимать какое нибудь заводское или фабричное производство не хотятъ; въ частный кредитъ пускать не хотятъ, потому что рискованно; въ правительственныя ренты, бредущія съ разными колебаніями и упадкомъ, тоже не хотятъ, потому что также рискованно; а дорогого золота имъ не нужно. Акціонерныя компаніи, послѣ призрачнаго прохожденія, тоже не закупаютъ ихъ — и они держатъ кредитные билеты, выжидая для нихъ удобнаго сбыта, потому что лучше не получить процентовъ, чѣмъ покупать въ убытокъ. А между тѣмъ въ мѣстностяхъ, гдѣ заграничная торговля требуетъ золота, упадокъ кредитныхъ билетовъ растетъ. Такъ что изъ всего мы видимъ только, что золота нѣтъ, а есть-ли излишекъ кредитныхъ денегъ для внутренняго потребленія—это еще вопросъ, который вовсе не легко рѣшить.

Вѣря въ излишекъ кредитныхъ билетовъ, предлагаютъ консолидацію “Московскія Вѣдомости” и графъ Шуваловъ. Графъ Шуваловъ даже коснулся теории Чешковскаго и приближается къ мысли о процентныхъ деньгахъ. Но взявъ только формальную и самую несущественную сторону теории Чешковскаго, т. е. чтобы проценты считались по копѣйкѣ въ день или 3,65% въ годъ. Но Чешковский (въ разборъ теории котораго мы вступать не станемъ) основывалъ свои процентныя деньги на обезпеченіи достояніями, а не на правительственнымъ ручательствѣ изъ будущихъ налоговъ. Консолидація 300 милліоновъ (какъ бы постепенно она ни шла) заставитъ наконецъ правительство платить процентовъ 10 950,000 руб., т. е. создать новаго налога 10,950,000 р., что выйдетъ около 36 коп. съ ревизской дупи, въ то время какъ налоги и такъ уже черезъ чуръ обременительны. Положимъ, (хотя это больше чѣмъ сомнительно) что консолидація состоялась бы, что потребность въ мѣновыхъ знакахъ повысилась цѣну кредитныхъ билетовъ; но вѣдь тогда слабая потребность на покупку правительственныхъ рентъ еще уменьшится и правительственныя процентныя бумаги еще упадутъ, т. е. правительственный кредитъ еще понизится, вкладчики не понесутъ и кредитныхъ билетовъ за ренты,

* Надо замѣтить, что прежде въ рукахъ Ротшильда существовалъ 7-й заемъ, а теперь его уже нѣтъ.

грозящія упадокъ; и общественный кредитъ все-же не возстановится, и золота тоже не прибавится, потому что за границу, на звонкую монету, новыхъ процентныхъ бумагъ все-же покупать не станутъ

Изобиліе или не-изобиліе въ Россіи мѣновыхъ знаковъ для внутренняго обращенія можно только увидать *post facto* при возобновленіи и расширеніи системы вкладовъ и ссудъ. Наши экономисты жаждутъ акціонернаго банка (т. е. независимаго отъ правительства); но наши прежнія кредитныя учрежденія представляли огромный акціонерный банкъ, куда стекались всѣ вклады; кредитные билеты служили пмъ банковыми билетами, а характеръ правительственнаго долга, характеръ ассигнацій приняли тогда, какъ скоро перестали быть представителями вкладовъ и имѣть себѣ сбытъ посредствомъ ссудъ. Если наши прежнія кредитныя учрежденія хромали, то это отъ насильственнаго правительственнаго вмѣшательства — вмѣшательства такого рода, гдѣ правительство уже само дѣлало насильственные займы, не обезпеченные ничѣмъ, кромѣ будущихъ налоговъ и идѣ результатъ имѣется тотъ, что долгъ прежнему заемному банку въ 275 милліоновъ (по Княжевичу) или въ 325 милл. (по русскому изданію Кольба) также затерялся какъ и сто милл. французскихъ фондовъ, купленные Николаемъ, т. е. нельзя доискаться куда попала или пропала сумма въ 375 или 425 милліоновъ руб. сереб. Дѣло реформы было оторвать отъ правительственнаго вмѣшательства прежнія кредитныя учрежденія, а не разрушать ихъ и вмѣстѣ съ ними весь кредитъ внутренней, провинціальной, настоящей Россіи, кредитъ преимущественно поземельный, и не создавать въ замѣнь его банка преимущественно торговаго, но такъ основаннаго на правительственномъ долѣ, что онъ держаться не можетъ.

Перемѣстились-ли масса кредитныхъ билетовъ въ крестьянскія руки или залежалась у людей, которые не въ состояніи пустить ихъ въ оборотъ, все же единственное средство вытти изъ денежнаго затрудненія—это возобновить съ одной стороны систему вкладовъ, расширяя ее до степени сберегательныхъ кассъ (если можно было принимать вклады въ 50 рублей, то можно принимать вкладъ и въ 1 рубль); тогда понесутъ свои вклады и крестьяне и всѣ нерѣшающіеся на промышленныя предпріятія и бояшіеся покупки падающихъ рентъ; а съ другой стороны возобновить систему ссудъ расширяя ее на все населеніе безъ различія сословій, лишь бы было матеріальное обезпеченіе или мирская круговая порука. Тогда оживится производительность, оживится торговля и торговый балансъ придетъ въ равновѣсіе. Останется рѣшить отношеніе правительственнаго процентнаго долга къ системѣ налоговъ.

Конечно — воскресить разрушенныя сохранныя казны воспитательныхъ домовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія —уже нельзя. Надо было много бюрократической храбрости, чтобы разрушить ихъ; но воскресить ихъ бюрократическою силой не хватитъ. Да и потребности общественныя требуютъ большей независимости общественнаго кредита отъ прави-

тельственнаго. Мелкіе вклады и мелкія ссуды потребуютъ болѣе мѣстныхъ соображеній—и мѣстныя населенія придутъ къ необходимости учрежденія областныхъ банковъ съ ихъ союзной центральной конторою, и примутъ вклады тѣми же кредитными билетами которые для ссудъ могутъ замѣнить своими, а правительственныя бумажки уничтожить; такимъ образомъ образуется кредитное обращеніе дѣйствительно *банковъ* билетовъ, а ихъ отношеніе къ золоту будетъ зависѣть отъ развитія производительности и вывоза за границу русскаго товара*.

Но опять и это движеніе потребуетъ—не бюрократическаго рѣшенія, а Земскаго Собора.

И. Огаревъ.

Р. S. Русское правительство сдѣлало новый 5% заѣмъ, черезъ посредство Гопъ и Беринга, въ 6 милліоновъ фунт. стерлинговъ. Мы станемъ говорить о немъ въ другой разъ. Одно для насъ достовѣрно — это результатъ : будетъ выкуплено милліоновъ на двадцать пять р. сер. кредитныхъ билетовъ, а золото все опять уйдетъ за границу. Россія при этомъ ничего не выиграетъ, кромѣ новаго налога.

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Любезный другъ,

Моя любовь къ вамъ, съ которымъ я никогда не встрѣчался можетъ служить завѣреніемъ, какъ я люблю людей, съ которыми встрѣчался хоть одинъ разъ, и вы несколько не удивитесь, когда я вамъ скажу, что я съ радостью увидѣлъ записки Ф. Вигеля въ *Русскомъ Вѣстникѣ*

* Приходится, хотя бы въ подстрочномъ примѣчаніи, разсчитать одинъ очень важный вопросъ. Защитники свободной торговли стали смотрѣть свысока на торговый балансъ и считать его за предразсудокъ. Защитники запретительнаго тарифа, пользуясь фактомъ, что человѣчество еще не достигло до степени единаго стада и что каждая страна смотритъ на свое хозяйство какъ на отдѣльное хозяйство, доказываютъ что выгоды и невыгоды торговаго баланса совсѣмъ не предразсудокъ, а фактъ, который имѣетъ огромныя послѣдствія въ экономической жизни. Но выходитъ на дѣлѣ, что обѣ стороны не правы, потому что торговый балансъ дѣйствительно фактъ, но фактъ вовсе не нуждающійся въ запретительномъ тарифѣ. Запретительный тарифъ является только для поддержки челоуѣческаго безумія, а вовсе не дѣйствительнаго народнаго хозяйства. Возьмемъ для примѣра русскаго помѣщика, который еще недавно хвастался, что у него столарь свой, портной свой, сапожникъ свой, каретникъ свой и т. д. Все это ему обходилось втрое дороже, чѣмъ просто купить мебель у настоящаго столара, варету у настоящаго каретника и т. д. Еслибъ онъ капиталъ, тратившій на производства, которыхъ произведенія дешевле достать со стороны, употребилъ на увеличеніе количества тѣхъ произведеній, которыхъ та сторона не можетъ дешево выработать—онъ держалъ бы свой торговый балансъ въ равновѣсіи или въ выгодѣ. А при озабоченіи о производствѣ всего на свѣтѣ дома,—помѣщикъ раззорился. Запретительный тарифъ поддерживаетъ именно эту безумную сторону народнаго хозяйства, не допуская людей дешево приобретать со стороны то, что со стороны приобретается дешево, вмѣсто того, чтобы направить капиталы на производство того, что можно дома производить дешево и сбывать на сторону много и съ выгодою. Но это несколько не доказываетъ, чтобы торговый балансъ былъ призракъ, это только доказываетъ, что предпримчивость бросается на производство, которое для той страны экономически-искусственно, и пренебрегаетъ производствомъ, которое для той страны экономически-естественно. Если Россія можетъ сбывать за границу суровья на столько-же или больше, чѣмъ получаетъ фабричныхъ произведеній изъ за границы, то безъ всякаго запретительнаго тарифа, выгоды ея торговаго баланса окажутся не призрачными, а золотыми, чего русское фабричное производство, при тарифѣ, достигнуть не можетъ.

Ф. Вигеля я встрѣчалъ нѣсколько разъ въ 1845—46 годахъ. Онъ слылъ человѣкомъ злорѣчивымъ, самолюбивымъ, обидчивымъ, колкимъ и “умнымъ”, онъ былъ извѣстенъ объясненіемъ Пушкина, почему портной Бригель кроить иначе платье, когда ему заказываетъ ихъ Вигель. Чаадаевъ былъ увѣренъ, что онъ въ Петербургѣ поднималъ официальное гоненіе на его извѣстное письмо. За всѣ эти достоинства, мягкое московское общество принимало его съ нѣкоторымъ почетомъ.

Съ первой встрѣчи онъ сдѣлался мнѣ противенъ; жеманно-натянутый, онъ кокетничалъ злословіемъ; привыкнувъ говорить съ людьми меньше его образованными, онъ придавалъ вѣсь своимъ обиднымъ замѣчаніямъ, дѣлаю или дѣйствительно умнаго, а отъ него ничего не слышалъ. Такимъ онъ является и въ своихъ запискахъ.

Вигель называетъ себя “посредственнымъ”, считая, что читатель это отнесетъ къ его скромности; но именно его *посредственность*, его неглупость и не умъ, его узкій взглядъ придаетъ достоинство его рассказамъ. Кругъ освѣщенный его фонаремъ—не великъ, но онъ не подкрашиваетъ предметы, а только, какъ всѣ дурные стекла, дѣлаетъ около нихъ рамки. Вигель ни на волосъ не выше той среды, въ которой жилъ свою жизнь. Онъ исполненъ всѣми предрасудками того набожного и нездорового края, къ которому онъ принадлежалъ и у котораго все заимствовалъ, даже *нѣмецкую* любовь къ русскому отечеству. Отъ того онъ и намѣренно не могъ на столько исказить гуртовые факты, или на столько отойти отъ истины, чтобъ это мѣшало дѣлу. Человѣкъ лжетъ по образу и подобию своему.

“Семейная хроника” С. Т. Аксакова, простодушные записки честнаго Болтина, и вовсе недобродушные рассказы Вигеля, помогаютъ намъ сколько нибудь узнать наше неизвѣстное прошлое—не VIII столѣтія, его знаетъ М. П. Погодинъ, а XVIII и XIX. Прошлый вѣкъ—канцелярская тайна, мы его знали по официально-газетной риторикѣ, и то чрезвычайно мало. Оттого то намъ и кажется, что Россійская имперія, такая то стародавняя всегдашность, изъ подъ вѣковаго гнета которой трудно выйти, что ея учрежденія окрѣпли и посѣдѣли, распускаясь вѣтвистыми корнями въ глубь глубины.

А все это еще не просохло и едва построено въ чернѣ, все грубо, кое-какъ наброшено, и очень недавно стало осѣдать и принимать почтенный видъ правильнаго государственнаго организма.

Въ половинѣ XVIII столѣтія имперія представляетъ собой продолжающееся *военно-гражданское* занятіе обширной и малонаселенной страны, мирно завоеванной какой-то петербургской лейбъ-компаніей. Тянутся еще дворяне сетлеры расчищать лѣса, заводятъ пашни въ степяхъ, строятъ усадьбы, скупаютъ рабовъ, стоняютъ ихъ на плантаціи, наполняютъ житницы хлѣбомъ, сѣкутъ мужиковъ и бабъ, а иногда и собственныхъ жепъ. Судъ, земская полиція почти неизвѣстны, а въ случаѣ несчастія есть у нихъ милостивцы въ Петербургѣ. Плещутся еще чиновники на кормленіе службой—голодные и алчные, но съ краснымъ воротникомъ и съ пропорциональной долей царской власти и осѣдаютъ саранчей на города и уѣзды... тяжелѣютъ и сливаются съ общей массой помѣщиковъ, гибнутъ въ грязи и бѣдности, или вновь тянутся къ источнику всѣхъ

благъ—къ канцелярской родинѣ своей на берега Невы, чтобъ плестись оттуда въ инныя вѣдомства и края.

Закабаленные *туземцы*, отданные во власть военно-гражданской компаніи еще не были окончательно сломлены и порывались сбросить съ себя кучку пришлецовъ и пройдохъ. Но цивилизаторы побили дикихъ; крамольный кацкъ нашихъ православныхъ индѣйцевъ—Пугачевъ, замученъ въ Москвѣ, и крѣпостной порядокъ мирно и невозмущаемо упрочился до 19 Февраля 1861 года. Возстанія были степныя, сельскія, полевыя, которыя иногда овладѣвали городами, но въ самихъ городахъ все обстояло благополучно и это потому, что они по большей части были выдуманы и существовали для администраціи и чиновниковъ-побѣдителей.

Но что это за каста, что за народъ, который побѣждаетъ и усмиряетъ, расчищаетъ лѣса и пишетъ протоколы, водить солдатъ и подводить законы?

Невѣроятнѣйшій сбродъ всего на свѣтѣ составлялъ эту петербургскую *свѣч*—сказали-бы мы, еслибъ намъ не жалъ было бѣдныхъ запорожцевъ. Бритые русскіе князья и бояре, иностранная сволочь шедшая на добычу, рейтеры и ланскене всѣхъ краевъ міра, пасторскіе дѣти и профессора, шулера и военнопленные, остзейцы, финляндцы, шведы, поляки, молдоване, сербы, греки, татары, нѣмцы и нѣмцы... Чего и чего тутъ не было отъ свѣтлѣйшаго князя Кантемира до чернаго инженеръ-генерала оставившаго Пушкину въ наслѣдство курчавые волосы и африканскія черты. П. В. Кирѣевскій говаривалъ, что расадникъ великихъ фамилій окружавшій Петра I, представлялъ тотъ элементъ въ народѣ нашемъ, который онъ самъ выразительно называетъ *юлью кабацкой*; она то—какъ нормандскіе бароны Англію—раздѣлила Россію на вѣдомства и управленія, провинціи и округа и пошла володѣть ею.

Откуда и какъ идутъ эти новые Рюрики и Синавы, можно ясно прослѣдить въ генеалогіи нашего героя.

Непредвидя своего будущаго патріотизма, Вигель долго гордился своимъ шведскимъ происхожденіемъ и пересталъ не потому, чтобъ Россію предпочелъ Швеціи, а потому что узналъ, что прадѣдъ его былъ финъ, да еще низкаго происхожденія. Чтобъ придать себѣ важности, финъ прибавилъ къ своей фамиліи латинское *us* и сдѣлался *Вигеліусъ*. Но это окончаніе не понравилось дѣду нашего повѣствователя, и онъ снова возвратился къ фамиліи Вигель. Служилъ онъ съ самаго дѣтства въ шведской военной службѣ и капитаномъ драбантскаго полка былъ взятъ русскими подъ Полтавой. Въ Сибирь его не послали, думаютъ его внуку потому, что “изъ числа ссылаемыхъ были изъяты владѣльцы остзейскихъ провинцій, содѣлавшіеся новыми подданными Петра I”.

“Новаго своего отечества не полюбилъ дѣдъ мой, говоритъ Вигель, и не хотѣлъ ему служить. Онъ спрятался на мызѣ, женился, плакалъ при имени Карла XII и постоянно ненавидѣлъ Россію”. У него было семь сыновей. Четырехъ онъ отправилъ на службу Фридриха II, одинъ старшій сынъ уцѣлѣлъ, трое другихъ погибли сражаясь противъ русскихъ. “Младшихъ сыновей своихъ рѣшилъ онъ посвятить Россіи, на то были особенныя причины. Карлъ Петръ Ульрихъ герцогъ голштинскій былъ наслѣдникомъ престола. Почти въ ребячествѣ привезенный въ Россію и крещенный въ нашу вѣру онъ никакъ не умѣлъ *сдѣлаться* русскимъ. Нѣмцы надѣялись воскресить времена Бирона. Подъ его покровъ

поставилъ дѣдъ трехъ маленькихъ сыновей, можетъ быть видя въ нихъ тайно *будущихъ мстителей*, будущихъ повелителей въ ненавистной странѣ. Ихъ приняли въ кадетской корпусъ и когда половина моего семейства пролила русскую кровь, другая содержалась и воспитывалась на русскія деньги”.

Изъ этихъ трехъ сыновей, старшій былъ забубенный матый и умеръ премьеръ-маіоромъ и комендантомъ Орской крѣпости. Онъ былъ женатъ на *одной* женѣ, а именно “на дочери какого то гарнизоннаго офицера Семеева, что я упоминаю только потому, что я ее зналъ, и намѣренъ сказать объ ней нѣсколько словъ. Другой былъ женатъ на *восьми* женахъ, и всѣ онѣ его пережили”.

Браки этой почтенной семьи вообще были курьезны. Вигель рассказываетъ, что родственникъ его отца Сандерсъ, выигралъ жену свою на билиардѣ у князя Яблоновскаго. Выигранная старикомъ жена, обманывала его, хвалила и “за *нѣсколько* лѣтъ до смерти была посредницей между имъ и красавицами, въ которыя онъ влюблялся”, а умеръ онъ 90 лѣтъ отъ роду 1 Января 1836, на лѣстницѣ зимняго дворца, куда явился въ полной генераль-лейтенантской формѣ для поздравленія съ новымъ годомъ.

Таковы нѣмецко - финскія составныя части дворянской русской семьи Вигелей.

Взглянемъ теперь на ея славянскій элементъ. Мать Ф. Вигеля, была дочь какого-то пензенскаго уроженца Лебедева. Оставшись сиротой, она воспитывалась подъ покровительствомъ дальняго родственника Чулкова, о которомъ за его доброе дѣло Вигель желаетъ сохранить *трогательное* семейное преданіе.

“Родившись въ низкомъ званіи, онъ неизвѣстно какъ попалъ въ придворные истопники на половину цесаревны Елисаветы Петровны. По усердію своему онъ сталъ извѣстенъ ей и *близокъ*. Почести посыпались на него съ ея воцаренія, онъ сдѣлался дѣйствительнымъ камергеромъ, александровскимъ кавалеромъ и *даже наконецъ генералъ ан-шефомъ, хотя въ военной службѣ никогда не былъ*. Тогда то “дворянка Кривская, урожденная хотя татарская, но все-таки княжна (Мещерская), съ благодарностью приняла его предложеніе и вышла за него за мужъ”.

Наслышавшись Вигель отъ матери своей, бывшей въ такомъ высокопоставленномъ обществѣ, о жизни императрицы Елисаветы. Во внутренности дворца, она была окружена толпою женщинъ изъ простонародія, болтуній, сплетницъ. Суевѣріе, ложные слухи производили въ ней безсонницу, и эти женщины должны были сначала рассказывать ей сказки, а потомъ шопотомъ говорить между собой. Генералъ анъ - шефъ Чулковъ долженъ былъ также тутъ находиться, онъ каждую ночь приносилъ свой тюфякъ, *кладалъ его на полъ* и какъ безсмысленный стражъ ложился у ея ногъ... Случалось, что она вставала раньше старика, тащила его, шутила съ нимъ, а онъ приподнимаясь, легонько *потрещивалъ* ее, говоря, “*охъ ты моя лебедка-бѣлая*”.

Мать Вигеля забыла прибавить къ этой трогательной семейной картинѣ, что Елисавета ложилась почти всегда спать пьяная.

Далѣе идетъ рассказъ о скитаніи по губерніямъ. Поселившись по дѣламъ службы въ Саратовѣ, отецъ Вигеля часто посѣщалъ Пензу. Пензу онъ предпочиталъ Саратову, городу торговому и плебейскому, но сынъ отзывается такъ объ ней :

“Между дворянами, вездѣ почти одинаковая, невѣжественно-олигархическая(?) спѣсь, въ простомъ народѣ встрѣчаешь почти *одинаковую* холопью дерзость или низость”.

При этомъ нашъ хронистъ пораженный величіемъ Екатерины II, восклицаетъ : “Геній и улыбка ея творили чудеса. Желѣзная трость Петра великаго, переходя изъ рукъ въ руки, обратилась въ магическій жезлъ, какъ скоро коснулась ея сія могущественная очаровательница. Сія новая Цирцея хотѣла и умѣла *скотовъ образоватъ* въ люди !”

Послѣ разныхъ переселеній по казенной надобности и перемѣщеній по службѣ, отецъ Вигеля находитъ гавань въ Кіевѣ, тамъ онъ усаживается съ 1788 г. комендантомъ и будетъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока безумный Павелъ его прогонитъ, безъ всякой причины. Около, возлѣ продолжаетъ переселеніе и перемѣщеніе чиновниковъ, все это только приостанавливается и идетъ туда, сюда ; лица мелькаютъ, да и не лица, а ранги, разница собственно въ томъ, что одни нѣмцы русскаго происхожденія, другіе русскіе нѣмецкаго происхожденія, къ нимъ въ послѣдствіи начинаютъ примѣшиваться французскіе скитальцы, эмигранты дѣлающіеся чиновниками, виконты дѣлающіеся гувернерами.

Какъ они странно оклиматизировались, доказываетъ почтенный инженеръ-генералъ Шардонъ, завѣдывавшій инженерной частью въ Кіевѣ ; онъ *не хотѣлъ умирать* по русски, всѣ дѣла обдѣлывалъ на французскомъ языкѣ, кромѣ одного : при малѣйшей несправности солдатъ, онъ очень спокойно приказывалъ по русски : “Клади его на сюртюрокъ и давай ему сто палкъ”.

Вигелю самому кажется странной фізіономія городовъ, въ которыхъ собственно нѣтъ туземцевъ. “Въ Россіи есть города, кои слѣдуетъ называть казенными, потому что въ нихъ встрѣчаются по большей части одни должностныя лица, помѣщики бываютъ въ нихъ только иногда по дѣламъ. Въ нихъ безпрестанно мѣняется картина общества, которая черезъ десять лѣтъ можно сказать возобновляется въ своемъ составѣ”.

Гдѣ тутъ органическая связь съ народомъ, гдѣ прочность такой жизни, ея естественный ростъ ? Вигель и не замѣтилъ, какъ рѣзко выступаетъ въ его рассказѣ противоположность *настоящихъ* жителей края съ забѣглымъ наплывомъ. Богатые кіевскіе помѣщики, говоритъ онъ, рѣдко покидали свои хуторы, прежде ихъ отталкивали поляки, а со времени Петра, “начальствующіе москали и нѣмцы”. Съ своимъ народомъ имъ было роднѣе. У польскихъ аристократовъ являющихся въ рассказѣ, рѣзкая самобытность. Въ нихъ жизнь сложилась, выработалась, во многомъ очень дурно, но вездѣ съ своимъ характеромъ, съ своими пороками и своей поэзіей. Въ то время какъ у казенной Россіи, у Россіи петербургскаго слоя, характеристична одна нахальная власть и та принадлежитъ “не имъ, не пмъ, а имени царскому”, передъ которымъ они холопы. Отъ Казани и Рязани, до Кіева и Перми, одна общеармейская и общеканцелярская фізіономія чиновничьяго дворянства, тотъ-же кулакъ, обращенный внизъ и таже выправка вверхъ... прямолинейная для военныхъ, попурая для штатскихъ.

Мы вовсе не кручинимся объ этомъ, но заявляемъ фактъ и фактъ для насъ чрезвычайно утѣшительный. Тамъ, гдѣ нѣтъ ни воспоминаній, ни традицій, ни своихъ нравовъ, ни своихъ вѣрованій, тамъ гдѣ не просвѣчиваетъ историческая жизнь, а только формулярный списокъ, не только легче сдѣлаться злодѣемъ, но и легче сдѣлаться человекомъ.

Наша аристократія—предразсудокъ, въ которой вѣрили отчасти выслужившіеся чиновники и богатые наслѣдники; я говорю *отчасти*, потому что большинство никогда объ этомъ не думало; оно пользовалось не мудрствуя лукаво тѣмъ, что казна уступала и позволяла. Княгиня Голицына, о которой рассказываетъ Вигель, вовсе не изъ аристократіи, порола земскаго засѣдателя за то, что дорога была дурна; доказательствомъ этому служитъ, что она разъ оттаскала за волосы гостью у себя въ домѣ, что уже вполне противурѣчитъ всякому аристократическому чутію—она это дѣлала гораздо паче, потому что была племянница Потемкина и жена фельдмаршала Голицына.

До какой степени у насъ новы западно-аристократическія понятія, вы можете видѣть у Вигеля. Онъ рассказываетъ, какъ графиня Чернышева, въ послѣдствіи княгиня Наталья Петровна Голицына начала распространять аристократическую *вѣру*, вывезенную ею изъ Севъ-Иерменскаго предмѣстья. “Находясь въ Парижѣ во время революціи сія знаменитая дама схватила священный огонь угасающій во Франціи и возжгла его у насъ на Сѣверѣ. Сотни свѣтскаго и духовнаго званія эмигрантовъ способствовали ей Составилась компанія на акціяхъ, куда вносились были титулы, богатства, кредитъ... Присвоивъ себѣ ложныя привилегіи, компанія сія *называлась* высшимъ обществомъ и правила французской аристократіи начала прилагивать къ русскимъ правамъ... Екатерина благопріятствовала сему обществу, видя въ немъ одинъ изъ оплотовъ престола противъ вольподумства” .. (на этомъ мѣстѣ цензура чего то не пропустила). “Не одинъ разъ придется мнѣ, продолжаетъ Вигель, говорить о сѣмъ высокомъ сословіи, *не больше какъ съ полсотни лѣтъ у насъ образовавшемся*”...

То, что Вигель говоритъ о высшемъ обществѣ, то относится ко всѣмъ нашимъ кастамъ и сословіямъ. Масса русская не идетъ въ правильную слойку, на этомъ держится доля деспотизма, но за то и доля всѣхъ надеждъ. При чрезвычайной впечатлительности и поверхностной подражательности, у насъ все перенималось—и ничего не пустило корней. Всѣ монополии, исключительныя права, привилегіи, сословныя разграпленія являлись съ каррикатурными преувеличеніями, грубо, дерзко и нестерпимо ярко, но краски (большей частью казенныя) были линючи, не могли выдержать перваго ливня. Одна сильная мятель и все исчезнетъ—какъ исчезли военныя поселенія, стоившія столько же жизней, какъ сраженіе и вдвое больше страданій, чѣмъ цѣлая война. И какъ исчезнетъ? не оставляя по себѣ ни жалости, ни другаго слѣда, кромѣ пыльных бумагъ въ архивѣ, да изумленія, *что это было, что это могло быть* въ самомъ дѣлѣ.

Еслибъ приснопочивающіе панегиристы “вѣрности Россіи бытовымъ началамъ своимъ”, такъ просто и говорили-бы, что у насъ ужасно мерзко, но что всѣ эти прививные институты и учрежденія быстро нарываюгъ и быстро проходятъ, какъ коровья оспа, съ ними можно-бы столковаться. Но обращая свои смѣлыя надежды въ смѣлыя воспоминанія, они пишутъ официальные памфлеты, сводящіе съ ума простыхъ людей и наводящіе на умъ правительство. И вотъ причина почему безъ глубокаго негодованія нельзя читать на примѣръ такіа строки: “Внутренняя исторія Польши представляетъ уродливое непомѣрное развитіе одного органа на счетъ всѣхъ другихъ,

* Nord говоритъ, что Бахтинъ работаетъ надъ проектомъ распространения регрутчины на дворянъ. Encore une étoile qui file!

— общества на счетъ государства и простаго народа. Государство расплылось въ общество—въ шляхту; простой народъ, который во всѣхъ славянскихъ земляхъ составлялъ и составляетъ необходимое условіе полноты общественнаго развитія, именно *какъ* простой народъ, какъ живая, непосредственная, самородная сила, подобная силѣ зерна или корня въ организмѣ растений,—простой народъ былъ лишень всякаго политическаго значенія, духовно презрѣнъ и низведенъ на степень вещественнаго матеріала. Польская шляхта не только не удостоивала признавать въ немъ присутствіе какой либо органической силы,—не только отвергала въ крестьяннѣ его значеніе, какъ поляка, но и его достоинство, какъ челоѣка. Польская шляхта не только именовала себя “польскими государями” (историческое выраженіе), но и “польскимъ народомъ”, “польскою націею”,—идѣйствительно, слово “Польша”—и въ исторіи и въ жизни было тождественно съ словомъ: “польская шляхта”. Развитіе пошло въ древесину и лству, въ ущербъ корѣ и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню”... (День No. 9.)

И такъ стало быть въ Россіи простой народъ не былъ лишень всякаго политическаго значенія, былъ духовно уважаемъ и возведенъ на степень органическаго матеріала—которое впрочемъ продавалось гуртомъ и въ одиочку, вырывалось изъ семьи, переселялось, бралось во дворъ, шло на барскій развратъ, тратилось поколѣніями на черную работу и притомъ непрерывно сѣклось

Представлять русское дворянство уважавшимъ быть народный, въ противоположность польскому шляхетству—вопіющая неправда. Всѣ мы воспитанные въ помѣщичьихъ домахъ, жившіе по деревнямъ часть года, знаемъ какъ русское дворянство уважало челоѣческое достоинство товара, которое оно сотнями посылало на дороги, отдавало на фабрики, переселяло и проч. Пеужели г. Аксаковъ жившій всю жизнь въ этой сферѣ, ѣздившій на изученіе ярмарокъ, участвовавшій при слѣдствіяхъ, не знаетъ этого? Какъ не знать—по онъ изъ патриотизма не помнитъ.

Исторію о Надеждѣ Ивановнѣ Вигель я поберегу до слѣдующаго письма, а съ вами теперь прощаюсь.

4 Апрѣля 1864.

Н—ръ.

СМБСБ.

— *Православіе на рельсахъ.*—“День” съ яростью ополчившійся въ послѣднее время на напѣжъ, латынство, іезуитство, напрасно портитъ свою кровь. Православіе не только не въ опасности, но напротивъ, само ударилось въ прозелитизмъ и въ чисто императорскій, казенный прозелитизмъ. “Кельнская Газета” говоритъ, что толпами оставленные служители польскихъ желѣзныхъ дорогъ, за то что они поляки, обратились съ просьбами, чтобы ихъ приняли на русскія желѣзныя дороги. Правительство согласилось, но съ условіемъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые исповѣдуютъ католическую вѣру—приняли греко-россійское исповѣданіе.

— *Казни русскихъ.*—“Русскій Инвалидъ” говоритъ о казни разстрѣляемъ въ Сувалкахъ Федора Блашнина и въ Остроленѣ Владимира Иванова—кажется это не поляки!

— Статья “Письмо къ Прудону” г. Мечникова, будетъ напечатана въ слѣдующемъ листѣ “Колокола”.

— Въ Общій фондъ изъ Италіи 90 франковъ.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 185.

15 Мая 1864.

У Трубнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ.—Письмо къ Прудону. Смѣсь: Благодарность за плодородіе —

Примѣръ въротерпимости—Земля и Липовиды—Черкасскій-министръ развивается—Свой Гарнеальди и проч.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

I.

Что нужно народу?

Земля и воля.

Землю, при освобожденіи, правительство у народа урѣзало.
Волю оно замѣняетъ “положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ”.

Неужто оно въ самомъ дѣлѣ думаетъ, что это кого нибудь
удовлетворить?

“Признавъ за благо”, говоритъ государь въ своемъ указѣ,
“призвать къ ближайшему участию въ завѣдываніи дѣлами,
относящимися до хозяйственныхъ польвъ и нуждъ каждой
губерніи и каждаго уѣзда, мѣстное ихъ населеніе, посред-
ствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ, Мы повелѣли министру
внутреннихъ дѣлъ составить на указанныхъ Нами началахъ
проекты постановленій объ устройствѣ особыхъ земскихъ,
для завѣдыванія упомянутыми дѣлами учреждений”.

Кто-же ему сказалъ, что можно составить положеніе о
земскомъ самоуправленіи безъ всякаго участія выборныхъ
отъ земства въ составленіи этого положенія?

Гдѣ онъ нашелъ у себя министра внутреннихъ дѣлъ, доста-
точно умнаго и достаточно знающаго Россію, чтобы быть въ
состояніи составить это положеніе?

И какія такіа начала онъ могъ указать своему министру,
на которыхъ бы долженъ быть основанъ проектъ положенія?

Не знаю гдѣ—государь и самъ-ли онъ, или министръ его,
отыскалъ эти начала; но мы ихъ очень просто отыскали во
французскомъ кодексѣ, откуда они взяты и подпорчены въ
пользу канцелярскаго порядка. Замѣчательно, что и для
свободы французскаго народа они принесли немного пользы
и могли существовать при самыхъ разнородныхъ правитель-
ствахъ; что-же они произведутъ у насъ, да еще преднамѣ-
ренно подпорченные въ пользу канцелярскаго порядка?

Огромная разница между французскимъ кодексомъ и
русскими земскими учрежденіями заключается въ томъ, что
французскій кодексъ—хорошъ ли, или худъ—но опредѣленъ

Годъ VII:

и ясенъ; а “Положеніе”, кромѣ неясности изложенія и мно-
жества праздныхъ статей, не содержитъ почти ни одной
статьи, къ которой бы нельзя было пріискать, въ томъ-же
самомъ “Положеніи” статью ее опровергающую.

Съ перваго взгляда “Положеніе” поражаетъ сходствомъ
съ своимъ французскимъ идеаломъ. Наши “губернскія земскія
учрежденія” соотвѣтствуютъ французскимъ conseils généraux
департаментовъ; наши “уѣзныя земскія учрежденія” —
соотвѣтствуютъ французскимъ conseils d'arrondissements.
Занятія ихъ тѣже* :

1. “Завѣдываніе имуществомъ, капиталами и денежными
сборами земства”.

Слово *завѣдываніе* представляетъ такую неопредѣленность,
что этотъ пунктъ “Положенія” самъ по себѣ ничего
не могъ бы объяснить и необходимо требовалъ перечня
того, что законъ хочетъ разумѣть подъ словомъ *завѣды-
ваніе*. По этому французскій законъ — во-первыхъ не
разсматриваетъ conseils généraux совокупно съ conseils
d'arrondissements, зная, что ему необходимо придется все
тоже еще разъ сказать для каждаго отдѣльно; а во-вторыхъ
онъ вовсе не ставитъ этой празднои статьи, а прямо присту-
паетъ къ перечню обязанностей, сперва губернскаго, потомъ
уѣзнаго учрежденія. “Общій Совѣтъ”, говоритъ французскій
законъ, производитъ ежегодную раскладку прямыхъ сборовъ
между уѣздами, на основаніи законныхъ правилъ†. Въ
русскомъ “Положеніи”, это выражено разъ въ общемъ
отдѣлѣ земскихъ учрежденій (Гл. I, § 2, ст. X), а потомъ для
губернскаго учрежденія (Гл. III, § 62, ст. VI). Вотъ онъ :

“X, раскладки тѣхъ государственныхъ сборовъ, разверстаніе
которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земскія
учрежденія, на основаніи изданныхъ о томъ узаконеній или
особыхъ распоряженій, высочайшею властію утвержденных”.

“VI, раскладка между уѣздами суммъ государственныхъ

* Положеніе, § 2.

† Code administratif, section 2, art. 333, (édition de Solon 1848); loi du 10 Mai 1838, art. I.

сборовъ, которыхъ разверстаніе возложено на земскія учрежденія по закону, или особому, высочайшею власію утвержденному, распоряженію”.

Всѣ подобныя повторенія, ничего не прибавляя къ ясности закона, даже не въ состояніи скрыть, что статья переведена съ французскаго, но съ прибавкой, что надо вершигъ раскладку не только по закону, но и по “особому, высочайшей властью утвержденному, распоряженію”. То есть изъ этого очевидно, что французскій законъ, подразумѣвая законодательнымъ собраніемъ признанный бюджетъ, говоритъ о соразмѣрной раскладкѣ прямыхъ налоговъ на основаніи, уже положенномъ закономъ и неизмѣнномъ*; а русское “Положеніе” говоритъ объ особомъ высочайшемъ распоряженіи, которое вѣтъ закона, котораго еще нѣтъ, но полъ которое все подогнуть можно. И эту штуку, разными проселочными газетными дорогами, хотятъ намъ выдать за нѣчто въ родъ конституціи!

Далѣе надо замѣтить, что русское “Положеніе”, чтобы скрыть свою переведенность съ французскаго, разметало свои статьи въ другомъ порядкѣ, чѣмъ онѣ слѣдуютъ во французскомъ законѣ. Во французскомъ законѣ прежде всего слѣдуетъ раскладка налога, какъ дѣло требующее самаго непосредственнаго участія общественнаго; въ русскомъ “Положеніи” оно составляетъ пунктъ X ст. 2... Далѣе, французскій кодексъ говоритъ о приобрѣтеніяхъ, продажахъ и обмѣнахъ общественныхъ имуществъ; “Положеніе” говоритъ объ этомъ въ ст. 5. Вдобавокъ тутъ замѣчательно, что французскій кодексъ, можетъ, и по праву говорить объ общественныхъ имуществѣхъ департамента; но мы никакъ не въ силахъ припомнить въ Россіи *губернскихъ* или *уѣздныхъ* общественныхъ имуществъ; сельскія и городскія есть, а губернскихъ и уѣздныхъ нѣтъ.

Французскій кодексъ въ той-же 4 ст. закона 10 Мая 1838, говоритъ о путяхъ сообщенія пункт. 8 и 9, о домахъ и зданіяхъ п. 3; въ “Положеніи” о путяхъ сообщенія и зданіяхъ говорится въ пункт. 11 ст. 2. Такимъ образомъ мы найдемъ въ “Положеніи”, размѣщеннымъ въ другомъ порядкѣ всѣ статьи французскаго свода, даже слѣдующую; 4 (*le conseil général délibère*) “16) enfin sur tous les autres objets sur lesquels il est appelé à délibérer par les lois et réglemens”. Понятно, что французскій законъ 1838 года, встрѣчая прежде себя цѣлый рядъ постановленій о департаментскихъ совѣтахъ, чтобъ ничего не опустить—заключилъ статью о предметахъ подлежащихъ сужденію совѣта этой объемлющей фразой. Русскому переводчику “Положенія” показалось, что безъ этой фразы обойтись нельзя, хотя еще никакихъ законовъ о земскихъ учрежденіяхъ и нѣтъ, и онъ ее бодро переводитъ: (ст. 2, пун. XIV) “Дѣла, которые будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ на основаніи *особыхъ* уставовъ, положеній, или постановленій”.

Лишними противъ французскаго перечня предметовъ,

* Законы о налогахъ составляютъ отдѣльную книгу франц. административнаго кодекса: du concours récipiariaire. Code administr. 335; loi du 10 Mai 1838, art. 4; отъ 1-го до 16-го.

подлежащихъ сужденію земскихъ собраній,—въ русскомъ переводѣ остались только суслики и саранча, которые замѣнили простую (но не смѣшную) фразу французскаго закона о “правѣ (земскихъ учрежденій) выдавать законныя награжденія за истребленіе вредныхъ животныхъ”. Переводчикъ даже не замѣтилъ, что суслики и саранча касаются только нѣкоторыхъ мѣстностей южной Россіи, между тѣмъ какъ вредныя животныя встрѣчаются во всѣхъ губерніяхъ.

Чтобы покончить съ первымъ отдѣломъ “Положенія”, обратимъ вниманіе на существующее въ немъ противурѣчіе:

Ст. 6. “Земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ, дѣйствуютъ самостоятельно”.—(ст. 9). “Начальникъ губерніи имѣетъ право остановить исполненіе всякаго постановленія земскихъ учрежденій, противнаго законамъ, или *общимъ государственнымъ пользамъ*”.

Кто-же судья не только въ незаконности, но и въ *общей государственной пользѣ*? Почему-же губернаторъ больше понимаетъ государственную пользу, чѣмъ люди земскихъ учрежденій? Потому-ли, что онъ царскій наемникъ, а не народный выборный? Скажутъ, что для смягченія этого позволено (ст. 11) земскимъ учрежденіямъ жаловаться на незаконныя дѣйствія губернатора въ Сенатъ. Но русскій людъ очень хорошо знаетъ что значить и чего стоитъ тяжба съ высшими чиновниками; конечно, пытаться будутъ, но успѣхъ также сомнителенъ какъ и губернаторскія законности.

Словомъ статья 9 убиваетъ ст. 6, да и не только статью 6, а и цѣлое учрежденіе.

II.

Глава вторая “Положенія” болѣе оригинальна. Взявши съ французскаго цѣль, занятія и *подначальность* земскихъ учрежденій губернаторамъ и министру внутреннихъ дѣлъ, “Положеніе” не могло взять съ французскаго систему выбора гласныхъ: элементы слишкомъ различны. Французамъ было легко, у нихъ безъ того были избиратели; слѣдственно всякій кто имѣлъ по закону право избирать депутата въ камеру, или значился на листѣ присяжныхъ, имѣлъ право на избраніе члена въ общій совѣтъ департамента и члена въ окружной совѣтъ округа. У насъ нѣтъ ни присяжныхъ, ни избирателей, но за то есть сословія и чиновники. Очевидно, “Положеніе” не могло выбиться изъ сословности и изъ коллегіальныхъ традицій. Все, что оно могло взять изъ французскаго кодекса въ эту главу, оно и взяло: это 25-лѣтній возрастъ избирателей*; робость-ли передъ самымъ молодымъ поколѣніемъ, или простая подражательность французскому руководили составителемъ “Положенія”—это остается на его совѣсти.

Коллегіальныя нѣмецкія стремленія “Положенія” привели его къ большому уклоненію отъ французскаго кодекса въ раздѣленіи земскихъ учрежденій на собранія и управы. Въ французскомъ законѣ этого раздѣленія нѣтъ. Хотѣлъ-ли составитель “Положенія” придать этимъ раздѣленіемъ земскимъ учрежденіямъ видъ какой-то конституціонной формы

* Положеніе, гл. 2, ст. 17.

правленія, гдѣ есть будто и власть законодательная, будто и власть исполнительная? Но это было бы только дерзкой насмѣшкой надъ общественнымъ здравымъ смысломъ. Да и едва-ли составитель "Положенія" имѣлъ въ виду такія конституціонныя попятенія. Намъ кажется, что это раздѣленіе было самымъ ловкимъ маневромъ похоронить заживо самыя учрежденія, которыя должны были произвести шуму много, даже *отереться* въ *Journal des Débats*, а на дѣлѣ такимъ образомъ произвести ничего или очень мало. Управы представляютъ чисто коллегіальную форму, которую еще удобнѣе подчинить правительственному начальству, чѣмъ собраніе, которое много-ли, мало-ли, но все-же неизбежно станетъ разсуждать и говорить. По этому составитель "Положенія" рѣшилъ Собранія выпустить на вѣсколько дней, а тамъ и прочь ихъ, и останутся только Управы.

"Для засѣданій уѣздныхъ собраній полагается *десятидневный* срокъ, а для губернскихъ *двадцатидневный*". (Гл. 4, Порядокъ дѣйствій земскихъ учрежденій, ст. 77).

"Засѣданія земскихъ собраній могутъ быть, въ случаѣ надобности и по ходатайству о томъ самихъ собраній, продолжены долѣе сроковъ, опредѣленныхъ ст. 77: засѣданія губернскихъ собраній—съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а уѣздныхъ—съ разрѣшенія начальника губерніи". (Тамъ же, ст. 78).

Очевидно, дать разрѣшеніе для этихъ господъ не обязательно. Стало, собравшіеся люди должны будутъ на скорую руку переговорить о своихъ общихъ интересахъ, можетъ многого и не рѣшить и предоставить управамъ дальнѣйшія судьбы уѣзда и губерніи.

А управы—это другого рода дѣло; тутъ начальству не хитро справиться.

Гл. 2, ст. 48. "Избранный земскимъ собраніемъ предсѣдатель уѣздной управы* утверждается въ этой должности *начальникомъ губерніи*. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, *также съ разрѣшенія начальника губерніи*".

Ст. 56. "Губернская земская управа состоитъ изъ предсѣдателя и шести членовъ, избираемыхъ на три года губернскимъ земскимъ собраніемъ изъ своей среды... Избранный земскимъ собраніемъ предсѣдатель губернской управы утверждается въ должности *министромъ внутреннихъ дѣлъ*. Въ случаѣ отсутствія предсѣдателя, мѣсто его заступаетъ одинъ изъ членовъ управы, *также съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ*"

Очевидно, управы будутъ въ совершенномъ распоряженіи начальства и роль ихъ будетъ ничтожна. Сами-же собранія, стѣсненные призрачнымъ срокомъ своихъ засѣданій, еще привижены невыборностью своего предсѣдателя.

* "Уѣздная земская управа составляется изъ предсѣдателя и двухъ членовъ, избираемыхъ на три года уѣзднымъ земскимъ собраніемъ изъ числа участвующихъ въ немъ лицъ". Тутъ не забыто: *tres faciunt collegium*; но вдругъ вспомнили шестигласную думу и продолжаютъ: "Собранія могутъ, если найдутъ нужнымъ, увеличивать число избираемыхъ членовъ до шести". (Ст. 46).

Ст. 43. "Въ уѣздномъ земскомъ собраніи предсѣдательствуетъ уѣздный предводитель дворянства".

Слѣдственно, остальные сословія (да и самое дворянство, которое въ этомъ случаѣ можетъ пожелать и другаго предсѣдателя) лишены права выбора предсѣдателя.

Ст. 53. "Въ губернскомъ земскомъ собраніи, въ тѣхъ случаяхъ, когда Государю Императору *не угодно* будетъ назначить для предсѣдательства въ ономъ особое лицо, предсѣдательствуетъ губернской предводитель дворянства".

Слѣдственно, есть случаи, когда государь императоръ можетъ прислать для предсѣдательства въ любое губернское собраніе—чиновника изъ Петербурга, или флигель-адъютанта!

Выборъ управы на три года также знаменателенъ: каждое годное собраніе не имѣетъ права переимѣнить ни членовъ, ни предсѣдателя управы въ продолженіи трехъ лѣтъ, къ великому удовольствію губернаторовъ и министра внутреннихъ дѣлъ.

Что-же касается до самихъ выборовъ въ гласные, какъ мы уже сказали, "Положеніе" не могло выбиться изъ сословности. Оно раздѣлило Россію на землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и сельскія общества; каждая категория составляетъ отдѣльные сѣзды для выбора гласныхъ въ уѣздныя земскія собранія, которыя уже избираютъ гласныхъ въ губернскія земскія собранія на три года*. Очевидно, для крестьянъ село составляетъ собирательную единицу; между тѣмъ какъ личныя собственности отвѣчаютъ каждый за себя—лишь бы собственность подходила подъ ценсъ. Не-подходящіе подъ ценсъ землевладѣльцы, а также и землевладѣющія товарищества, могутъ сообща избирать уполномоченнаго, даже если итъ землевладѣніе составляетъ только двадцатую долю ценса. Священнослужители также избираютъ уполномоченнаго, такъ какъ ихъ собственность церковная и не достигаетъ ценса (ст. 23)†.

"При выясненіи пространства земли, дающаго на основаніи 23 ст. право участія въ избирательныхъ сѣздахъ, не различается, состоитъ ли означенная земля въ непосредственномъ распоряженіи владѣльца по праву собственности, или отведена въ постоянное пользованіе крестьянъ, или-же отдана въ арендное содержаніе другимъ лицамъ. По выкупные крестьянами земельные участки, со дня окончательнаго утвержденія выкупной сѣлки, исключаются изъ счета общаго пространства земель, принадлежащихъ владѣльцу имѣнія". (ст. 26).

Мы выписали особую эту статью, потому что она представляетъ странное смѣшеніе понятій о *крестьянскомъ надѣлѣ никогда у крестьянъ неотъемлемомъ*, съ частной собственностью отданной въ наймы. Намъ кажется, что крестьянскій надѣлъ *ни въ какомъ случаѣ* не составляетъ собственности помѣщика. Составитель "Положенія" очень хорошо долженъ

* Ст. 51.

† Замѣчательно, что по ст. 24, на сѣздахъ для выбора уполномоченнаго, хотя бы и священнослужителями, предсѣдательствуютъ уѣздный предводитель дворянства.

былъ понять это, потому что самъ опредѣлилъ участіе въ земскихъ собраніяхъ членовъ отъ вѣдомствъ государственныхъ имуществъ и удѣльнаго (ст. 36) въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ находятся казенныя и удѣльныя земли, *не отведенныя* въ постоянное пользованіе крестьянъ. Слѣдственно, тамъ гдѣ земли *отведены въ постоянное пользованіе крестьянъ*—представителями интересовъ этой межи могутъ быть только сами крестьяне.

Что касается до ценса личнаго владѣнія, то онъ довольно страненъ. Поземельное владѣніе значится не по стоимости, а по пространству для разныхъ губерцій и уѣздовъ различно; а *другое недвижимое* владѣніе въ уѣздѣ должно стоять не меньше пятнадцати тысячъ рублей; а если промышленное заведеніе, то должно имѣть въ годовомъ оборотѣ производства не меньше шести тысячъ рублей. Въ росписи поземельнаго владѣнія, составляющей примѣчаніе къ ст. 33 объ отношеніи числа гласныхъ къ населенію и пространству—мы находимъ на пр., что собственность въ 200 десятинъ земли въ Пензенской губерніи составляетъ *минимум* ценса; по эти 200 десятинъ, въ настоящее время и не стоятъ 15 тысячъ, и не произведутъ зерна на 6 тысячъ р. Почему-же владѣлецъ какой нибудь *другой* недвижимой собственности, хоть въ саранскомъ уѣздѣ, стоящей 7 тысячъ руб. и дающей обороту не болѣе 3 тысячъ руб. обиженъ въ сравненіи съ землевладѣльцемъ? Почему владѣльцы фабрикъ и другихъ промышленныхъ или *торговыхъ** заведеній, чтобы участвовать въ выборахъ, должны имѣть обороту не менѣе 6,000 рублей, между тѣмъ какъ отъ имѣющаго купеческое свидѣтельство этого не спрашивается, а лица имѣющіе собственность въ городахъ участвуютъ въ выборахъ, если эта собственность для города, гдѣ больше 10,000 жителей оцѣнена въ 3,000 рублей, для города отъ 2 до 10,000 жителей—въ 1,000 руб., для прочихъ городовъ въ 500 рублей?

Все это намъ кажется довольно произвольнымъ и не явилось бы въ законѣ, еслибъ онъ составлялся выборными отъ всѣхъ уѣздовъ, а не министромъ внутреннихъ дѣлъ на началахъ французскаго кодекса и нѣмецкаго бюрократическаго смысла.

Ст. 35. “Въ гласные избираются въ опредѣленномъ въ ст. 33 числѣ:

а) сѣздомъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ—члены оного въ ст. 23 означенные;

б) городскими избирательными сѣздами—члены оныхъ въ ст. 28 означенные, не исключая и тѣхъ землевладѣльцевъ, которые имѣютъ право участія въ городскихъ избирательныхъ сѣздахъ;

в) избирательными сѣздами сельскаго сословія—лица, *участвующія въ сихъ сѣздахъ; и члены избирательнаго сѣзда землевладѣльцевъ, а также мѣстные православные: приходскіе священники и вообще священнослужители*”.

Признаемся, послѣдняго пункта в мы совершенно не понимаемъ.

* Что такое торговое заведеніе—лавка что-ли?

Ст. 39. “Гласнымъ никакихъ служебныхъ преимуществъ не присвоится и содержанія не полагается”.

Ужъ не есть-ли это начало уничтоженія чиновъ? Трудно повѣрить! По почему не дано избирателямъ право назначить содержаніе гласнымъ, изъ которыхъ не всѣ-же богачи—этого мы также не понимаемъ.

За тѣмъ мы хотѣли перейти къ остальнымъ Главамъ “Положенія” и ихъ безконечнымъ противурѣчіямъ; но оставляемъ это до слѣдующаго листа *Колокола*. Теперь-же мы спросимъ: какой результатъ дадутъ новыя земскія учрежденія? Что въ нихъ нѣтъ ничего похожего на конституцію—въ этомъ, мы надѣемся, никто не сомнѣвается, равно какъ и въ томъ, что губернскія власти, да и самое высшее правительство постараются прировнять ихъ нулю и вѣроятно успѣютъ, потому что противурѣчія, заключенныя въ “Положеніи”, представляютъ имъ полное удобство къ этому. Но земскія учрежденія имѣютъ и свою хорошую сторону: они вдругъ поднимаютъ изъ тьмы выборное начало, приращенное русскому уму. Въ этомъ смыслѣ, не смотря на различіе другихъ основаній общественной общинной жизни, русскій народъ гораздо ближе къ Сѣверо-американскимъ штатамъ, чѣмъ къ какому-либо изъ феодо-европейскихъ государствъ. Поднявъ на ноги выборное начало, правительство явится врагомъ его, что не помѣшаетъ ему развиваться въ народномъ сознаніи, и доходить до болѣе широкаго пониманія выборности, необходимой не только относительно земскихъ гласныхъ, но и относительно областныхъ начальниковъ и самаго царя. Съ глубокой радостью станемъ мы привѣтствовать молодыхъ людей, которые займутъ мѣста гласныхъ, для поддержанія на сколько возможно общественнаго самоуправленія и дальнѣйшаго развитія понятія выборнаго начала въ государствѣ.

(Продолженіе въ слѣд. листѣ).

Н. Огаревъ.

ПИСЬМО КЪ ПРУДОНУ.

М. Г.

По милости пустаго случая мнѣ удалось прочесть вашу книгу: “*Sur les traités de 1815*”, когда уже она перестала быть новостью. Но какъ и всему выходящему изъ подъ вашего пера, брошюрѣ этой нельзя придать только эфемерное значеніе. Оправдывая себя французскою поговоркою: *vaut mieux tard que jamais*, я рѣшился высказать вамъ всѣ тѣ возраженія, которыя она вызвала во мнѣ.

Не стану возражать на ваши нападенія противъ Польши, не потому что будучи русскимъ, я бы не считалъ себя вправѣ на это, а потому что при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ вашему таланту и лично къ вамъ, какъ человѣку, которому я такъ много обязанъ лучшею стороною своей нравственной жизни, я все же не могу придать серьезнаго значенія тому, что вы говорите въ своей брошюрѣ объ этой несчастной странѣ. Потому еще, что я не считаю нужнымъ говорить о предметахъ, которые вовсе не вызываютъ меня на хладнокровныя разсужденія. Ваши похвалы русскимъ не менѣе оскорбительны для насъ, чѣмъ ваши неблагоклонные отзывы о Польшѣ. Только Польша геройскимъ фактомъ отвѣчаетъ на ваши

горькія слова, а Россія въ припадѣхъ ложно патріотическаго *delirium tremens* какъ бы силится заслужить ваши неслестныя для нея похвалы. Но я оставляю все это въ сторонѣ и думаю выступить безъ дальнѣйшихъ прибавленій защитникомъ принципа національности, какъ единственной возможной основы новаго европейскаго общественнаго права. Я хочу сказать вамъ почему я считаю замѣну этимъ принципомъ устарѣвшихъ началъ вестфальскаго и вѣнскаго конгрессовъ вовсе не такъ опаснымъ для человѣчества, какъ вы думаете, вовсе не шагомъ назадъ въ дѣлѣ прогрессивнаго развитія общественности. Предупреждаю васъ, что вы едва ли встрѣтите здѣсь доводы, которые были бы заимствованы не у васъ-же, хотя я и прихожу къ заключеніямъ радикально-противуположнымъ вашимъ собственнымъ относительно принципа національностей.

Принципъ государственнаго равновѣсія, провозглашенный въ первый разъ вестфальскимъ конгрессомъ, говоритъ вы въ послѣдней вашей книжкѣ, былъ громаднымъ шагомъ впередъ на пути общественнаго развитія. Онъ клалъ преграду грубой матеріальной силѣ, суживала поле ея дѣйствія. Благодаря ему, государствамъ открылась возможность не исходить въ избытокъ централизаціи, не жертвовать всѣми положительными интересами человѣчества — одной вѣчно грозящей необходимости войною отстаивать себя противъ хищности сосѣдей. Независимость каждаго признаннаго государства, какъ бы мало и слабо оно ни было, стало гарантировано коллективною силою всѣхъ остальныхъ.

За тѣмъ вы точно также справедливо замѣчаете, что столь радикальное измѣненіе международныхъ отношеній не могло совершиться вполнѣ изолированно отъ условій внутренняго быта каждаго изъ нихъ. Призванія равновѣсія политическаго обязывало къ признанію того-же равновѣсія гражданскаго между лицомъ и обществомъ и т. д.

Теперь нѣсколько словъ о чувствѣ національности. Я совершенно понимаю ваше предубѣжденіе противъ него, оно слишкомъ долго служило опорой всякому деспотизму. Но одно то уже что, счумѣвъ ловко задѣть народы за эту ихъ чувствительную струну, политическіе спекуляторы на невѣжество и звѣрство массъ—могли вселять въ нихъ такое страстное желаніе избивать иноземцевъ, что массы эти еще основательнѣе впрягались въ ярмо гнетущей ихъ самихъ диктатуры гибельной централизаціи... одно это, говорю я, доказываетъ уже достаточно, что чувство это живо въ народахъ.

Какъ все живущее въ массахъ безсознательно, чувство національности—инстинктъ, стихія, ни добро, ни зло. Такъ точно лѣтъ пятнадцать тому назадъ австрійскій императоръ счумѣлъ возбудить галицкихъ крестьянъ къ никому ненужной и отвратительной рѣзнѣ во имя инстинкта социальнаго равенства, который точно также безсознательно живетъ въ славянскихъ хлѣбопашахъ. Но нельзя же объявлять принципъ социальнаго равенства враждебнымъ истинной цивилизаціи за то только, что ставъ его проповѣдникомъ, палачъ по натурѣ счумѣлъ обратить въ безкорыстныхъ палачей тысячи дозвѣрчивыхъ своихъ подданныхъ.

Но даже становясь сознательнымъ, чувство неприкосновенности своей національности, представляетъ концентрирующій элементъ народовъ, мѣшаетъ возвратиться безличному братству между ними. Однимъ словомъ, оно въ народѣ соотвѣтствуетъ сознанію своего человѣческаго достоинства въ мірѣ, въ чело-

вѣкѣ. Не спору, легче было бы вернуть полное равновѣсіе между лицомъ и обществомъ, если-бы каждый удовлетворялся казарменною безличностью первобытнаго коммунистическаго устройства, но съ другой стороны, если мы имѣемъ какую нибудь гарантію возможности сноснаго общественнаго устройства, такъ только въ томъ, что человѣкъ однажды сознавшій свое личное значеніе не поступится имъ никакой возможности угнетать ближняго, что оно не будетъ нуждаться въ монополіи и въ правѣ исключительной собственности для того, чтобы содѣйствовать по мѣрѣ силъ своему собственному и общественному благоденствію. Конечно мы еще очень далеки отъ равенства; но мы и еще отодвинемся отъ него, если не захотимъ сознаться, что деспотизмъ вездѣ и всюду вовсе не случайная конспирація меньшинства, а единственная гарантія безличной и безсильной массы противу выдѣлвшихся изъ нея личностей, которыхъ развитіе этимъ самымъ дѣлается возможнымъ не иначе какъ въ ущербъ все той-же массы. Не филантропіею, а водвореніемъ полной справедливости дается намъ удовлетворительное сколько нибудь общественное устройство. Это вы сами сказали. Но какъ навязать права тѣмъ, кто самъ ихъ не хочетъ?

Если мѣстами серьезно начинаютъ поговаривать о возвращеніи къ первобытной общинѣ, то вовсе не потому, чтобы считали ее за общественный идеалъ, а только потому, что убѣдились въ невозможности развитія живой самосознательной человѣческой личности въ государствѣ. А вѣдь только такая личность и можетъ заявлять свои права.

Рожденное войною, среди войны, для войны, государство совершило свой циклъ, едва завоевалось до возможности человѣческаго общества безъ войны, до того равновѣсія, которое признается необходимымъ всѣми для благополучія каждаго, до идеи вестфальскаго и вѣнскаго конгрессовъ въ томъ смыслѣ, какъ вы ее прекрасно развиваете въ вашей брошюрѣ.

Но для того, чтобы это признанное конгрессами политическое равновѣсіе стало фактомъ, дѣйствительностью, необходимо было прежде установить внутри каждаго государства равновѣсіе между лицомъ. Передъ этою задачею государство само сознаетъ свою несостоятельность. Идеалъ государственной, по необходимости исключительной въ своей односторонности, исключаетъ всякую возможность чисто человѣческой живой общественности. Признаніе принципа равновѣсія, уменьшая необходимость или даже возможность войны, устраняетъ и самую возможность государства. Оно употребляетъ остатокъ силъ на то, чтобы не дать человѣчеству очнуться. Если нѣтъ врага, избіеніемъ котораго можно-бы занять своихъ подданныхъ—государство выдумаетъ его. Укажите мнѣ во всѣхъ чисто государственныхъ войнахъ, которые велись съ 1848 г. и до сихъ поръ какую-бы то ни было цѣль, кромѣ этой гимнастической, по остроумному выраженію моего соотечественника А. Герцена.

А между тѣмъ вся религія государства, вся его справедливость имѣютъ своимъ основаніемъ полную беззащитность всякаго существованія передъ лицомъ грубой силы. Либо конгрессы не выражаютъ того, что вы думаете—либо это отчаянное положеніе всего живущаго значительно измѣнилось со временъ Карла великаго. А государство по прежнему не хочетъ и не можетъ признать человѣка въ своемъ подданномъ. Оно знаетъ единицу силъ, способныхъ быть поглощенными

въ общемъ центрѣ. Сообразно суммѣ этихъ силъ, представляемыхъ даннымъ лицомъ, оно даетъ ему привилегіи — права передъ лицомъ государства не имѣть никто... Изъ этого заколдованнаго круга оно не можетъ выбиться — оно немислимо безъ централизаціи, если не военной, то коммерческой, которая не хуже военной стянетъ всѣ силы, всѣ жизненные соки къ одному или нѣсколькимъ центрамъ. Всѣ реформы и революціи государственныя приводили только къ перемѣщенію центровъ, да къ измѣненію критериума силы. Буржуазная аристократія заняла мѣсто феодальной, потому что съ изобрѣтеніемъ пороха происхождение изъ самой древней рыцарской фамилии, дававшее возможность изъ поколѣнія въ поколѣніе не заниматься ничѣмъ, кромѣ военной гимнастики, перестало быть дѣйствительною силою. Парламентаризмъ и конституціонализмъ въ государственной системѣ не больше какъ замѣна одного лица, символически представлявшаго собою государство короля, императора — нѣсколькими столь же символическими представителями. Сущность не измѣнилась ни на волосъ, вездѣ та же отвлеченная цифра силъ подавляетъ живое лицо.

Все это очень терпѣливо переносилось до тѣхъ поръ, пока вѣчно грозившая опасность не давала возможности ни одной положительной потребности развиваться и заявить себя... Но теперь раздавленная личность народа приподняла голову.

Протестъ очевидно не могъ быть заявленъ отъ лица человека. Оно слишкомъ урывками, такъ сказать изподтишка — вырабатывалось въ государствѣ, кромѣ того такое лицо естественный врагъ массъ. Оно пугаетъ ее своею самостоятельностью, подавляетъ ее — да къ тому же представляетъ собою въ ея глазахъ цѣлый рядъ у ней же вырванныхъ привилегій, рядъ кровавыхъ насилій, которыми эти привилегіи упрочились за нимъ.

Между тѣмъ рядъ революцій съ одной стороны, съ другой вѣчно гнетущая нужда и самый гнетъ ненужной централизаціи воспитали мѣстами и самую массу. Сознаніе своей неприкосновенности какъ народа, какъ коллективной личности, стало просыпаться въ ней — и тамъ, гдѣ инстинктивнѣе чувство національности выработалось въ это сознаніе, масса стала протестовать противъ государственнаго гнета.

Не трудно понять, почему это сознаніе прежде всего проснулось тамъ, гдѣ государство было чужеземное, наносное — въ Италіи, въ Польшѣ.

Но какъ бы то ни было, а программа всякаго національнаго движенія имѣетъ свой весьма рѣшительный смыслъ и совершенно независимъ отъ того, понимаютъ-ли его тѣ, кто мретъ на баррикадахъ. Люди часто умирали изъ за фразы, но не тѣ, которые тяжелой работой прикованы къ неукосной реальности. Ни одна религіозная война не велась изъ за догмата, изъ за религіознаго принципа. А христіанство сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе, чѣмъ эта новая религія права всякой живой національности на самобытное существованіе, религія, которая нигдѣ не была еще толково формулирована, не выключая книги Авдонія Франки.

Вы превосходно видите истинный смыслъ событій, такъ слабо выражаемый конгрессами, гдѣ дипломатія упорно вырывала у неотразимой силы фактовъ, все что могла, въ свою пользу. Зачѣмъ-же вы хотите видѣть только ту случайную формулу, въ которой временно заявляетъ себя принципъ національности? Его истинный смыслъ такъ простъ и ясенъ:

это заявляемое живое, самосознательною личностью право на самостоятельное и возможно полное свое развитіе — право сознанія передъ лицомъ матеріальной силы, формулируемое синтетическимъ языкомъ массъ.

Пока идеологи формулировали его за нее, этотъ принципъ являлся намъ во всей своей чистотѣ, но можетъ быть поэтому то ему не доставало той реальности, которую всепародное признаніе одно можетъ дать ему. Масса могла сочувствовать ему и прежде, но только въ минуты увлеченія, порыва. Этого хватало иногда на побѣду надъ дряхлымъ, но не давало умѣнія воспользоваться побѣдою. Теперь онъ вошелъ въ плоть и кровь тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ масса заявляетъ свое право на народную жизнь. То, что вы приняли за шагъ назадъ къ потемкамъ прошедшаго — первые лучи закипающаго еще только новаго утра.

Пробуждающійся народъ заявляетъ пока еще это свое право передъ лицомъ чужеземнаго государства. Необходимость войны, въ которую онъ ставитъ себя такимъ образомъ пожалуй усиливъ временно внутри его государственную функцію. Но и въ этомъ уже громадный шагъ впередъ: государство въ этомъ случаѣ не все, не цѣль; оно только средство возстановить угнетенную народную жизнь. Въ Италіи самые умѣренные журналы навязываютъ Виктору-Эмануилу брутто-скія и цинцинатовскія рѣчи, а королевскій прокуроръ не смѣетъ секвестрировать ихъ, боясь такимъ образомъ надоумить народъ, что всякое государство вездѣ чужеземное. Напрасно, народъ самъ не замедлитъ понять это, дайте ему раздѣлаться съ сильнѣйшимъ врагомъ. Вѣдь онъ потому возсталъ противъ чужеземнаго ига, что хочетъ себѣ "свой домъ, свое поле, своихъ дѣтей". А развѣ государство можетъ отдать все это ему? Государство, упрочивая за сильнѣйшими право на народную собственность, было чрезвычайно вѣрно, послѣдовательно самому себѣ и идеѣ справедливости въ государствѣ. Отъ этого то право собственности является такою вопіющею несправедливостью въ смыслѣ новаго народнаго права, признающаго своимъ основаніемъ выработанную вѣками необходимость дать всякому живому сознанію возможность жить и развиваться. А можетъ-ли государство не отрицая само себя, удовлетворить новымъ требованіямъ — отдать матеріалъ труда тому, въ чьихъ рукахъ онъ только и можетъ стать источникомъ всеобщаго благоденствія?

Предвидя въ 1849 г. демократическую имперію, вы сами предупреждали, что этотъ новый гость хуже всѣхъ Катилинъ на свѣтѣ, что это смерть. Теперь гость этотъ съ нами и мы имѣли возможность оцѣнить страшную истину вашихъ словъ. Онъ впрочемъ не лгалъ, не ридился въ маскарадное платье. Онъ посмѣлся въ глаза надъ правомъ и вступилъ въ безцеремонную сдѣлку со всѣмъ, что успѣло народиться подъ покровомъ государства паразитнаго и безлично посредственнаго во Франціи, что живетъ доходами съ фикции о производительности капиталовъ, т. е. высасывая сокъ и кровь изъ дѣйствительныхъ производителей. Государство нанялось какъ орда кондотьеровъ, на службу этихъ спекуляторовъ, чтобы помочь имъ всю рутинную силу своего механизма въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ недостаточными окажутся *утощительныя средства*. Что-же вышло изъ этого, какъ не полная смерть всякой общественности? Гибельность этой системы въ томъ то и заключается, что она подрываетъ все, не выключая и самое себя. Промышленность все болѣе и болѣе сводится на

биржевую игру, на ажіотажъ. Какими паліативными мѣрами ни стали бы вы улучшать бытъ работниковъ, издержки на войны съ гимнастическими цѣлями, на поддержаніе всего этого мишурнаго величія, поглотятъ больше, чѣмъ можетъ производить страна, даже при идеальныхъ условіяхъ. Нельзя же серьезно вѣрить въ возможность перетаскать въ буржуа всѣхъ работниковъ, или хоть большинство ихъ. А всѣ эти ежечасныя банкротства, финансовыя и торговые кризисы?.. Все это грозитъ другимъ...

Но возможна-ли какая-нибудь другая форма государства въ настоящее время?

Посмотрите, какъ всюду быстро все перерабатывается по этому новому образцу—тамъ по крайней мѣрѣ, гдѣ не замеръ совсѣмъ народъ.

Въ Россіи, гдѣ ничего нѣтъ похожаго на французскую буржуазию, и тамъ даже императорство переходитъ въ тотъ-же безплодный содомскій союзъ государства со всѣмъ что есть затертаго, безличнаго, полуживаго и всего менѣе способнаго къ движенію, къ развитію въ народѣ. Позвольте мнѣ въ нѣсколькихъ словахъ выставить вамъ въ настоящемъ себѣ современную дѣятельность царя-просвѣтителя, которая кажется вамъ такъ блестящею издали.

Александръ II начинаетъ съ освобожденія крестьянъ. Не стану уменьшать его заслугу тѣмъ, что крѣпостное состояніе послѣ Крымской войны было немислимо. Но сколько пужно было съ его стороны по меньшей мѣрѣ презрѣнія къ нуждамъ края, чтобы это святое и исполнѣ созрѣвшее въ народномъ сознаніи дѣло обратить въ своекорыстную забаву, чтобы создать классъ полуинищихъ мелкихъ буржуа тамъ, гдѣ общинное владѣніе землею предсуществовало всякому общинному развитію, гдѣ мужикъ, будучи самъ собственностью рабовъ царскихъ, не могъ подъ кнутомъ отказаться отъ мысли, что земля неотъемлемая собственность цѣлой націи. Прочтите хотя бы въ "Нордѣ" подробности дѣла и вы увидите, что царь освободилъ свой народъ какъ будто краля у него что-то. Государство вынуждено было къ поджогамъ, чтобы имѣть возможность указать крестьянамъ на все что было нравственно свободнаго въ этой странѣ, сказать имъ: "вотъ агенты помѣщиковъ, которые поклялись истребить васъ и достоиніе ваше, недовольные тѣмъ, что царь освободилъ васъ". Народъ возбужденный всей вѣковой ненавистью къ привилегированному сословію, забываетъ, что и самъ онъ недоволенъ этимъ освобожденіемъ. Тутъ кстати подвернувшееся польское возстаніе избавляетъ полицію отъ непріятной для ея нѣжнаго сердца обязанности сожигать обѣ столицы. "Польша ополчилась чтобы возстановить крѣпостное право", нашептываютъ снова всѣ солидарные съ государствомъ шпионы и литераторы, чиновники и бары. Муравьевъ ѣдетъ проповѣдывать ярый коммунизмъ въ Литвѣ. Я не хочу говорить объ отвратительной оргіи, которыми эксъ-либеральная литература и бывшее просвѣщеннымъ общество свидѣтельствуетъ о своей гнилости и пустотѣ, которая легко набивается грязью хотя бы и кровавою; рано или поздно они сами будутъ затерты движеніемъ. Государство, пользуясь всею этою суматохою, ловко крадетъ у несчастной страны тѣ немногія вольности, которыя оно уже было вынуждено дать ей. Но неужели вы думаете, что оно можетъ удержаться на этой скользкой дорогѣ. Оно провалится въ пропасть, въ которую думало зарыть своихъ враговъ. Доведутъ-ли Александръ съ Муравьевымъ до конца свои роли, или сдадутъ дѣло съ рукъ на руки новому Пугачеву,

только выходя одинъ—все въ тотъ-же ярый, отрицательный коммунизмъ. Начавъ да саро свое развитіе, общество можетъ повторить въ одну изъ старыхъ ошибокъ, но путемъ государственнымъ оно не пойдетъ навѣрно.

Дѣло не въ томъ: объявить-ли какой-нибудь *Moniteur* или всѣ *Монитеры* вмѣстѣ существующимъ или несуществующимъ тотъ или другой принципъ. Принципъ конгресса 1815 года все равно уже не существуетъ, народы частью отвергли его, перешагнули черезъ него, отчасти-же вовсе и не подозрѣвали его существованія. Провозглашенный принципъ національной независимости выше принципа государственнаго равновѣсія, онъ менѣе условный, менѣе искусственный, а потому легче осуществимый. Политическая единица, которой онъ гарантируетъ существованіе, не конгрессами сшитое государство, немнѣющее ни въ міра дипломатическихъ комбинацій никакой причины, или возможности своему существованію, а живое органическое цѣлое...

Ваше замѣчаніе о невозможности опредѣлить съ точностію: гдѣ кончается одна національность и начинается другая—весьма вѣрно; но имъ доказывается только несостоятельность бастардной системы стратегическихъ или естественныхъ границъ въ государственномъ смыслѣ, а не самаго принципа національности. Всякая промежуточная національность либо сознаетъ себя какъ часть большаго цѣлаго (тогда нѣтъ тѣни противурѣчія) либо-же какъ самостоятельное племя,—тогда въ силу того-же національнаго права оно признается за независимую политическую личность. Что за бѣда, если существующія теперь политическія единицы раздробятся, коль скоро коллективная сила всѣхъ гарантируетъ ихъ свободу. Кромѣ того, въ случаѣ дѣйствительной опасности, онѣ найдутъ центръ, вокругъ котораго сгруппироваться бы.

Нѣсколько словъ еще о Швейцаріи, которая по вашему мнѣнію будто-бы фактомъ своего существованія опровергаетъ теорію національнаго права. Она напротивъ, представляетъ намъ какъ бы образчикъ возможнаго въ неотдаленномъ будущемъ общественнаго устройства съ полнымъ признаніемъ органической цѣльности каждаго племени. Что-же какъ не полная автономія кантоновъ составляетъ всю сяду этой страны, представляющей какимъ-то фениксомъ среди расштатавшихся и грозно догнивающихъ государствъ современной Европы?

Принципъ національнаго права, едва сдѣлавшись достояніемъ всеобщаго сознанія и черезъ это ставъ основою новаго общественнаго права, только одинъ и можетъ ноставить насъ на вѣрную дорогу къ братству народовъ, не отвлеченному, не съ пожертвованіемъ всего личнаго и случайнаго — а конкретнаго, мирно и послѣдовательно вытекающаго изъ живыхъ потребностей людей и обществъ. Только тогда и упадетъ окончательно міръ государственный, міръ христіанскаго дуализма и экономической фикции о производительности капиталовъ. Библейскій Авель, пастухъ и хлѣбопашецъ, вступить наконецъ въ свои права въ лицѣ сельскаго сословія, вездѣ такъ тинически и рѣзко охарактеризованнаго и обусловленнаго климатическими и этнографическими условіями, вездѣ подавленнаго безличными городами.

А пока почему не сказать смѣло: у насъ не существуетъ права, ни гражданскаго, ни уголовнаго, ни всякое другое. Барбесъ давно уже зналъ это и высказалъ своимъ судьямъ, которые тоже знали, но не смѣли даже самимъ себѣ въ этомъ признаться.

Извините мою сарматскую откровенность, съ которою обращаюсь къ вамъ. Ваши "*contradictions économiques*" играютъ слишкомъ важную роль въ моемъ развитіи. Вы для меня больше чѣмъ гениальный публицистъ—вы мой учитель. Знаю, что многіе могутъ сказать вамъ тоже, но тѣмъ неменѣе чувствую весьма сильную потребность высказать лично вамъ свой взглядъ именно тамъ, гдѣ онъ противурѣчитъ. Мы, русскіе, слишкомъ долго жили осужденные на рыбе молчанье; чтобы пользоваться правомъ говорить—мнѣ нужно было оставить родину. Оправдайте хоть этимъ мою болтовню, если она покажется вамъ докучною.

Л. Мечниковъ.

Флоренція, 1 Апрѣля 1864.

СМБСБ.

— *Благодарность за плодородіе.*—“Русскій Инвалидъ”, рассказывая подробности о пребываніи депутатовъ отъ крестьянъ Царства Польскаго въ Петербургѣ, отмѣчаетъ довольно замысловатый отвѣтъ “сѣдыхъ солтысовъ”, цѣловавшихъ покровы гробницы Николая. На вопросъ о причинахъ такого предпочтенія—по видимому удивившаго ихъ провожатыхъ—они отвѣчали: “Мы благодаримъ его за то, что онъ далъ свѣту такого великаго государя, который уничтожилъ крѣпостную неволю въ Россіи и довершилъ освобожденіе наше изъ-подъ ига своевольныхъ пановъ—предоставленіемъ намъ правъ собственности на воздѣлываемую нами землю, безъ чего никогда быть крестьянъ не могъ бы улучшиться”.

Каково тридцатилѣтнее царствованіе и пятидесяти пяти лѣтняя жизнь, въ которыхъ народъ только и находятъ хорошаго что рожденіе наследника и стало безсмертіе родителя!

— *Примѣръ въротерпимости.* “Кіевская духовная консисторія, по выслушаніи дѣла о томъ, что въ домахъ нѣкоторыхъ православныхъ прихожанъ имѣются иконы неправославной живописи, покупаемыя у раскольниковъ и странствующихъ австрійскихъ подданныхъ, постановила и его в.-преосвященство утвердилъ: 1) Обязать священниковъ, чтобы они не только не освящали иконъ неправославной живописи, но запретили бы и въ храмы таковыя вносить; 2) чтобы оповѣстили прихожанъ въ церквахъ и на собраніяхъ при требохъ, безъ совѣта и цепсуры приходскихъ пастырей не покупать иконъ неправославныхъ ни у католиковъ-торговцевъ, ни у раскольниковъ и 3) объявить и внушить офиціально сельскимъ волостнымъ правленіямъ слѣдить по селамъ за продавцами иконъ неправославныхъ и отсылать сихъ послѣднихъ къ приходскимъ священникамъ за разрѣшеніемъ продавать иконы прихожанамъ”.—(К. Ел. Вѣд.).

А сколько хвастовства о въротерпимости во всѣхъ казенныхъ журналахъ! Сколько толковъ о льготахъ старообрядцамъ! Къ чему все это? Кому это полезно? Нельзя-ли издать полицейскій уставъ о градусѣ угла маленькаго поклона въ церкви, и большаго, о скорости знаменья креста, и приставить за этимъ хоть корреспондентовъ *Московскихъ Вѣдомостей*, которымъ скоро нечего будетъ дѣлать въ Польшѣ.

— *Земля и Липранди.*—Генералу отъ инфантеріи Липранди дано въ Самарской губерніи 5,041 десят. 410 саж. удобной и неудобной земли. Когда-же это кто-нибудь догадается сказать государю, что вѣдь земля русская не въ самомъ дѣлѣ романовская собственность, которую можно давать на чай и на водку кому вздумается.

— *Черкасскій - министръ развивается.*—Изобрѣтатель дѣтскихъ розогъ явнымъ образомъ имѣетъ въ своемъ характерѣ что-то педагогическое, песталоцьевское; онъ въ министерствѣ продолжаетъ роль школьнаго учителя. Министръ славянофилъ (циркуляръ отъ 4 Апрѣля) распорядился, чтобы всѣ чиновники, т. е. поляки, нѣмцы, жида, старики 70, 80 лѣтъ и пр. учились по-русски и притомъ на срокъ; а будутъ дурно учиться—въ отставку. Умирай съ голоду, коли дурно учишься. Еще это хорошо, а то какъ стариковъ то дѣтскими розгами за безтолковыя русскія спряженія!

— *Свой Гарибальди.* Да, въ Петербургѣ свой Гарибальди, и именно М. Н. Муравьевъ. Приѣмъ, сдѣланный ему и описанный какъ и слѣдуетъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, не забудется въ исторіи... до этого не падало ни одно дворянство, желаемъ ему отъ души и не подыматься.

“М. Н. Муравьевъ выѣхалъ изъ Вильны 25 Апрѣля въ 5 ч. по полудни, и занялъ мѣсто въ обыкновенномъ почтовомъ поѣздѣ. Почти на каждой станціи онъ выходилъ къ войскамъ и къ депутатамъ изъ крестьянъ, которые встрѣчали его во многихъ мѣстахъ (гдѣ станціи были въ самыхъ селеніяхъ) съ хлѣбомъ и солью. Погода во время пути была холодная и сырая, и онъ до того простудился и такъ разстроилъ нервы, что къ ночи, и въ особенности къ утру, окружающіе, и даже бывшій при немъ докторъ, боялись, доvezутъ-ли его до Петербурга. Хотѣли нѣсколько разъ отцѣпить вагонъ, чтобы остаться на станціи, но не сдѣлали этого по неудобству помѣщенія. Ровно въ 5 ч. 26 числа, поѣздъ прибылъ въ Петербургъ. На станціи уже ожидало его около ста человекъ изъ числа людей уважающихъ заслуги М. Н., въ томъ числѣ нѣсколько дамъ, незнакомыхъ съ нимъ. Я замѣтилъ минист. государств. имуществъ Г. А. Зеленаго, главноуправляющаго путями сообщеній генерала Мельникова, генерала Анапьева, генерала Геденова, князя Барятинскаго съ нѣсколькими офицерами преображенскаго полка, нѣсколько измайловскихъ и гатчинскихъ офицеровъ, нѣсколько чиновниковъ министерства государственныхъ имуществъ, много офицеровъ и чиновниковъ межеваго вѣдомства. Всѣ искали глазами вагона М. Н. Вышло семейство, а его нѣтъ. Тогда узнали, что онъ не можетъ выйти изъ вагона, и просить къ себѣ. Нѣсколько человекъ вошло, но такъ какъ всѣмъ хотѣлось видѣть его, то рѣшились вынести его. Галерея огласилась громкими продолжительными привѣтственными криками. Сидя въ креслахъ на галерей, М. Н. поблагодарилъ за сочувствіе, выразилъ какъ онъ высоко цѣнитъ вниманіе къ нему людей любящихъ Россію, благодарилъ военныхъ за содѣйствіе ихъ дѣлу умиротворенія сѣверозападнаго края. Слабость силъ не позволила ему говорить много. Тогда подхватили его кресло и отнесли до экипажа, посадили и проводили громкими восклицаніями. На квартирѣ встрѣтили М. Н.—О. И. Тютчевъ, генералъ Потаповъ, А. Н. Муравьевъ, и чрезъ нѣсколько минутъ прибыла гр. А. Д. Блудова съ хлѣбомъ и солью”.

— Мы съ петербургскимъ ждемъ *Европейца*, что то скажетъ г. Бюмеръ на страшную статью о немъ, помѣщенную въ 19 No. Листка.

продаются :

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Изданіе исправленное, Н. Огарева, Цѣна 1 ш. 6л.)

— Слѣдующій 186 листъ Колокола выйдеть 15 Іюня.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пен. Получается въ Вольной Русской
Типографіи, Elmfield House, Teddington,
Middlesex.

ЛИСТЪ 186.

15 Іюня 1864.

У Трюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

О ГЛАВЛЕНІИ.—Н. Г. Чернышевскій—Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Продолженіе)—Письма къ будущему другу (Письмо четвертое). Слѣсъ: Отечественныя маргаритки—Наша прогресса—Русское шпіонство въ Женевѣ—Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы—Околица Вепры—Школа правовѣдѣнія—Патріотизмъ ливонцевъ—Приказъ виленьскаго полиціеистра—Аксаковъ въ гости у Каткова—Объявленія.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

Чернышевскій осужденъ на семь лѣтъ каторжной работы и на вѣчное поселеніе. Да падетъ проклятіемъ это безмѣрное злодѣйство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику, которая накликала это гоненіе, раздула его изъ личностей. Она приучила правительство къ убійствамъ военнопленныхъ въ Польшѣ, а въ Россіи къ утвержденію сененцій дикихъ невѣждъ сената и сѣдыхъ злодѣевъ государственнаго совѣта... А тутъ жалкіе люди, люди-трава, люди-слизняки говорятъ, что не слѣдуетъ бранить эту шайку разбойниковъ и негодяевъ, которая управляетъ нами!

“Инвалидъ” недавно спрашивалъ, гдѣ-же новая Россія, за которую билъ Гарибальди. Видно она не вся “за Днѣпромъ” когда жертва падаетъ за жертвой... Какъ-же согласовать дикія казни, дикія кары правительства и увѣренность въ безмятежномъ покоѣ его писакъ? Или что-же думаетъ редакторъ “Инвалида” о правительствѣ, которое безъ всякой опасности, безъ всякой причины разстрѣливаетъ молодыхъ офицеровъ, ссылаетъ Михайлова, Обручева, Мартынова, Красовскаго, Трувелле, двадцать другихъ, наконецъ Чернышевскаго въ каторжную работу.

И это-то царствованіе, мы привѣтствовали лѣтъ десять тому назадъ!

II—ръ.

P.S. Строки эти были написаны, когда мы прочли слѣдующее въ письмѣ одного очевидца экзекуціи: “Чернышевскій сильно измѣнился, блѣдное лицо его опухло и носить слѣды скорбута. Его поставили на колѣни, переломили шпагу и выставили на четверть часа у позорнаго столба. Какая-то дѣвица бросила въ карету Чернышевскаго вѣнокъ—ее арестовали. Извѣстный литераторъ П. Якушкинъ крикнулъ ему “прощай!” и былъ арестованъ. Ссылая Михайлова и Обручева, они дѣлали выставку въ 4 часа утра, теперь бѣлымъ днемъ!...”

Поздравляемъ всѣхъ различныхъ Катковыхъ—надъ этимъ врагомъ они восторжествовали! Ну что легко имъ на душѣ?

Чернышевскій былъ вами выставленъ къ столбу на четверть часа,*—а вы, а Россія на сколько лѣтъ останетесь привязанными къ нему?

Проклятіе вамъ, проклятіе—и если возможно мѣсть!

* Неужели никто изъ русскихъ художниковъ не нарисуетъ картины, представляющей Чернышевскаго у позорнаго столба? Эго бы обличительный холстъ будетъ образъ для будущихъ поколѣній и вкрѣпитъ шельмованье тупыхъ злодѣевъ, привязывающихъ мысль человѣческую къ столбу преступничества, дѣлая его товарищемъ креста.

Годъ VII.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ
ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

(Продолженіе).

III.

Мнѣ вспомнилась—какъ-то давно, еще въ дѣтствѣ читанная статейка Франклина о приложеніи алгебраической методы къ мнѣніямъ и поступкамъ въ обыденной жизни. Франклинъ предлагаетъ, чтобъ убѣдиться въ истинности или ложности мнѣнія, или въ пользѣ или вредѣ поступка—написать на одной страницѣ всѣ доводы за мнѣніе или поступокъ, а на другой страницѣ всѣ доводы противъ, и потомъ зачеркивать соотвѣтственно каждый положительный и каждый отрицательный параграфъ; если, по окончаніи этой операціи, останется хотя одна статья по цѣлюсу—то мнѣніе было истинно или поступокъ полезенъ; если останется хотя одна статья отрицательная, то мнѣніе ложно, а поступокъ вреденъ; если обѣ стороны сведутся на $+-=0$, то мнѣніе праздное, а поступокъ безполезный.

Мнѣ хочется приложить эту методу къ разбору земскихъ учрежденій и, выписавъ статьи другъ другу противоположныя, совершенно добросовѣстно разсмотрѣть, что изъ всего Положенія останется, чѣмъ бы общество могло и должно воспользоваться для развитія своей политической самостоятельности и свободы.

Начнемъ съ статей уже отчасти намъ знакомыхъ:

Ст. 6. “Земскія учрежденія, въ кругу *въренихъ** имъ дѣла, дѣйствуютъ самостоятельно”.

Таже ст. 6. “Законъ опредѣляетъ случаи и порядокъ, въ которыхъ дѣйствія и распоряженія ихъ подлежатъ утвержденію и наблюденію общинъ правительственныхъ властей”.

Ст. 7 не позволяющая земскимъ учрежденіямъ превышеніе власти, запрещаетъ имъ “*выѣшиваться въ дѣла, принадлежащія кругу дѣйствій правительственныхъ, сословныхъ и общественихъ властей и учрежденій*”†.

* Еслибъ Положеніе было составлено не министромъ на бюрократическихъ началахъ, то, конечно, было бы сказано: “въ кругу дѣлъ *въренихъ* имъ *избирательныхъ*”, а теперь выходитъ: “въ кругу дѣлъ *въренихъ* имъ *правительственныхъ*”.

† Сословныхъ и общественныхъ властей и учрежденій! Но ужъ если не сословныя, то земскія учрежденія *напрямую общественыя* учрежденія; стало, произволъ можетъ всякое дѣло поставить внѣ круга ихъ дѣйствій.

Ст. 8 подвергает *законной ответственности* (какой?) за превышение власти, за дѣйствія, противныя существующимъ законамъ, за неисполненіе основанныхъ на *законъ* требованій мѣстныхъ начальствъ, за неправильныя распоряженія по ввѣреннымъ имъ хозяйственнымъ дѣламъ и за всякій ущербъ, или стѣсненіе нанесенныя обществамъ или частнымъ лицамъ*.

Ст. 9 даетъ начальнику губерніи и министру в. д. право остановить постановленіе земскаго собранія, противное законамъ или государственной пользѣ†.

Ст. 10 даетъ начальнику губерніи, съ разрѣшенія министра в. д., право приступать къ непосредственнымъ исполнительнымъ распоряженіямъ на счетъ земства, если земскія учрежденія, не смотря на губернаторскія напоминанія, не сдѣлали распоряженій къ исполненію тѣхъ повинностей, отправленіе которыхъ законъ считаетъ обязательнымъ для земства‡.

Ст. 11 дозволяетъ земскимъ учрежденіямъ жаловаться въ сенатъ на губернатора и министра.

Очевидно, мы тутъ имѣемъ въ пользу самостоятельности земскихъ учреждений ст. 6-ю и 11-ю; противъ самостоятельности ст. 6-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю и 10-ю; т. е. двѣ статьи въ пользу и пять статей противъ.

Слѣдственно, земскія учрежденія не могутъ дѣйствовать самостоятельно!

Далѣе:

Ст. 32 дозволяетъ сельскому сѣзду выбрать изъ своей среды предсѣдателя сѣзда; по выборъ этотъ предлагаетъ и утверждаетъ мировой посредникъ, которому, стало, не воспрещено не утвердить выбора до тѣхъ поръ пока выберутъ кого ему хочется¶. Слѣдственно, свобода выбора предсѣдателя сельского сѣзда равна нулю.

Вообще, въ Положеніи, избраніе предсѣдателей равно нулю. Предсѣдатель уѣзднаго собранія пспремѣнно уѣздный предводитель (ст. 43); предсѣдатель губернскаго собранія даже и не губернский предводитель, а NN, назначенный государемъ. По ст. 46, предсѣдатель уѣздной управы избирается уѣзднымъ собраніемъ; но ст. 48 утверждается (или не утверждается) губернаторомъ. По ст. 56 предсѣдатель губернской управы избирается губернскимъ собраніемъ, но утверждается (или не утверждается) министромъ в. д. Тутъ мало того, что выборъ равенъ нулю, но онъ падаетъ всегда на челоѣка, котораго вся личная выгода въ томъ, чтобъ держать сторону правительства противъ интересовъ общества. У этого нуля есть хвостикъ съ минусомъ. Выборъ предсѣдателя (или кого бы то ни было) только тогда свободенъ, когда *признаніе* избраннаго обществомъ для правительства *обязателю*.

Ст. 33, по которой опредѣляется число гласныхъ, избираемыхъ въ каждомъ уѣздѣ избирательными сѣздами отъ землевладѣльцевъ, городовъ и сельскихъ обществъ, ставитъ въ основаніе этого опредѣленія: число землевладѣльцевъ, количество принадлежащихъ имъ удобныхъ земель, населенность

* Гдѣ судъ? Кто судья? Или отвѣтственность налагается административнымъ порядкомъ?

† Объ этомъ мы уже говорили. Ссылка въ этой статьѣ на порядокъ опредѣленный въ ст. 97 не много помогаетъ. По ст. 97 несогласіе министра и земскаго собранія идетъ на разрѣшеніе сената только въ семи пунктахъ занятій земскаго собранія, означенныхъ въ ст. 92; а въ остальныхъ пунктахъ министръ можетъ просто остановить постановленія земскаго собранія.

‡ Эта статья доказываетъ, что тутъ рѣшаетъ административный порядокъ безъ всякаго суда.

¶ За чѣмъ въ смѣшеніе судобнаго разбирательства съ административнымъ общественнымъ самоуправствомъ?

городовъ, число и цѣнность городскихъ недвижимыхъ имуществъ, число волостей, количество сельскаго населенія и пространство угодій состоящихъ въ надѣлѣ сельскихъ обществъ. Эта статья ссылается на ст. 23, 28 и 30 и на приложения къ ней росписи. Противурѣчія этой статьи со всѣми статьями и росписями, на которыя она ссылается, замѣчательны:

1) Число гласныхъ, хотя бы и на сказанномъ основаніи, опредѣляется не избирательными сѣздами, а заранѣе опредѣлено административнымъ порядкомъ. Даже нигдѣ не сказано, чтобъ избирательные сѣзды имѣли право протестовать противъ этого опредѣленія, и нигдѣ не видать на какихъ статистическихъ данныхъ основывается административный порядокъ.

2) Роспись поземельнаго пространства на основаніи ст. 23 пункта *а* исключаетъ изъ числа избирателей большую долю способныхъ и почтенныхъ людей. Положимъ, что у мелкопомѣстнаго помѣщика осталось въ московской губерніи, или въ нижегородской лукояновскаго уѣзда—200 десятинъ земли, и у такого-же мелкопомѣстнаго помѣщика во владимірской губерніи или въ нижегородскомъ уѣздѣ осталось тоже 200 дес. земли; московскій и лукояновскій помѣщики попадутъ въ число избирателей, а владимірскій и нижегородскій нѣтъ. На какомъ это разумномъ основаніи? Положимъ, что крестьянинъ купилъ въ московской губерніи или въ лукояновскомъ уѣздѣ 200 дес. земли, и положимъ, что крестьянинъ въ владимірской губерніи, или въ нижегородскомъ уѣздѣ купилъ 200 дес. земли; въ первомъ случаѣ крестьянинъ попадетъ въ избиратели, а во второмъ нѣтъ. Во владимірской губерніи, или въ нижегородскомъ уѣздѣ ему надо купить 250 дес., чтобъ попасть въ избиратели. А гдѣ нибудь въ вятской губерніи въ глазовскомъ уѣздѣ ему надо купить 475 дес., а въ вологодской, въ устьсысольскомъ уѣздѣ 880 дес., чтобъ попасть въ избиратели. Скажутъ это ради ценса; бѣдный челоѣкъ де неспособенъ; но вѣдь въ устьсысольскомъ уѣздѣ капиталъ имѣетъ совершенно ную важность чѣмъ въ московской губерніи; тамъ его заработать труднѣе; челоѣкъ имѣющій въ устьсысольскомъ уѣздѣ сто рублей, считается такимъ-же богачемъ, какъ въ московской губерніи челоѣкъ имѣющій тысячу. Равнять цѣнность капитала и труда отъ Архангельска до Одессы и отъ Чернигова до Урала, черезъ всю Россію—одна изъ тѣхъ пелѣныхъ бюрократическихъ фантазій, которая не можетъ выдержать критики; а если мы возьмемъ въ расчетъ, что большее пространство Россіи относится къ малонаселеннымъ мѣстностямъ, то становится очевидно, что на основаніи 33 и 23 статей будутъ исключены изъ числа избирателей трудолюбивые, способные и уважаемые люди этихъ мѣстностей.

3) Ст. 28 заключаетъ, какъ мы уже говорили, странное противурѣчіе, что кунецъ 3-ей гильдіи, который по закону объявляетъ капиталъ въ 2,400 р.*, можетъ быть избирателемъ; а фабрикантъ можетъ быть избирателемъ не иначе, какъ имѣя оборотъ въ 6,000 рублей.

4) Ст. 30 можетъ быть совершенно удовлетворительною для избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ; она опредѣляетъ двустепенный выборъ, т. е. изъ числа людей, на волостномъ сходѣ выбирается треть, которая и составитъ выборщиковъ—такъ, чтобъ отъ cadaго сельскаго общества

* См. Зак. изд. 1857 г. Т. V, Уст. о иошникахъ, ст. 483.

было не менѣ одного выборщика, и эти выборщики избираютъ гласныхъ. Но для того, чтобъ выборъ былъ дѣйствительно удовлетворителенъ надо, чтобъ въ него не вступалось ни сельское, ни казенное начальство, а этого нигдѣ не указано; и надо, чтобъ предсѣдатели сельскихъ сѣздовъ были выбираемы свободно, по единогласію или по крайней мѣрѣ по большинству голосовъ, между тѣмъ какъ по Положенію они избираются съ утвержденія мирового посредника.

Изъ совокупности всѣхъ этихъ статей 33, 23, 28, 30 и 52 и приложенныхъ росписей, мы видимъ, что тутъ все зависитъ отъ случайностей: административный порядокъ можетъ распределить сѣзды и число гласныхъ приблизительно вѣрно (на сколько возможно при весьма несправедливомъ ценѣ), можетъ распределить ихъ и очень уродливо; на сельскихъ сходахъ мировой посредникъ можетъ быть очень хорошій человекъ и не мѣшать ни выбору выборщиковъ, ни выбору предсѣдателя сѣзда,—можетъ быть и плохой человекъ и мѣшать свободѣ выбора, чтобъ подслужиться начальству или дать перевѣсъ дворянскимъ расчетамъ; само мѣстное казенное начальство—внутреннедѣльное, или удѣльное, или государственное—можетъ вмѣшиваться и портить выборы, а иногда (какихъ чудесъ не случается!) можетъ и не вмѣшиваться и не портить. Стало, вопросъ тутъ не можетъ свестись на простое положеніе, отрицаніе или ничто, а представляетъ совершенно неопредѣленную формулу, которая, смотря по случайной величинѣ данныхъ, можетъ быть то или другое или третье*.

Ст. 36, совершенно въ пользу земскихъ учреждений, устраняетъ отъ избранія въ гласные: мѣстныхъ начальниковъ губерній, вице-губернаторовъ, членовъ губернскихъ правленій, губернскихъ и уѣздныхъ прокуроровъ, стряпчихъ и чиновъ мѣстной полиціи. Мы ее помѣтимъ по плюсу, хотя ей бы слѣдовало приблизиться еще на шагъ къ своему французскому идеалу устраненіемъ отъ избранія: мѣстныхъ инженеровъ горныхъ и путейскихъ и всякихъ чиновниковъ правительственной администраціи (loi du 22 juin 1833, art. 5) и по этому нельзя не обратить вниманія на ст. 40, 41 и 55-ю. Эти статьи даютъ—не то что право *присутствія* и *протеста* какъ французскій законъ даетъ префекту (loi du 22 juin 1833, art. 12), а даютъ право *голоса* лицамъ, принадлежащимъ къ правительственной администраціи не меньше чѣмъ губернаторъ и члены губернскаго правленія, хотя эти лица числятся и не по министерству внутреннихъ дѣлъ. Если въ Россіи министерство внутреннихъ дѣлъ раздѣлилось на министерство государственныхъ имуществъ и министерство

удѣловъ, то это еще вовсе не доказываетъ, чтобъ смыслъ ихъ занятій имѣлъ различную цѣль и значеніе. Министерство государственныхъ имуществъ въ сущности представляетъ отдѣлъ, департаментъ администраціи внутреннихъ дѣлъ, который завѣдуетъ имуществами принадлежащими государству вообще. Прибавимъ къ этому, что ст. 40 "Положенія", устанавливая разницу между землями, отведенными въ постоянное пользованіе крестьянъ, и землями остающимися за государствомъ вообще, даетъ надежду, что крестьяне выпѣ называющіеся государственными, станутъ наконецъ просто вольными, землевладѣющими крестьянами также какъ и крестьяне на чисто вышедшіе изъ крѣпостной зависимости; и тогда будетъ еще менѣ причинъ отдѣлять—въ цѣлое особое министерство—управленіе предметамъ, которые просто относятся къ хозяйственному департаменту министерства внутреннихъ дѣлъ. Что же касается до департамента удѣловъ*, т. е. до управленія имуществами, у русскаго народа или государства отобранными царствующимъ домомъ въ свою пользу, то это опять тѣ же государственныя имущества, доходъ съ которыхъ назначенъ на содержаніе царствующаго дома, т. е. составляетъ долю *liste civile*. А теперь, когда по отводѣ крестьянскихъ надѣловъ, есть надежда, что и удѣльные крестьяне перестанутъ быть удѣльными, а будутъ просто вольными, землевладѣющими крестьянами, также какъ и всѣ крестьяне, то удѣльные земли не могутъ имѣть иного значенія, какъ земли, принадлежащія государству вообще, но доходъ съ которыхъ идетъ на содержаніе царствующаго дома, и завѣдываніе ими можетъ относиться только къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а никакъ не къ министерству двора; эти земли не требуютъ различія отъ другихъ государственныхъ земель, когда предѣлы *liste civile* будутъ означены точно. Намъ кажется совершенно очевидно, что чиновники, принадлежащіе къ управленію государственными землями, точно также члены правительственной администраціи, какъ и губернаторъ и т. п. чиновники крупные и мелкіе, и все что можно имъ дозволить—это входъ въ земскія собранія, право присутствія, право протеста, а никакъ не право подачи голоса. Уже одно то, что они начальники крестьянъ и ихъ голосъ будетъ имѣть начальническое вліяніе и мѣшать свободѣ голоса гласныхъ изъ крестьянъ, уже одно это приводитъ къ необходимости устранить право чиновниковъ обоихъ псевдо-министерствъ подавать голосъ, дозволивъ имъ только право протеста, идущаго на рѣшеніе высшаго учрежденія.

Такимъ образомъ, если мы ст. 36 зачислимъ по плюсу, то мы вынуждены ст. 40, 41 и 55 зачислить по минусу†.

Ст. 42: "Для законнаго состава засѣданій земскаго собранія требуется присутствіе не менѣ третьей части всего числа гласныхъ, собраніе составляющихъ, и во всякомъ случаѣ не менѣ десяти".

Эта статья повторена въ ст. 85†. Какъ она ни кажется второстепенной, а между тѣмъ се едва-ли не придется помѣтить по минусу, потому что она даетъ право правительству

* Учрежденіе департамента удѣловъ составляетъ 4-ую главу учрежденія министерства двора, Св. Закон. изд. 1857 г., Т. I, кн. IV, разд. XI, ст. 2143—2153.

† Ст. 41 даетъ правительству тамъ, гдѣ изъ числа всѣхъ земель $\frac{1}{4}$ государственныхъ или удѣльных, право назначать отъ себя одного гласнаго, гдѣ $\frac{1}{2}$ —двухъ, гдѣ больше $\frac{1}{2}$ —трехъ. Да еще кто и какъ будетъ считать! Ст. 55 даетъ право подачи голоса въ губернскомъ собраніи управляющему мѣстною палатою государственныхъ имуществъ и управляющему мѣстною удѣльною конторой.

‡ Забѣлительно какъ "Положеніе" любитъ слѣдовать своему французскому

* Кстати, мы беремъ нѣсколько примѣровъ и должны вѣдь обратить вниманіе читателей на цифры, которыхъ мы себѣ не можемъ объяснить, и которыя явно доказываютъ сколько полезныхъ избирателей устранено принятымъ ценсомъ и распределеніемъ по административному порядку:

Число жителей въ 1858 г. (по Кольбу)	Число губерн. гласныхъ по росписи
Губернія :	
Вятская 2,123,903	35
Черниговская 1,471,866	93
Камская 1,543,344	51
Московская 1,599,808	93
Оренбургская 2,007,075	41
Пензенская 1,188,535	66 и пр. и пр.

Можно-ли принять на вѣру административныя росписи?

Ст. 34, дающая право, когда на сѣздѣ число избирателей меньше числа подлежащихъ избранію гласныхъ, не производить выборовъ, а всѣхъ наличныхъ избирателей признать гласными, только доказываетъ, что установленный ценсъ можетъ привести къ такому случаю, потому что устраняетъ отъ избирательства большое число людей очень заинтересованныхъ въ избраніи. Вдобавокъ этотъ случай можетъ привести къ собранію гласныхъ, гдѣ каждый человекъ выражаетъ свое особое, но вовсе не общественное мнѣніе.

считать законнымъ постановленіемъ собранія—постановленіе, сдѣланное когда гласные не были въ сборѣ, постановленіе сдѣланное десятию членами, на скорую руку собранными въ чрезвычайное собраніе въ силу ст. 79-й, или просто составившими присутствіе днемъ раньше полнаго сѣзда членовъ (что губернатору всегда легко устроить). Эта статья тѣмъ страннѣе, что въ ней не помѣчена разница между уѣздными и губернскими собраніями и что она сама въ себѣ носитъ противурѣчіе. Такимъ образомъ на пр. московской губерніи въ Можайскомъ уѣздѣ* число гласныхъ двадцать человекъ, слѣдственно треть ихъ меньше десяти; а число членовъ губернскаго присутствія 93 человека, треть была бы 31 человекъ, а ст. 42 и 85-я допускаютъ случай, гдѣ 10 человекъ рѣшатъ дѣло вмѣсто 93-хъ, къ великому удовольствію мѣстнаго или министерскаго управления.

Ст. 45 даетъ право Общимъ городскимъ думамъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ и Одессѣ и земскимъ собраніямъ *уѣздовъ* сихъ городовъ, по требованію своихъ предсѣдателей (обоихъ или одного) имѣть соединенныя засѣданія. Странно, что право *смѣстныхъ* засѣданій дается только городской думѣ съ уѣздомъ въ трехъ городахъ, между тѣмъ какъ—вопреки французскому закону запрещающему сношенія *conseil général* съ *conseil d'arrondissement* ou du *département* (loi du 22 juin 1833, art. 16)—было бы чрезвычайно важно право смѣстныхъ собраній вообще; произволъ правительственнаго раздѣленія Россіи на губерніи не можетъ измѣнить дѣйствительной жизни, не можетъ сдѣлать, чтобъ не было смежныхъ земскихъ интересовъ, на примѣръ, у коломенскаго уѣзда московской губерніи съ зарайскимъ уѣздомъ рязанской, или у московской губерніи съ рязанской и т. д.; а если есть смежные интересы, то не можетъ не быть потребности и въ смѣстныхъ собраніяхъ. Но увы! и самая ст. 45 равна нулю, потому что право соединенныхъ собраній тремъ городамъ и уѣздамъ дапо: въ Петербургѣ и Москвѣ съ разрѣшенія губернаторовъ, а въ Одессѣ съ разрѣшенія генералъ-губернатора. Стало, въ маловажныхъ случаяхъ, никто не пойдетъ просить разрѣшенія, а въ важныхъ случаяхъ начальство можетъ не разрѣшить.

II. Огаревъ.

(Окончаніе въ слѣд. листѣ).

ПИСЬМА КЪ БУДУЩЕМУ ДРУГУ.

письмо четвертое.

Любезный другъ,

Хотѣлъ было я къ вамъ писать о двухъ пріятельницахъ моего дѣтства, о милѣйшей старушкѣ Надеждѣ Ивановнѣ Вигель, кочевавшей послѣ комендантска въ Орской крѣпости лѣтъ тридцать по разнымъ чужимъ домамъ, прежде чѣмъ подлиннику: въ французскомъ законѣ 1833 года 1-я глава—Составъ земскихъ совѣтовъ (*formation des conseils généraux*) и 2-я глава—Порядокъ дѣйствій земскихъ совѣтовъ (*règles de la session des conseils généraux*); “Положеніе”, послѣ вступительной главы, сохранило это раздѣленіе главъ, но упустило изъ виду, что французскій законъ потому и раздѣленъ на главы, что содержаніе главъ различное, и что онъ нигдѣ не повторяетъ 1-ю главу во 2-ой и не помѣщаетъ въ 1-ю то что относится ко 2-й. “Положеніе”—же постоянно повторяетъ одну главу въ другой и перемѣшиваетъ ихъ содержаніе. Страшная редакция!... уже не говоря о томъ, что языкъ ея не русскій, а какой-то иностранный, постоянно затемняющій смыслъ самыхъ простыхъ вещей, какъ на пр. ст. 34 пунктъ 6, о которомъ мы упоминали.

* А есть уѣзды въ другихъ губерніяхъ, на пр. Оренбургской губер. верхнеуральскій уѣздъ, гдѣ всего на все гласныхъ назначено 10 человекъ, стало } не больше 4-хъ.

успокоилась въ одномъ изъ нихъ, и о ея соперницѣ Варварѣ Якимовнѣ, заключившей свои долги странствованія собственнымъ комендантствомъ въ московскомъ острогѣ, гдѣ она начальствовала надъ прекраснымъ поломъ. Хотѣлъ я при этомъ рассказать о томъ, какъ княгиня Хованская пресерьезно запрещала Надеждѣ Ивановнѣ кашлять по ночамъ, и о томъ, какъ одна близкая родственница Ф. Вигеля, дѣвствовавшая въ преклонныхъ лѣтахъ и въ губернскомъ городѣ Пензѣ, изобрѣла особый способъ—неоцѣненный ни графиней Антониной Блудовой, ни Асоченскимъ, ни другими іерархами дворцоваго благочестія—прикладываться къ высоко поставленнымъ иконамъ. Старушка-барышня клала поцѣлуй свои на набалдашникъ своего посошка и возносила ихъ на немъ къ образу... Хотѣлъ я рядомъ съ ними, по поводу Вигелевской всеобщей исторіи его семейства, воскресить еще двѣ-три комическія личности, но... оставлю до другого раза.

Старое письмо, попавшееся на глаза, спугнуло всю эту семью сѣдыхъ совѣ въ бѣломъ чепчикѣ, воронѣ порхающихъ съ задняго двора на задній дворъ... Я остался въ прошедшемъ, но не въ томъ, которое шло между дѣвичьей княгини и передней моего отца, а въ томъ, которое несло между аудиторіей и ссылкой.

Сколько людей осталось незатронутыми въ моихъ воспоминаніяхъ, людей погибшихъ безъ малѣйшаго слѣда, забытыхъ, какъ забываются прошлогоднія листья, вчерашнія облака.

Человѣкъ, котораго письмо мнѣ попалось, умеръ, года два тому назадъ, въ небольшомъ городѣ на Ронѣ. Подробности объ его смерти я узналъ мѣсяцевъ черезъ шесть. Никто не шелъ за его гробомъ, никто не былъ пораженъ вѣстью о его смерти. Печальное существованіе его, переброшенное на чужую землю, сѣло какъ-то незаметно, не исполнивъ ни своихъ надеждъ, ни ожиданій другихъ. *Были* образованной Россіи, онъ принадлежалъ къ тѣмъ празднымъ, лишнимъ людямъ, которыхъ когда-то поэтизировали безъ мѣры, а теперь побиваютъ камнями безъ смысла. Мнѣ больно за нихъ. Я многихъ зналъ изъ нихъ и любилъ за родную мнѣ тоску ихъ, которую они не могли переселить и ушли—кто въ могилу, кто въ чужія края, кто въ вино.

Много разъ хотѣлось мнѣ поговорить объ ихъ *трудѣ существованія*... и я останавливался всякій разъ съ той внутренней дрожью, которую испытываетъ физиологъ, дотрогиваясь до разоблаченныхъ готовальни жизни... Удастся ли мнѣ побѣдить это чувство—не знаю, а хотѣлось бы. Каждая эксцентрическая жизнь, къ которой мы близко подходили, можетъ дать больше отгадокъ и больше вопросовъ, чѣмъ любой герой романа, если онъ несуществующее лицо подъ чужимъ именемъ*. Герои романовъ похожи на анатомическіе препараты изъ воска. Восковой слѣпокъ можетъ быть выразительнѣе, пормальнѣе, *типичнѣе*; въ немъ можетъ быть извѣстно все что зналъ анатомъ, но нѣтъ *того чего онъ не зналъ*, нѣтъ дремающихъ въ естественномъ равнодушіи, но готовыхъ проснуться отвѣтовъ—отвѣтовъ на такіе вопросы, которые равно не приходили въ голову ни прозектору, ни ваятелю. У слѣпка, какъ у статуи, все снаружи, ничего за душой, а въ препаратѣ

* Какъ на пр. Бекъ и Чарльзъ въ *Vanity Fair*. Кстати, вторые лица, едва набросанныя, стояща на дальнемъ планѣ, правятся намъ обыкновенно больше героевъ, просто оттого, что авторъ не даетъ себѣ труда ихъ изобрѣтать. Это все сосѣди, пріатели, слуги, путешествующіе *incognito*.

засохла, остановилась, оцѣпенѣла сама жизнь, со всѣми случайностями и тайнами.

Къ тому-же у насъ необходимѣе чѣмъ гдѣ-нибудь снимать маски и портреты, мы ужасно легко распадается съ только что прошедшимъ. У насъ жизнь не продолжается исподволь, а перескакиваетъ отъ одного направленія къ другому. Недостатокъ корпей и баласта дѣлаетъ эти перескакиванія чрезвычайно легкими для верхняго слоя. Я не хвалю и не порицаю этого, а только констатирую.

Близкое прошедшее впрочемъ вездѣ становится рѣзко отчуждаемымъ, почти враждебнымъ съ настоящимъ; противоположности, разницы не примирены еще далью и перспективой — не оправданы понижаньемъ. Мы скорѣе узнаемъ близкое и родное въ шитыхъ бархатныхъ и гродетуровыхъ кафтанахъ, въ пудревыхъ парикахъ, въ яковинскомъ костюмѣ и въ англійскомъ фермерскомъ фракѣ временъ Питта и Фокса, чѣмъ въ таин на затылкѣ и рукавахъ съ буфами двадцатыхъ годовъ. Тотъ только схватываетъ единство въ этихъ превращеніяхъ, кто самъ носилъ суконныя тупели на шеѣ, выѣсто воротника, сплюснутые воротники въ четверть шириною, а теперь носить исчезающій, едва замѣтный воротникъ нынѣшняго покроя.

Я въ этомъ отношеніи былъ счастливо поставленъ, потому что мнѣ и хочется этимъ воспользоваться.

Жизнь моя сложилась рано и я долго оставался молодъ. Воспоминанія мои переходятъ за предѣлы николаевского времени; это имъ даетъ особый *fond*, онѣ освѣщены вчерней зарей другого, торжественнаго дня, полного надеждъ и стремленій. Я еще помню блестящій рядъ молодыхъ героевъ, неустрашимо, самонадѣянно шедшихъ впередъ... Въ ихъ числѣ шли поэты и войны, таланты во всѣхъ родахъ, люди увѣнчанные лаврами и всевозможными вѣнками... Я помню появленіе первыхъ пѣсень 'Опѣгана' и первыхъ сценъ 'Горы отъ ума'... Я помню какъ, перерывая смѣхъ Грибоѣдова, ударялъ словно колоколъ на первой недѣлѣ поста—серьезный стихъ Рылѣева и звалъ на бой и гибель, какъ зовутъ на пирь...

И вся эта передовая фаланга, пешаяся впередъ, однимъ декабрьскимъ днемъ сорвалась въ пропасть и за глухимъ раскатомъ исчезла...

Въ странѣ мятелей и свѣтовъ,
На берегахъ широкой Лены...

Я четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ плакалъ объ нихъ, и обрѣкалъ себя на то, чтобы отмстить ихъ гибель.

Время свѣтлыхъ лицъ и надеждъ, свѣтлаго смѣха и свѣтлыхъ слезъ кончилось. Порядкомъ понявъ я это послѣ, но впечатлѣнія того времени, переплетаясь съ мистическими разсказами 1812 года, составили въ моей памяти то золотое поле иконописи, на которомъ еще чернѣе выходятъ лики святыхъ.

Когда немного улегся терроръ и шумъ николаевского вѣнчанья на царство, начали показываться какіе-то потерянные люди, несчастные, *ненужные*, незнающіе куда идти, т. е. незнающіе ни цѣли, ни дороги, но чувствующіе, что *такъ жить нельзя*, что выйти надобно—люди откуда то оторванные и покинутые въ опасномъ мѣстѣ, какъ "Дѣти въ лѣсу". Старшіе изъ нихъ были уцѣлѣвшіе Декабристы, мы замыкали ихъ процессію, какъ уличные мальчики замыкаютъ уходящій полкъ, и сами росли въ лишенныхъ людей. За нами шло уже поколѣніе безъ воспоминаній, кромѣ дѣтской и годовъ школы, оскорбленное грубымъ притѣсненіемъ, безъ прямой связи съ

прошедшимъ, безъ прямого упованія на будущее, болѣзненное, чахлое, оно вяло въ листѣ и безотрадно гибло на полдорогѣ. Многие изъ нихъ умерли моложе насъ лѣтами и старѣе словившимся духомъ.

Не много въ ихъ числѣ развилось эпергін, но много ее сгублено въ внутренней работѣ и въ внутреннемъ разладѣ, въ поднятыхъ вопросахъ, въ поднятыхъ сомнѣніяхъ и въ неимоверной тяжести жизни. Грѣшно въ нихъ бросать камни. Вообще *лишними* людямъ тѣхъ временъ обязано новое поколѣніе тѣмъ, что оно не лишнее.

... Въ тридцатыхъ годахъ меня поразили двѣ личности, двѣ уцѣлѣвшія античныя колонны на топкомъ грунтѣ московскаго великосвѣтскаго сампо *vassino*. Они стояли рядомъ, напоминая своей печальной, своей изящной ненужностью, что то рухнувшееся—что имению было трудно сказать, полиція подобрала всѣ развалины и всѣ осколки. Орловъ и Чаадаевъ были первые *лишние люди*, съ которыми я встрѣтился.

Они были розны (я писалъ объ обоихъ*). Я лучше многихъ зналъ ихъ недостатки, но для меня они были библейскими личностями, живыми легендами, я ихъ принималъ какъ они есть, не торгуясь, не бракуя, и потому-то можетъ лучше другихъ понять ихъ трагическое явленіе. Они были сломанные люди; одинъ совершенно *déraulé*, другой оскорбленъ, ихъ упрескали за это, люди которые никогда не рѣшились бы упрекнуть человѣка съ переломленной ногой, что онъ хромаетъ.

Косо посматривалъ мой отецъ на то, что я дичась общества почтенныхъ и солидныхъ людей, съ такой горячностью и готовностью бѣжалъ по первому приглашенію Орлова — "конечно умнаго, но опаснаго человѣка". Я тогда только что вышелъ изъ Карловъ Морозъ и поступилъ въ московскій университетъ; особаго рода восторженность, которая сопровождаетъ переходъ отъ отрочества въ юность еще не проходила.

Впечатлѣніе сдѣланное на меня первыми лишними людьми было до такой степени сильно, что послѣ долгой разлуки съ ними, они всего живѣе остались въ памяти.

Переведенный изъ Вятки во Владиміръ, я принялся описывать подъ именемъ Малинова вятское житье-бытье. Сначала я писалъ весело, потомъ мнѣ сдѣлалось тяжело отъ собственнаго смѣха, я задыхался отъ поднятой пыли и искалъ человѣческаго примиренія съ этимъ омутомъ пустоты, психототы, искалъ выхода хоть въ отчаяніи, но только въ разумномъ, сознательномъ, и ничего не пайдал, наклевалъ на Малиновъ-Трензлинскаго, и не думая-не гадая, сдѣлалъ портретъ Чаадаева, даже наружность взята съ него: "Пѣжное, бѣлое какъ мраморъ лицо, сѣроголубоватые глаза, холодная улыбка, чело какъ черепъ голый"—такъ рѣзко осталась его личность въ моей памяти.

Когда я воротился въ Москву, Орловъ угасалъ и вскорѣ угасть. Чаадаевъ былъ еще высочайше утвержденнымъ сумасшедшимъ, и стоялъ какъ-то особнякомъ между новыми людьми и новыми вопросами.

Передъ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи, на прощальномъ ужинѣ, я предложилъ прежде всѣхъ тостовъ выпить за старшаго изъ насъ—за Чаадаева. Чаадаевъ былъ тронутъ, но тотчасъ принялъ свой холодный видъ, выпилъ бокалъ, сѣлъ и вдругъ

* "Былое и думы".

† "Записки одного молодого человѣка"—"Отеч. Записки", 1840—41 г.

опять всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ меня, пожелалъ намъ счастливаго пути и съ словами: “простите меня, мнѣ пора”, вышелъ вонъ. Я его не удерживалъ и проводилъ до дверей; стройная, прямая въ старости фигура Чадаева исчезла въ дверяхъ среди приутихшаго пира, и такъ осталась въ моей памяти; я его больше не видѣлъ.

Жаль, что два послѣднихъ поколѣнія не знали такихъ предшественниковъ. Имѣя много ненавидѣть и презирать, имъ почти нечего было любить и уважать. Цѣлыя стороны внутренней жизни остаются непонятными, на глухо и на вѣки заросшими—въ сердцѣ человѣка не перешедшаго ни безпредѣльной любовью къ матери, ни восторженнымъ уваженіемъ къ своимъ отцамъ Maestri.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ того, какъ Чадаевъ исчезъ въ дверяхъ. Я пережилъ цѣлый томъ исторіи, да свою цѣлую жизнь и вдругъ въ 1861 году возобновилась одна изъ встрѣчъ 1831 года и я опять чувствовалъ себя молодымъ студентомъ.

Старикъ, величавый старикъ, лѣтъ восьмидесяти, съ длинной серебряной бородой и бѣлыми волосами, падавшими до плечъ, рассказывалъ мнѣ о тѣхъ временахъ, о *своихъ*, о Пестелѣ, о казематахъ, о каторгѣ, куда онъ пошелъ молодымъ, блестящимъ и откуда только-что воротился сѣдой, старой, еще болѣе блестящей, но ужъ инымъ свѣтомъ...

... Я слушалъ, слушалъ его—и когда онъ кончилъ, хотѣлъ у него просить папучьего благословенія въ жизнь—забывая, что она уже прошла... и не одна она... Между висѣлицами на Кронверкской куртнѣ и висѣлицами въ Польшѣ и Литвѣ, этими верстовыми столбами императорскаго тракта—прошли, смѣняя другъ друга въ холодныхъ, темныхъ сумеркахъ *три шеренги*... скоро ступаютъ ихъ очерки и пропадутъ въ дальней синевѣ. Пограничные споры двухъ поколѣній, поддерживающіе ихъ память, надобяты—и имъ предоставлять амнистію забвенія. Изъ за нихъ всплывутъ тѣни старцевъ-хранителей и черезъ кладбище сыновей своихъ, призовутъ внуковъ на дѣло и укажутъ имъ путь.

Пусть они и идутъ по немъ. Но пусть-же поймутъ и то, что тоской и стремленіемъ выйти изъ насильственнаго бездѣйствія, томной затратой себя, промежуточные поколѣнія людей лишнихъ и праздныхъ приблизили, сгладили его—и мирно благославятъ ихъ разбросанныя могилы.

... Зачѣмъ у меня нѣтъ такого таланта какъ у И. Тургенева, какую бы я составилъ грунну праздныхъ и затерянныхъ людей, для того чтобъ помирить *дѣтей съ отцами*.

Но за неимѣніемъ его, прошусь съ вами, мой милый будущій другъ, вы меня простите, что я говорилъ съ вами о прошедшихъ друзьяхъ (пожалуйста не смѣшивайте ихъ съ *ушедшими* друзьями... о тѣхъ писать еще не настало время), я чувствую, что это не деликатно, но полагаюсь на вашу снисходительность. Не могу вамъ сказать, какъ я доволенъ, что не знаю васъ и что вы мнѣ никогда не отвѣчаете, это мнѣ даетъ страшную волю и я не стѣсняясь пускаюсь въ письмахъ къ вамъ какъ Комозисъ—*nel largo Oceano*.

1 Мая 1864.

И—ръ.

СМБСБ.

— *Отечественныя Маргаритки* (ползаніе на колѣнахъ, цалованіе ногъ, гумальность “Моск. Вѣдомостей” и ихъ доносъ на чугуевское начальство). Русскіе журналы рассказываютъ, что одна изъ депутацій польскихъ крестьянъ, возвратясь въ Варшаву, представлялась

Бергу и послѣ обыкновенныхъ поученій съ одной стороны, и поклонивъ съ другой, одинъ крестьянинъ “опустился на колѣни” и поползъ черезъ всю залу къ Бергу, за нимъ стали на колѣни всѣ остальные, и тоже *поползли на колѣнахъ* для того, чтобъ поцаловать “поги и одежду храбраго генерала”. Бѣдный, забитый народъ!... Да за чѣмъ-же не нашлось на столько человѣческаго декорума, чтобы скрыть это страшное ползаніе на колѣнахъ!

Въ pendant и къ характеристикѣ ползающихъ депутатовъ “Кельнская Газета” упоминаетъ о приказѣ Берга или другого пачальника, по гминамъ, изъ которыхъ ѣздили депутаты, что за всякое оскорбленіе нанесенное имъ, или ихъ собственности, вся гмина будетъ отвѣчать... Развѣ они выбрали самыхъ ненавистныхъ людей въ депутаты, такихъ какихъ хуже нѣтъ въ селѣ?

Моск. Вѣд. въ полномъ цвѣту; опять каждый листъ покрытъ доносами, намеками, рабской лестью Муравьеву, какой то подицейской фуріей. Между прочимъ пожалѣвъ о томъ, что Муравьевъ не генералъ-губернаторомъ въ Новороссійскомъ краѣ и рассказавъ рядъ грабежей, помѣщичьихъ дракъ*, происшедшихъ оттого, что не онъ тамъ начальствуетъ, редація номѣщаетъ слѣдующій рассказъ: “Къ преступникамъ у насъ есть какая то *чрезмѣрная снисходительность*. Въ Чугуевѣ, надъ Осиновскою горою, въ четвергъ на первой педѣлѣ поста казненъ рядовой Изюмскаго гусарскаго полка, стоявшаго въ Купянскѣ, Емельянъ Пухневичъ, 35 лѣтъ, малороссъ, за буйство противъ дежурнаго по острогу офицера, котораго даже ударилъ онъ цѣпями. За день до разстрѣлянія онъ купилъ свѣчъ, оставилъ ими свою камеру на чугуевской гаунтвахтѣ, сталъ служить по себѣ панихиды и громкогласно заявлять любопытствующимъ посѣтителямъ, что его казнить понапрасну, а что виноватъ офицеръ, и его оклеветали передъ судомъ. Это-же онъ повторялъ еще громче съ какой-то импровизованной колесницы, на которой его отправили до мѣста казни. Огромная толпа народа и въ особенности женщинъ шла за телѣгой, въ нервическомъ раздраженіи отъ словъ Пухневича, плача и твердя: “бѣдный, бѣдный мученикъ!”—а тотъ повторялъ: “православные, братцы, молитесь за меня, гибну понапрасну—не виноватъ ни въ чемъ”. Близъ столба у сырой ямы, куда онъ отчаянно-тоскливо взглядывалъ, Пухневичъ продолжалъ держать спичи о своихъ судьяхъ, поклонился въ землю на четыре конца свѣта, обращаясь съ просьбами къ солдатамъ и налчамъ и т. д. Коли онъ завѣдомо лгалъ и бунтовалъ слушателей, какъ-же не пробить бы барабанную дробь? Я въ минуту этой казни былъ въ Чугуевѣ, *дивился добротѣ и простотѣ нынѣшнихъ его властей* и окончательно пожалѣлъ о такой развязкѣ дѣла, когда на другой-же день окрестности заговорили, что надъ могилой Пухневича ночью стала горѣть сама собой свѣчка”.

Безчеловѣчнѣе строкъ намъ рѣдко случалось читать.

— *Наши прогрессы*. — Частныя письма и “Кельнская Газета” говорятъ, что государь принялъ Муравьева холодно. Торговая казнь кончена, и кнутъ подъ лавку! Не пошлютъ-ли его, до поры до времени, опять отмачивать въ пѣмецкихъ

* Скоро “Моск. Вѣд.” будутъ увѣрять свою публику, что если гдѣ неурожай, это оттого что Муравьевъ не тамъ губернаторомъ; что если рѣна выступила за берегъ—то это оттого, что нѣтъ Муравьева. Мы одно средство и значимъ, чтобъ помочь горю—это сдѣлать Муравьева генералъ-губернаторомъ всѣхъ губерній, но такой генералъ-губернаторъ называется Императоромъ Всероссійскимъ.

горьких водах? Однако интересно, за что-же, не смотря на мощную протекцію Каткова, государь охладѣлъ къ кату?... Ужъ не завелась-ли тутъ ревность? Цѣтъ-ли зависти? Государь теряетъ монополію на идолопоклонство, царская фамилия на исключительность. Константинъ Николаевичъ, проѣзжая въ Вильнѣ, не вышелъ изъ вагона, а подозвалъ Муравьева, и вотъ Муравьевъ тоже не вышелъ изъ вагона — подозвалъ Петербургъ, а потомъ дозволилъ, безъ высочайшаго разрѣшенія, нести себя какъ папу римскаго въ креслахъ—эдакъ пожалуй онъ сядетъ и на другое кресло, и возьметъ Александра Николаевича на руки, какъ Петръ Французскаго короля! Рѣшительно на горькія воды катковскаго протече. Что то сдѣлаетъ тогда Катковъ-*спирный*, останется ли онъ грязью на сапогахъ Александра Николаевича — или баннѣмъ листомъ присохнетъ на крови казненныхъ къ Михаилу Николаевичу? А впрочемъ, по человѣчески судить, какъ не измѣнить въ пользу челоѣка, посылающаго Чернышевскаго на каторжную работу.

Во всякомъ случаѣ мы не совѣтуемъ Потапову пускать Муравьева въ Москву, а то въ самомъ дѣлѣ до бѣды не далеко и Михаилъ Николаевичъ до того занеможетъ въ граповитой палатѣ, что сядетъ на креслы Михаила Федоровича. Рассказываетъ-же одинъ журналъ, что какой-то сенаторъ К—нъ, осмѣлившійся не одобрять ни мѣръ Муравьева, ни поддержку ихъ развратной прессой, былъ обруганъ Катковымъ и приглашенъ членами московскаго англійскаго клуба (гдѣ происходила эта сцена) оставить клубъ! Этотъ фактъ, послѣ извѣстныхъ тостовъ, образовъ, церквей, и передъ хлѣбомъ, который привезла Блудова — очень замѣчательнъ. Онъ и намъ даетъ поученіе. Пора оставить всѣхъ Видоконъ литературы и Картушей императорской службы. Всѣ они, вмѣстѣ съ Александромъ въ порфирѣ и съ Муравьевымъ въ одышкѣ, блѣднѣютъ передъ патріотической шляхтой нашей, передъ вдовствующимъ по крѣпостному праву и голодающимъ дворянствомъ нашимъ. Вотъ куда должно быть обращено все вниманіе, вся заботливая любовь. Одиѣ бабы лечатъ застарѣлыя болѣзни въ ихъ язвахъ... рапы одиѣ послѣдствія, онѣ не могутъ не быть, онѣ свидѣлствуютъ о гнилой крови организма и ядѣ текущемъ въ его жилахъ.

Правительство обойдено, для насъ это ясно. Еслибъ въ этотъ двѣнадцатый часъ для спасенія чести царя, освободившаго крестьянъ, умѣлъ бы остановиться государь... Но чего-же можно ждать отъ челоѣка, который недавно велѣлъ студентамъ медико-хирургической академіи не носить воротничковъ и коротко стричь волосы?

— *Русское шпионство въ Женевѣ.* Въ “Carillon de Saint Gervais” написано, что на какомъ-то годичномъ праздненствѣ въ русской часовнѣ, какой-то господинъ защищалъ *Колоколъ*. Его, говоритъ “Carillon”, схватили на границѣ и сослали... Все это въ порядкѣ вещей, но кто-же донесъ? Мудрепо-ли добратся?... Батюшка, благословите узнать, не безызвѣстны же вамъ парицанія православныхъ овецъ вашихъ, бывшихъ на годичномъ праздненствѣ.

— *Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы.* “Московскія Вѣдомости” распространяя справедливое преслѣдованіе всего либеральнаго и оппозиціоннаго, перешли отъ живыхъ къ мертвымъ. Первый попавшійся на ихъ полицейское наказаніе — благородный А. П. Ермоловъ; его онѣ прировняли къ виленскому Муравьеву.

— *Околица Ибны.* Читая какое-то баспословное описаніе въ русскихъ газетахъ о злодѣйствахъ, совершенныхъ въ несчастной околицѣ Ибны, намъ пришло въ голову, что “Виленскій Вѣстникъ” такъ много тратитъ красокъ и эффектовъ, чтобы отвести глаза отъ варварскаго финала.

“Познавскій Дневникъ” 10 Мая, No. 106, дѣйствительно подтверждаетъ наше предположеніе. Вотъ что онъ говоритъ:

“Околица Ибны была сожжена не по распоряженію Муравьева, какъ говоритъ “Виленскій Вѣстникъ”, а полковникомъ кп. Яшвелъ. Яшвелъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ отправился изъ Ковно съ отрядомъ кавалеріи, съ цѣлю возстановить крестьянъ противъ повстанцевъ. Проповѣдуя имъ, Яшвелъ дошелъ до Понѣвѣжа. Понѣвѣжъ раздѣленъ на старый и новый городъ рѣкой Пѣвѣжъ. Мѣстной русской отрядъ стоялъ въ новомъ городѣ, Яшвелъ съ кавалеріей остановился въ старомъ. Вдругъ разнесся слухъ, что повстанцы подъ начальствомъ Людкевича подступаютъ къ городу. Яшвелъ тотчасъ ударился на другую сторону въ новый городъ и только очулся въ Ковнѣ. По дорогѣ, безъ всякаго суда и слѣдствія, онъ сжегъ Ибны, а жителей съ женами, дѣтьми и всѣмъ состояніемъ пригналъ въ Ковно. Ковенское начальство потребовало, отъ взятыхъ Яшвелемъ, подписей — будто Ибны были сожжены во время боя (котораго тамъ никогда не было), обѣщая имъ свободу и вознагражденіе за потерянное ими, въ противномъ случаѣ угрожая Сибирью. Но ни обѣщаніями, ни угрозами ковенскому начальству не удалось достать подписей у несчастныхъ жителей Ибны. Тогда Муравьевъ помѣстилъ въ “Виленскомъ Вѣстникѣ” выдуманное слѣдствіе, котораго никогда не было, и небывалыя злодѣйства такъ называемыхъ ‘жандармовъ-вѣшателей’. И такъ: 1) Отрядъ Чарноскальскаго сформированъ не въ Ибнѣ, а въ Орловской пущѣ, въ 2 миляхъ отъ Ковно и въ 3 отъ Ибны. Отрядъ Малецкаго никогда не былъ ближе 6 миль отъ Ибны. 2) Сузинъ (не тотъ, который имѣлъ отрядъ въ Августовскомъ) былъ въ отрядѣ Чарноскальскаго. 3) Выкладня, всего ближе къ Ибнамъ находился на разстояніи 8 миль. 4) “Жандармовъ-вѣшателей” никогда не было въ Ковенской губ. 5) Робакъ имѣлъ отрядъ конныхъ стрѣлковъ, а не “жандармовъ-вѣшателей”. 6) Что касается обвиненія, что на пространствѣ 30 и 35 верстъ отъ Ибны, постоянно держались повстанцы, то кромѣ Росіенскаго и Тельшевскаго уѣздовъ, нѣтъ ни одной точки въ цѣлой Ковенской губерніи, гдѣ бы не было повстанцевъ хоть на одну недѣлю. Стало, если сожжена Ибна, потому что на пространствѣ 30 верстъ находились повстанцы, то должна быть сожжена каждая хижина во всей ковенской губ., а прежде всего самое Ковно, отъ котораго повстанцы въ продолженіи года не уходили далѣе 28 верстъ, а въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ держались въ 10 и 14 верстахъ. 7) Изъ жителей Ибны былъ въ сношеніяхъ съ народными властями одинъ только еврей *Ицекъ*, который впоследствии попался въ руки русскихъ, сдѣлался ихъ шпиономъ и много повредилъ жителямъ Ибны; но за то онъ теперь постоянный гость начальника I отд. ковенской губ. *Божерянова*, съ которымъ ежедневно бесѣдуетъ за чайнымъ столикомъ. 8) Другіе жители Ибны никогда не заходили даже въ лагерь”.

— ; *Кельнская Газета* говоритъ, что два высшихъ класса Школы Правовѣденія закрыты, за то что ученики отказались лобызать руку священника, преподающаго логику (кажется не слѣдовало бы поручать челоѣку вѣры—науку мысли).

Неужели и это правда?

FÜR DEN LIVLANDISCHEN ADELSTAG HOCH!

hip!... hip!... hip!

Ритеры Ливландіи, столпы нашей бюрократіи, полиціи и экзекуціи, идеалъ нашихъ экзерциргаузовъ, шагистики и цивилизаціи, учителя наши въ военной дисциплинѣ и въ канцелярскомъ порядкѣ—сей кубокъ sparkling Носк пьемъ мы за ваше здоровье и въ память всего родословнаго древа вашего и тѣхъ благородныхъ тевтонскихъ рыцарей, отъ которыхъ пошли—юнкеры Пруссіи, Ливіи, Эстіи, Куріи, которымъ богъ Лютера и Валтера (суперинтендента) предназначилъ остановить потокъ революціи мекленбургской палкой.

Мы пьемъ за васъ, оправдавшихъ на вашемъ Ландтагѣ 1864 все что мы говорили о нѣмцахъ вообще и о балтійскихъ въ особенности...

Вы удивили "Кельнскую Газету".

Вы заслужили реприманду "Норда".

Вашъ патриотизмъ поставленъ въ образецъ in der Moskauischen Zeitung.

Хвала вамъ, и бога ради не уступайте ни шагу, не слушайте никакихъ сиренъ прогресса, оставайтесь Junkerparadies'омъ какъ васъ назвала "Кельнская Газета".

А главное, не забудьте, при помощи прусскихъ брудеровъ, распространить цѣлебныя начала феодализма и сословности въ Schleswig-Holstein'ъ—meerumschwungen, stamverwandt.

— Въ Вилен. Полиц. Листкѣ напечатанъ слѣдующій приказъ по полиціи вилен. полицмейстера отъ 25 Апрѣля: "По виленской городской полиціи объявляется, что ежели въ которой либо изъ частей будетъ обнаруженъ какой либо беспорядокъ, преимущественно въ политическомъ отношеніи, то частный приставъ и его помощникъ, допустившіе этотъ беспорядокъ, будутъ немедленно удалены отъ должности и преданы суду; въ извѣстности этого предлагаю росписаться гг. частнымъ приставамъ и помощникамъ ихъ. На первый разъ обязываю: 1) Всѣ билеты, выданные на трауръ, пересмотрѣть; тѣ изъ нихъ, которымъ кончился, или кончается срокъ, представить ко мнѣ. Затѣмъ, слѣдить неусыпно, чтобъ лица, неимѣющія билетовъ, не носили траура, и таковыхъ представлять ко мнѣ тотчасъ-же. 2) Всѣ лавки, магазины, заѣзжіе дома, трактиры, кондитерскія, аптеки и гостиницы вновь осмотрѣть, и если еще гдѣ-нибудь отыщется веденіе счетовъ на польскомъ языкѣ, или-же замѣчены будутъ разговаривающіе на этомъ чуждомъ странѣ языкѣ, то о всѣхъ тотчасъ довести мнѣ. 3) Вывѣски, до этой поры не замѣненныя новыми (я говорю о тѣхъ, на которыхъ были иностранныя польскія надписи и лишь замараны не вполне удачно краскою) тотчасъ уничтожить и таковыя мастерскія или гостиницы занереть и занечатать до той поры, пока вывѣска новая не будетъ выставлена. 4) Производить одновременно постепенные обыски въ домахъ, преимущественно заѣзжихъ, дабы никто изъ лицъ безъ вида законнаго не могъ скрыться, и о домовладѣльцахъ, осмѣлившихся держать безпаспортнаго, тотчасъ доносить. 5) Посѣщать костелы, гулянья и наблюдать, чтобъ при богослуженіи и на гуляньяхъ, равно на улицахъ, отнюдь не было нарушаемо порядка; равно, чтобъ не было допускаемо какой либо одежды, имѣющей хотя тѣнь революціонной пропаганды. 6) Тщательнѣйше смотрѣть, чтобы въ ночное время отнюдь и никто не ходилъ безъ фонарей. 7)

Чтобъ у всѣхъ кабаковъ, заѣзжихъ домовъ, трактировъ и питейныхъ домовъ горѣли фонари во всю ночь; тоже у экипажей извозчиковъ. 8) Ни одного изъ проѣзжихъ изъ Царства Польскаго, или изъ-за границы не оставлять безъ осмотра его бумагъ и вещей; всѣхъ этихъ лицъ представлять ко мнѣ въ день пріѣзда, оставляя безъ осмотра только тѣхъ, которые занимаютъ высшія мѣста по администраціи гражданской или военной. Всѣ вышеизложенныя приказанія были уже отданы, но я нахожу полезнымъ подтвердить ихъ вновь, дабы никто не смѣлъ сказать впоследствии, что забылъ, или упустилъ изъ вида приказанное".

— Аксаковъ въ гостяхъ у Каткова. Похвальная ревность "Дня" не осталась безъ вознагражденія отъ попечительнаго начальства. 99 No. "Москов. Вѣдомостей" перенечатали на листахъ своихъ краснорѣчивѣйшія мѣста изъ хвалебной статьи Муравьеву, помѣщенной въ "Днѣ". Союзъ двухъ передовыхъ патриотовъ невольно радуется сердца всѣхъ любящихъ Русландію и Россію. Петръ и Государство ихъ раздѣляютъ, но Муравьевъ соединяетъ.

— НОВАЯ ФАЗА ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.— Въ 44 и 45 NNo. LA CLOSNE, выходящемъ въ Брюсселѣ, напечатана статья Искандера подъ заглавіемъ: "Une nouvelle phase de la litterature russe". Статья эта, имѣющая цѣлью ознакомить Европу съ настоящимъ положеніемъ нашей публицистики, можетъ не лишена интереса и для русскихъ читателей—мы поэтому не сочли неумѣстнымъ объявить о ней въ Колоколъ.

LA CLOSNE продается въ главныхъ книжныхъ лавкахъ въ Брюсселѣ: Claessen, 88 Rue de la Madeleine; Muquardt, Place Royal; Lefevre, 12 Passage de la Monnaie; Gerstman, 34 Rue Neuve. Въ Парижѣ у Amydt, 8 Rue de la Paix; Dentu, 13 & 17 Galerie vitrée, Palais Royal. Въ Берлинѣ у Schneider & Co.; Behr (E. Bock). Въ Лейпцигѣ у Lacroix, Verbockhaven & Co.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Въ Женевѣ будетъ выходить сербскій радикальный журналъ подъ названіемъ

СЛОБОДА.

Въ его названіи—вся программа его. Слобода будетъ выходить еженедѣльно. Главныя статьи и корреспонденціи будутъ помѣщаться на сербскомъ и на французскомъ языкахъ.

Издатель новаго сербскаго журнала Владимиръ Іовановичъ бывший профессоръ политическихъ наукъ въ Белградѣ, авторъ брошюры The Serbian nation and the Eastern Question (London Bell and Dolds 1863).

Первый листъ Слободы выйдетъ 1 Августа.

Цѣна подписки:

Для Сербіи и Швейцаріи	14фр.	въ годъ.
"	7	50сеп. на 6 мѣсяц.
"	4	" 3 "
"	2	" 1 "

Для другихъ странъ прибавляется цѣна пересылки.

Подписка принимается въ Женевѣ у Пфеффера и Пуки (M.M. Pfeffer & Puky) imprimeurs à Genève.

— Слѣдующій 187 листъ Колокола выйдетъ 15 Іюля.

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи, Elmfield House, Teddington, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 187.

15 Іюля 1864.

(WITH SUPPLEMENT VETCHÉ No. 29).

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Получается въ Вольной Русской Типогра-
фіи, Jessamine Cottage, New Hampton,
Middlesex. Цѣна 9 пенсовъ, съ двадцать
девятымъ листомъ—О ВЩЕЕ ВЪЧЕ.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, (Gerrard Street),
Soho, London. Price nine-pence, with
Supplement : VETCHÉ No. 29.

О Г Л А В Л Е Н І Е.—VII лѣтъ—Die Heilige Tripel Allianz—Положеніи о губернскихъ и уездныхъ земскихъ учрежденіяхъ (Окончаніе).

Смѣсь : Изъ Польши—Polizey Wuth—Балабѣнъ и Норма—Объявленія.

VII ЛѢТЪ.

Семь лѣтъ тому назадъ вышелъ первый листъ *Колокола* въ Іюль 1857. Съ тѣхъ поръ много разъ останавливались мы, свѣряя свой путь съ событіями и спрашивая себя куда-ли мы идемъ, такъ-ли идемъ? Цѣль наша, наши основныя догматы были неизмѣнны; задача наша таже, но способы разрѣшенія ея должны были мѣняться. Малъ-ли, великъ-ли ручей, путь его зависить не отъ него, а отъ общаго склоновъ и скатовъ материка.

По приближаясь къ семилѣтью, насъ занималъ другой вопросъ и именно слѣдуетъ ли намъ вообще *продолжать* или *пріостановиться* и переждать пароксизмъ безумной реакціи?

Россія явнымъ образомъ сорвалась съ пути, на которой попала въ 1855, и несется третій годъ рядомъ преступленій и нелѣпостей—къ ряду бѣдствій, которыя переработаются можетъ быть, но навѣрное не пройдутъ ей даромъ.

Ревъ, вой, шипѣнье казеннаго, свирѣлаго патриотизма—заглушаетъ всякое человѣческое слово. Образованная Россія оказалась гораздо больше варварской, чѣмъ Россія народная. На этомъ варварствѣ ея стали возможными ужасныя дѣла и ужасныя слова—казни въ Польшѣ, каторги въ Россіи, рапный Сѣраковскій вздернутый на висѣлицу, Чернышевскій бѣлымъ днемъ выставленный у позорнаго столба, и всѣ прочія неистовства правительства и общества.

Пока продолжается этотъ “запой” кровью, для чего наша рѣчь? Съ кѣмъ намъ говорить, для кого писать, печатать?

Еслибъ не было такъ больно замолчать, мы замолчали бы... Замолчать, значитъ отвернуться, позабыть на время—это выше нашихъ силъ. У насъ слишкомъ много осталось любви и вѣры, слишкомъ много накопилось негодованія и ненависти, чтобъ молчать. Въ душѣ нѣтъ мира и покоя; нѣтъ ни безучастья, ни отчаянія наконецъ, послѣ котораго человѣкъ опускаетъ руки и ждетъ скоро-ли упадетъ завѣса.

Прошое обязываетъ. Мы имѣли довольно голоса и смѣлости, чтобъ начать рѣчь... мы ее продолжали середъ рукоплесканій сверху и снизу—надобно имѣть духъ продолжать ее пока пьяные отрезвятся. Продолжать для того, чтобъ не умолкъ послѣдній протестъ, чтобъ не заглохло угрызеніе совѣсти, чтобъ не было вдвое стыдно потомъ, чтобъ иной

разъ опять выжечь клеймо позора на узкомъ лбѣ палачест-
вующаго правительства, обнищавшаго дворянства и шпион-
ствующей журналистики.

И такъ нашъ звонъ по прежнему будетъ *сзывать живыхъ*, до тѣхъ поръ пока они придутъ, или мы убѣдимся, что ихъ нѣтъ.

Не ждали мы, начиная нашу пропаганду, что придемъ къ такому страшному времени, что будемъ въ необходимости такъ говорить—но развѣ кто нибудь ждалъ?

Въ 1855 и въ 1857 г. передъ нами была просыпавшаяся Россія. Камень отъ ея могилы былъ отваленъ и свезенъ въ Петропавловскую крѣпость. Новое время сказалось во всемъ—въ правительствѣ, въ литературѣ, въ обществѣ, въ народѣ. Много было неловкаго, неискреннаго, смутнаго, но всѣ чувствовали, что мы тронулись, что пошли и идемъ. Нѣмая страна пріучалась къ слову, страна канцелярской тайны—къ гласности, страна крѣпостнаго рабства—роптать на ошейникъ. Правительство дѣлало, какъ іерусалимскіе полонники, слишкомъ много нагрѣшившіе, три шага впередъ и два назадъ, одинъ все-же оставался. Партія дураковъ, партія стариковъ была въ отчаяніи, крѣпостники прикидывались конституціонными либералами...

Съ половины 1862 г. вѣтеръ потянулъ въ другую сторону. На неполное освобожденіе крестьянъ потратились всѣ силы правительства и общества—и заторможенная машина двину-
лась назадъ.

Мы спрашиваемъ всѣхъ дѣятелей, явившихся послѣ смерти Николая, отъ Константина, Горчакова и Суворова, до братьевъ Милютиныхъ, пусть они скажутъ, положи руку на сердце—предвидѣль-ли изъ нихъ кто-нибудь кровавую грязь, въ которую Россія въѣхала по ступицу всѣми четырьмя колесами, благодаря такимъ кучерамъ какъ Муравьевъ и подстегиваю-
щимъ лакеямъ какъ Катковъ?

Предвидѣли-ли они, что смертная казнь сдѣлается у насъ ежедневнымъ, обыкновеннымъ дѣломъ, что военноплѣнныхъ будутъ разстрѣливать, что рапныхъ будутъ вѣшать? Что будутъ въ день казнить по шести человѣкъ, по приказу какого нибудь ничтожнаго генерала?*

* “Въ газету “Голосъ” пишутъ изъ Иркутска, что тамъ двое есылныхъ и три крестьянина, дѣти каторжныхъ, зарѣзали цѣлое семейство бурятъ, а чтобы спрятать концы въ воду, сожгли юрту зарѣзанныхъ. Злодѣевъ отыскали и схва-

что за тайно напечатанный листок юношеских мечтаний и теоретических утоний будут ссылать на *каторжную работу* и вѣчное поселеніе — людей молодых, честных, чистых, безъ уваженія къ ихъ таланту, къ ихъ непорочному имени?

что политических сосланных будутъ хуже содержать чѣмъ при Николаѣ и что найдутся звѣри, которые предложатъ въ Акатуевскѣ селюлярную тюрьму?

что у насъ будутъ закрывать школы за то, что ученики не хотятъ даявать руку попу?

что у насъ разовьется литература доносовъ и она сдѣлается литературой дня, что языкъ журналистовъ оподѣетъ до языка перебраняющихся будочниковъ и жандармовъ, что мы развертывая газету переходимъ въ переднюю III отдѣленія и въ канцелярію сѣвжаго дома?

что Муравьевъ, которымъ гнушалась вся Россія и самъ государь, сдѣлается героемъ, и что его въ Москвѣ будутъ сравнивать съ Ермоловымъ и Суворовымъ, а въ Петербургѣ поситъ на креслахъ, что Катковъ будетъ выгонять сенаторовъ изъ англійскаго клуба и серьезно принимать себя за будущаго Сперанскаго?

Нѣтъ, этого никто не могъ предвидѣть. Ужасы, отъ которыхъ сердце обливается кровью и занимается духъ — дѣлались и при Николаѣ сплошь да рядомъ. Забитое и трусливое общество молчало, не показывало участія, лгало на себя сочувствіе, но не аплодировало. Своекорыстные исполнители дѣлались холодными палачами. Теперь общество рукоплещетъ, палачи казнятъ съ горячностью, дѣлаются виртуозами, идутъ далѣе приказа.

Мы не можемъ привыкнуть къ этой страшной, кровавой, безобразной, безчеловѣчной, паглой на языкъ Россіи, къ этой литературѣ фискаловъ, къ этимъ мясникамъ въ генеральскихъ эполетахъ, къ этимъ квартальнымъ на университетскихъ кафедрахъ, къ этимъ робеспьеровскимъ трикотезамъ Зимняго Дворца, старымъ, сѣдымъ, беззубымъ дѣвкамъ и бабамъ, къ этимъ Катковымъ въ юбкѣ и Аскочевскимъ въ криolinaхъ, съ ихъ просвирками выпутыми за здравіе Михаила Николаевича, безобразными образами посланными ему въ благословеніе — къ этимъ волчицамъ безъ молока, безъ Ромула и Рема, которыя перенесли ревность дикихъ самокъ въ любовь къ отечеству.

Непависть, отвращеніе поселяетъ къ себѣ эта Россія. Отъ нея горитъ тѣмъ разлагающимъ, отравляющимъ стыдомъ, который чувствуетъ любящій сынъ, встрѣчая пьяную мать свою, кутающую въ публичномъ домѣ.

... За чѣмъ, Россія, за чѣмъ твоя исторія, шедшая течными несчастьями и гдухою почью, должна еще идти водосточными трубами? За чѣмъ на другой день послѣ освобожденія, когда ты могла міру въ первый разъ отъ роду, съ радостно поднятой головой, показать какое руно сохранила ты, бѣдная, подъ розгами помѣщика, подъ палкой полиціи, подъ царскимъ тѣпш. Цѣ судили военнымъ судомъ, по полевому военному положенію. Четверо изъ преступниковъ приговорены къ разстрѣлианію, а пятый сосланъ въ каторжную работу". Послѣ Петра I и Бирона ничего подобнаго не видала Россія. Кровь льется царскими палачами какъ вода. Казни, къ которымъ скрѣпя сердце, едва осмѣливалась прибѣгать Екатерина II, отъ которыхъ слезжилась самъ Николай, теперь совершаются ежедневно. Смертная казнь введена по жмю Свода, какимъ то заднимъ крыльцомъ въ уголовное законодательство. Какое полевое военное положеніе во время шара, за чѣмъ Сибирь въ осажденномъ положеніи?

кнутомъ — за чѣмъ ты дала себя стащить въ эту капаву, въ эту помойную яму? Терпи теперь, народъ русскій, на чужомъ пиру похмѣлье, неси на могучихъ плечахъ твоихъ, какъ богатырь - каторжникъ въ одной сказкѣ*, темными, длинными, гадкими, вопиющими, скользкими, ледящимися переходами твоего *будущаго сына*. Ты одинъ выйдешь чистъ. Лишенный досуга мысли, ты не повиненъ въ имъ избранномъ пути, тебѣ насильно брили лобъ, насильно дали ружье и ты пошелъ, бессмысленно слушаясь, убивать и грабить съ голода. Только ты не кипись этимъ — на томъ-же основаніи право и море утопившее корабль и волкъ заѣвшій путника...

Ну а вы, *не-народъ*, опора нынѣшняго порядка дѣлъ, отцы отечества, интеллигенція, цивилизація, прочные интересы, демократическая шляхта, командиры и учителя... вы вѣдь не достойны участія каторжника, вы-же ничего не несете — вы ужъ такъ и оставайтесь. Спбургской оберъ-полицмейстеръ и николаевскій генералъ-адъютантъ Кокошкинъ, вашъ Курцій, дайте вамъ прекрасный примѣръ...

Такъ вотъ до чего выработались вы въ полтора вѣка дресировки, купленной потомъ, голодомъ, холодомъ цѣлаго народа, рубцами на его спинѣ?.. Такъ этому-то васъ научили вѣщцы, академіи, корпуса, университеты, лицеи, институты, смоленые монастыри, гувернеры, гувернанты? Видно конюшня родительскаго дома учила краснорѣчивѣе, видно натура холопа-рабовладѣтеля не такъ легко затывается за поясъ французской грамматикой? Поздравляемъ васъ, на вашей улицѣ праздникъ, только онъ необыкновенно коротокъ. Вы даже того не сообразили, что шли въ комнату, а попали въ другую; вы не знаете кому вы подали руку, вы никогда не были разборчивы, а только надменны. Вы не узнали Емельяна Пугачева одѣтаго не Петромъ III для службы народу, а квартальнымъ надзирателемъ для царской службы... Вы еще не подумали, что значить голштино-аракчсевская, петербургски-царская демократія, скоро почувствуете вы, что значить красная шапка на петровской дубинкѣ. Вы погибнете въ пропасти, которую роете вмѣстѣ съ будочниками, и на вашей могилѣ съ деревяннымъ крестомъ (мраморовъ будетъ не на что ставить) посмотритъ другъ другу въ лицо — сверху лейбъ-гвардіи императоръ, облеченный всѣми властями и всѣми своевольями въ мірѣ — снизу закипающій, свирѣпѣющій океанъ народа, въ которомъ вы пропадете *безъ вѣсти*.

Кто кого слазить?

Мы догадываемся, но не знаемъ. Вотъ что касается до васъ, то бога ради не подумайте, что намъ васъ жаль. Помилуйте. Вамъ пора сойти со сцены, вы свое сдѣлали; сдѣлали вы нехотя, и за то вамъ нѣтъ уваженія, сдѣлали вы думая только о себѣ, и за то нѣтъ вамъ благодарности. Вы были той пустой средой, тѣмъ прозрачнымъ проводникомъ, которымъ свѣтъ западной науки освѣтилъ нашу темную жизнь — дѣло сдѣлано и пойдетъ безъ васъ. Вы какъ воздухъ, пропуская лучи, не захватили себѣ свѣта — увидѣли другіе и знаютъ теперь что у насъ есть въ хатѣ и чего не достаетъ. Эти другіе пойдутъ работать, а вы прощайте. Только за чѣмъ вы такъ скверно гниете?

Вмѣсто того чтобы со словъ квартальныхъ демократовъ и демагоговъ III отдѣленія — ругать польское дворянство, вы, милые крѣпостники вчерашняго дня, поучились бы у нихъ честной кончинѣ. Какое прошедшее не искупится такимъ

* Жан. Вилжанъ, Тютю.

принесеніемъ себя на жертву. Ихъ очистительный, примирительный подвигъ пойдетъ изъ вѣка въ вѣка, будя юному и мужу и заставляя биться всякое благородное сердце. Ну а вась, демократическая аристократія, чѣмъ поминать, чѣмъ вы искупаєте вашу чужедную жизнь, ваше півочное существованіе?... За что вась пожалѣть? За то-ли, что Іоаннъ грозный вась пилилъ, а вы ему пѣли псалмы? За то-ли, что до Петра вась изъ за осударева стола водили посягать за мѣстничество, и вы выпоронные приходили добѣдать курей верченыхъ и пироги пряженые? За то-ли, что послѣ Петра—вась снѣмъ рубаху, били батожемъ, а вы цаловали его державную руку, а потомъ руку конюха Бирона и его нѣмцевъ, а когда пришелъ нѣмецъ, которому сдуру вась стало жалъ и онъ не велѣлъ вась бить, такъ вы его отравили и задушили въ Ропшѣ. За то-ли, что дѣды ваши при Николаѣ плясали у него на коронаціи, когда ихъ сыновья шли сковапные на каторжнѣю работу? *Развѣ за этихъ сыновей?*

За нихъ, за нашихъ великихъ путеводителей, да, за нихъ многое можно бы отпустить ихъ предкамъ.

Но что-же сказать о ихъ сыновьяхъ?

У нихъ не было ихъ, у нихъ были пріемыши, имъ они и оставили наслѣдство. Они его оставили той средѣ, съ которой подымается и растетъ на свѣтъ *Новая Россія*, крѣпко подкованная на трудный путь, закаленная въ нуждѣ, горѣ и униженіи, тѣсно связанная жизнью съ народомъ, образованіемъ съ наукой. Ей доставалась одна обѣда сверху и одно недоверіе снизу. Ей достается великое дѣло развитія народнаго быта изъ неустроенныхъ элементовъ его — зрѣлой мыслью и чужимъ опытомъ. Она должна спасти народъ русскій отъ императорскаго самовластиа и отъ *него самого*. Ее не тяготитъ ни родовое имущество, ни родовое воспоминаніе, въ ней мало капиталовъ и вовсе нѣтъ привязанности къ существующему. Она стоитъ свободная отъ обязательствъ и историческихъ путей.

Предшественникомъ ея былъ плебей Ломоносовъ, могучій объемомъ и всесторонностью мысли, но явившійся слишкомъ рано. Среда затертая между народомъ и аристократіей—около вѣка послѣ него билась, выработывалась въ черномъ тѣлѣ. Она становится во весь ростъ только въ Бѣлинскомъ и идетъ на наше русское крещенье землею—на каторгу въ лицѣ Петрашевцевъ, Михайлова, Обручева, Мартынова и пр. Ее разстрѣливаютъ въ Модлинѣ и разбрасываютъ по Россіи въ лицѣ бѣдныхъ студентовъ, ее наконецъ — эту *новую Россію*—Россію *подлая* показывала народу, выставя Чернышевскаго на позоръ.

Среда пестрая, хаотическая, среда броженія и личнаго выработыванія, среда алчущая и неудовлетворенная, она состоитъ изъ всего на свѣтѣ—изъ разночинцевъ и поповскихъ дѣтей, изъ дворянъ-пролетаріевъ, изъ приходскихъ и сельскихъ священниковъ, изъ кадетъ, студентовъ, учителей, художниковъ; въ нее рвутся пѣхотные офицеры и иной кантонистъ, писаря, молодые купцы, прикащики... въ ней образцы и осколки всего плавающего въ Россіи надъ народнымъ растворомъ. Встуная при новомъ броженіи въ иныя химическія соединенія, они всплываютъ изъ народа и распускаются въ немъ. Это почва зародышей, застѣванное поле, на удобреніе котораго пойдутъ гніюшіе и разлагающіеся *верхи*, чтобъ и они не остались, какъ купецъ Коробейниковъ, не взисканными всеврощающей амністіей исторіи и всеперерабатывающимъ круговоротомъ жизни.

Ударъ за ударомъ бьетъ эту среду, она побита на голову, по дѣло не побито, оно меньше побито чѣмъ 14 Декабря—плугъ пошелъ дальше и глубже. Зерна парскаго посѣва не пропадаютъ на каторгѣ, онѣ прорастаютъ толстыя тюремныя стѣны и спѣгомъ покрытые рудники.

Для этой новой среды хотимъ мы писать и прибавить наше слово дальнихъ странниковъ—къ тому чѣму ихъ учить Чернышевскій съ высоты царскаго столба, о чемъ имъ говорятъ подземные голоса изъ царскихъ *кладовыхъ*, о чемъ дежно и ношно проповѣдуетъ парская крѣпость—наша святая обитель, наша печальная петропавловская Лавра на Невѣ.

Середь ужасовъ насъ обружающихъ, середь боли и униженій, намъ хочется еще и еще разъ повторить имъ, что *мы съ ними*, что мы живы духомъ... и не хотимъ больше ни исправлять неисправныхъ, ни лечить неизлечимыхъ, а хотимъ выстѣ съ ними работать надъ отысканіемъ путей русскаго развитія, надъ разъясненіемъ русскихъ вопросовъ.

П—ръ.

1 июля 1864.

DIE HEILIGE TRIPEL ALLIANZ.

И такъ нѣтъ ни одного срама, ни одного позора, въ который бы насъ не окунуло петербургское правительство отъ страха, тупости и отсутствія всякихъ началъ!

Сердце рвется на части, и все хочется, по старой привычкѣ, спросить: Да за что-же это? За что?

Неужели мы не довольно страдали отъ Московской глупости и отъ Петербургскаго ума, отъ нашихъ побѣдъ и отъ нашего величія?

Неужели намъ недостаточно нѣмцевъ ненавидящихъ насъ, и нужны еще нѣмцы союзники?

И вы, князь Горчаковъ, были сведчикомъ этого дѣла... За чѣмъ-же вы не вышли въ отставку, за чѣмъ вы не на столько любите Россію? Народность, которую вы приобрѣли прошлогдними нотами — уничтожена ирикосновеніемъ Бисмарка.

... Ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ повторяется несчастный союзъ трехъ нѣмецкихъ правительствъ, держащихъ подъ своимъ игомъ Славянскіе народы. Какъ будто Зимній дворецъ, радившійся годъ цѣлый въ Минины и Пожарскіе, не знаетъ все отвращеніе русскаго народа отъ нѣмецкаго союза, всю его ненависть племенную, кровную къ нѣмцамъ?

Въ 1815 году былъ по крайней мѣрѣ приличный предлогъ. Соединились монархи въ отноръ врагу, который такъ долго и много ихъ билъ, что бояться его и брать противъ него мѣры казалось естественнымъ. Подъ этимъ предлогомъ скрывалась стачка трехъ деспотическихъ армій, на поддержаніе устарѣлаго государственнаго быта, основаннаго на поглощеніи народа государствомъ, на поддержаніе самовластной опеки надъ народами—посредствомъ военной аристократіи и канцелярскаго управленія.

Самый характеръ — доктринерскій, мистическій, схоластическій, послѣдовательный до негѣпости, бездушный, какъ все отвлеченное, дѣлалъ изъ тройнаго союза 1815 года чисто *нѣмецкое* произведеніе. Петербургская Россія фигурировала въ немъ какъ одна изъ нѣмецкихъ державъ, и въ этомъ почетномъ качествѣ участвовала въ преслѣдованіи нотами и штыками всякаго свободнаго движенія, гдѣ бы оно ни было—въ Италіи, Испаніи, Греціи...

Новый союзъ циничнѣе, у него предлога нѣтъ. Онъ дѣлается въ виду слабаго государства, отстаивающаго свои очень небольшія территоріи и несчастнаго, четвертованнаго народа, отстаивающаго свое существованіе.

Гдѣ опасность? Неужели Данія хочетъ завоевать Поцдамъ? Или поляки исправятъ ошибку Яна Собескаго и заняты Вѣну? Да еслибъ и такъ, гдѣ тутъ опасность для Петербурга, для Москвы?

Этотъ союзъ дѣлается въ предупрежденіе Скандинавской федераціи.

Этотъ союзъ дѣлается чтобы стереть имя польское съ лица земли.

Петербургское правительство гарантируетъ Австріи и Пруссіи ихъ польскія владѣнія. Какое-же это славянское правительство? Какая-же это славянская династія? Николай закабалитъ нѣмцамъ Краковъ, сынъ его закрѣпляетъ за ними Галицію и Познань и проситъ за это, чтобы нѣмцы ему гарантировали Польшу... Давно-ли Россія стала такъ слаба, давно-ли она боится развалиться, если нѣмецъ ее не поддержитъ?...

Раздѣлъ Польши, какъ камень привязанный къ шеѣ, стягиваетъ Россію на дно нѣмецкаго болота...

Неужели возможно, чтобы русскія войска еще разъ явились, какъ въ 1849 году, жандармами-усмирителями, или палачами на нѣмецкой службѣ?

Лишь бы не дожить до этого позора...

..... Послѣ свиданія въ Варшавѣ трехъ *нѣмецкихъ* potentatovъ*, возстала Польша; что-то будетъ послѣ союза, заключеннаго на горькихъ нѣмецкихъ водахъ....?

И—рѣ.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

(Окончаніе).

III.

Самые предметы вѣдомства земскихъ учрежденій требуютъ подробнаго разсмотрѣнія, чтобы вывести заключеніе на сколько земскія учрежденія властны что-нибудь рѣшить сами — и на сколько они станутъ исполнять только волю правительства, и на сколько ихъ дѣйствія будутъ совершенно ничтожны.

Вотъ предметы ихъ вѣдомства:

1) Завѣдываніе имуществами, капиталами и денежными сборами земства (ст. 2, пунктъ I); приобрѣтеніе и отчужденіе отъ имени земства недвижимыхъ и движимыхъ имуществъ, заключеніе договоровъ, принятіе обязательствъ, вчинаніе гражданскихъ исковъ и отвѣтствованіе въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства (ст. 5).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ разрѣшеніемъ предположеній(?) о займахъ на нужды земства губерніи; разрѣшеніемъ кратковременныхъ заимствованій изъ губернскихъ капиталовъ земства, изъ которыхъ особое назначеніе; разрѣшеніемъ приобрѣтенія и отчужденія недвижимыхъ имуществъ губернскаго земства; распоряженіемъ губернскими и земскими капиталами; образованіемъ (крошъ существующихъ для особыхъ цѣлей) другихъ постоянныхъ капиталовъ на предметы губернскихъ земскихъ потребностей (ст. 68).

* Можно быть на русской службѣ какъ всѣ Бенкендорфы, Мейендорфы, Ренсдорфы, Берги, Адлерберги, и въ сущности оставаться нѣмцами. Можно даже усвоить себѣ кой-какія русскія ухватки, и особенно пороки передразнивать московскихъ царей, гозорить церковнымъ языкомъ, сдѣлаться ярымъ русскимъ патриотомъ, и все-таки оставаться нѣмцемъ — Карлъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ.

2) Устройство и содержаніе принадлежащихъ земству зданій, другихъ сооружений и путей сообщенія, содержимыхъ на счетъ земства (ст. 2, пунктъ II).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ раздѣленіемъ этихъ предметовъ на губернскіе и уѣздные (ст. 62, пун. I); отвесеніемъ проселочныхъ дорогъ въ разрядъ земскихъ губернскихъ и на оборотъ, равно какъ и назначеніемъ направленія губернскихъ земскихъ дорогъ (ст. 68) и представленіемъ, черезъ начальника губерніи, ходатайства о перечисленіи, по уважительнымъ причинамъ, земскихъ дорожныхъ сооружений или цѣлыхъ дорогъ въ разрядъ государственныхъ (ст. 62, пун. IV).—Уѣздна земскія учрежденія завѣдываютъ отвесеніемъ проселочныхъ и полевыхъ дорогъ въ разрядъ уѣздныхъ и на оборотъ, и назначеніемъ направленія уѣздныхъ земскихъ дорогъ (ст. 64, п. V); содержаніемъ бычезвонковъ; представленіемъ, чрезъ начальника губерніи, ходатайства объ отвесеніи, по уважительнымъ причинамъ, содержанія бычезвонковъ на счетъ казны (ст. 64, пун. VI); мѣстными распоряженіями и надзоромъ, по указаніямъ губернской управы, въ предѣлахъ уѣзда, губернскихъ путей сообщенія (ст. 64, пун. VII).

3) Мѣры обезпеченія народнаго продовольствія (ст. 2, пунктъ III).

4) Завѣдываніе земскими благотворительными заведеніями и прочія мѣры призрѣнія; способы прекращенія нищенства, попеченіе о построеніи церквей (ст. 2, пунктъ IV).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ раздѣленіемъ на губернскія и уѣздныя заведенія общественнаго призрѣнія и перенѣваніи въ семь раздѣленій (ст. 62, пунктъ I).

5) Управленіе дѣлами взаимнаго земскаго застрахованія имуществъ (ст. 2, пунктъ V).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ распоряженіемъ по взаимному земскому страхованію имуществъ отъ огня (ст. 62, пунктъ V).—Уѣздна земскія учрежденія завѣдываютъ распоряженіемъ и надзоромъ, въ предѣлахъ уѣзда, въ дѣлахъ взаимнаго застрахованія, по указаніямъ губернской управы (ст. 64, пунктъ VII).

6) Попеченіе о развитіи мѣстной торговли и промышленности (ст. 2, пунктъ VI).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ дѣлами объ открытіи новыхъ ярмарокъ и о перенесеніи или замѣненіи сроковъ ярмарокъ существующихъ (ст. 62, пунктъ II); дѣлами объ открытіи новыхъ приставей на судоходныхъ рѣкахъ и о перенесеніи существующихъ приставей (ст. 62, пунктъ III); губернскія земскія собранія въ особенности завѣдываютъ назначеніемъ губернскихъ выставокъ мѣстныхъ произведеній, съ цѣлью поощренія мѣстныхъ промысловъ (ст. 68).—Уѣздна земскія учрежденія завѣдываютъ разрѣшеніемъ на открытіе торговъ и базаровъ (ст. 64, п. IV).

7) Учасіе, преимущественно въ хозяйственномъ отношеніи и въ предѣлахъ закономъ опредѣленныхъ, въ попеченіи о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и тиормахъ.

8) Содѣйствіе къ предупрежденію падежей скота, а также по охраненію хлѣбныхъ посѣвовъ и другихъ растений отъ истребленія саранчею, сусликами и другими вредными насѣкомыми и животными.

9) Исполненіе возложенныхъ на земство потребностей воинскаго и гражданскаго управленія, и участіе въ дѣлахъ о почтовой повинности (ст. 2, пунктъ IX).

10)* Раскладки тѣхъ государственныхъ денежныхъ сборовъ, разверстаніе которыхъ по губерніи и уѣздамъ возлагается на земскія учрежденія, на основаніи издаваемыхъ о томъ узаконеній или особыхъ распоряженій, высочайшею властію утвержденныхъ (ст. 2, п. X); назначеніе, раскладка, взиманіе и расходование, на основаніи устава о земскихъ повинностяхъ, мѣстныхъ сборовъ для удовлетворенія земскихъ потребностей губерніи или уѣзда (ст. 2, п. XI).

Губернскія земскія учрежденія завѣдываютъ раскладкою между уѣздами суммъ государственныхъ сборовъ, которыхъ разверстаніе возложено на земскія учрежденія по закону или особому, высочайшей властію утвержденному,

* Мы уже говорили объ этой статьѣ, но не можемъ здѣсь изложить ее.

распоряженію правительства (ст. 62, п. VI); рассмотрение и разрѣшеніе затрудненій, могущихъ встрѣтиться въ утвержденіи смѣтъ и раскладокъ уѣздныхъ сборовъ (ст. 62, п. VII); губерскіе земскіе собранія въ особенности завѣдываютъ установленіемъ новыхъ сборовъ на губерскія потребности и назначеніемъ сборовъ съ проходящихъ и проезжающихъ по губерскимъ дорогамъ, мостамъ и переправамъ* (ст. 68).—Уѣздныя земскія учрежденія завѣдываютъ раскладкою внутри уѣзда тѣхъ государственныхъ и губерскихъ сборовъ, которыхъ разверстаніе по уѣзду будетъ возложено, по закону или распоряженію правительства на уѣздныя учрежденія; составленіе предварительныхъ предположеній, для губерскихъ смѣтъ, о разѣлахъ и способахъ исполненія въ уѣздѣ повинностей, въ разрядѣ губерскихъ отнесенныхъ, и представленіе означенныхъ предположеній въ губерскую управу (ст. 64, пунктъ I и II).

11) Представленіе, чрезъ *губернское начальство*, высшему правительству свѣденій и заключеній по предметамъ, касающимся мѣстныхъ хозяйственныхъ пользъ и нуждъ губерніи или уѣзда, и ходатайство по симъ предметамъ *также чрезъ губернское начальство*; доставленіе, по требованіямъ высшихъ правительственныхъ учрежденій и начальниковъ губерній, свѣденій, до земскаго хозяйства относящихся (ст. 2, п. XII).

Губерскія земскія собранія въ особенности завѣдываютъ утвержденіемъ отчетовъ по земскому хозяйству (ст. 68).—Уѣздныя земскія учрежденія—представленіемъ губерскимъ земскимъ учрежденіямъ мѣстныхъ свѣденій и заключеній по предметамъ хозяйства (ст. 64, п. III).

12) Производство выборовъ въ члены и другія должности по земскимъ учрежденіямъ и назначеніе суммъ на содержаніе этихъ учрежденій.

Губерскія собранія въ особенности завѣдываютъ производствомъ выборовъ предсѣдателя и членовъ губерскихъ управъ и назначеніемъ суммъ на ихъ содержаніе, и повѣркой выборовъ въ губерскіе гласные.

13) Дѣла, которыя будутъ ввѣрены земскимъ учрежденіямъ, на основаніи особыхъ уставовъ, положеній и постановленій.

Тутъ исчерпывается все содержаніе ст. 2, т. е. общей, вступительной статьи, разбитой по всѣмъ отраслямъ земскихъ учрежденій. За тѣмъ остаются особая, долею весьма важная статья по содержанію и равно темная по приложенію; вотъ онѣ:

1) Губерскія учрежденія разсматриваютъ жалобы, приносимыя на дѣйствіе земскихъ управъ (ст. 62, п. VIII); губерскія собранія въ особенности разсматриваютъ жалобы на губерскія земскія управы и даютъ уполномочія губерскимъ управамъ и разрѣшеніе по возникающимъ недоразумѣніямъ, или особо важнымъ вопросамъ (ст. 68).

2) Уѣздныя земскія собранія имѣютъ тѣже обязанности по уѣздному хозяйству, какъ губерскія по губерніямъ, исключая предметовъ въ ст. 62-й поименованныхъ (ст. 70). Обязанности уѣздныхъ управъ по уѣзду тѣже что губерскихъ по губерніи, и сверхъ того онѣ исполняютъ порученіе губерской управы по ст. 64, п. VП (ст. 71).

3) Въ кругъ обязанностей, возлагаемыхъ на земскія учрежденія, по ст. 2, 61—64, принадлежитъ: земскимъ собраніямъ—распорядительная власть и общій надзоръ за ходомъ дѣлъ, а земскимъ управамъ—какъ распоряженія исполнительныя, такъ и вообще *ближайшее завѣдываніе земскими дѣлами* (ст. 65).

4) На обязанности губерскихъ управъ, независимо отъ исполненія распоряженій губерскихъ собраній и управленія, подѣ рукоиодствомъ губерскихъ земскихъ собраній, имуществами земства и вообще земскимъ хозяйствомъ губерніи, лежитъ: составленіе губерскихъ смѣтъ, раскладокъ и отчетовъ;

* Въ Европѣ дороги, мосты и переправы большей частью устроиваются на частныя капиталы, въ виду барышей отъ проѣзднаго сбора, у насъ онѣ по большей части устроиваются на налогъ, который никогда не возвращается платящему: съ чего-же у насъ брать проѣздный сборъ?

подготовленіе всѣхъ нужныхъ для собранія свѣденій и *заключеній*; надзоръ за поступленіемъ земскихъ доходовъ; расходованіе губерскихъ земскихъ суммъ; веденіе, подѣ наблюденіемъ земскихъ собраній, исковъ по имущественнымъ дѣламъ земства и *разсмотрѣніе жалобъ на уѣздныя земскія управы* (ст. 69).

5) Наконецъ, мы помѣщаемъ, чтобъ виднѣй было послѣ всего, статью чрезвычайно важную и чрезвычайно искаженную, это право губерскихъ собраній не на учрежденіе, а на *представленіе, чрезъ начальника губерніи, на разрѣшеніе высшаго правительства предположеній объ учрежденіи губерскихъ земскихъ банковъ*, а также заключеній по предметамъ, мѣстной торговли, земледѣлія и промысловъ въ тѣхъ случаяхъ когда мѣры, признаваемыя земскимъ собраніемъ полезными, превышаютъ предѣлы предоставленной ему власти (ст. 68).

Кажется, (*sauf erreur et omission*), что мы выписали всѣ статьи, опредѣляющія *права* земскихъ учрежденій. Остальное относится къ порядку производства дѣлъ, который, кромѣ статей самаго “Положенія”, такъ расписанъ заранѣе въ особыхъ уставахъ, составляющихъ приложеніе къ ст. 108, что хороши-ли, худы-ли эти уставы,*—земскія учрежденія не будутъ въ состояніи сохранить хорошее, если правительству захочется передѣлать его, ни отбросить худое, если правительству захочется его сохранить, потому что: “Правила о производствѣ дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ устанавливаются первоначально министромъ внутреннихъ дѣлъ. Губернское собраніе имѣетъ право представить объ измѣненіи или дополненіи сихъ правилъ на разрѣшеніе министра” (ст. 100), который, конечно, не обязанъ ни ибнать, ни дополнять. Такъ какъ въ самомъ “Положеніи” и въ приложенныхъ росписяхъ столько предварительно указано административнымъ формализмомъ, что можно бы уже оставить собранія кой въ чемъ и самимъ организоваться, безъ всякаго уроиа для правительства,—то мы должны эту статью 100 помѣтить совершенно по минусу, какъ способную не только ввести новыя стѣсненія въ кругъ дѣйствія земскихъ учрежденій, но и сдѣлать установленныя правила, уже и безъ того не широкія.

Что же касается до выписанныхъ нами статей, то мы прежде всего должны помѣтить другія статьи “Положенія”, которыя имъ прямо противурѣчатъ.

Ст. 77. — “Для засѣданія уѣздныхъ собраній полагается десятидневный срокъ, для засѣданія губерскихъ собраній—двадцатидневный;—ст. 78—дозволяетъ продолженіе засѣданій уѣзднымъ собраніямъ съ разрѣшенія губернатора, а губерскимъ собраніямъ съ разрѣшенія министра. Эти двѣ статьи совершенно отнимаютъ у собраній возможность разумнаго обсужденія и рѣшенія дѣлъ, которыхъ недоконченность въ собраніяхъ переведетъ право рѣшенія на управы, подчиненныя правительству еще болѣе чѣмъ собранія. Эти двѣ статьи приближаютъ къ нулю значеніе засѣданій земскихъ собраній.

Ст. 90. “Подлежать утвержденію губернатора: раздѣленіе земскихъ путей сообщенія на губерскія и уѣздныя; отне-

* Замѣчательно, что въ этихъ уставахъ или росписяхъ земскія потребности раздѣлены: на обязательныя и необязательныя; первыя тѣ, которымъ подлежатъ вносенію въ смѣты по закону, опредѣленному въ Сводѣ законовъ; вторыя вносимыя въ смѣты по усмотрѣнію земскихъ учрежденій. (Если онѣ необязательны—за чѣмъ же ихъ исполнять?)—по выдѣ не упоминается объ обязательности денежныхъ сборовъ, высочайшею властію утвержденныхъ, о которыхъ сказано въ ст. 2, п. X, положенія.

сеніе уѣздныхъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; измѣненіе отправления земскихъ дорогъ; учрежденіе выставокъ мѣстныхъ произведеній; временное устраниеніе отъ должностей членовъ земскихъ управъ”.

То есть, ст. 90 отнимаетъ самостоятельность рѣшеній и слѣдственно приравниваетъ нулю права земскихъ учреждений по статьѣ 2, пунктамъ II, IX, X, XI, по ст. 62, пункту I*, по ст. 63, пунктамъ I, II, III, V и долею п. VII, по ст. 68, пун. (римскими и никакими цифрами не означеннымъ) 1, 6, 9, 13, 15—и по соотвѣстной долѣ ст. 70, и наконецъ по одной изъ самыхъ странныхъ статей, по ст. 88.

Эта статья 88 даетъ право земскимъ собраніямъ устраниять и предавать суду членовъ земскихъ учреждений (а ст. 90 не дозволяетъ временнаго устраниенія отъ должностей членовъ земскихъ управъ безъ губернаторскаго разрѣшенія). По мы выписываемъ текстъ: “Выборы и рѣшенія объ устраниеніи отъ должностей или о преданіи суду членовъ земскихъ учреждений производится закрытою подачею голосовъ, а рѣшенія по прочимъ вопросамъ—открытою подачею голосовъ. Порядокъ подачи голосовъ, какъ въ томъ такъ и въ другомъ случаѣ, опредѣляется самими собраніями”. — Во-первыхъ самими собраніями онъ не опредѣляется, если въ одномъ случаѣ, по “Положенію”, закрытая, а въ другомъ случаѣ открытая подача голосовъ; а во-вторыхъ почему-же въ самомъ дѣлѣ было не дать собранію право рѣшить, что оно хочетъ-ли въ одномъ случаѣ быть трусомъ и подавать голосъ секретно или не хочетъ. А можетъ оно предпочесть дѣйствовать въ обоихъ случаяхъ открыто? Почему правительство это знаетъ? А въ-третьихъ, какая-бы ни была подача голосовъ объ устраниеніи членовъ, что-же она значитъ, если достаточно одного посторонняго (губернаторскаго) голоса, чтобы уничтожить все ихъ рѣшеніе?

Ст. 91 даетъ губернатору право разсматривать, законно-ли и правильно-ли рѣшеніе собраній по смѣтамъ и раскладкамъ и слѣдственно право уничтожать эти рѣшенія. Стало, еще разъ приравнены нулю статьи 2, п. IX, X, и XI, ст. 62, п. VI и VII, ст. 64, п. I и II, ст. 68, п. 1 и 7.

Ст. 92 даетъ праву министерству внутреннихъ дѣлъ рѣшать слѣдующія земскія вопросы: займы, превышающіе двухгодовую сумму земскаго сбора; отнесеніе губернскихъ земскихъ дорогъ въ разрядъ проселочныхъ; сборы за проѣздъ по земскимъ путямъ сообщенія; открытіе ярмарокъ срокомъ 14 дней и перенесеніе или измѣненіе сроковъ существующихъ ярмарокъ†; перенесеніе существующихъ пристаней; раздѣленіе имуществъ и заведеній общественнаго призрѣнія на губернскія и уѣздныя. Стало, здѣсь приравниваются нулю: ст. 2, п. I, II; ст. 63, п. I, II, III; ст. 68, п. 5, 6 и 7.

Ст. 96 даетъ праву губернатору останавливать даже вторичныя постановленія земскихъ собраній и представлять ихъ на разрѣшеніе Сената, во всемъ что касается поименованныхъ статей, а въ остальныхъ статьяхъ губернаторъ и министр по ст. 9 имѣютъ право останавливать постановленія земскихъ учреждений, даже не представляя ихъ на рѣшеніе Сената. Слѣдственно, ст. 96 и 9 приравниваютъ нулю всѣ статьи, опредѣляющія права земскихъ учреждений.

* Пунктъ IV ст. 62 самъ себя уничтожаетъ, потому что сводитъ рѣшеніе земскаго собранія только на ходатайство черезъ губернатора о перечисленіи земскихъ дорогъ въ разрядъ государственныхъ.

† Невѣсноте сроковъ или перенесеніе мѣстностей ярмарокъ? Что хочетъ сказать “Положеніе”?

Вмѣшательство министерства въ дѣла земскихъ собраній по земскимъ займамъ (по ст. 92) и вмѣшательство правительства въ управленіе земскихъ банковъ (по ст. 68) послужатъ къ уничтоженію всякаго земскаго кредита, потому что кредитъ можетъ существовать только на основаніи довѣрія; правительство не создаетъ довѣрія своимъ вмѣшательствомъ; если земскіе займы и банки будутъ организованы такъ, что общественное довѣріе охотно дастъ имъ кредитъ, то правительственнаго вмѣшательства не нужно; насильственнаго кредита ни въ какомъ случаѣ не окажется. Мы недавно видѣли проектъ орловскаго земскаго банка, который постановляетъ, чтобы взысканіе по долгамъ банку шло прежде всякихъ взысканій по долгамъ казнѣ; правительство никогда этого не допуститъ и только помѣшаетъ всякой организаціи земскаго банка, не смотря на свои разглагольствованія въ прежнихъ фпансовыхъ проектахъ о необходимости свободы кредита. Такимъ образомъ ст. 68 убьетъ возможность земскихъ банковъ.

Изъ всего сказаннаго очевидно, что противурѣчающія статьи “Положенія” не только количественно приравниваютъ нулю права земскихъ учреждений, но онѣ качественно на столько не равносильны, что совершенно подчиняютъ эти права правительственному произволу, такъ что въ пользу земскихъ учреждений остаются только статьи празныя, и “Положеніе” является не учрежденіемъ новой гражданской свободы въ Россіи, а учрежденіемъ, которое сдѣлано ради тщеславія, чтобы удивить Европу правительственнымъ либерализмомъ; это удивленіе правительство старается вызвать посредствомъ наѣмныхъ и иностранныхъ журналовъ. Только надо замѣтить, что этотъ наѣмъ до такой степени дѣлается извѣстнымъ въ Европѣ, что Европа не удивляется, а только сомнѣвается въ искренности либеральныхъ представленій на петербургской правительственной сценѣ.

Количественное отношеніе противурѣчающихъ статей “Положенія” слѣдующее: въ пользу *правъ* земскихъ учреждений, взявши ихъ совокупность по ихъ содержанію—около 16-ти; противъ *правъ* земскихъ учреждений—около 20-ти. Качественно-же достаточно: доли 6-й, ст. 9, доли 68 и ст. 92 и 96, чтобы приравнять нулю всю дѣятельность земскихъ учреждений.

IV.

Намъ еще остается разсмотрѣть роль земскихъ управъ и ихъ отношенія къ земскимъ собраніямъ.

Внутренняя мысль французскаго закона состояла въ ограниченіи произвола мѣстной исполнительной власти посредствомъ совѣта, слѣдственно чего то въ родѣ законодательнаго собранія изъ людей мѣстнымъ населеніемъ избранныхъ. Внутренняя мысль французскаго закона—созданіе мѣстныхъ камеръ, которыя имѣли-бы въ своихъ предѣлахъ приблизительно такое же конституціонное значеніе относительно мѣстной исполнительной власти, какое имѣла общая камера относительно верховной исполнительной власти. Положимъ, что французское природное стремленіе къ централизаціи сгруппировало дѣятельность мѣстныхъ совѣтовъ—и сохраненіемъ общаго электоральнаго ценза для мѣстныхъ выборовъ, и чрезмѣрной зависимостью мѣстныхъ совѣтовъ отъ центральной исполнительной власти, что и было причиной уживчивости мѣстныхъ совѣтовъ со всѣми формами правленія, съ республикой, съ конституціей, съ деспотизмомъ; но все же внутренний смыслъ

Французского закона тотъ, что мѣстные совѣты должны имѣть значеніе законодательнаго собранія, а мѣстная префектура (губернаторство) значеніе власти исполнительной.

Русское "Положеніе" создаетъ особую исполнительную власть при земскихъ собраніяхъ,—земскія управы, подчиняя и тѣ и другія общей и мѣстной, министерской и губернаторской власти. Что же выйдетъ изъ этихъ земскихъ управъ—*особый видъ чиновничества, или особое, отъ правительственной власти отдѣльное управленіе*, основанное на выборномъ началѣ? Если-бы Положеніе не ставило такого рѣшительнаго подчиненія земскихъ учрежденій правительственнымъ властямъ, то пожалуй еще можно бы заподозрѣть управы въ возможности своего отдѣльнаго управленія; но и тутъ—какже вообразить два параллельныхъ управленія въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и по одному и тому же дѣлу? Это немыслимо. Слѣдственно, управы сведутся на новый родъ чиновничества, котораго забота будетъ таже, что и у всего русскаго чиновничества: переписка и очистка столыкихъ то NN. бумагъ въ годъ, гдѣ главная цѣль сдать съ рукъ бумаги куда слѣдуетъ, не гнушаясь при томъ всякаго рода взяточничествомъ.

Кому будетъ подчинено это новое чиновничество—земскимъ собраніямъ, или мѣстной и общей правительственной власти? Сами собранія подчинены произволу мѣстной и общей правительственной власти; но вдобавокъ эти собранія засѣдаютъ отъ 10 до 20 дней въ году, а управы засѣдаютъ круглый годъ и слѣдственно, не только посредственно, черезъ подчиненіе собраній правительственному произволу, но и непосредственно, по мимо собраній, большую часть года подчинены губернаторской и министерской власти.

"Положеніе" такъ ухитрилось, подъ общимъ названіемъ земскихъ *учрежденій*, перемѣшать дѣйствія земскихъ собраній съ дѣйствіями земскихъ управъ, что нѣ трудно различить. Такъ, на примѣръ, всѣ пункты ст. 2 (т. е. общее положеніе о правахъ и дѣятельности земскихъ учрежденій безъ различія на губернска и уѣздныя) относятся къ земскимъ учрежденіямъ, т. е. равно къ собраніямъ и управамъ, слѣдственно, что собраніе опредѣлило въ свое шимолетное засѣданіе, то управа, подъ вліяніемъ губернатора, можетъ измѣнить въ продолженіи 345 дней, или начать и покончить какое нибудь дѣло безъ спроса и согласія собраній, тѣмъ больше, что выгода предсѣдателя управъ, утверждаемыхъ губернаторами и министрами—быть чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ.—По ст. 67 губернска земскія собранія кажутся властью надъ земскими управамъ, могутъ разрѣшать имъ *отступленіе отъ смѣты* и временныя заимствованія; но когда же это они могутъ? Ихъ 20-ти дневное засѣданіе едва успѣетъ утвердить смѣту и опредѣлить заемъ; гдѣ же тутъ еще возможность назначить отступленіе отъ смѣты и новый временной заемъ? Въдь это *поп sens*. А въ продолженіи 345 дней, по статьямъ 96 и 97, губернаторъ и министръ передѣлаютъ смѣту и заемъ (ст. 92) съ разрѣшенія Сената и предпишутъ управѣ поступать совершенно противъ рѣшенія губернскаго земскаго собранія, не смотря на ст. 74, которая не позволяетъ управѣ отступать отъ установленныхъ собраніями смѣты и раскладокъ, *кроме случаевъ неотложной необходимости* и не выходя изъ общей суммы назначенной смѣты на всѣ расходы. Кому же эта статья 74 даетъ управамъ право, не превышая общей смѣты, мѣнять назначеніе отдѣльныхъ суммъ по усмотрѣнію, по тому что *неотложная необходимость*, при содѣйствіи губернатора, всегда найдется.

Уѣздныя управы разомъ подчинены десять дней засѣдающимъ уѣзднымъ собраніямъ (ст. 66) и круглый годъ засѣдающей губернской управѣ. Могутъ же встрѣтиться недоразумѣнія, которыя разрѣшить должно было-бы только губернское собраніе, но такъ какъ 345 дней дожидаться невозможно, то, естественно, уѣздныя управы станутъ повиноваться губернской управѣ и черезъ ея посредство губернатору, такъ что власть уѣздныхъ и губернскихъ собраній окажется мнимой.

Логичный выводъ одинъ, что, при этомъ устройствѣ, земскія управы, забывая свое происхожденіе отъ выборнаго начала, представляютъ только новый видъ чиновничества, основаннаго на коллегіальной формѣ и канцелярскомъ порядкѣ и совершенно зависимаго отъ мѣстной и общей правительственной администраціи, между тѣмъ какъ дѣятельность земскихъ собраній ослабѣетъ равной нулю.

V.

Да, дѣятельность земскихъ учрежденій будетъ равна нулю, и всѣ ихъ распоряженія и нѣ исполненія не выйдутъ изъ подъ произвола общей и мѣстной правительственной администраціи; но во всемъ этомъ есть нѣчто не равное нулю, а вводящее въ русскую жизнь положительные элементы движенія къ гражданской, или по русски сказать—къ земской свободѣ * Этого нѣчто, не смотря на все свое желаніе удивить Европу, правительство, можетъ, и не ожидаетъ. Это нѣчто состоитъ въ возбужденіи въ общественномъ мнѣніи потребности развитія выборное начало и въ возможности протеста, хотя на сію минуту бесполезнаго, т. е. до практическаго примѣненія своей мысли не достигающаго, но все же гласнаго протеста противъ правительственнаго произвола; протеста, который будетъ расти и создавать общественную силу. Протестъ противъ произвола и развитіе понятія выборнаго начала ясно укажутъ, что все слышѣе и слышѣе требуя преобразованія этихъ нулевыхъ земскихъ учрежденій, цѣль заключается: въ преобразованіи земскихъ губернскихъ собраній—въ областныя законодательныя собранія, и въ замѣнѣ губернаторской власти и чиновничества—исполнительной властью областныхъ управъ, такъ чтобъ и законодательная и исполнительная власти—были власти, основанныя на общественномъ выборномъ началѣ, а не на административномъ произволѣ.

По этому скажемъ еще разъ, что мы съ радостью будемъ привѣтствовать людей, которые, не смотря на ничтожность теперешняго "Положенія", пойдутъ въ выборные земскихъ учрежденій и посвятятъ всѣ свои силы на развитіе гласнаго протеста, крѣпкаго соединенія людей въ земскую силу и широкаго осуществленія выборнаго начала.

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ

— *Изъ Польши.*—"Мятежъ не существуетъ, банды разсыялись, вездѣ веселыя лица, всѣ благодарятъ Берга, Муравьева, всѣхъ на свѣтѣ, за освобожденіе отъ освобожденія"—пишутъ на всѣ лады временно-обязанные журналисты наши, и въ доказательство прибавляютъ такого рода детали:—

— 11 (23 Маѣ), по суду, разстрѣляны въ городѣ Пшаснышѣ рядовой Нижегородскаго пѣхотнаго полка Савелій Бондарцевъ за побѣгъ въ банды.

* Слово гражданство происходитъ отъ города и создается въ Европѣ отъ преобладанія города надъ селомъ; слово земство происходитъ отъ земли и означаетъ права всего населенія, безъ различія села и города.

— Того же числа повѣшенъ въ городѣ Радомѣ политическій преступникъ, помѣщикъ деревни Липа, Оpatовскаго уѣзда, Игнатій Дембицкій.

— Въ Радомѣ разстрѣляны за побѣгъ въ банды, рядовые Кіевскаго гренадерскаго полка: 22 Мая Иванъ Липатовъ и 26 Мая Михайло Жуковъ.

— 22 Мая въ Лэнчицѣ, варшавской губерніи, разстрѣлянъ доудца банды, отставной поручикъ прусской артиллеріи, Іеронимъ Вержбицкій, носившій псевдонимъ Борута. (По народнымъ сказкамъ, Борута есть злой духъ, постоянно живущій въ Лэнчицѣ, въ разныхъ подвалахъ).

— 20 Мая въ Ломжѣ повѣшенъ начальникъ шайки Юліанъ Обуховичъ.

— 22 Мая, въ Краснотавѣ разстрѣлянъ за побѣгъ въ банды, рядовой Харьковскаго уланскаго полка, Семенъ Павловъ.

Въ Варшавѣ все благополучно. Начались жары. *Варшава вся почти живетъ въ садахъ и тамъ играетъ музыка.* (Мос. Вѣд., No. 121).

Этого финала къ кровавому листу казней—конечно никто не ждалъ! Мы рядомъ поставимъ и другой неожиданный финалъ. “Кельнская Газета” отъ 21 Іюня говоритъ, что полковникъ *Туколкинъ*, при допросѣ, *плюнулъ* въ лицо профессора *Дибекъ*, Дибекъ его ударилъ и былъ за это *сосланъ въ Сибирь!*

— *Polizey Wuth.*—Бѣшенство полиціи “Моск. Вѣдом.” доходить до поманія. Такой искренней, глубокой, всеюронней, нѣжной страсти къ доносамъ, шпіонству, полицейскому вѣшателству и надзору, намъ не случалось встрѣчать и это тѣмъ страннѣе, что издатель этой газеты извѣстный англоманъ. Недавно онѣ жалѣли, что у бѣднаго русскаго правительства такъ мало средствъ поддержать въ Западной Россіи *русскую народность* того края (Муравьевъ, висѣлицы, разстрѣливанія, корреспонденты “Моск. Вѣд.”, “Сѣвер. Пчелы” и “Инвалида”, конфискацій, секвестрацій, каторжная работа, тюрьма, штрафы, розги, крестики присланные государыней, войско, братчики, попы, осадное положеніе!!) Правительство, по мнѣнію Моск. Вѣд., можетъ запретить явное соврашеніе въ католицизмъ, польскій языкъ въ судахъ и *кондитерскихъ*, (кажется це очень убого средствами правительство, которое можетъ заставить людей говорить на томъ языкѣ, на какомъ вздумаетъ) но что оно сдѣлаетъ у домашняго очага? Какъ присмотрѣть за тѣмъ что мужъ говоритъ съ женой, братъ съ сестрой?—И “Моск. Вѣд.” видя такую крайность его, приглашаютъ всѣхъ русскихъ *участвовать* въ борьбѣ съ полонизмомъ*. И это послѣ того, какъ тѣже “Вѣдомости” рассказывали намъ цѣлый годъ о силѣ, мощи и славѣ русскаго элемента въ тѣхъ-же Западныхъ губерніяхъ!

Желая приобщить и Москву къ благамъ Литовской администраціи, Университетская газета въ 123 No. дѣлаетъ слѣдующій вызовъ къ подслушиванію на Тверскомъ бульварѣ и полицейскому вѣшателству: “По вечерамъ когда играетъ музыка, нѣкоторые посѣтители Тверскаго бульвара слишкомъ нецеремонны, и случается слышать болѣе чѣмъ свободныя рѣчи, обращенныя къ прогуливающимся дамамъ; а мѣсто

* Начъ пишутъ изъ Россіи: “гдѣ-то компанія искателей приключеній отправляются изъ Петербурга русифицировать польскія провинціи. Люди эти получаютъ деньги въ Петербургѣ и требуютъ полицейскій конвой для задержанія ихъ въ мѣстахъ жительства ихъ службы”. Такъ ишъ то Мос. Вѣд. предлагала путь!

гдѣ играетъ музыка бываетъ такъ загромождено толпой, что нѣтъ свободнаго прохода. Неужели магическое слово парижскихъ городскихъ: *circulez, Messieurs, ne vous arretez pas, circulez, je vous prie*, не вошло еще въ нашъ полицейскій словарь? Не худо бы дополнить этотъ пробѣлъ; да я думаю, что нашимъ полицейскимъ чинамъ не лишнее вмѣшиваться иногда и въ *conversations decoltés*, когда они громко ведутся въ публикѣ. Блюстителямъ публичной благопристойности нельзя, въ этомъ случаѣ, говорить: “наше дѣло сторона”.

— *Балабинъ и Нормъ.*—Что Балабинъ надѣлалъ дипломатическаго вздору, и его уволили, намъ до этого нѣтъ дѣла, что онъ по старой традиціи тотчасъ послѣ этого занемогъ и болѣзнь пошла заднимъ числомъ, это даже хорошо—что за дипломатія безъ этихъ шутокъ, въ которыя никто не вѣритъ, и которыя дѣлаются для короля прусскаго, сказали бы мы, еслибъ въ настоящемъ случаѣ онѣ не дѣлались для австрійскаго императора. Насъ, вовсе не то занимаетъ, а вотъ что: въ нѣмецкихъ “Спектербургскихъ Вѣдомостяхъ” (голштинская династія все еще не приучилась съ русскими говорить по русскому) напечатано: “Уже съ годъ времени г. Балабинъ не отправлялъ своей обязанности, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положеніе”.

...Что-то знакомо!... будто на дняхъ мы читали что-то такое... Да, да, да... “Ужъ съ годъ времени г. Ренанъ не отправлялъ своей обязанности какъ профессоръ, а потому надобно было устранить такое *ненормальное* положеніе”. Понравилось выраженіе—точно оно хорошее выраженіе и оперу напоминаетъ и Гризи—только ужъ слишкомъ поторопились зачислить его въ русскую службу.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Въ Женевѣ будетъ выходить сербскій радикальный журналъ подъ названіемъ

СЛОБОДА.

Въ его названіи — вся программа его. *Слобѣда* будетъ выходить еженедѣльно. Главныя статьи и корреспонденціи будутъ помѣщаться на сербскомъ и на французскомъ языкахъ.

Издатель новаго сербскаго журнала Владиміръ Іовановичъ бывший профессоръ политическихъ наукъ въ Белградѣ, авторъ брошюры *The Serbian nation and the Eastern Question* (London Bell and Dolds 1863).

Первый листъ *Слобѣды* выйдетъ 1 Августа.

Цѣна подписки:

Для Сербіи и Швейцаріи	14 фр.	въ годъ.
„	7	50 сен. на 6 мѣсц.
„	4	3 „
„	2	1 „

Для другихъ странъ прибавляется цѣна пересылки.

Подписка принимается въ Женевѣ у Пфеффера и Пуки (MM. Pfeffer & Puky) imprimeurs à Genève.

продаются:

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Н. Огарева, Изданіе исправленное, Цѣна 1 ш. 6 п.).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЬ 188.

15 Августа 1864.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—И. И. Кельсіевъ—Camicia Rossa. Смѣсь: Война, чума, пожаръ—Чернышевскому, Михайлову и др.—Еще шагъ—Петербургская Агріппа—
Платье "М. В." о Шварцѣ, равнодушіе къ Пейкеру—Императорскіе Санкюлотиды—Штабъ Микло—На Ш отъ. Ш съ 1—Минералогическое общество—Кому съзъ?

И. И. КЕЛЬСІЕВЪ.

Въ Іюнѣ мѣсяцѣ скончался въ Тульчѣ юный товарищъ нашъ Иванъ Ивановичъ Кельсіевъ, братъ издателя старообрядческихъ сборниковъ, и проч. Ему было 23 года, но онъ уже успѣлъ вкусить всю горечь русской жизни, все ея страданіе. Арестованный по дѣлу московскихъ студентовъ, онъ былъ сосланъ въ Верхотурье; пермской губернаторъ, *Лашкаревъ* сдѣлалъ все что отъ него зависѣло, чтобъ ухудшить состояніе молодого человѣка. Кельсіева потребовали въ Москву для справокъ. Не видя никакого выхода изъ своего положенія, онъ бѣжалъ изъ подъ ареста и пробрался въ Турцію. Молодой Кельсіевъ былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и съ большою энергіей. Нѣтъ страшнѣе могилъ какъ тѣ, которыя прикрываютъ бессмысленно сломленные силы, во всей юности своего развитія.

CAMICIA ROSSA*

Шекспировъ день превратился въ день Гарибальди. Сближеніе это вытянуто за волосы исторіей, такіа натяжки удаются ей одной.

Народъ, собравшись на Примрозъ-Гиль, чтобъ посадить дерево въ память trescentenary, остался тамъ чтобъ поговорить о скоростижномъ отъѣздѣ Гарибальди. Полиція разогнала народъ. Пятьдесятъ тысячъ человѣкъ (по полицейскому рапорту) послушались тридцати полицейскихъ, и изъ глубокаго уваженія къ законности, въ половину стубили великое право сходовъ подъ чистымъ небомъ и, во всякомъ случаѣ, поддержали беззаконное вмѣшательство власти.

... Дѣйствительно, какая-то шекспировская фантазія пронеслась передъ нашими глазами на сѣромъ фонѣ Англіи,

* Статья эта назначена была для "Полярной Звѣзды", по "Полярная Звѣзда" не выйдетъ въ нынѣшнемъ году; а въ "Колоколѣ", благодаря террору, наложившему печать молчанія на большую часть нашихъ корреспондентовъ, довольно мѣста для нея и еще для двухъ-трехъ статей.

Годъ VIII.

съ чисто шекспировской близостью великаго и отвратительнаго, раздражающаго душу и скрипящаго по тарелкѣ. Святая простота человѣка, наивная простота массъ и тайные скопы за стѣной, интриги, ложь. Знакомыя тѣни мелькаютъ въ другихъ образахъ—отъ Гамлета до короля Лира, отъ Гопериль и Корделій до *честнаго* Яго. Яго все крошечные, но за то какое количество и какая у нихъ честность!

Прологъ. Трубы. Является идолъ массъ, единственная, великая, народная личность нашего вѣка, выработавшаяся съ 1848 года, является во всѣхъ лучахъ славы. Все склонится передъ ней, все ее празднуетъ, это очью совершающееся hero worship Кармеля. Пушечные выстрѣлы, колокольный звонъ, вымпела на корабляхъ—и только потому нѣтъ музыки, что *гость Англіи* пріѣхалъ въ Воскресенье, а Воскресенье здѣсь постный день... Лондонъ ждетъ пріѣзжаго часовъ семь на погахъ, ованіи растутъ съ каждымъ днемъ; появленіе человѣка въ *красной рубашкѣ* на улицѣ дѣлаетъ взрывъ восторга, толпы провожаютъ его ночью въ часъ изъ оперы, толпы встрѣчаютъ его утромъ въ семь часовъ передъ Стаффордъ гаузомъ. Работники и дюкн*, швей и лорды, банкиры и high church, феодалная развалина Дербн и осколокъ февральской революціи—республиканецъ 1848 года, старшій сынъ королевы Викторія и босой swirer, родившійся безъ родителей, ищутъ на перерывъ его руки, взгляда, слова. Шотландія, Нью-кестль он' Тейнъ, Глазговъ, Манчестеръ трепещутъ отъ ожиданія—а онъ исчезаетъ въ непроницаемомъ туманѣ, въ синевѣ океана.

Какъ тѣнь Гамлетова отца, гость попалъ на какую-то министерскую досчечку, и исчезъ. Гдѣ онъ? Сей часъ былъ тутъ и тутъ, а теперь нѣтъ... Остается одна точка, какой-то парусъ готовый отплыть.

Народъ англійскій одуроченъ. "Великій, глупый народъ"—какъ сказалъ о немъ поэтъ. Добрый, сильный, упорный,

* Я прошу позволеніе дюковъ называть дюками, а не герцогами. Во-первыхъ оно правдѣе, а во-вторыхъ однимъ пѣмекнымъ словомъ меньше въ русскомъ языкѣ. Autant de pain sur le Teutchthum.

но тяжелый, неповоротливый, нерасторопный Джонъ-буль, и жаль его и смѣшно! Быкъ съ львиными замашками—только что было тряхнулъ гривой и порасправился, чтобъ встрѣтить гостя, такъ какъ онъ никогда не встрѣчалъ ни одного ни на службѣ состоящаго, ни отрѣшеннаго отъ должности монарха, а у него его и отняли. Левъ-быкъ бьетъ двойнымъ копытомъ, царапаетъ землю, сердится... но сторожа знаютъ хитрости замковъ и засововъ *свободы*, которыми онъ запертъ, болтаютъ ему какой-то вздоръ и держатъ ключъ въ карманѣ... а точка исчезаетъ въ океанѣ.

Бѣдный левъ-быкъ, ступай на свой *hard labour*, тащи плугъ, подымай молотъ. Развѣ три министра, одинъ не министръ, одинъ дюкъ, одинъ профессоръ хирургіи и одинъ лордъ пѣтизма, не засвидѣтельствовали всенародно въ камерѣ перовъ и въ низшей камерѣ, въ журналахъ и гостинныхъ, что здоровый человѣкъ, котораго ты видѣлъ вчера, *болитъ* и боленъ такъ, что его надобно послать на яхтѣ вдоль атлантическаго океана и поперекъ средиземнаго моря... “Кому-же ты больше вѣришь моему ослу или мнѣ?” — говорилъ обиженный мельникъ, въ старой баснѣ, скептическому другу своему, который сомнѣвался слыша ревъ, что осла нѣтъ дома...

Или развѣ *они* не друзья народа, больше чѣмъ друзья—они его опекуны, его отцы съ матерью...

... Газеты подробно рассказали о пирахъ и яствахъ, рѣчахъ и мечяхъ, адресахъ и кантатахъ, Чизикѣ и Гильдголь. Балеты и декорации, пантомимы и арлекины этого “сповидѣнія въ весеннюю ночь” описаны довольно. Я не намѣренъ вступать съ ними въ соревнованіе, а просто хочу передать изъ моего небольшого фотографическаго снаряда нѣсколько картинокъ, взятыхъ съ того скромнаго угла, изъ котораго я смотрѣлъ. Въ нихъ, какъ всегда бываетъ въ фотографіяхъ, захватилось и осталось много случайнаго, неловкія складки, неловкія позы, слишкомъ выгупившія мелочи—рядомъ съ нерукотворенными чертами событій и не подслащенными чертами лицъ...

Разсказъ этотъ дарю я вамъ, отсутствующія дѣти (отчасти онъ для васъ и писанъ) и еще разъ очень, очень жалѣю, что васъ здѣсь не было съ нами 17 Апрѣля.

I.

ВЪ БРУКЪ ГАУЗЪ.

Третьяго Апрѣля въ вечеру Гарибальди пріѣхалъ въ Соутамтонъ. Мнѣ хотѣлось видѣть его прежде чѣмъ его завертять, опутаютъ, утомить.

Хотѣлось мнѣ этого по многому: во-первыхъ просто потому, что я его люблю и не видалъ около десяти лѣтъ. Съ 1848 я слѣдилъ шагъ за шагомъ за его великой карьерой; онъ уже былъ для меня въ 1854 г. лицо взятое цѣликомъ изъ Корнелія Непота или Плутарха*... съ тѣхъ поръ онъ переросъ потовипу ихъ, слѣдался “невѣроятнымъ царемъ” народовъ, иль пованіемъ, иль живой легендой, иль святымъ человѣкомъ, и это отъ Украйны и Сербіи до Андалузій и Шотландій, отъ Южної Америки до Сѣверныхъ Штатовъ. Съ тѣхъ поръ онъ

* “Поларная Звѣзда”, кн. V, “Былое и думы”.

съ горстью людей побѣдилъ армію, освободилъ цѣлую страну и былъ отпущенъ изъ нея какъ отпускаютъ ямщика, когда онъ довезъ до станціи. Съ тѣхъ поръ онъ былъ обманутъ и побитъ, и такъ какъ ничего не выигралъ побѣдой, не только ничего не проигралъ пораженіемъ, но удвоилъ ею свою народную силу. Рапа, панесенная ему *своими*, кровью спаяла его съ народомъ. Къ величію героя прибавился вѣнецъ мученика. Мнѣ хотѣлось видѣть тотъ-ли же это добродушный морякъ, приведшій *Common Wealth* изъ Бостона въ *Indian Docks*, мечтавшій о пловучей эмиграціи, носящейся по океану* и угощавшій меня ницкимъ Билетомъ, привезеннымъ изъ Америки.

Хотѣлось мнѣ, во-вторыхъ, поговорить съ нимъ о здѣшнихъ интригахъ и нелѣпостяхъ, о добрыхъ людяхъ строившихъ одной рукой нѣдесталъ ему и другой привязывавшихъ Мацинии къ позорному столбу. Хотѣлось ему разсказать объ охотѣ по Стансфильду и о тѣхъ нищихъ разумомъ либералахъ, которые вторили даю готическихъ своръ, не понимая что тѣ имѣли по крайней мѣрѣ цѣль—сковырнуть на Стансфильдѣ пѣгое и безхарактерное министерство, и замѣнить его своей подагрой, своей вѣтошью и своимъ липлымъ тряпьемъ съ гербами.

... Въ Соутамтонѣ я Гарибальди не засталъ. Онъ только что уѣхалъ на Островъ Вайтъ. На улицахъ были видны остатки торжества, знамена, группы народа, бездна иностранцевъ...

Не останавливаясь въ Соутамтонѣ, я отправился въ Коусъ. На пароходѣ, въ отеляхъ все говорило о Гарибальди, о его приѣмѣ. Разсказывали отдѣльные анекдоты, какъ онъ вышелъ на палубу опираясь на дюка Сутерландскаго, какъ сходя въ Коусъ съ парохода, когда матросы выстроились чтобъ проводить его, Гарибальди пошелъ было поклонившись, но вдругъ остановился, подошелъ къ матросамъ и каждому подаль руку, вмѣсто того чтобъ подать на водку.

Въ Коусъ я пріѣхалъ часовъ въ 9 вечера; узналъ, что Брукъ гаусъ очень не близокъ, заказалъ на другое утро коляску и пошелъ по взморью. Это былъ первый теплый вечеръ 1864. Море совершенно покойное, лѣтне-шала колыбалось; кой гдѣ сверкалъ, исчезая, фосфорическій свѣтъ; я съ наслажденіемъ вдыхалъ влажно-іодистый запахъ морскихъ испареній, который люблю какъ запахъ сѣна; издали раздавалась балльная музыка изъ какого-то клуба или казино, все было свѣтло и празднично.

За то на другой день, когда я часовъ въ шесть утра открылъ окно, Англія напомнила о себѣ; вмѣсто моря и неба, земли и дали была одна сплошная масса перовнаго сѣраго цвѣта, изъ которой лился частой, мелкой дождь, съ той британской настойчивостью, которая впередъ говоритъ: “если ты думаешь что я перестану, ты ошибаешься, я не перестану”. Въ семь часовъ поѣхалъ я подъ этой душей въ Брукъ-гаусъ.

Не желая долго толковать съ тугон на пониманье и скупо на учтивость англійской прислугой, я послалъ записку къ се-

* Тамъ-же.

кретарю Гарибальди—Гверцони. Гверцони провелъ меня въ свою комнату и пошелъ сказать Гарибальди. Вслѣдъ за тѣмъ я услышалъ постукиванье трости и голосъ: “Гдѣ онъ, гдѣ онъ?” Я вышелъ въ корридоръ, Гарибальди стоялъ передо мной и прямо, ясно, кротко смотрѣлъ мнѣ въ глаза, потомъ протянулъ обѣ руки и сказавъ: “Очень, очень радъ, вы полны силы и здоровья, вы еще поработаете”, обнялъ меня. “Куда вы хотите? Это комната Гверцони; хотите ко мнѣ, хотите остаться здѣсь?” спросилъ онъ и сѣлъ.

Теперь была моя очередь смотрѣть на него.

Одѣтъ онъ былъ такъ какъ вы знаете по безчисленнымъ фотографіямъ, картинкамъ, статуеткамъ, на немъ была красная шерстяная рубашка и сверху плащъ, особымъ образомъ застегнутый на груди; не на шеѣ, а на плечахъ былъ платокъ, такъ какъ его носятъ матросы, узломъ завязанный на груди. Все это къ нему необыкновенно шло, особенно его плащъ.

Онъ гораздо меньше измѣнился въ эти десять лѣтъ, чѣмъ я ожидалъ. Всѣ портреты, всѣ фотографіи его ни куда не годятся, на всѣхъ онъ старше, чернѣе, и главное, выраженіе лица нигдѣ не схвачено. А въ немъ то и высказывается *весь секретъ*, не только его лица, но его самого, его силы—той притягательной и отдающей силы, которой онъ постоянно покорялъ все окружавшее его... какое бы оно ни было, безъ различія діаметра: кучку рыбаковъ въ Ниццѣ, экипажъ матросовъ на океанѣ, *drapello* гверильясовъ въ Монтевидео, войско ополченцевъ въ Италіи, народныя массы всѣхъ странъ, цѣлыя части земнаго шара.

Каждая черта его лица, вовсе неправильнаго и скорѣе напоминающаго славянскій типъ, чѣмъ италіинскій, оживлена, проникнута безпредѣльной добротой, любовью и тѣмъ, что называется *bienveillance* (я употребляю французское слово потому, что наше “благоволѣніе” затаскалось до того по переднимъ и канцеляріямъ, что его смыслъ искажился и оподлѣлъ). Тоже въ его взглядѣ, тоже въ его голосѣ, и все это такъ просто, такъ отъ души, что если человѣкъ не имѣетъ задней мысли, жалованья отъ какого нибудь правительства и вообще не остережется, то онъ непременно его полюбитъ.

Но одной добротой не исчерпывается ни его характеръ ни выраженіе его лица, рядомъ съ его добродушіемъ и увлекаемостью чувствуется несокрушимая, нравственная твердость и какой то возвратъ на себя задумчивый и страшно грустный. Этой черты меланхолической, печальной, я прежде не замѣчалъ въ немъ.

Минутами разговоръ обрывается; по его лицу, какъ тучи по морю пробѣгаютъ какія-то мысли — ужась-ли то передъ судьбами лежащими на его плечахъ, передъ тѣмъ народнымъ *помазаніемъ*, отъ котораго онъ уже не можетъ отказаться? Сомнѣніе ли послѣ того, какъ онъ видѣлъ столько измѣнъ, столько паденій, столько слабыхъ людей? Искушеніе ли величія? Последняго не думаю, его личность давно исчезла въ его дѣлѣ...

Я увѣренъ, что подобная черта страданья передъ призывомъ, была и на лицѣ Дѣвы Орлеанской, и на лицѣ Іоанна Лейденскаго—они принадлежали народу, стилизныя чувства, или лучше предчувствія замореванныя въ насъ—сильнѣе въ народѣ. Въ нихъ вѣрѣ былъ фатализмъ, а фатализмъ самъ по себѣ безконечно грустенъ. “Да совершится воля твоя”—говорить всѣми чертами лица Сикстинская Мадона. — “Да совершится воля твоя”, говорить ея сынъ плебей и Спаситель, грустно молясь на масличной горѣ.

... Гарибальди вспомнилъ разныя подробности о 1854 годѣ, когда онъ былъ въ Лондонѣ, какъ онъ почевалъ у меня опоздавши въ *Indian docks*; я напомнилъ ему какъ онъ въ этотъ день пошелъ гулять съ моимъ сыномъ и сдѣлалъ для меня его фотографію у Кальдеси, обѣ обѣдѣ у американскаго консула съ Бьюхананомъ, который нѣкогда надѣлалъ бездну шума и въ сущности не имѣлъ смысла*.

“Я долженъ вамъ покаяться, что я поторопился къ вамъ пріѣхать не безъ цѣли, сказалъ я наконецъ ему; я боялся что атмосфера, которой вы окружены, слишкомъ англійская, т. е. туманная, для того, чтобъ ясно видѣть закулисную механику одной пьесы, которая съ успѣхомъ разыгрывается теперь въ парламентѣ... чѣмъ вы дальше пойдете, тѣмъ гуще будетъ туманъ. Хотите вы меня выслушать?”

— Говорите, говорите—мы старые друзья.

Я рассказалъ ему дебаты, журнальный вопль, недѣлю выходовъ противъ Маццини, пытку, которой подвергали Стансфильда. “Замѣйте, добавилъ я, что въ Стансфильдѣ тори и ихъ сообщники преслѣдуютъ не только революцію, которую они смѣшиваютъ съ Маццини, не только министерство Пальмерстона, но сверхъ того человѣка, своимъ личнымъ достоинствомъ, своимъ трудомъ, умомъ достигнувшаго въ довольно молодыхъ лѣтахъ мѣста лорда въ адмиралтействѣ, человѣка безъ рода и связей въ аристократіи.—На васъ прямо они не смѣютъ нападать на сію минуту, но посмотрите какъ они безцеремонно васъ трактуютъ. Вчера въ Коусѣ я купилъ послѣдній листъ *Standard’a*; ѣхавши къ вамъ я его прочиталъ, посмотрите. “Мы увѣрены что Гарибальди пойметъ на столько обязанности возлагаемыя на него гостепріимствомъ Англии, что не будетъ имѣть сношеній съ прежнимъ товарищемъ своимъ и найдетъ на столько такта, чтобъ не ѣздить въ 35 Thurloe Square”†. За тѣмъ выговоръ *par anticipation*, если вы этого не исполните”.

— Я слышалъ кое-что—сказалъ Гарибальди — объ этой интригѣ. *Разумѣется одинъ изъ первыхъ визитовъ моихъ будетъ къ Стансфильду.*

— Вы знаете лучше меня, что вамъ дѣлать, я хотѣлъ вамъ только показать безъ тумана безобразныя линии этой интриги.

Гарибальди всталъ, я думалъ что онъ хочетъ окончить свиданіе и сталъ прощаться. “Нѣтъ, нѣтъ, пойдите теперь ко мнѣ”, сказалъ онъ и мы пошли. Прихрамываетъ онъ

* Въ непечатанной части “Былое и думы” обѣдѣ этотъ рассказъ.

† Квартира Стансфильда.

сильно, по вообще его организмъ вышелъ торжественно изъ всякаго рода моральныхъ и хирургическихъ кондицій, операций и пр.

Костюмъ его, скажу еще разъ, необыкновенно идетъ къ нему и необыкновенно изященъ, въ немъ нѣтъ ничего профессионально-солдатскаго и ничего буржуазнаго, онъ очень простъ и очень удобенъ. Непринужденность, отсутствіе всякой аффектаціи въ томъ, какъ онъ носитъ его, остановили салонныя пересуды и тонкія насмѣшки. Врядъ существуетъ-ли европеецъ, которому бы сошла съ рукъ *красная рубашка* въ дворцахъ и палатахъ Англіи.

Притомъ костюмъ его чрезвычайно важенъ, *отъ красной рубашки* народъ узнаетъ себя и своего. Аристократія думаетъ, что схвативши его коня подъ уздцы, она его поведетъ куда хочетъ и, главное, отведетъ отъ народа; но народъ смотритъ на *красную рубашку* и радъ, что дюки, маркизы и лорды пошли въ конюхи и официанты къ революціонному вождю, взявъ на себя должности мажордомовъ, пажей и скороходовъ, при великомъ плебей въ плебейскомъ платьѣ.

Консервативныя газеты замѣтили бѣду, и чтобъ смягчить безправственность и безчестіе гарибальдскаго костюма, выдумали, что онъ носитъ *мундиръ* монтевидейскаго волонтера. Да вѣдь Гарибальди съ тѣхъ поръ былъ пожалованъ генераломъ — королемъ, которому онъ пожаловалъ два королевства — отчего же онъ носитъ *мундиръ* монтевидейскаго волонтера?

Да и почему то, что онъ носитъ — *мундиръ*?

Къ мундиру принадлежитъ какое нибудь смертоносное оружіе, какой нибудь знакъ власти, или кровавыхъ воспоминаній. Гарибальди ходитъ безъ оружія, онъ не боится никого и никого не страшатъ; въ Гарибальди также мало военнаго, какъ мало аристократическаго и мѣщанскаго. “Я не солдатъ, говорилъ онъ въ Кристалль-паласѣ итальянцамъ, подписавшимъ ему мечъ, и не люблю солдатскаго ремесла. Я видѣлъ мой отчій домъ наполненный разбойниками и схватился за оружіе чтобъ ихъ выгнать”. — “Я работникъ, происхожу отъ работниковъ и горжусь этимъ”, сказалъ онъ въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ нельзя не замѣтить, что у Гарибальди нѣтъ также ни на іоту плебейской грубости, ни изученаго демократизма. Его обращеніе мягко до женственности. Итальянецъ и человекъ, онъ на вершинѣ общественнаго міра представляетъ не только плебей, вѣрнаго своему началу, но итальянца, вѣрнаго эстетичности своей расы.

Его мантия, застегнутая на груди, не столько военный плащъ, сколько риза воина первосвященника, *propheta-ge*. Когда онъ поднимаетъ руку, отъ него ждуть благословенія и привѣта, а не военного приказа.

Гарибальди заговорилъ о польскихъ дѣлахъ. Онъ дивился отвагѣ поляковъ. “Безъ организаціи, безъ оружія, безъ людей, безъ открытой границы, безъ всякой опоры — выступить противъ сильной военной державы, и продержаться слишкомъ годъ — такого примѣра нѣтъ въ исторіи... Хорошо еслибъ

другіе народы переняли. Столько геройства не должно, не можетъ погибнуть, я полагаю что Галиція готова къ возстанію?”

Я промолчалъ.

— Также какъ и Венгрія — вы не вѣрите?

— Нѣтъ, я просто не знаю.

— Ну, а можно ли ждать какого нибудь движенія въ Россіи?

— Никакого. Съ тѣхъ поръ какъ я вамъ писалъ письмо, въ Ноябрь мѣсяцъ, ничего не перемѣнилось. Правительство чувствующее поддержку во всѣхъ злодѣйствахъ въ Польшѣ, идетъ очертя голову, ни въ грошъ не ставитъ Европу, общество падаетъ глубже и глубже. Народъ молчитъ. — Польское дѣло не его дѣло — у насъ врагъ одинъ, общій, по вопросу разно поставленъ. Къ тому же у насъ много времени впереди — а у нихъ его нѣтъ.

Такъ продолжался разговоръ еще нѣсколько минутъ, начались въ дверяхъ показываться архи-англійскія фізіономіи, шурстѣли дамскія платья... я всталъ.

— Куда вы торопитесь? — сказалъ Гарибальди.

— Я не хочу васъ больше красть у Англіи.

— До свиданья въ Лондонѣ — не правда ли?

— Я непременно буду. Правда — что вы останавливаетесь у дюка Сутерландскаго?

— Да, сказалъ Гарибальди и прибавилъ будто извиняясь, не могъ отказаться.

— Такъ я явлюсь къ вамъ напудрившись, для того чтобъ лакеи въ Стаффордъ гаузѣ подумали, что у меня пудренный слуга.

Въ это время явился поэтъ *лауреатъ* Тенисонъ съ женой — это было слишкомъ много лавровъ, и я по тому же непрерывному дождю отправился въ Коусъ.

Пережѣла декораціи, по продолженіе той же пьесы. Пароходъ изъ Коуса въ Соутамтонъ только что ушелъ, а другой отправился черезъ три часа, въ силу чего я пошелъ въ ближайшій ресторанъ, заказалъ себѣ обѣдъ и принялся читать “Теймсъ”. Съ первыхъ строкъ я былъ ошеломленъ. Семидесятипятилѣтній Авраамъ, судившійся мѣсяца два тому назадъ за какія то шашни съ повой Агарью, припесъ окончательно на жертву своего Галифакскаго Исаака. Отставка Станфильда была принята. И это въ самое то время, когда Гарибальди начиналъ свое торжественное шествіе въ Англіи. Говоря съ Гарибальди, я этого даже не предполагалъ.

Что Станфильдъ подалъ во второй разъ въ отставку, видя что травля продолжается, совершенно естественно. Ему съ самаго начала слѣдовало стать во весь ростъ и бросить свое лордшипство. Станфильдъ сдѣлалъ свое дѣло. Но что сдѣлалъ Пальмерстонъ съ товарищами? И что онъ лепеталъ потомъ въ своей рѣчи?.. Съ какой подобострастной лестью отзывался онъ о великодушномъ союзникѣ, о притренированномъ желаніи ему долговѣчья и всякаго блага на вѣки нерушимаго. Какъ будто, кто нибудь бралъ *au sérieux* эту полицейскую фарсу Greco, Trabucchi & Co.

Это была *Мажента*.

Я спросил бумаги и написал письмо к Гверцони, написал я его со всей свѣжестю досады и просил его прочесть "Теймс" Гарibaldi; я ему писал о безобразии этой апотеозы Гарibaldi — рядомъ съ оскорбленіями Мацини. "Мнѣ 52 года, говорилъ я, но признаюсь, что слезы негодованія навертываются на глазахъ, при мысли объ этой несправедливости" и проч.

За нѣсколько дней до моей поѣздки, я былъ у Мацини. Человѣкъ этотъ многое вынесъ, многое умѣетъ выносить, это старый боецъ, котораго ни утомить, ни изложить нельзя; по туть я его засталъ сильно огорченнымъ, именно тѣмъ, что его выбрали средствомъ для того, чтобы выбить изъ стреманъ его друга. Когда я писалъ письмо къ Гверцони образъ исхудалаго, благороднаго старца, съ сверкающими глазами носился передо мной.

Когда я кончилъ и человѣкъ подалъ обѣдъ, я замѣтилъ, что я не одинъ—небольшаго роста бѣлокурый молодой человѣкъ съ усиками и въ синей пальто-курткѣ, которую носят моряки сидѣлъ у камина, à l'américaine, хитро утвердивши ноги въ уровень съ ушами. Манера говорить скороговоркой, совершенно провинціальныи акцентъ, дѣлавшій для меня его рѣчь непонятной, убѣдили меня еще больше, что это какой нибудь пирующій на берегу мичманъ, и я пересталъ имъ заниматься — говорилъ онъ не со мной, а съ слугой. Знакомство окончилось было тѣмъ, что я ему подвинулъ соль, а онъ за то тряхнулъ головой.

Вскорѣ къ нему присоединился пожилой лѣтъ черноватенькій господинъ, весь въ черномъ и весь до невозможности застегнутый—съ тѣмъ особеннымъ видомъ помѣшательства, которое даетъ людямъ близкое знакомство съ небомъ и натянутая религіозная экзальтація, дѣлающаяся натуральной отъ долгаго употребленія.

Казалось, что онъ хорошо знаетъ мичмана и пришелъ чтобы съ нимъ поговорить. Послѣ трехъ-четырехъ словъ, онъ пересталъ говорить и началъ проповѣдывать. "Видѣлъ я, говорилъ онъ, Маковей, Гедеона... орудіе въ рукахъ промысла, его мечъ, его пращъ... и чѣмъ болѣе я смотрѣлъ на него, тѣмъ сильнѣе былъ тронутъ, и со слезами твердилъ: мечъ Господень! мечъ Господень! Слабаго Давида избралъ онъ побить Голиаха. Отъ того-то народъ англійскій, народъ избранный, идетъ ему на срѣщеніе, какъ къ невѣстѣ Ливанской..... Сердце народа въ рукахъ Божіихъ; оно сказала ему, что это мечъ Господень, орудіе промысла, Гедеонъ!"

... Отворились настежь двери и вошла не извѣста ливанская, а разомъ человѣкъ десять, важныхъ бритовъ и въ ихъ числѣ лордъ Шеэбюри, Линдзей. Всѣ они усѣлись за столъ и потребовали что-нибудь перекусить, объявляя, что сей часъ ѣдутъ въ Brook-house. Это была официальная депутація отъ Лондона, съ приглашеніемъ къ Гарibaldi. Проповѣдникъ умолкъ; но мичманъ поднялся въ моихъ глазахъ, онъ съ такимъ не двусмысленнымъ чувствомъ отвращенія смотрѣлъ

на взшедшую депутацію, что мнѣ пришло въ голову, вспоминая проповѣдь его пріятеля, что онъ принимаетъ этихъ людей, если не за мечи и бортики сапаны, то хоть за его перочинные ножки и лапцеты.

Я спросилъ его какъ слѣдуетъ надписать письмо въ Brook-house, достаточно ли назвать домъ, или надобно прибавить ближній городъ. Онъ сказалъ что не нужно ничего прибавлять.

Одинъ изъ депутаціи, сѣдой, толстый старикъ, спросилъ меня къ кому я посылаю письмо въ Brook-house?

— Къ Гверцони.

— Онъ кажется секретаремъ при Гарibaldi?

— Да.

— Чего-же вамъ хлопотать, мы сей часъ ѣдемъ, я охотно свезу письмо.

Я вынулъ мою карточку и отдалъ ее съ письмомъ. Можетъ ли что нибудь подобное случится на континентѣ? Представьте себѣ, еслибъ во Франціи кто нибудъ спросилъ бы васъ въ гостиницѣ—къ кому вы пишете—и узнавши что это къ секретарю Гарibaldi, взялся бы доставить письмо?

Письмо было отдано и я на другой день имѣлъ отвѣтъ въ Лондонѣ.

Редакторъ иностранной части Morning Star'a узналъ меня. Начались вопросы о томъ какъ я нашелъ Гарibaldi, о его здоровьи. Поговоривши нѣсколько минутъ съ нимъ, я ушелъ въ smoking room. Тамъ сидѣли за пель-элемъ и трубками мой бѣлокурый морякъ и его черномазый теологъ. "Что, сказалъ онъ мнѣ, паглядѣлись вы на эти лица?... а вѣдь это неподражаемо хорошо, лордъ Шеэбюри, Линдзей ѣдутъ депутатами приглашать Гарibaldi. Что за комедія! Знаютъ ли они кто такое Гарibaldi?"

— Орудіе промысла, мечъ въ рукахъ Господнихъ, его пращъ... потому-то онъ и вознесъ его и оставилъ его въ святой простотѣ его...

— Это все очень хорошо, да за чѣмъ ѣдутъ эти господа? Спросилъ бы я кой у кого изъ нихъ—сколько у нихъ денегъ въ Алабамѣ?... Дайте-ка Гарibaldi пріѣхать въ Ньюкестль оп' Тейпъ, да въ Глазговъ, тамъ онъ увидитъ народъ по ближе, тамъ ему не будутъ мѣшать лорды и дюки.

Это былъ не мичманъ, а корабельный постройщикъ. Онъ долго жилъ въ Америкѣ, зналъ хорошо дѣла Юга и Сѣвера, говорилъ о безвыходности тамошней войны, на что угѣшительный теологъ замѣтилъ: "Если Господь раздвоилъ народъ этотъ и направилъ брата на брата, онъ имѣетъ свои виды, и если мы ихъ не понимаемъ, то должны покоряться провидѣнію, даже тогда когда оно караетъ".

Вотъ гдѣ и въ какой формѣ мнѣ пришлось слышать въ послѣдній разъ комментарій на знаменитый гегелевскій motto: "Все что дѣйствительно—то разумно".

Дружески пожавъ руку моряку и его каплану, я отправился въ Соутантонъ.

На пароходѣ я встрѣтилъ радикальнаго публициста Голюка,

онъ видѣлся съ Гарибальди позже меня, Гарибальди черезъ него приглашалъ Манчини; онъ ему уже телеграфировалъ, чтобъ онъ ѣхалъ въ Соутамтонъ, гдѣ Голіокъ намѣренъ былъ его ждать съ Менотти Гарибальди и его братомъ. Голіоку очень хотѣлось доставить еще въ тотъ-же вечеръ два письма въ Лондонъ (по почтѣ онѣ придти не могли до утра). Я предложилъ мои услуги.

Въ 11 часовъ вечера пріѣхалъ я въ Лондонъ, заказалъ въ York hotel'ѣ возлѣ Ватерлоской станціи комнату и поѣхалъ съ письмами, удивляясь тому, что дождь все еще не успѣлъ перестать. Въ часъ или въ началѣ втораго пріѣхалъ я въ гостиницу—заперто. Я стучался, стучался...какой-то пьяный, оканчивавшій свой вечеръ возлѣ рѣшетки кабака, сказалъ “не тутъ стучите, въ переулкѣ есть night-bell”; пошелъ я искать night-bell, нашелъ и сталъ звонить. Не отворяя дверей, изъ каного-то подземелья высунулась заспанная голова, грубо спрашивая “чего мнѣ?”—Комнаты.—“Ни одной нѣтъ”.—Я въ 11 часовъ самъ заказалъ.—“Говорятъ что нѣтъ ни одной”, и онъ залопнулъ дверь преисподней, не дождавшись даже чтобъ я его обругалъ, что я и сдѣлалъ платонически, потому что онъ слышать не могъ.

Дѣло было неприятное, найти въ Лондонѣ въ два часа ночи комнату, особенно въ такой части города, не легко. Я вспомнилъ объ небольшомъ французскомъ ресторанѣ и отправился туда. — “Есть комната?” — спросилъ я хозяина. — “Есть, да не очень хороша”. — Показывайте. Дѣйствительно онъ сказалъ правду, комната была не только не очень хороша, но прескверная. Выбора не было, я отворилъ окно и сошелъ на минуту въ залу. Тамъ все еще пили, кричали, играли въ карты и домино какіе-то французы. Нѣмецъ колоссальнаго роста, котораго я видалъ, подошелъ ко мнѣ и спросилъ имѣю-ли я время съ нимъ поговорить наединѣ, что ему нужно мнѣ сообщить что-то особенно важное.

— Разумѣется имѣю, пойдемте въ другую залу, тамъ никого нѣтъ.

Нѣмецъ сѣлъ противъ меня и трагически началъ мнѣ рассказывать какъ его патронъ - французъ надулъ, какъ онъ три года эксплуатировалъ его, заставляя втрое больше работать, лаская надеждой, что онъ его приметъ въ товарищи, и вдругъ, не говоря худого слова, уѣхалъ въ Парижъ и тамъ нашелъ товарища. Въ силу этого нѣмецъ сказалъ ему, что онъ оставляетъ мѣсто, а патронъ не возвращается...

— Да за чѣмъ-же вы вѣрили ему безъ всякаго условія?

— Weil ich ein dummer Deutscher bin.

— Ну это другое дѣло.

— Я хочу запечатать заведеніе и уйти.

— Смотрите, онъ вамъ сдѣлаетъ процессъ; знаете-ли вы здѣшніе законы?

Нѣмецъ покачалъ головой.—Хотѣлось бы мнѣ насолить ему... а вы вѣрно были у Гарибальди?

— Былъ.

— Ну что онъ? Ein famoser Kerl—да вѣдь еслибъ онъ мнѣ не обѣщалъ цѣлые три года, я бы иначе велъ дѣла..... Этого нельзя было ждать, нельзя... А что его рана?

— Кажется ничего.

— Эдакая бестія, все скрылъ и въ послѣдній день говорить у меня ужъ есть товарищъ-ассосіе. Я вамъ кажется надобно?

— Совсѣмъ нѣтъ, только я немного усталъ, хочу спать, я всталъ въ 6 часовъ, а теперь два съ хвостикомъ.

— Да что-же мнѣ дѣлать? Я ужасно обрадовался когда вы вошли, ich habe so bei mir gedacht der wird Rath schaffen. Такъ не запечатывать заведенія?

— Нѣтъ. А такъ какъ ему полюбилось въ Парижѣ, такъ вы ему завтра-же напишете: “Заведеніе запечатано, когда вамъ угодно принимать его?” Вы увидите эффектъ, онъ броситъ жену и игру на биржѣ, прискачетъ сюда и—и увидитъ, что заведеніе не заперто.

— Saperlot! das ist eine Idée—ausgezeichnet, я пойду писать письмо.

— А я спать. Gute Nacht.

— Schlafen sie wohl!

Я спрашиваю свѣчку. Хозяинъ подаетъ ее собственноручно и объясняетъ что ему нужно переговорить со мной. Словно я сдѣлался духовникомъ.—Что вамъ надобно, оно немного поздно, но я готовъ.

— Нѣсколько словъ. Я васъ хотѣлъ спросить—какъ вы думаете, если я завтра выставлю бюстъ Гарибальди, знаете, съ цвѣтами, съ лавровымъ вѣнкомъ, вѣдь это будетъ очень хорошо? Я ужъ и о надписи думалъ... трехцвѣтными буквами Garibaldi—libérateur?

— Отчего-же—можно! Только французское посольство запретитъ ходить въ вашъ ресторанъ французамъ, а они у васъ съ утра до ночи.

— Оно такъ..... Но знаете, сколько денегъ зашибешь, выставивши бюстъ... а потомъ забудутъ...

— Смотрите, замѣтилъ я, рѣшительно вставая, чтобъ идти, не говорите никому, у васъ украдутъ эту оригинальную мысль.

— Никому, никому ни слова. Что мы говорили останется, я надѣюсь, я прошу, между нами двумя.

— Не сомнѣвайтесь, и я отправился въ нечистую спальню его.

Симъ оканчивается мое первое свиданье съ Гарибальди въ 1864 году.

И—рѣ.

СМѢСЬ.

— война, чума, пожаръ. — Россія горитъ, горитъ вездѣ, по городамъ и селамъ, по ярмаркамъ и заводамъ, на Югѣ и Сѣверѣ, въ Москвѣ и провинціяхъ*. Люди и скотъ падаютъ отъ сибирской язвы... Война, война междоусобная,

* Пожаровъ больше чѣмъ въ 1862 году, были даже явные поджоги. Отчего же нѣтъ того воля о политическихъ зажигательствахъ, которыми началась эпоха реакціи и террора?

съ казнями, проскрипціями, грабежомъ, война уносящая всѣ деньги изъ казны и всѣ человѣческія чувства какъ сердца.... Что еще прибавить—неурожай, голодъ?

... Что ломаетъ этотъ испанскій организмъ, что въ немъ бродитъ... трудно, страшно трудно народу русскому достается его развитіе... Хорошо что мы не вѣримъ въ небесныя кары.

— *Чернышевскому, Михайлову и остальнымъ друзьямъ нашимъ стоявшимъ у позорнаго столба, послѣднимъ цѣпи, работающимъ на каторгѣ.* Не прошло восьми лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ наемные убійцы неаполитанскаго короля разстрѣляли юнаго героя *Пизакане*, на томъ берегу, на которомъ онъ сдѣлалъ свою смѣлую высадку. Имя его было запрещено поминать. Едва тайкомъ у своего веретена какая-нибудь *spigolatrice* пѣла въ полголоса о *bel Capitano* и его трехъ сотняхъ :

Eran trecento, eran giovani e forti,

E sono morti...

Съ тѣхъ поръ другой *безумецъ* сдѣлалъ высадку на другомъ берегу... и свободный Неаполь ставить памятникъ *Пизакане*, на томъ мѣстѣ гдѣ лилась его кровь. Памятникъ этотъ будетъ издали плывущему моряку рассказывать какихъ людей производила страна эта во время бурбонскаго ига, какъ они умирали за народъ и какъ освобожденные сограждане ставили имъ памятники.

— *Еще шагъ.* Послѣ всѣхъ доносовъ, гнусностей, намековъ, подстрѣканій на казни, ругательствъ, безнравственностей, полицеблудія, сквернословія, мы никакъ не ждали, что “*Моск. Вѣдомости*” найдутъ средство сдѣлать еще болѣе отвратительный поступокъ, вотъ онъ. Для уснашенія своего доноса на *Голосъ* и на *Украинофиловъ*, издатель идетъ къ святымъ гробамъ *Декабристовъ*, и сквернить ихъ... ни казни, ни каторга, ни геройство, съ которыми эти люди перенесли тридцать лѣтъ Сибири, ничто не спасло ихъ.

Вотъ обращикъ изъ гнусной статьи : “Что такое эти украинофилы, которые сотрудничаютъ во львовскихъ *Словъ и Метѣ* ? Что такое эти сочинители петербургскихъ прокламацій, казанскихъ и кievскихъ манифестовъ ? Что такое эта “*Молодая Россія*”, эти “*Великоруссы*”, эти поклонники *Колокола*, *Правдиваго*, *Свободнаго слова* ? Что наконецъ сами пресловутые издатели этихъ пресловутыхъ журнальцевъ ?... Не что иное какъ люди сознательно или безсознательно пляшущіе по дудкѣ *Мѣрославскихъ*, *Леледелей*, *Высоцкихъ* !

“Доказывать эту мысль относительно послѣднихъ движеній въ западномъ и приволжскомъ краѣ, нѣтъ надобности; но дѣло въ томъ, что она имѣла совершенно тотъ же характеръ и прежде, на примѣръ, въ двадцатыхъ годахъ. Признанія нѣкоторыхъ изъ *декабристовъ* раскрываютъ, что и сорокъ лѣтъ тому назадъ, какъ въ настоящее время, русскіе патріоты-реформаторы не находили безчестнымъ протянуть руку врагамъ своего отечества! Но тѣ *темныя личности*, которымъ нашимъ заграничнымъ измѣнникамъ съ такою настоятельностью плели вѣнки и воздвигали пьедесталы—эти *темныя личности*, точно также какъ и ихъ дуловыя потомки, дру-

жились и братались съ поляками, приготовлявшими отторженіе польской Россіи. Подобнаго униженія, подобной политической безнравственности мы не находимъ, повторяю, ни въ одной странѣ”... (*Моск. Вѣд.* 9 Іюля).

Неужели все это останется безнаказаннымъ? Неужели и это не заставитъ образумиться? Дѣйствительно, подобной безнравственности мы не встрѣчали даже на Западѣ.

— *Петербургская Агрипина.*—Петербургская Агрипина воспитала крѣпостнымъ правомъ, казарменными экзекуціями, канцелярскимъ униженіемъ и канцелярскимъ нахальствомъ—ту кровожадную породу маленькихъ *Нероповъ*, которая тащитъ за собой старуху отъ преступленія къ преступленію, остановится нѣтъ возможности. У Каткова свой *Сенека*—*Леонтьевъ*, у Муравьева два *Сенеки*—*Катковъ* и *Леонтьевъ*. Поздно останавливаться Агрипинѣ, поздно раскаяваться.

Правительство можетъ все дѣлать—вводить смертную казнь, судить людей подъ сурдинкой, скрывать за что ссылаетъ на каторгу, выселять цѣлыя деревни, класть азіатскую круговую поруку за совершенное преступленіе... все, *кромя шага къ примиренію, къ врачеванію, къ забвенію прошлаго.* Тутъ оканчивается материнская власть Агрипины и ея наперстницъ, тутъ она стучается въ водянаго *Перона* на *Литвѣ*, въ его философовъ “*Моск. Вѣдом.*”... а съ ними шутить нельзя.

Съ легкой руки Александра Николаевича, разглаживавшаго на обѣдѣ, давномъ польскимъ солтысамъ и депутатамъ изъ крестьянъ, о примиреніи и братствѣ двухъ народовъ, вздумали въ Кіевѣ на обѣдѣ пить и ѣсть за то-же примиреніе... но возсталъ песокрушимый *Юзефовичъ*, ударилъ въ набатъ *День* и разразились *Московскія Вѣдомости*.

Вотъ еще образчикъ изъ “*Моск. Вѣдомостей*” :

“*Часъ* въ передовой статьѣ своей отъ 13 Іюля, проповѣдуетъ помѣщикамъ покорность законному правительству, совѣтуетъ положить копецъ волненіямъ *не адрессами, но дѣломъ*, выразить энергически желаніе успокоенія края, принять прямо-душно и откровенно указы 19 Февраля и *привязать къ себѣ крестьянъ* дружескимъ раздѣломъ съ ними. Читаешь и певѣришь : *Часъ* проповѣдуетъ прекращеніе мятежа! Но вчитываясь внимательно, вы увидите, что изъ подъ овечьей шкуры выглядываютъ кровожадные глаза волка. *Часъ* намѣренъ усилить бдительность правительства и на почвѣ сліянія пановъ съ хлопамъ приготовить новую революцію.

“Нечего сказать, теперь особенно кстати, наша “широкая русская натура” вабрасывается панамъ на шею съ своими примирительными идеями! Забыли видно : “*Дворянство русское! Плюемъ тебѣ въ глаза*”! Должно быть господамъ миротворцамъ очень легко обтереть себѣ глаза и кинуться цѣловаться съ папами-кишальниками”.

— *Плачъ Московскихъ Вѣдомостей о Шварцѣ, равнодушнѣ къ Пейкеру.*—Корреспондентъ *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующимъ безмѣрно-наивнымъ образомъ извѣщаетъ о смерти Пейкера и Шварца : “Печальное извѣстіе получено

сегодня по телеграфу из Влоцлавка от князя Витгенштейна. Вчера, катаясь по рѣкѣ Вислѣ, утонули: членъ учредительнаго комитета д. ст. сов. Пейкеръ; состоящій при князѣ Витгенштейнѣ майоръ Шварцъ съ женою и еще одна дама г-жа Каблукъ. *Описывать заслуги покойнаго Пейкера не мое дѣло; но о Шварцѣ могу сказать много*... И чего тут не прибралъ корреспондентъ, и то что онъ открывалъ революціонныя почты, и то что онъ выдвигалъ всѣхъ организаторовъ мятежа въ Влоцлавскомъ уѣздѣ... "Заграничныя польскія газеты до того оскорбляли его, что не было словъ въ лексиконѣ, которыя были бы достаточны для его поруганія. Это одно можетъ служить доказательствомъ, въ какой степени насолить революціонерамъ этотъ благородный дѣятель. Притомъ, онъ былъ отлично образованъ, хорошъ собою, — словомъ, блестящій молодой человекъ".

Мы начинаемъ думать, что несчастный Пейкеръ вовсе никакихъ полицейскихъ способностей не имѣлъ, не даромъ онъ такъ круто обошелъ.

Шварцъ былъ одинъ изъ свирѣпѣйшихъ исполнителей при кн. Витгенштейнѣ. При томъ самомъ Витгенштейнѣ, который мужественно сталъ въ защиту тѣлесныхъ наказаній, когда имъ грозило уничтоженіе. Какъ генералъ, онъ любилъ сѣчь, какъ нѣмецъ — онъ возвелъ свою любовь въ теорію и напечаталъ диссертацию въ защиту розогъ. Его диссертация вызвала года три тому назадъ взрывъ негодованія и протестъ офицеровъ. *Sed alia tempora*, Витгенштейнъ авторъ философіи побоевъ, такъ же какъ Белгардъ авторъ восточнаго циркуляра о наказаніи сотней невинныхъ за одного виновнаго — стали героями дня... за ними мерцаютъ по справедливости ихъ сателиты — полицейскіе и всяческіе офицеры, исполнители, лазутчики.

Фамилья Шварцъ будитъ въ русскомъ дѣйствительно черныя воспоминанія. Шварцемъ назывался тотъ страшный семеновскій полковникъ, который доколотилъ до бунта полкъ — только-что возвратившійся изъ побѣдоноснаго и славнаго похода.

— *Императорскіе Санкюлотиды*. "Москов. Вѣдомости" перепечатаваютъ слѣдующую любопытную вѣсть объ учрежденіи революціоннаго праздника въ Литвѣ: "По распоряженію генералъ губернатора Муравьева, во всей Литвѣ будетъ ежегодно происходить религиозное и гражданское празднество въ воспоминаніе "освобожденія Литвы отъ владычества польскаго дворянства". Это распоряженіе уже утверждено императоромъ".

Скоро — ли на нашей русской улицѣ придутъ такіе праздники?

— *Штабсъ Мухно*. Приказомъ кievскаго военнаго округа (27 Іюня) отданы военному суду нѣхотнаго орловскаго Паскевича полка подпоручикъ Зальскій и прапорщикъ Станишевскій, за нанесеніе раины въ голову и ударовъ рукой по лицу штабсъ-капитана Мухно, за то что онъ сдѣлалъ

Станишевскому выговоръ за дозволеніе данное имъ политическимъ преступникамъ видѣться съ посторонними лицами.

Интересны подробности этого дѣла. Вѣроятно Анеиковъ 2 подѣлится ими съ публикой.

— *На III отдѣленіе III съ четвертью*. "Сѣв. Пчела" 19/31 Іюля, парируя допросы "Моск. Вѣдомостей", которыми онѣ защищаютъ классическое образованіе, говорить: "Московская газета избрала себѣ предметомъ нападокъ председателя ученаго комитета, какъ виновника заразы и пошла, на основаніи разныхъ слуховъ, кидать 'анаэмы' во всѣ стороны. Она даже не справилась и не разъяснила, къ чему ведетъ классицизмъ; она забыла, что *всѣ революционеры* начинаютъ классиками и нигдѣ нѣтъ болѣе существенной завлекательности, какъ на площадяхъ Греціи и Рима".

Похвально!

— *Чрезвычайное собраніе минералогическаго общества*. Мы съ большимъ удовольствіемъ узнали изъ "С. П. Вѣдом." 21 Іюля (2 Августа), что астрономъ-наблюдатель III отдѣл., дѣйст. ст. сов. и кавалеръ, М. Хотинскій, слава богу здоровъ и участвуетъ въ трудахъ минералогическаго общества. Замѣчательная многосторонность этого ученаго изумляетъ почти столько-же, сколько отважность другихъ членовъ общества говорящихъ рѣчи въ присутствіи такого знатока.

кому сѣчь?

1) Тѣлесное наказаніе въ дѣтскомъ возрастѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ и въ ограниченной мѣрѣ, признается необходимымъ въ цѣломъ мірѣ.

Моск. Вѣдом. No. 161.

2) Нельзя оставлять право налагать тѣлесныя наказанія въ рукахъ *волостныхъ судей*, старшинъ и писарей.

No. 161.

3) Есть грубыя натуры, на которыя ни что не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлесной боли.

No. 161.

Еще драť можно и должно, но право это должно быть въ рукахъ дворянства.

У ГГ. П. ТРЮБНЕРА и С. ТХОРЖЕВСКАГО:

ПОЛЯРНАЯ ЗВѢЗДА, за 1862, кн. VII, Выпускъ I и II. ЗА ПЯТЬ ЛѢТЪ (1855—1860). Соціальныя и политическія статьи Искандера и Н. Огарева, Часть I и II.

БЫЛОЕ и ДУМЫ, Искандера, Томъ I, II и III.

СТИХОТВОРЕНІЯ, Н. Огарева, съ портретомъ автора.

ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТОВЪ, Выпускъ I, Записки И. Д. Якушкина; вып. II, Записки князя Трубецкаго.

ДЕСЯТИЛѢТІЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФІИ въ Лондонѣ.

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Н. Огарева, Изданіе исправленное, Цѣна 1 ш. 6 н.).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 189.

15 СЕНТЯБРЯ 1864.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ—Письмо къ "одному изъ многихъ"—*Camiciu Rossa* (Продолженіе). Смѣсь : *Die Russen in der Schweiz*—2 МУРАВЬЕВЪ и
АЛЕКСАНДРЪ II—Какъ онъ вѣрнѣе себя—ОКЛЕВЕТАН. КАТЕОВЪ—ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ ХВРЯМЪ—ОСВОБОЖДЕНІЕ ВРЕСТЬЯНЪ въ МОЛДОВАЛІИ—40,000 сер?—Общій фондъ.

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.

Мы получили съ разныхъ сторонъ три статьи о Н. Г. Чернышевскомъ, спѣшимъ передать одну изъ нихъ нашимъ читателямъ. Въ слѣдующемъ листѣ будетъ вторая.

I.

...Говори же всѣмъ : вотъ что въ будущемъ, будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее, сколько можете перевести ; на столько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, на сколько вы умѣете перевести въ нее будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перевести.

(что дѣлать?)

Два года инквизиція томила Чернышевскаго въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Два года ежедневно слѣдили мы за ходомъ его участи и знаемъ всю процедуру злодѣйства, умыслению тянувшагося такъ долго. Мы знаемъ, какъ правительство, арестовавъ Чернышевскаго, было поставлено въ безвыходное положеніе полнѣйшаго отсутствія обвинительныхъ пунктовъ; какъ оно не могло представить ни одного обвиненія заключенному, въ отвѣтъ на его требованіе обвиненій. Вслѣдствіе этого цѣлые мѣсяцы тянулись безъ допроса. Ничего не изобрѣти, вздумали наконецъ обвинить Чернышевскаго за духъ его статей. Илья Арсеньеву было поручено обвинительный разборъ сочиненій Чернышевскаго. Разборъ оказался неудобенъ : не говоря уже о томъ, что всѣ статьи были цензурованы и, значитъ, не подводящія автора подъ отвѣственность, статьи "наиболѣе вредныя и преступныя", по мнѣнію наемнаго цѣновщика, были именно тѣ, которыя цензуровались не только простымъ цензоромъ, но всѣмъ главнымъ цензурнымъ комитетомъ (съ предсѣдателемъ Це во главѣ)—пришлось бы осудить только цензурный комитетъ! Тогда то прибѣгли къ изобрѣтеніямъ небывалымъ даже при Николаѣ съ Декабристами. Извѣстный уже доносомъ на Михайлова, Всеволодъ Костомаровъ вызванъ былъ на сцену. Подъ видомъ политическаго преступника онъ былъ привезенъ въ Петропавловскую крѣпость, и здѣсь, сначала въ Певской куртнѣ, а потомъ на гаунтвахтѣ, его посѣщали Голицынъ и Потаповъ и изобрѣтали вмѣстѣ какое либо обвиненіе на Чернышевскаго. Вс. Костомаровъ, подъ видомъ ссылки на

Кавказъ, былъ отправленъ съ жандармскимъ офицеромъ въ Москву—для свиданія съ тверскимъ мѣщаниномъ Васильемъ Яковлевымъ. Мѣщанина этого Вс. Костомаровъ зналъ уже раньше. По общему третье-отдѣленскому рѣшенію, Костомаровъ купилъ Яковлева на то, чтобы Яковлевъ отправился въ Петербургъ и явившись къ Потапову, донесъ бы, что бывалъ у Чернышевскаго и слышалъ какъ онъ порицалъ и возбуждалъ противъ правительства, говоря : "Ну чтожъ? вотъ и дождались воли! хороша ваша воля!" Отправляясь съ такимъ порученіемъ въ Петербургъ, Яковлевъ напился пьянъ на деньги данныя Костомаровымъ, сталъ буйствовать на желѣзной дорогѣ и снова попалъ въ Москву въ смиренительный домъ. Здѣсь, подливши, Яковлевъ самъ разсказалъ (а потомъ не разъ повторялъ уже и въ трезвомъ видѣ) содержавшимся вмѣстѣ съ нимъ, про Костомаровское порученіе, говоря, что за это ему обѣщана великая награда отъ самаго царя и разспрашивалъ : какъ велика должна быть такая награда? При этомъ Вас. Яковлевъ и не думалъ скрывать, что онъ никогда и не видалъ Чернышевскаго и спрашивалъ что онъ такой за человекъ и зачѣмъ это Костомарову пужно обозвать его? Содержавшіеся объяснили ему въ отвѣтъ, что онъ не только не долженъ получить никакой награды, но еще по закону долженъ быть подверженъ строжайшему взысканію за извѣтъ и ложное показаніе и уговаривали его отказаться отъ продажности. Но звонкіе доводы превозмогли и мѣщанинъ отправился къ Потапову. Вѣсть объ этомъ замыслѣ на гибель Чернышевскаго быстро разнеслась по обѣимъ столицамъ; объ извѣстности таковой продѣлки было доведено формально бывшими соредакторами Чернышевскаго до самаго Потапова, "для предупрежденія его отъ ложнаго показанія!" Тогда прибѣгли къ другому способу. При помощи того же Всеволода Костомарова, въ III отдѣленіи былъ напечатанъ листокъ "къ барскимъ крестьянамъ", конечно самаго нецензурнаго содержания; корректура и поправка листка поддѣланы подъ руку Чернышевскаго и такимъ образомъ изготовлено новое обвиненіе! Изошряясь въ поддѣлываніи почерка, III отдѣленіе нагло на мысль другого подобнаго же обвиненія : была сочинена и поддѣлана тѣмъ же мастеромъ записка будто бы Чернышевскаго къ литератору Плещееву. Для большаго правдоподобія въ запискѣ не было рѣзкихъ нецензурныхъ выраженій и только смутно говорилось о томъ, что "теперь

нужно не думать, а дѣйствовать". Это и все. Другихъ обвиненій, дѣйствительнаго, правдиваго обвиненія не было и быть не могло. И этотъ то процессъ инквизиціи тянулся два долгихъ года, въ надеждѣ заставить заключеннаго (хотя бы для скорѣйшаго окопчанія собственнаго дѣла) признать справедливость того или другого вымышленнаго обвиненія, въ надеждѣ довести заключеннаго до какого либо случайнаго самообвиненія... Въ это время, въ казематѣ, лишенномъ воздуха, Чернышевскій еще принужденъ былъ морить себя голодомъ, не принимать пищи въ продолженіи нѣсколькихъ дней, для того чтобъ наконецъ было допущено минутное свиданіе съ больною женою, въ присутствіи соглядатаевъ въ генеральскихъ эполетахъ. Но надежда инквизиторовъ осталась тщетною — Чернышевскій упорно отвергалъ вымышленныя обвиненія и съ омерзениемъ указывалъ инквизиторамъ на всю гнусность ихъ же собственныхъ продѣлокъ. Изумленный Плещеевъ объявилъ, что никогда не видалъ записки подобной поддѣланной и что почеркъ очевидно не Чернышевскаго. Тоже самое о поддѣлкѣ должны были признать многіе изъ призывавшихся сенатскихъ секретарей.

Дряхлый сенатъ, не смотря на всѣ поддѣлки, призналъ Чернышевскаго виновнымъ: во враждебномъ правительству духѣ статей его(1), въ возмущеніи мѣщанина Яковлева(2), въ сочиненіи и передачи для напечатанія другому(3) возмутительнаго воззванія, въ возбужденіи противъ правительства Плещеева запискою(4), въ сношеніяхъ съ изгнанникомъ Герценомъ(5). И приговоръ за всѣ эти изобрѣтенныя преступленія, въ которыхъ Чернышевскій "оказался виновнымъ по уликамъ и обстоятельствамъ дѣла" — четырнадцатилѣтняя каторга и вѣчное поселеніе въ Сибири. Государственный совѣтъ одобрилъ гнусное рѣшеніе и сформировалъ такъ: "Бывшаго отставнаго титулярнаго совѣтника, Николая Чернышевскаго, виновнаго въ сочиненіи возмутительнаго воззванія, передачѣ онаго для тайнаго печатанія съ цѣлю распространенія и въ припадіи мѣръ къ ниспроверженію существующаго въ Россіи управленія, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ рудникахъ на четырнадцать лѣтъ и за тѣмъ поселить въ Сибири навсегда". И *благодушная* рука подписала приговоръ, удовольствовавшись *девятнадцатилѣтнимъ взысканіемъ* (семь лѣтъ каторги — да не надо забывать и два года заточенія въ рavelинѣ).

Четверть часа у позорнаго столба никого не устрашить, никого не побѣдить: оно только зоветъ людей и будитъ въ нихъ энергію, по уже не четверть часовую, а неусыпную, на долгіе годы борьбы. Наша скорбь о Чернышевскомъ выше минути торжествующей насмѣшки его враговъ! Пусть нѣтъ у русскаго юношества лучшаго его учителя; но его ученіе не могло пропасть даромъ! Мы горды дорогимъ правомъ звать себя *его* учениками, воспитанниками *его* школы; мы горды этимъ, потому что чувствуемъ, что можемъ служить народу хотя сотою долею его служенія и наше служеніе не будетъ бесплодно — имъ руководить та искренняя любовь и то истинное уваженіе, которымъ онъ училъ и съ которымъ онъ относился къ народу и молодому поколѣнію, платившему ему горячимъ возвратомъ тѣхъ же чувствъ...

(1) Цензурованными.

(2) Подкупленнаго!

(3) Всеволоду Костомарову!

(4) Поддѣльной!

(5) О чемъ рѣчь? Неужели о моемъ открытомъ предложеніи печатать "Современникъ" въ Лондонѣ? — А. Г.

Много же понесли вы утраты братья юности! Безвременная смерть, въ удушливой средѣ, сразила вашего неусыпнаго борца противъ *темнаго царства*! Вслѣдъ за другими славными братьями, у васъ вырвали и доблестнаго учителя! — Сомкнись же, русская молодежь, сомкнись въ тѣсный, дружный строй! не разрывай своихъ рядовъ и работай. Я повторяю его словами: ... "Будущее свѣтло и прекрасно. Любите его, стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее сколько можете перенести: на столько будетъ свѣтла и добра, богата радостью и наслажденіемъ ваша жизнь, на сколько вы умѣете перенести въ нее изъ будущаго. Стремитесь къ нему, работайте для него, приближайте его, переносите изъ него въ настоящее все, что можете перенести"...

Z.

ПИСЬМО КЪ "ОДНОМУ ИЗЪ МНОГИХЪ".

Безъ сомнѣнія, оцѣнка событій и настоящаго положенія, оцѣнка отношеній дѣйствительности къ общественнымъ задачамъ — можетъ уяснить дальнѣйшіе пути и возможное будущее. Принимаюсь къ вамъ писать съ глубокой скорбью о современной дѣйствительности, но и съ полной вѣрой въ будущее развитіе Россіи. Черная обстановка, гдѣ минимъ патріотизмъ купается въ злодѣйствѣ, не закрыла отъ меня ни живыхъ элементовъ — изъ которыхъ слагается наша народная жизнь, ни живыхъ силъ — которыя должны этимъ элементамъ указать цѣль и движеніе.

Оглянитесь назадъ. Народъ, котораго правительство больше двухъ вѣковъ прикрѣпляло къ землѣ и опутывало сѣтью чиновничества, народъ втихомолку сживался съ убѣжденіемъ неотъемлемости у него земли и, слѣдственно, съ мыслью, что земля достояніе народное. Между тѣмъ чиновничество разрасталось въ крѣпостное право помѣщичье и казенное, не переставая быть чиновничествомъ, такъ, что сословіе, мадающее землею и людьми какъ собственностью, было въ то же время сословіемъ завѣдующимъ, т. е. опредѣляющимъ и исполняющимъ судъ и управленіе. Александръ II, назвавшись первымъ русскимъ дворяниномъ — (какъ именовались и его предшественники) — сказалъ это слово такъ непарочно, что оно имѣло смыслъ наивной истины. Въ самомъ дѣлѣ человекъ, который представлялъ главу земли-людовладѣльцевъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главу всего полицейскаго, военно-канцелярскаго заправленія государствомъ, не могъ не быть первымъ лицомъ въ этомъ сонмѣ дворянства-чиновничества.

Какъ же случилось, что въ то же время какъ этотъ человекъ провозглашалъ себя первымъ русскимъ дворяниномъ, онъ обратился къ другой сторонѣ, къ дѣйствительному элементу русской жизни и будущности, къ крестьянству съ его вѣрой въ неотъемлемость народной поземельной собственности, и началъ освобожденіе крестьянъ съ землею? Qui trompe-t-on donc ici? — спросимъ мы какъ въ комедіи Бомарше.

Въ самомъ дѣлѣ — чѣмъ больше вы всмотритесь въ работы, предшествовавшія освобожденію, тѣмъ больше вы увидите, что правительство собственно думало не объ обманѣ; оно только не думало о томъ что дѣлаетъ и потому для него было равнодушно какъ дѣло будетъ сдѣлано. Собственнаго мнѣнія у государя не было. Онъ только рѣшился *начать* освобожденіе крестьянъ; какъ начать, какъ исполнить

—это колебалось четыре года. Вѣроятно, онъ полагаетъ, что освобожденіе покончено; но не много нужно прозорливости, чтобъ понять, что оно только начато и нисколько не покончено. Начато оно было по многимъ причинамъ, которыя не бесполезно припомнить, потому что онѣ явились въ связи съ прошлымъ и съ будущимъ. Во-первыхъ, толкъ объ освобожденіи крестьянъ раздался съ конца прошлаго столѣтія; онъ отъ Радищева перешелъ къ Декабристамъ; онъ былъ любимой мыслью лучшихъ людей царствованія Александра I; должна же была придти пора къ его осуществленію. Во-вторыхъ, Николай былъ не прочь отъ этой мысли, но боялся такого огромнаго переворота, также какъ боялся переменъ мундировъ для войска; его царствованіе кончилось позорно; Россія, униженная, скованная, ограбленная полицейскимъ управленіемъ—оказалась негодною даже для войны; надо же покончить это положеніе вещей, надо много переменъ—а съ чего начать?.. кромѣ освобожденія крестьянъ не съ чего, тутъ корень всего. Въ-третьихъ—крѣпостное состояніе мѣшало развитію промышленности; само дворянство это чувствовало, потому что больше двухъ-третей его раззорилось и раззоряло народъ. Въ-четвертыхъ, наконецъ, крѣпостное состояніе позорить имя русское передъ свѣтомъ. А ну какъ и сами крестьяне не выдержатъ своего положенія и начнутъ волноваться?—Пора, пора начать освобожденіе! Какъ—это увидится послѣ.

Въ такомъ неопредѣленномъ видѣ явилась задача правительству. Вѣрное самому себѣ, оно сгруппировало для обсужденія вопроса и сочиненія ‘Положенія’ для освобождаемыхъ крестьянъ—людей разнородныхъ направленій. Тѣ, которые пришли съ искреннимъ убѣжденіемъ въ необходимости освобожденія и въ неотъемлемости земли у крестьянъ, должны были шагъ за шагъ отстаивать свои убѣжденія. Государь, уже по вліянію Ростовцева, клонился на ихъ сторону; но ему и въ голову не пришло устранить враждебныя личности и дать комитету то единство, при которомъ можно работать быстро и ясно. Очевидно, что, вынужденные на постоянную борьбу, люди, стоявшіе за крестьянскую свободу и землю, не могли рѣшительно восторжествовать, но не могли и не восторжествовать отчасти; не могли совсѣмъ уступить, но не могли и не уступить многого. Такимъ образомъ, черезъ четыре года преній, явилось ‘Положеніе’, которое всего лучше характеризовать: *неудовлетворительнымъ освобожденіемъ крестьянъ съ землею.*

Но рядомъ съ этимъ произошло и многое другое. Границы крестьянскаго освобожденія были или не ясно опредѣлены, или разложены на годы, послѣ которыхъ долженъ былъ начаться выкупъ; обязательнаго выкупа назначено не было. Отсюда—освобожденіе для крестьянъ явилось скорѣе какъ идеалъ въ будущемъ, теперь же только какая то переходная льгота; а помѣщики—лишились всякой правильной работы, ибо крѣпостной нѣтъ, а вольнонаемная дорога сравнительно съ цѣнами на произведенія*; они лишились правильныхъ оброковъ и не могутъ достигнуть до дѣйствительнаго выкупа. Результатъ одинъ: власть помѣщичья, власть дворянская была понижена; ея коррелятъ—власть чиновничья отъ этого не повысилась, а также понизилась; еѣ обуздывала долею гласности (какъ ни малы были размѣры этой гласности), долею

* Сравнительно съ цѣнами на произведенія и съѣстные припасы, заработная плата въ Россіи дороже чѣмъ во всей Европѣ, что ясно доказываетъ важность народнаго земледѣлія для благосостоянія массъ.

надежда крестьянъ на другой порядокъ вещей и участіе въ дѣлахъ новыхъ выборныхъ людей, изъ которыхъ *многіе желали* быть справедливыми.

Въ то же время—стали послабляться религіозныя гоненія. Старообрядчество получало небольшія тайныя льготы, ждало большіхъ. Іерархія не играла такой всемогущей полицейской роли, какъ при Николаѣ, который поддерживалъ еѣ какъ орудіе собственной власти. (Я васъ прошу обратить вниманіе на этотъ пунктъ. Вы, вѣроятно, уже сами уступили передъ невозможностью и не думаете, чтобы массы рода человѣческаго всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ странъ—стали ни съ того, ни съ сего способны принять паучьи убѣжденія, требующія огромной подготовки и совершеннаго разрыва съ ненаучной традиціей; но вы, конечно, согласитесь со мной, что религіозная свобода и нераздѣльное съ нею развитіе разнородныхъ ученій—составляютъ единственный путь къ освобожденію массъ отъ умственнаго застоя и огромную пружину къ ихъ участію въ дѣлѣ общественномъ; такимъ образомъ, въ Сѣверныхъ Штатахъ, гдѣ всего больше развито сектаторство, массы всего больше принимаютъ участія въ дѣлѣ общественномъ; умъ, воспитанный въ состязаніи общихъ убѣжденій, принимаетъ участіе во всемъ; солидарность людей каждаго ученія требуетъ голоса въ дѣлѣ общественномъ; вообще, при томъ уровнѣ образованія, къ которому относится большинство рода человѣческаго—только свобода вѣры, свобода толковъ, отсутствіе казенной религіи—можетъ быть краеугольнымъ камнемъ дальнѣйшаго умственнаго развитія).

Простите мнѣ это отступленіе въ скобкахъ, я не могъ безъ него обойтись; но не думайте, чтобъ я полагалъ, что правительство прекратило гоненія на старообрядчество и дало ему какія нибудь права. Вѣрное своему характеру шаткости и отсутствію плана, правительство ограничилось продолженіемъ *нѣкоторыхъ* гоненій и тайными льготами, что конечно, не могло удовлетворить старообрядчество, но все же наложило узду на казенную іерархію и духовное чиновничество, т. е. понизило степень ихъ власти. Результатомъ этого, внутри самой церкви, было стремленіе бѣлаго духовенства къ большей самостоятельности, къ прекращенію униженія, которое было его постояннымъ удѣломъ не только передъ епархіальными, но и передъ всякими властями; какъ ни малочисленны, какъ ни слабы были голоса, раздавшіеся въ его пользу—но они раздались, потребность была заявлена; само правительство рѣшилось обратить вниманіе на участь бѣлаго духовенства и, какъ слѣдуетъ, прибѣгло къ средствамъ, которыя никого не могли удовлетворить. Результатомъ пониженія власти духовенства-чиновничества—было также, давно готовившееся къ слову и теперь достигающее до него, стремленіе семинарій и духовныхъ академій къ большой ширинѣ преподаванія, къ болѣе сильной человѣческой жизни и пониманію*.

* Не забудьте, что я говорю о времени уже прошедшемъ, о времени до полнаго возстанія. Къ настоящему я введу послѣдствія. Въ настоящемъ правительство старается вернуться ко всѣмъ ухваткамъ, отъ которыхъ прежде отрывалось было. Такимъ образомъ теперь правительство старается втѣснить іерархію въ заведеніе просвѣщенія такъ, что ставить ее въ предѣлы мѣстомъ выше начальника губерніи (‘Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ’, утвержденное 14 июля 1864). Объ этомъ ‘Положеніи’ мы поговоримъ въ другой разъ; теперь замѣчу вамъ только, что это *повышеніе іерархіи въ главную полицію надъ народнымъ образованіемъ значитъ, что гоненія на старообрядчество въ скоромъ времени возобновятся.*

Я не говорю, чтобы все это проявилось съ какой нибудь торжественною силою; оно проявилось на сколько могло, но перестало клонить голову въ безмолвіи какъ прежде и легѣть — какъ единственный исходъ — идеалъ пона-взяточника или чиновника-взяточника. Съ возможностью слова, нравственная атмосфера стала расчищаться и, слѣдственно, росло участие въ общественныхъ вопросахъ, безъ котораго нравственная атмосфера невозможна. Литература, какъ ни была скована ценсурою, но говорила больше чѣмъ прежде; даже журналы, заведомо казенные, не могли не разсуждать о предметахъ, о которыхъ прежде вовсе не упоминалось.

При всѣхъ этихъ явленіяхъ, при пониженіи власти дворянства-чиновничества, власти чиновничества-духовенства, росли, по крайней мѣрѣ, власть правительства, которое на первый взглядъ казалось виновникомъ всей перемены, а въ сущности только уступало долго втихомолку выросавшимъ силамъ? Нѣтъ, правительство было шатко въ своихъ начинаніяхъ, шло безъ опредѣленнаго пониманія, боялось всего и подавляющее влияние его власти слабо. Оно явно показывало, что ему безъ реформъ обойтись нельзя, что въ этомъ положеніи вещей нельзя управлять и затѣвало реформы нерѣшительныя, смутныя, полагая постепенность въ томъ, что для остальнаго люда казалось только колебаніемъ, неискренностью, боязнію. Такимъ образомъ явился проектъ преобразования суда и уже поговаривали о земскихъ учрежденіяхъ, о выборномъ началѣ, о представительствѣ...

Казалось дѣло пойдетъ быстро; но на этомъ русское движеніе было остановлено польскимъ возстаніемъ и картина на время измѣнилась. Прежде, чѣмъ я стану говорить о польскомъ возстаніи, я хочу сказать вамъ нѣсколько словъ объ университетскихъ происшествіяхъ и петербургскихъ пожарахъ, которые не меньше польскаго возстанія напугали русское общество и русское правительство, и на время перепутали общественныя стремленія. Я не удивляюсь, что правительство испугалось университетскихъ происшествій. Въ его глазахъ все примыкало къ университетамъ, начиная съ изданія *Великорусса*; стѣсненіе университетовъ стало ему казаться какимъ-то самоспасеніемъ; оно не разочло, что плата за курсы, которая должна была взиматься не съ цѣлью содержанія университетовъ, а съ цѣлью удалить какъ можно больше юпошества отъ науки, что такая плата сама по себѣ учрежденіе отвратительное и должно отразиться на молодыхъ энергіяхъ со всей горячностью, какую подлый поступокъ способенъ возбудить въ молодой душѣ. Но какимъ образомъ большинство русскаго общества стало и противъ университетовъ (куда, со всѣхъ концовъ Россіи, отцы прочли своихъ сыновей изъ послѣдней копѣйки) и противъ *Великорусса* — (который чрезвычайно умѣренно ставилъ вопросы въ пользу общества); какимъ образомъ это общество съ такой поспѣшностью схватилось за мысль, встати распускаемую полицейскими чиновниками, что Петербургъ поджигаетъ университетская молодежь, (мысль, для опроверженія которой требовалось не богъ знаетъ какъ много смысла) — это вопросъ по сложности и не худо уяснить прежде всякой рѣчи о польскомъ возстаніи.

Когда русскому простолюдину объясняли, что студенты бунтуютъ противъ царя и жгутъ Петербургъ, потому что они дворяне и сердятся на царя за освобожденіе крестьянъ, то у народа могло составить ложное мнѣніе, враждебное

молодежи; но у другихъ сословій мнѣніе враждебное молодежи могло составить развѣ изъ противоположной причины, что молодежь находитъ освобожденіе народа недостаточнымъ и реформу далеко несовершенную. Такимъ образомъ, съ противоположныхъ точекъ зрѣнія, все опрокинулось на молодежь, кто считая еѣ крѣпостниками, кто считая еѣ реформаторами; а, конечно, большинство дворянства столько же боится реформы, сколько народъ ненавидитъ крѣпостниковъ. Большинство дворянства и казенная журналистика, представляющая разомъ и органъ дворянства и органъ правительства, съ остервененіемъ хватились за обвиненіе молодежи въ поджогахъ на томъ основаніи, что и тайныя изданія приписывались молодежи. Впрочемъ для нихъ было довольно равнодушно кого обвинять — молодежь или немолдежь, лишь бы нашелся какой нибудь мифъ, который можно обвинить въ реформѣ, чуть не въ революціи и идти на мировую съ правительствомъ, отъ котораго исходитъ и передается на дворянство всякая власть; это лучший способъ свести всѣ реформы на ничто, или по крайней мѣрѣ на такой минимумъ, который чиновничье царство оставить не затронутымъ. Испуганное правительство само должно было обрадоваться такому исходу, который и его власть оставлялъ не затронутою; союзъ становился все болѣе и болѣе естественнымъ и росъ со дня на день; все — тщеславія ради либеральничавшее — примыкало къ нему.

Польское возстаніе совсѣмъ подняло на ноги чиновно-императорскій союзъ. Кто былъ свирѣпѣе въ это время — русское правительство или русское общество — оставимъ это на рѣшеніе будущаго историка. Въ одномъ мы не можемъ сомнѣваться, что у того и у другого свирѣпость выходила изъ всѣхъ человѣческихъ предѣловъ. Въ обществѣ и журналахъ доносъ и требованіе казней слѣдвались любимымъ занятіемъ. Правительство ободрялось: послало въ Литву чловека (котораго само считало за казнокрада) казнить съ плеча кого вздумается; а въ Россіи замѣнило тѣлесныя наказанія смертною казнію, присуждаемою генералъ-губернаторами. Казни ни тутъ ни тамъ не были нужны, но русское общество и русское правительство въ нихъ наслаждались. Масса пребывала въ традиціи, думала что такъ надо и была занята дома взглядываніемъ въ свое освобожденіе и старалась на сколько возможно не работать и не платить обязанно.

Польское возстаніе было побѣждено не казнями, которые только вызывали готовность на геройскія самопожертвованія, и не войною, которая больше заключалась въ грабежъ и распущеніи дисциплины чѣмъ въ военныхъ дѣйствіяхъ; польское возстаніе было побѣждено отсутствіемъ въ немъ крестьянскаго элемента. Съ первыхъ дней возстанія, польское народное правительство издало указъ объ освобожденіи крестьянъ съ землєю даромъ; по этотъ указъ надо было привести въ исполненіе. Юридически, официально вводить крестьянъ во владѣніе былъ невозможенъ, потому что официальные власти не были въ рукахъ народнаго правительства; средство оставалось одно: помѣщикамъ надо было развѣхаться изъ мѣнѣй, предоставивъ крестьянамъ земельное владѣніе и охраненіе оставшейся собственности. Тогда бы крестьянство было неразвѣдно съ возстаніемъ. Этого не было сдѣлано. Возстаніе подняло вопросъ о границахъ 1772; провинціи не почувствовали того толчка, который могъ быть данъ только мыслью полной самостоятельности. Польшѣ нужна была не помощь Европы,

а социальное-конфедеративное знамя; кто бы его ни взял въ руки—in hoc signo vincit. Но не мы станем обвинять народное правительство въ томъ, что оно не могло преодолѣть этихъ двухъ трудностей; наше слово можетъ быть сказано только въ хвалу людей, которые такъ преданно умѣли умирать за независимость своего отечества!...

(Кстати, я рѣшусь еще на одно отступленіе. Вы знаете изъ статьи Герцена, какъ Ромѣ предлагалъ возбудить вопросъ о національностяхъ, чтобы отдалить отъ Европы социальный вопросъ. Не знаю на сколько одно отдалить другое, но для меня очевидно, что Европа не можетъ успокоиться прежде чѣмъ установить естественную классификацію народностей, не по принципу завоеванія и мнимаго равновѣсія, гдѣ маленькія государства пожертвованы большимъ,—но по принципу самостоятельности народовъ на основаніи племеннаго единства и подходящихъ географическихъ условій. Наше столѣтіе перешло въ науку отъ искусственной классификаціи къ естественной, и туда же стремится въ классификаціи рода человеческого. Остановить этого стремленія невозможно. Но на сколько оно пойдетъ врозь съ социальнымъ вопросомъ—это еще сомнительно. Социальный вопросъ заключается въ благосостояніи массъ, на основаніи замѣны *раздѣльныхъ* промышленныхъ силъ *составными*; этого стремленія также нельзя остановить и оно пробиваетъ себѣ пути всюду—въ рабочихъ ассоціаціяхъ равно какъ и въ общей ассоціаціи трактирщиковъ для содержанія всѣхъ отелей въ Лондонѣ, гдѣ хозяева становятся только прикащиками своей ассоціаціи. Что національный вопросъ можетъ идти отдѣльно—можетъ быть! Но я не вижу достаточной причины чтобы онъ не пошелъ и вмѣстѣ съ социальнымъ, тѣмъ больше что всѣ правительства, владѣющія чужими племенами по завоеванію, столько же противны и социальному вопросу сколько вопросу о національной самостоятельности. А когда я вижу, что русскій вопросъ естественно становится социальнымъ вопросомъ и что само правительство, хотя-не-хотя, вводитъ въ Польшу принципъ крестьянскаго землевладѣнія, то мнѣ кажется гораздо больше вѣроятнымъ, что оба вопроса, поддержанные славянскими массами, пойдутъ рука объ руку... Но возвращаюсь къ моему предмету).

Какъ бы то ни было, по польское возстаніе подавлено отсутствіемъ въ немъ крестьянскаго элемента. Русское правительство привело въ исполненіе указъ народнаго жюнда и, окончательнымъ разрывомъ сословій, привело возстаніе къ безсилію. Кромѣ того оно ввело (съ той же цѣлью покончить возстаніе, а конечно не изъ волюнтаристическихъ побужденій) выборность сельскаго управленія и долею выборность *духовенства* (послѣднее оно не пробовало и въ Россіи, хотя бы на свой обычный вершинительный манеръ; а выборность духовенства въ Россіи была бы обновленіемъ и для народа и для самаго духовенства).

На чемъ же мы остановились въ концѣ польскаго возстанія:

1) Въ Польшу введенъ элементъ крестьянскаго землевладѣнія и самоуправленія. 2) Въ Польшѣ понижена власть дворянства. 3) Въ Польшѣ понижена власть духовенства. 4) Въ Россіи понижена власть дворянства и дворянство раззорено. 5) Въ Россіи понижена власть духовенства. 6) Въ Россіи понижена военная дисциплина. 7) Въ Россіи вызванъ и поставленъ неискоренимый элементъ крестьянскаго земле-

владѣнія, но не удовлетворенъ. 8) Въ Россіи вызванъ всеобщій элементъ выборнаго начала и представительства, но не удовлетворенъ. 9) Правительство вообще сыграло на двѣ стороны—съ одной стороны пашалыки (генералъ-губернаторства) и смертныя казни, ссылки и заточенія; съ другой стороны неудовлетворенныя—освобожденіе народа, представительство и гласность.

Теперь дикія страсти начнутъ поутихать; обществу все будетъ становиться стыдливѣе своей роли полицейскаго доносчика и разсвирѣпѣвшаго палача. По мѣрѣ отрезвленія общества, правительству все больше будетъ хотѣться *de facto* поддержать систему пашалыковъ, со всѣми ея послѣдствіями, а для виду пустить въ ходъ и запутать до ничтожности (или до новаго рода чиновничества) земскія учрежденія. Рядомъ съ этимъ, по мѣрѣ своего отрезвленія, общество меньше и меньше можетъ принимать величіе императорское за величіе Россіи, и нпыя потребности возникнутъ...

На этомъ я сегодня останавлиюсь и оставлю заключеніе до другого письма. Только объ одномъ не могу не намекнуть, что съ пониженіемъ дворянства—силою, умственной силою въ государствѣ, становятся *разночинцы*; а элементомъ, на основаніи котораго должно совершиться развитіе—это поземельный крестьянскій элементъ. Правительство само себя не взмѣнять, но не пзмѣнять и грядущихъ обстоятельствъ. Не смотря на свое временное повышеніе, оно остается безъ плана и полно страха передъ будущимъ... Но—до слѣдующаго письма.

Н. Огаревъ.

CAMICIA ROSSA.

(Продолженіе).

II.

ВЪ СТАФФОРДЪ ГАУЗЪ.

Въ день пріѣзда Гарибальди въ Лондонъ, я его не видалъ, а видѣлъ море народа, рѣки народа, запруженные имъ улицы въ нѣсколько верстъ, наводненные площади—вездѣ гдѣ былъ корнизъ, балконъ, окно, выступили люди, и все это ждало, въ иныхъ мѣстахъ *шесть часовъ*... Гарибальди пріѣхалъ въ половинѣ третьяго на станцію Нейн'-Элмъ и только въ половинѣ девятаго подѣхалъ къ Стаффордъ-гаузу, у подѣзда котораго ждалъ его дюкъ Сутерландъ съ женой.

Англійская толпа груба, многочисленныя еборища ея не обходятся безъ дракъ, безъ пьяныхъ, безъ всякаго рода отвратительныхъ сценъ и главное безъ организованнаго на огромную скалу воровства. На этотъ разъ порядокъ былъ удивительный, народъ понималъ, что это *его* праздникъ, что онъ чувствуетъ одного изъ *своихъ*, что онъ больше чѣмъ свидѣтель; и посмотрите въ полицейскомъ отдѣлѣ газетъ сколько было побряжъ въ день вѣзда невѣсты Вельскаго и сколько* при проѣздѣ Гарибальди, а полиціи было несравненно меньше. Куда-же дѣлись ник'-пockety?

У Вестминстерскаго моста, близъ Парламента, народъ такъ плотно сжался, что коляска, ѣхавшая шагомъ, остановилась и процессія тлнувшаяся на версту, ушла впередъ съ своими знаменами, музыкой и пр. Съ криками *ура* народъ обѣпилъ коляску, все что могло предаться жало руку, паловало края плаща Гарибальди, кричало *Wellcome!* Съ какимъ-то упоеніемъ любясь на великаго плебея, народъ хотѣлъ отложить

* я помню одинъ процессъ—вражи часовъ и двѣ-три драки съ приадами.

лошадей и везти на себѣ, но его уговорили. Дюковъ и лордовъ, окружавшихъ его, никто не замѣчалъ; они сошли на скромное мѣсто гайдуковъ и официантовъ. Эта овація продолжалась около часа, одна народная волна передавала гостя другой, при чемъ коляска двигалась нѣсколько шаговъ и снова останавливалась.

Злоба и остервененіе континентальныхъ консерваторовъ совершенно понятны. Пріемъ Гарибальди не только обиденъ для табели о рангахъ, для ливреи, но онъ чрезвычайно опасенъ какъ примѣръ. За то бѣшенство листовъ, состоящихъ на службѣ грехъ императоровъ и одного "imperial" торизма, вышло изъ всѣхъ границъ, начиная съ границъ учтивости. У нихъ помутилось въ глазахъ, зашумѣло въ ушахъ... Англія дворцовъ, Англія сундуковъ, забывъ всякое приличіе, идетъ вмѣстѣ съ Англіей мастерскихъ на срѣтеніе какого-то "aventureur" мятежника, который былъ бы повѣшенъ, еслибы ему не удалось освободить Сицилію. "Отчего, говоритъ опростоволосившаяся La France, отчего Лондонъ никогда такъ не встрѣчалъ маршала Пелисье, котораго слава такъ чиста?" и даже не смотря на то, забыла она прибавить, что онъ выжигалъ сотнями арабовъ съ дѣтьми и женами, такъ какъ у насъ выжигаютъ таракановъ.

Жаль, что Гарибальди принялъ гостепріимство дюка Сутерландскаго. Неважное значеніе и политическая стертость "пожарнаго" дюка, до нѣкоторой степени дѣлали Стаффордъ гаузъ гостиницей Гарибальди... но все-же обстановка не шла и интрига затѣянная до отъѣзда его въ Лондонъ, разцвѣла удобно на дворцовомъ грунтѣ. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобъ удалить Гарибальди отъ народа, т. е. отъ работниковъ и отрѣзать его отъ тѣхъ изъ друзей и знакомыхъ, которые остались вѣрными прежнему знамени и разумѣется пуще всего отъ Маццини. Благородство и простота Гарибальди сдула большую половину этихъ ширмъ, но другая половина осталась — именно невозможность говорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Еслибы Гарибальди не вставалъ въ 5 часовъ утра и не принималъ въ 6, она удалась бы совсѣмъ; по счастью усердіе интриги раньше половины девятаго не шло; только въ день его отъѣзда дамы начали вторженіе въ его спальню часомъ раньше. Разъ какъ-то Мордони не успѣвъ сказать ни слова съ Гарибальди въ продолженіи часа, смѣясь замѣтилъ мнѣ: "Въ мірѣ нѣтъ человѣка, котораго бы было легче видѣть какъ Гарибальди, но за то нѣтъ человѣка, съ которымъ бы было труднѣе говорить".

Гостепріимство дюка было далеко лишено того широкаго характера, которое нѣкогда мирило съ аристократической роскошью. Онъ далъ только комнату для Гарибальди и для молодаго человѣка, который перевязывалъ его ногу; а другимъ, т. е. сыновьямъ Гарибальди, Гверцони и Базиліо хотѣлъ нанять комнаты. Они разумѣется отказались и помѣстились на свой счетъ въ Bath hotel. Чтобъ оцѣнить эту охранность, надо знать что такое Стаффордъ гаузъ. Въ немъ можно помѣстить, не стѣняя хозяевъ, всѣ семьи крестьянъ, пущенныхъ по міру отцомъ дюка, а ихъ очень много.

Англичане дурные актеры, и это имъ дѣлаетъ величайшую честь. Въ первый разъ какъ я былъ у Гарибальди въ Стаффордъ гаузѣ придворная интрига около него бросилась мнѣ въ глаза. Разные Фигаро и фактотумы, служители и наблюдатели сновали непрерывно. Какой то итальянецъ сдѣлался полицмейстеромъ, церемоніймейстеромъ, экзекуторомъ, дворецкимъ, бутафоромъ,

суфлеромъ. Да и какъ не сдѣлаться за честь засѣдать съ дюками и лордами, вмѣстѣ съ ними предпринимать мѣры для предупрежденія и пресѣченія всѣхъ сближеній между народомъ и Гарибальди, и вмѣстѣ съ дюкесами плести паутину, которая должна поймать итальянскаго вождя и которую хромымъ генералъ рвалъ ежедневно, не замѣчая ее.

Гарибальди на примѣръ ѣдетъ къ Маццини. Что дѣлать? Какъ скрыть? Сей часъ на сцену бутафоры, фактотумы — средство найдено. На другое утро весь Лондонъ читаетъ: "Вчера въ такомъ то часу Гарибальди посѣтилъ въ Онсло Террасъ Джонъ Френса". Вы думаете, что это вымышленное имя — нѣтъ, это имя хозяина содержащаго квартиру.

Гарибальди не думалъ отрѣкаться отъ Маццини, но онъ могъ уѣхать изъ этого водоворота, не встрѣчаясь съ нимъ при людяхъ и не заявивъ этого публично. Маццини отказался отъ посѣщеній къ Гарибальди, пока онъ будетъ въ Стаффордъ гаузѣ. Они могли бы легко встрѣтиться при небольшомъ числѣ, но никто не бралъ инициативы. Подумавъ объ этомъ, я написалъ къ Маццини записку и спросилъ его приметъ-ли Гарибальди приглашеніе въ такую даль какъ Теддингтонъ, если нѣтъ, то я его не буду звать, тѣмъ дѣло и кончится; если же поѣдетъ, то я очень желалъ бы ихъ обоимъ пригласить. Маццини написалъ мнѣ на другой день, что Гарибальди очень радъ, и что если ему ничего не помѣшаетъ, то они пріѣдутъ въ Воскресеніе въ часъ. Маццини въ заключеніе прибавилъ, что Гарибальди очень бы желалъ видѣть у меня Ледру Роллена.

Въ субботу утромъ я поѣхалъ къ Гарибальди, и не заставъ его дома, остался съ Саффи, Гверцони и др. его ждать. Когда онъ возвратился, толпа посѣтителей дожидавшихся въ сѣняхъ и корридорѣ, бросилась на него; одинъ храбрый бритъ вырвалъ у него палку, всунулъ ему въ руку другую и съ какимъ-то азартомъ повторялъ: "Генералъ, эта лучше, вы примите, вы позвольте, эта лучше". — "Да за чѣмъ-же? — спросилъ Гарибальди улыбаясь — я къ моей палкѣ привыкъ". Но видя, что англичанинъ безъ боя палки не отдастъ, пожалъ слегка плечами и пошелъ дальше.

Въ залѣ, за мною шелъ крупный разговоръ. Я не обратилъ бы на него никакого вниманія, еслибы не услышалъ громко повторенныя слова: "Carite, Теддингтонъ въ двухъ шагахъ отъ Гамптонъ-корта. Помилуйте, да это невозможно, материально невозможно... въ двухъ шагахъ отъ Гамптонъ-корта, это 16, 18 миль". Я обернулся и видя совершенно мнѣ незнакомаго человѣка, принимавшаго такъ къ сердцу разстояніе отъ Лондона до Теддингтона, я ему сказалъ: "Двѣнадцать или тринадцать миль".

Спорившій тотчасъ обратился ко мнѣ: "И тринадцать миль страшное дѣло. Генералъ долженъ быть въ три часа въ Лондонѣ... во всякомъ случаѣ Теддингтонъ надо отложить".

Гверцони повторялъ ему, что Гарибальди хочетъ ѣхать и поѣдетъ.

Къ итальянскому опекуну прибавился англичикъ, находившій, что принять приглашеніе въ такую даль, сдѣлаетъ гибельный антецедентъ... Желая имъ напомнить не деликатность дебатировать этотъ вопросъ при мнѣ, я замѣтилъ имъ: "Господа, позвольте мнѣ покончить вашъ споръ" и тутъ же подойдя къ Гарибальди, сказалъ ему: "Мнѣ ваше посѣщеніе безконечно дорого и теперь больше чѣмъ когда нибудь, въ эту черную полосу для Россіи, ваше посѣщеніе будетъ

имѣть особое значеніе, вы посѣтите не одного меня, но друзей наших заточенныхъ въ тюрьмы, сосланныхъ на каторгу. Зная какъ вы заняты, я боялся васъ звать. По одному слову общаго друга, вы велѣли мнѣ передать, что пріѣдете. Это вдвое дороже для меня. Я вѣрю, что вы хотите пріѣхать, но и не настаиваю, (*je n'insiste pas*) если это сопряжено съ такими непреодолимыми препятствіями, какъ говорить этотъ господинъ, котораго я не знаю". Я указалъ его пальцомъ.

— Въ чемъ-же препятствія?—спросилъ Гарибальди.

Impresario, подбѣжалъ и скороговоркой представилъ ему всѣ резоны, что ѣхать завтра въ 11 часовъ въ Теддингтонъ и пріѣхать къ тремъ невозможно.

— Это очень просто—сказалъ Гарибальди—значить надо ѣхать не въ 11, а въ 10, кажется ясно?—*Impresario* исчезъ.

— Въ такомъ случаѣ, чтобъ не было ни потери времени, ни исканья, ни новыхъ затрудненій, сказалъ я, позвольте мнѣ пріѣхать къ вамъ въ десятомъ часу и поѣдемте вмѣстѣ.

— Очень радъ, я васъ буду ждать.

Отъ Гарибальди я отправился къ Ледрю-Ролленъ. Въ послѣдніе два года я его не видалъ. Не потому, чтобъ между нами были какіе нибудь счеты, но потому что между нами мало было общаго. Къ тому-же лондонская жизнь и въ особенности въ его предмѣстьяхъ разводилъ людей какъ-то незамѣтно. Онъ держалъ себя въ послѣднее время одиноко и тихо, хотя и вѣрилъ съ тѣмъ же ожесточеніемъ, съ которымъ вѣрилъ 14 Іюня 1849 въ близкую революцію во Франціи. Я не вѣрилъ въ нее почти также долго и тоже оставался при моемъ невѣріи.

Ледрю-Ролленъ, съ большей вѣжливостію ко мнѣ, отказался отъ приглашенія. Онъ говорилъ, что душевно былъ бы радъ опять встрѣтиться съ Гарибальди, и разумѣется готовъ бы былъ ѣхать ко мнѣ, но что онъ, какъ представитель французской республики, какъ пострадавшій за Римъ (13 Іюня 1849 года), не можетъ Гарибальди видѣть въ первый разъ иначе какъ у себя. "Если, говорилъ онъ, политическіе виды Гарибальди не дозволяютъ ему официально повзвать свою симпатію французской республикѣ—въ моемъ-ли лицѣ, въ лицѣ Луи Бланъ или кого нибудь изъ насъ—все равно—я не буду сѣтовать. Но отклоню свиданье съ нимъ, гдѣ бы оно ни было. Какъ частный человѣкъ, я желаю его видѣть, но мнѣ нѣтъ особеннаго дѣла до него; французская республика не куртизана, чтобъ ей пазнать свиданье полутайкомъ. Забудьте на минуту, что вы меня приглашаете къ себѣ и скажите откровенно—согласны вы съ моимъ разсужденіемъ или нѣтъ?"

— Я полагаю, что вы правы, и надѣюсь, что вы не имѣете ничего противъ того, чтобъ я передалъ нашъ разговоръ Гарибальди?

— Совсѣмъ напротивъ.

За тѣмъ разговоръ перемѣнился. Февральская революція и 1848 годъ вышли изъ могилы и снова стали передо мной въ томъ же образѣ тогдашняго трибуна, съ нѣсколькими морщинами и сѣдинами больше. Тотъ же слогъ, тѣ же мысли, тѣ же обороты, а главное та же надежда. "Дѣла идутъ превосходно. Имперія не знаетъ что дѣлать. *Elle est debordée*. Сегодня еще я имѣлъ вѣсти, невѣроятный успѣхъ въ общественномъ мнѣніи. Да и довольно, кто могъ думать, что такая неслѣпость продержится до 1864".

Я не противорѣчилъ и мы разстались довольные другъ другомъ.

На другой день пріѣхавши въ Лондонъ, я началъ съ того, что взялъ карету съ парой сильныхъ лошадей и отправился въ Стаффордъ-гаузъ.

Когда я взошелъ въ комнату Гарибальди, его въ ней не было. А ярый итальянецъ уже съ отчаяніемъ проповѣдывалъ о совершенной невозможности ѣхать въ Теддингтонъ.

— Неужели вы думаете—говорилъ онъ Гверцони—что лошади дюка вынесутъ 12 или 13 миль назадъ и впередъ—да ихъ просто не дадутъ на такую поѣздку.

— Ихъ иеужно, у меня есть карета.

— Да какія же лошади повезутъ назадъ, все тѣ же?

— Не заботьтесь, если лошади устанутъ, впрягутъ другихъ.

Гверцони съ бѣшенствомъ сказалъ мнѣ: "Когда это кончится эта каторга, всякая дрянь распоряжается, интригуешь".

— Да вы не обо мнѣ-ли говорите?—кричалъ блѣдный отъ злобы итальянецъ—я, м. г., не позволю съ собой обращаться какъ съ какимъ нибудь лакеемъ—и онъ схватилъ на столѣ карандашъ, сломалъ его и бросилъ.—Да если такъ, я все брошу, я сей часъ уйду.

— Объ этомъ-то васъ просятъ.

Ярый итальянецъ направился быстрымъ шагомъ къ двери, но въ дверяхъ показался Гарибальди, покойно посмотрѣвъ на нихъ, на меня и потомъ сказалъ: "Не пора-ли? Я въ вашихъ распоряженіяхъ, только доставьте меня пожалуйста въ Лондонъ къ 2 съ $\frac{1}{2}$ или 3 часамъ, а теперь позвольте мнѣ принять стараго друга, который только что пріѣхалъ, да вы можете его знаете—Мордини.

— Больше чѣмъ знаю, мы съ нимъ пріатели. Если вы не имѣете ничего противъ, я его приглашу.

— Возьмемъ его съ собой.

Взошелъ Мордини, я отошелъ съ Саффи къ окну. Вдругъ фактотумъ, измѣнившій свое намѣреніе, подбѣжалъ ко мнѣ и храбро спросилъ меня: "Позвольте, я ничего не понимаю, у васъ карета, а ѣдете вы, сосчитайте—генералъ, вы, Меноти, Гверцони, Саффи и Мордини... гдѣ вы сядете?"

— Если нужно, будетъ еще карета, двѣ...

— А время то нѣтъ достать...

Я посмотрѣвъ на него и обращаясь къ Мордини, сказалъ ему: Мордини, я къ вамъ и къ Саффи съ просьбой, возьмите экипажъ и поѣзжайте сей часъ на Ватерлоскую станцію, вы застанете train, а то вотъ этотъ господинъ заботится, что намъ негдѣ сѣсть и нѣтъ времени послать за другой каретой. Еслибъ я вчера зналъ, что будутъ такіа затрудненія, я пригласилъ бы Гарибальди ѣхать по желѣзной дорогѣ, теперь это потому нельзя, что я не отвѣчаю найдемъ-ли мы карету или коляску у теддингтонской станціи. А пѣшкомъ идти до моего дома я не хочу его заставить.

— Очень рады, мы ѣдемъ сей часъ—отвѣчали Саффи и Мордини.

— Поѣдемте и мы—сказалъ Гарибальди вставая.

Мы вышли, толпа уже густо покрывала мѣсто передъ Стаффордъ-гаузомъ. Громкое, продолжительное ура встрѣтило и проводило нашу карету.

Меноти не могъ ѣхать съ нами, онъ съ братомъ отправился въ Виндзоръ. Говорятъ, что королева, которой хотѣлось видѣть Гарибальди, но которая одна во всей Великобританіи не имѣла на то права, желала печально встрѣтиться съ его сыновьями. Въ этомъ дѣлѣ львиная часть досталась не королевѣ...

П—ръ.

СМБСБ.

— *Die Russen in der Schweiz.*—Русская императрица думала провести осень въ Швейцаріи. Для нея была нанята дача Голдмана въ Уши, а для свиты ея hôtel Beau Rivage. Но императрица раздумала и проведетъ нѣсколько недѣль на *Констанцкомъ* озерѣ, куда за нею прѣдетъ Александръ Николаевичъ. Выборъ конечно не дурень — гдѣ же лучше встрѣчаться какъ не на озерѣ *Постоянства*? Но причина того, что государыня не ѣдетъ въ Швейцарію иная: бдящая о ней свита и русская миссія сдѣлавали кантональное правительство—не выгонятъ-ли оно на время пребыванія августѣйшей купальницы въ Уши изъ кантона поляковъ и подозрительныхъ русскихъ. Кантонъ отвѣчалъ, что выгнать никого не можетъ, но что готовъ дать полицейскую охрану. Другіе говорятъ, что Озеровъ отсовѣтовалъ ѣхать, говоря, что не надежно.

Мы совѣтуемъ въ отмѣтку Россиньевскаго 'Вильгельма Теля' снова въ Петербургѣ давать подъ названіемъ 'Карла Смѣлаго'.

— 4 Августа арестовали въ Цюрихѣ вора, который выдавалъ себя за польскаго выходца, а на дѣлѣ былъ русскій шпионъ, у него нашли письма къ Шраму (Schramm)—другому русскому агенту, который хотя и открытъ, но не былъ еще схваченъ. (Republicain и Indicateur de Lemman).

Хотинскій, ужъ и вы не ѣздите въ Швейцарію — что бережно, то не должно!

— *Второй Муравьевъ и Александръ Второй.* Въ длинной реляціи о проѣздѣ государя въ Вильнѣ, мы находимъ слѣдующую драгоценную подробность: "Подѣхавъ къ Пермскому пѣхотному полку, государь изволилъ стать передъ нимъ, скомацдовалъ 'на караулъ' и отдавъ честь начальнику Виленскаго военнаго округа, генералу отъ инфантеріи М. Н. Муравьеву, поздравилъ его шефомъ этого полка; при чемъ благодарилъ его за труды и самоотверженіе, поднятые къ умнротворенію здѣшняго края и водворенію въ немъ законности и порядка; въ заключеніе его величество благоволилъ самъ провозгласить ура! —глаголосно повторенное всею свитою и пермскимъ пѣхотнымъ полкомъ".

— *Какъ онъ въренъ себѣ*—нашъ тори, нашъ аристократическій Катковъ. Вотъ что онъ проповѣдуетъ въ 166 Но. *Моск. Вѣд.*: "Въ одной нѣмецкой газетѣ предсказываютъ, что расчеты русскаго правительства на польскихъ крестьянъ окажутся невѣрными: они станутъ въ самомъ скоромъ времени не друзьями, а врагами Россіи, такъ какъ имъ даны права свѣше всякой мѣры, и въ будущемъ окажется необходимость не расширять, а ограничивать ихъ. Невозможно не видѣть чрезвычайной серіозности того положенія, къ которому находится теперь польское крестьянское дѣло. Требовавшееся обстоятельствами освобожденіе крестьянъ отъ обязанности уплачивать недоимки, не могло не оставить по себѣ *такихъ впечатлѣній, съ которыми необходимо будетъ бороться.* Далѣе, какъ извѣстно, самоуправленіе въ гминахъ пошло и не могло не попасть почти *исключительно* въ руки крестьянъ—мало способныхъ къ этому дѣлу. Вотъ слабыя стороны крестьянской реформы и вотъ ея главные опасности. Отъ крестьянскаго самоуправления нельзя вообще ожидать *ничего серіознаго* и потому на него отнюдь нельзя ни гдѣ полагаться, а въ польскомъ краѣ еще менѣе чѣмъ гдѣ либо. Недостатки гминнаго самоуправления должны быть покрываемы дѣятель-

ностью крестьянскихъ комиссій, на которыя между прочимъ возложена обязанность разъяснять крестьянамъ истинный смыслъ указа объ устройствѣ ихъ быта и наблюдать за дѣйствіями сельскихъ солтысовъ и гминныхъ войтовъ. Отъ членовъ комиссій, а также отъ уѣздныхъ начальниковъ зависить ослабить тѣ вредныя впечатлѣнія, о которыхъ упомянуто выше, и дать такое направленіе полицейской, административной и судебной дѣятельности новыхъ войтовъ и ихъ помощниковъ—солтысовъ и лавниковъ, которое согласовалось бы съ требованіями строгой сираведливости и безпристрастія въ отношеніи ко всѣмъ обитателямъ гмины. Всякое *недостойное популярничанье*, всякое заискиваніе въ крестьянахъ было бы, безъ сомнѣнія, неумѣстно и вредно".

— *Оклеветанный Катковъ.* Мы всегда считали однимъ изъ большихъ несчастій совершенное незнаніе поляками русской литературы, русской мысли, это вводило ихъ въ непрерывныя ошибки. *С. Ичела* въ 169 N. помѣщаетъ отрывки изъ довольно замѣчательной, хотя и смутной статьи, помѣщенной въ *Познанской газетѣ* подъ заглавіемъ "Польша и Журналистика". Говоря о Катковѣ какъ "о *могущественномъ* противникѣ", статья замѣчаетъ: "Не достаточно побѣждать Каткова и Ко. уличеніемъ ихъ въ *демократическо-соціалистическихъ стремленійхъ*"... Катковъ демократъ и соціалистъ! Его компанія т. е. Леонтьевъ—демократъ и соціалистъ! Помилуйте, Катковъ и Ко., эти кліенты и литературные прикащики тамбовскихъ и саратовскихъ патриціевъ—демократы и соціалисты!

— *Предостереженіе Евреямъ.*—Усмиривъ и Польшу и матеріализмъ, устроивъ православную церковь на Западѣ и ободривъ братчиковъ, издатель *Дня* не отдыхая ни одного нумера, принялся за прерванное гоненіе евреевъ, на этотъ разъ съ такимъ ожесточеніемъ, что мы дѣйствительно не совѣтуемъ имъ ходить по Спиридоповкѣ, особенно мимо дома Мазаровича.

— *Освобожденіе крестьянъ въ Молдовалахіи.*—Читатели "Колокола" вѣроятно прочли съ сочувствіемъ манифестъ Кузы объ освобожденіи крестьянъ. Когда законъ обсуживался въ Букарештѣ министрами, вышла брошюра, обсуживающая вопросъ поземельнаго владѣнія—личнаго и общиннаго. Брошюру эту мы получили при письмѣ, авторъ посвятилъ ее намъ. Съ благодарностью, искренней и братской, принимаемъ мы этотъ знакъ сочувствія къ началамъ, которыя мы проповѣдывали всю жизнь. Вотъ полное заглавіе романской публікаціи: Bagari di Séma asupra Leges Rurale—dedicata Reprezintantilor Comunei Russe din Londra. Bucuresci, 1864.

— *Правда-ли*, что Муравьевъ-вѣшатель поднесъ одному публицисту въ Москвѣ, изъ ярыхъ, *Сорокъ тысячъ рублей серебромъ* изъ штрафныхъ и конфискованныхъ у поляковъ денегъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ очень насъ одолжитъ.

— Въ *Общій фондъ* (Мы начали уже забывать объ его существованіи) получено 50 фран. Изъ Москвы 6 русскихъ полуимперіаловъ. Изъ Гейдельберга отъ "Москвитянина" 20 гульденовъ.

— *Письмо изъ Ф*—получено.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЬ 190.

15 Октября 1864.

Выходить два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

У Триюбнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchotzowski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—“Колоколъ” на 1865—Тѣлесныя наказанія во всемъ разгарѣ—Н. Г. Чернышевскій—“Къ одному изъ многихъ” (Письмо второе). Смѣсь:

В. Трувеллеръ—Клеветники—Революціонная опека—Правительственная агитація и журнальная полиція—Убийство въ Симбирскѣ—Уведомленія и Объявленія.

КОЛОКОЛЪ НА 1865

будеть издаваться на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ.

Разнесся слухъ о прекращеніи *Колокола*, вѣроятно русская полиція облекла скромное желаніе свое въ выдуманный фактъ. Сойти со сцены теперь — значитъ окончательно усомниться въ Россіи. Такого торжества мы не дадимъ еще закоснѣлымъ врагамъ свободного слова въ Россіи.

Колоколъ, при нашей жизни, только прекратится уничтоженіемъ всякой цензуры въ Россіи. И то если это уничтоженіе будетъ не австрійское, не прусское, а дѣйствительное. До тѣхъ поръ кажется еще много воды утечетъ.

10 Октября 1864.

А. Герценъ,
Н. Огаревъ.

ТѢЛЕСНЫЯ НАКАЗАНІЯ ВО ВСЕМЪ РАЗГАРѢ.

Въ то время какъ русское правительство трубитъ во всѣ казенныя трубы объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Польшѣ, вотъ что дѣлается въ Россіи:

“5 Августа, н. г.—пишетъ г. О. Воропоновъ (въ *Днѣ*), онъ присутствовалъ при засѣданіи В—го мирового съѣзда.—Крестьяне одной деревни подали просьбу, въ которой спрашивали о своихъ повинностяхъ помѣщицѣ до совершенія выкупа. Имъ объяснили. Предсѣдательствовавшій на съѣздѣ мировой посредникъ прибавилъ: *строю* исполнять повинности! Одинъ мужикъ, въ отвѣтъ на это, осмѣлился отвѣчать: ‘мы и исполнимъ такъ’. Больше онъ не отвѣчалъ *ни одного* слова; что можетъ быть невиннѣе? Но предсѣдатель воскликнулъ: “ты разговаривать?” спросилъ имя мужика и приказалъ написать въ полицію отношеніе о наказаніи мужика розгами. Это ‘за излишніе разговоры’, прибавилъ онъ. Разумѣется, за этимъ послѣдовала возмутительная картина колѣнопреклоненнаго умоленія о пощадѣ, впрочемъ напраснаго. Все это было публично, при большомъ собраніи постороннихъ, и такъ безцеремонно, какъ дѣло самое обык-

Годъ VIII.

новенное. Вотъ въ какомъ еще положеніи право и личность мужика, при существующихъ правахъ, вотъ какъ далеко мы подвинулись отъ крѣпостнаго права! Не бунтующее ли дѣйствіе производить на мужика такое фактическое вразумленіе о его правѣ и законѣ? Сѣкутъ публично за то, что слово сказалъ!”

Гнусный поступокъ своевольна предсѣдателя (да кто этотъ господинъ?) прикрытъ другимъ чисто плутовскимъ, онъ не велѣлъ записывать наказанія въ протоколъ.

“Идемъ и вѣримъ — продолжаетъ г. Воропоновъ — что наконецъ будетъ же мужикъ поставленъ на правѣ человека, и его нельзя будетъ высѣчь по капризу кого нибудь, или по чьему нибудь усердію. Безъ сомнѣнія, съ еще бѣдшимъ радушіемъ отпривѣствуемъ мы ту минуту, когда изгнаніе плети по суду будетъ дополнено изгнаніемъ домашней розги. Какъ это нужно—видится постоянно на практикѣ. Кстати: представьте себѣ еще, какъ пріятно должно быть впечатлѣніе, когда мы обратившись отъ подобныхъ практическихъ явленій, возьмемся читать статьи публицистовъ *Моск. Вѣдомостей* и прочитаемъ такія строки: “предоставленіе права присуждать къ такому (тѣлесному) наказанію единственно суду ввѣренному образованнымъ лицамъ (т. е. дворянамъ), вотъ *истинно либеральныя и гуманныя мѣры*, необходимость которыхъ указывается и *жизнью* и самимъ ходомъ новѣйшаго законодательства”. Воистину, кто достойно оцѣнитъ такія вдохновенныя слова? Ни у кого не хватитъ силъ и намъ остается только утѣшаться, что въ нашъ вѣкъ мы еще слышимъ ихъ. На здоровье, скажемъ мы какъ имъ, такъ разомъ и всѣмъ тѣмъ изъ практическихъ дѣателей, которые такъ вѣрують въ святость розги—на здоровье”.

Намъ пишутъ изъ Петербурга о злодѣйствѣ въ Сумскомъ уѣздѣ слѣдующее:

“Въ деревнѣ *Водолазъ*, сумскаго уѣзда, въ участкѣ мирового посредника Власовскаго (автора статей по крестьянскому вопросу), принадлежащей паслѣдникамъ Савича,

произошло маленькое неудовольствие между крестьянами. Сначала были употреблены *полицейскія мѣры*: въ полицейскомъ управленіи г. Сумъ давали по 400 *розогъ*. Мѣры эти не подѣйствовали, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ войску. Взяли сумскую инвалидную команду, которая и отправилась, подъ предводительствомъ исправника Романа Ивановича Алферова (племянника извѣстнаго своею жестокостію Пикол. Василь. Алферова) въ деревню Водолаги.

“Общество деревни встрѣтило команду у хатъ. Исправникъ потребовалъ старосту, тотъ явился и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ: “Ты староста?”—“Я”.—“Кто тебя избралъ?”—“Громада”.—“Какъ же тебя громада не слушаетъ?”—“Ни вона мене слухаетъ”. При этомъ исправникъ сорвалъ со старосты шапку, а одинъ изъ Савичей ударилъ старосту по лицу. Исправникъ крикнулъ: “взять его!” Общество крикнуло: “не даймой!” и отпало старосту изъ рукъ солдатъ. Началась кулачная схватка; исправникъ скамандовалъ: “стрѣлай”. Выстрѣлили. Убито: *четверо, двое* умерли потомъ отъ ранъ; ранено *шесть*. Войско все таки должно было отступить.

“Дади знать губернатору. (Губернаторомъ Сиверсъ, извѣстный своими похождениями въ Екатеринославѣ и заботой о женской купальнѣ въ Харьковѣ). Тотъ явился и *успокоилъ* оунтъ *одними утѣшаніями* (выраженіе корреспондента); по усмирении, онъ выразился такъ: “*это ангелы, а не люди!*”

“Назначена военно-судная коммиссія... надъ кѣмъ, вы думаете?.. Надъ подстрекателями мужиковъ, т. е. старостой и другими... Я забылъ вамъ написать, что дѣло было между 12 и 13 Августа ст. ст.”.

Интересно было бы знать что за личности—эти Савичи, Алферовы, не напишешь ли намъ кто изъ сумскихъ дворянъ?

НИКОЛАЙ ГАВРИЛОВИЧЪ ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

II.

Несчастный мученикъ негнанаго деспотизма принадлежитъ къ числу такихъ рѣдкихъ явленій не только въ нашей литературѣ, но и вообще въ нашемъ обществѣ, что мы сочли не лишнимъ записать наши свѣденія о его жизни, какъ ни малы онѣ. Въ Россіи теперь имѣя это *запрещенное* и врядъ ли возможно писать о Чернышевскомъ, не только какъ о человѣкѣ, но и какъ о литераторѣ; вѣроятно, скоро запрещены будутъ даже цитаты изъ его сочиненій и ссылки на нихъ. Мало того, мы совѣтовали бы русскому правительству отобрать у подписчиковъ *Современникъ*, гдѣ участвовать Чернышевскій; вѣдь отбранили же недавно во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ, книжныхъ лавкахъ, фотографіяхъ портреты Гарибальди, осмѣивавшагося произнести *нецензурную* рѣчь въ Лондонѣ! Намъ увѣрялъ честию одинъ купецъ, что какой то усердный частный приставъ посягалъ на отобраніе у него мыла и другихъ косметическихъ товаровъ, на этикетахъ которыхъ нарисованъ былъ портретъ Гарибальди...

Николай Гавриловичъ Чернышевскій родился въ 1829 году, въ г. Саратовѣ. Отецъ его былъ священникомъ, протоіереемъ главнаго мѣстнаго собора; это былъ человѣкъ необыкновенно умный и сердечный; его честность и прямота были извѣстны

всему приходу, въ которомъ онъ служилъ нѣсколько десятковъ лѣтъ до назначенія кафедральнымъ протоіереемъ; бѣдные довѣрчиво ходили къ нему за совѣтомъ и помощью; въ случаѣ когда имъ удавалось скопить трудами своими сотнягу-двѣ рублей, они несли деньги къ тому же Гаврилу Ивановичу, который хранилъ ихъ свято; такихъ денегъ, послѣ смерти почтеннаго старика, нашлось довольно много. Это былъ—не пошъ или, по крайней мѣрѣ, очень мало пошъ. Маленькій Николай Гавриловичъ оданъ былъ, какъ водится, въ саратовскую семинарію, былъ посвященъ въ стихарь и писалъ пробныя проповѣди. Необыкновенныя способности молодого семинариста помогли ему въ основательномъ изученіи библіи и древнихъ языковъ. И то и другое онъ зналъ въ совершенствѣ; православію онъ былъ преданъ, пока не работалъ еще мозгі самостоятельно; онъ признавалъ рѣшительно всѣ догматы ортодоксін, не находя надобности думать о нихъ хорошенько и занимаясь древними языками. По окончаніи семинарскаго курса, Николай Гавриловичъ почувствовалъ духоту той атмосферы, въ которой двигался; старикъ отецъ не противорѣчилъ ему и, воспользовавшись присутствіемъ своего родственника въ Петербургѣ, послалъ туда и сына въ университетъ. Онъ избралъ филологическій факультетъ и безъ огиадки принялся за изученіе болѣе глубокое древнихъ и славянскихъ языковъ, жадно слѣдилъ за преподаваніемъ наукъ, рылся въ лѣтонисяхъ, составлялъ словари древнерусскаго языка для Срезневскаго (профессора славянскихъ нарѣчій въ петербургскомъ университетѣ) и усердно читалъ Иббуръ, Домбровскаго, Востокова, по совѣту профессоровъ. Въ философію и критику онъ пока еще не вдавался. Тутъ онъ, будучи, кажется на второмъ курсѣ, попалъ въ кружокъ покойнаго Н. Н. Введенскаго, первое общество какое онъ увидалъ внѣ своего домашняго круга. Оживленная бесѣда, которая велась за чайнымъ столомъ, по средамъ, у Введенскаго, постоянныя споры, подъ-часъ паивныя своимъ доктринерствомъ, все это открыло Чернышевскому новый міръ. Остальное добылъ онъ себѣ самъ, трудомъ и талантомъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ заперти, среди непогоды выражавшейся на лицѣ нравственной борьбы и думы, въ нѣсколько мѣсяцевъ говорятъ, нельзя было узнать юношу. Онъ перечиталъ все, что только могъ добыть на русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ относящагося къ современной социальной наукѣ; природная гибкость ума, громадная память, діалектическія способности, развившіяся семинарскими упражненіями, способствовали ему такъ скоро явиться *новымъ* человѣкомъ среди своего кружка и сразу занять въ немъ первое мѣсто, оставивъ за собой учителей своихъ. Все это однако не мѣшало ему въ ту же пору написать какое то сочиненіе на заданную тему, получить медаль и изготавить серьезное филологическое изслѣдованіе объ Ипотьевской лѣтонисѣ. Кстати, какъ доказательство, до чего в тогда Чернышевскій былъ свободенъ отъ всякихъ предубѣжденій и мелкаго самолюбія, приведемъ извѣстный намъ фактъ, что онъ, замѣтивъ тайное, но сильное желаніе одного добраго труженика товарища своего украситься медалью, охотно, безъ хвастовства, просто—предложилъ ему эту честь, отложивъ въ сторону свое изслѣдованіе, кажется, о Лаврентьевской лѣтонисѣ. Окончивъ въ 1850 году курсъ, Чернышевскій поступилъ учителемъ Словесности во второй кадетскій корпусъ по протекціи Введенскаго; но черезъ годъ, слѣдуя просьбамъ

своей любящей и любимой матери, онъ поѣхалъ въ Саратовъ, принявъ мѣсто учителя тамошней гимназіи. Это было болѣе пожертвованіе съ его стороны, потому что онъ оставлялъ въ Петербургѣ довольно обширный кружокъ друзей и умныхъ собесѣдниковъ, оставлялъ средства продолжать свои ученыя занятія. Въ Саратовѣ онъ нашелъ уродливую гимназію съ допотопными учителями и іезуитомъ директоромъ Мейеромъ; въ обществѣ едва-ли отыскались два-три человѣка, которые не дико смотрѣли на новаго преподавателя; дома онъ также чувствовалъ себя чужимъ, не смотря на доброту, мягкость и честность отца, не смотря на свою иѣжную любовь къ матери, которую иногда осыпалъ самыми дѣтскими ласками, сажалъ ее къ себѣ на колѣни и нянчилъ какъ ребенка. Въ домѣ отца его, гдѣ жило все семейство, Николаю Гавриловичу отведена была особая комната на антресоляхъ, съ прекраснымъ видомъ на Волгу. Здѣсь то онъ принималъ своихъ очень, очень не многихъ друзей, да гимназистовъ, которымъ пассивно было человѣческое, безцеремонное обращеніе учителя, разговаривавшаго съ ними просто и умно. Много нравственнаго вліянія, много добра принесли Чернышевскій учащейся молодежи; онъ всегда почти съ успѣхомъ поддерживалъ юношей, когда они, по русской привычкѣ, отъ первыхъ неудачъ, впадали въ отчаяніе и падали духомъ; и матеріальную помощь не разъ оказывалъ онъ бѣднякамъ безъ сапогъ, которыхъ не мало было въ гимназіи, къ ужасу *чистоплотнаго* начальства.

Прошло два года: Чернышевскій продолжалъ свою жизнь уединенную, домашнюю, среди занятій и чтенія очень небольшого количества книгъ, вывезенныхъ имъ изъ Петербурга. Иногда, уступая просьбамъ матери, онъ нехотя отправлялся въ семейства, связанные съ его домашними, старинными связями, и поневолѣ долженъ былъ просиживать вечера въ компаніи канцелярскихъ служителей, столоначальниковъ и т. п. Но таково вліяніе свѣтлой натуры: даже изъ числа этихъ заплеванныхъ господъ, не одинъ сталъ, благодаря Чернышевскому, чувствовать затхлость окружающаго воздуха, переставалъ брать взятки, брался за книгу, съ грѣхомъ пополамъ прочитывалъ ее и, наконецъ, даже выходилъ въ отставку, чтобы заняться чѣмъ нибудь болѣе соответствующимъ человѣческому достоинству. Заслуга эта понятна въ Россіи, кто знакомъ съ чиновничьимъ бытомъ хоть нѣсколько. Въ этомъ кругу, Николай Гавриловичъ встрѣтилъ дѣвушку, которую полюбилъ со всѣмъ жаромъ юноши. Въ гимназіи, на лекціяхъ, сталъ онъ съ жаромъ говорить о значеніи любви и женщины въ жизни человѣка, въ письмахъ его къ друзьямъ слышался молодой бредъ сильной, глубокой любви. Онъ женился весной 1853 года. Во время сватовства случилось такъ, что его мать простудилась и умерла. Чернышевскій былъ глубоко пораженъ этой смертью; безъ слезъ и съ блѣднымъ лицомъ провожалъ онъ тѣло матери. Но такъ какъ онъ осмѣлился не выждать положеннаго этикетомъ срока траура, женился недѣли двѣ спустя послѣ похоронъ и тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ съ женой, и такъ какъ кромѣ того онъ не рыдалъ въ церкви, не падалъ въ обморокъ, не кидался съ воемъ на гробъ, то саратовское бонтопное общество, разные кликуши обонхъ половъ, привеллигированные заступники и заступницы общественнаго блага—не замедлили провозгласить Николая Гавриловича безчувственнымъ, безжалостнымъ, *неприличнымъ* сыномъ,

который до того равнодушенъ былъ къ своей матери, что женился не дописавши траура и покинулъ отца “въ такіе минуты”. Но старикъ думалъ не такъ; онъ отпустилъ сына въ Петербургъ, гдѣ ему должно было быть лучше, а самъ, какъ человѣкъ серьезный и умный, охотно даже остался одинъ съ своей глубокой грустью. Впрочемъ, старика окружали и холили родные покойной жены, обязанные ему многимъ въ жизни, и не покинули его до самой смерти, которая скосила Гаврила Павловича на 8 десяткѣ въ 1862 году, при чемъ опять-таки саратовское общество не преминуло позвать сына отцеубійцею своимъ *непочтеніемъ къ родителямъ*, не зная того, съ какой гордостью, съ какой радостью говаривалъ старикъ о сочиненіяхъ своего милаго Николая, котораго и не думалъ обвинять ни въ чемъ.

Между тѣмъ, Николай Гавриловичъ пріѣхалъ въ Петербургъ безъ гроша денегъ, съ молодой женой и разстроенный потерей матери. Надо было слышать, съ какимъ глубокимъ, выстрадавшимся чувствомъ говаривалъ онъ тогда о своей покойной матери, какое сердечное значеніе придавалъ ей умершей любви! Но пужда была недалеко и Чернышевскій бодро принялся за трудъ. Тогда были у насъ въ модѣ англійскіе романы и онъ, не зная ни слова по-англійски, взялъ какую-то англійскую книгу и въ два мѣсяца узналъ языкъ такъ, что перевелъ вскорѣ одинъ изъ новѣйшихъ тогда романовъ (не помню какой именно) и напечаталъ переводъ въ *Отеч. Зап.* Такъ онъ продолжалъ слишкомъ годъ свою работу какъ переводчикъ, составитель хреникъ и т. п. для Краевского; первой замѣчательной статьёй его былъ, если не ошибаемся, разборъ брошюры Ордынского объ Аристотелѣ. Статья была написана на срокъ, паскоро, съ помощью энциклопедіи Грубера, Эрша, памяти и таланта автора; тѣмъ не менѣе онъ задѣлъ за живое московскаго ученаго. Между тѣмъ, не смотря на громадныя работы, которыя Чернышевскій посвящалъ журналу и которыми добывалъ небольшія средства къ скромному существованію въ небольшой квартирѣ на Петербургской сторонѣ, онъ готовился къ магистерскому экзамену, сдалъ его, написалъ, напечаталъ и защитилъ диссертацию “Объ эстетическомъ значеніи искусства въ дѣйствительности”. На диспутѣ Чернышевскій своимъ тонкимъ, звонкимъ голосомъ, съ легкой иронической улыбкой на губахъ—живо отражалъ нападенія своихъ непосильныхъ оппонентовъ. Невинный дѣвственникъ науки, профессоръ Никитенко, попытался было задѣть вопросъ объ абсолютномъ значеніи идеала, но съ паивнымъ испугомъ отшатнулся отъ прямыхъ и рѣзкихъ отвѣтовъ диспутанта. Тутъ присутствовали нецеремонный Мусинъ-Пушкинъ и самъ министръ народнаго просвѣщенія, убогій тѣломъ и умомъ, полонникъ Авраамій Норовъ, котораго чувствительное обоняніе почуяло непочтительность, съ какой диспутантъ относился къ *чистому, идеальному искусству*. Вслѣдствіе этого, сколько намъ извѣстно, Чернышевскій не получилъ магистерскаго диплома безъ всякихъ объясненій причины и законныхъ основаній. Около этого же времени у Чернышевскаго начался непріятности съ начальствомъ 2-го кадетскаго корпуса, гдѣ онъ давалъ нѣсколько уроковъ и кончилось ссорой съ инспекторомъ классовъ, *либераломъ*, Даниловичемъ (теперь директоромъ корпуса). Николай Гавриловичъ вышелъ въ отставку и исключительно занялся литературой. Его диссертация познакомила журналистовъ съ направленіемъ и талантомъ автора; редакция *Современника* пригласила его въ

сотрудники и вскорѣ передала ему въ завѣдываніе отдѣлъ критическій и политическій. Тогда то талантъ Чернышевскаго явился во всемъ своемъ блескѣ; онъ разомъ занялъ въ литературѣ мѣсто остававшееся празднымъ со времени Бѣлинскаго; статьи его съ жадностью читались молодежью во всей Россіи. Кто не помнитъ его статей “О критикѣ въ пушкинскій и гоголевскій періодъ русской литературы”, которыя удивляли всѣхъ знаніемъ дѣла, огромными свѣденіями, рѣзкостью и вѣрностью сужденій, смѣлостью ниспроверженія литературныхъ идоловъ. Всѣ удивились, почти всѣ восхищались, нѣкоторые озлобились и всѣ — рѣшительно всѣ невольно подчинились увлекательнымъ идеаламъ, новому анализу. А авторъ скромно и почти нуждаясь поживалъ себѣ, бесѣдуя съ молодыми студентами, удаляясь отъ *большаго свѣта* нашей литературы и работая буквально съ утра до ночи едва не до неизможения. Со смертью Николая, когда Александръ еще не усталъ *позироваться* въ качествѣ царя-освободителя, Чернышевскій заговорилъ погромче и, прорываясь сквозь туманъ цензурныхъ уставовъ и инструкцій писанныхъ и словесныхъ (въ видѣ частныхъ головомоекъ цензорамъ) — вводилъ своихъ читателей въ интересъ социальныхъ наукъ еще съ вѣрой въ обѣщанія правительства и самостоятельность общества. Возбуждая полемику съ нашими коллежскими, надворными и дѣйствительными статскими экономистами — объ общинѣ, онъ подробно разбиралъ поднявшійся тогда крестьянскій вопросъ: противники его ухватившись за нѣсколько частныхъ ошибокъ въ цифрахъ и примѣрахъ практическаго сельскаго хозяйства, обвинили Чернышевскаго въ желаніи даромъ отнять у помещиковъ землю, раззорить государство, произвести рѣзню. Наконецъ и литература, попавшая на государственную службу и облегчавшись отъ тяжкаго долга быть честной, съ наслажденіемъ, на полемику *Современника*, отвѣчала грубыми, бессмысленными доносами. Это не могло не подѣйствовать на Чернышевскаго, который однако съ полной, весьма даже рѣзкой откровенностью высказался по этому поводу въ своихъ “Полемическихъ красотахъ”. Молодежь не переставала съ жадностью читать своего любимаго публициста, который создалъ простой, понятный для ней языкъ, выражавшій то, что она чувствовала и чѣмъ страдала. Сначала и правительство, вздумавшее удить рыбу тамъ, гдѣ не пристало бы заниматься такимъ дѣломъ ихъ превосходительствамъ — обратилось къ нему съ предложеніемъ. Еще въ 1854 или 1855, ему, какъ тогда мало извѣстному литератору, предлагали быть редакторомъ-реформаторомъ “Петербургскихъ Вѣдомостей”, (это предлагалъ бывший петербургскій вице-губернаторъ, Н. М. Муравьевъ, сынъ вѣшателя) потомъ — редакцію “Военнаго Сборника”. Последнее предложеніе Чернышевскій припалъ на извѣстныхъ условіяхъ, но конечно былъ обманутъ, и скоро долженъ былъ оставить редакцію. Пичто однако не сокращало бодрой энергіи Чернышевскаго: онъ зналъ, что его читаютъ и понимаютъ многіе.

Между тѣмъ небольшой кружокъ его рѣдѣлъ, благодаря ярости прогнанныхъ жандармовъ-сажателей и ссылателей, которыхъ вновь выпустили на кормленіе. Добрались до Чернышевскаго и, къ крайней досадѣ, не находя никакихъ юридическихъ доказательствъ его небывалыхъ преступленій, они рѣшились вволю и безцеремонно, на основаніи произвола и лютости своей, насладиться и потѣшиться надъ своей жертвой. Два длинныхъ года тянулось дѣло Чернышевскаго,

два года семейство его, вся Россія тревожно ждали окончанія этого вопіющаго дѣла. Конечъ превозмогъ ожиданія самыхъ крайнихъ пессимистовъ... По онъ извѣстенъ читателямъ изъ 186 листа *Колокола*. Въ дополненіе къ сообщенному тамъ извѣстію, прибавимъ, что дѣвица, провинившаяся въ томъ только, что бросила букетъ несчастному, была поддержана въ III отдѣленіи три дня и отдана на поруки своему отцу. Впечатлѣніе, произведенное процедурой объявленія конфирмаціи Чернышевскому было потрясающее; утро 1 Іюля (13 Іюня) хмурилось, холодный дождь обдавалъ собравшихся на эту ужасную тризну; большого труда стоило удерживать слезы и невольный порывъ негодованія; когда Николай Гавриловичъ возвращался къ каретѣ, въ которой былъ привезенъ, толпа невольно двинулась къ нему, но *вѣжливо была остановлена* цѣпью верховыхъ жандармовъ...

III.

Недавно мнѣ попался 186 №. *Колокола* за выпущенный годъ. Нѣсколько горячихъ строкъ прибавленныхъ редакторомъ къ извѣстію о чтеніи приговора Н. Г. Чернышевскому, разбудили во мнѣ только что улегшееся негодованіе.

Извѣстіе объ этомъ звѣрскомъ актѣ передано въ *Колоколъ* коротко; вотъ нѣсколько подробностей:

Чтеніе приговора Чернышевскаго назначено было въ 9 часовъ утра. Не смотря на дождь, начавшійся еще до разсвѣта, Мыстинская площадь на пескахъ, къ назначенному часу была наполнена народомъ, который какъ можно было судить по одеждѣ, почти исключительно принадлежалъ къ лицамъ образованныхъ сословій. Разумѣется, что большинство было привлечено не празднымъ любопытствомъ видѣть истязанія Чернышевскаго, въ пединности котораго мало кто сомнѣвался, зная по слухамъ въ чемъ его обвиняли, но всѣ шли съ тѣмъ, чтобы въ послѣдній разъ увидѣть бѣдную жертву царскаго самовластія — литератора, котораго всѣ привыкли уважать за его убѣжденія.

Чернышевскій былъ очень худъ и блѣденъ, съ отросшей въ крѣпости бородою. Во время чтенія приговора, написаннаго чуть ли не на десяти листахъ, онъ былъ совершенно спокоенъ, хоть очевидно утомленъ и стоялъ отвернувшись отъ чиновника читавшаго приговоръ. Послѣ переломленія шпаги, руки Чернышевскаго продѣли въ большія кольца, прикованныя цѣпями къ столбу. Въ это время на эшафотъ упалъ букетъ*.

* Недалеко отъ эшафота, на которомъ былъ выставленъ Чернышевскій, стоялъ бывший студентъ какого-то провинціального университета Герасимовъ. Когда во время чтенія приговора, приказано было народу снять шляпы, Герасимовъ, который, кажется, былъ не совсѣмъ здоровъ, остался съ покрытой головой, потому что шелъ довольно сильный дождь. Анненковъ, петербургскій оберъ-полицейскій замѣтилъ Герасимова въ фуражкѣ, тотчасъ же приказалъ его арестовать и отвести на съѣзжую. (Надобно замѣтить, что въ это утро на Мыстинской площади присутствовала по крайней мѣрѣ одна треть всей петербургской полиціи во всевозможныхъ костюмахъ. Этотъ полицейскій маскарадъ былъ устроенъ для противодѣйствія демонстраціи, которой всѣ ожидали). Въ съѣзжемъ домѣ Рождественской части у Герасимова выгрузили всѣ карманы и найденныя при немъ письма и бумаги отобрали. Вытребовали содержателя шалюгарни, гдѣ остановился Герасимовъ, почетнаго гражданина Шуркова. — “Вотъ здѣсь арестантъ, взятый по высочайшему повелѣнію, онъ ссылается на васъ, спросилъ квартальный. Знаете ли вы этого человѣка?” и проч. Шурковъ конечно отвѣчалъ, что знаетъ. Герасимовъ былъ отпущенъ и отправился домой, вполне утѣшенный мыслью, что былъ арестованъ по высочайшему повелѣнію, но бумаги его, для какихъ то надобностей, пробыли подъ арестомъ еще одну недѣлю. Интересно бы знать, откуда могло взяться высочайшее повелѣніе объ арестованіи Герасимова?.. Не можетъ ли разрѣшить этого любопытнаго вопроса петербургскій оберъ-полицейскій Анненковъ?

Участіе къ печальной и незаслуженной судьбѣ П. Г. Чернышевскаго было въ Петербургѣ всеобщее; хотя, конечно и встрѣчались личности изъ *молодаго* поколѣнія, которыя громко одобряли свирѣлость правительства въ отношеніи Чернышевскаго. Особеннымъ усердіемъ въ этомъ случаѣ отличался извѣстный театраль Николай Корсаковъ (сынъ генер.-лейтенанта), ораторствовавшій о томъ, что правительство слишкомъ мягкосердечно, что господь, подобныхъ Чернышевскому, Михайлову и др. непременно надо вѣшать или разстрѣливать.

“КЪ ОДНОМУ ИЗЪ МНОГИХЪ”

письмо второе.

Сегодня мнѣ прежде всего хочется сказать вамъ—что я понимаю подъ словомъ *разночинцы*. Признавая за ними роль умственной, слѣдственно движущей силы въ государствѣ, я легко могъ навести васъ на воспоминанія о французскомъ tiers-état 1789 года, о революціонной Франціи, о брошюрѣ Сьеса, и вы станете искать въ моихъ письмахъ—гдѣ же это я говорю, что “le tiers-état — c'est tout”, что разночинцы должны быть *все*... Но мнѣ, напротивъ того, чтобъ уяснить понятіе о разночинцахъ, хочется показать вамъ огромное различіе между ними и французскимъ tiers-état, между задачей французской революціи и русскаго переворота, обусловленное различіемъ общественныхъ элементовъ той и другой страны. Что по дорогѣ могутъ встрѣтиться сходства—объ этомъ не спору. Сходства встрѣчаются во всѣхъ эпохахъ жизни народовъ, потому что дѣла человѣческія—всегда дѣла человѣческія. Но эти сходства больше формальны; существенно самое различіе общественнаго содержанія. Такимъ образомъ, можно найти сходство между двумя главными людьми и эпохами высшаго монархическаго развитія: Лудвигъ XIV говоритъ l'état c'est moi и идетъ въ ненужныя войны и на безплодныя завоеванія,—и Николай Павловичъ всю жизнь доказываетъ, что “государство — это онъ” и пускается въ безплодныя войны и ненужныя завоеванія; между тѣмъ Франція Лудвига XIV и Россія Николая Павловича играютъ свою самую первоклассную роль во внѣшнихъ сношеніяхъ и внутренне сгниваютъ до нищеты государственной, до полнѣйшей безправственности управленія, до необходимости *переворота*. Вотъ формальныя черты сходства; но существенно различіе. Лудвигъ XIV все же представляетъ высшее развитіе монархіи, выросшей на феодальномъ мірѣ; Николай Павловичъ все же представляетъ высшее развитіе капіталства, завоевавшего Россію. Въ самомъ управленіи обоихъ эпохъ можно найти любопытныя черты сходства, особенно въ мірѣ финансовомъ, котораго сравнительная картина одна потребовала бы томъ разработкѣ и показала бы большое сходство положенія до-революціонной Франціи и современной Россіи. Но какъ скоро мы обратимся къ различію общественностей и отношеній, то—отставая и тутъ и тамъ при необходимости *переворота*—мы не можемъ не увидать огромнаго различія ролей, которыя должны выпасть на долю людямъ и огромнаго различія самой общественной задачи. По этому, я охотно васъ избавлю отъ всякихъ дальнѣйшихъ сравненій Лудвига XV или XVI съ Александромъ II, или Рейтерна—пожалуй хоть съ Силлауэтомъ... Я только вамъ напомнимъ Францію прошлаго столѣтія и современную Россію,

чтобъ указать вамъ на различіе tiers-état и разночинцевъ, и это, мнѣ кажется, очень существенно.

Франція XVIII столѣтія представляла сбродъ (агломерацию) провинцій, различно, по дурно учрежденныхъ каждая сама по себѣ, и еще хуже соединенно управляемыхъ королевской властью. Провинціи, конечно, имѣли исторически федеративное начало; по смыслъ его въ XVIII столѣтіи уже совершенно утратился. Тутъ уже мы находимъ гораздо больше обременительной раздѣленности въ смыслѣ какихъ то казѣнныхъ, искусственныхъ падобностей или выгодъ, чѣмъ областной самостоятельности*. Налогъ постоянно всей своей самой тяжелой тяжестью падалъ на земледѣльца. Но между тѣмъ крестьяне уже далеко не были крѣпостными барскими; барскихъ повинностей на нихъ лежало весьма немного; паче душили повинности казенныя†. Въ XVIII столѣтіи крестьяне скупили большую часть барскихъ земель и были личными землевладѣльцами, такъ, что дробность земель уже тогда доходила до той чрезмѣрности, которую мы находимъ во Франціи и теперь и которая мѣшаетъ крестьянину что нибудь пріобрѣсти, освободиться отъ долговъ и вести его къ разоренію. Когда вы сообразите эту дробность личнаго землевладѣнія у крестьянства и то что налогъ и всякая казенная тяга въ сущности падали на землевладѣльца, т. е. на крестьянина, для васъ станетъ ясно, что крестьянская земельная производительность мельчала и сельская связь рушилась. Росли и развивались цѣхи, уже тогда подавляя своими установленіями бѣдное рабочее населеніе‡. Но цѣхи развивались въ городахъ и совершенно врозь отъ крестьянства. Кромѣ цѣховъ въ городахъ развивалась адвокатура, точно также врозь отъ крестьянства, т. е. не видя въ крестьянствѣ никакого особаго элемента, никакого особаго обычая, никакого особаго принципа, кромѣ той разницы, что крестья-

* Были области штатовъ (pays d'états), которыя платили налогъ въ видѣ дара (dons gratuits) утверждаемаго тремя сословіями: духовенствомъ, дворянствомъ и высшимъ среднимъ сословіемъ (le haut tiers). Были области выборовъ (pays d'élection), “гдѣ всего меньше было выборности”—говоритъ Токиль; онъ будто бы выбиралъ своихъ виновныхъ приставовъ (aides). Aides—дегустаторы, цѣновники для наложенія подати на вина, при виноградноиъ винодѣліи. Это были люди по крайвей мѣрѣ также тяжело тяготѣвшіе надъ народомъ какъ наши откупщики. Были области объятельности, pays d'obédience (Erlaubnisscheine?), которыя были взяты изъ конкордата Лсона X и Франциска I. Были области, въ которыхъ судъ совершался по римскому праву; а другія, гдѣ судъ совершался по обычному праву. Между всѣми этими областями и ихъ подраздѣленіями (généralités) было безконечное множество помѣстныхъ заставъ.

† Нѣтъ нигдѣ не случалось отыскать во Франціи, незадолго до революціи, настоящей барской барщины, а только барщину казенную. Токиль говоритъ о возникновеніи помѣны съ прозажъ (droit de lods et ventes) въ пользу барина. “Уничтоженіе барщины”, abolition des corvées—эдиктомъ 3 Фев. 1776 года—относится къ барщинѣ казенной. Правда, Вальтеръ еще говоритъ (въ статьѣ въ Dictionnaire philosophique) о 2-хъ и 3-хъ дневной барской барщинѣ и о крѣпостномъ правѣ посмертичъ (droit de mainmorte), по которому имущество умершаго крѣпостнаго принадлежало господину; если у умершаго оставались дѣти, то господинъ бралъ изъ имущества только лучшую долю, а остальную оставлялъ дѣтямъ; если сынъ умершаго находился въ отлучкѣ годъ и одинъ день послѣ смерти отца, то господинъ бралъ все, а человѣкъ оставался крѣпостнымъ. Но въ 1780-хъ годахъ, кажется, этого права уже не существуетъ. Токиль замѣчаетъ, что еслибъ феодальное право (передъ революціей) еще оставалось цѣло, то крестьянинъ выносилъ бы его легче; но крестьянинъ, сдѣлавшись землевладѣльцемъ, тѣмъ меньше выносилъ оставшіяся феодальныя права, чѣмъ меньше ихъ оставалось. Пользуясь еще разъ случаемъ, чтобъ рекомендовать книгу: Armand Marrast et Dupont, Fastes de la révolution française. Paris, Guillaumin, 1836. То есть я говорю о замѣчательномъ введеніи въ этой книгѣ.

‡ Сдѣлаться ученикомъ стоило не меньше 500 ливровъ (франковъ). Сдѣлаться хозяйскимъ товарищемъ стоило еще дороже; сдѣлаться хозяиномъ стоило не меньше 2000 ливровъ.

янское ремесло земледѣліе, а мѣстожителство въ города. Изъ городовъ же живую жизнь представлялъ только Парижъ. Все тянуло къ Парижу. Между тѣмъ провинціальныя парламенты спорили съ правительствомъ вкривъ и вкосъ, то препятствуя правительственному положенію налоговъ, то препятствуя правительственному снатию заставъ и говоря, что “французскій народъ можетъ быть обложенъ податями какъ угодно”*. Дворянство и духовенство отстаивали остатки феодальныхъ правъ (кромѣ низшаго духовенства, которое иногда примыкало къ наукамъ и революціи). Наука шла двумя путями—Политической экономіей и Философіей, но подвигались все къ одной общей цѣли—къ единству Франціи. Экономисты раздѣлились на физиократовъ (Quesnay) и меркантилистовъ (Gournay); первые были поборники du produit net (барыша отъ земли), другіе поборники капиталовъ. Но и то и другое вело къ буржуазіи, т. е. къ тому сословію, гдѣ идеалъ каждаго личное обогащеніе, безъ всякой общественной связи; а крестьянство не представляло никакого принципа, кромѣ дробной собственности. Все чего общество дѣйствительно могло желать—это отсутствія высшихъ сословій, которыя мѣшали буржуазному идеалу (такъ какъ у насъ мѣшаютъ народному идеалу) и могло желать уничтоженія провинціальныя раздѣленностей и гнета *королевскаго* правительства; слѣдственно, общество желало единства управленія, которое было бы учреждено обогатившимся или обогащающимся сословіемъ, заступающимъ мѣсто сословій упраздняемыхъ. Съ своей стороны Философія, разбившая ложные нумиры посредствомъ энциклопедистовъ, далеко не дѣйствовала черезъ нихъ на революцію такъ сильно, какъ дѣйствовала посредствомъ Руссо. Вотъ вамъ мнѣніе французовъ XIX столѣтія: “Ж. Ж. Руссо (говорятъ Марастъ и Дюпонъ)—*философъ наиболее стремившійся къ единству*. Революціонному и цивилизационному вліянію образованнаго меньшинства предстояло совершить, посредствомъ убѣжденія и *силы*, то что было свыше могущества монархіи, т. е. утвердить навсегда государственное единство (unité territoriale) и создать единство управленія (unité administrative). Еще было предоставлено этому революціонному вліянію достигнуть результата, до котораго десять столѣтій монархіи не могли коснуться, а именно—правственаго единства Франціи”. Сообразите все это (какъ ни вкратцѣ и сдѣлалъ перечень фактовъ)—и вы увидите, что религіозныя слова французской философіи и революціи, т. е. “свобода, равенство и братство”—въ дѣйствительности не имѣли корня, что дѣйствительность выражала брошюра Сьеса, ставившая буржуазію на мѣсто упраздняемыхъ высшихъ сословій, что народъ не вносилъ никакого принципа различнаго отъ буржуазіи, что буржуазія, или tiers état—состояла собственно изъ капиталистовъ, цѣховыхъ (хозяевъ) и адвокатуры (иначе *épiceries* или *saracités*), что цѣль была, при упраздненіи сословій, уничтоженіе раздѣленностей и единство управленія. Изъ этого, во всѣ фазы революціи, господствовала правительственный деспотизмъ; идеи, которыя деспотически проводились и не прививались къ жизни—при Робеспьерѣ,

теорія Бабёфа, которая должна была осуществиться еще больше деспотически—все уступило, и Франція почувствовала себя удовлетворенною, когда достигла, при Наполеонѣ, единства управленія съ раздѣленіемъ не на историческія провинціи, а на департаменты. Съ тѣхъ поръ, во Франціи, наука создавала теоріи, а tiers-état, т. е. буржуазія, поддерживало единство управленія и идеалъ личнаго обогащенія; а народъ не представлялъ ни особаго принципа, на которомъ бы основалась какая нибудь иная сила, и не принималъ самостоятельнаго участія въ управленіи, сосредоточенномъ въ Парижѣ.

У насъ совсѣмъ иное. У насъ Парижа нѣтъ; нѣтъ средоточія, которое бы насъ географически тянуло къ единству; Москва отжила; Петербургъ не любимъ; Кіевъ ничего не представляетъ. Раздѣленностей у насъ нѣтъ; напротивъ того, если насъ что душитъ, такъ это единство. Наша раздѣленность на департаменты, т. е. на губерніи—это уже и есть то наполеоновское единство, которое у насъ, въ сущности, ни для кого не выносимо. Какъ бы у насъ ни учредилось *общее законодательство*,—но общее, единое *управленіе* для безконечнаго пространства и разно-сложившагося населенія—не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ гнетомъ. Наше дворянство-чиновничество точно также отжило какъ французская аристократія XVIII столѣтія, пожалуй какъ польское панство; по различиямъ, которые стоятъ на череду, не представляютъ ни особаго сословія адвокатуры, ни личнаго богатства. Они представляютъ или то меньшинство дворянства, которое отказалось отъ своего сословія, или то чиновничество, которое вовсе не пошло въ чиновничество, или находится въ немъ съ отвращеніемъ. Они не могутъ иначе выдвинуться впередъ, какъ, не по теоріи, а по жизни соединяясь въ свои артели и опираясь не на города, а на народъ, который имъ представляетъ основаніе своего элемента земства, всюду живучаго и неискоренимаго.

(Окончаніе впереди).

Н. Огаревъ.

С М Ъ С Ъ.

— *Приговоръ Трувеллера*. “Юнкеръ Владиміръ Трувеллеръ 21 года, за распространеніе напечатанныхъ за границей возмутительныхъ возваній между нижними чинами фрегата “Олегъ”, морской генералъ-аудиторіатъ приговорилъ, лишивъ воинскаго званія, правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на *десять лѣтъ*”. Небѣдный срокъ назначенъ былъ очевидно чтобъ дать случай “всемилоостившему монарху” уменьшить его на *три* года.

Мы слышали, что у Трувеллера были найдены русскія книги и Колоколь. Но какія же возванія? Трувеллеръ велъ себя съ необыкновенной твердостью и благородствомъ.

— *Клеветники*.—Частые пожары и особенно пожаръ въ Симбирскѣ, какъ и слѣдовало ожидать снова выдвинулъ на сцену клеветниковъ, обвиняющихъ въ поджогѣ поляковъ и какихъ-то “молодыхъ людей”. На этотъ разъ правительству не пришлось харчиться. Слухи эти разносятся частными средствами даже за границей. Либералы въ отставку, радикалы въ раскаяніи и другіе блудные старцы, слезно оплакивающие свое младенческое непониманье Николая. Бенкен-

* Парламентъ 12 Марта 1776 года не хотѣлъ утвердить указа 3 Февраля, упразднявшаго барщину. Магистраты говорили: “Народъ французскій можетъ быть обложенъ податями и работами по произволу; это статья конституціи, которую король не въ правѣ отмѣнять”. (Le peuple français est taillable et corvéable à volonté; c'est une partie de la constitution, que le roi ne peut changer).

дореа, Дуббелта и самого великаго Аракчеева, ходить изъ дома въ домъ, посыпавъ пепломъ главы свои и повѣствуютъ о томъ, что поляки жгутъ, а пнгиллисты раздуваютъ. Какъ-же правительству не сойти съ ума съ такими подданными! Обвинять теперь въ поджогъ, когда всякому генералъ-губернатору предоставлено право пристрѣливать зажигателей, указывать на поляковъ, разсѣянныхъ правительствомъ по всей сѣверо-восточной Россіи—какое размигченіе мозга или какое окамѣненіе сердца для этого нужно? И какъ ихъ опытъ не учить! Гдѣ-же зажигатели по петербургскому дѣлу? *Колоколъ* десять разъ справлялся объ именахъ, наказаніяхъ. На мѣсто лишнихъ людей, празныхъ людей, у насъ являются какіе то гадкіе, вредные люди.

— *Въ 238 No. Свѣ. Пчелы*, въ перечнѣ длиннаго ряда приговоровъ, за разныя политическія преступленія въ Юго-западномъ краѣ, между всякаго рода певѣроятными курьезностями, напечатано: “дворянинъ Подольской губ., Густавъ Соболевичъ 44, обвиненный въ принятіи революціонной должности опекуна надъ семействами окомпрометированныхъ лицъ”.

Послѣ этого, ужъ наши опекунскіе совѣты, не якобинскіе ли клубы?

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ АГИТАЦІЯ И ЖУРНАЛЬНАЯ ПОЛЕЦІЯ.

I

Herr Katkoff—le Grand.

Не будь Катковъ забрызганъ Муравьевымъ и кровью, не попадай ядъ его чернилъ въ приговоры на каторгу, онъ былъ бы самый забавный шутъ нашего времени. Шутовская сторона его совершенно серьезна, совершенно павна, и потому такъ неотразимо дѣйствуетъ на нервы.

Плохой профессоръ, онъ оставая каеэдру, вынесъ изъ своей школьной дѣятельности учительскій тонъ, тяжелый педантизмъ, напыщенную надмѣнность и съ ними пустился проповѣдывать конституціонный либерализмъ. Послѣ смерти Николая это было новостью въ русской печати—его стали читать. Какъ только онъ замѣтилъ это, онъ съ своей стороны пересталъ писать, а началъ отечески *внушать* или начальнически *распекать*. Можно было догадаться, что если и затѣмъ какой-нибудь дерзновенный не послушается, учитель поидетъ по начальству, т. е. донесетъ. Такъ какъ онъ это и сдѣлалъ послѣ петербургскихъ пожаровъ.

Пожаръ этотъ былъ счастливѣйшій день въ жизни Каткова. Отсюда начинается государственная карьера его. Правительству, обществу надобно было кого нибудь обвинить въ пожарахъ—Катковъ обвинилъ литературныхъ враговъ своихъ. Такой отважный человѣкъ для правительства былъ кладъ.

Либеральный публицистъ, выдвинутый изъ третьихъ, четвертыхъ рядовъ на авансцену, началъ съ того, что бросилъ за бортъ либерализмъ, конституціонализмъ, поклоненіе Европѣ и пр. и внезапно почувствовалъ себя неистовымъ патріотомъ, всестовымъ самодержистомъ, террористомъ и пошелъ проповѣдывать Муравьева, русификацію, конфискацію...

Правительство тогда еще не умѣло твердо ходить въ крови, поддержка въ общественномъ мнѣніи была ему нужна, оно приласкало его. Въ средніе вѣка вѣрили, что прикосновеніе короля лечитъ отъ золотухи, у насъ до чего бы правительство не коснулось—въ конецъ портится. Катковъ прежде того знавшій, что онъ великій человѣкъ, почувствовалъ себя теперь *чиновно великимъ человекомъ*, Сперанскимъ-Гизо, котораго личность исчезла въ великихъ государственныхъ интересахъ до такой степени, что каждое слово противъ него казалось ему государственной измѣной, преступленіемъ противъ первыхъ двухъ пунктовъ.

Къ тому же пришла грубая лезть эксъ-крѣпостниковъ. Чему они обрадовались—я не знаю. Кого-то наказываютъ... а Катковъ кричитъ: “по-крѣпче, не жалѣй его”, этого для утратившихъ право на розги было достаточно, чтобы ѣсть за его здоровье кулебяки*. Катковъ демагогъ противъ польскаго дворянства, почувствовалъ себя столбовымъ вельможей и явился защитникомъ русскихъ помѣщиковъ противъ черни.

Все это вмѣстѣ окончательно свело его съ ума. Онъ началъ таять въ себѣ, лакомиться собой, сдѣлался аутогастрономомъ, говорилъ *мы*, когда шла рѣчь о всей имперіи и корчилъ изъ себя Годунова, отказывающагося отъ престола. Скромно опуская безцвѣтные глаза, лепеталъ онъ съ какимъ то жгучимъ самосладоустрасіемъ: “Полноте, отставьте, не мнѣ, не мнѣ... я только по лучше выразилъ мысль Россіи, вашу мысль—что же бы я сдѣлалъ безъ Михаила Николаевича и безъ Александра Николаевича, благодарите ихъ—а не меня, я принесъ одну любовь... одну любовь къ истребленію Польши”.

Сила, энергія и мысль, Александръ, Муравьевъ, а надъ ними Катковъ и Леонтьевъ изъ него исходящій.

Но величіе имѣетъ свои неудобства. Слава Каткова гремитъ по міру, все смотритъ на него, все спрашиваетъ кто это превыше пирамидъ, заслоняющій собой Александра, озаряющій собой Михаила? Пѣмцы пишутъ объ немъ брошюры, Бельгія печатаетъ объ немъ книги... скромность страдаетъ, и вотъ нашъ журнальный Саулъ въ бѣшенствѣ беретъ перо и пишеть въ 195 No. *Моск. Вѣдом.*:

“Мы должны наконецъ сообщить нашимъ читателямъ извѣстіе о весьма интересномъ явленіи, возникшемъ на политическомъ горизонтѣ Европы: это явленіе—мы. Съ нѣкоторыхъ поръ мы стали предметомъ вниманія, изученія и агитаціи, гласной и не гласной, предметомъ корреспонденцій и передовыхъ статей въ заграничной печати, наконецъ предметомъ книгъ. Удивительныя легенды появлялись о насъ въ серіозныхъ заграничныхъ журналахъ; европейской публикѣ сообщалось на пр., что въ отдаленной и холодной Россіи народился драконъ, которому имя *Herr Katkoff*, что онъ

* Скромный Катковъ заявляя знаки горячей преданности въ его особѣ разнымъ губернскимъ и московскимъ Соболевичей, Нодревыхъ и Пѣночкиныхъ, не упоминалъ ни разу объ адресахъ заявляющихъ во имя части дворянъ такой-то и такой-то губерніи, что ихъ противъ воли замѣшали въ усердныхъ журавейникъ, пѣвавшихъ генералу-редактору туку своихъ чувствъ. А на одномъ протестѣ было, говорятъ, сорокъ подписей.

сидить въ Москвѣ и оттуда производить свои опустошительные набѣги, что цѣлая страна изнываетъ подъ ея желѣзнымъ игомъ и слезно молить, да изведетъ ее Богъ изъ этой тѣсноты и да явится изъ-за моря святой Георгій поразить это чудище на радость и ликованія русскаго народа. Читатели могутъ подумать что мы шутимъ; мы серьезно увѣряемъ ихъ, что подобныя легенды появлялись въ заграничныхъ журналахъ. Мы не передаемъ ихъ въ буквальный переводъ, единственно по крайнему неудобству сдѣлать это, такъ какъ *наше имя является тутъ въ самыхъ невозможныхъ сопоставленіяхъ*. (Вотъ оно, гдѣ камрадерія-то съ государемъ и Муравьевымъ). Наше имя ничего не значить; безъ всякаго затрудненія, неудобства и неприличія оно можетъ быть употребляемо во всякаго рода пасквиляхъ и пуфахъ, изъ какого бы источника они ни происходили; но есть имена, передъ которыми долженъ бы остановиться всякій, даже самый безсовѣстный интриганъ и которыми нельзя помыкать даже въ заграничной печати. Мы читали эти сказанія со смѣхомъ, поскольку они касались насъ, но и не безъ прискорбнаго чувства—не за себя; мы молчали объ этихъ сказаніяхъ, потому что вѣкъ ихъ былъ не долгъ; день приносилъ ихъ и день уносилъ”.

Молодецъ... За чѣмъ же онъ эту вдохновенную статью не прислалъ въ *Колоколъ*? Злѣе противъ него ничего никто не писалъ, а пройдетъ день никто и писать объ немъ не станетъ.

II.

Рука всевышняя брошюру разбросала!

Вымывшись въ лучахъ своей славы, Катковъ и не подумалъ отдыхать, а сей часъ бросился на брошюру Шедо-Ферроти, изорвалъ ее въ куски и по дорогѣ меня укусилъ за погу—Муравьевъ да и только! Брошюру Шедо-Ферроти я еще не читалъ, но изъ трехъ* статей *Моск. Вѣдом.*, неимовѣрной длины и безтолковости, явствуетъ что Шедо-Ферроти отдавая полную справедливость Каткову за то, что онъ стеръ меня съ лица земли *одной статьей* (чему Катковъ вѣритъ), далеко не такъ одобрительно смотритъ на методу патравливанія на Польшу, мѣшающую правительству идти больше человѣческими путями. Тутъ было задѣто все святое для Каткова—Муравьевъ и онъ самъ. Уязвленный, онъ вскочилъ и *срызался*. Въ его длинныхъ статьяхъ слышится безсильный вой зѣвря понавшаго лапой въ капканъ.

Брошюра Шедо-Ферроти “была незримой рукой разбросана по Россіи”... Чья же это рука?—рука ‘Земли и Воли’, ‘Польскаго Жюнда’, ‘Великорусса’? Нѣтъ, тутъ сдается какая то *третья* рука.

Намъ просто кажется, что Александръ Николаевичъ жизни не радъ что попалъ въ патріотическую галеру, и не знаетъ

* Третья статья въ 197 No. “*Моск. Вѣдом.*” въ формѣ письма изъ провинціи, особенно замѣчательна сельской простотой; въ ней на пр. говорится въ доказательство образованія владимірскихъ крестьянъ, что “въ одномъ селѣ, гдѣ находится особое общественное зданіе, родъ клуба, въ которомъ получаютъ журналы и между прочимъ три экземпляра ‘*Моск. Вѣдом.*’”. “*Провинціалъ*” еще наивнѣе выразился о государѣ, онъ такъ такъ его и называлъ костью—между Шедо-Ферроти и Катковымъ, да еще какой—“Кость, говоритъ онъ, нашихъ костей”.

какъ отъ нея отдѣлаться. Около него явнымъ образомъ реакція противъ людоедовъ. Но онъ ихъ боится, да и какъ не бояться людоедовъ. Пути, цѣли у него нѣтъ. Его увѣрили, что для спасенія Россіи ему надобно быть Нерономъ въ Польшѣ, онъ согласился; но вѣдь *à la longue* также скучно противъ своей воли быть Нерономъ, какъ Перону можетъ быть было бы скучно ѣздить на разводъ и къ нѣмецкимъ родственникамъ въ гости. Какъ быть? А вотъ средство—пачать литературную агитацію противъ Каткова, да ея самого себя и убѣдить.

Катковъ съ ужасомъ почувалъ конецъ Муравьеву, казнямъ, себѣ и вѣрный нравственный основамъ своимъ, *донесъ* на высочайшую агитацію, на *незримую* руку.

Пушкинъ правъ—все измѣняется подъ нашимъ зодіакомъ, Левъ становится какъ ничего Козерогомъ...

За чѣмъ столько крови и ужасовъ мѣшаютъ хохоту, хохоту безъ конца.

Проходить праздникъ на катковско улицѣ, не пужно больше барабанища при палачѣ, казни надобны, всю мерзость отбросить на Каткова съ Муравьевымъ, а ихъ—выжитыя лимонныя корки за окно! За что же Катковъ пожертвовалъ всѣмъ, Гнейстомъ, англійской законностью, религіей нѣмцевъ и всѣмъ что есть человѣческаго въ сердцѣ человѣческомъ?

— *Убийство въ Симбирскѣ*. Изъ двухъ солдатъ, разстрѣлянныхъ въ Симбирскѣ послѣ пожара, одинъ былъ разстрѣлянъ (это было напечатано во всѣхъ русскихъ газетахъ) за кошунство и за то, что онъ послѣ пожара говорилъ, “что поляки единомышленники его, выжгутъ не знаю что”.

Это называютъ зажигательствомъ.

— СЕНАТСКАЯ ЗАПИСКА ПО ДѢЛУ ЧЕРНЫШЕВСКАГО существуетъ и напечатана. Мы просимъ всѣхъ честныхъ русскихъ—которымъ попадется этотъ листъ *Колокола*—прислать намъ этотъ историческій документъ.

— *Письмо*, въ которомъ говорится о томъ, что “черная полоса” въ русскомъ настроеніи проходить—получено. Мы очень благодаримъ за него. Въ большей части мы съ нимъ согласны.—*Ред.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ. Англичанинъ, членъ ортодокской церкви, желаетъ воспитывать сыновей русскихъ благородныхъ родителей. Домъ его находится въ живописномъ и здоровомъ мѣстѣ на берегахъ моря въ Англіи. У него преподаются: Итальянскій, Французскій, Нѣмецкій, Греческій, Латинскій и другіе языки, а для желающихъ даютъ уроки Рисованія, Живописи и Музыки. Для подробныхъ свѣдѣній адресовать: V. R., Post Office Burlington, England.

— ОКОНЧАНИЕ “*SAMICIA ROSSA*”, за недостаткомъ мѣста, отложено до слѣдующаго листа.

продаются :

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(И. ОГАРЕВА, Изданіе исправленное, Цѣна 1 ш. 6 п.).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЪ 191.

15 НОЯБРЯ 1864.

У Труопера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzewski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—“Колоколъ” на 1865 годъ—Письма къ противнику (Письмо первое)—Camisia Rossa (Окончаніе).

Смѣсь: Свиданье въ Ниццѣ—Русскія деньги, польскія деньги—Права молодежи исправляются—Общій фондъ.

КОЛОКОЛЪ НА 1865

будеть издаваться на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ.

Разнесся слухъ о прекращеніи *Колокола*, вѣроятно русская полиція облекла скромное желаніе свое въ выдуманый фактъ. Сойти со сцены теперь — значитъ окончательно усомниться въ Россіи. Такого торжества мы еще не дадимъ закоспѣлымъ врагамъ свободного слова въ Россіи.

Колоколъ, при нашей жизни, только прекратится уничтоженіемъ всякой цензуры въ Россіи. И то если это уничтоженіе будетъ не австрійское, не прусское, а дѣйствительное. До тѣхъ поръ кажется еще много воды утечетъ.

А. Герцель,
Н. Огаревъ.

ПИСЬМА КЪ ПРОТИВНИКУ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Сегодня первое тихое утро послѣ свиданья съ вами и ряда нашихъ разговоровъ. Я перебралъ слышанное отъ васъ и старался, на сколько могъ, спокойно обдумать и привести въ порядокъ сказанное вами. Мы какъ то сбиваемся на генерала Ли и генерала Гранта, служа оба двумъ *распавшимся частямъ одного цѣлаго*; мы, какъ они, ничего не уступаемъ и какъ не мѣняемъ позицій, все находимся во враждебномъ положеніи. Мнѣ кажется, что съ нами можетъ случиться тоже что съ ними, почти навѣрное будетъ, т. е. что миръ заключать другіе за спиной нашей, пока мы будемъ продолжать старую войну.

Принимаясь за перо, я не имѣю притязанія васъ побѣдить, ни предчувствія быть побитымъ вами; но полагаю, что если мы и не дойдемъ до общаго пониманья, то все же не будетъ бесполезно опредѣленно высказаться. Въ два послѣднихъ года всѣ понятія и оцѣнки, всѣ люди и убѣжденія такъ измѣнились въ Россіи, что не мѣшаетъ напомнить друзьямъ и противникамъ — *кто мы*. Пусть одни хвалятъ, другіе бранятъ, зная кого они глядятъ по головѣ и кого быють.

Я васъ слушалъ честно и добросовѣстно, но вы не убѣдили меня и это не личное упрямство и не упорство партіи. Объективная истина для меня и теперь такъ же свята и дорога,

Годъ VIII.

какъ во времена юныхъ споровъ и университетскихъ препи-
наній. Мнѣ не надобно было внѣшняго побужденія, чтобы
заявить въ пятидесятыхъ годахъ на сколько я ошибался въ
спорѣ съ нашими славянами и я не очень испугался запад-
ныхъ авторитетовъ, обличая и уличая ихъ революціонную
несостоятельность, такъ какъ она мнѣ раскрылась въ 1848 г.

Ваше оправданіе тому что въ Россіи теперь дѣлается, я
рѣшительно отвергаю. Изъ глубины моей совѣсти, изъ глу-
бины моего сердца подымается крикъ протеста и негодованія
противъ казней въ Польшѣ, противъ террора въ Россіи,
противъ мелкихъ преслѣдованій и добиваній послѣ побѣды и
само собой разумѣется еще больше противъ всякаго посяга-
тельства ихъ оправдывать. Защищающіе дикую расправу
правительства “изъ высшихъ государственныхъ интересовъ”
берутъ на себя страшную отвѣтственность за растлѣніе цѣлаго
поколѣнія. Оправданіе того что дѣлается въ Россіи, не въ
смыслѣ объясненія причинъ, а въ смыслѣ сочувствія и соли-
дарности, неспровергаетъ всякое простое, прямое человѣчес-
кое пониманье, всякую нравственность и тѣмъ больше
оскорбляетъ, что оно вовсе ненужно. Дикая сила имѣетъ
верхъ и того съ нею довольно; какія оправданія нужны напору
стихій, сибирской язвы, наводненію?

Это я долженъ былъ заявить съ самаго начала, объ осталь-
номъ я готовъ разсуждать съ вами. Тутъ я не сдѣлаю ни
одной уступки и не имѣю права. Я не на столько религіозенъ,
чтобы съ холодной улыбкой шагать черезъ трупы и пагидател-
тельнымъ взглядомъ укора провожать мучениковъ мысли и
преданности на висѣлицу и каторгу.

За тѣмъ мнѣ хотѣлось бы также въ самомъ началѣ указать
въ чемъ мы согласны. Еслибъ у насъ не было ничего общаго,
то о чемъ же намъ было бы говорить. Мы махнули бы другъ
на друга рукой и пошли бы одинъ въ свою сторону, другой
въ свою.

Дѣйствительно, трудно себѣ представить двухъ человѣкъ,
которыхъ весь нравственный бытъ и строй, все святое
святыхъ, всѣ идеалы и стремленія, всѣ упованія и убѣжденія
были бы до такой степени противоположны какъ у меня
съ вами... мы люди разныхъ міровъ, разныхъ вѣковъ, и при
всемъ томъ и вы и я служили *одному дѣлу*, преданы ему
некрепко и такими признаемъ другъ друга.

Разными путями дошли мы до *одной точки*, въ которой согласны. Я знаю, что вы не допустите возможности не одинакимъ образомъ доходить до истины, но фактъ противъ васъ. *Исторически* почти всѣ истины открывались путемъ ломанымъ, кривымъ, фантастическимъ; однажды сознанная истина — освобождается отъ случайныхъ эмбриогеническихъ путей и получаетъ не только признаніе по мимо ихъ, но и при-мыкаетъ къ методу — вмѣсто личнаго, относительно-случайнаго проселка, она потомъ создаетъ свой логическій, широкій путь.

Насъ занимающій вопросъ не въ теоріи и не въ методѣ, насъ занимаетъ практическая, прикладная сторона его. Дѣло для насъ не въ точкѣ отправленія, не въ личномъ процессѣ, не въ діалектической *драмѣ*, которыми мы отыскиваемъ истину, а въ томъ *истинна-ли истина*, которая стала нашей плотью и кровью, нравственнымъ основаніемъ всей жизни и дѣятельности, и вѣрны-ли пути которыми мы осуществляемъ ее. Что слово *драма* или романъ идутъ къ процессу развития живыхъ ученій, это мы знаемъ по опыту. Вспомните борьбу славянофиловъ съ нами въ сороковыхъ годахъ и сравните ее съ тѣмъ что теперь дѣлается. Два противоположные станка какъ два бойца перемѣнили въ продолжительномъ состязаніи мѣсто, перемѣняли оружія. Славянофилы сдѣлались западными террористами, защитниками нѣмецкихъ государственныхъ идей — а часть западниковъ (и мы въ томъ числѣ) отрѣкаясь отъ *salus populi* и кроваваго прогресса, стоимъ за самоправность каждой области, за общину, за право на землю. При этомъ круженіи, при этомъ обмѣнѣ сторонъ и оружій, осталась неизмѣнной та точка, около которой совершилось все это. Мое воззрѣніе отчасти вамъ извѣстно, я думаю что знаю ваше, а потому *точку* опредѣлить не трудно. Господствующая ось, около которой шла наша жизнь — это *наше отношение къ русскому народу, евра въ него, любовь къ нему* (которую я также, какъ и *День*, не смѣшиваю съ больше и больше ненавистной мнѣ добродѣтелью патріотизма) и *желаніе дѣлательно участвовать въ его судьбахъ*.

Любовь наша не только фізіологическое чувство племеннаго родства, основанное исключительно на случайности мѣсторожденія, она сверхъ того тѣсно соединена съ нашими стремленіями и идеалами, она оправдана вѣрой, разумомъ и потому она намъ легка и совпадаетъ съ дѣятельностью всей жизни.

Для васъ русскій народъ преимущественно народъ *православный*, т. е. наиболѣе христіанскій, наиблизайшій къ *веси небесной*. Для насъ русскій народъ преимущественно *соціальный*, т. е. наиболѣе близкій къ осуществленію одной стороны того экономического устройства, той *земной веси*, къ которой стремятся всѣ соціальныя ученія.

Не мы перенесли на народъ русскій свой идеалъ, и потому какъ это бываетъ съ увлекающимися людьми, сами же стали имъ восхитаться какъ находкой. Мы просто встрѣтились. Событія послѣднихъ годовъ и вопросы возбужденные крестьянскимъ дѣломъ, открыли глаза и уши слѣпымъ и глухимъ. Съ тѣхъ поръ какъ огромная сѣверная лавина двинулась и пошла, чтобъ ни дѣлалось, даже самаго противоположнаго въ Россіи, она идетъ отъ одного соціального вопроса къ другому.

Соціалистъ я не со вчерашняго дня. Тридцать лѣтъ тому назадъ я высочайше утверждёнъ Николаемъ Павловичемъ въ званіи соціалиста — *cela commence à compter*. Черезъ двадцать лѣтъ я напомнилъ объ этомъ его сыну въ письмѣ,

которое вы знаете, и черезъ десять другихъ говорю вамъ, что я рѣшительно не вижу выхода изъ всеобщаго импаса образованнаго міра, кромѣ старческаго обмирания или соціального переворота — крутаго или идущаго исподволь, нарастающаго изъ жизни народной или вносимаго въ нее теоретической мыслью — все равно. Вопросъ этотъ нельзя обойти, онъ не можетъ ни устарѣть, ни сойти съ очереди, онъ можетъ быть оттертъ, заставленъ другими, но онъ тутъ, какъ скрытая болѣзнь — и если онъ не постучится въ дверь, когда всего меньше думаютъ, то постучится смерть.

Политическая революція, пересоздающая формы государственныя, не касаясь до формъ жизни, достигла своихъ границъ; она не можетъ разрѣшить противурѣчія юридическаго быта и быта экономического, принадлежащихъ совершенно разнымъ возрастамъ и воззрѣніямъ — а оставаясь при ихъ противурѣчіи нечего и думать о разрѣшеніи антиномій, и прежде существовавшихъ, но теперь пришедшихъ къ сознанію — въ родѣ безусловнаго права собственности и неопредѣляемаго права на жизнь, правомѣрной праздности и безвыходнаго труда... Западный миръ, чрезвычайно способный ко всѣмъ развитіямъ и улучшеніямъ, не касающимся перваго плана ея общественнаго устройства, оказывается упорно консервативной какъ дѣло доходить до линіи фундамента. Феодально-муниципальное устройство его стоитъ твердо и отбрасываетъ себя, ужъ не какъ разумный или оправданный фактъ, а какъ существующій и привычный. За городовымъ валомъ своимъ онъ не боится селѣской нищеты и полевого неимѣжества окружающихъ его. Противъ оторванныхъ отъ земли, противъ номадовъ цивилизаціи, сражающихся съ голодной смертью, онъ зашипенъ — арміей, судомъ, полиціей. Внизу — готизмъ, католицизмъ, піэтизмъ и дѣтское состояніе мозга. На вершинахъ — отвлеченная мысль, чистая математика революціи, стремящаяся примирить безуміе существующаго съ разумомъ водворяемаго компромисомъ между готизмомъ и социализмомъ. Этотъ *half and half* и есть *мѣщанское государство*.

Когда я спорилъ въ Москвѣ съ славянофилами (между 1842 — 1846 годами), мои воззрѣнія въ основахъ были тѣже. Но тогда я не зналъ Запада, т. е. зналъ его книжно, теоретически и еще больше я любилъ его всею ненавистью къ николаевскому самовластью и петербургскимъ порядкамъ. Видя какъ Франція смѣло ставитъ соціальныя вопросы, я предполагалъ, что она хоть отчасти разрѣшитъ его, и оттого былъ, какъ тогда называли, *западникомъ*. Парижъ въ одинъ годъ отрезвилъ меня — за то этотъ годъ былъ 1848. Во имя тѣхъ же началъ, во имя которыхъ я спорилъ съ славянофилами за Западъ, я сталъ спорить съ нимъ самимъ.

Обличая революцію, я вовсе не былъ обязанъ переходить на сторону ея враговъ — паденіе февральской республики не могло меня отбросить ни въ католицизмъ, ни въ консерватизмъ, оно меня снова привело *домой*.

Стоя въ стану побитыхъ, я указывалъ имъ на народъ носящій въ бытѣ своемъ больше условій къ экономическому перевороту — чѣмъ окупчательно сложившіеся западные народы. Я указывалъ на народъ, у котораго нѣтъ тѣхъ нравственныхъ препятствій, о которыхъ разбивается въ Европѣ всякая новая общественная мысль, а напротивъ есть *земля подъ ногами* и вѣра что *она его*.

И вотъ пятнадцать лѣтъ я постоянно проповѣдую это. Слова мои возбуждали смѣхъ и негодованіе, но я шелъ своей

дорогой. Пришла Крымская война, смѣхъ замѣнился свистомъ, клеветой... по я шелъ своей дорогой. По странной ироніи мнѣ пришлось на развалинахъ французской республики проповѣдывать на Западѣ часть того, что въ сороковыхъ годахъ проповѣдывали въ Москвѣ Хомяковъ, Кирѣевскіе... и на что я возражалъ

Годъ тому назадъ я встрѣтилъ на пароходѣ между Неаполемъ и Ливорной русскаго, который читалъ сочиненія Хомякова въ новомъ изданіи. Когда онъ сталъ дремать, я попросилъ у него книгу и прочелъ довольно много. Переводя съ апокалиптического языка на нашъ обыкновенный и освѣщая дневнымъ свѣтомъ то, что у Хомякова освѣщено паникадилломъ, я ясно видѣлъ какъ во мпоиомъ мы одинакимъ образомъ поняли западный вопросъ, не смотря на разныя объясненія и выводы. Патологическое описаніе Хомякова—вѣрно, но изъ этого не слѣдуетъ, что я согласенъ съ его теоріей и съ его объясненіями зла. Тоже самое въ его оцѣнкѣ бытовыхъ элементовъ русской жизни, на которыхъ возникаетъ наше развитіе. Хомяковъ на пр. полагаетъ, что вся исторія Запада, т. е. почти *вся* исторія полуторатысячи лѣтъ, не удалась оттого, что Германо-Романскіе народы приняли католическую вѣру, а не греческую и дасть чувствовать, что спасеніе ихъ собственно возможно на томъ основаніи, на которомъ у насъ берутъ во дворъ нѣмецкихъ принцессъ, при перемѣнѣ одного христіанскаго исповѣданія на другое. Я считаю что такіа длинныя, хроническія болѣзни, далеко неизлѣчимы такими простыми, *симпатическими* (какъ говаривали встарь) средствами, ни такимъ гомеопатическимъ вышибаніемъ клина клиномъ. Вообще я ни прежде, ни теперь не могъ понять—отчего все христіанство за стѣнами восточной церкви *не-христіанское*, и отчего Россія представляетъ ученіе о свободѣ (разумѣется не на практикѣ...) а Западъ ученіе основанное на необходимости. Это становится еще темнѣе читая католическія любезности той-же пробы на счетъ схизматиковъ.

... На этомъ мѣстѣ меня застало ваше письмо... Оно измѣняетъ температуру. Изъ вашего письма и изъ его сильнаго одушевленія, я вижу что былъ совершенно правъ, “отмахиваясь” отъ богословско-метафизической контроверзы. Я зналъ что она не приведетъ къ добру и не принесетъ того огня, который свѣтитъ и грѣетъ, а раздуетъ тотъ, которымъ жарили еретиковъ и невѣрующихъ.

Дѣлать людей на агвцовъ и козловъ—дѣло не хитрое и не новое; ставить въ одну категорію всѣхъ людей религіозныхъ и преимущественно православныхъ, а въ другую всѣхъ остальныхъ и преимущественно матеріалистовъ—легко. Жаль только, что это дѣленіе имѣетъ одинъ важный недостатокъ—полнѣйшую невѣрность въ практикѣ. Вамъ, какъ всѣмъ идеалистамъ и теологамъ, это все равно, вы строите міръ аргюгі, вы знаете какой онъ *долженъ быть* по откровенію—ему-же хуже если онъ не такой какой долженъ быть! Еслибы вы были просто наблюдатель, васъ остановили бы факты противурѣчающіе вашему мнѣнію, они заставили бы васъ возвратиться къ перебору началъ и рѣшить—исторія-ли и жизнь нелѣпы, или ученіе ложно. Увѣренные въ непогрѣшительности ученія, вы шагаете черезъ. Что вамъ за дѣло, что возмѣл мартилога христіанства—мартилогъ революціи. Исторія вамъ указываетъ какъ язычники и христіане, люди не-вѣрившіе въ жизнь за гробомъ и вѣрившіе въ нее, умирали

за свое убѣжденіе, за то что они считали благомъ, истиной, или просто любили... а вы все будете говорить, что человѣкъ считающій себя скученіемъ атомовъ, не можетъ собою пожертвовать; а человѣкъ который считаетъ свое тѣло искусными, но презрѣнными ножнами души—жертвуетъ собой по праву, не смотря на то что исторія вовсе не доказываетъ, чтобъ матеріалисты '93 года были особенные трусы, а вѣрующіе по ремеслу—попы, монахи были бы (кромѣ Полюми) особенно падки на самоотверженіе и героизмъ. Дѣло въ томъ, что всѣ эти *первыя мотивы* и метафизическія міросозерпанія вовсе не имѣютъ такого рѣшительнаго и рѣзкаго вліянія на характеръ и дѣйствія какъ вы полагаете. Большое счастье, что голодъ и жажда развиваются прежде, чѣмъ человѣкъ обдумаетъ—стоитъ-ли кормить ничтожные атомы и достойно-ли поить презрѣнныя жоаы. Привычка сдѣлана и ѣда идетъ своимъ чередомъ а трансцендентальная психологія своимъ. Матери не нужно ни религіи, ни атеизма чтобъ любить своего ребенка; человѣку вообще не нужно ни откровеній, ни сокровеній чтобъ быть привязаннымъ къ своей семьѣ, своему племени и, если случится, вступить за нихъ; а кто вступаетъ; тотъ иной разъ ложится костями—изъ ничтожныхъ-ли атомовъ онъ или изъ творческаго вовсе ничего, это все равно.

Обо всемъ этомъ можно наговорить бездау интересныхъ вещей, бездау вещей давно сказанныхъ, не говоря ни слова о русскомъ вопросѣ, который меня занимаетъ гораздо больше этихъ безвыходныхъ паралелей, въ которыхъ можно биться до конца жизни, не двигаясь ни на шагъ и не выплывая на берегъ.

Вы находите на пр. непослѣдовательнымъ, что человѣкъ невѣрующій въ будущую жизнь, вступаетъ за настоящую жизнь ближняго. А мнѣ кажется что *только онъ* и можетъ дорожить *временной* жизнью своей и чужой; онъ знаетъ, что лучше этой жизни для существующаго человѣка ничего не будетъ и сочувствуетъ каждому въ его самохраненіи. Съ теологической точки зрѣнія смерть представляется совсѣмъ не такой бѣдой; религіознымъ людямъ была нужна заповѣдь “не убій”, чтобъ они не принялись людей спасать отъ грѣховнаго тѣла, смерть собственно одождаетъ человѣка—ускоряя его вѣчную жизнь. Грѣхъ убійства состоитъ вовсе не въ актѣ плотоумертвленія, а въ самовольномъ повышеніи паціентовъ въ высшій классъ. Наши вѣшающіе генералы съ религіозной точки легко оправдываются, они отсылаютъ подсудимыхъ въ высшую инстанцію, тамъ они могутъ оправдаться и чѣмъ новиннѣе окажутся, тѣмъ лучше будетъ ихъ судьба. Вы дивитесь почему мы дорожимъ такъ кровью, будучи “матеріалистами” (я для васъ повторяю это слово, оно и не выражаетъ дѣла и очень школьно)—изъ этого ясно что вы, съ вашей точки, имѣете полное право состраданія—отчего же вы имъ не пользуетесь? Отчего я въ вашихъ словахъ, въ вашемъ письмѣ не видалъ ни одного слова участія и состраданія къ казнимымъ, къ идущимъ на каторгу? Почему вы думаете, что все это виновные, какъ будто бываютъ тысячи виновныхъ, какъ будто въ числѣ казнимыхъ нѣтъ людей чисто преданныхъ своему дѣлу?... Да и наконецъ еслибы всѣ были виноваты, кто-же за ихъ вину васъ-то наказалъ безучастьемъ къ судьбамъ ихъ? Отчего вы вообще гораздо больше заняты опредѣленіемъ *вмѣненій*, наказаній, чѣмъ оправданіемъ обвиняемыхъ?

Вы меня даже спрашиваете — какими нравственными наказаниями я замѣняю тѣлесныя и не тѣлесныя-ли наказания тюрьма, ссылка и пр.—какъ будто я когда нибудь брался, какъ князь Черкасскій, находить дѣтскія или старческія, свѣтскія или духовныя розги и ихъ эквиваленты? Изъ того что я говорилъ о пелѣности, о гнусности полосовать человѣку спину за прошлый поступокъ, не слѣдуетъ вовсе, что я тюрьму считаю умной и рациональной, а штрафъ справедливымъ.

— “Хотите уничтоженія холеры?”—Безъ сомнѣнія.

— “По какой-же заразой ее замѣнить? И легче-ли будетъ новая зараза?”—Такого вопроса ни одинъ докторъ не разрѣшить.

Розги и тюрьмы, грабежъ судомъ выработаннаго и насильственная работа виновнаго, все это *тѣлесныя* наказания, и могутъ быть только замѣнены инымъ общественнымъ устройствомъ.

Матеріалистъ Оуэнъ не искалъ ни преступниковъ, ни наказаній, ни уравненій между кандалами и побоями, а думалъ какъ найти такія условія жизни, которыя не наводили бы людей на преступления. Онъ началъ съ воспитанія; испуганные безнаказанностью дѣтей, пѣтисты закрыли его школу.

Фурье попытался самыя страсти, причиняющія въ своемъ побужденномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненномъ состояніи, всѣ преступныя взрывы и отклоненія направить на пользу общества—въ немъ замѣтили одну смѣшную сторону...

Цѣлыя страны существуютъ безъ тѣлесныхъ наказаній, а у насъ еще ведутъ контроверзу о томъ съчъ или не съчъ? Если съчъ — чѣмъ съчъ? Если не съчъ — сажать-ли на цѣпь или въ кѣтку?.. Что лучше розга или кѣтка?.. Какова кѣтка, какова розга? Дѣтская розга хороша, а дѣтская кѣтка нигде не годится.

“Уничтоженіе наказаній невозможно”, скажете вы съ точки зрѣнія религіи, которая сдѣлала себѣ спеціальностью все прощать, все прощать. Можетъ быть—но вѣдь изъ этого не слѣдуетъ, что наказанія надобно выдавать за правду, а за то что они есть—за печальную необходимость, за несчастное послѣдствіе. О самихъ вмѣненіяхъ хлопотать нечего, они найдутся. Пока будетъ судейское ремесло, пока останется кровавый кодексъ общественной мести и средневѣковое невѣжество массъ—хирургъ правосудія—палачъ, не умретъ безъ работы.

Но оставимте наконецъ всѣ эти общія диссертаціи, я еще разъ “отмахиваюсь” отъ нихъ и перехожу къ нашимъ домашнимъ дѣламъ.

П—ръ.

CAMICIA ROSSA.

(Окончаніе).

III.

У насъ.

День этотъ удался необыкновенно и былъ однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ, безоблачныхъ и прекрасныхъ дней — послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Въ немъ была удивительная ясность и полнота, въ немъ была эстетическая мѣра и заочечность—очень рѣдко случающіяся. Однимъ днемъ позже и праздникъ нашъ не имѣлъ бы того характера. Однимъ не итальянцемъ больше, и тонъ былъ бы другой, но крайней мѣрѣ была бы боязнь, что онъ исказится. Такіе дни представляютъ вершины... дальше, выше, въ сторону — ничего, какъ въ пропѣтыхъ звукахъ, какъ въ распутившихся цвѣтахъ.

Съ той минуты, какъ исчезъ лодѣздъ Стаффордъ-гауза съ фактотами, лакеями и швейцаромъ сutherlandскаго дюка и толпа припала Гарибальди своимъ ура—на душѣ стало легко, все настроилось на свободный человѣческій діапазонъ и такъ осталось до той минуты когда Гарибальди снова тѣсный, сжимаемый народомъ, палуемый въ плечо и въ полы, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Лондонъ.

На дорогѣ говорили объ разныхъ разностяхъ. Гарибальди дивился, что нѣмцы не понимаютъ что въ Даніи побѣждаетъ не ихъ свобода, не ихъ единство, а двѣ арміи двухъ деспотическихъ государствъ, съ которыми они послѣ не сладятъ*. “Еслибы Данія была поддержана въ ея борьбѣ, говорилъ онъ, силы Австріи и Пруссіи были бы отвлечены, намъ открылась бы линия дѣйствій на противоположномъ берегу”.

Я замѣтилъ ему, что нѣмцы страшные націоналисты, что на нихъ наклепали космополитизмъ, потому что ихъ знали по книгамъ. Они патриоты не меньше французовъ, но французы спокойнѣе, зная что ихъ боятся. Нѣмцы знаютъ невыгодибѣ мнѣніе о себѣ другихъ народовъ и выходятъ изъ себя, чтобъ поддержать свою репутацию. Неужели вы думаете — прибавилъ я — что есть нѣмцы, которые хотятъ огдать Венецію и квадрилатеръ? Можетъ еще Венецію, вопросъ этотъ слишкомъ на виду, неправда этого дѣла очевидна, аристократическое имя дѣйствуетъ на нихъ; а вы поговорите о Триестѣ, который имъ нуженъ для торговли и о Галиціи или Познани, которыя имъ нужны для того чтобъ ихъ *цивилизовать*.

Между прочимъ я передалъ Гарибальди нашъ разговоръ съ Ледрю-Ролленомъ и прибавилъ, что по моему мнѣнію Ледрю-Ролленъ правъ.

— Безъ сомнѣнія — сказалъ Гарибальди — совершенно правъ. Я не подумалъ объ этомъ. Завтра поѣду къ нему и къ Луи Бланъ. Да нельзя-ли захватить теперь?—прибавилъ онъ.

Мы были на Вондсвортскомъ шоссе, а Ледрю Ролленъ живетъ въ Сен'-Джонсъ-Вудъ Паркѣ, т. е. за восемь миль. Пришлось и мнѣ à l'impresario сказать, что это матеріально невозможно.

И опять минутами Гарибальди задумывался и молчалъ—и опять черты его лица выражали ту великую скорбь, о которой я упоминалъ. Онъ глядѣлъ въ даль, словно искалъ чего-то на горизонтѣ. Я не прерывалъ его, а смотрѣлъ и думалъ “мечъ ли онъ въ рукахъ провидѣнія”, или нѣтъ, но навѣрное не полководецъ по ремеслу, не *генералъ*. Онъ сказалъ святую истину, говоря что онъ не солдатъ, а просто человѣкъ, вооружившійся чтобъ защитить поруганный очагъ свой. Апостолъ-воинъ, готовый проповѣдывать крестовый походъ и идти во главѣ его, готовый отдать за свой народъ свою душу, своихъ дѣтей, нанести и вынести страшные удары, вырвать душу врага, разсѣять его прахъ... и позабывши потомъ побѣду, бросить окровавленный мечъ свой вмѣстѣ съ пожнями въ глубину морскую...

Все это и именно это поняли народы, поняли массы, поняла чернь — тѣмъ ясновидѣніемъ, тѣмъ откровеніемъ, которымъ пѣкогда римскіе рабы поняли непонятную тайну пришествія Христова, и толпы страждущихъ и обреченныхъ, женщинъ и старцевъ—молились кресту казненнаго. Понять, значить для нихъ увѣровать, увѣровать — значить чтить, молиться.

* Не странно-ли, что Гарибальди въ оцѣнкѣ своей Шлезвигъ-Гольштинскаго вопроса, встрѣтился съ К. Фогтомъ?

Оттого-то весь плебейскій Теддингтонъ и толпился у рѣшетки нашего дома съ утра поджидая Гарибальди. Когда мы подѣхали, толпа въ какомъ-то изступленіи бросилась его привѣтствовать, жала ему руки, кричала God bless you, Garibaldi, женщины хватили руку его и цаловали, цаловали край его плаща—я это видѣлъ своими глазами—подымали дѣтей своихъ къ нему, плакали... Онъ какъ въ своей семьѣ, улыбаясь жалъ имъ руки, кланялся и едва могъ пройти до сѣней. Когда онъ взошелъ крикъ удвоился—Гарибальди вышелъ опять и положила обѣ руки на грудь, кланялся во все стороны. Народъ затихъ, но остался и простоялъ все время пока Гарибальди уѣхалъ.

Трудно людямъ, невидавшимъ ничего подобнаго, людямъ, выросшимъ въ канцеляріяхъ, казармахъ и передней, понять подобныя явленія—“слибустеръ”, сбит моряка изъ Ниццы, матросъ, *повстанецъ*... и этотъ парскій пріемъ! Что онъ сдѣлалъ для англійскаго народа?... И добрые люди ницуютъ, ницуютъ въ головѣ объясненія, ницуютъ тайную пружину: “въ Англии удивительно съ какимъ плутовствомъ умѣетъ *начальство* устраивать демонстраціи... Намъ не проведешь—Wir wissen was wir wissen—мы сами Гейста читали!”

Чего добраго можетъ и лодочникъ въ Неаполѣ, который рассказываетъ*, что медальоны Гарибальди и медальоны Богородицы предохраняютъ во время бури, были подкуплены партіей Сиккарди и министерствомъ Веносты!

Хотя оно и сомнительно, чтобъ журнальные Видоки, особенно наши москворѣцкіе, такъ ужъ ясно могли отгадывать игру такихъ мастеровъ какъ Пальмерстонъ, Гладстонъ и Ко., но все же иной разъ они ее скорѣ поймутъ, по сочувствію крошечнаго паука съ огромнымъ тарантуломъ, чѣмъ секретъ Гарибальдѣвскаго пріема. И это превосходно для нихъ—пойми они *эту тайну*, имъ придется повѣситься на ближайшей оспѣ. Клопы на томъ только основаніи и могутъ жить счастливо, что они не догадываются о своемъ запахѣ. Горе клопу, у котораго раскроется *человѣческое* обоняніе...

... Мадзини пріѣхалъ тотчасъ послѣ Гарибальди, мы все вышли его встрѣчать къ воротамъ. Народъ услышавъ къ это, громко привѣтствовалъ; народъ вообще ничего не имѣетъ противъ него. Старушечій страхъ передъ конспираторомъ, агитаторомъ, начинается съ лавочниковъ, мелкихъ собственниковъ и проч.

Нѣсколько словъ, которыя сказали Мадзини и Гарибальди, извѣстны читателямъ *Колокола*, мы не считаемъ нужнымъ ихъ повторять.

... Все были до того потрясены словами Гарибальди о Мадзини, тѣмъ искреннимъ голосомъ, которымъ они были сказаны, той полнотой чувства, которое звучало въ нихъ, той торжественностью, которую они пріобрѣтали отъ ряда предшествовавшихъ событій, что никто не отвѣчалъ, одинъ Мадзини протянулъ руку и два раза повторилъ — “это слишкомъ”. Я не видалъ ни одного лица, не исключая прислуги, которое не приняло бы вѣта ресеніи и не было бы взволновано сознаниемъ, что тутъ паки великія слова, что эта минута вносится въ исторію.

... Я подошелъ къ Гарибальди съ бокаломъ когда онъ говорилъ о Россіи и сказалъ, что его тостъ дойдетъ до друзей нашихъ въ казематахъ и рудникахъ, что я благодарю его за нихъ.

Мы перешли въ другую комнату. Въ корридорѣ понабрались разные лица, вдругъ продирается старикъ итальянецъ, стародавній эмигрантъ, бѣднякъ, дѣлавшій мороженое. Онъ схватилъ Гарибальди за полу, остановилъ его и заливаясь слезами, сказалъ — “ну теперь я могу умереть, я его видѣлъ, я его видѣлъ!” Гарибальди обнялъ и поцаловалъ старика. Тогда старикъ, перебиваясь и путаясь, съ страшной быстротой народнаго итальянскаго языка, началъ рассказывать

Гарибальди свои похождения и заключилъ свою рѣчь удивительнымъ цвѣткомъ южнаго краснорѣчія: “Я теперь умру покойно, а вы—да благославить васъ Богъ—живите долго, живите для нашей родины, живите для насъ, живите пока я воскресну изъ мертвыхъ!” Онъ схватилъ его руку, покрылъ ее поцалунми и рыдая ушелъ вонъ.

Какъ ни привыкъ Гарибальди ко всему этому, но явнымъ образомъ взволнованный, онъ сѣлъ на небольшой диванъ, дамы окружили его, я сталъ возлѣ дивана и на него налетѣло облако тяжелыхъ думъ—но на этотъ разъ онъ не вытерпѣлъ и сказалъ: “Мнѣ иногда бываетъ страшно и до того тяжело, что я боюсь потерять голову... слишкомъ много хорошаго. Я помню, когда изгнанникомъ я возвращался изъ Америки въ Ниццу—когда я опять увидалъ родительскій домъ, нашелъ свою семью, родныхъ, знакомыя мѣста, знакомыхъ людей—я былъ удрученъ счастьемъ... Вы знаете—прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что и что было потомъ, какой рядъ бѣдствій. Пріемъ народа англійскаго превзошелъ мои ожиданія... Что-же дальше? Что впереди?”

Я не имѣлъ ни одного слова успокоенія, я внутренно дрожалъ передъ вопросомъ: *Что дальше, что впереди?*

... Пора было ѣхать. Гарибальди всталъ, крѣпко обнялъ меня, дружески простился со всеми—снова крики, снова ура, снова два толстыхъ полицейскихъ и мы, улыбаясь и просипши на брешу, снова God bless you, Garibaldi for ever—и карета умчалась.

Все остались въ какомъ-то поднятомъ, тихо торжественномъ настроеніи. Точно послѣ праздничнаго богослуженія, послѣ крестить или отъѣзда невесты, у всехъ было полно на душѣ, все перебирали подробности и прямикали въ грозному, безотвѣтному—“А что дальше?”

Князь П. В. Долгорукій первый догадался взять листъ бумаги и записать оба тоста. Онъ записалъ вѣрно, другіе пополнили. Мы показали Мадзини и другимъ, и составили тотъ текстъ (съ легкими и несущественными перемѣнами), который какъ электрическая искра облетѣлъ Европу—вызывая крикъ восторга и ревъ негодованія...

Потомъ уѣхалъ Мадзини, уѣхали гости. Мы остались одинъ съ двумя-тремя близкими и тихо настали сумерки.

— Какъ искренно и глубоко жалѣлъ я, дѣти, что васъ не было съ нами въ этотъ день, такіе дни хорошо помнитъ долгие годы, отъ нихъ свѣжѣетъ душа и примиряется съ изнанкой жизни. Ихъ очень мало...

IV.

26, PRINCESS GATE.

“Что то будетъ?”... Ближайшее будущее не заставило себя ждать.

Какъ въ старыхъ эпопеяхъ, въ то время какъ герой спокойно отдыхаетъ на лаврахъ, пируетъ или спитъ — Раздоръ, Местъ, Зависгъ, въ своемъ парадномъ костюмѣ, сѣзжаются въ какихъ нибудь тучахъ, Местъ съ Зависгю варятъ ядь, куютъ кинжалы, а Раздоръ раздуваетъ мѣха и оглачиваетъ острія. Такъ случилось и теперь, въ приличномъ переложеніи на наши мирно-кроткіе нравы. Въ нашъ вѣкъ все это дѣлается просто людьми, а не аллегоріями; они собираются въ свѣтлыхъ залахъ, а не во “гмѣ ночной”, безъ растрепанныхъ фурій, а съ пудренными лабелями; декорация и ужасы классическихъ поэмъ и дѣтскихъ пантомимъ, замѣнены простой мирной *игрой*—въ крапленныя карты, колдовство—обыденными коммерческими продѣлками, въ которыхъ *честный* лавочникъ клянется продавая какую-то смородиновую ваксу съ водкой, что это ‘портъ’ и при томъ ‘олд-портъ ххх’, зная что ему никто не вѣритъ, но и процесса не сдѣлаетъ, а если сдѣлаетъ, то самъ же и будетъ въ дуракахъ.

Въ то самое время какъ Гарибальди называлъ Мадзини

* “Колоколъ”, No. 177, (1864).

своимъ "другомъ и учителемъ", называлъ его тѣмъ раннимъ, бдящимъ сѣгелемъ, который одиноко стоялъ на полѣ, когда все спало около него и указывая просыпавшимся путь, указалъ его тому равняемому на бой за родину молодому воину, изъ котораго вышелъ вождь народа итальянскаго— въ то время какъ окруженный друзьями, онъ смотрѣлъ на плакавшаго бѣдняка-изгнанника, повторявшаго свое "нынѣ отпущаеши" и самъ чуть не плакалъ— въ то время когда онъ повѣрялъ намъ свой тайный ужасъ передъ будущимъ, какіе то *заговорщики* рѣшили отдѣлаться во что бы ни стало отъ неловкаго гостя и не смотря на то, что въ *заговоръ* участвовали люди состарившіеся въ дипломатіяхъ и интригахъ, послѣдствіе и падшіе на ноги въ каверзахъ и лицемѣріи, они сыграли свою игру, вовсе не хуже честнаго лавочника продающаго на свое *честное* слово смородинную ваксу за Old Port xxx.

Англійское правительство никогда не приглашало и не выписывало Гарибальди, это все вздоръ, выдуманый глубокомысленными журналистами на континентѣ. Англичане, приглашавшіе Гарибальди, не имѣютъ ничего общаго съ министерствомъ. Предположеніе правительственнаго плана также нелѣпо, какъ тонкое замѣчаніе нашихъ кретиновъ о томъ, что Пальмерстонъ далъ Стансфильду мѣсто въ адмиралтействѣ *именно потому*, что онъ другъ Маццини. Замѣйте, что въ самыхъ яростныхъ нападкахъ на Стансфильда и Пальмерстона, объ этомъ не было рѣчи ни въ парламентѣ, ни въ англійскихъ журналахъ, подобная пошлость возбуждала бы такой же смѣхъ какъ обвиненіе Уркуарда, что Пальмерстонъ беретъ деньги съ Россіи. Чамберсъ и другіе спрашивали Пальмерстона не будетъ ли пріѣздъ Гарибальди неприятеlemъ правительству. Онъ отвѣчалъ то, что ему слѣдовало отвѣчать: правительству не можетъ быть неприятеlemъ, чтобы генералъ Гарибальди пріѣхалъ въ Англію, оно съ своей стороны не отклоняетъ его пріѣзда и не приглашаетъ его.

Гарибальди согласился пріѣхать съ цѣлью снова выдвинуть въ Англіи итальянскій вопросъ, собрать на столько денегъ, чтобы начать походъ въ Адриатикѣ и совершившимся фактомъ увлечь Виктора Емануила.

Вотъ и все.

Что Гарибальди будутъ оцѣни — знали очень хорошо приглашавшіе его и всѣ желавшіе его пріѣзда. Но оборотъ, который приняло дѣло въ народѣ, они не ждали.

Англійскій народъ при вѣсти, что человекъ "красной рубашки", что *раненый итальянской пулей* ѣдетъ къ нему въ гости, восторженно и взмахнулъ своими крыльями, отвыкшими отъ полета и потерявшими гибкость отъ тяжелой и непрерывной работы. Въ этомъ взмахѣ была не одна радость и не одна любовь, въ немъ была жалоба, былъ ропотъ, былъ стонъ— въ апотеозѣ одного было порицаніе другимъ.

Вспомните мою встрѣчу съ корабельщикомъ изъ Нью-кестля. Вспомните, что лондонскіе работники были первые, которые въ своемъ адресѣ предиамеренно поставили имя Маццини рядомъ съ Гарибальди.

Англійская аристократія на сію минуту отъ своего могучаго и забитаго недоросля ничего не боится, сверхъ того ея Ахилловы пята вовсе не со стороны европейской революціи. Но все же ей былъ крайне неприятеlemъ характеръ, который принимало дѣло. Главное что коробило народныхъ пастырей въ мирной агитаціи работниковъ, это то, что она выводила ихъ изъ достодолжнаго строя, отвлекала ихъ отъ доброй, правдивой и притомъ безвыходной заботы о хлѣбѣ насущномъ, отъ пожизненнаго hard labor, на который не они его приговорили, а нашъ общій фабрикантъ, our Maker, богъ Шефсбюри, богъ Дерби, богъ Сутерландовъ и Девоншировъ— въ несповѣдимой премудрости своей и нескончаемой благости.

Настоящей англійской аристократіи разумѣется и въ голову не приходило изгонять Гарибальди; напротивъ, она хотѣла утѣнить его въ себя, закрыть его отъ народа золотымъ облакомъ, какъ закрывалась волоокая Гера, забавляясь съ

Зевсомъ. Она собиралась заласкать его, закормить, запить его, не дать ему придти въ себя, опомниться, остаться минутѣ одному. Гарибальди хочетъ денегъ—много ли могутъ ему собрать, осужденные благостью нашего "фабриканта", фабриканта Шефсбюри, Дерби, Девоншира на тихую и благословенную бѣдность? Мы ему набросаемъ полмилліона, милліонъ франковъ, полпары за лошадь на Эпсомской скачкѣ, мы ему купимъ—

Деревню, дачу, домъ,

Сто тысячъ чистымъ серебромъ.

Мы ему купимъ остальную часть Капреры, мы ему купимъ удивительную яхту, онъ такъ любитъ кататься по морю—а чтобы онъ не бросилъ на вздоръ деньги (подъ вздоромъ разумѣется освобожденіе Италіи) мы сдѣлаемъ маіоратъ, мы предоставимъ ему пользоваться рентой*.

Всѣ эти планы приводились въ исполненіе съ самой блестящей постановкой на сцену, но удавались мало. Гарибальди точно мѣсяцъ въ ненастную ночь, какъ облака ни надвигались, ни торопились, ни чередовались— выходилъ свѣтлый, ясный и свѣтилъ къ намъ внизъ.

Аристократія начала нѣсколько конфузиться. На выручку ей явились *дѣльцы*. Ихъ интересы слишкомъ скоротечны, чтобы думать о нравственныхъ послѣдствіяхъ агитаціи, имъ надобно владѣть минутой, кажется одинъ Цезарь поморщился, кажется другой насупился—какъ бы этимъ не воспользовались торя... и то Стансфильдова исторія вотъ гдѣ сидитъ.

Но счастью въ самое это время Кларендону занудилось попилиринствовать въ Тюльри. Пужда была небольшая, онъ тотчасъ возвратился. Наполеонъ говорилъ съ нимъ о Гарибальди и изъявилъ свое удовольствіе, что англійскій народъ чтитъ великихъ людей. Другіе де Люисъ говорилъ, т. е. онъ ничего не говорилъ, а если бы онъ заикнулся—

и близъ Кавказа рождена,

Civis romanus sum!

Австрійскій посолъ даже и не радовался приему—*умасливилъ* генерала. Все обстояло благополучно. А на душѣ-то кошки—кошки.

Не спится министерству; шепчется "первый" съ вторымъ, "второй" съ другомъ Гарибальди, другъ Гарибальди съ родственникомъ Пальмерстона, съ лордомъ Шефсбюри и съ еще большимъ его другомъ Силли, Силли шепчется съ операторомъ Фергусономъ—испугался Фергусонъ, ничего не боявшійся за ближняго и пишетъ письмо за письмомъ о болѣзни Гарибальди. Прочитавши ихъ, еще больше хирурга испугался Гладстонъ. Кто могъ думать, какая пропасть любви и состраданія лежитъ иной разъ подъ портфелемъ министра финансовъ?...

... На другой день послѣ нашего праздника поѣхалъ я въ Лондонъ. Беру на желѣзной дорогѣ вечернюю газету и читаю большими буквами "Болѣзнь генерала Гарибальди", потомъ вѣсть, что онъ на дняхъ ѣдетъ въ Капреру, *не замѣшая ни въ одинъ городъ*. Не будучи ни такъ нервно чувствителенъ какъ Шефсбюри, ни такъ тревожливъ за здоровье друзей какъ Гладстонъ, я нисколько не обеспокоился газетной вѣстью о болѣзни человека, котораго вчера видѣлъ совершенно здоровымъ—конечно, бываютъ болѣзни очень быстрыя, императоръ Павелъ на пр. хирѣлъ не долго, но отъ *апоплексическаго* удара Гарибальди былъ далекъ, а если бы съ нимъ что и случилось, кто нибудь изъ общихъ друзей далъ бы знать. А потому не трудно было догадаться, что это выкинута какая то штука, un coup monté.

Вѣхъ къ Гарибальди было поздно. Я отправился къ Маццини и не засталъ его, потомъ къ одной дамѣ, отъ которой узналъ главные черты министерскаго состраданія къ болѣзни великаго человека. Туда пришелъ и Маццини,

* Какъ будто Гарибальди просилъ денегъ для себя. Разумѣется онъ отказался отъ приданаго англійской аристократіи, даннаго на такихъ нелѣпныхъ условіяхъ къ крайнему огорченію *политическихъ* журналовъ, рассчитавшихъ грошъ въ грошъ сколько онъ увезетъ на Капреру.

такимъ я его еще не видалъ, въ его чертахъ, въ его голосѣ были слезы.

Изъ рѣчи сказанной на второмъ митингѣ на Прироузъ Гилъ Шеномъ можно знать en gros какъ было дѣло. “Заговорщики” были имъ названы и обстоятельства описаны довольно вѣрно. Шефсбюри прѣзжалъ совѣтоваться съ Силли; Силли, какъ дѣловой человѣкъ, тотчасъ сказалъ, что необходимо письмо Фергусона, Фергусонъ, слишкомъ учтивый человѣкъ, чтобы отказать въ письмѣ. Съ нимъ то въ Воскресенье вечеромъ, 17 Апрѣля, явились заговорщики въ Стаффордъ гаусъ и возлѣ комнаты, гдѣ Гарибальди спокойно сидѣлъ, не зная ни того что онъ такъ болѣнъ, ни того, что онъ ѣдетъ, въ виноградъ—сговаривались что дѣлать. Наконецъ храбрый Гладстонъ взялъ на себя трудную роль и пошелъ въ сопровожденіи Шефсбюри и Силли въ комнату Гарибальди. Гладстонъ заговаривалъ цѣлые парламенты, университеты, корпораціи, депутации, мудро ли было заговорить Гарибальди, изъ тому же онъ рѣчь велъ на итальянскомъ языкѣ, и хорошо сдѣлалъ, потому что четвергомъ говорилъ безъ свидѣтелей. Гарибальди ему отвѣчалъ сначала “что онъ здоровъ”, по министръ финансовъ не могъ принять случайный фактъ его здоровья за оправданіе и доказывалъ по Фергусону, что онъ болѣнъ, и это съ документомъ въ рукѣ. Наконецъ Гарибальди догадавшись, что нѣжное участіе прикрываетъ что то другое, спросилъ Гладстона, “значитъ ли все это, что они желаютъ, чтобы онъ ѣхалъ?” Гладстонъ не скрылъ отъ него, что присутствіе Гарибальди во многомъ усложняетъ трудное безъ того положеніе. “Въ такомъ случаѣ я ѣду”.

Смягченный Гладстонъ испугался слишкомъ замѣтнаго успѣха и предложилъ ему ѣхать въ два-три города, и потомъ отправиться въ Капреру.

— Выбирать между городами я не умѣю—отвѣчалъ оскорбленный Гарибальди—и даю слово что черезъ два дня уѣду.

.. Въ понедѣльникъ была интерпелация въ парламентѣ. Внутренній старичекъ Пальмерстонъ въ одной и быстрой пилгримъ Кларендонъ въ другой палатѣ, все объяснилъ по чистой совѣсти. Кларендонъ удостовѣрилъ перовъ, что Наполеонъ вовсе не требовалъ высылки Гарибальди. Пальмерстонъ, съ своей стороны, вовсе не желалъ его удаленія. Онъ только беспокоился о его здоровьи... и тутъ онъ вступилъ во всѣ подробности, въ которыя вступаетъ любящая жена или врачъ присланный отъ страхового общества—о часахъ сна и обѣда, о послѣдствіяхъ рапы, о діетѣ, о волненіи, о лѣтахъ. Засѣданіе парламента сдѣлалось консультаціей лекарей. Министръ ссылался не на Чагана и Кембеля, а на лекаря и Фергусона, помогавшаго ему въ этой трудной операціи.

Законодательное собраніе рѣшило, что Гарибальди болѣнъ. Города и села, графства и банки управляютъ въ Англіи по собственному крайнему разумѣнію. Правительство, ревниво отталкивающее отъ себя всякое подозрѣніе въ вмешательствѣ, позволяющее ежедневно умирать людямъ съ голоду—боясь ограничить самоуправленіе рабочихъ домовъ, позволяющее морить на работѣ и крестнизировать цѣлыя населенія—вдругъ дѣлается болѣничной сидѣлкой, лядькой. Государственные люди бросаютъ кормило великаго корабля и шушукуются о здоровьи человѣка, не просящаго ихъ о томъ, прописываютъ ему безъ его спроса Атлантическій океанъ и Сутерландскую “Удину”, министр финансовъ забываетъ балансъ, income tax, debit и credit, и ѣдетъ на консилиумъ. Министръ министровъ докладываетъ этотъ патологическій казусъ парламенту. Да-неужели самоуправленіе желудка и ногами меньше свято чѣмъ произволъ богоугодныхъ заведеній, служаннхъ введеніемъ въ кладбище?

Давно ли Станфильдъ пострадалъ за то, что служа королевѣ, не считалъ обязанностью поссориться съ Мадчини. А теперь самые мѣстные министры пишутъ не адреса, а рецепты и хлопочутъ изъ всѣхъ силъ о сохраненіи дней такого же революціонера какъ Мадчини?

Гарибальди долженъ былъ усомниться въ желаніи правительства, изъявленномъ ему слишкомъ горячими друзьями его—и остаться. Развѣ кто нибудь могъ сомнѣваться въ истинѣ словъ перваго министра, сказанныхъ представителямъ Англіи, ему это совѣтовали всѣ друзья—“Слова Пальмерстона не могутъ развязать моего честнаго слова”, отвѣчалъ Гарибальди и велѣлъ улаживаться.

Это Сольферино!

Бѣлинскій давно замѣтилъ, что секретъ успѣха дипломатовъ состоитъ въ томъ, что они съ нами поступаютъ какъ съ дипломатами, а мы съ дипломатами какъ съ людьми.

Теперь вы понимаете, что однимъ днемъ позже и нашъ праздникъ и рѣчь Гарибальди, его слова о Мадчини не имѣли бы того значенія.

... На другой день я поѣхалъ въ Стаффордъ гаусъ и узналъ, что Гарибальди переѣхалъ къ Силли, 26 Princess Gate, возлѣ Кензлтонскаго сада. Я отправился въ Princess Gate; говорить съ Гарибальди не было никакой возможности, его не спускали съ глазъ, человѣкъ двадцать гостей, ходило, сидѣло, молчало, говорило въ залѣ, въ кабинетѣ. “Вы ѣдете?” сказалъ я и взялъ его за руку. Гарибальди пожалъ мою руку и отвѣчалъ печальнымъ голосомъ: “Я покоряюсь необходимости (je plie aux nécessités)”

Онъ куда то ѣхалъ; я оставилъ его и пошелъ внизъ, тамъ засталъ я Саффи, Гверцони, Мордини, Ричардсона, всѣ были внѣ себя отъ отъѣзда Гарибальди. Возшла Mme Силли и за ней пожилая, худенькая, подвижная француженка, которая адресовалась съ чрезвычайнымъ краснорѣчіемъ къ хозяйкѣ дома, говоря о счастіи познакомиться съ такою *personne distinguée*. Mme Силли обратилась къ Станфильду, прося его перевести въ чемъ дѣло. Француженка продолжала: “Ахъ боже мой, какъ я рада, это вѣрно вашъ сынъ, позвольте мнѣ ему представиться”. Станфильдъ разувѣрилъ француженку, не замѣтившую что Mme Силли одна изъ съ нимъ лѣтъ и просилъ ее сказать что ей угодно. Она бросила взглядъ на меня (Саффи и другіе ушли) и сказала “мы не одни”. Станфильдъ назвалъ меня. Она тотчасъ обратилась съ рѣчью ко мнѣ и просила остаться, но я предпочелъ ее оставить въ tête à tête съ Станфильдомъ и опять ушелъ на верхъ. Черезъ минуту пришелъ Станфильдъ съ какимъ то врюкомъ или рванью. Мужъ француженки изобрѣлъ его и она хотѣла одобренія Гарибальди.

Послѣдніе два дня были смутны и печальны. Гарибальди избѣгалъ говорить о своемъ отъѣздѣ и ничего не говорилъ о своемъ здоровьи... во всѣхъ близкихъ онъ встрѣчалъ печальный упрекъ. Душно было у него на душѣ, но онъ молчалъ.

Наканунѣ отъѣзда, часа въ два, я сидѣлъ у него, когда пришли сказать, что въ пріемной уже тѣсно. Въ этотъ день представлялись ему члены парламента съ семействами и разная nobility и gentry, всего по “Теймсу” до двухъ тысячъ человѣкъ, это было Grande levée, царскій выходъ, да еще такой, что не только король виртембергскій, но и прусскій вридь натянетъ ли, безъ профессоровъ и унтеръ-офицеровъ.

Гарибальди всталъ и спросилъ неужели пора? Станфильдъ который случился тутъ, посмотрѣлъ на часы и сказалъ: “Еще минути пять есть до назначеннаго времени”. Гарибальди вздохнулъ и весело селъ на свое мѣсто. Но тутъ приѣхалъ фактотумъ и сталъ распорядиться гдѣ поставить диванъ, въ какую дверь входить, въ какую выходить—“Я уйду”, сказалъ я Гарибальди. “За чѣмъ, оставайтесь”.—Что же я буду дѣлать?—“Могу же я, сказалъ онъ улыбаясь, оставить одного знакомаго, когда принимаю столько незнакомыхъ”.

Отворились двери; въ дверяхъ сталъ импровизированный церемонімейстеръ съ листомъ бумаги и началъ громко читать какой то адрессъ-календаръ—The right honorable so and so—honorable—esquire—lady—esquire—lordship—Misses—esquire—m. p.—m. p.—m. p. безъ конца. При

каждомъ имени врывались въ дверь и потомъ покойно плыли старыя и молодыя кринолины, аэролаты, съдья головы и головы безъ волосъ, крошечные и толстенькіе старички-крѣпыши и какіе то худые жирафы, безъ заднихъ ногъ, которые до того вытянулись и постарались вытянуться еще, что какъ то подпирали верхнюю часть головы на огромные желтые зубы... каждый имѣлъ три, четыре, пять дамъ, и это было очень хорошо, потому что онѣ занимали мѣсто пятидесяти человѣкъ, и такимъ образомъ спасали отъ давки. Всѣ подходили по очереди къ Гарибальди, мужчины трясли ему руку съ той силой, съ которой это дѣлаетъ человѣкъ попавши пальцемъ въ кипятокъ, иныя при этомъ что то говорили, большая часть мычала, молчала и откланивалась. Дамы тоже молчали, но смотрѣли такъ страстно и долго на Гарибальди, что въ нынѣшнемъ году навѣрное въ Лондонѣ будетъ урожай дѣтей съ его чертами, а такъ какъ дѣтей и теперь ужъ водятъ въ такихъ же красныхъ рубашкахъ какъ у него, то дѣло станетъ только за платьемъ.

Откланивавшіеся плыли въ противоположную дверь, открывавшуюся въ залу и спускались по лѣстницѣ; болѣе смѣлые не торопились, а старались побыть въ комнатѣ.

Гарибальди сначала стоялъ, потомъ сѣлся и вставалъ, наконецъ просто сѣлъ. Нога не позволяла ему долго стоять, конца приему нельзя было и ожидать... кареты все подъѣзжали... церемоніи-мейстеръ все читалъ памятки.

Грянула музыка *horse guard* овъ, я постоялъ, постоялъ и вышелъ сначала въ залу, а потомъ вмѣстѣ съ потокомъ кринолиновыхъ волнъ достигъ до каскады и съ нею очутился у дверей комнаты, гдѣ обыкновенно сѣдѣли Саффи и Мордини. Въ ней никого не было, на душѣ было смутно и гадко; что все это за фарс, эта высылка съ позолотой и рядомъ эта комедія царскаго приема? Усталый бросился я на диванъ, музыка играла изъ Лукреціи, и очень хорошо, я сталъ слушать—Да, да, *Non curiamo l'incerto domani*.

Въ окно былъ виднѣнъ рядъ каретъ; эти еще не подѣхали, вотъ двинулась одна и за ней вторая, третья, опять остановка и мнѣ представилось какъ Гарибальди, съ раненой рукой, усталый, печальный сидитъ, у него по лицу идетъ туча, этого никто не замѣчаетъ, и все плывутъ кринолины, и все идутъ *right honorable*—сѣдые, плѣшивые, скулы, жирафы...

... Музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, не знаю какъ это случилось, но я заснулъ, кто то отворилъ дверь и разбудилъ меня... музыка гремитъ, кареты подъѣзжаютъ, конца не видать... они въ самомъ дѣлѣ его убьютъ!

И пошелъ домой.

На другой день, т. е. въ день отъѣзда, я отправился къ Гарибальди въ семь часовъ утра, и нарочно для этого ночевалъ въ Лондонѣ. Онъ былъ мраченъ, отрывистъ, тутъ только можно было догадаться, что онъ привыкъ къ начальству, что онъ былъ желѣзнымъ вождемъ на полѣ битвы и на морѣ.

Его поймалъ какой то господинъ, который привелъ сапожника-изобрѣтателя обуви съ желѣзнымъ снарядомъ для Гарибальди. Гарибальди сѣлъ самоотверженно на кресло—сапожникъ въ потѣ лица надѣлъ на него свою колодку, потомъ заставилъ его потопать и походить, все оказалось хорошо.—“Что ему подобно заплатить?”—спросилъ Гарибальди.—“Почилунте, отвѣчалъ господинъ, вы его осчастливите припавши”. Они отретировались.

—“На дняхъ это будетъ на вывѣскѣ”, замѣтилъ кто то, а Гарибальди съ умоляющимъ видомъ сказалъ молодому человѣку, который ходилъ за нимъ: “Бога ради, избавьте меня отъ этого снаряда, мочи нѣтъ больно”. Это было ужасно смѣшно.

За тѣмъ явились аристократическія дамы—менѣе важныя толпой ожидали въ залѣ.

Я и Огаревъ мы подошли къ нему. “Прощайте”, сказалъ я. “Прощайте и до свиданья въ Капрерѣ”. Онъ обнялъ меня, сѣлъ, протянулъ намъ обѣ руки и голосомъ, который такъ и

рѣзнулъ по сердцу, сказалъ: “Простите меня, простите меня, у меня голова кругомъ идетъ, приѣзжайте въ Капреру”. И онъ еще разъ обнялъ насъ.

Гарибальди послѣ приема собирался ѣхать на свиданье съ дюкомъ Вельскимъ въ Стаффордъ гаузъ.

Мы вышли изъ воротъ и разошлись. Огаревъ пошелъ къ Мадзини, я къ Ротшильду. У Ротшильда въ конторѣ еще не было никого. Я вошелъ въ таверну св. Павла и тамъ не было никого... я спросилъ себѣ ромстекъ, и сѣдя совершенно одинъ, перебиралъ подробности этого “сновидѣнія въ весеннюю ночь”...

— Ступай великое дитя, великая сила, великій юродивый и великая простота. Ступай на свою скалу, плебей въ красной рубашкѣ и король Лиръ!—Гонимыя тебя гонить, оставь ее, у тебя есть бѣдная Корделія, она не разлюбитъ тебя и не умретъ! Четвертое дѣйствіе кончилось...

Что то будетъ въ пятомъ?

И—гъ.

15 Мая 1864.

СМѢСЬ.

— *Свиданье въ Ниццѣ.* — Ненужныя, унижительныя для Петербурга, неприятныя для Франціи ничего вельзя было выдумать какъ неумѣстную, изкупительную поѣзду императора Александра II въ Ниццу. *Fiasco* полное. Наполеонъ поѣхалъ изъ учтивости Александръ далъ солдатамъ по Станиславу и разъѣхались. “*Globe*” превосходно замѣтилъ, что еслибъ Наполеонъ спросилъ Александра что всего больше его удивило во Франціи, ему пришлось бы сказать, какъ нѣкогда отвѣчалъ Дожь французскому королю: “*То, что я здѣсь*”.

— *Русскія денги, польскія денги.* — “Моск. Вѣдомости” No. 215, сообщаютъ очень интересныя новости о хозяйственныхъ дѣлахъ газеты “*Le Nord*”. Онѣ говорятъ, “что “*Le Nord*” основанъ на русскія денги и продолжаетъ свое существованіе благодаря ежедневнымъ пособіямъ изъ Россіи”. Скажите пожалуйста, мы все думали, что “*Le Nord*” журналъ независимый, онъ самъ не разъ говорилъ объ этомъ! Съ чего же Катковъ взялъ это?

Le Nord, не зная ничего объ этомъ, за него-же вступился противъ Шедо-Ферроти и разсказалъ какъ московскій университетскій совѣтъ, на смѣхъ Головинну, отослалъ назадъ имъ рекомендованную книгу, находя ее вредной. Жаль, что первый геройскій шагъ университетской оппозиціи такъ реакціоненъ. Видно отъ великаго также близко къ гадкому, какъ и къ смѣшному.

— Въ 216 No. “Моск. Вѣдом.” напечатана слѣдующая загадка о книгѣ Шедо Ферроти, надѣлавшей столько шуму по инвалидной командѣ и полицейскому вѣдомству: “Книга эта дѣйствительно замѣчательна своею наглостію, но оцѣнить ее можно только приблизительно, справясь въ редакціяхъ нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, сколько имъ платили въ минувшемъ году польская партія, чтобы унижать подобнымъ образомъ русский народъ и превозносить поляковъ, разумѣется не останавливаясь для сего ни предъ истиной, ни предъ презрѣніемъ всѣхъ благомыслящихъ людей”. Что все это значитъ?

— *Нравы молодежи исправляются.* — Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ “Библиотеки для чтенія”, мы съ великимъ удовольствіемъ прочли, что г. Н., одинъ изъ “нашихъ молодыхъ людей, посланныхъ или поѣхавшихъ за границу для настоящихъ занятій, возвращается съ магистерской диссертациею о правѣ наказанія. Онъ будетъ защищать это право”.

— Въ общій фондъ присланы въ послѣднее время черезъ г. Тхоржевскаго, отъ Р. Е. пятьдесятъ четыре фунта и одинъ фунтъ. Сверхъ того поступили отъ князя П. В. Долгорукова двадцать два фунта.

— *Слѣдующій 192 листъ Колокола выйдеть 1 Декабря.*

Отпечатано въ Волной Русской Типографіи — *Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.*

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM,

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ.
Цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной
Русской Типографіи — Jessamine Cottage,
New Hampton, Middlesex.

ЛИСТЬ 192.

1 ДЕКЯВРЯ 1864.

У Трибнера & Со. въ книжной лавкѣ,
60, Paternoster Row, и у Tchorzowski,
1, Macclesfield Street, Gerrard Street, Soho,
London, W. Price sixpence.

ОГЛАВЛЕНІЕ.—Что-же дальше?—Оноздѣшнее письмо. Смѣсь: Къ злодѣйствамъ въ сумскомъ уездѣ—

“Колоколъ” на 1865 годъ—Объявленія—Общій фондъ.

ЧТО ЖЕ ДАЛЬШЕ?

Борьба Польши съ Россіей, одна изъ самыхъ страшныхъ трагедій въ исторіи. Мы ее досмотрѣли съ тѣмъ ужасомъ, съ которымъ человѣкъ съ берега наблюдаетъ, шагъ за шагомъ, крушеніе корабля, на которомъ плывутъ близкіе ему люди... и на душу падала больше и больше та глухая, тяжелая, подавляющая боль, которая сопровождаетъ совершеніе всякаго безвыходнаго несчастія. А борьба эта была *безвыходна*... Бой могъ не завязываться, завязаться иначе, въ другое время, но когда однажды онъ вспыхнулъ, спасенія не было, да не было и выбора со стороны Польши. Какой то грозный архангелъ стоялъ за польскими бойцами, не позволяя отступить и указывая имъ то на близкую земную помощь и лавровый вѣнокъ, то на вѣчную награду и мученическую ореолу.

Сила одолѣла. Польша измученная, исходящая кровью, опустила мечъ, но и теперь когда смерть носится передъ ее глазами, она высоко держитъ свое знамя, костепьющими руками и продолжаетъ вѣрить въ помощь родственнаго ей Запада и въ небесную помощь.

Побѣды надъ несчастіемъ тяжелы. Самъ Петербургъ не радуется, не торжествуетъ. Злоба, уже падающая теперь, скоро замѣнится темнымъ сознаніемъ, что совершились страшныя судьбы, страшныя событія, которыхъ ни порицать, ни праздновать нельзя, по которымъ *обязываютъ обѣ стороны къ другому будущему* и прежде всего къ крѣпкой думѣ.

Польскія и русскія статьи и брошюры послѣдняго времени неудовлетворительны, ихъ грань мелка, имъ не дорога правда. Въ однихъ неукротимое раздраженіе, въ другихъ безконечныя пересуды, пустая болтовня праздныхъ на мѣстѣ несчастія, полицейское слѣдствіе, процессъ обѣихъ сторонъ и скучныя антикварскія диссертациі. Какъ будто дѣла въ исторіи рѣшаются судейскими приговорами и живыя событія ищутъ себѣ оправданіе ex fontibus. Пора вынырнуть изъ дикихъ возгласовъ и дипломатическихъ тонкостей, изъ историческаго

права и паглости права сильнаго, пора оставить обязательныя фразы, угрозы, ругательства и взглянуть прямо въ глаза фактической истинѣ и послѣдному результату. Скажемъ больше, пора самой искренней горести, самому святому сѣтованію принять больше мужественную форму. Нельзя вѣчно оставаться плакальщиками на кладбищѣ. Жизнь и сила не удовлетворяются ни плачемъ и сѣтованіемъ, ни ненавистью и бранью, имъ надобно пониманье и дѣло. Искренняя слеза прошедшему и твердый взглядъ впередъ, *Le roi est mort—vive le roi!* Это крикъ всей природы, всего живаго—мы говорили это въ стану другихъ побѣжденныхъ и повторяемъ теперь.

Насъ оскорбляетъ, что дѣла идутъ не по нашей программѣ, что пути ихъ не разумны, не чисты; взволнованные рядомъ жертвъ и злодѣйствъ, мы забываемъ что они все-же *идутъ*. Исторія не создается a priori, не творится изъ одной мысли. Разумъ не имѣетъ столько власти надъ фактами, чтобъ заправлять ими, не приписывая постоянно въ расчетъ *событій совершившихся*—они составляютъ необходимую базу его операций. Элементы не создаются ни въ исторіи, ни въ химіи, ихъ надобно брать какъ они есть, имъ надобно подчиняться для того, чтобъ надъ ними властвовать. Только въ этомъ сочетаніи фактическаго матеріала съ сознательнымъ идеаломъ и состоитъ историческое дѣяніе.

Польскій вопросъ, такъ какъ онъ ставился съ 1831 года, врядъ можетъ-ли ставиться въ будущемъ—но не видно-ли изъ за него цѣлаго ряда другихъ вопросовъ, выдвигающихъ на первый планъ Славянскую федерализацію, въ которой сохранится народъ польскій и распустился имперія всероссійская въ равноправномъ *славянскомъ союзѣ*? Казенные патріоты кричатъ съ ужасомъ о *сепаратизмѣ*, они боятся за Русскую имперію, они чуютъ въ освобожденіи частей отъ старой связи и въ федеральномъ ихъ соединеніи конецъ самодержавію...

... При словѣ *союза, федераціи славянъ*, мы предвидимъ тотъ взрывъ негодованія и возгласовъ людей практическихъ, паторѣлыхъ дѣльцовъ, который встрѣчалъ, нѣкогда, наши

слова "о правѣ на землю, объ общинномъ владѣніи"—до тѣхъ поръ пока, такъ или иначе, то и другое не было признаваемо самимъ правительствомъ. Мы не боимся ихъ канцелярской мудрости, послѣдніе годы показали ясно мѣру способностей людей ничего невидящихъ дальше своего носа и за то очень подробно знающихъ то что у нихъ передъ носомъ. Что поняли, предвидѣли, предупредили, отравили министры всѣхъ дворовъ и при всѣхъ дворахъ всей Европы—въ Польскомъ, Датскомъ, Итальянскомъ вопросахъ? А ужъ конечно Росселей и Пальмерстоновъ нельзя назвать идеологами.

Надъ идеологами любить смѣяться Наполеоны, что имъ не мѣшаетъ лѣтъ черезъ десять исполнить ихъ программу.

Славянскій міръ идетъ къ федеральному союзу, по дорогѣ его останавливаютъ двѣ имперіи, одна ужъ всѣми елементами "посвящена богомъ", другая кажется сильной и молодой. Но не она сильна и молода, а народъ русскій, съ неустоявшимися и съ полупроснувшимися силами своими. Мы не вѣримъ, чтобы кто нибудь могъ серьезно принимать временную государственную форму, которой Россія управлялась послѣдніе полтора столѣтія, за окончательную и вѣковѣчную. Императорство русское представляетъ общій, западный, военный деспотизмъ, въ самой грубой, наглой формѣ, съ примѣсью деспотизма восточнаго. Это диктатура въ европейскомъ смыслѣ слова и завоевательная азіатская династія. Постоянная революція по мимо воли народнои, постоянное усмиреніе всякаго свободнаго стремленія. У него нѣтъ законовъ, а разныя мѣры; у него нѣтъ собственно родины, петербургское императорство *дошло умомъ* до необходимости быть національнымъ—въ продолженіи полутора столѣтій оно было до того чужое народу, что дворянство, желая входить на него, старалось быть наименѣе русскимъ. Одна нѣмецкая религія *des Staates*, государства, могла у насъ развить петербургскій патріотизмъ. Одна ненависть къ полякамъ могла привести славянофиловъ къ идолопоклонству передъ нѣмецкой имперіей—прежде они ясно понимали всю невозможность народнаго развитія съ этимъ ядромъ на ногахъ. Въ самомъ титулѣ, которымъ императоры называли себя въ сношеніяхъ съ Европой, проглядываетъ сознаніе, что Цеская имперія не единое, органическое цѣлое, а какое то скученіе—*de toutes les Russies*. Потому то мы и привѣствуемъ все что можетъ освободить *всю Россію* отъ смычки, на которой ихъ пасло самодержавіе со временъ Петра.

Послѣ освобожденія крестьянъ *внутренній* смыслъ императорства утратился и можетъ за нимъ осталось одно *внѣшнее*, кровавое дѣло.

Трагедіей 1863—'64 г. ничего не разрѣшилось, ничего не окончилось. Ею, какъ Шекспировымъ Іоанномъ, не замыкается, а начинается длинная эпопея, которой конца мы не увидимъ. Она ставитъ насъ наканунѣ огромнаго столкновенія, которое предвидѣли многіе, выходя съ самыхъ противоположныхъ сторонъ, и надъ которыми смѣялись и смѣются дипломаты, доктринеры и вообще умные дураки и глупые резонеры.

Съ Польшей, ратующей за независимость и католицизмъ, съ Польшей рыцарской и набожной, демократической и революціонной, *побито чѣмъ то другимъ передовое войско Западной Цивилизаціи*, ея *guardia mobile*. Польша служила плотинкой, въ которую ударялось русское море, она сдерживала его. Теперь оно надвинулось и ближе подступило къ *плотинамъ*,

стоящимъ на славянской землѣ. Въстѣ съ тѣмъ просасывается и подымается съ низменныхъ мѣстъ другая Польша, Польша отстраненная, бѣдная, крестьянская и занимаетъ мѣсто Польши *отсутствующей*, сосланиой въ Сибирь, ушедшей на чужбину, легкой костью за независимость.

Съ старой Польшей, съ *Польшей польской* выбываетъ окончательно рыцарскій элементъ изъ европейской жизни. Пора было ему распустились въ городскомъ мѣщанствѣ и армейской демократіи—въ ожиданіи больше человѣческихъ превращеній, но нельзя же его не пожалѣть. Польша представляла рыцарскую традицію въ новомъ строѣ европейскихъ народовъ, въ ея сочетаніи съ традиціей революціонной. Полная старостью и юностью, полная идеаломъ, героизмомъ, католицизмомъ, она касалась разомъ среднихъ вѣковъ и 1789 года, крестовыхъ походовъ и великой арміи. Въ то время когда западные народы, охлажденные долгою жизнію, больше и больше бросали мечты и предавались купеческому дѣлу, одинъ народъ продолжалъ жить дворяниномъ и торопился жертвовать кровью, дѣтьми, достояніемъ—за возстановленіе родины, во всѣхъ лучахъ ея минувшей славы. Побитый силой, полякъ уносилъ свое *право* за предѣлы родины и продолжалъ свою борьбу. Польская эмиграція была съ 1831 года какимъ то потерявшимся на чужбинѣ и уцѣлѣвшимъ остаткомъ иного міра; въ ней середѣ XIX вѣка встрѣчались странствующие рыцари, полочники—съ характеромъ который мы знаемъ изъ легендъ и съ прибавкой нашей размашистой славянской распушенности. Конечно, ни нѣмецкій ритеръ и баронъ съ своимъ юнкерствомъ, ни французскій дворянинъ въ демократіи, ни допотопный англійскій торн, держащійся однимъ богатствомъ, не спасутъ отходящій элементъ—послѣднимъ представителемъ котораго остается польскій выходецъ, этотъ пилигримъ-воинъ, "безпрерывно возвращающійся" къ святымъ гробамъ своихъ отцовъ и, съ двумястами товарищами, объявляющій войну шестой части земнаго шара. Возвращался онъ съ восторженной вѣрой, съ несбыточными надеждами, возвращался онъ съ мрачнымъ отчаяніемъ, заявляя права своей родины и складывая голову за это заявленіе. Въ этомъ актѣ полной преданности заключается все христіанское значеніе рыцарства и все рыцарское Польши.

Для поляковъ отчаяніе было новой силой, опасность новымъ вдохновеніемъ. Во всей польской поэзіи послѣднихъ десятилѣтій бродятъ страшныя пророчества, повторяются страшныя слова, звучитъ мрачная, но фанатическая и крѣпкая струна, она вызвала мессіанизмъ и тоянищизну, она воспитала цѣлыя поколѣнія на *религіи смерти*, на вѣрованіи, что Польша живая или мертвая—призвана на жертву искупленія за другіе народы, за грѣхи былаго. Земные идеалы блѣднѣютъ у Красинскаго передъ идеаломъ народа-мученика, знающаго свою участь и благословляющаго его. Только такое настроеніе могло создать типы новыхъ Ііубей и Пфигеній... эти великіе траурные типы польской матери, жены, дочери, типы до того всеяющіе уваженіе, что грязное копыто русской полиціи и сквернословіе русской журналистики не оставили ни малѣйшаго пятна на черномъ мраморѣ этихъ *Esse Mulier*... Того кто видѣлъ рядомъ съ вдовой, съ состарившимися отъ слезъ глазами, осьмнадцатилѣтняго ребенка съ чахоткой на лицѣ, растерявшихъ половину своихъ, и безропотно провожающихъ на гибель остальныхъ—пойметъ насъ. Не "народъ въ траурѣ", какъ сказалъ Монталамберъ, а "народъ въ муче-

ничества", народъ на Голгоѣ. Выше этой преданности, этой любви и жертвы жизнь человѣческая ничего не имѣетъ... Оттого то ореолъ распинаемаго народа дѣлаетъ чудеса, одна она могла бросить послѣдній лучъ, кроткій и человѣческій на тонущій въ мракъ и старчество Ватиканъ, освѣщая Папу, окруженнаго кардиналами и архіереями и благословляющаго рукою св. Петра возставшій за свою независимость народъ...

За тѣмъ *consomatum est* начинаются новыя судьбы. На мѣста убитыхъ, на мѣста женщинъ въ траурѣ, гордыхъ пановъ и беспокойной шляхты, садится петровская голь и Пугачевъ, пѣна и осадокъ Петербурга. Такъ какъ за польскимъ повстанцемъ видѣется Напа, Наполеонъ, европейскій консерватизмъ и европейская революція — вся армія Западной цивилизаціи — такъ за нѣмецкими генералами, за правительственными нивелерами, за чиновниками, гвардейцами, казаками въ Польшѣ, видѣется несмѣтная масса народа русскаго — съ необъятнымъ горизонтомъ какъ море и съ однимъ уровнемъ какъ оно. Какой-то міръ съ чужой цивилизаціей на поверхности, стремящійся къ своей, которой еще нѣтъ и которая должна соответствовать его быту, міръ, несущій силу и способность, а не заработки, міръ черный, полевой, земледѣльческій, съ примѣсью "туранской" и всяческой крови, міръ общинный, совершенно противоположный городскому міру западной Европы и дружинному, панскому, шляхетскому міру старой Польши.

Кто не помнитъ оперу Глинки?

... Съ одной стороны великорусское село, міръ въ сборѣ — мужички толкуютъ о земскомъ дѣлѣ, о земской бѣдѣ... поются унылыя пѣсни хоромъ, тишина, бѣдность, грусть и въ то-же время готовность постоять за свою землю. Съ другой польская ставка, все несется въ мазуркѣ, шпоры гремятъ, сабли гремятъ, приотпыываютъ каблучки. Вотъ гордый панъ столыникъ, какъ его описывалъ Мицкевичъ, высокомерно взглянулъ на соперниковъ, дотронулся до шапки и пошелъ и пошелъ... а за ставкой опять поля, поля, избушки на косогорѣ, дымящіяся овны, тихой хороводъ подъ безконечную пѣсню... и мужичекъ оттачивающій топоръ на сопостата.

Но эти два міра еще имѣли кой-что общаго — любовь къ простору и шири, общую славянскую небрежность и спущенную рукава. Скрытое, подавленное желаніе разгула и необузданности было и у русскаго, самая семейная распри соединяла его съ полякомъ. Между ними былъ казакъ, была Украина, не польская и не русская, но родственная въ обѣ стороны. Теперь Россія, опершись на ружья, смотритъ на передовые прусскіе и австрійскіе пикеты... Міръ избы и хаты, села и деревни и міръ мѣщанъ и городовъ, міръ *sollen* и міръ *haben*, міръ довольный собой и своей цивилизаціей и міръ незнающій себя и безъ цивилизаціи. Польша какъ-то скрывала ихъ другъ отъ друга, католическая и славянская, она имѣла симпатіи и антипатіи къ обоимъ. Теперь они слишкомъ близко придвинулись и не вытче — завтра они могутъ заспорить. Славянскій вопросъ, вопросъ между Россіей и нѣмцами. Не Турція-же, которую водятъ подъ обѣ руки, его рѣшить. Для борьбы все готово... большія арміи, военныя правительства, безправные народы, народная ненависть, *une grande idée à défendre*, съ одной стороны спасеніе цѣлой цивилизаціи, съ другой возстановленіе цѣлой народности... разные возрасты, разныя стремленія и общія границы. Сверху вопросы государственныя, вопросы національныя, внизу вопросы соціальныя.

На сію минуту трехглавый нѣмецкій орелъ, довольный что заклевалъ Данию, въ дружбѣ съ своимъ византійскимъ товарищемъ... Искусственный міръ можетъ также продолжаться, какъ естественный бой начаться... и тѣ же нѣмцы и на манеръ нѣмецкихъ генераловъ поведутъ русскіхъ солдатъ на Галицію, на Познань, тамъ также есть Польша на *улиро-твореніе*. Опять петровская голь впередъ, опять саранча чиновниковъ, воровъ замкнетъ христолюбивое воинство — и кто знаетъ гдѣ она осадетъ, если ее не предастъ какой нибудь измѣнникъ въ Зимнемъ Дворцѣ, какъ это сдѣлалъ Петръ III.

Пруско-ли-австрійскій жандармъ "носитель цивилизаціи" или граблшій казакъ "коммунистъ" возьметъ верхъ, все равно, по дорогѣ навѣрное погибнетъ бездна стараго, размоется не одна плотина и унесется не одно бревно, загораживающее теперь дорогу... погибнетъ вѣроятно рядомъ съ ничѣмъ кой-что хорошаго, съ этимъ дѣлать нечего. Такіе катаклизмы безъ потерь не обходятся.

Какой-нибудь клочекъ земли, съ стародавнихъ временъ покрытый лѣсами, въ которыхъ важно бродили мамонты и нѣль животныя *ровни*, вдругъ занавѣвается водой въ слѣдствіе вулканическаго потрясенія. Тонутъ мамонты, мастодонты... тонутъ хвойныя лѣса, на ихъ мѣсто плывутся цѣлыя населенія рыбъ, моллюсковъ, зоофитовъ, медузъ, все это по зоологической табели о рангахъ, гораздо ниже допотопныхъ уроговъ, дышавшихъ легкими. Море сноситъ на дно всякую всячину, смываетъ и погибнувшіе лѣса, трупы животныхъ и рыбъ осѣдаютъ, потомъ вода убываетъ, бассейны начинаютъ пресыхать, превращаются въ болото, въ долину и на родинѣ мамонтовъ, покрытой тучной почвой, безъ возвышенныхъ скалъ и сумрачныхъ грапитовъ, кишитъ цѣлый міръ животныхъ и птицъ.

Все это такъ, но зачѣмъ все это нужно? Неужели нѣмцамъ съ своей стороны и русскимъ съ своей, нѣтъ другого дѣла, какъ вцѣпиться другъ другу въ волосы? Никто и не говоритъ что это нужно въ смыслѣ разумной необходимости, а обстоятельства такъ сложились.

Два противоположные потока европейской жизни мѣшajúтъ всякому развитію, всякому единству, губятъ въ ней всякую энергію. Одинъ изъ нихъ долженъ взять верхъ, чтобы Западъ могъ ринуться впередъ, или пойти откровенно назадъ — до тѣхъ поръ нѣтъ возможности сдѣлать ни одного рѣшительнаго шага, ни одного не колеблющагося дѣйствія. Это не компромисъ, не путь по діагонали, а искусственный застой при страшной тратѣ силъ, мѣшающихъ другъ другу. Во всемъ помогаютъ противоположнаго. Европа хочетъ быть либеральной и консервативной, прогрессивной и католической или протестантской, военной и мирной. Она ставитъ своимъ знаменемъ *non-intervention*, отрѣшеніе отъ дѣлъ сего міра, и мѣшается — вредно и пеловко — во все на свѣтѣ. Она не можетъ допустить гибели Польши, разчлененія Дании, но она не можетъ изъ за нихъ идти на войну. Мѣры на подавленіе революціи поглащаютъ всю внутреннюю дѣятельность правительства; вооруженное отстаиваніе мира стоитъ дороже войны. Въ этомъ самоуничтоженіи силъ ничего не можетъ усиленно развиваться, кромѣ разложенія.

Неспѣтая политика Запада допустила Россію сокрушить Польшу и стать лицомъ къ лицу къ Германіи. Взаимно-уничтожающая другъ друга политика Англіи и Франціи, позволила Германіи взять роль не свойственную ей, позволила ей разтерзать Данию и съ кровью на губахъ стать лицомъ къ

лицу къ Россіи, вѣшающей Польшу—вотъ и все; остальное, при свирѣпыхъ инстинктахъ народовъ, при возбужденности страстей и правительственной алчности, сдѣлается само собой.

Польскій вопросъ и Датская война, двѣ огромнѣйшія ступени внизъ, по той стремнинѣ, по которой сходитъ старый міръ. Въ минуты самого чернаго пессимизма, никто не предполагалъ, что страны, путеволившія народы, безъ боя и крайности откажутся отъ своей гегемоніи, оставляя за собой старушечье право ворчать и читать морали за каждое дѣйствіе двухъ господствующихъ казармъ, какъ будто всего того что онѣ дѣлаютъ нельзя было предвидѣть. Какъ Крымъ сгубилъ престижъ Николаевской имперіи, такъ Данія и Польша отняли страхъ передъ Западными державами. Исторія не брезглива, она также какъ природа не разбираетъ путей, нельзя пройти сухой дорогой, она идетъ грязью, нельзя идти Англіей и Франціей, она идетъ Пруссіей и Австріей. А тамъ, что гордый Альбионъ получилъ заушеніе отъ Горчакова и какъ настоящій христіанинъ подставилъ другую ладню Бисмарку, и удивляясь какъ они больно дерутся, съ важностью Римскаго сенатора спокойно пошелъ на рынокъ; а тамъ что Германію раздѣлять между Вѣрой и Берлиномъ, до этого никому, кромѣ пациентовъ, нѣтъ дѣла. Это можетъ сердить, занимать на минуту, но главное, существенное не въ томъ, а въ томъ, что “Катилина” ближе къ дверямъ съ тѣхъ поръ какъ двери эти перенесли на Дунай и Вислу—съ Темзы и Сены.

Послѣдній политическій геній Запада, котораго сумрачная фигура замыкаетъ собой революцію, другими словами предсказывалъ “Катилину” и за полѣвка угадалъ молчащее море за императоромъ Александромъ I. Десять лѣтъ онъ то ссорился съ нимъ, то протягивалъ ему руку и копчилъ тѣмъ, что двинулъ на него всю Европу... Россія взяла ее же и пошла по пятамъ его въ Парижъ...

Съ 1812 года начинается наша новая исторія и кончается старая исторія Запада.

Людвигъ XVIII никогда не могъ примириться съ мыслью, что русскій царь посадилъ его на тронъ, и былъ совершенно правъ. Королевская власть спасенная 21 Января 1793 года гильотиной, погибла, привезенная казаками въ Тюльри. Освобожденная Россіей, Германія сдѣлалась смѣшна какъ государство; она управлялась русскими секретарями посольства и посланный императоръ видя все это, пророчилъ, что Европа *будетъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ républicaine ou sociale*. Сперва боялись этихъ словъ, потомъ стали надъ ними издѣваться, разумѣется не давая себѣ ни труда выкинуть въ смыслъ ихъ, ни даже подождать арифметическаго срока. Оттого страшенъ “Катилина” и оттого страшенъ казакъ, что не только старый міръ не оправится отъ ударовъ революціи, но что и революція не оправится отъ ранъ имъ нанесенныхъ ей. Революція потеряла силу, которой она вела полки, подымала народы. Она замѣшала въ дѣло массы и пала отъ ихъ равнодушія, въ ту минуту когда онѣ поняли, что она не могла сдѣлать для нихъ того что хотѣла. Революція была, скажемъ мы перефразируя Робеспьера, *слишкомъ аристократична*, чтобы долго остаться народной; она опиралась на образованную, буржуазную демократію, ея умственный цепъ былъ высокъ. Ея молодой, раціональный фанатизмъ свободы, равенства и братства—сокрушился о старый мистическій фанатизмъ церкви и трона, ея обобщающій гуманизмъ былъ подавленъ исключительной національностью.

Теряя власть и нощу, гонимая по всей Европѣ, революція снова отступила въ литературу, въ школу, въ пропаганду, но въ пропаганду нетерпѣливую, постоянно срывающуюся на площадь, увлекающая за собой одинъ и тотъ же оодвѣженный слой общества—то трехцвѣтнымъ знаменемъ побѣды и началъ 1789 года, то краснымъ знаменіемъ мести и истребленія въ пользу “неизвѣстнаго бога”. Несостоятельность политической революціи и незрѣлость социальной, бросались въ глаза. Отъ послѣдней люди пятились съ испугомъ, первая была побѣждена не только на площади и на барикадѣ, но и въ сердцахъ людскихъ.

Массы не пойдутъ больше драться какъ въ концѣ XVIII столѣтія, какъ еще недавно, изъ за политическаго катихизиса, изъ за алгебры правъ человека, изъ за хартій, камеръ, банкетовъ. Ихъ можно только расшевелить племенной независимостью, такъ связать зоологическими вопросами о пародности, которые выдвигаютъ на первый планъ, и вопросами *соціальными*, которые всѣми силами отталкиваютъ на послѣдній, что не мѣшаетъ имъ глубоко бродить по мастерскимъ и фабрикамъ.

Соціалисты 1848 года попробовали сдѣлать социальный переворотъ средствами политическаго *coup d'état*. Изъ банкротство было неминуемо и послѣдняя вѣра народовъ отлетѣла. Народы снова покорились прежнимъ властямъ, но покорились не прежнимъ. Они покорились имъ какъ необходимому злу, которое искоренить дорого стоитъ—особенно не зная чѣмъ его замѣнить.

Умъ, талантъ, наука, искусство еще меньше возвратились къ уписову съ старыми порядками, снова взявшими верхъ въ правительственныхъ сферахъ. Все живое, сознательное ищетъ обойти эту темную мощь, эту полицейскую триаду—войска, церкви и дипломатія, заправляющую міромъ. Оттого то онъ и не идетъ въ самомъ дѣлѣ, и его сильныя по видимому поги оказываются въ параличѣ.

Въ виду этого-то разслабленнаго міра закипаетъ невѣдомое море, поглотившее Польшу, поглотившее Кавказъ, окровавленное на закрапахъ, грязное на поверхности и непонятно тухлое въ глубинѣ. Оно смыкаетъ берегъ за берегомъ, слѣдуя естественному влеченію и такъ сказать историческому слою, и чѣмъ ближе подходитъ къ міру *недоносившему* свой социальный плодъ, тѣмъ яснѣе видитъ свою *способность*, готовность принять его, кормить его своею грудью, взять Катилину въ казаки...

... Странны ветрѣчи русскаго народа съ старымъ міромъ. Византія въ началѣ и Парижъ въ концѣ.

Выходя изъ стихійнаго хаоса, дикій народъ спускается по невозможнымъ дорогамъ, изъ Новгорода до Чернаго моря, садится на какія-то скорлупы и плыветъ въ Византію; тамъ прибываетъ онъ щить свой къ ея стѣнамъ и беретъ съ собой оттуда *свою вѣру*, противурѣчащую Перуну, подъ знаменами котораго онъ шелъ. Въ то время, когда *православіе* едва тлѣло на Востокѣ подъ пятой Ислама, дикій народъ этотъ разнесъ его отъ Чернаго моря до Бѣлаго, до Балтики, до Тихаго океана...

Прошло около тысячелѣтія... темнаго, тяжелаго тысячелѣтія—и тотъ же народъ прошелъ всей Европой, прошелъ нѣмецкими городами, перешелъ Рейнъ—съ своими казаками и калмыками, финами и башкирцами, заплывъ *Парижъ* и вмѣсто всякихъ трофеевъ вывезъ изъ него съ своими пушками *другую*

отру, враждебную другому Перуну. Опъ ее сохранилъ подъ страхомъ, въ едва замѣтномъ меньшинствѣ, и когда въ самой Европѣ, въ самомъ Парижѣ она уступала напору реакціи и новый богъ революціи заставлялъ отпрянуть отъ себя съ ужасомъ прежнихъ поклонниковъ, онъ бросилъ намъ неожиданнѣйшій свѣтъ подъ ноги—и тамъ гдѣ Западъ останавливается съ ужасомъ передъ чудовищемъ социализма, русскій узнаетъ преображеніе своего народнаго быта и привѣтствуетъ въ немъ свою будущность. И самая парская власть мететъ дорогу социальному перевороту, вовсе не догадываясь о существованіи такого звѣря!

Насъ упрекали въ какой-то злобной радости, съ которой мы говорили о возможности будущаго столкновенія; въ нашихъ предсказаніяхъ находили что-то *schadenfrohn*. Это неправда. Мы только безъ риторическихъ учтивостей и сентиментальныхъ возгласовъ говорили что видѣли и какъ видѣли. Мы только смѣло смотрѣли въ глаза событіямъ и не жалѣли о томъ что рухнетъ отъ старости, что пора бросить за бортъ—когда главное цѣло и существенное спасено.

Если Западный міръ не имѣетъ въ себѣ силъ обновленія—для него же лучше если явится новый Аттила—американскій или русскій, казакъ изъ за Дона, изъ за Урала, пираты изъ за океана, пожалуй оба вмѣстѣ, чтобы разбить старыя формы и достигая своихъ частныхъ цѣлей и личныхъ местей, расчистить дорогу будущему. Если-же напротивъ у Запада есть эти силы или борьбы не будетъ, или онъ побьетъ русскую имперію. Въ томъ и другомъ случаѣ народъ русскій ничего не терять. Пораженіе петербургской имперіи будетъ точно также началомъ для Россіи федеральной эры, какъ освобожденіе Россіей славянскаго міра.

А потому мы и смотримъ спокойно на то, что Катилины и казаки у воротъ старой Европы.

И—рѣ.

ОПОЗДАВШЕЕ ПИСЬМО.

Письмо, которое мы печатаемъ почти цѣлкомъ, опоздало нѣсколькими мѣсяцами; но оно такъ исполнено отечественнаго букета и колорита, что мы увѣрены, что читатели наши не будутъ сѣтовать за помѣщеніе его. Мы сохранили самый слогъ письма, носящій на себѣ очевидную печать неподдѣльности. Весьма благодаримъ корреспондента и просимъ впредь не забывать, что за границей существуетъ свободный органъ, не подлежащій ценсурѣ.

“Государь въ Москву.” 14 Августа пріѣздъ государя, по заведенному порядку, ознаменованъ пожертвованіемъ, которое замѣнило обычные фейерверки и угощенія солдатъ пожертвованіемъ отъ купцовъ 25,000 руб. сер. на училище въ западномъ краѣ и 5,000 р. с. на отдыку собора въ Вильнѣ, Муравьеву Богу молиться. Такъ какъ у купцовъ, благодаря прошедшимъ пожертвованіямъ въ купеческой Управѣ* капиталу нѣтъ, то положено эту сумму собрать добровольно, т. е. насильно подай, да и только. (Купцы, каждый пріѣздъ царя, играютъ роль свѣклы на сахарномъ заводѣ). Государь, при представленіи купцовъ, поблагодарилъ ихъ, процѣдивъ сквозь зубы благодарность и прибавилъ очень ясно и громко, что надѣется, что эта жертва отъ нихъ не послѣдняя. Еще

* Управа затратила весь капиталъ, принадлежавшій Андреевской богадельнѣ и вѣщавскому училищу еще въ 1856 году, по случаю кордонаціи, которая ей стоила двѣсти тысячъ руб. сер.

нужно было, чтобы купцы пожертвовали въ инвалидной капиталъ, которому минулъ пятидесятилѣтній юбилей. На другой день опять пригласили купцовъ на экстренный совѣтъ, чтобы собрать пожертвованіе вивалидамъ и — о ужасъ!—купцы явили такую храбрость, какой никогда не было: они не явились; на совѣтъ пришло человекъ десять, совѣтъ не состоялся и пожертвованіе тоже. Говорятъ, имъ это даромъ не пройдетъ, опять сдѣлаютъ пересмотръ тарифа или уничтожатъ 2-ю гильдію — если не пожертвуютъ инвалидамъ, которые растутъ какъ грибы, а капиталу нѣтъ.

“Опять былъ приказъ обывателямъ ставить щиты въ день пріѣзда и отъѣзда царя. По улицамъ поставили звѣзды, а у Иверской устроили торжественный щитъ. Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ выразилъ свои чувства царю трехъ-саженнымъ щитомъ на дворѣ дома, а вѣрноподаданные ибцы Бутепопы музыкой на дворѣ дома. Степанъ Кузмичъ Захаровъ, представитель—отъ московскаго начальства—освобожденныхъ крестьянъ, очень жалѣетъ, что ему не было приказано поплакать передъ царемъ батюшкой и поднести просвірку за здоровье царя-матушки.

“Государь ѣздилъ въ Ильинское имѣніе Голицыной, купленное для императрицы. Если вздумаетъ посѣтить когда-либо Москву, такъ тамъ будетъ гостить. Это имѣніе, раззоренное и развалившееся, которое никому нельзя было продать, продали царю съ царичею. Это удовольствіе, съ покупкой, отдыкой и дорогой туда изъ Москвы, будетъ стоить народу миллионъ рублей серебромъ.

“Московская городская Дума захотѣла имѣть свой журналъ подъ редакціею секретаря Думы М. Щепкина, съ правомъ печатать, кромѣ журналовъ Думы, и другія статьи и частныя объявленія. Каткову это пришлось не по вкусу; онъ увидѣлъ тутъ явный подрывъ своимъ *Вѣдомостямъ* и, какъ Гласный Думы, на всѣхъ собраніяхъ Думы, шелъ по этому предмету противъ изданія журнала. Но общее желаніе всѣхъ Гласныхъ было имѣть свой журналъ. Даже М. П. Погодинъ—и тотъ былъ противъ Каткова. Катковъ, видя что *тутъ не успѣваетъ* и что *молва бываетъ*—избралъ другой, болѣе вѣрный путь. Постановленіе Думы о журналѣ, за подписью Гласныхъ, представлено было Валуюву градскимъ Головою, въ бытность его въ Петербургѣ, и что же!.. Валуювъ не разрѣшилъ Думѣ издавать свой журналъ, на томъ основаніи, что съ Москвы довольно такого прекраснаго журнала какъ ‘Мос. Вѣдомости’, въ которыхъ Дума можетъ печатать свои журналы. Этотъ отвѣтъ переданъ Валуювымъ не прямо въ Думу, а московскому военному генералъ-губернатору Офросимову, который его держитъ у себя, совѣстясь передать городу, котораго онъ пачальникъ, что муниципалитетъ не довѣряетъ городу издавать журналъ. Катковъ, съ послѣдняго засѣданія, на которомъ былъ утвержденъ журналъ, отказался отъ званія Гласнаго Думы, къ общему удовольствію всѣхъ Гласныхъ, даже самого Михаила Петровича. Можетъ быть многими любопытно знать—почему Валуювъ такъ благоволилъ Каткову? Первое—Катковъ за царя, а второе—Валуювъ ему долженъ 15,000 р. уже другой годъ—съ того времени какъ представлялъ его государю. Московская Дума уже другой разъ отъ Валуюва получаетъ ность. Дума просила уменьшить расходъ отъ города на содержаніе полиціи, а въ отвѣтъ ей послѣдовалъ приказъ отъ Валуюва — прибавить тысячу человекъ полицейскаго штата на счетъ Думы, по представленію Крейца, которому

Валуевъ покровительствуетъ. Полицейскіе солдаты прибавлены для того, чтобъ дремать на улицахъ; они выбраны изъ разныхъ полковъ, разумѣется тѣ, которые нигде не годились въ полку. Съ прибавкою тысячи человекъ не только что не уменьшилось воровство и уличные безпорядки, но еще прибавились—по замѣчанію самой полиціи.

“Соловецкаго архимандрита заподозрѣли въ христіанскомъ обращеніи и снисхожденіи съ заточенными въ Соловецкомъ монастырѣ раскольниками и разными сектантами. Недовольны, что мало обращаютъ на лono православія (кажется, недавно тамъ обращенъ *Крынинъ*?—) и послали туда для ревизіи московскаго архимандрита *Феодосима** — доставить соловецкому архимандриту покой.—Дѣло іеромонаха Саввы, который засѣкъ ученика Донскаго монастырскаго училища, кончилось ничѣмъ, благодаря заступничеству богоявленнаго архимандрита *Игнатія*, внука *Филарета*.

“Ценсурные комитеты въ Москвѣ и въ Петербургѣ дѣйствуютъ удивительно. Въ Москвѣ, въ журналѣ, *Прыжовъ* помѣстилъ статейку о кабакахъ; министръ финансовъ и министръ внутреннихъ дѣлъ купно заподозрѣли и тутъ сочувствіе къ *Польшѣ*; цензоръ *Росковшенко* получилъ выговоръ, редакторъ тоже, а *Прыжову* запрещено писать.—*Степановъ* и *Курочкинъ*, редакторы *Искры*, разошлись; первый будетъ съ 1865 года издавать журналъ *Будильникъ*, а *Курочкинъ* остался при *Искрѣ*. И тотъ и другой объявили объ этомъ въ журналахъ, и вдругъ всѣ редакціи получили отъ ценсурнаго комитета секретное запрещеніе печатать объявленія объ изданіи *Искры* на 1865 годъ, а журналъ все таки не запрещенъ и теперь выходитъ. Поймите что это такое!—Въ карикатурѣ запрещены—военная форма и орденскіе званы; тоже запрещены сокращенные титулы *В. П.*, *В. Сіят.*

“Московск. оберъ-полицмейстеру приказано отъ министра внутреннихъ дѣлъ стараться открыть пынѣшней зимою такіе же шницъ-балки какъ и въ Петербургѣ, и для поощренія его произвели въ генералъ-лейтенанты.

“*Павель Ивановичъ Якушкинъ*, извѣстный собиратель русскихъ былинъ и пѣсень, былъ на нижегородской ярмаркѣ. Онъ поситъ костюмъ славянофила. Нижегородскій губернаторъ *Одинцовъ*, бывшій комендантъ петропавловской крѣпости, послѣ полученнаго извѣстія о симбирскомъ пожарѣ, распорядился арестами и, арестовавъ *Якушкина*, отправилъ его съ двумя жандармами въ Петербургъ. Такъ какъ причины взять *Якушкина* не было никакой, то губернаторъ въ свое оправданіе говорилъ, что *Якушкинъ*—дворянинъ, а ходить по мужицки, поситъ очки, нигдѣ не служитъ, постоянно въ средѣ простаго народа, но что впрочемъ тамъ разберутъ: если ничего, такъ выпустятъ.

“Московскую практическую коммерческую академію хотятъ обратить въ семинарію. Инспекторъ академіи *Киттара* уволенъ совѣтомъ академіи, президентомъ которой московскій военный генералъ-губернаторъ *Офросимовъ*. *Киттару* заподозрѣли въ безбожии. Первое то, что онъ согласился кормить учениковъ въ постные дни скоромнымъ; 2-е—что не взыскивалъ съ учениковъ, что они, сядя за обѣдъ и выходя изъ за обѣда, не всегда молятся; 3-е—что у образовъ въ академіи не горѣли лампы; 4-е—что нѣсколько учениковъ старшаго класса были больны сифилисомъ. (Тамъ ученики есть по 21 году и больше; по уставу академіи имъ дозволено свободно

отлучаться, потому что они на правахъ студентовъ. Тутъ ужъ кажется больше виноватъ *Сѣчинскій* недостаткомъ надзора). *Митрополитъ*, узнавъ объ увольненіи *Киттары*, сказалъ: слава Богу! я теперь покоенъ за дѣтей московскихъ купцовъ.—Теперь митрополитъ непременно хочетъ, чтобъ инспекторъ былъ изъ духовнаго званія и представилъ отъ себя двухъ кандидатовъ: секретаря *Силода*—*Сергѣевскаго* и профессора *Троицкой академіи*—*Суботина*, работающаго противъ раскольниковъ статьи въ “Русскомъ Вѣстникѣ” о современномъ движеніи въ расколѣ.

“*И. К. Бабстъ* получилъ тепленькое мѣстечко, благодаря путешествію съ наслѣдникомъ и перемѣнѣ костюма краснаго на бѣлый. Онъ теперь инспекторъ *Лазаревскаго института восточныхъ языковъ*, заподозрѣннаго въ либерализмѣ, и охраняетъ отъ либерализма армянь.

“Русскую газету дозволено (при такой же гарантіи, т. е. при принудительной подпискѣ) продолжать достойному премику *И. Ф. Павлова*—*И. Скворцову*. Симбирскую корреспонденцію, какъ оттуда такъ и туда, приказано вскрывать. Про пожаръ корреспонденцій, (секретно *Валуевымъ*), помѣщать не приказано; даже “Московскія Вѣдомости” боятся встревожить этимъ народъ. По частнымъ свѣдѣніямъ извѣстно что болѣе 20 человекъ невинныхъ кинуты народомъ въ огонь во время двухъ послѣднихъ пожаровъ. Посланный туда генералъ-адъютантъ баронъ *Врангель*, чтобъ успокоить (какъ онъ выражался) народъ—арестовалъ до 40 человекъ, а стоящему тамъ полку приказалъ убавить на половину паекъ, на томъ основаніи, что—по словамъ жителей—онъ плохо помогаль тушить пожаръ. Разумѣется, пожаръ Симбирска приписываютъ поджогу поляковъ.

“Отставка директора театровъ *Львова*. Про *Львова* говорятъ, что не поставь онъ такого электрическаго солнца на большомъ театрѣ при вѣйдѣ государя, то государь бы и не вспомнилъ, что пора ему дать отставку въ 1864 году. Въ огнетѣ за 1863 годъ дефицитъ простирался до 216 тысячъ руб. сер., а за 1862 годъ дефицитъ былъ въ 149 тысячъ р. с. Съ отчетомъ этимъ *Львовъ*, въ Мартѣ, поѣхалъ самъ въ Петербургъ. *Адлербергъ*, просмотрѣвъ отчетъ, напустилъ на *Львова* за такой дефицитъ. *Львовъ* ему напоминалъ, что онъ 50 тысячъ р. с. въ Сентябрѣ далъ ему, по его приказанію, изъ театральной кассы и приписалъ въ разные статьи расходовъ. *Адлербергъ* сказалъ, что такого дефицита нельзя показывать государю. *Львовъ* послалъ депешу въ московскую контору, чтобъ ему прислали оттуда новый бланкъ для отчета, потому что въ старомъ онъ нашелъ небольшую ошибку. Бланкъ былъ присланъ. *Львовъ* переписалъ въ Петербургѣ отчетъ и обѣщалъ *Адлербергу*, въ продолженіи 1864 года, наверстать эту сумму экономіей, которую началъ съ того, что набавилъ на мѣста въ маломъ театрѣ, уволивъ многихъ изъ драматической труппы и 60 человекъ изъ балетныхъ, которымъ по году, по два оставалось дослужить до пенсіи, пустилъ по міру. Продѣлка по отчету многимъ сдѣлалась извѣстна, и *Адлербергъ* видя что дѣло плохо, послалъ коммисію повѣрить московскую контору театровъ. Продѣлка открылась. *Львовъ* отвѣтилъ, что онъ ничего этого не знаетъ (отчетъ, разумѣется, переписалъ въ Петербургѣ былъ не его рукой) и всю вину сложилъ на бухгалтера и конторщика конторы (*Кошко* и *Лисовскій*). Одному изъ нихъ дана отставка, а другой оставленъ, до пріисканія должности, на службѣ, и дѣло это

* Кажется мы такъ прочли имя, написанное очень неразборчиво.—*Приж. Р.*

постарались безъ слѣдствія затушить отставкою Львова. Адлербергъ утверждалъ въ этой должноти исправляющимъ своего пріятеля П. П. Пельта; онъ непремѣнно будетъ директоромъ. Львовъ долженъ былъ всѣмъ подрядчикамъ, поставщикамъ, чиновникамъ конторы; онъ со всѣхъ бралъ черезъ чиновника конторы, своего домашняго человѣка—Спиро, который и теперь остался на службѣ въ конторѣ, говорятъ, по приказанію Адлерберга. На другой день отставки Львова, передъ домомъ (Павлова на Дмитровкѣ) который онъ себѣ нанималъ за 4,000 руб. сер. изъ театральн. кассы (а квартирныя деньги 1,500 р. с. само собой получалъ) цѣлый день ходили шарманщики и играли все одну пѣсню: “не уѣзжай голубчикъ мой”, такъ что ихъ могли прогнать только черезъ полицію. Говорятъ, что этотъ сюрпризъ сдѣлалъ Львову благодарными артистами. Львовъ тайно уѣхалъ изъ Москвы, отъ кредиторовъ, въ свое имѣнье въ Казань. Забавно, что экономъ театральн. школы и содержатель театральн. бухгалтеровъ—Борегаръ, представилъ, на третій день отставки Львова, въ Московскую Управу записки Львова и его жены, по которымъ онъ отпускалъ имъ полтора года разную провизію на сумму 5,000 р. с. Разумѣется, тутъ дѣло не совсѣмъ ясно со стороны эконома—и Львовъ отозвался, что онъ за все платилъ деньгами. Львовъ никакъ не ждалъ себѣ отставки. За мѣсяцъ передъ этимъ былъ въ Москвѣ статсъ-секретарь Тапеевъ, и Львовъ давалъ ему обѣдъ на 60 персонъ, который стоилъ Львову 3,000 рублей, только денегъ за него онъ никому не отдалъ.

“Въ Москвѣ каждодневно берутъ пьяныхъ за драки отъ 200 до 400 человѣкъ; умираютъ отъ пьянства отъ 5 до 9 человѣкъ въ день. Сифилисъ принялъ ужасные размѣры не только въ городѣ, но даже въ подгородныхъ деревняхъ, благодаря несмотрѣнію полицейскаго комитета и огромному количеству кабаковъ, гдѣ постоянно женщины вольнаго обращенія, музыка и особыя комнаты, которыя законъ запрещаетъ, но полиція дозволяетъ.

“У медицинскаго Совѣта нѣтъ капитала; медики, служащіе при полиціи, получаютъ небольшіе оклады: по этому директоръ медицинскаго департамента *Целиканъ* — предложилъ для составленія и увеличенія капитала, чтобы полицейскіе медики во всей Россіи осматривали лавки торговцевъ и за это брали по 10, по 5 и по 3 р. с., смотря по роду торговли, а съ разнощиковъ по 1 рублю. Министръ внутреннихъ дѣлъ это утвердилъ. Полицейскимъ медикамъ дозволено отбирать товары изъ лавокъ въ частные дома, для представленія отсюда въ медицинскую контору для освидѣтельствованія. На ростовской ярмаркѣ медики осматривали лавки, гдѣ торгуютъ матеріями и лентами и заставили брать листъ на право торговли въ 5 р. с.; на нижегородской ярмаркѣ брали опять со всѣхъ купцовъ, которые уже заплатили въ Москвѣ, такъ что теперь купцу, торгующему по разнымъ ярмаркамъ, придется заплатить разъ десять въ годъ этотъ поборъ. Частный медикъ Лефортовской части Карадуловъ, осматривая въ своей

пользу по 5 р. съ лавки. Одинъ изъ торговцевъ на пѣмецкомъ рынкѣ, мѣщанинъ Ложкинъ, торгующій москательнымъ товаромъ, не далъ ему и онъ у него забралъ цѣлый возъ товару для представленія въ медицинскую контору. Ложкинъ человѣкъ очень не богатый; это его такъ испугало, что онъ лишился разсудка и до сихъ поръ боленъ, а товаръ все осматривается. Медикъ Яузской части Дудкинъ, осматривая винныя погреба, обязалъ всѣхъ—у бочекъ имѣть деревянные краны; а такъ какъ это невозможно, то предложилъ платить ему по 10 р. съ крана въ годъ; а для подтвержденія своихъ словъ, одинъ погребъ запечаталъ. По правилу медики имѣютъ право только три раза въ годъ осматривать лавки; одинъ разъ собирать деньги, а два раза такъ. Но они теперь ходятъ каждый мѣсяцъ, одинъ разъ собираютъ деньги явно, а остальные раза тоже собираютъ. По уставу при осмотрѣ долженъ быть депутатъ отъ купцовъ, по этому нѣтъ; осматриваетъ только одинъ медикъ съ квартирнымъ. Медицинская контора обязываетъ купцовъ брать у ней книги для записки продажи своихъ товаровъ, такъ что книгу купить стоитъ рубль, а въ конторѣ берутъ за нее 10 руб. за то, что она подписана членами конторы. При семъ прилагаемъ копію съ акта, списаннаго съ оригинала:

6 Мая 1864 года.

№. 1824.

Копія

г. МОСКОВСКОМУ ОБЕРЪ-ПОЛИЦМЕЙСТЕРУ.

Медицинская контора, возвращая при семъ присланное отношеніе Вашего Слѣдствія отъ 28 ишущаго Апрѣля, за №. 9338, составленные врачомъ Стрѣтенской части акты, при освидѣтельствѣваніи имъ въ медико-полицейскомъ отношеніи москательныхъ лавокъ купцовъ Горбунова и Трифонова и мѣщанъ Глухова, Дуленкова, Чайникова, покорнѣйше проситъ сдѣлать распоряженіе о приведеніи означенныхъ лавокъ въ должный порядокъ, согласно указаніямъ въ актахъ обозначенныхъ и о послѣдующемъ контору уведомить. При семъ контора присовокупляетъ, что продавцы за книжки не являются.

Подписали: Штатсъ-физикъ Лебедевъ, Инспекторъ членъ К. а. и с. т. и.

“Медикъ Стрѣтенской части потребовалъ, при осмотрѣ упомянутыхъ въ актѣ лицъ по 25 р. сверхъ 10-ти рублевой пошлины; а какъ они дать не согласились, то онъ представилъ, что эти лавки найдены имъ не въ порядкѣ согласномъ съ данною ему инструкціей. При этомъ онъ отобралъ и запечаталъ разную товаръ и поставилъ у лавокъ караулъ. Дѣло это кончилось тѣмъ, что упомянутые торговцы двѣ недѣли не торговали, истратили въ канцеляріи оберъ-полицмейстера и въ медицинск. конторѣ 300, да дали медику Стрѣтенской части 200 р. с., да отъ неторгованія потерпѣли убытку 1000 р. с., да взяли книгъ въ медицинск. конторѣ на 70 руб. сер.—Частный медикъ городской части, Петровъ, объявилъ всѣмъ торговцамъ въ городскихъ рядахъ, чтобы они разъ въ годъ собирали ему съ каждаго ряда никакъ не меньше 100 р. с. и доставляли черезъ рядскаго старосту и платили бы положенные патенты; тогда онъ ихъ осматривать не будетъ больше одного разу. Медикъ Тверской части получаетъ съ одного охотнаго ряда, по случаю этого положенія, 2,000 р. с. Сборъ со всей Россіи за осмотръ по 10, по 5, по 3 и по 1 р. будетъ ежегодно больше милліона, да побочнаго дохода не меньше милліона рублей серебромъ.

“Усердно просимъ редакторовъ *Жолокола* помѣстить всѣ эти свѣденія, за справедливость которыхъ ручаемся”.

СМѢСЬ.

КЪ ЗЛОДѢЙСТВАМЪ ВЪ СУМСКОМЪ УѢЗДѢ.

Вдобавокъ къ помѣщенному въ 190 листѣ *Колокола* о злодѣйствѣ въ Сумскомъ уѣздѣ, получено слѣдующее :

“Описаніе происшествія почти совершенно вѣрно, поводомъ же къ этому послужило слѣдующее : въ селѣ *Водолажка* было сдѣлано весною разверстаніе земли ; земля была отведена крестьянамъ по правиламъ положенія, приурочена къ поселку, отдѣленная дорогой отъ земли, отведенной помѣщику (профессору кievскаго университета *Шеферу*, женатому на урожденной Савичевой). Настало время сѣять яровое и крестьяне (малороссы) посѣяли весною овесъ—не на новонадѣленной землѣ, а на своемъ прежнемъ надѣлѣ, по старому. Примѣры подобные случались прежде, при такъ называемомъ полюбовномъ размежеваніи, весьма часто, въ разныхъ мѣстахъ Россіи и обходились всегда безъ крови, ибо всѣмъ извѣстно, съ какою любовью смотритъ крестьянинъ на ту именно землю, которую пашетъ всю свою жизнь и потому расстаётся съ нею не легко. Управляющій этого имѣнія такъ и понялъ это дѣло и потому своими средствами, тотчасъ же засѣялъ ту землю, которая досталась по разверстанію крестьянамъ, чтобы не разорить ихъ лишеніемъ посѣва. Такъ бы и уладилось, крестьяне и помѣщикъ получили бы къ осени урожай, въ слѣдующей имъ пропорціи, только полученный не съ той земли, которая имъ досталась, а потомъ одумались бы и дѣлу конецъ.

“Но профессоръ *Шеферъ* рѣшилъ иначе и велѣлъ управляющему *неправильно* посланные входы весенніе *скосить*. Дѣло исполнено и въ Августѣ крестьяне остались безъ яроваго. Увидѣвши это, крестьяне не стали принимать и новый клѣпъ озимаго, смѣнили старосту и выбрали новаго. Посредникъ *Власовскій* не могъ, или не умѣлъ ихъ успокоить. Тогда исправникъ *Алферовъ* принялся за дѣло и результатомъ было, какъ описано въ *Колоколѣ*, *четыре* убитыхъ и *пятнадцать* раненыхъ, изъ коихъ *одинъ* умеръ на другой день. Команда не отступила, какъ сказано въ *Колоколѣ*, а напротивъ крестьяне послѣ перваго залпа ударили на “втыкача”, т. е. показали паты, ибо никакъ не ожидали отвѣта пулями на свои кулаки. Все остальное вѣрно.

“*Алферовъ* считается въ уѣздѣ добрымъ малымъ, въ смыслѣ гусарскомъ”.

ПРОДАЮТСЯ :

У ГГ. Н. ТРЮБНЕРА и С. ТХОРЖЕВСКАГО въ Лондонѣ и
MUQUARDT, 2, RUE ROYALE, à BRUXELLES
ET à GAND ET à LEIPZIG :

NOUVELLE PHASE DE LA
LITTERATURE RUSSE
PAR A. HERZEN, (Prix : 1 fr. 50 c.)
LA
POLEMIQUE FINANCIERE
PAR N. OGAREFF, Edition revue et corrigée
Prix : 1 sh. 6 p.

КОЛОКОЛЪ НА 1865

будетъ издаваться на тѣхъ же основаніяхъ и въ томъ же духѣ.

Разпелся слухъ о прекращеніи *Колокола*, вѣроятно русская полиція облекла скромное желаніе свое въ выдуманный фактъ. Сойти со сцены теперь — значить окончательно усомниться въ Россіи. Такого торжества мы еще не дадимъ закоснѣлымъ врагамъ свободного слова въ Россіи.

Колоколъ, при нашей жизни, только прекратится уничтоженіемъ всякой цензуры въ Россіи. И то если это уничтоженіе будетъ не австрійское, не прусское, а дѣйствительное. До тѣхъ поръ кажется еще много воды утечетъ.

А. ГЕРПЕНЪ,
Н. ОГАРЕВЪ.

Кромѣ главной продажи въ книжной лавкѣ Трюбнера и Ко. 60, Paternoster Row, *Колоколъ* можно получать въ Лондонѣ у С. Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, Gerrard Str., Soho;

Въ Парижѣ у А. L. Herold, Librairie, 67 Rue Richelieu,
— Брюсселѣ С. Muquardt,
— “ F. Claassen,
— Женевѣ Н. Georg,
— Вѣвѣ Richard Lesser, Librairie, 15 Rue du Lac,
— Лозаннѣ Martigner et Chavannes,
— Лейпцигѣ F. A. Brockhaus,
— Берлинѣ Ferd. Schneider, 11 Victoria Strasse,
— “ Schneider et Co., 19 Unter den Linden,
— “ B. Behr, 27 Unter den Linden,
— Гамбургѣ Perthes Besser et Mauke,
— “ Hoffmann et Campe,
— Любекѣ Fr. Asschenfeldt,
— Стетинѣ Von der Nahmer,
— Флоренціи Eugène Vieusseux,
— Аѳинахъ K. Wilberg,
— Каирѣ W. Hammerschmidt,
— Константинополѣ F. Schimpff et Comp.
— “ Köhler et Weiss.

Колоколъ продается каждый листъ по 6 пенсовъ, а также можно получать и собраніе его за VII лѣтъ, отъ 1-го до 192 листа, въ переплетенныхъ и не переплетенныхъ экземплярахъ.

— Письмо за No. 20, получено.

— Въ общій фондъ получено 5 фунтовъ и 1 фунтъ.

ПРОДАЮТСЯ :

ФИНАНСОВЫЕ СПОРЫ

(Н. ОГАРЕВА, Изданіе исправленное, Цѣна 1 ш. 6 п.).

Отпечатано въ Вольной Русской Типографіи — Jessamine Cottage, New Hampton, Middlesex.

ОГЛАВЛЕНИЕ КОЛОКОЛА

ЗА

1864.

№. 176.—1 Января.

1864. Революція и Реорганизация. П. А. Мартыновъ и Земскій царь. Смѣсь: Гг. Библиофилъ. Отвѣтъ кн. П. А. Вяземскому. Перечень донозовъ. Мясоѣды самодержавія. Опошленіе православія. Хроника подлости. Сѣраковская. Загадка. Поворотная дѣлѣ. Шпіоны. Общій фондъ.

№. 177.—15 Января.

Письмо къ Гарibaldi. М. Муравскій. Кше объ университетской реформѣ. Царскіе подарки къ новому году. Смѣсь: 3/70 копѣйки съ души. Сентиментальный взглядъ назадъ. В это слава? Дружба и братство. Портретъ Муравьева. Сплетни. Фурія. Гг. Библиофилъ. Общій фондъ.

№. 178.—1 Февраля.

Отвѣтъ Гарibaldi. Письмо П. Мартынова къ Александру II (напечатанное 8 Мая 1862, "Колоколъ" л. 132). Смѣсь: Русская конституція и англійскій журналъ. Тѣнь банка. Поправка.

№. 179.—15 Февраля.

Казнь Ф. Амброжинскаго. Кончина А. Н. Муравьева. Финансовые споры. Польское правительство и крестьянская земля. Разорены освобожденіемъ! Смѣсь: Государь въ немплости. Татьянинъ день. Славянофильство на таможахъ. Пруссія, Россія и палин, палин. Убіиство сумашедшаго. Августовскіе адреса. Между Темзой и Невой. Графиня А. Блудова и М. Хотинскій. С. Стахевичъ и А. Цѣтковъ. Ссылка одного вмѣсто другого. Хозяинъ не позволяетъ. Нововведеніе въ журналистикѣ. Нашии библиографы. Отъ издателей. "Русскій Иваландъ". "La Cloche". Общій фондъ.

№. 180 & 181.—1 Марта.

Финансовые споры (продолженіе). Казнь І. Янковскаго. Письма къ будущему другу. На Воляхъ! Смѣсь: Поощреніе охотникамъ въ рекруты. "Le Nord" и Le Tzag ва Землю и Волю. Уничтоженіе Литвы, успокоеніе Польши. Квропеецъ. Рожновскіе политическія понятія и Г-жа Скаржинская. Наши патрици. Прибавленіе къ статьѣ о финансахъ. Австрія на козляхъ. Объясненіе.

№. 182.—20 Марта.

Финансовые споры (продолженіе). Письма къ будущему другу (письмо второе). Смѣсь: Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ. Злодѣйства поляковъ и принѣрное самоотверженіе русскаго проиоіеря. Логика паденія. Брань на смерть идущимъ. Патриоты Бутевичъ и Юзефовичъ. Объявленіе кн. П. В. Долгорукова. Общій фондъ.

№. 183.—15 Апрѣля.

Финансовые споры (продолженіе). Смѣсь: Запросъ "Дію". Письмо изъ Москвы. Документы. Кн. В. Черкасскій. Кошунство "Моск. вѣдомостей" и ихъ тактъ, здоровы-ли онѣ? Новое средство уничтоженія. Uncrowned king. Семейная ссора. Общій фондъ.

№. 184.—1 Мая.

Гарibaldi у насъ. Финансовые споры (окончаніе). Письма къ будущему другу (письмо третье). Смѣсь: Православіе на рельсахъ. Общій фондъ.

№. 185.—15 Мая.

Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ. Письмо къ Прудону. Смѣсь: Благодарность за плодородіе. Принѣръ вѣротерпимости. Земля и Ливранди. Черкасскій-министръ развивается. Свой Гарibaldi и пр.

№. 186.—15 Іюня.

Н. Г. Чернышевскій. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (продолженіе). Письма къ будущему другу (письмо четвертое). Смѣсь: Отечественныя маргаритки. Наши прогрессы. Русское шіонство въ Жюевѣ. Ссылка А. П. Ермолова въ Муравьевы. Опилица Ибины. Школа правовѣденія. Патриотизмъ индѣицевъ. Приказъ вѣленскаго полицмейстера. Ахасковъ въ гостяхъ у Каткова. Объявленія.

№. 187.—15 Іюля.

VIII глѣтъ. Die Heilige Triple Allianz. Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ учрежденіяхъ (окончаніе). Смѣсь: Изъ Польши. Polizey Wuth. Балабнвъ и Норма. Объявленія.

№. 188.—15 Августа.

Н. Н. Кельсиевъ. Samicia Rossa. Смѣсь: Война, чума, пожаръ. Чернышевскому, Михайлову и др. Еще шагъ. Петербургская Агримина. Платъ "Моск. вѣд." о Шварцѣ, равнодушіе къ Пейкеру. Императорскіе Самикютиды. Штабъ Мухомо. На III отдѣленіи III съ четвертью. Минералогическое общество. Кому сѣчь?

№. 189.—15 Сентября.

Н. Г. Чернышевскій. Письмо "къ одному изъ многихъ". Samicia Rossa (продолженіе). Смѣсь: Die Russen in der Schweiz. Второй Муравьевъ и Александръ II. Какъ онъ вѣренъ себѣ. Оклеветанный Катковъ. Предостереженіе евреямъ. Освобожденіе крестьянъ въ Молдовахѣхъ. Сорокъ тысячъ сер. Общій фондъ.

№. 190.—15 Октября.

"Колоколъ" на 1865 годъ. Тѣлесныя наказанія во всемъ разгарѣ. Н. Г. Чернышевскій. "Къ одному изъ многихъ" (письмо второе). Смѣсь: Владиміръ трусилеръ. Клеветники. Революционная опека. Празднательственная агитация и журнальная полиція. Убіиство въ Симбирскѣ. Увѣдомленія и объявленія.

№. 191.—15 Ноября.

"Колоколъ" на 1865 годъ. Письма къ противнику (письмо первое). Samicia Rossa (окончаніе). Смѣсь: Свиданье въ Ниццѣ. Россія деньги, польскія деньги. Нравы молодежи исправляются. Общій фондъ.

№. 192.—1 Декабря.

Что-же дальше? Опоздавшее письмо. Смѣсь: Къ злодѣйствамъ въ сумскомъ уѣздѣ. "Колоколъ" на 1865 годъ. Объявленія. Общій фондъ.

ОБЩЕЕ ВѢЩЕ.

№ 26.—1 Января.

Третье письмо къ Инокѣ. Еще разъ старообрядцы унижаются.

№ 27.—15 Февраля.

Братское слово къ учителямъ семинарій. Письмо къ Инокѣ. Притѣръ воспитанія въ духовныхъ училищахъ. Рисунокъ пароваго плуга.

№ 28.—20 Марта.

Освобожденіе крестьянъ въ Польшѣ. Православнымъ отъ православнаго.

№ 29.—15 Іюля.

Казни въ Казани. Отъ старообрядца. Письмо къ старообрядцу. Золотая Грамота. Объявленія.
